

Григорий
РАСПУТИН

Григорий РАСПУТИН

СБОРНИК
ИСТОРИЧЕСКИХ
МАТЕРИАЛОВ

ТОМ ВТОРОЙ

МОСКВА
«ТЕРРА»—«TERRA»
«Книжная лавка—РТР»
1997

УДК 947
ББК 63.3(2)
Г83

Составитель
В. КРЮКОВ

Художник
И. САЙКО

Г83 **Григорий Распутин: Сборник исторических материалов:** В 4 т. Т. 2. — М.: ТЕРРА; «Книжная лавка — РТР», 1997. — 480 с.

ISBN 5-300-01426-5 (т. 2)

ISBN 5-300-01424-9

Личность фаворита царской семьи Григория Распутина (1872—1916), роль этого человека в русской истории и по сей день оцениваются неоднозначно. В этом сборнике представлены произведения современников Распутина, многие из которых непосредственно общались с ним.

Во второй том вошли воспоминания самых разных людей, в том числе писателей, военных, иностранных дипломатов, «личного секретаря» Распутина, одной из поклонниц «старца» и др.

УДК 947
ББК 63.3(2)

ISBN 5-300-01426-5 (т. 2)
ISBN 5-300-01424-9

© Издательский центр «ТЕРРА», 1997
© «Книжная лавка — РТР», 1997

И. КОВЫЛЬ-БОБЫЛЬ

ВСЯ ПРАВДА О РАСПУТИНЕ

И. Ковыль-Бобыль.

«Вся правда о Распутине».

М.—П., 1917 г.

Иван (Алексеевич?) Ковыль-Бобыль.
Публицист. Исследователь «жизни и
деятельности Григория Распутина». В
написанном по горячим следам очерке
использовались многочисленные газет-
ные публикации того времени.

Писать о Григории Распутине сейчас, в данный момент, когда пыль от его сожженного праха носится еще в воздухе, когда те, с которыми он творил свои мерзости, еще его оплакивают, — дело трудное, щекотливое.

Это — с одной стороны.

С другой — в жизни его было так много грязного, пошлого, циничного, кошмарного, что, отражая все это на страницах нашей книги, нельзя было, без ущерба цельности впечатления, избежать некоторых рискованных сцен и картин, часто грязных и циничных, как и сама жизнь Распутина.

Что делать — из песни слов не выбрасывают. «Так было».

Многим, вероятно, покажется неудобным наше освещение отношений бывшей царицы к Распутину.

Еще раз повторю: что делать?

«Так было», так об этом говорил сам Распутин, так писали и пишут сейчас, такова молва, таково мнение лиц, близко стоявших ко двору.

Этого достаточно, чтобы и мы имели право об этом говорить, называя вещи собственными именами.

В этом отношении наша совесть спокойна.

При составлении нашей книги мы, между прочим, пользовались сообщениями о Распутине, печатавшимися в петроградских газетах: «Рус. — Воле», «Речи», «Дне», «Нов. Вр.», «Петр. лист».

И.Ковыль-Бобыль

РАСПУТИН КОНОКРАД И ХЛЫСТ

1. В ТАЙГЕ «С РАБОТЫ»

В расстоянии около пятисот верст от г. Сургута, густой девственной тайгой, широко раскинувшейся по обе стороны реки Оби, в средней части Тобольской губернии, медленно продвигались верхом, ведя еще по одной лошади на поводу, двое мужчин, по одежде похожих на зажиточных сибирских крестьян.

Взмыленные лошади осторожно ступали, сторожко пофыркивали, нервно прислушиваясь к треску под ногами сухих веток.

Сумерки только стали сгущаться. Тайга была полна таинственным переливом лесных звуков, то тихих, гармоничных, убаюкивающих, то страшных, грозных, предвещающих близкую бурю.

Ехали оба молча, наклоняясь и отстраняя руками преграждавший путь лесной молодняк. Один из них прервал молчание.

— Пора бы, паря, отдохнуть и нам, и лошадям.

— Давно бы пора, да вишь, ни полянки тебе никакой, ни заимки.

— Где уж тут заимка, не видишь разли — самой заматерелой тайгой едем. Стой! Гляди вправо, кажись, поляночка, а?

— Быдто поляна. Поворачивай!

Свернули вправо, и действительно, вблизи, в вечернем сумраке, обрисовалась большая поляна, покрытая высокой травой. Спешились, стреножили лошадей и пустили пастись. Собрали сухих еловых и сосновых веток, развели костер, расположились около, сняв с плеч берданки и положив их, вместе с патронташами, рядом с собой, на всякий случай.

Костер весело потрескивал, выбрасывая черные клубы дыма. Тихие летние сумерки струили крепкую, бодрящую прохладу, и делалось от нее зябко и приятно. Оба лежали у костра молча, раскуривали трубки, изредка лишь вспугивая руками лесную мошку, все-таки наседавшую на них, несмотря на дым, который мошка не любит и избегает.

— Кеш, а Кеш! Подложи-ка елочек в костер: больно мошкара докучает.

— А ты рыло закрой сеткой, вот и докучать не будет. Между прочим, можно и елочек подбросить, дело не трудное.

Тот, которого товарищ назвал Кешей, встал, лениво потянулся и пошел собирать сухолом. Принес большую охапку, бросил в костер. Он сразу затрепал на все лады, задымил темными пахучими клубами, а потом вспыхнул, озарив поляну ярким светом. Стало тепло, весело, и Кеша возобновил прерванный разговор.

— Думаю я так, Григорь, што таперя не надо стремить¹. Отмахали мы верстов более полтыщи, и где жа им за нами угнаться. Да и тайга не выдает, матушка, широка она и агромадна, конца-краю нет. В тайге што на воде — следа не видно.

— Пустой ты человек, Кеш, как я вижу. Пофартило нам, четыре добрых конька купили², так почему жа не стремить. Мало ли тут старателей разных бродит. Невзначай набредут, вот и тю-тю наши коньки, поминай как звали. Коньки-то добрые, в самый раз в Тюмень, на ярмарку. Сармак³ за них можно взять хороший: полкосой, а то и более, если продавать не на блат.

— То-то и оно-то, если не на блат. А как же иначе? Не нам же с тобой, Гришух, на ярмонку выводить. Без Каина не обойтица. Беспременно надоть Каину продать, а то, не ровен час, засыпися, не к ночи, да и не про нас будь сказано. Што мы фартовые, в Тюмени не то што менты⁴, и грудные дети знают. Што жа касаемо женского пола, тебе все тюменские бабы знакомы. Кто Гришуху Сухостоя, он жа Распутин, из тюменских девок не знает. Больно уж падок ты, Григорь, до бабьяго дела, вот што. Пропадешь из-за них, верно говорю.

— Не твоего ума дело. А што касаемо Каина — правильно, ему, злодею, продать надо. Жаль, добрые коньки, не хочется даром отдать. Сармак, паря, во как нужен. Дело одно я задумал, да не по плечу оно тебе, а потому и сказывать не буду.

Григорий оборвал разговор, а Кеша так и не полюбостествовал узнать, что это за дело задумал его товарищ. И оба молча курили, смотрели остановившимися глазами на пылающий костер, и бог знает куда уносились их тяжелые мысли в этот чарующий летний вечер.

¹ Стремить — наблюдать (вор. жарг. — Далее примеч. авт.).

² Купить — украсть (вор. жарг.).

³ Сармак — деньги (вор. жарг.).

⁴ Менты — полицейские (вор. жарг.).

Время было беспокойное, тревожное, вызванное японской войной и революционным движением, когда вся Сибирь, на всем своем огромном протяжении, всколыхнулась и готовилась сбросить с себя вековой гнет. Это был период огромного подъема общественных сил всей России, и Сибирь быстро и смело вступила на путь революционной борьбы со старым режимом. Чита объявила Забайкальскую область республикой, два стрелковых сибирских полка и забайкальские казаки примкнули к революционному народу и заставили генерала Холщевникова, губернатора Забайкалья, сдать правительственные учреждения новому правительству. Иркутск также был захвачен народом и революционными войсками. Правда, все это продолжалось недолго. На Читу совершил набег из Маньчжурии печальной известности генерал Рененкампф, а на Красноярск, Иркутск другой генерал, еще более печальной известности, — Меллер-Закомельский. Окруженные правительственными войсками, Красноярск, Иркутск, Чита и другие сибирские города были бессильны бороться и сдали завоеванные позиции, спокойно ожидая своей участи. Но два знаменитых генерала были беспощадны, жестоки, и народная кровь обильно оросила великий сибирский путь от Челябинска до Владивостока.

Без суда и расследования хватали кого попало, тащили к расстрелу, на виселицу, а то просто убивали на станциях и разъездах, часто своих же верноподданных.

Тяжелое, лихое время было для Сибири. И перенесла она, как и вся Россия, этот кошмарный ужас, притаилась, с надеждой ожидая грядущей расплаты.

Население Сибири формировалось исторически под влиянием колонизации и принудительной ссылки. И сюда попадали люди смелые, сильные, решительные. Политические ссыльные много содействовали культурному развитию Сибири, а уголовные — кто переходил к обычному труду, кто возвращался на прежний путь преступлений.

Указанные выше условия, с одной стороны, с другой — суровый климат, упорная борьба с природой создали сибиряка сильным, настойчивым, терпеливым, но осторожным, хитрым, человеком «себе на уме»: он зря не рискнет, хотя и не боится опасности. Поэтому и со своими преступниками крестьянство прекрасно уживалось. Еще недавно в деревнях существовал обычай «дежурной избы». Обычай заключался в том, что крестьяне по очереди топили баню, выставляли в окне горящую свечу, и бродяги ночью шли на «огонек», мылись, находили приготовленный ужин, а наутро уходили дальше, по своим делам. И

крестьяне были спокойны за свое имущество: бродяга свято соблюдал исстари установившиеся традиции взаимного договора.

3 НА ПУТИ В САВОТЕЕВО

— Однако, Григорь, отдохнули малость, надобно бы закусить. А там в путь-дорогу, ночью для нашего брата езда спокойнее. Закуска, положим, неважная: хлеб да омуль.

— Ничего, миляга, с водкой и подошву слопашь. Ну, расстилай скатерть самобраную, ставь кубашку с живой водой, оную же и монаси приемлют, и начнем пировать апосля трудов праведных, ха-ха-ха, — раскатисто засмеялся Григорий.

За закуской и выпивкой приятели оживились. И Кешка, давно собиравшийся поговорить с Григорием по душам, решил его спросить:

— Скажи, Григорь, никак я в толк не возьму. Вот ты все с попами да монахами знакомство водишь, Писание читаешь, с сехтой путаешься, а между прочим, воровать со мной ходишь, с бабами таскаешься, пьянствуешь!.. Как понимать тебя, што за человек ты? Веришь ли ты в Бога али нет?

— Вот куда ты гнешь. Это, миляга, не по воровской части. С пимами в душу мою залезть желаешь. Однако могу кое-што тебе и ответить. Стих такой на меня нашел. Ты знашь, миляга, есть емназия, есть ниверстет, а в ем хвакултеты — дохторские, по исторической и учительской части, по математике и другим разным наукам. Так вот есть такой, што и емназии пройтить не может, а другой и емназию, и ниверстет со всеми хвакултетами пройдет, а там смотри и в кадемию вступит, да ишшо на фортепянах играет. Так и я, все хвакултеты вмещаю — и поповские, и монашеские, и по бабьей части, и по воровской. Все хорошо знать, коли котелок варит.

— А нашшот Бога, как ты?

— Бога?.. В Бога, миляга, не только верить надобно, понимать его нужно. Не такой он, как попы про него сказывают и народ им пугают. Какой он есть — ни попы, ни я, никто не знает. А каков он быть должен — рассуждение иметь можно. Вот, примерно, нашшот воровства. Сказано: ништо не совершается без воли Божьей. И ворую я, значит, тоже по Его святой воле. Он, может, наказать хочет того, у кого добра много, и меня посылает волю Его исполнить, через воровство мое наказывает его и меня награждает. Когда же, скажем, я пойду воровать и меня споймают и в каталажку засадят, значит, Бог меня наказать хотел. Вот и все. А все по Его воле. И никакого ответа перед ним человек

иметь не будет: добро и зло люди выдумали, а не Бог. Он человека из глины сделал и знал, што ничего особенного из него не выйдет, потому у человека и вины перед Богом никакой быть не может...

— Вот какой ты, Григорь... Может, и правда, што ты говоришь. А с хлыстовщиной, што это у тебя за хвакултет?

— Ну, это, паря, дело десятое. Много знать будешь, старым скоро сделаешься. С нею у меня дела особые... Дааа... О бабах ты тоже спрашивал. Нет, миляга, вдовольствия лучша, как с бабой путаться. И думаю я так, што загробная жизнь в том будет состоять, што, когда человек туда, в жизнь эту, попадет, он будет себя чувствовать до скончания веков быдто на бабе лежит. И здеся это один момент — и готово, а там все время и конца этому никогда не будет. Для такого дела и умереть можно.

— Ну, это ты, Григорь, тово, врешь, быть того не может.

— Не любо — не слушай. Ха-ха-ха. Так я и думаю. Много кой-чего я думаю. Потом видно будет.

— Пустое ты мелешь. Не те времена. Я вот задумал воровство бросить. Не потому, што грех это или што. А более важные дела открываются. Народ супротив царя идет, и я так понимаю, што это правильно. За страх надоело ему служить, а за совесть никакого желанья нету. Хоть бы вот сейчас война с японцом была...

— Ишь куда тебя прет. Ну, миляга, царь — это тебе кость не по зубам. Крепок он ишшо в народе, царь-то, да и России без царя никак невозможно. Меня больше царица антиресует, вот што... Н-да-а-а... Тоже баба, да какая? Должно, как и все... Эк я разболтался. Не пора ли в путь собираться. Што-то похоже, быдто погода к дождю.

— И то правда, до Тюмени ишшо далеча. Давай седлать да в дорогу. Хорошо бы в Савотеево заехать да в дежурной избе помыться.

Пробираясь тайгой, зорко глядя по сторонам, чутко прислушиваясь к тревожной тишине, приятели направлялись в Савотеево. Григорий, видимо, был в хорошем настроении и продолжал прерванный разговор с Кешкой.

— Нашшот царя ты неправильно думаешь. Царь должен быть. Народ царя любит. Не любит холопов его — это верно. Бывал я, милой, в разных местах святых, на Афон-горе, в монастыре Макарьевском, по российским монастырям шялся, вериги носил, в Питербурхе граде был... Много видел, много думал и думаю. Мало, миляга, правды на свете, мало людей правильной жизни. А если кто и живет правильно, по-Божьему, так это старцы, юродивые — Божьи люди, некоторые из монахов. Да и то, если правду сказать, едды все они дураки круглые и никому от их святой жизни никакой пользы нету. Н-да-а-а... Которые поумнее, в столи-

цу идут и дела разные свои обдeldывают. Теперь там на старцов этих большая мода пошла. Особливо вельможные барыни к ним ластятся — и польза от этого бывает, и вдовольствия много. Я тоже кое с кем познакомился... И такое рассуждение имею, что шибко вверх подымусь. Чаво зевать. На наш век питерских дураков и дур хватит...

4. «РАДЕНИЕ»

До Савотеева пришлось ехать два дня. Приехали вечером, зашли в баню, помылись, а затем Григорий предложил Кеше сходить на «радение».

— Сегодня как раз такой день. Пойдем, я тебя выдам за своего, за «хлыста». Анфиса Филимоновна тут, пророчица-богородица, расчудесная баба, да и девки будут. Понравится, вступай в секту.

— Ну, што ж, все равно делать нечего, пойдем.

Изба Анфисы Филимоновны была большая, чистая. В комнате, где собрались хлысты, стены были украшены разными картинами, имеющими символическое значение: распятие плоти в виде распятого монаха, изображение Иисуса Христа в виде доброго пастыря, несущего овцу. «Радение» еще не началось. В комнате было человек около двадцати, больше девушек и женщин. И мужчины и женщины чинно сидели вдоль стен и слушали «Духовный алфавит». Читала Анфиса. Григорий почти со всеми был знаком, а Кешу представил Анфисе тоже как хлыста. Все присутствующие были в белых длинных рубахах, надетых на голое тело.

Анфиса предложила и прибывшим раздеться и надеть белые рубахи, которые она принесла из соседней комнаты. Затем продолжала чтение:

— «Егда б Адам не прельщен был, чрез диавола, от Евы и не вкусил бы яблока, то б и без совокупления род человеческий мог произойти и умножаться рождением от земли, яко и Адам объявился. Господь Бог, по неизреченной милости своей, снисходит к слабостям бренного человека. Да и то не есть блуд, когда брат со сестрой по взаимной склонности имеют плотскую любовь, а блуд и скверна есть брак законный, яко противный Господу. Все мы живем в плотской любви, с согласницами нашими; это не грех, потому что любовь наша основана на взаимной склонности, и Дух Святой, водящий путями нашими, снисходит к этому...»

Читала Анфиса нараспев, монотонным голосом, и, когда чтение кончила, все стали на колени и пели:

Дай нам, Господи,
К нам Иисуса Христа.
Дай нам сына твоего.

Господи, помилуй нас, грешных!
Из твоя полноты
Дай Создатель теплоты;
Наряди из нас пророка,
Чтобы силы подкрепить;
Засуди судом небесным
И не дай врагу мешать;
Ниспосли живое слово
Здесь просящим всем сердцам.
Ты Христос, ты наш Спаситель;
Иного Бога нет у нас.
Твоей силой укрепимся,
За тобой во след идем;
Прими слезы твоей твари
И поставь всех на пути...

Окончив пение, все встали, поклонились друг другу и пропели церковный стих из канона Пасхи:

«Богоотец убо Давид, перед сенным ковчегом, скакаше играя, людие же божии святии образом сбытие зряще, веселимся божественно, яко воскресе Христос, яко всесilen».

Затем Анфиса торжественным голосом произнесла:

«Сие есть реченное пророком Иоилем: и будет в последняя дни, глаголет Господь, излию от духа моего на всякую плоть, и прорекут сынове ваши и дщери ваши, и юноши ваши видения узрят, и старцы ваши сопия увидят, ибо на рабы моя и на рабыни моя во дни оны излию от духа моего, и прорекут».

Едва Анфиса успела произнести последние слова, все, взявшись за руки, пустились плясать, припевая:

Погодушка подувала,
Сине море всколыхала,
Все мосточки разорвала:
Все святые испугались. .
Один дух Святой остался
И в гусельки заиграл;
Всех он верных созывал
И в келейну собирал ..
Уж вы верны, уж вы верны,
Приидите все в моленну;
Все попарно и сходились.
Уж вы знайте, уж вы знайте,
Одевайте всяк свово!..
— Уж мы знаем, уж мы знаем,
Одеваем всяк свово!

Прыгали и плясали долго, до полного изнеможения, рубахи сползали, и продолжали прыгать обнаженными, мужчины и женщины, проделывая непристойные движения, принимая сладострастные позы.

Особенно безобразничали, доходя до неистовства, Распутин и Анфиса: совершенно голые били друг друга по разным частям тела, подпрыгивали, расходились, потом, обнявшись, пускались в дикую пляску, становились на чет-

вереньки, причем Анфиса быстро вскакивала, садилась верхом на Распутина и подпрыгивала на нем, держа его руками за волосы.

Кешка также не отставал в «радении», хотя до экстаза не доходил. Он тихо и плавно подплясывал с молодой белолицей «отроковицей», целовал, гладил ее груди и никак не мог дожидаться конца «радения».

Между тем кругом все прыгали и вертелись в безумном вихре, и из уст раздавались таинственные звуки: «Ой, дух! ой! дух! царь Бог! царь Бог! царь дух! царь дух!»

Наконец Анфиса остановилась, и за ней все собрание также притихло.

Вся экзальтированная, со сверкающими глазами, бледным нервным лицом, голая, с распущенными волосами, она стала сдавленным, взволнованным голосом петь:

Грядите, невесты,
В чертоги небесны,
Жених вас встречает,
Любезно принимает.
Он всех нас урядит,
Близ себя, прикрывши, посадит

Распутин отвечал, весь всклокоченный, с трясущейся бородашкой:

Лицом к лицу.
И всех к творцу.

Анфиса затем, дико прыгнув к Распутину, шипящим, страстным голосом крикнула: «Туши огонь».

Четыре стенных лампы быстро потушены, и все собрание, попарно, бросилось на пол, повторяя:

Уж мы знаем,
Уж мы знаем,
Одеваем всяк свою

И во мраке темной ночи, в доме Анфисы Филимоновой, началось нечто страшное, кошмарное, когда страсть перешла все границы дозволенного природой и сгорела в стихийном вихре безумного, дикого сладострастия, полного муки и жгучего наслаждения.

5. ИСТОРИЧЕСКАЯ СПРАВКА О ХЛЫСТОВСТВЕ

Наши неопубликованные в России источники относят начало хлыстовства к царствованию Алексея Михайловича, 1645 году, когда во Владимирской губернии, Муромского уезда, Стародубской волости, Егорьевского прихода, на горе Городину «спустился будто Бог-отец с неба в превеликой славе, с силами небесными, на огненных облаках, в

огненной колеснице». Силы небесные вознеслись, а верховный гость, превышший Бог, стал виден на горе в образе человека «Данилы Филипповича». Это сошествие Бога-отца считается у хлыстов вторым. Содержание учения этого следующее: «Господь-Бог просветил божественным учением Иерусалим, а Данила Филиппович, имея с ним одинаковые свойства, просветил Россию, начавши это образование с Костромы, которую и называют верховною странюю. На этих началах создана длинная повесть, передаваемая в виде страд, на память, «ибо Данило Филиппович, не имея земного начала, имеет непосредственное сношение с св. духом, от которого получает все наставления, по которым и творит чудеса. Посему, явившись на землю, он все книги свои кинул в Волгу, как ненужные, и установил не иметь книжного научения, а руководствоваться преданиями его и вдохновениями пророков их веры. За 15 лет до сошествия родился у него, по предсказанию пророков, сын Иисус Христос, по имени Иван Тимофеевич, от столетней бабы (крепостной помещика Нарышкина), в сорока верстах от города Муром, в селении Максаков». О новорожденном говорится, что, когда ему исполнилось 33 года, его позвал верховный богатый гость Данило Филиппович, живой бог Костромской губернии, в деревню Старую, где и дал ему божество в своем доме. После того оба они три дня сряду возносились на небо при свидетелях. Иисус Христос, а в мире названный Иван Тимофеевич, возвратился в свое жилище, где и начал проповедовать учение Бога-отца, Данилы Филипповича, по 12 заповедям.

Из них наиболее замечательны следующие:

1) Аз есть Бог, пророками предсказанный, сошел на землю для спасения душ человеческих. Нет другого бога, кроме меня.

2) Хмельного не пейте, плотского греха не творите. Неженатые не женитесь; женатые разженитесь. На свадьбы и крестины не ходите.

3) Заповеди содержите в тайне, ни отцу, ни матери не объявляйте.

4) Святому Духу верьте.

Догмат «плотского греха не творите» хлыстами понимается крайне своеобразно, и они допускают, после «радений», половые совокупления «в свалку». Мотивируется это тем, что Господь-Бог, по неизреченной милости своей, снисходит к слабостям бренного человека. Да и то не есть блуд, когда брат с сестрой, по взаимной склонности, имеют плотскую любовь, а блуд и скверна есть брак законный, «яко противный Господу».

С Иваном Тимофеевичем жила девица, названная дочерью Бога. Когда эта вера начала распространяться, то по

повелению царскому Ивана Тимофеевича схватили и пытали с 40 учениками; ему дали столько плетей, сколько в сложности дали им всем вместе, но не узнали, в чем именно заключается вера. Тогда царь велел привести их в Москву; сперва допрашивал патриарх Никон, но, не успев ни в чем, передал боярину Морозову; который, поняв (будто бы) святость Ивана Тимофеевича, от допросов по болезни отказался; тогда передали его князю Одоевскому, который и пытал его на Житном дворе: жег его малым огнем, повеся на железный прут, потом жег в больших кострах; пытали его также на Лобном месте и, наконец, распяли на стене у Спасских ворот, идя в Кремль, на левой стороне, где ныне часовня... Когда Иван Тимофеевич испустил дух, стража сняла его с креста, а в пятницу его похоронили на Лобном месте, в могиле со сводами, а с субботы на воскресенье он при свидетелях воскрес и явился к ученикам своим в Похре. Тут снова он был взят, предан жестоким пыткам и вновь распят на том же месте. С него была снята кожа; но одна из его учениц покрыла его простынею, которая образовала его новую кожу и проч... Он снова воскрес и еще более начал приобретать последователей, называя себя Богочеловеком; его называли стародубским Христом Спасителем. Наконец, был он взят в третий раз и обречен на жестокие мучения; но в этот раз избег таковых по случаю рождения у царя Алексея Михайловича сына Петра Алексеевича, и это потому, что будто царице было пророчествовано, что она тогда только разрешится благополучно, когда освободят Ивана Тимофеевича.

С этого времени Иван Тимофеевич стал будто явно жить в Москве, спокойно проповедуя веру свою в продолжении 30 лет. Дом, в котором он жил, и доселе называется у хлыстов Новым Иерусалимом. «Когда же превышший Бог, гость богатый Данила Филиппович из деревни Старой на сотом году прибыл в Москву в дом возлюбленного сына своего Ивана Тимофеевича и вознесся на небо при свидетелях, в день св. Василия, то начали считать и новый год уже с этого времени. После того Иван Тимофеевич был выслан из Москвы и скитался 15 лет, а когда гонение утихло, он возвратился обратно в Москву. Иван Тимофеевич умер в день св. Тихона», показав пример своего терпения и благочестия на земле; он хотя и был воплощенный сын Божий, но тело его похоронено у церкви св. Николы в Грачах, откуда он вознесся в славе своей при свидетелях для соединения с отцом своим.

Впоследствии учение хлыстов нашло много последователей. Из указа императрицы Анны Иоанновны от 7 июня 1734 года, последовавшего из святейшего синода для всенародного известия, видно, что хлыстовская ересь была уже и тогда чрезвычайно распространена, что в числе последо-

вателей ее «собирались в праздники, по ночам, разных чинов люди, старцы и старицы», что прежде этого были уже известны в этой ереси «разного звания духовных и светских чинов люди обоего пола» и проч. Сверх того, как ныне открыто из подлинных современных дел, в секте этой находились многие князья и княгини, бояры и боярыни и другие разных чинов помещики и помещицы; из духовных лиц архимандриты и настоятели монастырей, также целые монастыри обоего пола — все, без изъятия. В Москве, в одном монастыре, при соборной церкви, были торжественно похоронены под особо сооруженными памятниками в виде часовен тела главных основателей секты, которые впоследствии именным высочайшим указом императрицы Анны Иоановны повелено было вырыть и предать публично сожжению на месте казни рукою палача ..

Таким образом, по преданию хлыстов, хлыстовство возникло в середине XVII века, одновременно с появлением старообрядческого раскола. Царь Алексей Михайлович и патриарх Никон в легендах сектантов являются первыми их последователями.

Из приведенных выше данных видно, что хлыстовство, появившись в народе, очень быстро было воспринято высшими классами, так как в начале XVIII века хлыстовство имело в своих рядах уже много «князей, княгинь, боярынь и других разных чинов помещиков и помещиц».

6 НА НОВОМ ПУТИ

Неделю спустя Кеша и Григорий приехали в Тюмень. Путь был долгий, тяжелый. Лошадей продали за 200 рублей местному «каину»¹. Козодоеву, деньги разделили поровну, и решено было кутнуть у Параши, где оба приятеля частенько бывали. Здесь собирались «ширмачи»², «городушники»³, иногда даже работающие на «мокрую»⁴, вообще блатная компания.

У Параши не только кутили, в ее притоне решали всевозможные воровские предприятия, сообщались последние новости об удачных и неудачных кражах и грабежах. Это обстоятельство немного тревожило Распутина. Профессиональные воры не считали его своим, так как он не всегда воровал, а изредка, когда не было другого под-

¹ Каин — скупщик краденого (*вор жарг*)

² Ширмач — карманщик (*вор жарг*)

³ Городушник — ворующий в городе по магазинам (*вор жарг*)

⁴ Работать на «мокрую» — убивать (*вор жарг*)

ходящего дела. К случайным ворам профессионалы и специалисты относятся с пренебрежением, и часто между теми и другими происходят ссоры и драки, чего Распутин терпеть не мог, считая себя выше и умнее их.

Тем не менее решили все-таки попить у Параша, уступившей им свою спальню.

Григорий в то время хотя и имел некоторые связи в Петрограде, но его будущая известность была еще в зародыше, держал себя сравнительно прилично, довольно остроумно разыгрывая в столице роль «мистика из народа», чуждающегося земных благ.

Любя жизнь веселую, разгульную, ему приходилось поэтому добывать деньги всеми способами, в том числе и воровством. Но уже в то время у него созрела определенная цель перенести свою деятельность в Петроград, где успех его стал обозначаться в любопытстве, проявляемом к нему некоторыми дамами петроградского большого света.

Женщин, деревенских — богатых и бедных, городских — купеческого звания и титулованных, скитаясь по монастырям, он знал хорошо. В этом отношении у него был большой опыт.

В своих скитаниях по монастырям, мужским и женским, он многое видел, многое наблюдал, хорошо изучил монастырский быт, не так уж чуждый порокам и слабостям греховного мира.

Грешили и там, да еще как грешили!

И для него стало очевидным одно: сытые, богатые женщины, какого бы общественного положения ни были, приезжая в монастырь, молиться-то молились, но и в кельи к монахам ходили, частенько до темной ночи там засиживались.

Предпочитали монахов здоровых, откормленных, красивых, но и божьими странниками из народа тоже не брезговали. И тех и других одаряли щедро от избытков своих, что особенно соблазняло Гришку Распутина.

Изо дня в день тяжелый, упорный труд крестьянина, скучный и однообразный, не по душе был тяготевшему к авантюризму Распутину.

И стал он делать карьеру по духовной части.

В сектах разных перебивал и остановился на хлыстовской, наиболее отвечавшей его склонности к распутству. Наряду с этим он и по монастырям шатался, знакомство с монахами заводил, постничал, вериги носил, пока не прослыл «Божьим человеком с пророческим даром».

Правда, решив делать карьеру по духовной части, он много потрудился для этого дела, вплоть до ношения вериг, что окончательно должно было утвердить его в звании «Божьего человека».

Так оно и случилось.

Вечером Гришка и Кеша провести время сошлись у Параша. Оба были в хорошем настроении, выпивали, закусывали и толковали о разных делах.

— Шабаш, Кеш, бросаю воровать, таперя канчательно еду в Питер. Большие там дела предвижу, — сказал Гришка, опрокидывая большой стакан водки.

— Не верю штой-то я, штобы ты перестал воровать. Как быдто на тебя непохоже.

— Не, говорю, шабаш, значит — шабаш. И ты, Кеш, бросай, дела другие найдутся, верно тебе говорю. Деньги таперя есть, еду опять в Питер. В Казань только съезжу, у меня там дружок есть, архимандрит Хрисанф, возьму у него письмо — и в Питер.

— Ну, и в Питере воровать будешь, чего ломашься!

— Не, там, миляга, денежки сами будут в карман прыгать.

— Ой, допрыгашься ты, Гришка, в Питере до кандалов!.. Секта твоя, вот, ндравится мне. Вера хорошая, приятная...

— По этой части я и думаю в Питере устроиться. Понимашь: спереди — блажен муж, а сзади вскую шаташся.

— Понимаю. Под божественное — будешь с бабами путаться. Только рылом, Гришка, ты не вышел. Патрет у тебя хоша и похож на дьявола, только не на того, што баб соблазняет.

— Не говори. Какие бабы настояция, даже очинно одобряют.

— Положим, молва про тебя идет, што ты спицилист и большой у тебя талант к бабьему делу.

— Ну, давай выпьем, милой. Если повезет, встретимся — и тебя в люди выведу. Я человек не гордый, своих не забуду.

— В добрый час. Пока што в Тюмени буду. Буду ждать от тебя весточки.

— Говорю — беспременно жди. В Питере у меня дорожка проторена, в большие дворцы она ведет. Тебе одному свои планты сказываю, ценить должен. Может, год пройдет, может, более, все едино жди от меня весточки.

— Што ж, поживем — увидим.

Задушевный разговор этот продолжался далеко за полночь. Потом приятели, пьяные и радостные, окрыленные радужными надеждами, зашли на огонек к Кузьмичихе, где обыкновенно сходились местные Мессалины. Приятели были в ударе и весело провели время до утра. Утром Гришка уехал из Тюмени.

Кешка без Григория заскучал, сильно стал пить. Он часто заходил к Параше, но известий от Гришки никаких не было. И опять стал воровать. Попался, но как-то так

случилось, что его оправдали. Кончилось тем, что он отсидел семь месяцев до суда.

Приехав в Тюмень, узнал от Параши, что о Гришке ни слуху ни духу.

— Должно, в Питере в киче¹ сидит, сердешный, — грустно сказал Кеша и ушел. Ездил в Покровское, и жена Распутина сказала ему, что он жив-здоров и находится в Петрограде, когда приедет — не знает.

Это немного успокоило Кешу, и он стал его поджидать, изредка осторожно воруя. А время шло, и Кеша почти потерял надежду встретиться с Григорием.

7 ОПЯТЬ НА РОДИНЕ

Спустя года два Параша получила от Распутина письмо «спиродачею Кешке Скокореву». Он писал: «Милой мой друг Кеша. Скоро приеду у Тюмень. Не выезжай никуда. Жди. Выезд пошлю телеграмм. Григорий».

Григорий действительно через неделю послал телеграмму, а четыре дня спустя и сам приехал.

Встреча Кеши и Григория была у Параши. Григорий был неузнаваем: в шелковой голубой рубаше, поддевке и лакированных сапогах. Кеша так и ахнул, увидев приятеля.

— Ну, Григорий, не ожидал! Да разве святые такие бывают, в лаках да шелках!

— Таперя я, миляга, стал на настоящую дорогу. Сюда приедут из Питера две барыни. Одну Аннушкой зовут, с этой я хорошо знаком, другая Катя, ту не знаю, впервой сам увижу. Хотят на «радение» посмотреть, а можа, и сами «порадеют». Орудую, Кеша, скоро-скоро высоко-высоко взлечу. До царских палат достиг, с царем, царицей компанию вожу. Вот баба-то царица — изюменка!

— Не можа быть. Не врешь ли ты, друг? В ца-а-арския-я-я пала-а-ты, вот так штука! Вот это я понимаю!

— Э, миляга, не то ишшо будя... Аннушка все оборудовала. Король-баба, молодчинище, все может! У нас таперя окульклизма идет. Все занимаемся — царь, царица, Аннушка, енералы придворные, и я тут с ними.

— Какая такая кульклизма?

— Этта, милой, дело сурьезное. Сразу тебе не растолкуешь. Надо ее понимать. Короче говоря, этта такая наука. Кто ее произойдет, может с упокойниками разговаривать. Меня Аннушка долго учила. Таперя я могу с каким угодно упокойником разговор иметь, потому я

¹ Кича — тюрьма (вор жарг)

таперя мидиум... Дело очень серьезное. Правду говоря, и я тоже ишшо плохо понимаю. Тоись не то што плохо, а как бы тово... быдто...

— Ишь, чего ты разделяваешь. Нет, мне энтой навуки не понять.

— Куда тебе! Говорю — дело очень сурьезное. Касательно же других делов, примерно по бабьей части, тожа у них там по-иному, даже говорить не хотца. Да я их привожу в расейскую веру. Ну, перейдем к делу. Вот, Кеша, тебе полста рублей. Поезжай в Савотеево. Беспременно штоб Анфиса здесь была как можно скорее. А вот ишшо сто — это тебе на лопать¹. Купи все, што надо. И возвращайся скорее. Накажи Анфисе, штоб газету взяла. С Богом, милой!

Кеша простился и ушел, взволнованный и ошеломленный всем тем, что рассказал ему Гришка.

Григорий между тем пригласил Парашу и стал ей называть:

— Ты уж, Параня, тово, постарайся! Комнаты убри чисто-начисто, полы вымой да никого из шпаны² не пускай. Штоб разные сладкие закуски были, шимпанское купи. Фрухты тожа: пильцины, яблоки, словом, што найдешь. Тут две барыни питерския приедут. Большия тыщи у них, за сармаком остановки не будет.

— Ой, чо ей седни выдумал, Сухостой окаянный! Беспутная ты голова, Гришка, как был, так и остался. Да не изволь беспокоица, усе в порядке будет.

— То-то, смотри, в грязь мордой не ударь!

— Не ударю небось. Не «радеть» ли у меня собираешься? — таинственно спросила Параша.

— Будет и это. Смотри не болтай, дело сурьезное. На вечерке будет Анфиса из Савотеева, Кешка, две барыни, о которых сказывал, да монах, приятель мой, Варнава.

— Чудеса! И пройдоха же ты, Григорь Ефимыч, люблю таких. Не велика будет компания, и нельзя сказать, штоб очень честная.

Со стороны Распутина последовал определенный жест, от которого Параша вздрогнула и, плюнув ему вслед, игриво и с кокетством сказала:

— Ну, и сукин же ты сын, Гришутка! И кто же супротив тебя из нашей сестры устоять может... Искуситель!..

Через неделю приехали Кеша с Анфисой. Сообщили Гришке. Он через посланного дал знать, чтобы к вечеру все было готово и зайдет проверить. Все стали суетиться.

¹ Лопать — одежда у сибирских крестьян

² Шпана — мелкие воры (*вор жарг*)

Параша сходила в магазин, купила все, что требовалось. Стали мыть, чистить, приводить в порядок весь дом.

Наконец Параша приготовилась, как могла, и ожидала гостей. Анфиса была тут же и помогала убирать стол, покрытый белой чистой скатертью. Пришел Кеша. Он также стал неузнаваем: новые лакированные сапоги, шелковая синяя рубашка, пояс, украшенный серебряным набором, в поддевке, румяный, чисто выбритый — молодец хоть куда. Он немного волновался, не зная, как держать себя в обществе питерских барынь.

Пришел и Григорий и засуетился.

— Ну, как, готово? Есть все — закуски, фрукты, вино? Кажись, все как быть следует, — добавил он, осмотрев комнату и стол — «Газету» принесла? — спросил Анфису.

— Есть. Што ты затеваешь, беспутный? Како тако радение с винищем?

— Брось, Анфиса, ломаться. Не седни знаю тебя. Прости Бога, штоб хватило на твою утробу.

Анфиса тихо засмеялась, потупив невинно глаза.

— Што ж, пусть по-твоему, будем радеть по-новому, — ответила она, не поднимая глаз.

Распутин подошел к ней и стал что-то шептать ей.

— Ладно, ладно. Знаю, все изделаем, не беспокойся. Ученого учить — только портить.

— Вот што, братие. У нас уроде вечорки, прочтем «газету», помолимся, «порадеем» малость, если барыни не заупрямятся. Да не думаю, за тем приехали. Одну я знаю, любительница большая, толстая такая, Аннушкой звать, хоть хлебом не корми. Другая Катюша, ту в первый раз вижу. Одного поля ягоды, как я понимаю. Ролии так распределяю: Кеша будет с Катькой, я с Аннушкой, Анфиса с Варнавой.

— А меня-то ты, кавалер, забыл? Смотреть на вас, беспутных, да облизываться буду! Во мне тоже кровь играет, — рассердилась Параша.

— Эк затараторила. Ты не нашей веры и ничего не понимаешь. Это не распутство, а служение Господу Богу и во его имя умерщление плоти.

— Какая, подумаешь, мудрость мерщление ваше. Расприкрасно и я могу голая вертеться, а потом спать всю ночь с мужиком. Мерщление тожа. Коли так, я всех вас к чертовой матери, паскудов...

— Ладно, ладно, не трещи, сорока. Приведу к тебе. Монах еще тут один есть, Илиодором называется. Жулик только, не люблю его, да што с тобой, дурой, делать. Надо позвать.

— Так-то оно лучша, а то — мерщле-е-ение, паду-у-машь...

Григорий ушел, наказав всем вести себя прилично и ожидать его прихода с гостями.

Спустя час Распутин и гости приехали: два монаха, один старше, другой помоложе, и две дамы, обе в черных, просто сшитых платьях. Помолились на образа, стали знакомиться. Все, в том числе и Распутин, чувствовали себя неловко.

— Просим к столу закусить, чем Бог послал, чайку попить и Бога хвалить, — с напускной развязностью обратился Распутин к гостям. Пили чай, но разговор не клеился. Анфиса и Параша суетились, Кешка сидел мрачный и исподлобья рассматривал дам.

— Выпить бы, Григорь Ефимович, — прервал молчание Кеша.

— И што ж, дело доброе.

И стали разливать вино. После одного-другого стакана первая неловкость исчезла и компания оживилась. Дамы пили только шампанское.

— А я думала, что вы старый, Григорий Ефимович, — обратилась к Распутину та, которую он называл Катей.

— Хоша лет много, Катенька, а постоять за себя могу, во всех смыслах, Аннушка знает.

Аннушка улыбнулась и сказала:

— Да, вы, Григорий Ефимович, особенный. *Ja ne cache personne qu'on puisse euï comparer.*

— Ты, Аннушка, по-русски говори, а то мы можем думать, што ты ругаешь нас, — пошутил Григорий.

— Я сказала, что таких, как вы, мало.

Распутин засмеялся, польщенный, придвинулся к ней и обнял, плотно прижав к себе.

— Что вы, Григорий Ефимович, при всех, — запротестовала Аннушка, но он крепко держал ее, и она не могла освободиться. Нагнулся к ней и стал что-то рассказывать тихим говорком.

— Что же вы молчите! Скажите, как ваше имя и отчество? — спросила Катя Кешу.

— А вы без отчества, называйте прямо Кешей. Иннокентием звать меня.

— Кеша — это оригинально.

— Што?

— Я сказала, что ваше имя необыкновенное.

— У нас в Сибири Кеш как собак нерезаных. Очинно даже обнаковенное.

— *Se Kecha est un gros fin, хотя trop charmant,* — игриво улыбаясь, сверкая глазами, сказала Катя своей приятельнице.

— Опять по-иностранному, протестуюсь!

— Да я ничего особенного не сказала, Григорий Ефимович, не правда ли, Аннет?

— Верно, верно! Она сказала, что господин Кеша простой, интересный молодой человек, *sans facon, pardon*, — нецеремонный, ха-ха-ха! Опять заговорила по-иностранному!

— Я те дам, Аннушка, должна слушать старших! А вы што там, отцы, приуныли, потревожьте баб, вишь как раскисли.

— Не все же такие беспутные и разговорчивые, как ты, Григорий Ефимыч, — язвительно сказала Параша.

— Ты, тово, зря языком не болтай, — строго ответил Григорий и обратился к Анфисе: — Ты бы почитала «газету», Анфисушка. А пока што выпьем, штобы кругом было хорошо и нам не плохо.

— Ваше здоровье, Григорий Ефимович, ваше, господин Кеша.

— Стойтя, остановитесь, неправильно! Я поднимаю вот эту рукою стакан с шимпанским вином... поднимаю и говорю... говорю от чистой, непорочной души, значит, выпьем всем собранием за здоровье Государя императора всея Расеи Николая Ликсандровича и супруги иво Ляксандры Федоровны. Ура-а-а... — Все дружно подхватили, заорали на все лады.

— Браво, Григорий Ефимович, браво, браво! — закричали все и стали аплодировать.

— Типеря выпьем за здоровья наших дорогих питерских барынь, ура-а-а!..

— Ура-а-а! — опять подхватили, и в комнате поднялась суета и необычайный шум. Все встали, чокались, целовались и орали во все горло. Особенно усердствовал Кеша. Он охмелел, стал развязным, облапил Катю, целовал и после каждого поцелуя поднимал ее вверх и неистово орал. Монахи тоже не отставали, и Параша, и Анфиса взвизгивали и хохотали от энергичных ласк и объятий. Григорий, подхватил монументальную Аннушку и стал с ней подплясывать, потом остановился и крикнул:

— Будя, братие! Натешились — и довольно пока. Садитесь по местам, и Анфиса нам почитает «газету».

— Што ж, можно.

— А по мне, на кой кляп «газета», можно прямо приступить к «радению», — предложила Параша.

Тем не менее Анфиса своим тонким голосом, нараспев, стала читать:

— «Вышла газета из ада, какая грешным от сатаны награда. И в бесконечные веки не будет душам их отрады. В нынешний век зри всяк человек. Грех скончался, истина охромела, любовь простудою больна. Честность и верность в отставку вышла. Вера ушла в пустыню. Совесть попрана ногами, благодеение таскается по миру. Терпение скоро лоп-

нет. Ложь ныне присутствует, бесчиние в монастырях проживает, гордость с монахами познакомилась. Тщеславие игуменствует. Братоненавидение иноком поставлено. Невежество старейшествует. Сатана, предвидя кончину сих дней, приказал бесам ад наполнить разных огней. Послал бесов измерить адскую глубину, где бы можно грешных посадить за вину. Потом сатана, всед на седало, закричал на бесей весьма яро: что это грешных во аде мало? Бес подскочил и рек, что еще не скончился век, а когда придет миру конец, тогда ты будешь многим душам отец. Предстали пред князя тьмы: беспопечительные черницы; он, смеясь, сказал: «Вы зачем, святии отцы, сюда пришли, или в Царство небесное пути не нашли? Знать, вы весь век богатства ради, а не прокормления мзду сбирали; того ради и путь в царство небесное потеряли. Вы препровождали жизнь в монастырях, вам и должно быть в райских краях. Но, видно, вы в небрежении жили, что в моей области честь себе и жизнь заслужили». Бес подскочил без хвоста и сказал, что они не соблюдают поста. Ленивы были Богу молиться, надобно с нами поскорее решиться. А когда и молятся, и то вне ума, того ради Бога на них вознегодова. Предал их твоему рассуждению, чтобы доставить их разному мучению. Притащили бесы опоицу во ад; сатана сказал: «Эх ты, до чего допил, что и душу свою погубил? Припасите про него адскую темницу, вверзите его туда до Страшного суда, а когда труба вострубит, тогда неволею его в смолу горячую погрузить убедить». Явились на тот свет гордые господа. Бес кричит из ада: «Честнейшие господа, пожалуйте сюда. Я вас отменно буду угощать, огонь горящий и жупел велю восгнещать. Я, милостивые государи, повелю чай греть не в самоваре, но для роскошных и жирных здесь есть в аде большой котел на взваре. Растоплю олово на место пуншу, чтобы вам промочить скаредную и жаждущую душу». Сатана сказал бесу: что стоя рычишь, долго медлишь, багром их не тащишь? Косой давно уж тому рад, облапя сих вельмож потащил в ад. Привели бесы ростовщика во ад, который процентами богатство распространял, а излишнее неимущим не раздавал, наиначе к себе присовокуплял; он горько возопил и сказал: я успел столько процентами денег накопить, что мог бы весь ад твой откупить. Сатана в насмешку сказал: «Видно, ты здесь хочешь роскошно проживать, время тебе в преисподней побывать. Тамо узнаешь, как обижать бедных, понеже там и сам будешь в самых последних». А нищим сатана сказал: «Вы зачем сюда пришли, или в царство небесное пути не нашли? Вы о грехах день и ночь болели и тем во аде себе место заготовить повелели. Здесь места все заняли вельможи, ибо они и в житии своем были во всем мне ужожи». Нищие то слышавши, ухватили кошель, в Царство небесное и побрели...»

Во время чтения Параша все время проявляла нетерпение и призывала своего монаха к «радению».

— «Порадеть» бы пора, Варнавушка, што проку в этом чтении, а? Какое твое, андил мой, мнение?

— Погоди, Прасковья, успеется, не торопись. Ишь, плоть у тебя так и играет, так и играет...

— Я и говорю, што мерцвлять пора ее, ишшо более разыграется...

Анфиса кончила чтение. Распутин опять предложил выпить. Выпили.

— Мне очень понравилось ваше чтение, madam Анфиса, — заметила Аннушка, чтобы сказать только что-нибудь, а то воцарилось опять неловкое молчание.

— Благодарствуйте.

— Ярунда, — сердито заметил Кеша. — Быдто нет других делов. Пей, Катенька, и я выпью за твое драгоценное!

Эх, да яй своей милке
Да куплю ботинки
Новыя, шиковыя,
На подметках дырки. —

Вдруг запел он и бросился обнимать Катю.

— Ах, Кеша, какой ты невоздержный.

А сама так и льнула к этому здоровому, сильному телу.

— Гришка, давай халаты али рубахи, што ли, пора начинать. Потому «ой, дух! ой, дух!» — вновь запел Кеша.

Кешу успокоили, и разговор перешел на тему о религии и народе. Аннушка интересовалась, насколько в народе тверда вера в Бога и предано ли крестьянство царю.

— Што касательно религии, нет лучше хлыстовства, особливо «радения». Касательно царя, то правду сказать...

Григорий посмотрел на Кешу строго, толкнув под столом ногой. Кеша смутился и продолжал:

— Конечно, если правду сказать... народ царя обожает. Царицу тожа. Изюменка баба! — добавил он заплетающимся языком.

— Господин Кеша! Вы сказали бы своим коллегам, чтобы они писали письма царице о своей преданности простым русским языком, — обратилась к нему Катя.

— Эх, Катюша моя разлюбезная, у нас-то и писать мало кто может... Брось ты эту канитель, выпьем лучша!

— Мной это дело вполне организовано. В Питер послано писем достаточно, о чем я имел честь донести департаменту полиции, — серьезно сказал Варнава Кате.

— Ах, вы так любезны! Merci, grand merci! Мы, в свою очередь, тоже постараемся.

Тем временем Параша мигнула Илиодору, и они вышли в соседнюю комнату.

Аннушка, нежно глядя на Распутина, томным, ласкающим голосом уговаривала:

— Нет, Грегуар, знаешь хорошо, что здесь неудобно «радеть» по твоей программе. Приедешь в Петроград, все устроим как следует. А теперь пощади, ведь я еще неопитка, не привыкла...

— Не согласен. Это что же такое? Смотри, Аннушка, сердчать буду. В Питер не приеду.

Катя, томясь и изнывая в объятиях Кеша, запротестовала:

— *Je nefaut pas regarder derrière soi.* Мне надоело *faire le saême*. Не нужно было начинать. Очень просто, ты упрямисься, потому что не хочешь рискнуть *se mettre nu*, при твоей массивности. Ты эгоистка!

— Ах, Катиш, неужели тебя не шокирует эта обстановка... Вот что. Поедем к нам, где мы остановились. В нашем распоряжении целая квартира, и мы прекрасно проведем время, а Варнава и Илиодор останутся здесь.

— Ты как, Кеша? — спросил Григорий.

— Мне все едино, как компания. Ехать так ехать, лишь бы скорее, чего канителиться.

— *Mais ilest jovial se luxur ieux beta.* Он все торопится, ха-ха-ха! — и Катя залилась веселым смехом.

Распутин о чем-то совещался с Аннушкой, и она ему ответила:

— Ты смотри, *Gregoïre*, я тебя представила, но ты во всем слушай меня, чем оригинальнее будешь, тем лучше. Я знаю, ты ей нравишься... Все сделаем и архиереем Варнавушку назначим...

Кеша, хотя и пьяный, уловил последнюю фразу и стал требовать:

— Я тоже хочу архиереем быть, распрекрасное дело! Можешь, Катенька, это изделать? А уж ужогу я тебе за это самое — во как! Беспременно хочу, чтоб архиереем... Мы с тобой будем целоваться, а нам в колокола звонят... Чуде-е-сно...

Катя хохотала как безумная, слова не могла выговорить. Придя в себя, она обняла Кешу и ласковым голосом, сдерживаясь от смеха, сказала:

— Я тебя, Кеша, лучше товарищем обер-прокурора сделаю... — и звонко, весело опять засмеялась.

— Нет, по полиции не желаю, не хочу ментом быть. Человек я есть блатной...

— Не ментором, — поправила Катя, улыбаясь, — а по духовному ведомству.

— Если по духовному — беспременно архиреем... Однако едем, што ли? Чего время терять.

В комнату вошли, несколько смущенные, Илиодор и Параша. Но на них никто не обратил внимания: шел спор о «радении», а Анфиса, охмелевшая, дремала, прижавшись к плечу Варнавы, тоже под шумок похрапывавшего.

Наконец после долгих пререканий предложение Аннушки было принято. Еще выпили «на дорогу», пошумели, и Григорий, Кеша и петербургские дамы уехали. Так «радение» и не состоялось.

— Сармак завтра принесу, — кинул Григорий Параше, прощаясь.

— Смотри не зажиль, Сухостой!

— Qu'est ce que c'est сармак, зажиль et сухостой? — спросила Катя подругу, идя рядом с ней к большой карете, в которой обыкновенно ездят архиереи по епархии.

— Не знаю, вероятно, какие-нибудь местные слова, из крестьянского обихода, — ответила Аннушка.

Сзади плелись пьяные Григорий и Кеша, посадили не ловко дам и сами сели в карету, запряженную четверкой лошадей.

Близился рассвет. Где-то далеко, в предутреннем сумерке, прозвучал благовест, призывая к молитве.

Кучер на козлах снял шапку и истово перекрестился.

А из кареты доносился пьяный голос Кешки:

— Страсть обожаю, когда в колокола звонят. Беспременно хочу архиреем...

Слова его погасли в громком общем хохоте. Кучер сплюнул и погнал лошадей.

Так было.

СВЯТОЙ ЧЕРТ

1 ГРИШКИНА БИОГРАФИЯ

Григорий Ефимович Распутин, он же Новых и Сухостой, родился в 1864 году в слободе Покровской Тюменского уезда Тобольской губернии. Вышесредний рост, широкоплечий, с большими мужицкими руками, большая темная, рыжеватого оттенка борода, закрывающая почти весь овал лица, мясистый нос, полные чувственные губы, серые глаза, с белесоватыми точками в зрачках, обычно мутные и сверкающие резким, стальным блеском в момент раздражения — таков Распутин. Обыкновенный, рядовой тип сибиряка-чалдона, шатающегося по приискам и другим местам легкой наживы, всегда полупьяный, наглый, с гнусавой дичью, смелый и дерзкий с бабами, а потому имеет у них большой успех. Село Покровское — захудалое, глухое, бедное. И его жители даже в Сибири отличались дурной славой. Бездельники, воры, конокрады. Под стать им была и семья Распутина и сам он, когда подрост.

В молодости Григорий был каким-то особенно незадачливым. С гнусавым голосом, с нечленораздельной речью, слюнявый, грязный до последней степени, вор и ругательник, он оказывался страшилищем и для своего родного села, выдавшего всякие виды. Постоянным бездельем он вызывал гнев своего отца, и тот его неоднократно поколачивал. Но проделки его шли дальше и, по свидетельству местных старожилов, «пахли» уголовщиной. Сколько сошло их с рук будущего «старца», неведомо. Но о некоторых сохранились следы в местных судебных учреждениях. Таковы дела о конокрадстве Григория Распутина и лжесвидетельстве.

Вследствие каких-то таинственных влияний следствие по первому делу так-таки и осталось незаконченным.

В объяснение такого озорства будущего «старца» его родные и близко знавшие его ссылались на исконную страсть его к вину. «Напьется и лютым становится», — говорили они. Тогда готов он на все, даже до «греха» разойдется. Эта склонность к скандалам в состоянии опьянения осталась у него и впоследствии, когда он разыгрывал роль «вестника потустороннего мира» и пользовался неограниченным влиянием в высшем свете.

Как ни «куролесил» неудачник Григорий, отцу все же удалось его к тридцати годам женить.

Кое-как пристроил он его и к извозному промыслу. Тут случай сыграл огромную роль в судьбе этого, казалось бы, совсем пропащего забуддыги и пьяницы. Он сам передавал, что однажды ему пришлось везти духовное лицо, которое много расспрашивало его о жизни. Путник много говорил о монастырях, о спасении души...

После того вскоре начался новый период распутинской жизни, который можно бы назвать переходным и подготовительным к будущим его успехам. Григорий мало-помалу стал отставать от пьянства и сквернословия. Как определяют это состояние его близкие, он «остепенился» и «задумался». Вместе с тем он стал заботиться о некотором благообразии: начал умываться, носить более приличную одежду и пр.

С этим временем совпадают его хождения с кружкой для сбора пожертвований для построения храма и усиленные посещения монастырей и всяческих святых мест. Отец, жена и родственники были в восторге от такой перемены в характере Григория, односельчане же изумлялись и не верили в искренность его исправления.

В это время в самые отдаленные монастыри он ходил пешком и босой. Питался скудно, часто голодал, по прибытии в монастыри постился и всячески изнурял себя. Вполне точные сведения говорят, что он в то время носил тяжелые вериги, оставившие на его теле заметные рубцы. Он водится с юродивыми, блаженненькими, всякими божьими людьми, слушает их беседы, вникает во вкус духовных подвигов.

Особенно долго живет Григорий в Верхотурском монастыре Екатеринбургской епархии. Здесь он вошел в близкие отношения со старцами и, по его словам, многому научился. Был на Афоне, в Макарьевском монастыре.

В девятисотых годах он прибыл в Казань. Здесь он, как человек опытный уже в духовной жизни, вошел в общение с местным духовенством и в особенности с неким архимандритом Хрисанфом, постником, молитвенником, мистиком, впоследствии епископом. Любитель божьих людей, Хрисанф уделил Григорию чрезвычайное внимание. Передал ему многое из своего духовного опыта, как равно и сам дивился духовным способностям своего ученика, его необычайной склонности к восприятию самых трудных достижений и духовной зречести.

С письмами, полными похвал ему, он направляет его в Петроград к гремевшему уже тогда в столичном обществе славою аскета и глубокого мистика архим. Феофану, инспектору здешней духовной академии, пользовавшемуся к тому же необычайным авторитетом в «высшем све-

те». Там началась первая глава умопомрачительной карьеры в «свете» «старца», живущего среди соблазнов мира.

Знакомство Распутина с Феофаном относится к 1904 году. Духовная академия тогда была своего рода штаб-квартирой всякого рода юродивых и блаженных, а инспектор ее архим. Феофан — командующий этой убогой братией. Вот почему рекомендованный архим. Хрисанфом «божий человек» сразу же и попал в это тихое пристанище, и к нему здесь отнеслись самым внимательным образом. Архим. Феофан вскоре же был буквально пленен «старцем» и всецело подпал под его влияние. Он уверовал в его духовную опытность, в его прозорливость и в сущности вскоре признал его, невежественного мужика, своим духовным наставником и руководителем. Как воздействовал сибирский «старец» на вечно замкнутого, неразговорчивого монаха-аскета — так и осталось загадкой. Но с того времени он располагается в академической квартире инспектора академии Феофана, живет здесь как дома, возвращается сюда часто поздней ночью и вообще, когда ему вздумается, часто приходит с поклонниками и поклонницами, мало-помалу начинающими к нему льнуть. Архимандрит-мистик не только не возмущается нарушением установленных правил академической жизни, но еще более подпадает под обаяние «старца» и совершает даже поездку к нему на родину.

Такова внешняя, официально-показная сторона прошлого Григория Распутина, когда он плотно прикрылся личиной «старца»-богоискателя и делал «духовную карьеру».

Как потом оказалось, покровские слобожане не ошибались, когда говорили:

— Ой, задумал бродяга что-то, только выдержит ли? Не сорвался бы...

На постоянное жительство в Петрограде Гришка Распутин поселился лет 10 тому назад. Последнее время жил по Гороховой улице, в доме № 64, квартира 20, с женой, двумя дочерьми и сыном. Фрейлины Александры Федоровны, А. А. Вырубова и Ек. А. Шнейдер, вместе с немецкой дворцовой партией, ввели Распутина в царские покои, и он быстро пошел в гору. Приспешники царя, в своих шпионских интересах, окружили сибирского конокрада ореолом «вестника потустороннего мира» и втихомолку обдeldывали свои темные дела.

2 ЧЕРНОСОТЕНЦЫ-ШПИОНЫ

Среди приспешников царя за последнее время наибольшую роль играл дворцовый комендант генерал Воейков. Сын обер-камергера при дворе Александра II и Александра

III, то есть сын носителя того наиболее почетного придворного звания, которое пожаловано было недавно Штюрмеру, Воейков по окончании пажееского корпуса поступил в кавалергардский полк, затем получил командование гусарским полком и благоразумно женился на дочери министра двора графа Фредерикса, благодаря чему он получил должность дворцового коменданта.

Воейков — человек с хорошими материальными средствами, которые он недурно пополнил, продав кавказскую воду «Кувака» акционерной компании за 2 миллиона рублей. До какой степени велико было влияние Воейкова и до какой степени высшие сановники империи боялись затронуть его интересы, можно видеть из следующего эпизода, разыгравшегося сравнительно недавно, в то время, когда Воейков был еще собственником «Куваки». Представитель известной кавказской промышленности Г., бывший комиссионер по продаже наших государственных минеральных вод, был однажды вызван к министру торговли князю Шаховскому, который в резком тоне сделал ему выговор за то, что он позволяет себе, рекламируя кавказские минеральные воды, подчеркивать, что «Кувака» есть простая, а не минеральная вода.

«Меня вызывал к себе Воейков, — заявил кн. Шаховской, — и я имел большие неприятности. Неужели вы думаете, что я из-за ваших минеральных вод должен сломать себе шею?» Г. возразил министру, что по контрактам он обязан продавать определенное количество воды в год.

«Я вам сокращу это количество вдвое, — воскликнул министр, — но только прекратите это печатное дискредитирование «Куваки».

Воейков был главным вдохновителем всех черносотенных начинаний Николая II. При нем, когда он был командиром гусарского полка, в котором начал свою офицерскую службу и Николай, гусарский полк стал одним из наиболее реакционных. Воейков с ловкостью опытного царедворца всемерно охранял свое влияние на царя и мог сказать с полной уверенностью, что Николай не взял пера в руки, не посоветовавшись с Воейковым.

Все знают верного спутника царя контр-адмирала Нилова, носившего звание флаг-капитана царя. Звание это было чисто почетным, и только во время плаванья царя носитель этого звания исполняет служебную обязанность. Нилов исполнял ее всегда прескверно: при нем царь дважды был посажен на мель в финляндских шхерах, и Александре Федоровне пришлось по воде выходить на берег, так как было слишком мелко, чтобы подъехать на лодке. Убежденный черносотенец Нилов, однако, отличался от Воейкова тем, что никакого касательства к делам поли-

тики не имел, все его влияние, основанное на личных симпатиях к нему Николая, ограничивалось кругом, так сказать, домашних интимных вопросов.

Совершенно исключительное положение при дворе занимал министр императорского двора граф Фредерикс, лишь недавно переименовавший баронский титул на графский. Это был, после Александры Федоровны, главный столп и оплот немецкого влияния.

Немец до мозга костей, он глубоко презирал все русское и как немец, живший благами, которые сыпались на него и на весь его род щедрой рукой монарха, он был глубокий черносотенец, и его непосредственного влияния не миновало ни одно большое назначение. Весь двор считал Фредерикса крайне ограниченным, и Фредерикс действительно не разбирался в самых элементарных политических вопросах. Тем поразительнее было его влияние во всех вопросах, которые он разрешал всегда в зависимости лишь от одного признака: черносотенец или не черносотенец тот или иной кандидат, выдвигаемый на определенный пост.

Бывший гусар, затем командир лейб-гвардии конного полка, потом заведующий придворной конюшенной частью и помощник министра двора при графе Воронцове, Фредерикс — типичный представитель придворной шайки — тупой, невежественный и реакционный по глубокому своему неведению.

Полгода тому назад с Фредериксом произошел следующий эпизод. К Фредериксу обратились два влиятельных представителя иностранного дипломатического корпуса в Петрограде, живо заинтересованные в судьбах нашей родины. Оба дипломата указали Фредериксу, что создавшееся в России внутреннее положение угрожает интересам союзников, ведущих совместно с Россией войну. Они просят министра двора использовать личное влияние на царя и указать ему на необходимость пойти навстречу народу. Они подробно изложили русскому министру, в чем заключаются требования и чаяния русского народа.

Долго Фредерикс не мог понять, о чем, собственно говоря, так хлопочет «этот русский народ», и в конце концов попросил дипломатов написать ему, что он должен доложить государю. Просьба Фредерикса была исполнена, но когда записка, составлявшая одну страничку, передавалась Фредериксу, ему было сказано, чтобы он ни в коем случае не читал ее государю, а доложил ее содержание лично, так как нельзя же говорить царю о том, что иностранные дипломаты вмешиваются во внутреннюю русскую жизнь. Фредерикс заявил: «Я заучу, что вы мне написали».

При разговоре с царем Фредерикс все решительно забыл и так запутался, что царь начал нервничать. Тогда

Фредерикс вынул из кармана записку и прочел ее. Царь, естественно, спросил: «Да кто написал вам все это?» Фредерикс вынужден был сказать то, от чего его так предостерегали дипломаты. В результате получился серьезный конфликт, едва не стоивший верительных грамот одному из крупных иностранных дипломатов.

Другим столпом немецкой партии являлся обер-гофмейстер граф Бенкендорф, брат нашего покойного посла в Лондоне. Петроградский Бенкендорф всю жизнь был упорным черносотенцем и в качестве обер-гофмаршала, ведавшего одной из крупнейших частей придворной жизни, пользовался долголетним и бессменным влиянием.

С ним был близок и другой немец, тоже первый чин двора, обер-церемониймейстер барон Корф, всю жизнь проводивший при дворе и также пользовавшийся большим влиянием.

К ним примыкал недавно назначенный послом в Румынию генерал Мосолов, правая рука гр. Фредерикса, бывший начальник канцелярии министра двора. Мосолов был фактическим министром при глупом и ничтожном Фредериксе, и влияние его было колоссальное. Женатый на дочери бывшего премьера Трепова, пользуясь близостью, с одной стороны, с бюрократическими кругами, с другой — с Воейковым, Мосолов проводил самые различные дела политического характера. Назначение его в Румынию дало возможность отпустить в его распоряжение большую сумму на переезд, представительство и проч.

К той же компании принадлежал и начальник кабинета, то есть фактический министр финансов царя, генерал-лейтенант Волков, друг Воейкова и большой приятель самого царя, которого он сопровождал в Японию в бытность Николая еще наследником. Вся эта компания вместе с несколькими флигель-адъютантами, в особенности флигель-адъютантом Свечиным, состоявшим почти несменяемо дежурным при царе, составляли ядро черносотенно-придворной партии, список которой был бы неполным, если бы мы не назвали начальника придворно-конюшенной части ген.-дам. Гринвальда, человека, почти не говорящего по-русски. Он считался надежным оплотом династии, и царь смотрел на него как на человека, который во всякое время дня и ночи пойдет расстреливать презираемый им русский народ. Наконец, полезно упомянуть двух людей, совершенно неизвестных публике, но игравших определенную роль.

Один из них — генерал Гроттен, бывший лейб-гусар, затем командир армейского полка, появившийся при дворе благодаря давнишней дружбе с Воейковым. Гроттен, конечно, дружил с Распутиным и Вырубовой и при дворе Александры Федоровны в значительной степени заменил Спиридовича, известного придворного охранника.

Другой — гофмейстер Федосеев, носивший официальное звание начальника придворных гаражей. Федосеев был правой рукой лучшего друга Александра III генерала Черевина, занимавшегося, главным образом, игрой в карты и пьянством. Все дворцовые охранные дела Федосеев знал в совершенстве.

За последнее время одновременно с Протопоповым на дворцовом горизонте выплыла из мрака забвения фигура старинного друга покойного издателя «Гражданина» князя Мещерского, Бурдукова. Отношения Бурдукова с Мещерским были такого интимного характера, что Мещерской завещал Бурдукову все свое состояние, свой дом в Градненском переулке и даже свою обстановку. Протопопов, товарищу министра Анциферов и Бурдуков были фактическими хозяевами Министерства внутренних дел, где Бурдуков занимал скромное место чиновника особых поручений с жалованьем в 6 тыс. руб., а влияние Бурдукова чувствовалось даже за стенами министерства в царских хоромаш. Это — одна из характерных фигур того цикла политических авантюристов, которые известны под кличкой темных сил.

Года два тому назад, благодаря Вырубовой и Распутину, определилось влияние главноуправляющего собственной его величества канцелярией по принятию прошений, члена Государственного Совета Мамонтова, черносотенца и распутинца, но за последнее время влияние его стало слабее в противоположность статс-секретарю Танееву, отцу пресловутой Вырубовой. Вырубова действовала при дворе Александры Федоровны по непосредственным указаниям отца. Конечно, в беглом очерке нельзя подробно выяснить роль самой Вырубовой, интимнейшей подруги Александры Федоровны, но для полноты картины напомним лишь, что Распутин в течение долгих лет своего владычества пользовался исключительным поклонением со стороны Вырубовой.

У Александры Федоровны была еще одна нежная подруга — гоф-лектриса Ек. Ад. Шнейдер. Должность гоф-лектрисы была создана специально для Шнейдер, и весьма возможно, что позорным появлением на верхах политической жизни Штюрмера он обязан, быть может, в значительной степени гоф-лектрисе. Остальные фрейлины — графиня Гендрикова, баронесса Буксгевден и другие — не пользовались никаким влиянием, и вся власть при дворе Александры Федоровны была в руках Вырубовой и Шнейдер.

Очень большим влиянием на царицу пользовался и состоявший при ней бывший таврический губернатор гоф-мейстера граф П. П. Апраксин, открытый член «Союза русского народа».

И среди этих царских холопов Распутин был свой человек, «милый друг». Главное преступление последнего времени Николая и Александры Романовых — это измена и предательство. Когда осенью 1914 года военное разведывательное бюро обыскивало высокие здания Петрограда и окрестностей, отыскивая бесспорно существовавшие радиотелеграфные станции (их телеграммы перехватывались нами, но местопребывание станций не было известно), то властям, производившим расследование, пришлось прийти к выводу, что есть немецкие шпионские станции в Царском Селе. И расследование вынуждены были прекратить.

Народная молва недаром считала Царское Село гнездом немецкого шпионажа. Придворная партия — преимущественно немецкая. Министр двора даже говорил плохо по-русски. Плачевная роль Штюрмера в качестве министра иностранных дел общеизвестна. Он упорно вел Россию к позору сепаратного мира с Германией.

Союзная пресса обвиняет его, что он выдавал Германии наши дипломатические и военные тайны. Министр внутренних дел Хвостов, который был уволен за то, что поставил целью развести Николая с Александрой и убить Распутина, говорил своим близким, что у него имеются документы, уличающие двор в сношениях с Берлином.

Предательство было везде и всюду. Из письма А. И. Гучкова к начальнику штаба генералу Алексееву мы знаем, что Штюрмер и Беляев отказались от предложения Англии доставить полмиллиона ружей для нашей армии. Мы знаем, как губил в России артиллерийское дело бывший великий князь Сергей Михайлович, точно столкнувшийся с немцами для того, чтобы обессилить русскую армию. Военный министр Поливанов сообщил в следственную комиссию много материалов, уличающих этого романовского героя. Такие же факты были собраны членами Государственной думы, вошедшими в особое совещание по обороне.

Дело шпиона Мясоедова было только приоткрыто. Если расследовать его в глубину, то шпионские нити протянутся далеко вверх, к правящим, к министерствам, ко дворцам.

И мы знаем, какая яркая нить протянулась к деятельности Сухомлинова, который, еще будучи киевским генерал-губернатором, окружил себя немецкими шпионами. Его ближайшим другом, с утра и до ночи бывавшим в его доме, был родственник его жены Альтшулер, оказавшийся начальником австрийской контрразведки. Наша контрразведка хорошо знала это обстоятельство, но не предпринимала никаких мер, оправдываясь тем, что, пока Альтшулер действует под тайным нашим надзором, каждый шаг его известен. Этот Альтшулер узнал и выдал Австрии помощника началь-

ника генерального штаба австрийской армии полковника Ридля, бывшего нашим тайным агентом и прекрасно осведомлявшего наш штаб об австрийских делах.

Вместе с Альтшулером, сначала в Киеве, а потом в Петрограде, около Сухомлинова ютилась шайка других австрийских и германских шпионов, которые были в то же время поставщиками нашего военного министерства и поэтому знали все секреты оборудования нашей армии. Один из этих поставщиков-шпионов был арестован весной 1915 года в Москве, но по приказанию Сухомлинова освобожден.

3 ГРИШКА ШПИОН

И среди этих предателей, с которыми Распутин водил дружбу, был приятелем, протекает вся деятельность Распутина.

Крутом шептали, что англичане наши враги, а с немцами все равно в конце концов жить придется. Говорили, что царь с царицей тоже мира хотят с Германией. Да и со слов Николая Александровича и «царицы Саши», спрашивавших у Распутина совета, он видел, что они тяготеют к миру. Вот он и стал «потрафлять» им, совсем по-мужицки.

— Эй, слушай, царь Николай, руби мир, руби зепаратнай мир с Ерманией, вся Расея за тебя и царицу! Не бойся, с Богом! Вот я вижу тебя на белом коне, царица с детьми в кипаже сидит, на вас весь народ расейский глядит. Руби, царь, мир, руби! Ни на кого не гляди, а Божьего человека Григорья слушай!..

Так пророчествовал Гришка, потрафляя в «точку».

Когда немцы стояли под Варшавой, задолго до ее сдачи, на Распутина опять стал «накатывать» дух, и он, в царских покоях, стал пророчествовать:

— Слушай, царь Николай, слушай, царица Александра! Пущайте немца у Аршаву и далее, не надо иво побеждать. Гличане нас слопают. Ильгельм наш спаситель, никто другой! Руби, царь, мир с Ильгельмом, руби! Дух приказывает, дух велит!

Александра Федоровна также настаивала, но Николай колебался. Этот случай Николай вспомнил, когда царский поезд в революционные дни стоял в ночь на 1 марта на станции Дно. Ему доложили, что Петроград в руках народа и положение безнадежно: царь объявлен низложенным. Одно из присутствовавших лиц из состава свиты утверждает, что в эту минуту генерал Воейков воскликнул:

— Теперь остается одно: открыть Минский фронт немцам. Пусть германские войска придут для усмирения этой сволочи.

Адмирал Нилов, как он ни был пьян, возмутился и сказал:

— Вряд ли это удобно. Они заберут Россию и потом не возвратят.

Воейков продолжал настаивать, уверяя, что, по словам Васильчиковой, император Вильгельм воюет не с Николаем, а с Россией, питающей противодинастические стремления.

Государь ответил на это:

— Да, об этом много раз говорил Григорий Ефимович, но мы его не слушали. Это можно было сделать, еще когда германские войска стояли под Варшавой, но я никогда не изменил бы русскому народу.

Сказав эти слова, он заплакал.

4 ГРИШКА, ВЫРУБОВА И ПРОТОПОПОВ

Центральной фигурой кружка, сплотившегося вокруг бывшей царицы Александры Федоровны, была, как известно, фрейлина Анна Александровна Вырубова. По общим уверениям, она первая довела до сведения Александры Федоровны о «богоподобном старце» — Распутине, о его «чудодейственных» свойствах, она ввела его в придворные круги, перезнакомила его со своей родовой и влиятельной родней. (Вырубова, урожденная Танеева, разведенная жена влиятельного в свое время, блестящего офицера, капитана 1-го ранга.) Вырубова сблизилась с Распутиным едва ли не с первой встречи и не скрывала своего «поклонения».

Она же организовала оккультный кружок, в который входили и бывшие царь и царица, во главе с Распутиным.

Николай Романов с самого вступления своего на престол питал пристрастие ко всему мистическому и часто принимал участие в спиритических сеансах. При дворе, с самого начала его царствования, получили большое влияние разные проходимцы, игравшие на этой именно стороне характера Николая Романова. Первый был Папюс, затем появился Филипс и наконец Распутин. Николай никогда не обращался за советами по делам государственным к специалистам в данной области, а всегда прибегал к услугам случайных людей. Все назначения его царствования объяснялись именно этой недоверчивостью к людям и основанной на ней боязнью специалистов дела.

Среди придворных по поводу этого пристрастия к специалистам Николая ходила едкая и характерная эпиграмма:

Теперь я вас предупреждаю
Военного министра пост
Займет, как я наверно знаю,
Преосвященный Феогност

Распутин, «простой сибирский мужичок», как называл его Николай Романов, умел великолепно использовать эти качества характера бывшего царя. Распутин являлся орудием немецкой партии в широком смысле этого слова. Он был педалью, когда нужно было подействовать на волю Романова.

Помимо чисто придворного кружка германофилов, уже давно существует влиятельная немецкая партия, поставившая себе целью мирное завоевание России, превращение ее в германскую колонию. Руководители этой партии находятся в Берлине; среди них считают главным некоего Явинера, одного из директоров Дойче банка, заведующего русскими делами. Об этом свидетельствует ряд фактов. Между прочим, в момент объявления войны в Германии были задержаны как раз те лица, которые немцами считались опасными для германской промышленности в России. Немецкая партия, обладавшая исключительным влиянием, опиралась на банковских деятелей через посредство организованных на германские капиталы в России банков, на чиновничество, в особенности на некоторых чинов Министерства иностранных дел, на придворную группу, среди которой много было идейных сторонников германской партии, как, например, Фредерикс, Воейков, Вырубова, и, наконец, на остзейских баронов, издавна занимавших все сколько-нибудь ответственные посты в администрации, армии и других отраслях государственного управления.

Распутину всегда окружали клеветы и агенты этой партии, они следили за каждым его шагом и в нужный момент пользовались его влиянием в интересах своей партии. Среди них, несомненно, были германские шпионы, передававшие врагам и чисто военные тайны.

Во все время войны ведь не прекращались сношения двора с Германией.

Все еще хорошо помнят громкий скандал с фрейлиной Васильчиковой, арестованной в гостинице «Астория» и высланной из Петрограда за пропаганду сепаратного мира.

Во время обыска у Васильчиковой в ее чемоданах были найдены письма с шифрованными адресами, шифр которых удалось раскрыть. Адресатами оказались видные чины Министерства иностранных дел, чины двора и некоторые из бывших великих князей и княгинь.

Среди писем, между прочим, обратило внимание одно, адресованное Марии Павловне-старшей и исходившее якобы от одной из герцогинь Гессенских. Действительным автором этого письма, как потом выяснилось, был Вильгельм. Основная мысль письма — между Гогенцоллернами и Романовыми нет вражды и быть ее не может, война идет с народом русским, восставшим против немецкого

влияния. В письме рисуются идиллические картины «бедной» Германии, ставшей ареной голода и войны.

Васильчикову пришлось выслать сначала в Черниговскую губернию, а затем в один из глухих уездов Вологодской губернии. Не помогло на этот раз и заступничество Александры и Распутина.

Царскосельский лазарет № 79 имени А. А. Вырубовой займет свое место в истории как постоянное местопребывание наиболее ярких приверженцев Распутина, как клуб распутинцев; там даже есть особый телефон в бельевой комнате, по которому Вырубова постоянно беседовала со своим любимцем и по которому вообще велись всякие интимные разговоры.

Николай Иванович Решетников, один из «правых рук» Распутина, темная личность с уголовным прошлым. По происхождению он московский купец, давно забросивший коммерцию, некоторое время он был попечителем в одном из учреждений имени Марии Федоровны. Но отчетность в этом учреждении велась так, что очень скоро была обнаружена недостача в несколько десятков тысяч рублей попечительских сумм. Решетникову предстояло облачиться в серый халат... Но... «молитва и служба за Распутиным» не пропадали. Вместо арестантского халата Решетников получил... чин действительного статского советника и по предложению Распутина переехал в Петроград, а во время войны стал заведовать хозяйственной частью лазарета Вырубовой. Связь Распутина с Решетниковым тонет в далеком прошлом. В свои наезды в Москву Распутин почти всегда останавливался у Решетникова. Решетников женат на родной сестре бывшего тобольского епископа Варнавы, личного друга Распутина.

С год тому назад известный тибетский «целитель» Бадмаев «представил» Распутину А. Д. Протопопова. До этого времени и двор, и сам Распутин о Протопопове слыхали только как об очаровательном собеседнике, начитанном, образованном. У некоторых министров Протопопов бывал «на чаю». Своей манерой говорить, захватывать собеседника и все время вести его на поводу Протопопов очаровал Распутина. Как раз случилось, что взгляды их совпали.

— Вот башка! — сказал Распутин Бадмаеву, когда уехал Протопопов.

— Да, он дельный... — подтвердил Бадмаев.

— Куда нашим министрам... тят-ляп, тят-ляп... — и Распутин непечатно выразился. — Вот говорит...

В этот день, вероятно, была предрешена карьера Протопопова. По крайней мере, несколько дней Распутин упоминал его имя и у Вырубовой, и у себя на приемах. А через несколько дней Протопопов получил от Распутина приглашение «прийти». Протопопов, конечно, пошел. Стал

бывать довольно часто затем у Вырубовой, в последние месяцы, например, чуть ли не каждый день. Вырубовой он также понравился. У нее он познакомился с Александрой Федоровной, Головиными и другими членами кружка Александры. Николай и двор не видели в Протопопове царедворца и считали его за выскочку. Назначение Протопопова министром внутренних дел состоялось исключительно по настоянию бывшей царицы, инспирируемой Вырубовой и Распутиным, для которого Протопопов стал окончательно «своим человеком».

— Какой он министр, — сказал Николай, когда заговорили о назначении Протопопова, но постепенно успокоился внешне, когда увидел «твердую» политику Протопопова. Эта-то «твердая» политика помогла Протопопову сохранить свой пост, когда был убит Распутин. Иначе он после смерти своего покровителя немедленно был бы выжит придворной партией. Эта придворная партия относилась к Протопопову недоверчиво и не открывала ему своих дверей. В свои приезды в Царское Село даже с докладами Протопопов вынужден был довольствоваться приемами у Вырубовой, в ее особнячке на Леонтьевской улице или в Серафимовском убежище. Но Протопопов несколько этим не смущался и, не обращая внимания на полупрезрительное к себе отношение царедворцев, гнул свою линию. Распутин, чувствовавший отношение к своему протекже, неоднократно утешал его:

— Ты, Александр Митрич, больно-то не тужи, все перемелется, мука будет... Плюй на них.

И Протопопов на самом деле «плевал». Он видел, что сила не в придворных, а в Распутине и Вырубовой. Даже в последний момент, когда стало ясно, что революция взяла верх, что старый строй пал безвозвратно, Протопопов кинулся в Царское, как бы ища там себе защиты, но Царское и само доживало последние часы, и ему ничего не оставалось, как сдаться на «милость победителя».

Был один острый момент, когда Протопопов висел на волосок от отставки.

Николай решил призвать к власти А. Ф. Трепова. Трепов явился в царскую ставку и изложил ему свою программу «спасения отечества». В это время в ставке находились: генерал Алексеев, герцог Лейхтенбергский, генерал Нарышкин, граф Фредерикс, генерал Воейков и еще несколько лиц свиты.

Николай с программой Трепова вполне согласился, как и вообще со всеми всегда во всем соглашался.

— Но, — сказал Трепов, — для блага страны, для вашего счастья я не считаю возможным стать у власти, пока на посту министра внутренних дел остается Протопопов.

— Что же мне с ним сделать? — спросил Николай.

— Уволить в отставку.

Николай наклонил голову, с минуту размышлял, а потом потряс руку Трепову и сказал:

— Хорошо, Александр Федорович, будь по-вашему...

Трепов уехал из ставки, вполне уверенный, что Протопопов будет отставлен. Но... страной управлял кружок Александры Федоровны. Трепов этого не предусмотрел.

Узнавши о грозящей отставке, Протопопов немедленно явился к Решетникову. У него он застал поклонницу Распутина Воскобойникову, которая тотчас же сообщила обо всем Вырубовой. Были нажаты все педали, и Протопопов остался на занимаемом посту.

Происки отдельных царедворцев, желавших свалить Протопопова, не имели успеха, так как пойти открыто против Александры Федоровны и ее фаворитки Вырубовой никто не решался.

Протопопов был единственным министром, с которого Распутин за возведение на такой высокий пост ничего не взял. Это показывает, как говорят знавшие «старца», что Распутин, для «не своих» людей ничего не делавший бескорыстно, возлагал на него какие-то ему одному известные надежды.

5 ВЕСЕЛЫЙ РАСПУТИН

Кошмарное, гнусное было время, на фоне которого резко обрисовывается фигура наперсника бывшей царицы, пьяницы и развратника Распутина.

Он любил кутнуть, за «дамами» поволочиться, и часто можно было видеть Распутина в одном загородном ресторане, с владельцем которого, «большим хозяином», он был в дружбе.

В начале ужина Распутин всегда молчал. Язык у него развязывался тогда только, когда вино начинало производить свое действие.

Тогда он вставал с бокалом в руке и произносил тост, после которого начатая в тишине и молчании трапеза постепенно превращалась в кутеж, близкий к оргии.

Содержание тоста бывало приблизительно таково:

— Господа! Которые здесь сидят и которые все так хорошо и воедино, то дай же, Боже, чтобы которые не только здесь, но и там, чтобы все было хорошо и воедино.

Начало тоста Распутин произносил скороговоркой и нараспев. Конец же быстрым неразборчивым шепотком, крестя свою рюмку и всех сидящих за столом.

Вообще Распутин говорил с ударением на «о», неправильным языком. Вместо слова «министр» он говорил «министер».

Ко всем окружающим он обращался на «ты».

Прием многочисленных посетителей Распутина сопровождался следующей церемонией.

Лица, знакомые с ним или обращающиеся к нему по протекции, целовали его в левую щеку, а он отвечал поцелуем в правую щеку. Просители, приходящие к нему без протекции, целовали его в руку. Распутин, между прочим, не любил, когда ему целовали руку люди, в искреннем уважении которых он сомневался. Не любил он также, чтобы его называли «отец Григорий».

Просители должны были приносить в качестве дара или шитые золотом ночные туфли, или шелковую рубашку с поясом. Особенно доволен бывал он, если рубашка была собственноручной работы просительницы. Красивые просительницы могли быть всегда уверены в успехе своего ходатайства у «старца».

В некоторых случаях нужны бывали денежные дары.

Иногда ему дарили золотые вещи: кольца, браслеты, кулоны, серьги. Вещей этих Распутин не берег. Он благоволит к одному ювелиру, который за небольшие деньги скупал все ценные подарки, сделанные Распутину.

К музыке и танцам он питал неодолимую слабость. Во время кутежей музыка должна была играть непрерывно. Часто Распутин вставал из-за стола и пускался в пляс.

В плясках он обнаруживал изумительную неутомимость. Он плясал по 3—4 часа.

В такие моменты Распутин подходил к столу и разговаривал, все время приплясывая, как будто ему было трудно остановиться.

Распутина нельзя было видеть только в мужской компании — его постоянно сопровождали женщины. В отношениях к женщинам он был положительно «патологическим случаем».

Иногда за столом, не стесняясь присутствующих, он ласкал своих соседок самым бесцеремонным образом. Он не пропускал ни одной красивой женщины, будучи в то же время безгранично ревнивым. Тот, кто позволял себе ухаживать за дамой, остановившей на себе внимание Распутина, рисковал многим.

Однажды, увидев, что заинтересовавшая его особа вышла с одним господином в другую комнату, он потребовал, чтобы ее вернули, и, наговорив дерзостей ее кавалеру, заставил ее остаться в общей комнате.

В очень редких случаях он встречал у женщин отпор, хотя передают, что однажды он получил пощечину

от дамы, за которой начал слишком энергично ухаживать.

Распутину окружала группа людей, которые были неизменными участниками всех его кутежей и обдeldывали по его поручению разные «дела».

У этих людей искали протекции. Одному из них Распутин подарил портрет с подписью:

«Дельцы у Бога первые люди».

Потому он, вероятно, всегда вращался в обществе темных дельцов, мужчин и женщин, помогал им проводить темные дела, получая за «содействие» сотни, тысячи и десятки тысяч рублей.

— Знашь, милой, мне предлагают за некоторое содействие 500 рублей, содействие пустяковое, от тебя зависит, не знаю, што издедать, взять или не взять.

— Какой ты наивный, Григорий Ефимович, конечно, бери, чего их, кровопийцев, жалеть, — разрешал сановный приятель.

Так докладывал он о благодарностях сотнями, умалчивая о тысячных. И когда говорили сановникам, что Гришка зашибает деньгу, и большую, обычно сановники возражали:

— Помилуйте, какая там деньга, берет пустяки и всегда нас спрашивает.

Ловкий был «старец».

6 ДРУЗЬЯ-ПРИЯТЕЛИ

Распутин пользовался особенным расположением члена Госсовета В. К. Саблера (Десятовского). В бытность В. К. Саблера обер-прокурором св. синода особенно сказалось влияние Гр. Распутина на ход дел в ведомстве православного вероисповедания. Не проходило дня, чтобы кто-нибудь не являлся с записочкой Распутина. Записочки эти выдавались направо и налево и писались по одному трафарету: наверху крест, а затем следовало: «Милой дорогой, прими ево и выслушай. Григорий». В особо важных случаях Распутин писал: «Прими ево, выслушай, сделай все. Мне нужно, зайди ко мне, расскажи. Григорий». Нет почти ни одного сановника, который бы не получал такого рода записочек.

В синоде через Распутина в кратчайшие сроки разрешился ряд бракоразводных процессов. Десятки перемещений владык и назначений священников происходили при вмешательстве Распутина.

В. К. Саблер бывал у Распутина, принимал по его записочкам вне очереди, интересовался его судьбой и не раз, когда его положение оказывалось затруднительным, обращался за содействием к Григорию Распутину. Недру-

гов Распутина В. К. Саблер почти не принимал. Вот чем объясняется гонение на Илиодора и влияние этого ведомства на департамент полиции. Результат этого гонения известен: Илиодор бежал...

Ни для кого не составляло секрета, что епископ Варнава Тобольский, бывший огородник, полуграмотный крестьянин, был рукоположен в епископы благодаря вмешательству Гр. Распутина.

Бывший товарищ обер-прокурора св. синода П. С. Даманский был большим поклонником и почитателем Распутина. О дружбе их ходило много толков. Действительно, «старец» дневал и ночевал у Даманского. Если кому-либо нужен был Распутин, во времена владычества Саблера всегда обращались к Даманскому. На телефонные звонки из квартиры Даманского обычно отвечали:

- Григорий Ефимович еще не приехали.
- Григорий Ефимович обедают.
- Григорий Ефимович отдыхают.
- Григорий Ефимович ушли в баню...

До последнего времени на стенах в квартире Даманского красовались портреты Распутина.

П. С. Даманский так же, как и В. К. Саблер, делал все «возможное» для Распутина.

Покойный князь В. П. Мещерский хорошо знал Распутина и относился к нему почти благосклонно. Мы говорим «почти», потому что своим близким князь В. П. Мещерский неоднократно говорил, что Распутин — «гадкая личность». Несмотря на это, Распутин часто бывал в доме князя Мещерского и нередко пользовался его покровительством в различных министерствах. Князь В. П. даже вывозил его в свет.

Когда Хиония Гусева покушалась на убийство Григория Распутина в селе Покровском, кн. В. П. Мещерский одним из первых прислал сочувственную телеграмму семье Распутиных и справлялся о состоянии здоровья. Правда, в последние месяцы жизни князя его отношение к Распутину резко изменилось, и в ответ на появившуюся в печати заметку об его отношениях к Распутину покойный в своих «Дневниках» отозвался о Распутине очень пренебрежительно и называл его проходимцем. В то же время Распутин заваливал князя «записочками», и эти записочки оказывали свое действие.

А. Н. Хвостов много лет пользовался особым расположением Распутина. Последний, вскоре после убийства П. А. Столыпина, считал, что наиболее достойным преемником П. А. Столыпина мог бы быть именно А. Н. Хвостов.

Во время убийства Столыпина Распутин был в Киеве. Дня через два после события, в то время, когда врачи еще надеялись на выздоровление Столыпина, Распутин предложил союзнику Розмитальскому, выступавшему одним из наиболее

важных свидетелей со стороны обвинения в деле Бейлиса, созвать «знатных» и «популярных» киевлян для обсуждения вопроса о том, кто желателен в качестве преемника Столыпина. Собрание происходило в квартире Розмитальского, но далеко не все приглашенные явились на это собрание. Часов в 9 вечера пришел и Распутин. Собравшиеся стали предлагать своих кандидатов, но ни один из них не был одобрен Распутиным. После долгих размышлений Распутин предложил своего кандидата — А. Н. Хвостова, бывшего в то время нижегородским губернатором. Немедленно он отправил ему в Нижний Новгород телеграмму такого содержания:

«Ежели будешь во всем слушаться графа Сергея Юльевича, то будешь премьером, вместо Столыпина». От А. Н. Хвостова была получена телеграмма, в которой он крайне нелестно отозвался о графе С. Ю. Витте и отказался от предложения Распутина.

Отношения между Распутиным и Хвостовым в продолжение нескольких лет оставались обостренными. Но в 1915 году, на одном из великосветских раутов, состоялось примирение, и они снова стали друзьями. Когда же возникли слухи, связанные с именем Распутина, о возможности назначения А. Н. Хвостова министром внутренних дел, то в осведомленных кругах не было сомнения, что слухи эти имеют основание. Как известно, слухи эти действительно скоро оправдались. А. Н. Хвостов был назначен министром внутренних дел. Однако через некоторое время отношения между Хвостовым и Распутиным снова обострились. А. Н. Хвостов стал избегать Распутина. Между ними опять началась борьба, последствием которой и явилась нашумевшая история с Ржевским.

Покойный граф С. Ю. Витте также нередко пользовался услугами и советами Распутина. Граф Витте считал «старца» умным человеком и нередко совещался с ним. В начале войны, когда поднят был вопрос о воспрещении продажи спирта и водочных изделий, Распутин принимал деятельное участие в частных совещаниях, происходящих в квартире покойного графа. Гр. Витте считал, что «Распутиным нужно уметь пользоваться и тогда он принесет большую пользу». Гр. Витте пользовался услугами не только Распутина, но и его приближенных. Известно, что князя М. М. Андроникова ввел в дом покойного графа Распутин.

Пресловутый Д. Л. Рубинштейн долго добивался знакомства с Распутиным. Ему в этом помог один шталмейстер, и Распутин посетил банкира. В день посещения Распутина Рубинштейн устроил фестиваль, на котором присутствовали многие сановники. Распутин имел большой успех на этом вечере. Рубинштейн знал о влиянии Распутина, который не раз оказывал ему всевозможное содействие. При содейст-

вии Рубинштейна Распутин стал играть на бирже и нажил большие деньги. По совету Рубинштейна Распутин вел переговоры с одной дамой о покупке ее кирпичного завода. Вскоре Рубинштейн получил чин статского советника. Благодаря Распутину Д. Л. Рубинштейн близко познакомился с бывшим председателем Совета министров И. Л. Горемыкиным, и вскоре супруга бывшего председателя Совета министров принимает от Д.Л. Рубинштейна денежное пожертвование на лазарет и автомобиль для перевозки раненых.

Когда Д. Л. Рубинштейна арестовали, Распутин принял живое участие в его деле. Почти ежедневно покойный ездил по различным ведомствам и хлопотал за «Митю». Жене Рубинштейна, бывавшей почти ежедневно у «старца», Распутин месяца за два до освобождения сказал: «По в декабре выпустим Митеньку».

Со всеми своими сановными приятелями Распутин мало церемонился, и если по доброй воле они не исполняли его просьб, он совершал паломничество в Царское Село. И сановник в лучшем случае получал выговор, в худшем — уходил на покой.

Такова была сила власти бывшего сибирского конокрада и жесвидетеля.

7 ПОЭТ И ФАВОРИТ

Распутин появлялся в самых разнообразных слоях петроградского общества, где всегда был центром общего внимания. Вот, например, он на вечере у петроградского дельца. Холодная, почти холостая обстановка, полное отсутствие женской руки, но во всем щедрый, расточительный «купеческий размах». Большие покои, дорогая мебель, разлитое море вина — в такое-то время! Так и видишь, что тут примут человека на полчаса, сделают дело в несколько тысяч, справят магарыч и уедут отсюда, «с боевого фронта», опять куда-то к себе, где теплей и уютней. И странно-пестрая компания. Три или четыре заправилы больших кинематографических фирм. Представитель большого издательского дела с весьма своеобразным отливом. Артист виднейшего театра с гитарой и анекдотами. Четыре красивые дамы — все балзаковского возраста. Три писателя — В. В. Розанов, Н. А. Тэффи, А. П. Каменский. Несколько человек без речей — скромные, не то с большой застенчивостью, не то с большого похмелья фигуры. За ужином Распутин много пил и развязно ухаживал за сидевшей с ним рядом дамой.

Кто-то сообщил, что Распутин на днях очень хорошо написал про любовь, и тут же показал напечатанные на машинке листки. Про любовь так писал Распутин:

«Кто это сказал, что мой милый солнце? Какая неправда. Мой милый краше солнца. Светит солнце днем, а ночью ушло. А мой милый всегда со мной. Можно прожить без солнца, а без милого помираю каждую минутку». К концу ужина Распутин охмелел и стал изрекать афоризмы:

— У друга жену не отымай. Найди чужого, — у него отыми. Обманивай мужа, а больно ему не делай. Делай так, чтобы он про твою измену не узнал. Человека любить велено...

— Молись, чтобы я стал камень, — тогда я дам покой женщинам. А до тех пор не дам.

— Пить можно, а пьянеть не надо. Учись с меня. Много я выпил, а пьян не бываю. Сорок тысяч верст своими ногами прошел. А били меня так, как, пожалуй, другого не бивали. А смотри, какой я перед тобой сижу...

Раз даже сострил:

— Никогда не старайся, чтобы чужая жена к тебе шла. Старайся, чтобы она к тебе... бегом бежала.

Кто-то подходил и подливал ему вино. Он пил и белое и красное, галантно тянулся с бутылкой к соседке.

— Спляшешь, Гриша? — спрашивали его.

— Спляшу, обожди!

Но сплясать ему не удалось. В полночь позвали к телефону, и он, озабоченный, куда-то уехал.

На другом вечере и в другом обществе, где Распутин был среди «вершащих судьбы России», он также звонко выпил и разоткровенничался. К тому же люди все свои были, из них некоторых он же и в люди вывел, и стесняться нечего было.

— Да, милой, с Протопоповым я, кажись, маху дал.

— Как так? — спросили его.

— С Думой не может поладить. Которые царедворцы выскочкой его считают. Прямо из сил с Аннушкой выбились, защищая иво. Как-нибудь отстоим, Саша с нами. А с Николой разговор короткий. Дух велит, и шабаш. Кульклизма! Хи-хи-хи...

Но и здесь ему помешали, позвали к телефону. Вернулся встревоженным и заторопился.

— Куда ты, Григорий Ефимович? — спросили его.

— Саша требует...

— Кто, Протопопов, Александр Дмитриевич?

— Да нет! Царица. Ахтомобиль дома ждет. Так уж мне она надоела, так надоела, што и сказать не могу! Прямо не знаю, как быть. Только зачнешь в хорошей компании ужинать, смотри, телехвон. Саша требует. Тьфу!.. Означе ехать надо. — И он мелкими, торопливыми шагами вышел, даже не простившись с приятелями.

В этот период времени Гришка совершенно обнаглел. И никто не становился поперек дороги, по которой, задрав вверх рыло, шла победоносно и гордо эта «торжествующая свинья».

Напротив, дорожку расчищали и сзади плелись, за Григорием свет Ефимычем, разные титулованные и нетитулованные проходимцы.

Когда обнаружилась известная история с Ржевским, организовавшим будто бы покушение на Распутина, он поехал к Штюрмеру, кричал на него, топал ногами и ругал.

— Ах ты, старый колпак, колпак старый, почему не найдешь мово убивца!

И это на премьер-министра орал и бранился бывший сибирский конокрад. Хотя и на прохвоста Штюрмера...

Какая злостная все-таки ирония.

К этому же времени относятся и грандиозные кутежи в загородном ресторане «Вилла Родэ», с владельцем которого Гришка был в наилучших отношениях.

Кутеж обычно устраивался после того или иного темного дела.

Угощали его любимые им дельцы.

Компания шумно вваливалась в кабинет. Являлся сам «большой хозяин» Родэ и принимал заказ.

— Ты, милой, ребятам разносолы там разные, а мне монастырский салат. Да поострее. Водочки, конечно. Ушицу бы хорошо. Ты знаешь мой вкус. Мамзелев пока не пушшай. Слыхали, убить меня хотят? Шалишь, кишка тонка! Не так-то легко это изделать. Коло меня завсегда архандилы. Эй, там, служающие! Дать моим тела хранителям водочки и авсего протчаго.

В кабинете, кроме «дельцов», два генерала, полковник, Манусевич-Мануйлов и еще несколько типов, людей просто любящих выпить за чужой счет. Без них ни одна попойка не обходится.

Был и незабвенный Симонович, человек с брюшком и рыжими тараканьими усами, «секельтарь» Распутина, служивший ему с восторгом и упоением, захлебываясь в порыве усердия.

Он, этот «миляга» Симонович, сопровождал Распутина во всех его похождениях и не отставал от него вплоть до уборной, появляясь и в оной, если была в нем надобность...

Вошел лакей и стал раскладывать на столе закуски. Симонович шаром подкатился к нему, схватил из рук какую-то посуду и поставил перед Гришкой.

— Салат монастырский, Григорий Ефимович, для вас специально. Отведайте, пальчики оближете, — подобострастно сказал Симонович.

— Пальчики-то лижи ты, а я буду салат свой кушать, хи-хи-хи! — засмеялся Гришка.

— Хо-о-о-хо-хо! — стал вторить Симонович. — Это остроумно, великолепно. Надо записать.

— Пиши, пиши, на то ты и секельтарь мой, распространяющий единственность...

К Гришке подошел генерал, обнял его за талию и отвел в сторону:

— Как там в Царском? На мой взгляд, Думу обязательно распустить надо. Там черт знает что говорят, власть грязью забрасывают! Вы бы доложили, уважаемый Григорий Ефимович, что это прямо бунт!

— Докладывал, все сказывал. Разянка все виноват, допустил Думу до таких прений. Малюков обо мне тоже в Думе разговор вел. Касательно «темной силы» и прочее. Ничаво. Сейчас мы их распустим на отдых. Соберем у хвеврале, а там на покой. Прапорщиков из них изделаем. Пусть повоюют с ерманом. А Разянку мы взяли на подозрение. Тоже бунтует. Скоро перестанут. Даст Бог, все образуется. Саша у меня молодец, слушает, Микола только фостом вертит. И иво направим.

— На вас вся надежда, дорогой Григорий Ефимович. Прямо житья нет от этих нахалов.

— Пожалуйте, господа, к столу. Григорий Ефимович, просим! Сначала по водочке, настоящая, с беленькой головкой, каналья, так в рот и просится! — суетился Симонович.

9 ПОЯВЛЕНИЕ КЕШКИ

— Вот што, милой, стрельни-ка в телехвон и вызови приятеля мово, Скокорев, помощника братмейстера. Пусть приедет закусить с нами. Время ишшо раннее. Можно подождать.

Симонович стрелой помчался исполнять приказание патрона.

Манусевич стал рассказывать анекдоты и вызвал общий восторг. Кое-кто тоже пытался рассказать, но Иван Федорович, по общему мнению, побил рекорд.

Наконец, спустя полчаса появился и старый приятель Гришки, Кеша Скокорев, в форме помощника брандмейстера одной из пожарных частей Петрограда.

Многих Кеша знал, с остальными его знакомил Симонович.

— Наш будущий брандмайор, — рекомендовал он
Сели за стол, выпили и стали закусывать. Кеша попросил большую рюмку, сказав, что маленькая только вкус портит.

Вид у него степенный, сосредоточенный, исполненный неотразимого достоинства. Он мало говорит, много пьет. Ко всем, кто не генерал, относится свысока. С Гришкой держит себя свободно, подчеркивая приятельские отношения.

В глубине души все-таки надеется быть когда-нибудь архиереем. В этом отношении считает себя обиженным, а Катю неблагодарной женщиной.

— У царя был? — утрюмо спросил он Григория.

— Был. Разговор имел сурьезный. Касательно Думы... Протчаго разного... Штурмура сказал прогнать... Понимашь, старая калоша, убивца мово споймать не может! — вдруг быстро, крикливым голосом проговорил Гришка, сверкая своим стальным взглядом.

— Н-да. Што ж, кого думаешь поставить на его место? Времена скверные, палитика стала волноваться. Хлеба то-же нет. Народ кричит. Смотри, как бы чего не вышло.

— Все будя по-хорошему, не беспокойся. Солдатики нас поддержат. Охранное тоже свое наблюдение имеет. На место Штурмура полагаем Голицына князя назначить, то-же старая калоша, да што изделаешь, коли других нет. Аннушка то-же за иво. С Сашей суждение имели, одобряет. Ну, да там видно будет. Давайте выпьем!

Вино лилось рекой, настроение компании повышалось. В кабинет пригласили цыганский хор.

Уж как слава
Нашему сударю,
Григорию
Свет Ефимычу,
Слава!

Стройно пропел хор, и в пояс поклонились Гришке все цыгане. То-же сделали и все присутствующие, кроме Кешки, который молча пил и с тоской в лице глядел на Гришку.

А Гришка, подбоченясь, в торжественной позе зазнавшегося гада, стоял, нагло улыбался и самодовольно глядел на славившую его компанию.

— Шимпанского цыганам! Жива-а-а! Эй, там, валяй плясовую! — дико закричал негодай и пустился плясать.

Плясал он долго, и всем стало скучно и нудно смотреть на это осатаневшее животное.

Кешка печально вздыхал, зевал и пил все, что под руку попадало.

Наконец он на что-то решился и движением головы пригласил Манусевича. Тот подошел и сел возле.

— А как вы, Иван Хведорыч, думаете нашшот революцыи?.. Как я полагаю, слопаёт всю нашу компанию... Усвинели все мы тут, батюшка мой, особливо приятель юй... Ефимыч. Народ все понимает да на ус мотат. Хоша я свинья свиньей, а понятие... имею, крестьянин бывшой, таперя секельтарь убернской. Во дворце — Гоморе подобно. За место правительства... пустое место... быдто ени сидят, а не... человеки. Седни одне тени... завтра... ругие. На хронте кровь льется, а издеса... в Питере... прелюбодеяние великое... кражи со взломом... тоись хочу скаать... воруют и пьянствуют... Вот, примерно, как мы таперя... И придут некоторые люди... которые революция... дарют по пустому месту... И тени разбегутся, и мы с ними. Быдто нас и не было... Лехкое дело...

— Что вы, что вы, Иннокентий Васильевич! Какие ужасы предрекаете! Ничего подобного. Должен вам заметить, что ю роду своей деятельности я окуран всех событий нашей внутренней политики. И не так уж все плохо, как думаете. Самодержавие еще крепко в своих устоях, войска твердо танут за трон. Правда, наблюдается некоторое колебание в Царском. Нужны решительные меры. Победы над немцами нам не надо. Немцы — это оплот самодержавного принципа. Григорий Ефимович докладывал государю, по соглашению царицей и Анной Александровной и другими нашими патронтами, когда немцы были под Варшавой, что надо открыть фронт и пустить немцов в глубь России...

— Ну, и сволочи жа... вы все... с Гришкой вместе. Вот она штука в чем... То-то Гришка все ерман хвалит... А мне и не домек... Ах вы, сволочи... сволочи! Так вы хотите весь... народ российской немцам продать! Слушай, Ванька! — шипя давленным голосом, продолжал Кеша. — Этому не быать... Понимашь — не бы-ы-ывать! Таперя я понял Гришкину культизму... нашшот упокойников...

Манусевич пытался возразить Кешке, но тот взволнованным голосом продолжал.

— Слушай, Ванька! Говорю: слушай, не мешай! — строго крикнул Кеша. — Тебя я понимал так: вор ты, грабитель... Юд судом состоишь... и давно по тебе тюрьма плачет. Энто шшо ничего... Сам, брат, блатной был и есть. Сичас тоже на южарах... што плохо лежит... стяну. Карактер такой. Баб люблю тожа. В тюрьме сидел, все как быть следует... но штоб ясею продавать... такого характеру у меня нету... Слушай, Ванька! Если я... помощник брантмейстера, пьяница, вор и табник, так... чувствую и думаю... то как, ты полагаешь... вся ясея о вас, паскудах, мыслит? А? Любит?.. Абажает?.. Не окма за страх, но и за совесть? Вот тут вам и конец... Никакой ерман вас не спасет... Потому дажи я... и с теми... которые... ревьюция. А Гришку... Сухостоя подлого... вбить...

надо... правильно о-о... — тихо закончил Кеша и из глаз покатались слезы, расплываясь по пьяному лицу.

Манусевич старался его успокоить, но Кеша мрачно посмотрел на него, отстранил от себя рукой и погрузился в тяжелую думу.

Сцена эта прошла незамеченной. Только Манусевич в памятной книжке что-то записал.

А Гришка плясал, подходил к столу, пил шампанское, обнимал приглашенных им певиц. Те взвизгивали, принимали непристойные позы и просили у всех «на счастье».

Кутеж разгорался в кошмарную оргию.

— Эта история, однако, влетит нам в копеечку, — сказал один из угощавших дельцов.

— Зато дельце какое обделали! — ответил другой и шепнул на ухо: — Надо сейчас же послать телеграмму в Копенгаген. Время не терпит.

Кеша вдруг поднялся во весь рост и, дико вращая глазами, зычно крикнул:

— Сарынь на кичку! Сволочи! Народ идет!

— Это уж совсем неостроумно, — сказал кто-то.

И стали расходиться.

10 НАКАНУНЕ

Осенью прошлого года, в связи с назначением Протопопова министром внутренних дел, в русском обществе и с трибуны Государственной думы заговорили упорно о «темных силах», во главе которых стоял Григорий Распутин, причастный к немецкому шпионажу. Об отношениях его к «царице Саше», как он ее называл, определенно говорили даже великие князья. Да и сам Распутин их не скрывал в кругу своих друзей, рассказывая разные подробности своих посещений царскосельского дворца.

Из сознания ли опасности, угрожающей династии, из чувства ли материнства, но первым лицом за последние полгода, обратившим внимание Николая II на растущее недовольство в связи с ролью Распутина, была Мария Федоровна. Содержание разговора сына с матерью, происходившего в октябре месяце в Киеве, точно неизвестно даже членам семьи.

1 ноября имел с Николаем II продолжительную беседу по тому же поводу вел. кн. Николай Михайлович. Он явился во дворец с написанным им письмом, которое вслух прочел государю. Оно касалось не только Распутина, широко охватывая собой все вопросы, относившиеся к управлению страной, и намечало путь, по которому должен идти монарх. Резкое и обличительное, оно, по словам самого ав-

тора, могло задеть Николая II как мужа. Но царь не возражал и, взяв письмо, потом прочел его Александре Федоровне. Когда он дошел до того места, где говорилось о царице, она с яростью выхватила письмо из рук супруга и разорвала его в клочки.

Между прочим, когда речь зашла о Протопопове, Николай Михайлович сказал:

— Знаешь ли ты, что Протопопова тебе подсунули? У Бадмаева его познакомили с Распутиным.

— Я это знаю, — заметил царь.

— И ты это находишь нормальным! — изумленно воскликнул вел. кн. Николай Михайлович.

Царь промолчал.

Несмотря на резкость обличительных слов вел. кн. Николая Михайловича, царь с ним был очень любезен и, по обыкновению, отмалчивался.

— Эта манера отмалчиваться, — рассказывал великий князь, — прямо-таки отнимала всякую охоту говорить с ним о чем-нибудь. И тут еще эта любезность, ни на минуту не покидавшая его. Он положительно *charmeur*! Я даже как то сказал ему, что этим он напоминает мне Александра I... Во время разговора с ним, когда я бросал одну резкость за другой, у меня несколько раз потухала папироса. Царь любезно подавал мне спички, и я даже забывал поблагодарить его, так я волновался.

Судьба династии и тревога за Россию, толкаемую в пропасть бывшими царем и царицей под влиянием разных авантюристов, заботила великих князей все более и более. По собственной инициативе приезжала в Царское Село великая княгиня Виктория Федоровна. Когда она заговорила о непопулярности царицы, Николай II, прервав ее, сказал:

— Какое отношение к политике имеет Alice? Она сестра милосердия — и больше ничего. А насчет непопулярности — это неверно.

И он показал целую кипу благодарственных писем от солдат. Читавшие, однако, эти послания из лазаретов утверждают, что все они сфабрикованы чуть ли не по одному образцу.

В них нет того, что так характерно для солдатских писем.

Виктория Федоровна осветила положение страны и даже назвала имена лиц, достойных быть ответственными министрами. Называла нынешнего премьера князя Львова, бывшего оберпрокурора синода Самарина, бывшего министра иностранных дел Покровского, Кривошеина.

Александру Федоровну возмутили слова Виктории Федоровны.

— Эти — враги династии. Кто против нас? Петроград, кучка аристократов, играющих в бридж и ничего не пони-

мающих. Я двадцать два года сижу на троне, знаю Россию, объездила ее всю и знаю, что народ любит нашу семью.

Оба Романовы были в слепом неведении. Им казалось, что произвол в течение 22 лет должен был вызвать к ним любовь народа. Они были слепы и преступны, и Распутин продолжал быть хозяином судьбы России. Но расплата с ним была уже не за горами.

Князь Юсупов так передает о времени, предшествовавшем убийству Распутина.

«Я далеко стоял от двора, но уже давно предвидел, что он катится по наклонной плоскости. Большинство князей открыто возмущались политикой Николая, от которой он был слишком далек. Вся сила находилась в руках Александры Федоровны и ее ярых сторонников. Я назову это просто манией величия. Государыня вообразила, что она вторая Екатерина Великая, что от нее зависит спасение и переустройство России. Ее приближенные, в лице Вырубовой, Протопопова и Гришки Распутина, только разжигали эту манию величия, создавали запутанное положение, из которого не было никакого выхода.

Протопопов уверял государыню и государя, что он довольно легко расправится с «бунтарями». Воейков вел тоже свою политику. С этого дня началась так называемая придворная пляска. В ней огромную роль играл Распутин, о котором я без омерзения не могу вспомнить.

Его влияние при дворе объясняют различно, но, на мой взгляд, это был хитрый мужик, обладавший силой гипноза. Я знал людей с сильной волей, но и те поддавали под его влияние.

Первое время я не верил, что какой-то Распутин может назначать и смещать министров и творить свое растлевающее влияние. Но вскоре я узнал горькую истину. Все усилия стоявших далеко от двора, где психоз стал какой-то эпидемией, разбивались в Царском Селе и не шли дальше обычных переговоров. Все как один человек говорили, что придворная партия с Александрой Федоровной доведет Россию или до гибели, или до полной анархии. Но они не вняли ни голосу своих близких, ни представителей народа. И с каждым часом близился роковой момент развязки.

Николай Александрович за последний год окончательно потерял волю и всецело подпал под влияние Александры и ее друзей. Я помню, моя мать, предвидя грозный час, решила на отчаянный шаг. Она пошла к государыне и высказала ей всю правду, предостерегая ее от печальных последствий. Она пыталась уговорить государыню, чтобы последняя не препятствовала созданию новых реформ и ответственного министерства, что в этом и есть единственное спасение их дома, и пр.

Александра не возражала, а молча слушала мою мать. Под конец разговора она согласилась с доводами моей матери и сказала, что подумает.

Прошло несколько дней, и я узнал, что при дворе ходят неприятные слухи против моей матери, что государыня очень недовольна ею. Таких попыток было несколько, но все они не увенчались успехом. Государыня была нема ко всем мольбам. Обращаться же к государю было лишней тратой времени.

Крупную роль играл при дворе друг Распутина, доктор Бадмаев. При дворе ходило много разных противоречивых слухов, так что трудно было добраться до настоящей истины. Одно я могу сказать, что Николая Александровича поили разными снадобьями, составленными тибетским светилом. В этом близкое участие принимал и Распутин. За последнее время государя довели почти до полного сумасшествия и его воля совершенно исчезла. Во всех своих государственных делах он исключительно советовался с Александрой, которая вела его к пропасти.

Но Бадмаев работал настолько осторожно, что не оставлял почти никаких следов. Я бы сказал многое, но не хочу в такое тревожное время обливаться грязью тех, которые для России уже не играют никакой роли. Однако скажу, что при дворе царил какой-то кошмар, что там с каждым днем становилось все меньше и меньше людей».

Таковы воспоминания из недавнего прошлого князя Юсупова.

Александра Федоровна Романова была злым гением не только России, но и всей бывшей императорской фамилии. С первых же дней пребывания в России бывшей принцессы Гессенской князя были взяты под подозрение и во дворце были очень редкими гостями. Слухи о временщиках и фаворитах доходили к родственникам царя из третьих-четвертых уст.

Выдвинулся Распутин... Но его сперва прятали, и многие члены династии увидели его впервые в Москве на торжествах по случаю трехсотлетия дома Романовых. На клиросе, в толпе певчих, жался очень неуверенно тюменский мужичок, слух о котором уже пошел по всей Руси великой. Придворная прислуга очень тактично охраняла на клиросе друга царской семьи.

По мере того как Распутин из салонов и будуаров высоких психопаток все ближе подходил к трону, в Царском Селе отмежевывались от великих князей все дальше и дальше.

Судьбы великих князей находятся всецело в руках старшего в роде, сидящего на троне. Он может сделать с великим князем все, что ему заблагорассудится, и решения его для князей безапелляционны.

В 1911 году великие князья, учитывая влияние ненавидящей их царицы, просят царя разрешить им собраться для пересмотра законов о царствующем доме и некотором раскрепощении князей.

Царь разрешает собрания, и на них создается новый закон о вольностях родственников царя, под редакцией князя Андрея Владимировича, военного юриста по образованию. Князья вносят в новый закон пункт о праве свободного выбора жены, хотя бы и не царственной крови.

Автор закона Андрей Владимирович везет свой труд в Царское Село на утверждение царю, но тот отказывает ему даже в приеме.

Александре Федоровне вовсе не улыбалась роль конституционной царицы даже для великих князей, и послушный муж идет по указанному пути.

Распутин распустился пышным цветком и перешел уже все пределы, дозволенные и недозволенные. С каждым днем влияние его растет и крепнет, а гнет становится невыносимым. Возникают разговоры о необходимости убрать со ступеней трона зазнавшегося распутного мужика.

Князья чуть ли не открыто говорят, что Распутин волочит в грязи царскую порфиру. Возникает в семье царских родственников что-то вроде союза спасения династии и России.

Еще за десять дней до убийства Распутина шепотом из уст в уста тесного круга лиц, близких к дворцовой оппозиции, говорят, что готовится ликвидация Распутина.

11 КОНЕЦ РАСПУТИНА

17 декабря 1916 года утром в Петрограде распространился слух, что на Мойке в особняке князя Юсупова убит Григорий Распутин.

В течение целого дня, 17 декабря, несмотря на то что весь город интересовался этим делом, почти никто, за исключением, может быть, двух-трех лиц, не знал, где во всех этих рассказах истина и где вымысел. Многие склонны были даже думать, что и вообще ничего трагического не случилось, а на самом деле Г. Е. Распутин, как это нередко с ним бывало, действительно уехал с целью покутить и застрял на месте кутежа.

Такое объяснение казалось тем более правдоподобным, что домашние Г. Е. Распутина не думали беспокоиться по поводу отсутствия главы дома и почти до четырех часов дня 17 декабря ничего еще не знали о городских слухах.

Когда около двух часов дня позвонили по телефону в квартиру Г. Е. Распутина и спросили, где хозяин, откуда совершенно спокойно ответили, что Г. Е. нет дома, но что

он будет дома к вечеру. Когда же после выхода вечерних газет стали звонить в квартиру «старца» и спрашивать, насколько верно сообщение о его смерти, из квартиры отвечали проклятиями.

Однако в тот же день, вечером, и на следующий, 18 декабря, было установлено, что в ночь с 16 на 17 декабря действительно в особняке князя Юсупова убит Григорий Распутин. Убийство совершено при следующих обстоятельствах.

Около часа ночи к дому № 64 по Гороховой улице, в котором жил Распутин, подъехал автомобиль без номера, с потушенными огнями.

Рядом с шофером сидел молодой человек в штатском платье.

Дворник часто видел этого молодого человека приезжающим к Распутину и пропустил его во двор.

Молодой человек прошел к Распутину черным ходом. Он приехал пригласить его на раут к кн. Юсупову.

Вскоре молодой человек вышел вместе с Распутиным. По словам дворника, они, усаживаясь в автомобиль, громко смеялись и разговаривали.

Автомобиль быстро помчался по направлению к Мойке, а затем остановился у особняка князя Юсупова.

Как только молодой человек с гостем вошли в особняк, один из присутствовавших взял лежавший на столе револьвер и вручил гостю со следующими словами:

— Мы приговорили тебя к смертной казни, стреляйся.

Гость взял револьвер и направил его на одного из присутствовавших. Тогда к нему подбежал средних лет мужчина и ударил его по руке. Раздался выстрел, и пуля угодила в находившуюся в комнате собаку, убив ее наповал. Тогда все собравшиеся вынули из карманов револьверы и стали поочередно стрелять в гостя.

По словам дежурившего недалеко от особняка городского, в 1 час ночи, проходя мимо особняка, он услышал в особняке выстрелы, разбудил дворника и просил впустить его в дом для выяснения причины стрельбы. Дворник разбудил управляющего домом, и тот отправился доложить собравшимся о городовом. Объясняться с городовым вышел средних лет мужчина и, вручив городовому карточку, убедил его, что убита собака, и предложил ему покинуть дом и ни о чем никому не говорить. После этого все присутствовавшие связали тело убитого по рукам и ногам, привязали к ногам большой булыжник и по черной лестнице вынесли в соседний двор, где их уже ожидал черного цвета автомобиль. Автомобиль отправился по Каменноостровскому проспекту на Петровский остров.

По другой версии, раут, разумеется, был только предлогом. До того в разные дни были сделаны два или три

такие же приглашения, но всегда что-нибудь мешало. Наконец приглашение было принято. Оно было передано по телефону. Распутин был в веселом расположении духа. Он надел красивую верхнюю рубашу, тем более что на рауте предполагалось присутствие дам.

Автомобиль приехал к приглашенному в половине первого ночи. Один из участников был шофером. После того как автомобиль подъехал к назначенному дому, дверь отворилась, и приглашенный вошел и громко сказал: «А, здравствуй, миленький». Это относилось к встречавшему лицу. Вскоре после этого к тому же дому, но уже с другого переулка, подъехал другой автомобиль. Фонари его были погашены. В этом автомобиле и было потом вывезено тело к Петровскому мосту.

Участников ужина было шесть человек. Тело убитого имеет в себе несколько пулевых ран, причем будто бы пули эти различного калибра. Одна рана нанесена в голову, выше виска, почти в упор. Несмотря на это, раненый, большой физической энергии, бросился бежать, истекая по дороге кровью и пачкая полы. Ему стреляли вдогонку. Смертельной оказалась третья пуля. Участники убийства, люди из высшего общества, были в затруднении, что сделать с телом. Они не хотели вмешивать слуг, но сами не имели желания копать, например, для могилы мерзлую землю. Поэтому они и решили попросту сбросить тело с моста в воду. Они связали убитому ноги, привязали к веревке тяжелый груз, потом перенесли тело в автомобиль с погашенными фонарями и отвезли его на Петровский мост. Пониже моста есть большая полынья. Они сбросили тело с моста в воду. Оно сначала ударилось о край одного из плашкоутов; на досках остались кровавые следы. Тут же на плашкоуте осталась калоша убитого. Лицо пострадало именно от этого удара о плашкоут.

От сотрясения груз оборвался, и тело, освободившись, уплыло по течению и попало под лед. Течением прибило его ближе к берегу напротив убежища престарелых артистов. Там его и нашел старший городской Андреев в понедельник поутру. Но когда он прорубил лед и стал вытаскивать тело, оно вырвалось у него из рук и нырнуло назад в воду. Именно тогда и оторвался воротник шубы. Впрочем, Андреев все-таки вытащил тело.

Член Государственной думы, присутствовавший при убийстве, на следующее утро уехал особым поездом на Запад. Другие участники дела тоже хотели уехать, но им пришлось воротиться с вокзала домой.

Кто стрелял, кто убил — это знает тесный круг лиц, причастных к освобождению России от Распутина. Но они дали клятву сохранять в тайне историческую ночь в особняке Юсупова и хранят ее свято.

Молва называла имена четырех: владельца особняка Юсупова, великих князей Дмитрия Павловича и Иоанна Константиновича и В. М. Пуришкевича.

Царское Село избрало из этих четырех действующих лиц двух: князя Юсупова и Дмитрия Павловича. На них обрушился гнев царицы.

Юсупова кто-то допрашивал, а Дмитрий Павлович просто временно был арестован на дому, откуда ночью в сочельник был отправлен в Персию, не будучи даже ни разу допрошен.

Водолазные работы, производившиеся 18 декабря у Новоаптекарского моста, были закончены около десяти часов вечера ввиду полной невозможности дальнейшего их продолжения. От моста по течению было обследовано более ста саженей, но все было безрезультатно. Поиски возобновились рано утром. Обследовался район за рекой, занятой участком Е. В. Атаманова, с несколькими жилыми постройками, арендуемый от кабинета. При производстве водолажных работ находился особый полицейский наряд из чинов речной и наружной полиции.

В 8 час. 40 мин. утра старик городской речной полиции по первой дистанции Андреев стал разметать метлой затянувший поверхность промоины довольно плотный лед, который был совершенно чист. Всматриваясь, Андреев заметил какой-то темный комок, вмерзший в лед и даже слегка приподнимавшийся над его поверхностью. Обрубив пешней замеченное место, Андреев обнаружил край воротника собольего меха и немедленно сообщил о своей находке дежурившему полицейскому надзирателю.

Несколько человек городских быстро обрубали полусаженный квадрат льда, и когда раздробили последний, то обнаружили человеческий труп. Труп был немедленно извлечен на поверхность и перенесен на береговой откос. Немедленно по телефону из убежища для престарелых артистов было сообщено старшим чинам полиции; через четверть часа на место случая прибыл районный полицеймейстер генерал-майор Галле, а за ним начальник охранного отделения генерал-майор Лобачев. Вскоре прибыли генералы Курлов и Попов. Последние подвергнули осмотру труп, немедленно довели о находке до сведения министра внутренних дел.

19 декабря в 11 часов утра был произведен повторный осмотр вытасченного трупа, который производился с мельчайшими подробностями. Карманы платья, в которое был одет труп, осмотру подвергнуты не были. С прибытием прокурора судебной палаты Завадского и судебного следователя по особо важным делам Середы все присутствующие направились в один из домов участка Атама-

нова, где приступили к составлению подробного акта, значительная часть данных для которого была дана прибывшим по вызову полицейским врачом. Из осмотра трупа видно, что Распутину было нанесено три огнестрельных раны, из которых одна в голову, другая в грудь и третья в бок. Первая из этих ран, в голову, вызывает некоторые сомнения, вследствие того что на голове был обнаружен значительных размеров кровоподтек, который, по-видимому, произошел оттого, что брошенный головой вниз труп, прежде чем упасть в воду, ударился о сваи моста. Об этом, между прочим, свидетельствует кровавое пятно на балке. Шуба не была надета на трупе, он был просто обернут в нее, причем был еще обмотан довольно широким куском сукна темного цвета длиной около трех аршин. Ноги трупа оказались связанными тонкой бечевкой. По-видимому, у трупа были также связаны и руки, но бечевка развязалась при его падении, и труп застыл с приподнятыми кверху руками. Кроме шубы, на трупе была надета длинная русская верхняя рубаша с красивой вышивкой и синеватого цвета брюки и сапоги без калош.

С прибытием перечисленных выше старших чинов администрации труп был прикрыт двумя кусками черной материи.

В этот промежуток на место случая почти ежеминутно подъезжали автомобили. В числе прибывших были епископ Тобольский Исидор, несколько групп военных и, кроме того, автомобиль, в котором прибыли лица, близкие к убитому, в том числе Симонович. Тут же присутствовало несколько журналистов. От места нахождения трупа к выходу на Петровский проспект была установлена длинная цепь городских, не пропускавших никого к трупу без специального на то разрешения. К осмотру были допущены во время составления акта только два или три лица.

Тело Григория Распутина, как это было решено при составлении акта, надлежало отправить в прозекторскую судебно-медицинского кабинета Военно-медицинской академии на Нижегородскую улицу Шоферу грузовика, везшему гроб, было отдано приказание ехать на Нижегородскую улицу Сопровождал грузовик автомобиль, в котором находилось двое лиц охраны, которые по прибытии грузовика на Выборгскую сторону изменили намеченный маршрут — тело было направлено в покойницкую при Чесменской богадельне, за Московской заставой, в семи верстах от города. Около тела была установлена охрана.

Чесменская богадельня была избрана, главным образом, для того, чтобы не привлекать внимания публики.

Труп Распутина был отправлен в Чесменскую богадельню с соблюдением строжайшей тайны.

19 декабря между двумя и тремя часами дня в центральный гараж Красного Креста (Ковенский, 5) явился пристав 2-го Литейного участка Прямухин и обратился к заведующему гаражом инженеру Величко с требованием предоставить в его распоряжение, по приказу градоначальника Балка, закрытый санитарный автомобиль. Вместе с шофером Желобовским Прямухин прибыл в резерв столичной полиции на Гончарной улице, не сообщив ни шоферу, ни Величко цели и места назначения поездки. В резерв столичной полиции в автомобиле заняли места начальник резерва, околоточный надзиратель, два городских и пристав, захватив с собою предварительно широкий брезент с веревками. Шоферу было приказано ехать на Петровский остров. Оставив автомобиль с шофером в стороне от места находки трупа, чины полиции вскоре возвратились, везя на санках два обернутых в брезент и рогожу тюка, в одном из которых находился труп.

Заметив собравшуюся у автомобиля толпу, пристав громко приказал везти труп в прозекторскую военно-клинического госпиталя, что на Выборгской стороне. Однако, когда все было готово к отъезду, к автомобилю, запыхавшись, подбежал некий генерал и шепотом велел шоферу ехать в Чесменскую богадельню. Рядом с шофером сел городской, а вместе с трупом и шубой, внутри кареты, поместились околоточный и два городских. Позади санитарной кареты, не отставая ни на шаг, ехал открытый автомобиль, в котором находились помощник пристава 2-го Петроградского участка Васильев и начальник сыскной полиции Кирпичников.

В Чесменскую богадельню процессия прибыла в сумерки. На столе в часовне лежал труп одного из обитателей богадельни — старика-инвалида. Помощник пристава Васильев приказал немедленно «сбросить» труп на пол, что городские и исполнили. С шумом ударились голова старика о каменные плиты часовни. Ногами городские отпихнули его подальше в угол. Впоследствии ко времени ожидавшегося приезда высокопоставленных лиц труп инвалида перенесли в холодную покойницкую. На место старого воина на стол осторожно и любовно уложили любимца двора. Около десяти часов вечера автомобиль Красного Креста выехал из богадельни в гараж.

Вскрытие тела Распутина состоялось 20 декабря. Производивший вскрытие профессор Д. Косоротов так об этом передает:

— 19 февраля я был предупрежден и приглашен письмом судебного следователя на вскрытие тела Распутина, назначенное на утро 21 декабря в часовне Чесменской богадельни.

20-го утром я сделал необходимые распоряжения служителям касательно инструментов, препаратов и проч. В этот

же день, по старому обычаю, мы, однокурсники Военно-медицинской академии, праздновали 37-ю годовщину окончания курса. На обеде в скромном ресторане нас собралось немного. Было около семи часов вечера, когда меня попросили к телефону. Со мной говорили из анатомического института и извещали о том, что прибыл товарищ прокурора, а также следователь, которые экстренно вызывают меня на вскрытие. Я объяснил, что обедаю и не могу явиться; если же кому-либо угодно меня видеть, то я прошу пожаловать к себе в ресторан. Вскоре туда явились товарищ прокурора и следователь в автомобиле. Мой служитель оказался тут же, рядом с шофером, и мы поехали на вскрытие.

При вскрытии найдены весьма многочисленные повреждения, из которых многие были причинены уже посмертно. Вся правая сторона головы была раздроблена и сплющена вследствие ушиба тупа при падении с моста. Смерть последовала от обильного кровотечения вследствие огнестрельной раны в живот. Выстрел произведен был, по моему заключению, почти в упор, слева направо, через желудок и печень с раздроблением этой последней в правой половине. Кровотечение было весьма обильное. На трупе имелась также огнестрельная рана в спину, в области позвоночника, с раздроблением правой почки, и еще рана в упор, в лоб (вероятно, уже умиравшему или умершему). Грудные органы были целы и исследовались поверхностно: но никаких следов смерти от утопления не было. Легкие не были вздуты, и в дыхательных путях не было ни воды, ни пенистой жидкости. В воду Распутин был брошен уже мертвым. Упомяну, кстати, что исследование трупа производилось при очень неудобной обстановке, при керосиновых лампах, причем для осмотра полостей груди и живота приходилось вносить лампу в самую полость.

Мне часто приходилось, — говорит Косоротов, — производить различные трудные и неприятные вскрытия. Я — человек с крепкими нервами и, что называется, видал виды. Но редко мне приходилось переживать такие неприятные минуты, как в эту жуткую ночь. Труп производил на меня неприятное впечатление. Это козлиное выражение лица, эта громадная рана на голове были тяжелы даже для моего испытанного глаза. Особенное впечатление произвела на меня эта торопливость при производстве вскрытия. Туда приходила одна молодая полная дама и затем еще одна молодая женщина, которые настаивали на том, чтобы все по возможности было скорее закончено. Об этом же меня просили и следственные власти, но я нашел необходимым сделать свою работу методично и добросовестно. По моему мнению, Гр. Распутин был убит выстрелом из револьвера. Одна пуля была извлечена; другие же выстрелы сделаны на близком расстоя-

нии, и пули прошли навывлет, так что нельзя дать заключения о том, сколько человек стреляло.

Мы пили чай после вскрытия, чтобы немного отдохнуть от этого тяжелого зрелища, и я ясно помню недоуменные взгляды, которые бросали друг на друга представители следственной власти. Гр. Распутин был крепкого сложения: ему было 50 лет, и я припоминаю, как мы в разговоре между собой, делясь впечатлениями, говорили, что он прожил бы еще столько же. Несомненно, что Распутин был убит в пьяном виде: от трупа несло коньяком. Мозги его были нормальной величины и не носили следов каких-либо патологических изменений.

Я считал своим долгом не предавать гласности всех этих данных до суда; но в настоящий момент предварительное следствие по делу об убийстве Распутина-Новых прекращено новым министром А. Ф. Керенским, и поэтому я могу о нем высказаться.

12 ПОХОРОНЫ

В тот же день, после вскрытия, около одиннадцати часов вечера, по распоряжению градоначальника Балка в Чесменскую богадельню прибыли два автомобиля — санитарный и открытый. В эту ночь всем церемониалом отпевания, обмывания и одевания покойника распоряжалась прибывшая из Царского Села некая дама в костюме сестры милосердия. Полная, высокая шатенка, довольно некрасивая, лет сорока, — это была, по одной версии, Анна Вырубова, по другой — другая не менее яростная почитательница талантов «старца» — Головина («Мунька»).

Много огорчений претерпела «сестра» из-за отсутствия добровольцев, которые пожелали бы обмыть труп. Даже агенты сыскного и охранного отделений, запрудившие двор богадельни, не говоря уже о городских, — все категорически отказались от этой чести. Наконец после долгих уговоров и, главным образом, посулов «сестре милосердия» удалось склонить на это «святое», по ее словам, дело какого-то конного стражника. При этом стражник переворачивал тяжелое тело утопленника, а «сестра» его тщательно обмывала. Обмыв тело, «сестра милосердия» начала его облачать в привезенные части туалета: парчовую рубаху из тканого серебра, черные брюки и носки. Труп был снаряжен. Кто-то из чинов полиции предложил заботливой «сестре» ехать в Царское на другом, хотя и открытом, но менее тряском автомобиле. Но она истерически закричала:

— Нет, нет, оставьте меня. Я поеду только с ним.

И уселась рядом с шофером санитарной кареты. Был сильный мороз — 25 градусов. Дул резкий ветер. Но «сест-

ра» терпеливо переносила суровый холод и ветер, не издавая ни одного звука жалобы. Зато, вплоть до самого Царского Села, она не переставала рыдать. Только по временам, когда карбюратор давал шумные вспышки от попавшего туда снега, она с тревогой спрашивала:

— Господи, неужели что-нибудь случится? Неужели мы не доедем?

Но все обошлось благополучно.

Процессия прибыла в Александровский парк к месту, где была приготовлена могила, в 3 час. 15 мин. ночи. Могила рыли солдаты воздушной обороны Царского Села под командой полковника Мальцева, по словам которого «яма» предназначалась для свалки мусора. Принятые предосторожности и тайна, которой обставлялась вся эта работа, навела солдат на мысль, что это не яма для мусора, а могила для Распутина, об убийстве которого в Царском Селе было уже известно. Один молоденький солдатик даже спросил Мальцева: «А почему, ваше высокоблагородие, она мелкая и уж очень на могилу походит?» Последовал грозный окрик: «Держи язык за зубами, не твоего дурацкого ума это дело».

За три часа до приезда похоронной процессии, в 12 часов ночи, духовник Николая и Александры Романовых о. Александр Васильев позвонил клитору Федоровского собора полковнику Ломану по телефону и предупредил, что он рано утром заедет в собор за облачением и кадилом. Ломан, знавший о том, что в парке копается «яма», догадался, что предстоят похороны, тем более что и о. Александр не скрывал от него, сказав ему: «Я буду служить панихиду по приказанию государыни...»

Здесь нужно отметить, что как полковник Ломан, так и о. Александр слыли в Царском за определенных противников Распутина. Ломану Распутин даже сказал однажды: «Ты лучше уходи (в отставку), все равно ничего не получишь».

Сопровождавшие процессию четыре полицейских чина, шофер и Лапшинская торопливо сняли гроб с автомобиля и молча опустили его на веревке в могилу.

Всем стоявшим в эту ночь в Царском Селе на карауле был отдан строжайший приказ молчать обо всем виденном и слышанном и не рассказывать ничего даже своим женам. Вообще, по-видимому, всем лицам, имевшим какое бы то ни было соприкосновение с Распутиным после его смерти, был внушен такой страх, что почти ни от кого ни в первые дни после убийства, ни позднее почти ничего нельзя было узнать. До самых последних дней все причастные к этому делу свято хранили свою тайну, и только революция дала возможность прочитать эту темную страницу истории бывшего двора Романовых.

После того как тело Распутина было опущено в могилу, к Лапшинской подошел полковник Ломан.

— В полчаса девятого назначено, — прошептал Лапшинской на ухо полковник и направился к убежищу, поставив у могилы часового. Могила осталась открытой.

Все это было сделано так тихо и быстро, что стоявший неподалеку, на посту № 9, на аллее парка, часовой солдат сводного полка ничего не слышал.

В 8 час. 30 мин. утра к могиле подошел беспрепятственно пропущенный дежурными сыщиками о. Александр, а через десять минут со стороны дворца подошла с обеими своими сестрами и Вырубова. Лапшинская прибыла к могиле раньше всех.

В 8 час. 45 мин. утра быстрыми неровными шагами подошел к месту погребения Николай Романов в сопровождении Александры и дочерей Татьяны и Ольги. Алексея как на погребении, так и на всех последующих панихидах никто не видал. Николай с семьей прибыл к месту без конвоя, даже без провожатых.

Панихида длилась не более пятнадцати минут. Николай с женой и обеими дочерьми поклонились праху Распутина и скоро ушли. На месте остались только Лапшинская и Вырубова с сестрами. На страшном морозе они голыми руками помогали зарывать могилу.

В это утро по приказанию Мальцева охрана с могилы была снята, так как были получены сведения, что событие прошедшей ночи ничьего внимания не привлекло. Сняты были также и сыщики, бессменно в течение двенадцати часов дежурившие около Серафимовского убежища и новой постройки. На другой же день охрана могилы была поручена сторожу новой постройки. Но как жестоко пришлось разочароваться полковнику Мальцеву, поверившему в секретность погребения.

Утром 22 декабря сторож, подойдя к могиле, увидел, что кто-то на ней совершил непристойность. Немедленно узнали об этом Александра, Вырубова и Лапшинская. Гневу их не было конца. Но виновника найти было трудно. Со следующей ночи на могилу уже был поставлен часовой из сводного полка, который охранял могилу до тех пор, пока она не была вскрыта восставшим гарнизоном Царского Села утром 2 марта.

С 22 декабря и до последних дней Александра Федоровна часто посещала могилу, почти всегда одна. Вырубова и Лапшинская бывали на могиле почти каждый день, в особенности последняя, подолгу коленопреклоненно молившаяся. Николай никогда не бывал, не бывал также и бывший наследник.

27 декабря, на девятый день смерти Распутина, на его могиле в присутствии Лапшинской и Вырубовых была отслужена панихида. Иногда могилу посещали сестры Головины и сановники двора.

2 января на могиле была опять отслужена панихида. На этот раз в память выздоровления Вырубовой после катастрофы на Виндаво-Рыбинской железной дороге, когда у нее были переломлены обе ноги. В этот день на панихиде были: Штюмер, митрополит Питирим, все Вырубовы, Протопопов, все Головины, Александра Федоровна с Татьяной и Ольгой и многие другие, сановники двора, имен которых солдаты не знают. Панихиды были еще несколько раз, но по какому поводу они совершались, знают только Лапшинская и Вырубова.

13 НА МОГИЛЕ ГР РАСПУТИНА

Старый режим умел охранять свои тайны. Одна из таких тайн — могила Распутина. После убийства Распутина его труп перевезли в Царское Село. Вот все, что известно достоверно. А дальше идут слухи. Говорили, что Распутин похоронен в Феодоровском соборе. Затем пошла молва, что труп Распутина перевезли в Сибирь, и только теперь, когда рухнул старый строй, открылась эта тайна.

Могилу Распутина разыскал капитан Климов. Капитан Климов служил в воздушной батарее для охраны резиденции, командиром которой был полковник Мальцев. Последний являлся одной из тех темных сил, которые были пособниками бывшей царицы в ее темных авантюрах.

Зимой 1916 года капитан Климов получил командировку на фронт и вернулся обратно в свою батарею сейчас же после убийства Распутина. Здесь от своих товарищей он узнал, что, по слухам, Распутин погребен в Царском Селе. Капитан Климов тогда же захотел разыскать могилу Распутина. Однажды, проезжая автомобилем по лесу, примыкавшему к дворцовому парку, капитан Климов был остановлен несколькими жандармами, и, когда стал добиваться, почему его остановили, жандармы категорически заявили, что он должен вернуться обратно, так как проезд здесь запрещен. Во время пререкания с жандармами из лесу выскочила целая толпа сыщиков и чинов охраны, и все они с необычайной поспешностью настаивали, чтобы Климов вернулся обратно. Климов повернул автомобиль и медленно поехал в город, в Царское Село, и в это время мимо него проехали санки, в которых сидели Александра Федоровна и Ольга.

После этого происшествия Климов вновь вернулся к тому месту, откуда его возвратили, но уже пешком. Здесь он заметил тропинку, уводившую в сторону от дороги в глубь леса.

Исследовав эту тропинку, он нашел, что она приводила через лес к опушке его, где строились какие-то деревянные здания.

Но полковнику Мальцеву уже успели донести о том, что капитан Климов что-то разыскивает и бродит по таинственной тропинке. Тотчас же Климов был переведен из воздушной батареи в другую часть и должен был прекратить свои поиски.

В день революции полковник Мальцев был арестован, а солдаты и офицеры воздушной батареи в один голос потребовали, чтобы командиром батареи был назначен капитан Климов. Заняв этот пост, Климов немедленно вновь принялся за поиски могилы Распутина. Расспросив солдат и жителей, он пришел к выводу, что таинственная тропинка, найденная им в декабре 1916 года, возле которой он встретил Александру Федоровну и Ольгу, действительно ведет к могиле Распутина. Деревянная постройка, которую он увидал, оказалась часовней при Серафимовском убежище, воздвигнутой фрейлиной Вырубовой над могилой Распутина. Раскопки под часовней обнаружили металлический гроб, в котором находилось тело Распутина.

О своем открытии капитан Климов представил коменданту Царского Села рапорт.

Побывавшая на могиле Распутина Л. Богуцкая в «Дне» передает свои впечатления:

«Я выехала вместе с моими коллегами по перу, с караульным офицером и с командиром воздушной батареи капитаном Климовым к могиле Распутина. Обогнув Александровский дворец в Царском Селе, автомобиль мчался мимо ограды дворцового парка, а затем свернул вправо в примыкавший к парку лес. В глубине леса мы остановили машину. Здесь начиналась тропинка, открытая капитаном Климовым.

Тропинка извивается между старых елей, совершенно скрывающих ее. Пройдя с четверть версты, мы увидели воротца, срубленные из молодых березок, дальше — мостки, по обеим сторонам которых устроены перила, также из молодых березок. Мостки кончались у опушки леса, у сруба недоконченной постройкой деревянной часовни. Саженьях в ста от часовни виднеются лесные материалы, охранять которые якобы должен был часовой, стоявший не у лесных материалов, а у самой часовни. Солдаты, стоявшие на этом посту, рассказывают, что сюда очень часто приезжала Александра Федоровна со своими дочерьми. Их обыкновенно сопровождал полковник Мальцев, как только они приезжали, часовому давался серебряный рубль или гостинцы и тотчас же часовой отсылался к лесным материалам — «считать бревна». Если часовой поворачивал голову в сторону часовни, чтобы посмотреть, что делают у строящейся часовни Александра Федоровна и сопровождавшие ее, к нему немед-

ленно подбегал полковник Мальцев и, выругав крепкими словами, приказывал не оборачиваться, а внимательнее считать, чтобы не сбиться со счета.

Иногда и офицеры интересовались, зачем часовой поставлен так далеко от лесных материалов. Полковник Мальцев объяснил им, что в часовне устроено центральное отопление, а часовой для того и поставлен, чтобы охранять это центральное отопление.

Подойдя к часовне, мы обошли ее кругом и вышли к восточной стене. Тут должен был находиться алтарь. Под этим будущим алтарем и похоронен Распутин.

Проползши под стеной, мы увидели как бы колодец аршина в четыре глубины. Внутри колодца видна верхняя крышка металлического цинкового гроба. Крышка эта врезана так, что оказалось отверстие приблизительно в пол-аршина диаметром как раз над головой Распутина.

При свете зажигаемых самодельных факелов ясно видны борода и густые волосы «старца». Лицо его почернело. В виске — крохотное отверстие, заткнутое куском ваты. Сюда попала пуля, прекратившая жизнь Распутина.

Возле часовни, когда мы приехали, было человек пять солдат. Все они с любопытством пролезали под стену и наклонялись над гробом, а некоторые спускались на дно колодца, чтобы ближе заглянуть в лицо покойника. Один из них при нас просунул руку в отверстие около головы и вытащил небольшую деревянную икону Знамения Пресвятой Богородицы. На обратной стороне иконы карандашом сделаны собственноручные надписи:

Александра
Ольга
Татьяна
Мария
Анастасия

Налево, в углу, написано: «11 декабря 1916 г. Новгород».

В правом углу — еще одно имя, написанное тоже карандашом, но более мелко: «Анна».

Эту икону Александра Федоровна с дочерьми получила в Новгородской губернии, куда ездили в начале декабря. Она привезла ее, чтобы подарить на память Распутину, и после его убийства положила ему на гроб. Надписи сделаны рукой Александры Федоровны и ее дочерей. Подпись «Анна» в правом углу сделана фрейлиной Анной Вырубовой».

14 ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В некоторых петроградских газетах в марте текущего года сообщалось, что «22 декабря прошлого года, два дня спустя после похорон Распутина, сторож, подойдя

к его могиле, увидел, что кто-то совершил на ней непристойность».

Это сделал Кешка Скокорев.

Эта была его месть. Правда, месть страшная, кощунственная.

Когда вел. кн. Павел Александрович, совместно с другими великими князьями, указывал, что Распутин — это гибель страны, Александра Федоровна ответила:

— Это неверно. Наоборот, русский народ, в особенности крестьяне, довольны, что в царские хоромы проник и мужичок. У меня имеются письма, доказывающие правдивость моих слов.

Так вот, Кешка Скокорев доказал, насколько эти письма отражали удовольствие народа по поводу пребывания Распутина в царских хорах.

Доказательство ужасное, кошмарное, как и все то, что делалось в течение многих лет в царских хорах.

Заканчивая описание жизни и деятельности Распутина, невольно приходится остановиться над крайне интересным и сложным вопросом — кто такой, собственно, был Распутин, подчинивший себе бывших царя, царицу и их приспешников.

В прессе вопрос этот разрешался различно. Называли его «народным мистиком», простым деревенским знахарем, шарлатаном, обладавшим силой гипноза, богоискателем, и многое другое еще ему приписывалось.

Пожалуй, народный мистик, деревенский знахарь, шарлатан, обладавший силой гипноза, — все это в нем было, но как средство к достижению своих целей. Всем этим он прикрывался. На самом деле никакого религиозного искательства в нем не было.

Он был самый обыкновенный шарлатан-эротоман, быть может, и обладавший силой гипноза.

И не какие-то его особенные способности, если не считать эротических, подняли его на высоту петроградского «большого света».

Он был нужен там — его подняли, а потом некоторые «приятели», как Штюмер, Питирим и Хвостов, не знали, как от него избавиться, когда он стал над ними куражиться.

Мы лично мало верим в искренность религиозных исканий великосветских дам, заканчивающих свои искания в тени алькова.

И не пророчества Распутина создали ему головокружительный успех.

В его пророчества немного верил, кажется, только один Николай.

Остальные, в том числе и жена Николая, Александра Федоровна, видели в Распутине то, что им надо было: кто

средство получить теплое место или обделать темное дело, кто просто здорового мужика, отличавшегося большими способностями по амурной части.

И Распутин шел вверх, окруженный поклонницами, вначале из народа, потом из «сфер высоких», где праздная, обеспеченная, сытая жизнь создали самый утонченный культ разврата.

В среде аристократии, буржуазии и вообще обеспеченных классов, начиная приблизительно с 80-х годов прошлого века, за редкими исключениями, простое, естественное природное влечение мужчины и женщины считалось «мещанством», чем-то неприличным, влекущим за собой «некрасивое» деторождение.

И «мещанство» заменилось грязным, отвратительно-мерзким, утонченно-безобразным.

Как все пряное, острое, раздражающее — «новый культ любви» им самим надоев, опротивев, и стали оглядываться назад, на «мещанство».

Так прожорливый гастроном, пресытившись тонкими блюдами, начинает тяготеть к ржаному сухарю, посыпанному обыкновенной солью, и кислым щам.

И вот тут-то Распутин пришелся ко двору. Принес в «сферы» и сухарь, и кислые щи.

Молва про него росла, им стали интересоваться, приглашать на интимные вечера, где его выступления сопровождались большим успехом. Успех, конечно, коренился не в религиозных откровениях, а в его мужицкой физической мощи.

Недаром его называли «патологический случай».

И по этой специальности практика у него была, как он выражался, «агромальная».

Но когда Распутин очутился в роли «любимца двора» и катался как сыр в масле, он сбросил свою личину и объявился во всю ширь своего безобразия.

Он стал тем, чем всегда был: развратным пьяницей, хитрым шарлатаном.

И обаяние его осталось только при дворе, где репутация его была непоколебима. А весь Петроград прекрасно знал, что это за «богоискатель».

И когда он стал не в меру пакостить, когда его безобразия перешли все границы и стали сплошным кошмаром — его «пришили», как конокрада, и бросили в воду. Конец вполне заслуженный.

По распоряжению нового правительства тело Григория Распутина выкопано из могилы и предано сожжению.

Тоже правильно. Пусть никакого следа от него не останется, как и от тех, кто его оплакивает.

В.Н. ВОЕЙКОВ

С ЦАРЕМ И БЕЗ ЦАРЯ
Воспоминания последнего
дворцового коменданта
государя императора
Николая II

Владимир Николаевич Воейков.

С царем и без царя.

Воспоминания последнего дворцового
коменданта государя императора Николая II.

Гельсингфорс, 1936 г.

Воейков Владимир Николаевич (1868—1930) — генерал-майор свиты Его Величества, командир лейб-гвардии Гусарского полка; с 1906 г. — флигель-адъютант. 24 декабря 1913 г. назначен дворцовым комендантом. По высочайшему повелению с 1913 г. был «главнонаблюдавшим за физическим развитием народонаселения Российской империи». После февральской революции арестован Временным правительством. С 1919 г. в эмиграции.

...Неся главную ответственность за охрану царя и его семьи, я со вступлением в должность стал подробно знакомиться с делами, находившимися в ведении начальников отдельных частей управления дворцового коменданта. Начальник дворцовой полиции полковник Б.А. Герарди ставил меня в курс инструкций, касающихся несения как наружной постовой, так и внутренней наблюдательной службы.

Все лица, имевшие вход во дворец, проходили с ведома дворцовой полиции, и, таким образом, я всегда был осведомлен о посетителях дворца — в срочных случаях по телефону, а обыкновенно по запискам или докладам.

В числе лиц, посещениями которых в то время начали усиленно интересоваться, был Распутин. Полковник Б.А. Герарди в один из первых докладов просил меня дать ему указания, как поступать, когда во дворец приходит Распутин. На мой вопрос, как делалось раньше, он ответил, что старшему постовому городовому у ворот Александровского дворца дана следующая инструкция: пропускать известных ему лиц, состоящих на службе при дворе, а также внесенных в списки имеющих представиться Их Величествам; что же касается лиц неизвестных, он каждый раз для их пропуска обязан испрашивать особое разрешение.

По распоряжению Герарди Распутина всегда задерживали у ворот до получения по телефону разрешения от дежурного по дворцу помощника начальника дворцовой полиции.

Когда я спросил у Герарди, чем руководствуется его помощник, давая разрешение, оказалось, что он его дает, зная, что Распутин является с ведома Их Величеств: выходило, что его задержание у ворот дворца служило только поводом к пересудам, не изменяя существа дела, то есть приема его Их Величествами. Я предложил прекра-

тить церемонию у ворот и установить пропуск Распутина до телефона, а телефонное сообщение делать после прохождения им ворот.

На вопрос мой, как часты бывают эти посещения, полковник Герарди ответил: «Один раз в месяц, а иногда в два месяца раз».

Еще задолго до моего назначения мне приходилось не раз слышать рассказы о Распутине, производившие на меня впечатление не простой сплетни, а чего-то умышленно раздуваемого. Исходили, к моему великому изумлению, эти рассказы от приближенных к царю лиц, которые старались придавать особенное значение каждому появлению Распутина при дворе. Так, например, во время романовских торжеств в Костроме на церковном богослужении в высочайшем присутствии появление Распутина было немедленно подчеркнуто среди присутствующих не кем иным, как товарищем министра внутренних дел — генералом свиты Джунковским.

На меня такое вмешательство в личную жизнь царской четы производило удручающее впечатление. Распутина я до назначения своего дворцовым комендантом не видел, сведения же о нем получал от людей, якобы преданных государю, но, вероятно, не понимавших, что их вредная болтовня вносит расстройство в неустойчивые умы.

...В последних числах января я был приглашен министром внутренних дел Н.А. Маклаковым на большой обед, на котором, между прочим, был и В.Н. Коковцов, бывший тогда еще председателем Совета министров. После обеда он подошел ко мне и спросил, по какой причине я оскорбил князя Андроникова. На выраженное мною недоумение Коковцов пояснил, что князь Андроников ему жаловался на то, что, невзирая на трехкратную свою просьбу быть мною принятым, каждый раз получал от начальства моей канцелярии отказ. При этом Коковцов добавил, что Андроников у него бывает и, вероятно, мог бы быть полезен и мне, как человек, во многом хорошо осведомленный.

Вскоре после нашего разговора я назначил князю Андроникову прием. В мой кабинет в Царском Селе вкатился весьма любезный господин, извлекий из портфеля целую пачку записок, содержавших данные по различным делам государственного управления, а также пасквилей на некоторых министров и других высших сановников.

Я понял, что это за личность, и только удивлялся, почему о нем так много говорят в обществе. Во время моего пребывания в должности дворцового коменданта Андроников добивался возможности проникать ко мне прибли-

зительно раз в два месяца, причем прилагал все усилия и старания к тому, чтобы заинтересовать меня чужими делами, а самому выведать мои мнения о высших сановниках и министрах. Это ему плохо удавалось, так как я вообще относился к его болтовне совершенно индифферентно, чем однажды вызвал его большую обиду на меня: рассеянно выслушав его намеки на нечестность одного из высших чинов военного ведомства, я ответил: «Несчастный... неужели?..»

Положение князя Андроникова было исключительное: не занимая никакой определенной должности, он обладал способностью втираться к некоторым министрам, дружить с чиновниками различных ведомств. Почти при каждом назначении кого-либо на высший государственный пост он являлся одним из первых с поздравлениями, обыкновенно поднося икону, от принятия которой, по его словам, отказаться нельзя было. К сожалению, Андроникову покровительствовали многие из высших сановников, находя удобным пользоваться им для своих личных целей.

Одним из козырей в руках М.М. Андроникова было его знакомство с Г.Е. Распутиным, который у него бывал и именем которого он влиял на людей, нечистоплотных в выборе средств для достижения личных выгод. Связь имени Андроникова с именем Распутина вселяла в некоторых убеждение, что он через Распутина достигал успешного проведения дел в придворных сферах; рассказывали даже, будто бы государь и императрица имеют с ним какие-то сношения; но это, конечно, являлось чистейшим вымыслом.

Однажды я получил присланную мне от Ее Величества икону и приглашение зайти к ней. Из разговора с государыней я узнал, что икона прислана ей Андрониковым, но что она ни под каким видом не желает от него ничего принимать и потому просит меня ему икону вернуть. Что касается взгляда государя на Андроникова, то я лично могу засвидетельствовать, что, когда случайно зашла о нем речь, Его Величество высказал свое весьма отрицательное о нем мнение.

...Под конец пребывания царя в Ливадии в Ялту приехал на несколько дней Распутин, о чем мои подчиненные мне немедленно донесли и затем ставили меня в известность о том, где он бывал и с кем виделся.

Приезд его дал лицам свиты обильную тему для всевозможных острот. Князь Орлов, в ожидании выхода Их Величеств к завтраку, при посторонних двору лицах со смехом сказал: «Теперь я спокоен. Распутин приехал, — значит, все пойдет хорошо».

С Распутиным я разговаривал всего один раз, имея определенную цель — составить о нем свое личное мнение. Было это вскоре по вступлении моем в должность дворцового коменданта. Он мне показался человеком проницательным, старавшимся изобразить из себя не то, чем был на самом деле, но, несомненно, обладавшим какою-то внутренней силою.

Отталкивающее впечатление произвели на меня его плутовские глаза, все время бегавшие и не смотревшие прямо в лицо. Как мне потом передавали, я ему не понравился, и он про меня сказал: «Вивейка меня не любит». (Его манера коверкать фамилии многим очень нравилась.)

Все, что я видел и слышал касательно Распутина, напомнило мне с детства запечатлевшиеся рассказы про крестьянина Чембарского уезда в нашем родовом пензенском имении.

Соседки-помещицы, проводившие согласно тогдашней моде зимы в Сорренто или Кастелламаре, возвращаясь к лету в свои имения, постоянно принимали у себя Фирса Михайловича. Это был крестьянин самого настоящего типа серого мужика, но очень умный и обладавший силою подчинять своей воле людей, в особенности дам. Подпадавшие под его влияние помещицы становились врагами всякого, кто не разделял мнений, высказанных Фирсом Михайловичем.

Отношение к Распутину его поклонниц, в числе которых дамы высшего общества встречались очень редко, напомнило мне картины провинциальной жизни Чембарского уезда.

Преимущество Распутина перед Фирсом Михайловичем заключалось в том, что он в своих странствованиях по монастырям и скитам приобрел внешность так называемого божьего человека и усвоил кое-какие тексты Священного писания. Будучи человеком, безусловно, хитрым, обладавшим умением для каждого находить особый язык, он держался независимо во всяких обществах, увлекавшихся всем таинственным и принимавших его с распростертыми объятиями. Говорил он иногда непонятные фразы, не слишком заботясь об их смысле, который его поклонницы находили сами.

Распутин, сознавая, что обладает способностью внушения и гипноза, и будучи уверен в своей силе, по-видимому, считал, что благодаря своему дару имеет и большие жизненные права.

Когда некоторые высшие православные духовные лица узнали о существовании крестьянина села Покровского Тобольской губернии и о силе, которою он обладал, они

надумали использовать его для своих целей, причем влияние его приписали «действию богобоязненного простого русского православного человека на ищущих в духовных беседах успокоения». Они стали ему покровительствовать и ввели его при посредстве великих княгинь Милицы и Анастасии Николаевны к великому князю Николаю Николаевичу.

...Считая Распутина за человека преданного, который может им оказать поддержку при высочайшем дворе, великие княгини, воспользовавшись болезнью наследника цесаревича, представили Распутина Их Величествам.

Представление произошло при содействии великого князя Николая Николаевича в конце октября 1905 года. Создававшаяся в то время в обществе легенда о святости старца Распутина и его даре исцелять больных сильно помогла великой княгине Милице Николаевне добиться согласия императрицы Александры Федоровны познакомиться с Распутиным.

Цесаревич получил в наследие от своей бабушки, дочери королевы Виктории, болезнь английской королевской семьи — гемофилию: от всякого самого незначительного ушиба у него делалось внутреннее кровоизлияние, сопровождавшееся мучительным воспалительным процессом, который причинял ему тяжкие страдания.

С первого же раза, когда Распутин появился у постели больного наследника, облегчение последовало немедленно. Всем приближенным царской семьи хорошо известен случай в Спале, когда доктора не находили способа помочь сильно страдавшему и стонавшему от болей Алексею Николаевичу. Как только по совету А.А. Вырубовой была послана телеграмма Распутину и был получен на нее ответ, боли стали утихать, температура стала падать, и в скором времени наследник поправился.

Если стать на точку зрения императрицы-матери, в Распутине видевшей богобоязненного старца, своими молитвами помогавшего больному сыну, — многое должно быть понято и прощено всяким преданным престолу и Родине русским человеком.

Помощь, оказываемая наследнику, настолько укрепила положение Распутина при дворе, что он более не стал нуждаться в поддержке великих княгинь и духовных особ. Как человек совершенно невоспитанный, он не сумел или не захотел этого скрыть и просто повернул спину своим благодетелям. Тогда против него началась травля; в Синоде завели дело по обследованию жизни и деятельности Распутина с целью доказать, что он — сектант, проповедующий вредные для православия принципы; в обществе же стали о нем говорить как о развратнике, бросающем

своими появлениями во дворце тень на императрицу. Подкладкою этих разговоров часто служило разочарование в Распутине, не оправдавшем возлагавшихся на него надежды.

Чем сильнее была исходившая из думских сфер травля против Распутина, тем больше развивалось у государыни чувство необходимости оградить незаменимого для здоровья наследника человека: влияние императрицы на некоторые назначения можно было объяснить желанием удалять от власти опасных для Распутина лиц.

Отлично все это учитывавший Распутин, принимая во дворце личину праведника, на стороне не стеснялся, пользуясь выгодами своего положения, удовлетворять свои подчас дикие инстинкты.

В Государственной думе Распутин был оценен как подходящий для антидинастической пропаганды элемент. Так же смотрела на него и еврейская пресса, не жалевшая красок для описания жития старца Распутина.

Она ему приписывала и пропаганду фетишизма, говорила о будто бы вырытой на его усадьбе в Покровском яме, в которой происходили моления; цитировала его поучения, исходившие из того, что грех для покаяния Богу угоден так же, как и подвиг, так как без греха нет и покаяния. Словом, личность Распутина представляла из себя прекрасный материал для жадных до сенсаций корреспондентов.

Такой тип мог расцвести только при содействии самого общества. К его услугам была окружавшая его толпа, своим раболепством доводившая Распутина до того, что он, якобы для одоления беса, разрешал поклонницам облизывать его грязные руки.

Приемная неграмотного сибирского мужика стала местом особого паломничества. И не одни проходимцы собирались в этой приемной.

Тут был, однако, цвет столицы,

И знать, и моды образцы,

Везде встречаемые лица,

Необходимые глупцы.

Тут были дамы пожилые,

В чепцах и ризах, с виду злые,

Тут было несколько девиц,

Неулыбающихся лиц.

Тут был посланник, говоривший

О государственных делах.

Тут был в душистых седицах

Старик, по-старому шутивший

Отменно тонко и умно...

Председатель Государственной думы М.В. Родзянко благодаря своим хорошим отношениям с бывшим двор-

довым комендантом генерал-адъютантом Дедюлиным, с которым был товарищем по Пажескому корпусу, получил высочайшее соизволение на передачу ему из Святейшего Синода дела о Распутине для обозрения; кончилось это обозрение спешным снятием копии со всего материала, представлявшего из себя много весьма сомнительных данных.

Когда последовало повеление о возвращении дела в Синод, в руках Государственной думы уже был тот материал, который она многократно и многообразно выбрасывала с трибуны в угоду крайним левым элементам.

Преданный царю дворцовый комендант генерал-адъютант Дедюлин, доверяя Родзянке, которого знал пажом за верного носителя присяги, не подозревал, что оказывает услугу политическому деятелю, служащему революционерам.

Мне лично пришлось беседовать с М.В. Родзянко по следующему поводу: после моего назначения дворцовым комендантом он однажды вызвал меня по телефону, прося разрешения заехать ко мне в Царское Село переговорить по спешному делу. В этот день я должен был ехать в Петроград и потому сказал, что заеду к нему сам в течение вечера.

Мы с ним просидели вдвоем в его кабинете часа два-три, причем мне пришлось выслушать лекцию о вреде Распутина и указание, как поступать: оказалось, что я должен выгнать Распутина из дворца и запретить государю и императрице с ним встречаться.

На мою просьбу помочь мне советом в выполнении его указания он от прямого ответа, конечно, уклонился. В общем, от разговора с М.В. Родзянко у меня осталось впечатление, что сам Распутин его несколько не беспокоит, но что он пользуется его именем, чтобы производить как можно больше шума и скандала вокруг царя и царицы.

...По доходившим до меня сведениям, пропаганда против императрицы, которой ставилось в вину ее знакомство с Распутиным, стала сильно распространяться во всей армии, в особенности же в тыловых частях. Эти сведения я счел долгом доложить со всеми подробностями Его Величеству. Упоминание имени Распутина было государю, видимо, болезненно неприятно.

Хотя некоторые члены императорской фамилии и высшие чины государственного управления и хвастались своими разговорами с государем по поводу Распутина, но на самом деле решались говорить очень немногие; в большинстве же случаев люди только изображали из себя жертв своей прямоты, а иногда среди таких рыцарей

оказывались даже лица, не брезговавшие через того же Распутина устраивать свои личные делишки.

...18 ноября В.М. Пуришкевич вышел из партии правых, а на следующий день произнес блестящую речь, в которой назвал меня якобы пойманным им «бобром», уличенным в преступных деяниях, и «генералом от кувакерии». Он не задумался и не постеснялся оклеветать меня с трибуны Государственной думы голословным утверждением, что для вывоза минеральной воды «Кувака» из моего имения проведена, как он ее назвал, «стратегическая» дорога, на постройку которой я якобы получил из Министерства путей сообщения около миллиона рублей.

Вместо ответа приведу выдержку из стенограммы речи А.Ф. Трепова в Государственной думе 22 ноября 1916 года: «Недопустимо сообщать с кафедры Государственной думы сведения совершенно неверные. Ни одна пара рельс — утверждаю документально — для ветки в имение Воейкову дана не была. Действительно, было ходатайство о разрешении этой дороги, она была разрешена вторым департаментом Государственного совета и было сказано, что имеют право получить старогодние рельсы. Я говорю как министр путей сообщения, что ввиду того, что на подобного значения дороги управление железных дорог рельс не дает, это постановление не исполнено и рельсы не даны. Что же касается вопроса о ссуде из средств Министерства путей сообщения, то такого ходатайства и не возбуждалось, и потому ни миллиона и ни одного рубля из средств Министерства путей сообщения не дано. А закончу я это объяснение тем, что дополню, что тем более все это не может соответствовать истине, что и самая ветка не построена».

...Думский инцидент с упоминанием моего имени понудил меня вторично обратиться к государю с просьбой уволить меня от занимаемой должности ввиду того, что я находил неудобным оставаться при Его Величестве, раз против меня поднялась такая травля в Думе.

Государь ответил, что все это ни в какой степени не может изменить его отношения ко мне; императрица также просила меня не обращать внимания на дерзкую выходку Пуришкевича: видимо, государыня желала меня удержать при царе, начиная в то время все более и более дорожить каждым преданным Его Величеству человеком.

Выступление Пуришкевича почему-то навело Распутина на мысль послать мне сочувственную телеграмму, текст которой привожу дословно:

«Ставка Петрограда, 23/XI. Вручить старшему. Срочно. Генералу Воейкову. Вот, дорогой, без привычки даже каша и та не сладка, а не только Пуришкевич с бранными устами. Теперь таких ос расплодилось миллионы. Так вот и поверь, как касается души, а надо быть сплоченными друзьями. Хоть маленький кружок, да единомышленники, а их много, да разбросаны силы. Не возьмет в них злоба, а в нас дух правды. Посмотри на Аннушкино лицо: для тебя она лучшее успокоение. Григорий Новых».

Телеграмма эта осталась без ответа, так как никаких решительно поводов писать мне подобную телеграмму я Распутину не давал: но ввиду все разраставшейся против него агитации он, по-видимому, старался заискивать во всех людях, которых считал преданными царю.

...Положение царя становилось все более и более тяжелым; верные слуги таяли, а число людей, оппозиционно настроенных, увеличивалось. Главную роль в обществе стали играть члены Государственной думы, мнения которых принимались за непреложные истины; великосветские кумушки умилялись духовным сближением с народом, достигаемым благодаря привлечению к власти общественных сил; даже члены правительства начали придавать огромное значение их одобрению и поддержке.

... К государю стали обращаться с письмами члены императорской фамилии, давая советы касательно дел государственного управления. Как всегда бывает в этих случаях, многое преувеличивалось и передавалось в неверном освещении. Например, великий князь Николай Михайлович писал государю:

«Пока производимый тобою выбор министров при том же сотрудничестве был известен только ограниченному кругу людей, дела могли еще идти; но раз способ стал известен всем и каждому и об этих методах распространилось во всех слоях общества, так дальше управлять Россией немислимо. Неоднократно ты мне сказывал, что тебе некому верить, что тебя обманывают. Если это так, то тоже явление должно повторяться и с твоей супругой, горячо тебя любящей, но заблуждающейся благодаря злостному сплошному обману окружающей ее среды. Ты веришь Алексан-

дре Федоровне. Оно и понятно. Но то, что исходит из ее уст, есть результат ловких подтасовок, а не действительной правды. Если ты не властен устранить от нее эти влияния, то, по крайней мере, огради себя от постоянных систематических вмешательств этих нашептываний через любимую твою супругу. Если твои убеждения не действуют — а я уверен, что ты уже неоднократно боролся с этими влияниями, — постарайся изобрести другие способы, чтобы навсегда покончить с этой системой. Твои первые порывы и решения всегда замечательно верны и попадают в точку».

Судя по этой выдержке, можно думать, что государыня, под влиянием Распутина, распоряжалась всеми назначениями и разрешала важные государственные вопросы. На самом же деле это было далеко не так: если судить по результатам, число лиц, кандидатуру которых поддерживала императрица, было прямо ничтожно.

Ярким подтверждением сказанного могут служить напечатанные ныне письма императрицы: если кто-нибудь даст себе труд ознакомиться с именами лиц, упомянутых в ее письмах за время войны, когда государь отсутствовал, то убедится, что число их столь незначительно по сравнению с количеством лиц, получивших за этот период назначения, что математически будет выражаться не процентом, а лишь дробью процента.

Что же касается вмешательства Ее Величества в управление государственными делами, я лично могу констатировать, что его не было. Сомневаюсь, чтобы кто-нибудь мог эту клевету подтвердить документальными данными. Конечно, как и в каждой семье, между Их Величествами не могли не затрагиваться в частной перспективе и разговорах темы, имевшие отношение к текущим делам.

Упреки по отношению к Распутину за его вмешательство в дела нужно отнести на счет тех министров, которые, получая от него безграмотные каракули с рекомендациями, исполняли, в видах личных выгод, его желания, чем давали повод к распространению молвы, будто бы Распутин проводит назначения через Царское Село; фактически же все сводилось к его личным отношениям с министрами, ничего общего с императрицей не имевшим. В связи с ходившими о Распутине слухами я был не раз вынужден докладывать государю, что поведение Распутина облегчает работу общественных деятелей против престола, что поклонницы его, желая угодить Их Величествам,

дают новую пищу клевете о причине благоволения императрицы к Распутину; заканчивал я свой доклад обыкновенно предложением на некоторое время отправить Распутина на родину, а по возвращении создать иную обстановку его пребывания в Петрограде, чтобы избавиться от той шумихи, с которой связано его имя.

Нередко получал я от Его Величества следующий ответ: «Все то, что вы мне говорите, я слышу уже много лет. П.А. Столыпин производил по этому делу расследование, и ни один из распространяемых слухов подтверждения не получил». Было чрезвычайно трудно возражать на такой аргумент, тем более что как у государя, так и у императрицы сложилось (достаточно обоснованное) убеждение, что всякое пользующееся их доверием лицо тем самым обрекается на нападки завистников и клеветников.

В это время образовалось совершенно открыто пять очагов революционного брожения: 1) Государственная дума с ее председателем Родзянко; 2) земский союз с князем Львовым; 3) городской союз с Челноковым; 4) военно-промышленный комитет с Гучковым; 5) Ставка с генералом Алексеевым, нанесяшая самый сильный удар русскому монархическому строю.

...16 декабря живший на Гороховой Г.Е. Распутин заявил своим домашним: «Сегодня я поеду к маленькому» (маленьким он называл бывавшего у него молодого князя Феликса Юсупова — графа Сумарокова-Эльстона).

Войдя вечером в квартиру Распутина с черного хода, Юсупов в скором времени вышел с ним и повез его в юсуповский особняк на Мойке. След Распутина исчез, и начавшая розыски полиция только 17 декабря в 2 часа дня обнаружила следы крови на панели и перилах четвертого пролета и на одном из устоев большого Петровского моста. Там же на льду лежал мужской ботинок, оказавшийся принадлежавшим Распутину.

Протопопов, прилагавший старания к розыску Распутина, когда тело было найдено, распорядился перевезением его в часовню Чесменской богадельни, находившейся на полпути между Царским Селом и Петроградом.

Это произошло во время пребывания государя в Ставке и нахождения его на пути к Царскому Селу, куда он прибыл 19 декабря. Меня последовательно — шаг за шагом — ставили в известность о всех поступавших по делу сведениях, которые я, в свою очередь, докладывал государю. С самого первого доклада — о таинственном исчезновении Распутина, до последнего — о водворении его тела в часовню Чесменской богадельни — я ни разу не усмотрел у Его Величества скорби и, скорее, вынес

впечатление, будто бы государь испытывает чувство облегчения.

...По прибытии в Царское Село я немедленно по телефону высказал А.Д. Протопопову свое удивление по поводу того, что он, не поняв положения вещей, не догадался скрыть результаты розысков по убийству Распутина. Протопопов давал бесконечное количество всевозможных объяснений и обещал заехать ко мне перед докладом у государя. В половине двенадцатого меня вызвала к себе императрица, чтобы поговорить о волновавшем ее убийстве Распутина, относительно которого к этому времени уже стало известно, что убийцами были князь Юсупов и депутат Государственной думы В.М. Пуришкевич; соучастником — великий князь Дмитрий Павлович.

Видимо, императрица одновременно переживала два больших горя: с одной стороны, смерть чтимого ею Г.Е. Распутина, а с другой — удар, нанесенный великим князем Дмитрием Павловичем, которого Их Величества с детства любили, баловали и с которым находились в самых близких отношениях. Начала императрица разговор со мной с вопроса — где хоронить Распутина? Мне пришло в голову сказать, что я слышал, будто бы покойный желал быть похороненным на погосте родного села Покровского.

Так как императрица выразила желание присутствовать на богослужении при теле покойного, я подал мысль исполнить это при перевезении его через Царское Село на станцию Колпино. Императрица колебалась принять какое-нибудь решение ввиду многочисленных просьб со стороны поклонниц Распутина похоронить его в Царском Селе, причем указывалось даже место — у ограды парка в направлении Александровской станции.

В этот же день в разговоре с А.А. Вырубовой я высказал ей свое опасение, что если Распутина похоронят в Царском Селе, то могила его может подвергнуться осквернению и потребует охраны часового. (К сожалению, я оказался пророком.) Заехавший ко мне А.Д. Протопопов обещал поддержать мое предложение отправить тело Распутина в Тобольскую губернию. Уходя, он сказал, что вернется ко мне после доклада. Через некоторое время я узнал от скорохода, что он сел в свой мотор и прямо из дворца укатил в Петроград. На телефонный мой вопрос о результате доклада по делу Распутина А.Д. Протопопов ответил, что ему не удалось склонить Ее Величество принять мое предложение. На деле же оказалось, что он у государыни настаивал на погребении Распутина в Царском Селе, говоря, что провоз тела по России может дать повод к нежелательным демонстрациям по пути следования. В этот же день мне были

представлены копии двух телеграмм великой княгини Елизаветы Федоровны:

1) «Москва, 18.XII, 9.30. Великому князю Дмитрию Павловичу. Петроград. Только что вернулась вчера поздно вечером, проведя неделю в Сарове и Дивееве, молясь за вас всех дорогих. Прошу дать мне письмом подробности событий. Да укрепит Бог Феликса после патриотического акта, им исполненного. — Елла».

2) «Москва, 18.XII, 8.52. Княгине Юсуповой. Кореиз. Все мои глубокие и горячие молитвы окружают вас всех за патриотический акт вашего дорогого сына. Да хранит вас Бог. Вернулась из Сарова и Дивеева, где провела в молитвах десять дней. — Елизавета».

Кроме того, я узнал, что 18 декабря государыня получила от князя Юсупова, убийцы Распутина, письмо, начинавшееся словами:

«Ваше Императорское Величество. Спешу исполнить Ваше приказание и сообщить Вам все то, что произошло у меня вчера вечером, дабы пролить свет на то ужасное обвинение, которое на меня возложено. По случаю новоселья ночью 16 декабря я устроил у себя ужин, на который пригласил своих друзей, несколько дам. Великий князь Дмитрий Павлович тоже был. Около двенадцати ко мне протелефонировал Григорий Ефимович, приглашая ехать с ним к цыганам. Я отказался, говоря, что у меня самого вечер, и спросил, откуда он мне звонит. Он ответил: «Слишком много хочешь знать» — и повесил трубку. Когда он говорил, то было слышно много голосов. Вот все, что я слышал в этот вечер о Григории Ефимовиче...»

Кончалось письмо так:

«Я не нахожу слов, Ваше Величество, чтобы сказать Вам, как я потрясен всем случившимся и до какой степени мне кажутся дикими те обвинения, которые на

меня возводятся. Остаюсь глубоко преданный Вашему Величеству. — *Феликс*».

Период времени, предшествовавший исчезновению Распутина, был периодом страшного возбуждения против него во всех слоях общества, в котором разговоры исключительно вертелись на необходимости от него избавиться; в разговорах этих все чаще и чаще стало высказываться убеждение, что убийство представляет из себя единственный способ избавления России от Распутина.

За несколько дней до 16 декабря, когда я был в Ставке, ко мне в дом пришел один молодой офицер, лейб-гусар, служивший в полку во время моего командования, и сказал моей жене: «Я знаю наверное, что, если старика не уберут, он будет убит». Так как произнесено это было тоном, не внушавшим сомнения в правдивости сказанного, слова эти были немедленно доведены до сведения А.А. Вырубовой, которая к ним отнеслась с недоверием и сказала: «Не так-то легко убивать людей». По-видимому, она не видела или не понимала агитации, которая в это время шла иногда даже от людей, весьма близких к престолу, заходивших в своих предположениях несравненно дальше убийства Распутина, подтверждением чего могут служить следующие выдержки:

1) *из письма 25 ноября 1916 г. матери убийцы Распутина к сыну:*

«Теперь поздно, без скандала не обойтись, а тогда можно было все спасти, требуя удаления управляющего (то есть государя. — *В.В*) на все время войны и невмешательства ее (то есть государыни. — *В.В*) в государственные вопросы. И теперь я повторяю, что, пока эти два вопроса не будут ликвидированы, ничего не выйдет мирным путем, скажи это дяде Мише (*М.В. Родзянко*. — *В.В*) от меня».

2) *из письма супруги председателя Государственной думы А.Н. Родзянко к княгине З.Н. Юсуповой от 1 декабря 1916 г.:*

«Все назначения, перемены, судьбы Думы, мирные переговоры — в руках сумасшедшей немки, Распутина, Вырубовой, Питирима и Протопопова».

3) *из ее же письма к княгине З.Н. Юсуповой от 24 декабря 1916 г.:*

«Несмотря на весь окружающий нас мрак, я твердо верю, что мы выйдем по-

бедителями как в борьбе с внешним врагом, так и с внутренним. Не может святая Русь погибнуть от шайки сумасшедших и низких людей — слишком много пролито благородной крови за славу и честь России, чтобы дьявольская сила взяла верх».

Несмотря на оказанное мною противодействие, предание земле тела Распутина состоялось в Царском Селе. Я лично не был на похоронах и накануне умолял государя не ехать. Государь мне ничего не ответил, а на следующий день в 8 часов утра я был по телефону поставлен в известность о том, что Его Величеству подано два мотора, в которых отбыла на похороны Распутина вся высочайшая семья, кроме наследника.

...Следствие по делу об убийстве Распутина волновало все круги Петрограда, а потому государь решил дело это прекратить, а двух из участников убийства временно удалить из столицы. Великий князь Дмитрий Павлович получил предписание продолжать свою военную службу в рядах наших войск, находившихся в Персии на турецком фронте, а князь Юсупов, в то время проходивший ускоренные курсы Пажеского корпуса, был отправлен в курское имение Ракитное, куда съехалась его семья.

Некоторые члены императорской фамилии, в особенности великая княгиня Мария Павловна (старшая) и великий князь Николай Михайлович, старались возбудить мнение высшего общества против государя в защиту якобы обиженного великого князя Дмитрия Павловича. Великие князья, собравшись, постановили представить Его Величеству письмо. Государь дал мне его на прочтение. Гласило оно следующее:

«Ваше Величество. Мы все, чьи подписи Вы прочтете в конце этого письма, горячо и усиленно просим Вас смягчить Ваше суровое решение относительно судьбы Дмитрия Павловича. Мы знаем, что он болен физически и глубоко потрясен и угнетен нравственно. Вы, бывши его верховным опекуном и верховным попечителем, знаете, какой глубокой любовью было всегда полно его сердце к Вам и к нашей Родине. Мы умоляем Ваше Величество, ввиду молодости и действительной слабости здоровья великого князя, разрешить ему пребывание или в Усове (имении великого князя. —

В.В), или в Виленском. Вашему Величеству должно быть известно, в каких тяжких условиях находятся наши войска в Персии ввиду отсутствия жилищ, эпидемий и пр. Пребывание там для великого князя будет равносильно его полной гибели, и сердце Вашего Величества проникнется жалостью к юноше, которого Вы любили, который с детства имел счастье быть часто и много возле Вас и для которого Вы всегда были добрым отцом. Да внушит Господь Бог Вашему Величеству переменить Ваше решение и гнев на милость».

Ознакомившись с содержанием этого письма, я высказал государю свой взгляд, что оно не требует ответа, так как предписание великому князю Дмитрию Павловичу, носителю военного мундира, вернуться к исполнению его прямых обязанностей не есть наказание, а лишь мера пресечения его беспокойного поведения в Петрограде.

Но на следующий день государь дал мне прочесть написанный им ответ:

«Никому не дано право заниматься убийствами. Знаю, что совесть многим не дает покоя, так как не один Дмитрий Павлович в этом замешан. Удивляюсь вашему обращению ко мне.

Николай».

Члены императорской фамилии утратили всякую меру самообладания; великая княгиня Мария Павловна (старшая), по доходившим до меня сведениям, не стеснялась при посторонних говорить, что нужно убрать императрицу; а великий князь Николай Михайлович, как самый экспансивный из великих князей, в своих разговорах в клубах и у знакомых настолько критиковал все исходившее (как он говорил) из Царского Села, что государю пришлось ему предложить проехаться в его имение Грушевку Екатеринославской губернии.

Совершенно непонятно, почему члены императорской фамилии, высокое положение и благосостояние которых исходило исключительно от императорского престола, стали в ряды активных борцов против царского режима, называя его режимом абсолютизма и произвола по отношению к народу, о котором они, однако, отзывались как о некультурном и диком, исключительно требующем

твердой власти. В таком их мышлении логики было мало, но зато ярко выступало недоброжелательство к личности монарха; даже после отречения государя от престола великий князь Сергей Михайлович, между прочим, пишет своему брату великому князю Николаю Михайловичу:

«Самая сенсационная новость — это отправление полковника со всей семьей в Сибирь. Считаю, что это очень опасный шаг правительства — теперь проснутся все реакционные силы и сделают из него мученика. На этой почве может произойти много беспорядков».

Странно, что в такие трагические минуты великий князь Сергей Михайлович, родственник государя, настолько равнодушен к его судьбе, что думает о могущих произойти неприятностях для захвативших власть врагов отрекшегося царя.

Тон, принятый перед революцией членами императорской фамилии, невольно передавался как высшему обществу, так и представителям народа. Императрица получила от княгини Васильчиковой письмо с указанием, как ей себя держать и что делать. Поддавшись неприятному впечатлению от этого письма, Ее Величество, вместо того чтобы оставить его без ответа, как советовал граф Фредерикс, настояла на высылке княгини из Петрограда, что создало последней ореол пострадавшей за правду. Этот ореол, однако, не помог княгине, как рассказывали, сохранить свою квартиру, разграбленную большевиками, невзирая на сделанное им заявление, что она — та самая Васильчикова, которая не побоялась написать царице непочтительное письмо.

Избранники народа начали говорить о необходимости, в целях якобы успешного окончания войны, устранить государя от престола. Следствием такой преступной агитации было разращение командного элемента армии, в то время преимущественно состоявшего из офицеров генерального штаба. В некоторых великосветских салонах, радушно открывших свои двери думским деятелям, досужие кумушки торжественно изрекали, что не следует идти против всемирного исторического течения в вопросах представительного образа правления. Взгляд этот разделял и С.Д. Сазонов в бытность его министром иностранных дел, в моем присутствии сказавший: «Слава Богу, дела принимают такой оборот, что скоро Дума возьмет все в свои руки и тогда можно ожидать полного расцвета Родины».

Ввиду того что, по мнению самозванных спасителей Родины, все мешавшее «очищению воздуха» должно было быть сметено, и я стал получать предупреждения, как лицо, представлявшее препятствие для столь желанного прогресса Родины; я даже был поставлен в известность об образовании группы, в которую входили и некоторые из друзей моего детства и которая задалась целью, во исполнение высших тайных начертаний, освободить Родину от моего присутствия. Агентурные сведения подтверждали правильность этих сообщений. Анализ этого периода времени приводит к выводу, что массовый психоз проявился во внедрении убеждения о необходимости сломать и уничтожить нечто, тяготившее людей и не дававшее им жить.

По забытой старой поговорке «Умных людей в России много, а разумных мало» не отдавали себе наши соотечественники ясного отчета, в чем именно заключался внушаемый им ужас царского гнета и к чему должны привести Россию ломка и уничтожение всего существовавшего.

Протопресвитер
Георгий ШАВЕЛЬСКИЙ

ВОСПОМИНАНИЯ
последнего
протопресвитера русской
армии и флота

Шавельский. Отец Георгий.
«Воспоминания последнего протопресвитера
русской армии и флота».
В 2-х тт. Нью-Йорк, 1954 г.

Государственный Архив Российской
Федерации.
Фонд О. Георгия Шавельского.
«Воспоминания».

Отец Георгий Шавельский (1871—1951) — последний протопресвитер русской армии и флота, видный церковно-общественный деятель Российской Империи, в изгнании — профессор богословского факультета Софийского университета. С началом 1-й мировой войны о. Георгий находился в Ставке Верховного Главнокомандующего. На этом месте он заслужил любовь, уважение и доверие военного и морского духовенства, которое в 1917 г. на своем Всероссийском съезде избрало его своим пожизненным протопресвитером.

...История восхождения Распутина к «славе» была такова.

В начале нашего столетия огромной популярностью в высших благочестивых кругах г. Петербурга пользовался инспектор СПб Духовной Академии — архимандрит (1901—1909 гг.), а потом (1909—1910 гг.) ее ректор — епископ Феофан (Быстров). Большой аскет и мистик, он скоро стал известен при Дворе, где увлечение мистицизмом было очень сильно. Первою из высочайших особ близко познакомилась с отцом Феофаном великая княгиня Милица Николаевна, жена великого князя Петра Николаевича, живо интересовавшаяся всякими богословскими вопросами, затем вся семья великого князя Николая Николаевича и, наконец, через них царская семья.

Среди друзей еп. Феофана был священник Роман Медведь, почти однокурсник его по Академии, очень способный, хоть и очень своеобразный человек. Этот отец Медведь паломничал от времени до времени по монастырям, встретил в одном из них Распутина, узрел в нем Божьего человека и затем поспешил познакомить с ним еп. Феофана. Последний был очарован «духовностью» Григория, признал его за орган божественного откровения и, в свою очередь, познакомил его с великой княгиней Милицей Николаевной.

Распутин стал посещать дом великого князя Петра Николаевича, а затем и дом его брата великого князя Николая Николаевича. Обе эти семьи в ту пору увлекались духовными вопросами и спиритизмом. Особенная «духовность» Распутина пришлась им по сердцу.

Обе сестры, великие княгини¹, были тогда в большой дружбе с молодой Императрицей, еще более их мистически настроенной. Они ввели в царскую семью нового «пророка» и «чудотворца» Григория Распутина.

Скоро «пророк» занял в царской семье такое положение, что смог навсегда отстранить от нее разочаровавших-

¹ Анастасия и Милица Николаевны — дочери Черногорского короля

ся в нем своих прежних покровителей: и великих княгинь, и еп. Феофана.

Чтобы разгадать секрет влияния Распутина на царскую семью, надо прежде всего разгадать характер Императрицы, фактически во всем доминировавшей в семье и дававшей тон всему ее строю.

Немка по рождению, протестантка по прежней вере, доктор философии по образованию, она таила в своей душе природное влечение к истовому, в древнерусском духе, благочестию. Это настроение было как бы родовым настроением ее семьи. Ее сестра, Елисавета Феодоровна, отдала последние свои годы монашескому подвигу. Целодневно трудясь в своей обители (в Москве), ежедневно молясь в своей чудной церкви, она, кроме того, по воскресным дням предпринимала ночные путешествия пешком в Успенский собор к ранним богослужениям. Когда к ней приезжала погостить другая ее сестра, Ирена (жена Генриха Прусского), то и та ежедневно посещала наше богослужение, а по праздникам сопровождала сестре в ее ночных путешествиях в Успенский собор.

«Ирена всегда говорила, — рассказывала мне великая княгиня Елисавета Феодоровна, — что ничто не дает ей такого высокого наслаждения, как православное, и в особенности в Успенском соборе, богослужение».

Любимым занятием великой княгини была иконопись. Прежде чем приступить к написанию той или иной иконы, она, как древние наши праведные иконописцы, уединялась надолго (до двух недель) в своей моленной, находившейся рядом с алтарем церкви, и там строгим постом, молитвою и благочестивыми размышлениями подготавливала себя к работе. Написанные ею иконы отличались не только тщательностью отделки, но и особой духовностью, одухотворенностью.

В своей обители великая княгиня жила как истая подвижница, отрешившись от всякого царского великолепия: питалась скудно, одевалась до крайности скромно, во всем показывая пример нищеты и воздержания.

Религиозное настроение Императрицы по своей интенсивности не уступало настроению ее сестры. Императрица и по будням любила посещать церкви, являясь туда незаметно, как простая богомолка. По воскресным же и праздничным дням Государыня неизменно присутствовала на всенощных и литургиях в Федоровском Государевом соборе. Там она становилась или с семьей на правом клиросе, или отдельно в своей, устроенной с правой стороны алтаря, моленной, где перед креслом Императрицы (болезнь ног заставляла ее часто присаживаться) стоял аналой с развернутыми богослужебными книгами, по ко-

торым она тщательно следила за богослужением. Фактически Императрица была ктитормом этого храма, ибо весь храмовой распорядок, вся жизнь храма шли по ее указаниям, располагались по ее вкусам, — без ее ведома ничего не делалось.

Императрица прекрасно изучила церковный устав, русскую церковную историю; особенное же удовлетворение ее мистическое чувство получало в русской церковной археологии. Несомненно, под настойчивым влиянием Императрицы за последние 20 лет в России в церковном зодчестве и церковной иконописи развилось особенное тяготение к старине, дошедшее до рабского, иногда, на наш взгляд, неразумного подражания. Новые лучшие храмы, новые иконостасы начали сооружать все в древнерусском стиле XVI или XVII века. Примеры этому: Федоровский Государев собор в Царском Селе; храм в память 300-летия царствования Дома Романовых в Петрограде; храм-памятник морякам тоже в Петрограде; отчасти новый морской собор в Кронштадте.

В этом отношении особенного внимания заслуживает любимый царский Федоровский собор в Царском Селе.

Собор этот рабское, иногда грубое и беззастенчивое подражание старине. Лики святых, например, на некоторых иконах поражают своею уродливостью, несомненно, потому, что они списаны с плохих оригиналов XVI и XVII веков.

Для большего сходства со старинными некоторые иконы написаны на старых, прогнивших досках. Каким-то анахронизмом для нашего времени кажутся огромные железные, в старину бывшие необходимыми, вследствие несовершенства техники, болты, соединяющие своды собора. Да и вся иконопись, все убранство собора, не давшие места ни одному из произведений современных великих мастеров церковного искусства — Васнецова, Нестерова и др., — представляются каким-то диссонансом для нашего времени. Точно пророческим символом был этот собор, — символом того, что Россия скоро, во время разразившейся над нею бури, стряхнет с себя все «новое», современное, сметет все, что было достигнуто за последние века гением лучших ее сынов, трудами поколений, всей ее историей, и вернется к XVI или XVII веку.

Еще резче, пожалуй, бросается в глаза эта дань увлечения стариной в величественном Кронштадтском соборе, освященном 10 июня 1913 года в присутствии почти всей императорской фамилии, почти полного состава членов Государственного Совета, Государственной Думы, всех министров и множества высших чинов. Там новое и старое перепутано. Осматривая этот собор, точно блуждаешь сре-

ди веков, то и дело натываясь на копии, по-видимому, самых плохих мастеров XVI—XVII вв. Но Император и особенно Императрица, а за ними и покорные во всем, не исключая и вкусов, угодливые рабы, в коих не было недостатка, восхищались, восторгались, превознося старину и умаляя современное.

Для Императрицы старина была дорога в мистическом отношении: она уносила ее в даль веков, к тому уставному благочестию, к которому, по природе, тяготела ее душа.

Императрице подвизаться бы где-либо в строго сохранившем древний уклад жизни монастыре, а волею судеб она воссела на всероссийском царском троне...

Но мистицизм такого рода легко уходит дальше. Он не может обходиться без знамений и чудес, без пророков, блаженных, юродивых. И так как и чудеса со знамениями, и истинно святых, блаженных и юродивых Господь посылает сравнительно редко, то ищущие того и другого часто за знамения и чудеса принимают или обыкновенные явления, или фокусы и плутни, а за пророков и юродивых — разных проходимцев и обманщиков, а иногда — просто больных или самообольщенных, обманывающих и себя, и других людей. И чем выше по положению человек, чем дальше он вследствие этого от жизни, чем больше, с другой стороны, внешние обстоятельства содействуют развитию в нем мистицизма, тем легче ему в своем мистическом экстазе поддаться обману и шантажу.

Обстоятельства и окружающая атмосфера все больше и больше способствовали развитию в Императрице болезненного мистического настроения. Несчастья государственного масштаба и несчастья семейные, следуя одно за другим, беспрерывно били по ее больным нервам: Ходынская катастрофа; одна за другой войны (Китайская и Японская); революция 1905—1906 гг.; долгожданное рождение наследника; его болезнь, то и дело обострявшаяся, ежеминутно грозившая катастрофой, и многое другое. Императрица все время жила под впечатлением страшной, угрожающей неизвестности, ища духовной поддержки, цепляясь за все из мира таинственного, что могло бы ее успокоить.

Распутин был не первым «духовным» увлечением в царской семье. Раньше его на этом же поприще подвизался француз Филипп¹. Одновременно с Распутиным, по-

¹ Граф Витте сообщает, что Филипп, не могший получить во Франции звание лекаря, у нас, за «духовные» заслуги при Дворе, получил от Военно-медицинской Академии звание доктора медицины, а от Правительства чин действительного статского советника, после чего щеголял в военной форме (Витте «Воспоминания», т. 1, стр. 246—247)

ка тот еще не вошел в полную силу и не отстранил всех соперников, в царской же семье подвизался «блаженный» Митя косноязычный, издававший какие-то невнятные звуки, которые поклонники его «таланта»¹ объясняли как духовные вещания свыше. Во время Саровских торжеств, в Дивеевской обители, царь и обе царицы посетили «блаженную», а по выражению Императрицы Марии Феодоровны — «злую, грязную и сумасшедшую бабу» (так выразилась Императрица Мария Феодоровна в беседе со мной в Крыму 12 ноября 1918 года), — Пашу, которая при царе и царицах начала выкрикивать отдельные непонятные слова. Окружавшие Пашу монахини объяснили эти слова как пророчества.

Таким образом, Распутин не был первым, как не был бы и последним, если бы не разразилась революция. В этом заключалась главная трудность борьбы с Распутиным. Приходилось бороться не столько с Распутиным, сколько с самой Императрицей, с ее духовным укладом, с ее направлением, с ее больным сердцем, — ни победить, ни изменить которые нельзя было.

Императрица, как я уже заметил, доминировала в семье. Весь уклад, весь строй жизни последней сложился по ее взглядам, по ее вкусу и дальше шел по определяемому ею направлению. Семья царская жила замкнуто, почти не общаясь даже с семьями императорской фамилии, избегая столь обычных раньше при Дворе развлечений и удовольствий: придворных балов, выездов и торжественных приемов, кроме самых неизбежных, в последнее время совсем не бывало. Жизнь царицы заполнялась главным образом семейными интересами и мистическими переживаниями. Церковность занимала в царской семье видное место. В канун каждого церковного дня, а тем более праздника, вся царская семья отставивала в любимом ею Федоровском соборе всенощную, а в самый воскресный или праздничный день литургию. Иногда богослужения совершались в Александровском дворце (Царское Село), в маленькой комнатке-церкви, причем хор составляли: царица с дочерьми и Вырубова. Кроме того, Императрица любила посещать с дочерьми и в будние дни церкви: Знамения, городской собор в Царском Селе и др. Зашедши в храм, она, как простая богомолка, выстаивала на коленях, ставила перед иконами свечи и т. п.

По вечерам царская семья любила собираться вместе: Государь часто читал вслух, иногда Императрица с дочерьми пела. Как она, так и девочки не оставались без занятий: шили, вязали, вышивали, рисовали. Царский комфорт как бы

¹ Среди них был, тогда студент Духовной академии, ныне епископ Вениамин (Федченков), «прославившийся» во врангелевской армии

отсутствовал в семье. Царица во всем старалась провести экономию, устранить роскошь. Последнее особенно сказывалось в костюмах. И царица, и дочери одевались чрезвычайно скромно, носили платья из самой простой ткани, старались донашивать их. Бывший военный министр генерал А. Ф. Редигер (умер в 1920 г.) сообщает в своих записках (они не были изданы, — не знаю, уцелели ли) интересные факты. В один из его докладов Государю ему пришлось ожидать, так как Государь задержался на прогулке. Сидя в Александровском дворце в Царском Селе у окна, выходявшего в парк, и поджидая Государя, ген. Редигер наконец увидел возвращающегося пешком Государя с пятью девочками. В четырех ген. Редигер сразу узнал царских дочерей, но никак не мог догадаться, откуда же взялась пятая — меньшая. Когда вошел Государь и со свойственной ему любезностью извинился, что, увлекшись прогулкой с детьми, задержал министра, ген. Редигер не удержался, чтобы не спросить: что это за маленькая девочка, которую Государь вел за руку.

— Ах, это Алексей Николаевич (наследник. — *Г.Ш.*), — смеясь сказал Государь. — Он донашивает платья своих сестер. Вот вы и приняли его за девочку.

Второй случай, рассказываемый ген. Редигером, не менее характерен.

В 1906-м или 1907 году высочайшим приказом офицерству было велено сменить белые кителя на кителя защитного цвета. Всякая перемена в обмундировании больно ударяла по тощему офицерскому карману и болезненно переживалась даже в гвардии. Приказ был выполнен. Офицеры переоблачились в защитный цвет. И вдруг после этого Государь появляется в белом кителе. Началось среди офицеров беспокойство, пошли разговоры: опять будут введены белые кителя. А между тем старые белые кителя уже были сбыты старьевщикам. Беспокойство и разговоры достигли до такой степени, что военный министр решил доложить Государю о волнениях в офицерской среде по поводу якобы предполагаемого возвращения к прежней форме. Государь удивился:

— Откуда взяли это?

— Ваше Величество изволили являться в белом кителе, — заявил ген. Редигер.

— Ну, это недоразумение. У меня большой запас белых кителей, вот я и продолжаю пользоваться ими, — ответил сконфуженный Государь. После этого Государь уже более не показывался в белом кителе.

Императрица замкнулась в семью, мать в ней заслонила царицу. Как царица, она показывалась поневоле, в случаях крайней необходимости. Жизнь ее заполнялась главным образом семейными развлечениями и религиозными переживаниями.

Но это совсем не значит, чтобы она совершенно замкнулась в семейных интересах и не оказывала влияния на государственные дела. Последнему весьма способствовал характер Государя, как и властность самой царицы и ее великодержавные взгляды.

Царь, добрый, сердечный, но слабовольный, был всецело подавлен авторитетом, упрямством и железной волей своей жены, которую он, вне всякого сомнения, горячо любил и которой был неизменно верен. По складу своей натуры он не был ни мистиком, ни практиком; воспитание и жизнь сделали его фаталистом, а семейная обстановка — рабом своей жены. У него выработалась какая-то слепая покорность случаю, несчастью, в которых он неизменно видел волю Провидения. Он любил повторять слова Спасителя: «Претерпевший же до конца спасется» (Мф. XXIV, 13). Подчиняясь покорно всяким несчастьям, в каких не было недостатка в его царствование, он подчинился и влиянию своей жены, избранной для него его отцом, привык к ней и даже в очень значительной степени усвоил ее религиозное настроение. Если разные «блаженные», юродивые и другие «прозорливцы» для Императрицы были необходимы, то для него они не были лишни. Императрица не могла жить без них, он к ним скоро привыкал. Скоро он привык и к Распутину.

Вступив в должность протопресвитера, я застал распутинский вопрос в таком положении.

Распутин в это время уже совершенно овладел вниманием царя и царицы. В царской семье он стал своим человеком. Попытки некоторых придворных парализовать влияние невежественного временщика кончались полной неудачей. Рассказывали, что смерть дворцового коменданта генерал-адъютанта В. А. Дедюлина последовала от страшного волнения после его решительного разговора с царем о Распутине. Рассорившийся с Распутиным епископ Феофан был удален в провинцию и оставался в царской немилости. Чтобы парализовать влияние Гришки, как обыкновенно в обществе называли Распутина, епископы Феофан и Гермоген провели в царскую семью другого «мастера», Митю косноязычного, но Митя скоро провалился, написав на бланке епископа Гермогена какое-то бестактное письмо Государю, обидевшее последнего. Митю больше во дворец не пустили; Гришка праздновал победу. Решили тогда иначе расправиться с последним. Гришка был приглашен к епископу Гермогену, не прерывавшему еще с ним сношений. Там на него набросились знаменитый Иллиодор, Митя и еще кто-то и, повалив, пытались оскотить его. Операция не удалась, так как Гришка вырвался. Гермоген после этого проклял Гришку, а Государю написал обличительное письмо. Кажется, главным

образом за это письмо¹ еп. Гермогена отправили в Жировицкий монастырь, где он и оставался до августа 1915 года, до занятия его немцами.

Великие княгини Анастасия и Милица Николаевны, разгадавшие Распутина, теперь были далеки от Императрицы. Кажется, ссора произошла именно из-за Распутина. Таким образом, старые друзья и покровители Распутина, ставшие его врагами, были устранены. Зато прибавилось у него много друзей и «почитателей». На приемах у Распутина кого только не бывало! Члены Государственного Совета, министры, генералы, архиереи, даже митрополиты, князья и княгини, графы и графини... Известен был большой сонм архиереев, преданных Распутину, покровительствуемых им. Он возглавлялся митрополитом Московским Макарием; среди них были архиепископы: Питирим (потом митрополит Петроградский), Алексей Дородницын (Владимирский), Серафим Чичагов (Тверской), еп. Палладий (потом Саратовский) и др. Самый близкий к Императрице Александре Федоровне человек, фрейлина А. А. Вырубова, была верно-преданной рабой Распутина. Слово последнего было везде всемогуще. Определенно утверждали, что под влиянием Распутина Томский архиепископ Макарий, семинарист по образованию, был назначен Московским Митрополитом; Псковский еп. Алексей Молчанов (опальный) — экзархом Грузии²; опальный³ же архиепископ Питирим быстро поднялся из Владикавказа на Самарскую кафедру, а затем в экзархи Грузии и Петроградские митрополиты. Подобному же влиянию Распутина приписывали и разные высокие назначения по гражданскому ведомству.

Как же держало себя по отношению к Распутину придворное духовенство?

Протопресвитер Благовещенский... Думаю, что о нем и говорить в данном случае не стоит. По старческому маразму он иногда, наверно, забывал, кто такой Распутин и есть ли он. А если бы и помнил и хотел что-либо сделать, все равно он не мог ничего сделать, по немощи сил своих.

Прот. Н. Г. Кедринский... К чести его надо сказать, что тут он держал себя с достоинством. В борьбу с Распутиным он не вступал, благоразумно учитывая свои силы,

¹ Некоторые причиной увольнения Гермогена считали его протест против проекта великой княгини Елисаветы Федоровны о диаконисах, но это не верно: Гермоген пострадал из-за Гришки.

² Экзаршеская кафедра в Грузии следовала после трех митрополичьих, являясь, таким образом, четвертой по важности архиерейской кафедрой в России.

³ После бестолково проведенных им торжеств открытия мощей св. Иоасафа Белгородского.

но зато он совершенно игнорировал Распутина. И это тем более заслуживает внимания, что в то же время он постоянно заискивал не только перед фрейлинами и флигель-адъютантами, но даже и перед царскими лакеями, няней (М. И. Вишняковой), дворцовой прислугой и проч.

Прот. А. П. Васильев, раньше бывший законоучителем царских детей, а в 1914 году занявший и должность царского духовника, относился к Распутину иначе. Распутин бывал в его доме, принимался с почетом. Дети отца Васильева будто бы относились к Распутину как к духовному лицу, при встречах целовали его руку. Отношения между самим о. Васильевым и Распутиным были весьма дружеские.

Я видел Распутина всего два раза, и то издали: один раз на перроне Царскосельского вокзала, другой раз в 1913 году на романовских торжествах в Костроме. Там во время торжественного богослужения — литургии, когда царь, царица, все особы императорской фамилии и высшие чины стояли за правым клиросом и дальше в храме, на левом клиросе стоял Распутин. Очевидно, так было повелено: иначе его попросили бы уйти оттуда.

По освящении в 1912 г. Фодоровского собора он сделался Царским собором. Царская семья стала постоянно посещать этот собор. Начал часто посещать его и Распутин, причем становился в алтаре. В 1913 г. (2 июня) мне повелено быть почетным настоятелем этого собора¹, после

¹ Как объяснял мне ктитор и строитель Фодоровского собора полковник Д. Н. Ломан, и постройка этого собора, и назначение меня его почетным настоятелем были вызваны отношением царя и царицы к своему духовнику, прот. Кедринскому. Царицу вообще не удовлетворяла придворная церковная служба: чинная, размеренная и стройная, но уж очень, правда, сухая, казенная. А тут еще несимпатичный совершитель ее. Правда, и самая крохотная церковка в Александровском царскосельском дворце, где совершалось богослужение для царской семьи (прекрасным собором в Екатерининском дворце почему-то не пользовались) очень мало располагала к подъему религиозного чувства. В 1909 г. царь и царица начали посещать церковь Сводного полка, устроенную в самой казарме, в одной из комнат, и уютно полковником Ломаном обставленную, где священник этого полка прот. Н. Андреев служил не по-казенному. А затем был построен и в 1912 г. освящен Фодоровский собор. Фактически ставший главным придворным собором, он, однако, был передан в военное, а не в придворное ведомство: подчинен военному протопресвитеру, а притч его составлен из духовенства Конвоя его величества и Сводного полка. Придворное духовенство прямого отношения к нему не имело и могло являться лишь в качестве гостей. Духовенство собора Зимнего Дворца, во главе с придворным протопресвитером, имевшее главной задачей обслуживать духовные нужды царской семьи и ее двора, после этого оказалось в нелепейшем положении: у них остался пустой Зимний Дворец, паства же отошла к Фодоровскому собору, где хозяйничали другие. Пресвитер Зимнего Дворца, протоиерей Колачев, понял это и забил было тревогу. Но сделать ничего нельзя было. Чем кончилось бы такое положение вещей, если бы не грянула революция, — трудно сказать.

чего меня часто приглашали служить в нем в высочайшем присутствии. Но при моих богослужениях Распутин ни разу не присутствовал в соборе. Была ли это случайность или нежелание Распутина встречаться со мною, — не решаюсь сказать. Во всяком случае — мне передавали, — в другое время он аккуратно присутствовал при богослужениях в этом соборе.

Отдавшись своему прямому делу, соприкасаясь с придворной жизнью лишь при особых торжествах, на которых по своему положению я должен был присутствовать, я не имел ни повода, ни основания решительно вмешаться в распутинское дело, ибо ни армии, ни меня лично он не касался. Но все же было несколько случаев, когда мне, *volens-nolens*, пришлось принять участие в этом роковом деле.

Расскажу о них.

В среду на первой неделе Великого поста (1912 г.) приехала ко мне за советом воспитательница царских дочерей, фрейлина Софья Ивановна Тютчева. Она не знала, как поступить: Распутин начал бесцеремонно врываться в комнаты девочек — царских дочерей даже и в то время, когда они бывали раздетые, в постели, и вульгарно обращаться с ними. Тютчева уже заявляла Государю, но Государь не обратил внимания. Теперь она спрашивала меня, должна ли она решительно протестовать перед Государем против этого. Я ответил, что должна, не считаясь с последствиями ее протеста. Положим, сейчас ее могут не понять и уволить, но зато после поймут и оценят. Если же она теперь не исполнит своего долга, то в случае какого-либо несчастья она подвергнется огромной ответственности. Тютчева протестовала, и ее за это уволили. Потом я видел ее в 1917 году в Москве. Она не раскаивалась в своем поступке.

10 июня 1913 года в присутствии Государя и многих высочайших особ, всех министров, членов Государственного Совета и Государственной Думы, множества морских чинов — я освящал величественный Морской собор в Кронштадте. В конце литургии я произнес слово.

20 октября этого же года в Ливадии, после доклада Государю о поездке в Лейпциг для освящения храма, я был приглашен к высочайшему завтраку. Рядом со мной сидела фрейлина А. А. Вырубова. Только мы уселись за стол, как она говорит мне:

— Батюшка, я никогда не забуду вашего слова при освящении Кронштадтского собора. Как вы тогда удивительно сказали: «В этом величественном храме и царь земной должен чувствовать свое ничтожество перед Царем Небесным». Эти слова произвели огромное впечатление не только на меня, но и на Государя.

После этого случая она при каждой встрече со мною оказывала мне особое внимание.

Через несколько месяцев после нашей встречи в Ливадии она попросила меня уделить ей несколько минут для беседы, предоставив мне избрать место: или у меня, или в квартире ее отца (в музее Александра III). Я избрал второе.

В назначенный час мы сидели в столовой за чайным столом. Когда участвовавшая в чаепитии мать А. А. Вырубовой оставила нас одних, последняя обратилась ко мне:

— Я, батюшка, хочу поделиться с вами своими переживаниями. Кажется, я никому не делаю зла, но какие злые люди! Чего только они ни выдумывают про меня, как только они ни клеветают! Вот теперь распускают слухи, что я живу с Григорием Ефимовичем...

— Охота вам, — перебил я ее, — обращать внимание на такие глупости. Ну, кто может поверить, чтобы вы жили с этим грязным мужиком?

Она сразу прервала разговор.

Ясно, что моя реплика ей не понравилась. Хотела ли она расписать «старца» самыми яркими красками и меня привлечь на его сторону, но из моих слов заключила, что сделать этого нельзя, или она надеялась, что я сам выступлю на защиту «старца». Но расстались мы не так радужно, как встретились.

Всякий раз, когда мне приходилось бывать в Москве, я заезжал к великой княгине Елисавете Федоровне. Она была со мною совершенно откровенна и всегда тяжело скорбела из-за распутинской истории, по ее мнению, не предвещающей ничего хорошего.

В начале 1914 года прот. Ф. А. Боголюбов (настоятель Петропавловского придворного собора), со слов духовника великой княгини Елисаветы Федоровны прот. Митрофана Сребрянского, сообщал мне, что великая княгиня собирается прислать ко мне о. Сребрянского с просьбой, чтобы я решительно выступил перед царем против Распутина, влияние которого на царскую семью и на государственные дела становится все более губительным. О. Сребрянский, однако, ко мне не приезжал, а вскоре началась война.

Во второй половине мая 1914 года ко мне однажды заехали кн. В. М. Волконский, товарищ председателя Государственной Думы, и свиты его величества генерал-майор, кн. В. Н. Орлов, начальник походной его величества канцелярии. Первый был знаком со мной более заочно, со слов фрейлины двора Елизаветы Сергеевны Олив, моей духовной дочери; со вторым я очень часто встречался при дворе на разных парадных торжествах. Я знал, что кн.

Орлов — самое близкое к Государю лицо. Приехавшие заявили, что они хотят вести со мной совершенно секретную беседу. Я увел их в свой кабинет, совершенно удаленный от жилых комнат. Никто подслушать нас не мог. Там они изложили мне цель своего приезда. Суть ее была в следующем. Влияние Распутина на царя и царицу все растет, пропорционально чему растут в обществе и народе разговоры об этом и недовольство, граничащее с возмущением. Содействующих Распутину много, противодействующих ему мало. Активно или пассивно содействуют ему те, которые должны были бы бороться с ним. К таким лицам принадлежит духовник их величеств прот. А. П. Васильев. Прекрасно настроенный, добрый и честный во всем, тут он упрямо стоит на ложном пути, дружа с Распутиным, оказывая ему знаки уважения, всем этим поддерживая его.

— Я чрезвычайно чту и люблю о. Васильева, — говорил кн. Орлов, — как прекрасного пастыря и чудного человека, и потому особенно страдаю, видя тут его искреннее заблуждение в отношении Распутина. Несколько раз я пытался разубедить, вразумить его, — все мои усилия до настоящего времени оставались бесплодными. Мы приехали просить вас, не повлияете ли вы на о. Васильева, не убедите ли его изменить свое отношение к Распутину.

Я пообещал сделать все возможное. Условились так: я позвоню по телефону к о. Васильеву и буду просить его спешно переговорить со мною по весьма серьезному делу. Переговоривши с ним, я через кн. Волконского извещу кн. Орлова об исполнении обещания, а затем в назначенный час побываю у последнего один без кн. Волконского. Вообще, чтобы не возбудить ни у кого, не исключая прислуги, каких-либо подозрений, мы условились соблюдать крайнюю осторожность, как при посещениях друг друга, так и в разговорах по телефону.

В тот же час я говорил по телефону с о. Васильевым. Последний пожелал сам приехать ко мне в 8 ч. вечера.

Не скажу, чтобы предстоящий разговор несколько не беспокоил меня. О. Васильев был мне очень симпатичен; от других я очень много хорошего слышал о нем; но близки с ним мы не были, и в общем все же я очень мало знал его. Как он отнесется к моей попытке вразумить его? А что, если он нашу беседу передаст Григорию, а тот царице? Добра от этого немного выйдет. Я решил действовать осторожно.

В восьмом часу вечера прибыл ко мне о. Васильев. Я принял его в парадной гостиной, удаленной от жилых комнат. Когда нам подали чай, я приказал прислуге больше не приходить к нам, а домашние мои раньше ушли из

дому. Нас никто не слышал. Беседа наша длилась около трех часов. Скоро разговор перешел на интересующую меня тему о Распутине. О. Васильев не отрицал ни близости Распутина к царской семье, ни его огромного влияния на царя и царицу, но объяснял это тем, что Распутин действительно человек, отмеченный Богом, особо одаренный, владеющий силой, какой не дано обыкновенным смертным, что поэтому и близость его к царской семье и его влияние на нее совершенно естественны и понятны. О. Васильев не называл Распутина святым, но из всей его речи выходило, что он считает его чем-то вроде святого.

— Но ведь он же известный всем пьяница и развратник. Слыхали же, наверное, и вы, что он — завсегдатай кабаков, обольститель женщин, что он мылся в бане с двенадцатью великосветскими дамами, которые его мыли. Верно это? — спросил я.

— Верно, — ответил о. Васильев. — Я сам спрашивал Григория Ефимовича: правда ли это? Он ответил: правда. А когда я спросил его: зачем он делал это, то он объяснил: «Для смирения... понимаешь ли, они все графини и княгини и меня грязного мужика мыли... чтобы их унижить».

— Но это же гадость. Да и кроме того: постоянное пьянство, безудержный разврат — вот дела вашего праведника. Как же вы примирите их с его «праведностью»? — спросил я.

— Я не отрицаю ни пьянства, ни разврата Распутина, — ответил о. Васильев, — но... у каждого человека бывает свой недостаток, чтобы не превозносился. У Распутина вот эти недостатки. Однако они не мешают проявляться в нем силе Божией.

Эта своеобразная теория оправдания Распутина, как оказалось, глубоко пустила корни. В сентябре 1915 года вдова герцога Мекленбург-Стрелицкого графиня Карлова рассказывала мне следующее.

За несколько дней перед тем Императрица Александра Федоровна передала ей, порекомендовав прочитать как весьма интересную, книгу: «Юродивые Святые Русской Церкви»¹. В книге рукою Императрицы цветным каран-

¹ Заголовок книги привожу по памяти. Мне говорили, что книга эта составлена архимандритом Алексием (Кузнецовым), распутинцем, в оправдание Распутина. Может быть, в награду за эту услугу архимандрит Алексей по протекции Распутина в 1916 г. был сделан викарием Московской епархии, после чего он как-то хвастался одному из своих знакомых: «Мне что до Распутина: как он живет и что делает. А я вот, благодаря ему, сейчас Московский архиерей и при всех благах получаю 18 000 р. в год». Архимандрит Алексий, как мне сообщил проф. Н. Н. Глубоковский, представлял эту книгу в СПб Духовную академию для получения степени магистра богословия, но там ее, конечно, отвергли.

дашом были подчеркнуты места, где говорилось, что у некоторых святых юродство проявлялось в форме половой распущенности. Дальнейшие комментарии излишни.

С о. Васильевым мы проговорили до 11 ч. вечера и все же ни к чему определенному не пришли. Решили продолжать разговор на следующий день. Опять о. Васильев обещал приехать ко мне к тому же вечернему часу.

Из проведенной беседы я вынес убеждение, что А. П. Васильев со мной искренен и что он сам колебался, защищая Гришку. Я решил смелее действовать в следующий раз.

В результате свыше трехчасового разговора (мы расстались в 11 ч. 30 м. ночи) мы согласились на следующих положениях:

1) история Распутина весьма чревата последствиями и для династии, и для России; 2) мы оба обязаны бороться с Распутиным, парализуя его влияние всеми зависящими от нас средствами. На этом мы расстались.

После этого вечера я до осени 1915 года ни разу не видел о. Васильева и совсем не знаю, как он выполнял обязательства, вытекающие из нашего последнего разговора.

Из беседы с кн. Орловым я окончательно убедился, что распутинское дело зашло очень далеко. Вскоре после этого я сделал две совершенно безуспешные попытки помочь благополучному разрешению его.

Скажу о них.

В то время, как мне было доподлинно известно, исключительным влиянием на Государя пользовался военный министр генерал-адъютант В. А. Сухомлинов, очень сердечно относившийся ко мне. Я решил повлиять на Сухомлинова, чтобы он в свою очередь произвел соответствующее давление на Государя. После одного из докладов в конце мая (1914 г.) я завел речь о Распутине и о страшных последствиях, к которым может привести распутинщина. Сухомлинов слушал вяло, неохотно, раз-два поддакнул. Когда я попросил его повлиять на Государя, чтобы последний устранил Распутина, Сухомлинов буркнул что-то неопределенное и быстро перевел разговор на другую тему. Теперь я отлично понимаю Сухомлинова: он тогда лучше меня ориентировался в обстановке и считал для дела бесплодным, а для себя лично опасным предпринимать какие-либо шаги против Распутина.

В другой раз, 12-го или 13 июля 1914 года, по этому же проклятому вопросу беседовал я с великой княгиней Ольгой Александровной, родной сестрой Государя.

Великая княгиня Ольга Александровна среди всех особ императорской фамилии отличалась необыкновенной простотой, доступностью, демократичностью. В своем имении

Воронежской губ. она совсем опрашивалась: ходила по деревенским избам, нянчила крестьянских детей и пр. В Петербурге она часто ходила пешком, ездила на простых извозчиках, причем очень любила беседовать с последними. Еще в 1905 г., в Манчжурии, ген. А. Н. Куропаткин, знавший ее простоту и демократический вкус, шутливо отзывался, что она «с краснинкой». В конце 1913 г. я был приглашен ею в члены возглавлявшегося ею комитета по постройке храма-памятника в Мукдене. У нас сразу установились простые, сердечные отношения. Вот я и решил серьезно поговорить с нею по распутинскому делу.

— Это мы все знаем, — сказала она, выслушав меня. — Это наше семейное горе, которому мы не в силах помочь.

— Надо с Государем решительно говорить, ваше высочество, — сказал я.

— Мама говорила, ничего не помогает, — ответила она.

— Теперь вы должны говорить. Я же знаю, что его величество чрезвычайно любит вас и верит вам. Авось он послушается вас, — настаивал я.

— Да я готова, батюшка, говорить, но знаю, что ничего не выйдет. Не умею я говорить. Он скажет одно-два слова и сразу разобьет все мои доводы, а я тогда совсем теряюсь, — с каким-то страданием ответила она.

...Жизнь в Ставке потекла обычным порядком. Ни с фронта, ни из Петрограда чрезвычайных известий не приходило. Так продолжалось до 18 декабря. Этот день не забыть всеми, кто был тогда в Ставке!

Было воскресенье. Как всегда, Государь с Наследником и свитой присутствовали на литургии в штабной церкви. Я не заметил ничего особенного в настроении Государя. Но ктитор церкви после литургии сказал мне: «Что-то Государь сегодня мрачен и как будто рассеян». После обедни я завтракал за высочайшим столом. И тут я не заметил, чтобы Государь был взволнован или обеспокоен. Он держал себя за столом как всегда, — разговаривал обо всем. Меня несколько удивило неожиданное сообщение, что в этот день в 4 часа Государь уезжает в Царское Село. Обыкновенно об отъездах Государя мы узнавали за несколько дней, а тут объявляется об его отъезде всего за несколько часов. Всех интересовало: что за причина столь неожиданного отъезда? Свитские упорно молчали.

Когда, возвращаясь с завтрака, я проходил мимо служебного кабинета дежурного генерала П. К. Кондзеровского, последний окликнул меня, попросив на минуту зайти.

— Величайшая новость! — радостно сказал генерал, когда я закрыл за собою двери кабинета. — Распутин убит. Его убили великий князь Дмитрий Павлович, князь Юсу-

пов и Пуришкевич во дворце Юсупова, куда они завезли его якобы для пирушки.

— Верно ли это? — спросил я.

— Да уж чего вернее! Я только что слышал это от командира корпуса жандармов графа Татищева, несколько часов тому назад прибывшего в Ставку, очевидно, для доклада Государю об убийстве.

И генерал дальше рассказал мне подробно об убийстве.

Когда Кондзеровский в числе убийц назвал великого князя Дмитрия Павловича, мне вспомнился мой коротенький разговор с последним в середине ноября этого года — вскоре после моей беседы с Государем. После высочайшего завтрака я спускался по лестнице в нижний этаж дворца; великий князь Дмитрий Павлович остановил меня на нижней площадке, у выхода. Мы заговорили с ним о «настроениях», о «событиях». Между прочим мы коснулись моего разговора с Государем 6 ноября, причем я заметил:

— Как видите, ваше высочество, я исполнил свой долг, теперь очередь за вами.

— Услышите!.. Может быть, и я исполню, — как-то загадочно ответил Дмитрий Павлович. Не намекал ли он тогда на подготовлявшееся убийство Распутина?

Привезенная графом Татищевым весть с быстротой молнии распространилась по Ставке. Граф Татищев сообщил ее в штабной столовой во время завтрака. И высшие, и низшие чины бросились поздравлять друг друга, целуясь, как в день Пасхи. И это происходило в Ставке Государя по случаю убийства его «собинного» друга! Когда и где было что-либо подобное?!

Такая же картина наблюдалась и повсюду в России, куда только долетала весть об убийстве «старца». Один из чинов Ставки рассказал мне, что, возвращаясь из Архангельска, он на одной из станций в Вологодской губернии наблюдал точно такую же картину, когда пассажиры из газет узнали, что Распутин убит. Началось всеобщее ликование. Знакомые и незнакомые обнимали и поздравляли друг друга.

Поезд Государя должен был выйти из Могилева ровно в 4 часа. Обыкновенно Государь приезжал за несколько минут до отхода. В этот же раз, когда мы с ген. Кондзеровским и Ронжиным в 3 ч. с четвертью прибыли к поезду, Государь уже был там. Точно ему хотелось теперь хоть на три версты, но ближе быть к Царскому, которое так остро переживало смерть «старца».

Погода стояла отвратительная: дул пронизывающий холодный ветер, моросил дождь со снегом. Мы все, чтобы укрыться от стужи, зашли в соседний барак. К нам подошел командир конвоя граф Граббе.

— Почему такой экстренный отъезд? — спросил я его.

— Не знаю, — ответил он.

— А верно ли, что «старец» убит?

Тот же ответ.

— Да вы не прячьтесь за свое «не знаю!» Секрета не выдадим. Да и секрета нет, если убит, — уже весь Петроград говорит об этом, — настаивал я.

Граббе лукаво улыбался и твердил:

— Не знаю, не знаю.

Отогревшись немного, мы вышли к поезду. В это время Государь, с палкой в руке, возвращался с прогулки. Несмотря на резкий холод, он был в одной гимнастерке. Сопровождавшие его Воейков, Долгоруков и, кажется, Мордвинов тоже, насколько помню, были в гимнастерках. Лица Свиты даже в костюмах старались подражать Государю. Как раз в этот момент к поезду подъехал ген. Гурко. Он сразу подошел к Государю, и они вдвоем начали прохаживаться вдоль поезда. Как сейчас представляю фигуру Гурко: левую руку он заложил за спину, а правой размахивает, что-то доказывая Государю. Царь держится ровно, часто заглядывает в лицо Гурко. Я продолжаю следить за Государем, пытаюсь разгадать, как он переживает известие. Мои усилия напрасны: ни одно слово, ни одно движение Государя не выдают его беспокойства. Умел он скрывать свои мысли и чувства!

На следующий день я выехал в Петроград.

Убийство Распутина заслонило там все другие события, все интересы. Газеты были полны подробностей об убийстве «старца», о розысках его трупa. В гостиных и салонах только и говорили о Распутине. Факт убийства не подлежал сомнению, труп уже был вытaщен из реки, и все же находились маловерные, которые продолжали настаивать, что все слухи и газетные сообщения — выдумка, пущенная, чтобы успокоить общество: что Распутин жив и скрывается тут или же инкогнито выехал на родину и т. п. Заехавший ко мне 21 декабря ген. Иванов уверял меня, что ему известно из самого достоверного источника, которого он, к сожалению, не может назвать, что Распутин жив и здравствует. Все мои доводы не смогли разубедить старика.

Что в это время происходило в Царском? Мне рассказывали, что Императрица, получив первую весть об убийстве, прямо обомлела, потом взяла себя в руки и до самых похорон сохраняла наружное спокойствие.

Труп «старца», по извлечении из реки, поздно вечером был перевезен в Чесменскую богадельню (за Московской заставой), где было произведено вскрытие. В 4 часа утра викарий Вятской епархии, еп. Исидор (Колоколов), в по-

следнее время друживший с Распутиным и через это пользовавшийся большим вниманием Царского¹, совершил литургию и отпевание. Затем тело было перевезено на грузовике в Царское Село, где возле устраивавшегося Вырубовой приюта для инвалидов было погребено духовником их величеств, протопресвитером А. П. Васильевым. Царь, царица, Наследник и царевны присутствовали при погребении.

В то время как, можно сказать, вся Россия ликовала по случаю избавления от Распутина, при Дворе росло беспокойство. Незадолго до смерти «старец» будто бы предсказал, что его вскоре не станет. Когда исполнилось первое пророчество, стали припоминать другие. Вспомнили, что он же предсказывал, что в двадцатый или в сороковой день — точно не помню — после его смерти тяжело заболит Наследник; и еще — что Царская Семья, чуть ли и не Россия, будут безопасны только до тех пор, пока он жив. Эти предсказания беспокоили, как оказалось, не только Императрицу, Вырубову и других, потерявших голову поклонников и поклонниц Распутина, но и гораздо более уравновешенных людей.

24 февраля 1917 года², после обеда, когда Государь обходил гостей, я, стоя рядом с проф. Федоровым, спрашиваю его:

— Что нового у вас в Царском? Как живут без «старца»? Чудес над гробом еще нет?

— Да вы не смейтесь! — серьезно заметил мне Федоров.

— Ужель начались чудеса? — опять с улыбкой спросил я.

— Напрасно смеетесь! В Москве, где я гостил на праздниках, так же вот смеялись по поводу предсказания Григория, что Алексей Николаевич заболит в такой-то день после его смерти. Я говорил им: «Погодите смеяться, — пусть пройдет указанный день!» Сам же я прервал данный мне отпуск, чтобы в этот день быть в Царском: мало ли что может случиться! Утром указанного «старцем» дня приезжаю в Царское и спешу прямо во дворец. Слава Богу, Наследник совершенно здоров! Придворные зубоскалы, знавшие причину моего приезда, начали вышучивать меня: «Поверил «старцу», а «старец»-то на этот раз промахнулся!» А я им го-

¹ Еп Исидор по длинному ряду скандальнейших походов был «притчею» в нашем святительстве. Скандалы не раз приводили его к отрешению от викариатства и к заточению в монастырь. Это, однако, не помешало ему в последнее время пользоваться особым вниманием Царского. Там близость к Распутину покрывала какие угодно согрешения и даже преступления.

² После двухмесячного пребывания в Царском, государь вернулся в Ставку.

ворю: «Обождите смеяться, — иды пришли, но иды не прошли!» Уходя из дворца, я оставил номер своего телефона, чтобы в случае нужды сразу могли найти меня, а сам на целый день задержался в Царском. Вечером вдруг зовут меня: «Наследнику плохо!» Я бросился во Дворец... Ужас, — мальчик истекает кровью! Еле-еле удалось остановить кровотечение... Вот вам и «старец»... Посмотрели бы вы, как Наследник относился к нему! Во время этой болезни матрос Деревенько однажды приносит Наследнику просфору и говорит: «Я в церкви молился за вас; и вы помолитесь святым, чтобы они помогли вам скорее выздороветь!» А Наследник отвечает ему: «Нет теперь больше святых!.. Был святой — Григорий Ефимович, но его убили. Теперь и лечат меня, и молятся, а пользы нет. А он, бывало, принесет мне яблоко, погладит меня по больному месту, и мне сразу становится легче»... Вот вам и «старец», вот и смейтесь над чудесами! — многозначительно закончил профессор.

Я опускаю всем известные рассказы о том, как Распутин много раз исцелял Наследника, когда врачи оказывались бессильными остановить кровотечение, как он многократно предсказывал его болезнь. Сторонники Распутина видели в этом чудеса, противники его подозревали обман и мошенничество, в которых «старцу» будто бы помогали Вырубова, Бадмаев и другие. Как же объективно отнестись к Распутину?

Уже то обстоятельство, что Распутин заставлял задумываться над ним таких отнюдь не склонных ни к суеверию, ни к мистицизму, — напротив, привыкших на все смотреть прежде всего с позитивной точки зрения людей, как проф. Федоров, — уже это одно вызывает серьезный вопрос: что же такое был Распутин?

Начало «карьеры» Распутина связывается с его набожностью. Епископы Феофан и Гермоген пленились «высокою» его религиозной настроенностью, узрев в нем Божьего человека, притом весьма оригинального.

На людей экзальтированных или не обладающих острой наблюдательностью Распутин действительно мог производить сильное впечатление. От всей его фигуры, слов и речей веяло какой-то особой таинственностью: острые, можно сказать, страшные, засевшие в глубоких впадинах глаза; узкий лоб, нависшие волосы, оригинальная борода; отрывистая, туманная, загадочная речь; непрерывные упоминания Бога; резкие движения. Суждения его смелы, дерзновенны, повелительны. Он их высказывал авторитетно, не считаясь ни с личностью, ни с положением своего собеседника. Все это изумляло одних, ошеломяло других и совсем покоряло третьих. Распутин выделялся из толпы — его нельзя было не заметить.

Был ли на самом деле набожен Распутин?

В последние годы — о прежних не говорю, ибо раньше я не знал Распутина — его набожность была своеобразной и примитивной. Распутин посещал церкви, ежедневно молился у себя на дому, при беседах часто взывал к Богу, а в промежутках между молитвами и религиозными беседами творил всевозможные гадости и пакости, им же несть числа. Беспутство его всем известно. Его половая распущенность была ненасытной, вакханалии были его стихией. При этом все гадости он творил не стесняясь, не скрывая их, не стыдясь их безобразия. Более того, — он их прикрывал именем Божиим: так, мол, Богу угодно, или «Это необходимо для умирения плоти». Подобные Распутину фрукты нередко вырастали на нашей девственной почве. Я сейчас наблюдаю одного субъекта, который ежедневно по целым часам утром и вечером простаивает на молитве при непременно возженной лампадке, не пропускает ни одной церковной воскресной и праздничной службы, зачитывается духовными книгами, а все остальное время отдает непрерывной лжи, шантажу, клевете и прочим гадостям, обирает и разоряет доверчивых людей. Вспоминается четверостишие:

Во имя Божье Тит
Иконы золотит —
Из грабленного злата,
Что силой взял у брата.

У таких типов набожность уживается с религиозным цинизмом, как она уживалась в грязной душе старика Камазова.

Но главное у Распутина было — совсем не его набожность.

Не подлежит никакому сомнению, что Распутин обладал чрезвычайной магнетической силой. Поклонники и поклонницы указывали источники ее в его необыкновенной вере и святости. Конечно, они ошибались, ибо у Распутина не было ни веры, ни святости подлинного праведника! Серьезнее другое объяснение, что причину ее надо искать не в религиозной, а в физиологической области. Интересно мнение изучающего личность Распутина ученого, профессора-медика К. Он пришел к выводу, что сила Распутина, его необыкновенная, граничащая с прозрением чувствительность, его способность воздействовать на других развились на половой почве, вследствие присущей ему феноменальной половой энергии. Тайну распутинской силы должна раскрыть наука.

Несомненно также, что Распутин обладал совсем незаурядным умом, дававшим ему возможность ориенти-

роваться в самой сложной обстановке и высказывать суждения, совсем не обычные для неграмотного мужика. Его поклонникам такие суждения казались вещаниями свыше, своего рода откровениями. К ним прислушивались, внимая каждому слову; в туманном видели иносказание, в неясном искали высшего смысла. А умный и не менее хитрый мужик иногда намеренно затемнял мысль, облекая ее в туманные формы. Самый тон распутинской речи был весьма оригинален: Распутин не просто говорил, а изрекал, вещал; не советовал, а приказывал, требовал. На уже порабощенную волю все это действовало подавляюще.

Распутин не был ни сребролюбцем, ни стяжателем. Он мог получать сколько угодно средств: от царя и царицы, от поклонников и поклонниц, просителей и просительниц, наконец, от разных, пользовавшихся его услугами, лиц. Он и получал много. Но зато он щедрой рукой и раздавал получаемое: в его приемной, у ворот его дома толпились нуждающиеся, и Распутин одарял их. Не слышно, чтобы он оставил своей семье безмерное богатство.

Во время войны раздавались по адресу Распутина обвинения в измене. Что Распутин царицей и Вырубовой посвящался в военные тайны, это не подлежит сомнению. У этих лиц не было тайн от него. А царица всегда была в курсе военных и государственных дел. Также несомненно, что от Распутина без всякого труда могли выведывать эти тайны разные предатели, с которыми он бражничал. В выборе собутыльников Распутин был неразборчив, а во хмелю — чрезвычайно хвастлив и болтлив. Тогда от него можно было выведать что угодно. И этой его слабостью ловко пользовались его бесчестные собутыльники. В данном случае Распутин наносил вред Родине, не отдавая себе отчета. На сознательную измену он, по моему мнению, не был способен. Для русского мужика подобный грех представлялся безгранично тяжким.

Своей печальной карьерой Распутин был обязан гораздо менее самому себе, чем болезненному состоянию тогдашнего высшего общества, к которому главным образом и принадлежали его поклонники и почитатели.

Спокойной, здоровой религиозностью в этом обществе тогда не удовлетворялись; как вообще в жизни, так и в религии тогда искали острых ощущений, чрезвычайных знамений, откровений, чудес. Светские люди увлекались спиритизмом, оккультизмом, а благочестивейшие епископы, как Феофан и Гермоген, все отыскивали особого типа праведников, вроде Мити Гутнивого, Дивеевской «провещательницы», ялтинской матушки Евгении и т. п. Распутин показался им отвечающим требованиям, предъявляющимся к подобного рода праведникам, и они, даже

не испытав, как следовало бы, провели его сначала в великокняжеский, а потом и в царский дворец. В великокняжеском дворце скоро поняли, что это фальшивый праведник, а в царском проглядели. Там Распутин сумел пленить экзальтированно-набожную царицу. Она более многих других искала в религии таинственности, знамений, чудес, живых святых, а ее материнское чувство все время ожидало помощи с Неба для ее несчастного, больного сына, которого бессильны были исцелить светила медицинской науки. Распутин вошел в царский дворец с уже установившейся репутацией «Божьего человека», санкционированной тогда несомненными для Царского Села авторитетами — епископами Феофаном и Гермогеном.

Надо еще принять во внимание, что к этому времени царица окончательно разочаровалась в нашем высшем обществе и все свои симпатии отдала простому народу. Естественно, что она сразу с особым интересом и доверием отнеслась к выходцу из этого народа, все возраставшими по мере того, как она приглядывалась к новоявленному праведнику. В последнем для нее все было ново: и наружный вид, и смелость, с которой он наставлял царя с царицей и критиковал вельмож, и загадочно-туманная речь, и дерзновенность его движений. Когда же он несколько раз после оказавшихся бесплодными усилий врачей-профессоров исцелил ее больного сына, она окончательно уверовала в его особое избранничество, увидев в нем посланного Господом для ее семьи святого человека.

Если бы не оказалось ни одного распутинского сторонника, умевшего влиять на царицу и поддерживать ее веру в богоизбранничество тобольского мужика, то и тогда царица не изменила бы своего отношения к Распутину: она была слишком независима в своих суждениях и настойчива в действиях. Но тут оказалась целая плеяда апологетов Распутина, все крепче утверждавших царицу в ее вере. Тут были митрополиты Питирим и Макарий, целый сонм архиепископов и епископов, генералов, членов Государственного Совета, сенаторов, министров и прочих сановных лиц. Искренних почитателей Распутина было очень мало: Вырубова, Головина и еще несколько женщин — женщины легче поддавались его чарам. Из мужчин же я не решаюсь назвать ни одного, который бы искренно верил в его святость. Даже царский духовник, так горячо до 1914 года отстаивавший Распутина, не был, думаю я, искренним. Прочие же подмазывались к Распутину по явно корыстным побуждениям, надеясь при его поддержке сделать карьеру или получить иные блага. И они не ошибались: маленький (во всех отношениях) Томский архиепископ Макарий и опальный Владикавказский

Питирим — оба ничем не выделявшиеся — при помощи Распутина выросли в митрополитов Московского и Петербургского; опальный Псковский епископ Алексей (Молчанов) сразу стал экзархом Грузии; неуч, полутрамотный архимандрит Варнава за три года вырос в Тобольского архиепископа; дававший Распутину приют в своей квартире sereneкий кандидат богословия Даманский стал товарищем обер-прокурора Св. Синода, а затем сенатором, и т. д. Это было в духовном ведомстве. Подобное же происходило и в других ведомствах.

Почти все эти возвеличенные лица затем, благодаря тому же Распутину, становились близкими к царице. Митрополит Питирим, например, был так к ней близок, как ни один из предшествовавших митрополитов. Митрополит Макарий также стал для нее авторитетом. Даже и Даманский начал появляться в Царском. Все эти лица должны были, ради собственного же благоденствия, превозносить своего благодетеля. Получился заколдованный круг: Распутин вознес на высоту своих ставленников, а те превозносили его. В пользу Распутина говорили его «чудотворения»; ставленники Распутина теперь были сильны своим саном и положением. Царица из уст двух митрополитов и многих епископов слышала подтверждения своей веры, что Распутин Божий избранник. Что могли теперь для нее значить изредка раздававшиеся противоположные голоса? Царица окончательно запуталась в сетях.

Влияние Распутина на царицу было неограниченным. Тут всякое его слово было всесильно. Царь был менее очарован Распутиным, но и он часто прислушивался к его голосу и поддавался его влиянию.

Но влияние Распутина не ограничивалось царем и царицей. Называли длинный ряд министров и иных сановников: Штюмерера, Протопопова, Саблера, А. Н. Хвостова, Раева, кн. Шаховского, ген. Беляева, Белецкого, митрополита Питирима и др., на которых несколько каракуль, выведенных рукой Распутина, производили магическое действие: просителю, принесшему записку Распутина, оказывался самый милостивый прием, и просьба его, как бы она трудна ни была, немедленно исполнялась. Все эти лица запросто бывали у Распутина, как и он у них, с ним лобызались, пировали и пр. Сановным подражали их подчиненные. Таким путем разрасталась слава Распутина. Отсюда пошли разговоры, что Распутин все может, что все министры послушны ему, что он правит государством.

Естественно, что после этого, с одной стороны, приемная Распутина стала заполняться просителями всех рангов: от добивавшихся министерских, генерал-губернаторских, митрополичьих и других постов до действительно

угнетенных и обремененных, чаявших найти у него защиту и помощь, а с другой — начало расти, особенно в высших кругах, возмущение тем, что государством правит развратный, грязный и продажный мужик.

Если царь и царица оказывали Распутину особое внимание потому, что уверовали в него и прониклись особым почтением к нему, то все эти сановники раболепствовали перед Распутиным, спешно исполняли все его требования, воскуряли перед ним фимиам исключительно по низким побуждениям. В душе все они ненавидели и презирали грязного мужика, наружно же всячески старались польстить и угодить ему, надеясь через него снискать себе царскую милость и все последующие блага. Поведение этих прислужников Распутина тем большего заслуживает осуждения, что оно диктовалось исключительно эгоистическими соображениями. Ряд других министров, как П. А. Столыпин, С. Д. Сазонов, В. Н. Коковцев, А. В. Кривошеин, А. А. Хвостов и др. сторонились Распутина и никогда не исполняли его просьб. Ко мне только однажды обратился с письмом Распутин, и я категорически отверг его просьбу, даже не ответив ему. И никто из действовавших таким образом не подвергся немедленной царской каре за свои действия.

Итак, представители верхов нашей аристократии сами же расширяли влияние Распутина и увеличивали его славу. А в это самое время, главным образом в аристократических же сферах, началось будирование по поводу слухов о захвате Распутиным власти, которые, все разрастаясь и переплетаясь с самыми гнусными нелепостями, расползались во все стороны и перед революцией наполнили всю Россию. Получался новый заколдованный круг: одна часть «гнилой», как выражалась царица, аристократии закрепляла славу Распутина, а другая, возмущенная этой славой, борясь с Распутиным, одновременно хоть и не желая, но привела к тому, что восстановила народ против царской семьи.

Если бы Распутин жил в царствование Императора Александра III, когда все в России, в том числе и в особенности высшее общество было более здоровым, он не смог бы нажить себе большей славы, как деревенского колдуна, чаровника. Больное время и прогнившая часть общества помогли ему подняться на головокружительную высоту, чтобы затем низвергнуться в пропасть и в известном отношении увлечь за собой и Россию.

В судьбе России Распутин сыграл огромную и роковую роль. Его свыше чем десятилетняя близость к царской семье, его постоянное невежественное и нечистое вмешательство в государственные дела, его покровительство всяким бездарностям и проходимцам восстанавливали и оз-

лобляли не только против него, но и против царской семьи все слои населения, расслабляли духовную связь, соединявшую народ с царем, давали обильную пищу искавшим развала врагам старого строя.

Трагичны роли царя и царицы в истории Распутина: слабовольный фаталист царь и нервнобольная царица. Не будь такой царицы, не было бы и Распутина-временщика. Тобольский мужик — «Божий человек» — в самом счастливом случае привлек бы ненадолго внимание нескольких неграмотных монахов, нескольких наивных священников и двух-трех неумных архиереев, а скорее всего прослыл бы за колдуна или, еще проще, занялся бы опять тем, чем занимался до «Божьечеловечества», то есть конокрадством или чем-либо подобным. Другой царь нашел бы способ положить предел опасным для государства увлечениям своей жены и не позволил бы невежественному мужику вмешиваться в государственные дела.

К несчастью для России, наш Государь не находил сил, чтобы пойти против воли царицы, а болезненная царица не могла стать выше материнского чувства и своих мистических увлечений.

Если хозяйничанье Распутина в государственных делах всех раздражало и озлобляло, то, с другой стороны, его всесильное влияние на царицу и царя укрепляло их в направлении, по которому они упорно шли, не считаясь ни с общественным и народным настроением, ни с нуждами страны, ни со все ярче вырисовывавшимися зловещими признаками надвигающейся катастрофы. И то и другое ускоряло развязку.

Гибель Распутина всколыхнула Россию, но не могла уже остановить надвигающейся грозы.

Во-первых, было поздно: развал власти и развал верноподданнических чувств в обществе зашли очень далеко. А во-вторых, распутинщина с гибелью Распутина не умерла, но продолжала действовать. Обстановка же в Царском Селе была такова, что она не исключала возможности появления новой, еще горшей распутинщины.

Интересная мысль высказана известным артистом Московского художественного театра Н. О. Массалитиновым: около Распутина теснились бесчестные люди, обдelyывавшие при его помощи свои грязные делишки; а почему не подошли к нему ближе, не завладели его сердцем люди честные, умные, государственные, чтобы воспользоваться его положением при царском дворе для высоких целей, для блага государства? Мысль красивая. Но практически она не могла осуществиться по многим причинам.

В лучших кругах нашего тогдашнего общества имя Распутина пользовалось крайней одиозностью, которая пере-

носились и на всех, связывавшихся с ним. Это неминуемо ожидало и того, кто решился бы с тайной благой целью сблизиться с Распутиным.

У нас умели совершать подвиги, жертвуя жизнью, открыто и смело говоря сильным мира правду, но на подобный подвиг могло не найтись «подвижника», ибо по существу такой подвиг сложнее, труднее и мучительнее жертвы жизнью. Жертвовавший жизнью, как и выступавший с правдивым словом шли прямым путем и создавали себе имя, а сблизившийся с Распутиным с тайной высокой целью мог навсегда остаться неразгаданным и потерять доброе имя. Министр внутренних дел А. Н. Хвостов уверял, что он сошелся с Распутиным с целью: или обезвредить, или совсем устранить его. Возможно, что Хвостов говорил настоящую правду. Но он и доселе слывет за распутинца.

Другая трудность заключалась в том, что, оставаясь чистым, нельзя было быть близким к Распутину. Он все время жил в атмосфере кутежей и распутства, в которых должны были принимать участие его «друзья»; «друзьям», с другой стороны, приходилось выслушивать разные нелепости, которые он изрекал, льстить ему, пресмыкаться перед ним, целовать его руки и вообще всячески унижаться перед ним. Кто из чистых в силах был пойти на такой подвиг?!

А чистыми мерами нельзя было повлиять на него. Благочестивые епископы Феофан и Гермоген пытались достичь этого, но им пришлось отрясти прах от ног своих. Наконец, «чистые люди», сумевшие подойти к Распутину, наверняка оказались бы бессильными что-либо сделать ввиду массы «нечистых», окружавших его.

П.КОВАЛЕВСКИЙ

ГРИШКА РАСПУТИН

П. Ковалевский.
«Гришка Распутин».
М., 1917 г.

П. Ковалевский — известный петербургский публицист, общественный деятель. В очерке о Г. Распутине используются многочисленные газетные публикации тех дней.

В истории русского политического освобождения и крушения династии Романовых сыграл роковую и определяющую роль «старец» Григорий Ефимович Распутин, тюменский конокрад, поистине знаменитый авантюрист, распутник, пьяница и корыстный ханжа.

«Властитель дум» петроградских влиятельных политических кругов старого режима, кумир сановников и дворцовых звезд, торговец награждениями, концессиями и государственными постами, — он, чья скандальная хроника подмыла грязью царский трон, был как бы брошен самим фатумом политических событий, чтобы довершить и привести к неизбежному все вздувающийся гнойник русской деспотии.

Основные черты биографии Распутина следующие:

привлекался по делу о конокрадстве;

был приговорен волостным судом к телесному наказанию;

устраивал хлыстовские моления и проявлял «телесное озлобление» в женских монастырях.

И этот вор, конокрад, пьяница и развратник, надеясь на свои «исключительные данные» могучей физической организации и на признанную многими способность гипнотического воздействия, поехал в Питер, дабы, влияя на «слабый женский пол» высшего петроградского общества, сделать ту головокружительную карьеру, которая в начале его пути, вероятно, ему и не снилась.

Проявления его гипнотического воздействия, обращенные целиком в сторону половых эмоций, дали ему уверенность в своей «силе», благодаря которой можно при известной ловкости дойти до «степеней известных».

И хитрый авантюрист, звероподобный бородатый мужик, грязный, нечистоплотный даже тогда, когда он купался в сотнях тысячах, приехал в Петроград, дабы «благодарить» его прикосновений осенила целый ряд высокопоставленных представительниц дворцовой аристократии.

Вначале, по выражению одного публициста, ему хотелось просто украсть сто рублей и есть с утра до вечера сало, как и известному анекдотическому хохлу.

Денег, водки, пищи и женщин — вот чего надо было тобольскому конокраду.

Но по щучьему велению фантастических и смутных судеб русской политической истории современности этот приехавший за сотней рублей хохол превращается в легендарную «темную силу», которая ворочает судьбами империи и является некоей могучей и реальной силой.

Факт покровительства этому мужику женой бывшего царя Александрой Федоровной (Алисой Гессенской), приобретший неслыханно скандальный оттенок, сразу поставил грязного авантюриста на страшную высоту при последних судорогах самодержавно-бюрократического режима.

«Министры и епископы, князья и графы, бароны и баронессы» — все побежали на поклон к Распутину, все преклонились перед новым дворцовым фаворитом, все стукались лбами перед его сапожищами.

«Старец», маскировавший воздействия своей гипнотической силы, специфически направленной на половую сферу, религиозными радениями и якобы мистическими бессмыслицами, оказался в центре петроградских великосветских интересов. По существу, очень мало культурные, готовые заинтересоваться любым эффектным ритуалом теософического или сектантского шарлатанства, представители петроградской артистократии, все эти «титулованные дуры», обладательницы салонов соединились с авантюристами и мошенниками чистой воды, которым интриги и комедии Распутина просто были выгодны для оборудования своих личных целей.

И началась позорная и нелепая трагикомедия, в которой принимал участие двор и большинство представителей русского правительства и которая закончилась в конце концов убийством морочившего всех мужика и ниспровержением отжившего и прогнившего старого строя.

Этот хитрый и прикидывавшийся простоватым мужик, любитель баранины, денег, водки женщин, дискредитировал идею бюрократического правительства и царизма так, как это не могли бы сделать все враги недавно торжествовавшего строя. Распутин навсегда для России втоптал в грязь абсолютизм и его прислужников, бюрократию. Вот в каком смысле он сыграл крупную роль в совершившихся великих событиях.

Кто же был и что представлял собой этот недавний всесильный временщик, сумевший объединить все живое

в стране лютой ненавистью к темным силам реакции, влиявший на образ правления в стране, о котором иностранные послы писали длинные шифрованные телеграммы-доклады своему правительству, о котором русская цензура запрещала писать в газетах, перед которым пресмыкались и на задних лапках ходили министры, губернаторы и вся придворная камарилья, который в конце концов перессорил даже членов бывшей царской фамилии.

Еще в начале 1907 года в селе Покровском Тобольской губернии, расположенном в восьмидесяти верстах от Тюмени, распространились слухи о появлении «святого». Кличка эта произносилась местными жителями сначала презрительно, но мало-помалу в отзывах стало появляться известное почтение. Крестьян особенно поражал образ жизни «старца». Летом, после зимней жизни в Питере, когда Распутин приезжал в село Покровское, к нему вереницей тянулись высокопоставленные дамы, княгини, генеральши и пр.

Распутин надевал тогда свои старые валенки, холщовую рубашку, портки и в таком виде щеголял по селу с надушенными, в модных шляпах барынями, которые под руку вели его в церковь, не стесняясь местных крестьян.

Дамы заглядывали ему в глаза и величали его «святым отцом». На старых крестьян это шествие производило угнетающее впечатление. Они возмущались: какой это праведник, ежели он с бабами спутался...

У Распутина в селе Покровском до сего времени живет отец. Есть у него и законная жена, женщина сорока восьми лет. У них трое взрослых детей, сын и две дочери.

Прежде Распутин жил в селе Покровском в старом деревянном доме и имел небольшую ветряную мельницу. У этой мельницы он потом собственноручно построил нечто вроде маленькой часовни с большим крестом.

Прежде его обычным занятием были пьянство, дебош, драки, отборная ругань. Бывало, едет он за хлебом или за сеном в Тюмень, возвращается домой без денег, пьяный, избитый и часто без лошадей. Такая жизнь продолжалась до тридцати лет. Все это время среди односельчан он слыл за пьяного, развратного человека.

Перемена с ним произошла внезапно. Он вдруг резко изменил свое поведение. Сделался набожным, кротким, перестал пить, курить, начал бродить по монастырям и святым местам.

Поводом к этой перемене послужила, говорят, одна поездка в Тюмень, куда он отвозил одного студента Духов-

ной академии, монаха Милетия Заборовского, который в настоящее время состоит ректором в Томской духовной семинарии.

Милетий Заборовский произвел на него сильное впечатление и до конца имел влияние на его поведение. Через некоторое время Распутин отправился в путешествие и побывал на богомолье в Абалакском монастыре, в Верхотурье, Саровской пустыни, Одессе, Киеве, Москве, Казани и Петрограде. Возвратившись, он стал еще более богомолен, являлся на клирос раньше священника, истово крестился, бился лбом о землю до крови.

Говорить он стал загадочно, отрывочными фразами, стал претендовать на пророчество и предсказание. Когда его о чем-нибудь спрашивали, он подолгу не отвечал, а потом точно спросонья произносил несколько отрывочных бессмысленных фраз.

Это юродство стало мало-помалу привлекать к нему внимание односельчан. Мужики, впрочем, больше смеялись над ним и презирали его, но бабы начинали верить, заглаживали за советами.

Вскоре, однако, по селу разнеслась весть, что зародился новый пророк-исцелитель, чтец мыслей, разгадыватель душевных тайн.

Слава Распутина стала распространяться далеко за пределами села Покровского и соседних деревень. Приходили бабы, водя за собой кликуш, хромых, слепых, больных ребят.

Пользуясь успехом у женщин, Распутин продолжал вести свою линию, часто удалялся в лес, устраивал там кресты, молился. В это же время увеличивается группа его поклонниц, которых он называл «сестрами». Они вместе с ним ходили в лес «молиться». В промежутках между молениями он обнимал их, устраивал неистовые пляски, заканчивавшиеся большей частью общим свальным грехом.

В своем собственном доме он вырыл яму и уходил в нее на ночь спать и молиться. Это называлось у него борьба с дьяволом, которого ему, по его словам, удалось одолеть.

Вслед за «сестрами» появились и «братья», уверовавшие в его внутреннюю силу. Среди них были Илья Арапов, крестник Распутина Николай и двоюродный брат его Распопов. «Братья» жили трезво, мирно и отличались трудолюбием. «Сестры» слушались его беспрекословно. Все они были по большей части молодые красивые девушки. Одну звали Катей, другую Еленой, третью Дуней. Среди них была еще одна, Александра Дубровина, дочь богатых родителей, здоровая красивая девушка, полная жизни. Она пошла с Распутиным в Киев на богомолье

и вернулась оттуда совсем больной. Мать удерживала ее дома, но она всеми силами стремилась к «старцу». Распутин обращался с ней жестоко, мучил ее, истязал, но она твердила, что жить без него не может и, как бы ее ни удерживали, все равно она уйдет к нему. Вскоре она умерла. После смерти Александры Дубровиной к «старцу» пришла жить ее младшая сестра Ирина. И с этой случилось то же самое: она зачахла в несколько месяцев и весной 1908 года умерла.

Эти приметы являются живой иллюстрацией того могучего воздействия на женщин, которым, несомненно, отличался покойный авантюрист.

Крестьяне села Покровского жаловались на Распутина начальству, говоря, что он губит всю деревню, что девушки уходят от него испорченными и подбрасывают младенцев в каждую хату.

Слава о Распутине все больше и больше распространялась, и стоило ему куда-нибудь уехать, как к нему тотчас же со всех сторон летели письма и посланцы. В это время он бывал уже в Петрограде и получал оттуда раздушенные записочки графинь и княгинь. Записки эти читались грамотными односельчанами вследствие нескромности местного почтового чиновника.

Получались телеграммы от архиереев, академиков, генералов и даже от покойного председателя Совета министров Столыпина. Но больше всего писали ему дамы света, часто заканчивавшие свои письма словами: «целую ваши ручки и ножки».

В силу и в широкий свет он вошел в 1903—1904 годах. Случилось это после знакомства его с купчихой-миллионершей Башмаковой. Он встретился с ней на богомолье. Башмакова только что похоронила мужа и сильно горевала. Распутин утешил ее. Она увезла его в Казань, познакомила с именитыми купцами. Из Казани он поехал с Башмаковой в Киев, потом в Москву и, наконец, в Петроград. Здесь он был представлен отцу Иоанну Кронштадтскому и произвел на него, как говорят, большое впечатление.

Распутин становится подлинной «известностью», к нему приходят за советами, его приглашают в салоны. Летом 1906 года он приехал к себе в село с большими деньгами, купил рояль, одаривал многих гостинцами. В это же время вспыхнула в нем старая страсть к вину. Но теперь пил он уже напитки барские: дорогие вина, коньяк, шампанское. Крестьян поражало неожиданное богатство. Распутин объяснял его своим неустанным богомольем.

Прежние «сестры» в платочках исчезли, место их заняли петроградские аристократки, приезжавшие вместе с

ним из столицы. Обращение его с женщинами было более чем свободное.

После первого покушения на Столыпина Распутин был экстренно по телеграфу вызван в Петроград. Вторично он был вызван в столицу после убийства главного военного прокурора.

Местные духовные власти стали смотреть на него несколько косо, подозревая его в образовании хлыстовской секты. Однажды, когда Распутин в компании Хионы Гусевой, покусившейся на его жизнь в 1914 году, одной курсистки и «сестры» находился в доме местного богача Свистунова, неожиданно явился на шумное пиршество Распутина миссионер Глуховской с настоятелем церкви Остроумовым. Они произвели допрос всех гостей. Были обысканы весь дом, кладовая, службы, комнаты. Искали каких-либо подтверждений и доказательства тому, что у Распутина происходят «радения». Ему самому был предложен вопрос, правда ли, что он ходит с «сестрами» в баню. Распутин отрицал.

Обыск и допросы не имели для Распутина никаких последствий, так как он немедленно пожаловался в Петроград. Духовный следователь в результате был переведен в другое село, самое дело было потушено. После этого Распутин переехал в Петроград и безвыездно прожил там целый год.

Возвращался он в родное село лишь на короткое время. Летом 1914 года он отдыхал в своем новом, роскошно отстроенном доме. К нему в гости съехалось из Петрограда несколько именитых женщин, в числе которых были сиятельные графини. Неожиданно для всех с ним случилась беда. Одна из старых его поклонниц, «сестра» Хиона Гусева, на улице вонзила ему кинжал в живот. Рана оказалась тяжелой, но не опасной для жизни. Гусева едва не была убита на месте поклонницами Распутина. От самосуда ее спасли прибывшие полицейские власти.

На допросе Гусева показала, что мстила Распутину за поруганную честь и за обман. Гусева верила в его «святость» в течение долгих лет, но потом убедилась, что он просто развратный, сластолюбивый старик, соблазнитель молодых неопытных женщин.

Дело против Гусевой было, однако, прекращено. Она была признана невменяемой и помещена в дом умалишенных.

Гусева — сестра известного политического каторжанина Григория Зайцева, убившего в 1907 году в Петрограде городского и приговоренного за это в каторжные работы. В 1908 году он проходил по пути через тобольскую тюрьму и встретился с Распутиным в селе Покровском по просьбе сестры. Распутин передал Зайцеву полученные им от од-

ной из поклонниц деньги. Зайцев отказался их принять, упрекая Распутина в развратном поведении и дурном влиянии на сестру. Последнюю Зайцев убеждал покинуть Распутина, уйти от него. Но Хиона Гусева тогда осталась верной «старцу», и только через несколько лет она вспомнила слова брата и решила убить Распутина.

Второй раз на Распутина подготовлялось покушение известным авантюристом Ржевским в 1915 году. Дело это, как известно, привело лишь к тому, что Ржевский был сослан на поселение, а лица, вдохновлявшие его на покушение, потеряли свои высокие посты.

После дела Ржевского Григорий Распутин был всегда окружен охраной, которая дежурила в его доме и следила за всеми приходившими к «старцу» и встречавшимися с ним.

II

Влияние Григория Распутина особенно возросло за последние два года, когда он расширил сферу своей деятельности и, кроме разных «дел», которые при его посредстве производились темными лицами, занимался также и «высшей политикой».

Немалую роль сыграл Распутин в отставке Коковцова, имени которого Распутин не мог равнодушно слышать с тех пор, как по настоянию Коковцова он был в 1913 году выслан из Петрограда на родину.

Распутин тогда на родину не поехал, а поселился на юге и через некоторое время благодаря связям выхлопотал разрешение вернуться в столицу. Но с этого момента Распутин повел решительную борьбу с Коковцовым. В день отставки последнего он не скрывал своего торжества и первый распространил эту весть через своих поклонниц по всему Петрограду.

Для осуществления своей мести Коковцову Распутин вошел в соглашение с некоторыми бюрократами, которых он до того времени сторонился. Между ними был покойный князь В. П. Мещерский, редактор некогда влиятельного «Гражданина».

Немаловажную роль сыграл Распутин и в деле отставки Самарина с поста обер-прокурора синода. Победой над Самариным Распутин гордился больше всего. Он не мог простить Самарину, что последний возбудил дело против епископа Варнавы, с которым Распутина связывали давнишние дружеские отношения и однокашничество по части авантюризма и наглых, ничем не оправдываемых претензий. Сестра Варнавы была одной из любимейших распутинских «секретарш».

После отставки Самарина бюрократия, убедившись в громадном влиянии безграмотного мужика, устремилась к нему бешено на Гороховую, где он жил, в поисках расположения временщика. Посредником этих отношений являлся небезызвестный князь Андроников, издатель репутильной газеты «Голос России», который умел забрать Распутина в свои руки и обдeldывать при его посредстве свои делишки.

Первым пошел на поклон к Распутину недолго бывший министром внутренних дел А. Н. Хвостов. Дружба его с Распутиным продолжалась довольно долго, пока, узнав, что Распутин ведет игру не с ним одним, а и с другими, «чающими движения служебной воды» сановниками, Хвостов не повел против Распутина кампанию, создав известное дело Ржевского, которое послужило причиной отставки Хвостова.

Распутин отказался «проводить» Хвостова в премьеры, и это послужило поводом к разрыву двух интриганов.

В это время на горизонте показался Б. В. Штюрмер и в короткое время вытеснил Хвостова «из сердца» Распутина. Во время премьерства Штюрмера Распутин приобрел влияние уже неограниченное. Самая малейшая его просьба немедленно удовлетворялась. Если происходила почему-либо задержка, то Распутин по телефону, не стесняясь присутствием посторонних лиц, в резкой форме требовал от бывшего председателя Совета министров исполнения его просьбы.

Знаменитый Манусевич-Мануйлов был приглашен специально для сношений Штюрмера с Распутиным. Назначение бывшего митрополита Питирима также произошло по настоянию Распутина.

Обер-прокурор синода Волжин также был назначен «мановением руки» этого всесильного авантюриста. И наконец, Раев был его последним ставленником, последним лакеем, который лизал руку старого проходимца и вошел в сановники.

Распутин в эти годы распустил все вожжи своего дикого темперамента и вел себя с цинизмом зазнавшегося лакея, которому море по колено и который в случае чего сейчас же вспоминал грубо-уменьшительное имя «высочайшей» покровительницы в выражениях скандального свойства.

Установивший за ним во время приездов в Москву секретное наблюдение охраны Джунковский оставил нам несколько любопытных документов образа жизни и поведения Гришки Распутина.

26 марта 1915 года была получена начальником московского охранного отделения шифрованная телеграмма

следующего содержания: «25 марта курьерским № 1 выехал Москву Григорий Распутин. Кличка наблюдения «Темный». Установите неотступное, совершенно секретное наблюдение. Случае выезда сопровождайте. Телеграфируйте мне. Полковник Глобачев».

Соответственно этому приказанию московское охранное отделение организовало, как видно из дела отделения № 35, подробную слежку за Распутиным: указаны все лица, которых Распутин посетил, причем сообщены детальные сведения относительно каждого из них. Агентурным путем были добыты две телеграммы, полученные за это время Распутиным, которые подшиты к делу в подлинниках. Вот эти телеграммы:

1. Из Царского Села дворца 27 марта: «Сегодня доктора мучают. Помолись. Видела всех. Николаем трудно. Благослови. Анна».

2. Григорию Ефимовичу Новому. Из Петрограда 27 марта: «Грущу. Не простилась. Надеюсь, скоро вернешься. Друг на войне. Обнимаю. Сана».

Подробное донесение о пребывании Распутина в Москве сопровождается указанием, что 26 марта «Темный» со знакомыми ночь провел у «Яра», а 27 марта, вечером, приехал он пьяный в частную квартиру, куда были приглашены певички и где происходил дебош. Донесение помечено 1 апреля.

31 мая получена срочная телеграмма:

«Вашем докладе от 1 апреля подробностей пребывания у «Яра». Донесите. Товарищ министра Джунковский».

5 июня послано в Петроград следующее донесение пристава 2-го участка Суцевской части:

«26 марта сего года, около 11 часов вечера, в ресторан «Яр» прибыл известный Григорий Распутин вместе с Р. и С. и неустановленной молодой женщиной. Вся компания была уже навеселе. Заняв кабинет, приехавшие вызвали к себе по телефону К. и пригласили женский хор... По-видимому, компания и здесь имела возможность пить вино, так как опьяневший еще более Распутин плясал впоследствии «русскую», а затем начал откровенничать с певичками в таком роде: «Этот кафтан подарила мне «старуха», она его и шила». А после «русской»: «Эх! Чтобы «сама» сказала, если бы меня сейчас здесь увидала». Далее поведение Распутина приняло совершенно безобразный характер какой-то половой психопатии... (следуют неприличные подробности — П.К.). На замечание заведующей хором о непристойности такого поведения в присутствии женщин Распутин возразил, что он всегда так держит себя перед женщинами, и продолжал сидеть в том же виде. Некоторым из певичек Распутин дал по 10—15 рублей, бе-

ря деньги у своей молодой спутницы, которая затем оплатила все прочие расходы по «Яру».

В дополнение к этому сообщению в личном письме начальника охранного отделения Мартынова приводятся следующие подробности: «Немедленно весть о пребывании Распутина в кабинете у «Яра» и его шумное поведение вызвало огласку в ресторане, причем хозяин ресторана, желая избежать неприятностей и излишнего любопытства, стал уверять, что это не настоящий Распутин, а кто-то другой, этот нарочно себя им назвал. Когда, однако, это дошло до Распутина, то он уже начал доказывать, что он настоящий Распутин, и доказывал это самым циничным образом, перемешивая во фразах безобразные намеки на свои близкие отношения к самым высоким особам».

Ходившие по России в виде темных легенд и слухов скандальные сообщения только теперь всплыли на поверхность и облекаются в достоверную связь событий.

Обнаруживается целый ряд мошенничеств и мистификаций, к которым прибегал хитрый тюменский конокрад, чтобы дурачить своих высочайших покровителей и держать их в напряженной атмосфере мелкой шарлатанской мистики и религиозных чудес.

Рассказывают, что он внушил членам сверженного царского дома представление о том, что их безопасность тесно связана с его, распутинским, благополучием. «Пока я цел, и вы целы» — вот был его рефрен. И во дворце верили, что жизненные нити их связаны с существованием Распутина.

Среди других его проделок, долженствующих внушить представление о его пророческом даре предвидения и даре чудес, выделяется одна со старинной бронзовой люстрой екатерининских времен, висевшей в зале царскосельского дворца. В этом зале любил играть маленький Алексей. Распутин однажды сообщил бывшей царице: «Завтра сына в эту комнату не пускать. Как бы греха не случилось»...Совет «старца» был исполнен. Зал заперли. И на другой день в этом зале раздался грохот, похожий на взрыв адской машины. Когда открыли дверь, то увидели, что сорвалась и разбилась прекрасная люстра. Бронза погнулась. Хрусталь был разбит вдребезги. К Распутину с криком «Спаситель!» бросилась вся семья. Он в ответ сказал: «Голос мне был». В то же время обнаружили на стволе люстры след подпилка. Питирим отслужил благодарственный молебен.

По сообщениям, вместо паспорта Распутин носил с собой фотографическую карточку своей покровительницы Александры Федоровны. Эта карточка устанавливала его

близость ко двору и служила как бы грамотой его влияния. Карточка эта была найдена при трупе Распутина, извлеченного из реки.

III

Естественно, что смерть этого всесильного шарлатана-временщика прогремела по России как гром и обнаружила сложную и хаотическую сеть отношений и подпольных тайн и интриг, совершаемых за кулисами русской внутренней политики.

Обстоятельства смерти теперь ни для кого не тайна. Та дискредитация бывшей императорской фамилии, которая деятельно шла при помощи грязного проходимца, в конце концов вызвала понятное возмущение членов этой фамилии. Некоторые из членов ее, и в том числе Дмитрий Павлович, Кирилл Владимирович и князь Юсупов-Эльстон, были непосредственными участниками убийства.

Общий контур сцены убийства следующий.

Компания молодых людей из аристократических фамилий в числе девяти человек с вечера кутила в загородном ресторане. Около часа от компании отделилось одно лицо и в автомобиле поехало за Распутиным на Гороховую улицу, дом № 64. Через некоторое время Распутин был привезен в ресторан.

Кутеж продолжался еще около полуночи, а затем все поехали на Мойку, в дом князя Юсупова. Здесь пирушка продолжалась.

Распутин совершенно опьянел и бормотал какие-то бессвязные слова. Он сидел на диване и вел беседу с несколькими молодыми людьми.

Во время беседы Распутин стал отзываться очень непочтительно о некоторых лицах, в том числе о бывшей царице.

На это один из собеседников резко ему заметил: «Ты, мужик, будь поосторожней...»

Распутин покровительственно похлопал своего собеседника по плечу и ответил: «Ничего, миляга, мне можно...»

Тогда беседовавший с Распутиным резко оттолкнул его от себя и снова ему напомнил, чтобы он вел себя прилично и не забывал, с кем разговаривает.

Распутин вспылil и громко вскрикнул, что он пожалуется Александре Федоровне и обидчик его понесет наказание.

Возмущенный словами Распутина разговаривавший с ним князь выхватил револьвер и почти в упор выстрелил в Распутина.

Распутин упал, но почти через мгновение встал и побежал.

В это время из соседней комнаты на звук выстрела прибежали другие участники пирушки и, увидев убегающего Распутина, бросились его догонять, производя на ходу выстрелы из револьверов.

Всего было произведено около шести выстрелов. Одна из пуль попала, между прочим, и в собаку, а две — в Распутина. Пули настигли его на лестнице вестибюля, где он упал мертвым.

Затем решено было увезти труп из дома. Сделать это поручено было трем лицам из числа девяти, находившимся в доме. Труп был увезен и сброшен в канал.

19 декабря 1916 года следователь по важнейшим делам Петроградского окружного суда Середа был вызван на место обнаружения трупа. Следователь спустился на лед реки Малой Невки, где саженях в двенадцати от левого берега лежал на салазках на спине труп мужчины с признаками насильственных повреждений на голове и на груди. Труп принадлежал мужчине 50 лет, среднего роста; одет был покойный в две рубахи, верхнюю — голубого цвета с вышивкой (васильки и синие колосья), ноги в сапогах с высокими мягкими голенищами, перевязаны бечевой, волосы всклокочены, веки закрыты, рот полуоткрыт, лицо покрыто кровью ниже рта. Весь труп завязан. К одежде примерзли куски льда. Родные Распутина, две его дочери и племянницы, признали в убитом своего дядю и отца.

Секретарь Распутина Симонович рассказал, что за несколько дней до убийства покойный стал очень нервозен вследствие получения массы писем с угрозами убить его, Распутина. В ночь перед убийством Распутина посетил некий, названный Распутиным «маленьким» и оказавшийся князем Юсуповым. Приходил он в штатском пальто с бобровым воротником.

Князь Юсупов познакомился с Распутиным лет шесть-семь назад в доме Головиной. Распутин заинтересовал Юсупова как личность, обладавшая крупной гипнотической силой, так как в то время Юсупов занимался спиритизмом. Кроме того, Головина рекомендовала Распутина как целителя разнородных недугов.

Юсупов всегда посещал Распутина в сопровождении Головиной и входил с черного хода, дабы скрыть свое знакомство с Распутиным. Да и сам Распутин рекомендовал Юсупову этот путь, чтобы избежать встречи с чинами охранного отделения, всегда дежурившими у входа дома, где жил Распутин. Для той же цели конспирации Юсупов сменил форму пажа на партикулярное платье.

На вечеринке, происшедшей в ночь убийства, Юсупов назвал только лишь Дмитрия Павловича и Пуришкевича.

Убийство Распутина произвело потрясающее впечатление важного государственного события. На ноги был поставлен весь охранный аппарат, приказано было во что бы то ни стало найти истинных виновников происшествия и выяснить все обстоятельства дела. Особенную активность в этом отношении проявил ставленник Распутина Протопопов. Он находился в непрерывном сношении с Царским Селом, куда докладывал по прямому проводу о всех шагах следствия.

На Александру Федоровну убийство произвело такое впечатление, как если бы были убиты ее дочь или сын. Она требовала суровых кар для виновников, кто бы они ни были, и полного расследования дела.

Министерство юстиции, опасаясь крупного государственного скандала в связи с убийством Распутина не только в России, но и за границей, полагало ограничиться поверхностными розысками и затем следствие прекратить, объявив, что Распутин исчез неизвестно куда. Но Александра Федоровна на это не согласилась и потребовала, чтобы тело ее любимца было найдено во что бы то ни стало.

Извлеченный из воды труп Распутина был помещен в Чесменской богадельне, между Царским Селом и Петроградом. Это место было избрано самой бывшей царицей. Она выразила желание видеть труп Распутина и приезжала сюда в ночь на 20 декабря в сопровождении фрейлины Вырубовой.

Ввиду ожидавшегося прибытия Александры Федоровны профессору Косоротову было дано кратчайшее время для производства вскрытия.

Первоначально Александра Федоровна категорически высказалась против вскрытия трупа. Но когда ей объяснили, что следствие не может продолжаться без вскрытия трупа, она согласилась.

После этого тело было набальзамировано, уложено в металлический гроб и отвезено в Царское Село.

В Федоровском соборе был помещен гроб с трупом Распутина (в Большом Александровском дворце). Никто в собор не допускался.

В течение дня поклонялись праху Распутина бывшая царица, Вырубова, Головина и другие поклонницы покойного.

Приезжал на поклонение праху и Николай II, вызванный из ставки извещением жены о постигшем их несчастье. Гроб с телом Распутина стоял в соборе во дворце больше трех недель, и там же был устроен временный склеп.

Желание бывшей царицы похоронить Распутина в ограде собора вызвало протест двора, указавшего, что погребение в ограде собора пьяницы и развратника вызовет невероятный скандал.

Место погребения Распутина долгое время оставалось неизвестным. Ходили разные слухи на этот счет, вплоть до того, что генерал Воейков, бывший начальник дворцовой охраны, отвез труп в Тобольск, на родину покойного. Капитан Климов, служивший в воздушной батарее для охраны бывшей царской резиденции, предпринял поиски могилы Распутина. Начальник этой батареи Мальцев отправил его на фронт, в командировку.

Вернувшись с фронта вскоре после убийства Распутина, Климов выехал на автомобиле по дороге, ведущей от дворцового парка в глубину леса. Едва он отъехал версты полторы, как из леса выбежало человек двадцать жандармов и охранников, преградивших ему дорогу.

Капитан Климов остановил машину и спросил, в чем дело.

Ему ответили: «Немедленно возвращайтесь обратно. Дальше ехать нельзя. Если вы сейчас не вернетесь, мы вас арестуем».

Климов вынужден был подчиниться, но в обратный путь поехал медленно, и его нагнали быстро мчавшиеся санки. В санках сидели две женщины с лицами, закрытыми вуалями, и по их фигурам Климов узнал Александру Федоровну и ее дочь Ольгу.

На другой день он пришел к месту, где был остановлен его автомобиль, и отыскал тропинку, уходившую от дороги в глубь леса. Она выводила к какой-то начатой постройке. Оказалось, что это — часовня при Серафимовском убежище, выстроенная на средства Вырубовой. Дальнейшие поиски Климова были прекращены доносом на него Мальцеву, который перевел Климова в другую воздушную батарею.

Когда 27 февраля войска Царского Села присоединились к восставшему гарнизону и полковник Мальцев был арестован, Климов приступил к новым поискам. Под часовней он обнаружил на глубине полутора саженей металлический гроб. По рассказам солдат батареи и окрестных жителей, на погребении присутствовала бывшая царица, ее дочери, Воейков, Вырубова и Мальцев. Служил клитор собора без хора, отпевал епископ Исидор.

Гроб с Распутиным, по плану Вырубовой, предполагалось поставить в алтаре, под престолом часовни. В крышке гроба видно отверстие в полтора аршина. В отверстие видна голова Распутина. На лбу, около виска, отверстие, заткнутое ватой: это след от пули.

Из отверстия крышки гроба легко можно было достать вложенную туда икону, на обратной стороне которой химическим карандашом сделаны надписи: «Александра, Ольга, Татьяна, Мария, Анастасия». В левом углу дата: «11 декабря 1916 года. Новгород». В правом углу — еще одна надпись, карандашом, но более мелко: «Анна».

Подпись «Анна» принадлежит Анне Вырубовой.

IV

Заговор против Распутина был организован следующим образом.

Инициатором, устроителем и главою этого заговора был князь Ф. Ф. Юсупов. Мысль об убийстве принадлежит ему

В начале ноября, после думских речей, начавшихся 1 ноября знаменитой речью Милюкова, когда заседания Думы были отсрочены по случаю отставки Штюмерера, Ф. Ф. Юсупов, женатый, как известно, на великой княжне Ирине Александровне и тем самым принадлежащий к членам бывшей царской фамилии, обращался к некоторым общественным деятелям, на скромность которых он мог полагаться.

Лица эти сначала предупреждались его управляющим, что к ним по одному делу явится князь Ф. Ф. Юсупов.

Основным мотивом этих бесед послужило следующее высказываемое Юсуповым убеждение:

— Дума далека от истины. Милюков во всем винит Штюмерера. Маклаков обвиняет режим. Дело не в Штюмерере и не в режиме. Все дело в одном лице — в Распутине. Не будет его — и все будет хорошо.

Ему указывали, что дело, наоборот, в режиме. Что не будет Распутина, явится какой-нибудь Мардарий или новый проходимец и царский клевет. Но Юсупов стоял на своем.

Люди с такой магнетической силой, как Распутин, являются раз в тысячу лет. Его влияние на бывших царя и царицу неограниченно. Когда Александра Федоровна является в кабинет государя, будучи навинченной Распутиным, то Николай буквально прячется от нее под стол. Если бы вся Дума и все сословия говорили против Распутина, то и это не помогло бы делу. Николай согласен был остаться без армии и всей страны, но только не расстаться с Распутиным.

Распутин назначал министров и управлял всеми делами государства. По мнению Юсупова, Николай не был властолюбив и мог согласиться и на ответственное министерство,

и на настоящую конституцию. Но пока на него действовал Распутин, ничего нельзя было сделать. Николай был в его руках. Вот почему он решил убрать Распутина.

Для этого было два способа. Первый — подкупить его, так как он был продажным человеком. Но на него нельзя было положиться и в этом случае, так как он мог деньги взять и после этого начать шантажировать князей Юсуповых.

Другой способ — убить. Это вернее.

Но никто из общественных деятелей, к которым обращался Юсупов, не соглашался на контакт в убийстве Распутина.

В заговоре приняли участие один великий князь и первый депутат Пуришкевич. Последний в разговоре с одним общественным деятелем сказал, что все уже готово и 17 декабря докажет, что все это было серьезно.

Сообщают, что, когда уже произведены были выстрелы в Распутина и он, казалось, был мертв и лежал без признаков жизни, вдруг минут через двадцать он зашевелился. Тогда один из участвовавших в заговоре наклонился и выстрелил ему в лоб.

После убийства Распутина Мария Федоровна послала сыну телеграмму с просьбой не возбуждать дела об убийстве. Николай обещал. Тем не менее по настоянию разгневанной убийством Александры Федоровны из Петрограда были высланы Дмитрий Павлович, Юсупов-Сумароков-Эльстон. Семнадцать членов царской фамилии обратились к бывшему царю с запиской, прося пощадить слабого здоровьем Дмитрия, вернуть его из ссылки. Николай наложил на этой просьбе следующую резолюцию:

«Никому не дано право заниматься убийствами. Знаю, что совесть многим не дает покоя, так как не один Дмитрий Павлович здесь замешан. Удивляюсь вашему обращению ко мне. Николай».

После этого наступил разрыв между великими князьями и императорской семьей. Князья бойкотировали Александру Федоровну, а последняя всегда старалась подчеркнуть, что великие князья для нее — чужие люди.

Безграничное пристрастие бывшей царицы к Распутину стараются объяснить различными свойствами покойного, нравственный облик которого так черен и изобилует такими отталкивающими и прямо омерзительными чертами, что трудно найти соответствующее объяснение, которое хотя бы в малой степени могло сглаживать впечатление всемирного скандала, вносимого Распутиным в семью бывшего царя.

Между прочим, одним из мотивов этого влияния было, кроме всего остального, и материнское чувство бывшей царицы. Сообщают о поразительном влиянии Распутина на здоровье хилого и часто болеющего кровотечением Алексея, которому помогал своими средствами Распутин.

Когда по настоянию Коковцова Распутин был удален от дворца, Алексей снова заболел. И доктора не могли найти причин и не знали средства прекратить эти болезненные явления.

Выписывался снова Распутин. Он возлагал руки, делал пассы, и болезнь через несколько времени прекращалась.

Эти махинации устраивались Вырубовой при содействии известного доктора тибетской медицины Бадмаева. Бывшего наследника систематически «подтавливали».

В числе средств тибетской медицины у Бадмаева был порошок из молодых оленьих рогов, так называемых «пантов», и корень женьшеня.

Это очень сильно действующие средства, принятые в китайской медицине.

Рано весной, когда олени меняют рога, сбрасывая старые, у них на месте будущих новых рогов появляются маленькие шишки. На Дальнем Востоке есть специальные охотники на оленей в это время. И вырезанные панты они продают китайцам за очень большие деньги.

Корень женьшеня — тоже очень сильно действующее средство. Ценность его поднимается выше, чем больше корень напоминает в грубых очертаниях человеческую фигуру; и корень, у которого можно разобрать человеческую голову, руки и ноги, ценится невероятно дорого. Китайцы на нашем Дальнем Востоке скупают панты и корень женьшеня за большие деньги и увозят их в Китай, где наживают невероятно. Это — один из самых выгоднейших промыслов.

Китайская медицина приписывает измельченным в порошок пантам и корню женьшеня способность поднимать силы стариков, омолаживать их в любовном отношении. Но порошки пантов и женьшеня, принятые в большом количестве, могут вызвать сильное и опасное кровотечение, особенно у людей, предрасположенных к нему.

Бывший наследник был, как известно, очень предрасположен к кровотечениям. И вот, когда нужно было поднять влияние Распутина или вызвать в случае его удаления новое появление, Вырубова брала у Бадмаева эти порошки

и это средство ухитрялась, подмешивая к питью или пище, давать Алексею.

Болезнь открылась. Пока не возвращался Распутин, наследника «подтравливали». Доктора теряли голову, не зная, чему приписать обострение болезни. Не находили средств. Посылали за Распутиным. Порошки переставали давать, и через несколько времени болезненные явления исчезали.

Так Распутин являлся в роли чудотворца. Жизнь и здоровье Распутина связывали с жизнью и здоровьем бывшего наследника.

Получая анонимные письма и телеграфные сообщения о том, что его убьют, Распутин говорил Александре Федоровне:

— Когда я умру, на 40-й день по моей кончине наследник заболеет.

И пророчество действительно исполнилось. На 40-й день кончины Распутина наследник заболел. Очевидно, Вырубова решила и после смерти Распутина тем же способом держать в руках семью Николая II. Быть может, она пыталась хотя отчасти сыграть роль, которую играл покойный.

Еще с большей энергией добивался этой роли Протопопов. Он истерически кричал на собраниях интимного кружка во дворце, употребляя чисто хлыстовские выражения: «На меня накати́л дух Григория Ефимовича».

Он же с чисто протопоповской энергией сумел подобрать к рукам после кончины Распутина интимную переписку его с членами царской фамилии, тем самым получив в руки крупный козырь, который, как ему казалось, упорочивает надолго его существование.

Русская революция утопила эти мечты лукавого и неразборчивого царедворца, строившего из себя шута горохового и лизавшего руки другому убитому шуту.

К указанному месту погребения Распутина был послан наряд солдат под командой прапорщика Вахтадзе для того, чтобы вырыть гроб.

Металлический цинковый гроб был настолько тяжел, что целый взвод солдат с трудом его поднял на поверхность. В грузовом автомобиле гроб доставлен был в часовню Царского Села. Там он был вскрыт.

Тело Распутина оказалось завернутым в тонкую кисею и затем зашито в полотно. Голова покоилась на кружевной шелковой подушке, руки скрещены на груди, левая сторона головы разбита и изуродована. Тело почернело.

Собравшаяся вокруг толпа любопытных проникла и в часовню. Цинковую крышку гроба разломали в куски, каждый оставил себе на память кусок.

По распоряжению Временного правительства вагон с телом Распутина отправлен в Петроград для предания земле на одном из петроградских кладбищ.

V

...И долго мне его паденья
Смешон и жалок был бы гул...

Гул распутинского падения долго еще не замолкнет на Руси, так как судьбы этого исключительного по некоторым чертам своей натуры безграмотного проходимца тесно связаны с судьбами сперва самодержавной, задавленной и стиснутой под пятой Держиморды страной, а потом раскованной и свободной.

Для того чтобы соблюсти известную меру субъективности, так как вопрос о Распутине теперь уже не вопрос политической борьбы и публицистики, а вопрос истории и психологии, приведем мнение о Распутине опального епископа Гермогена, теперь возвращаемого к работе.

Гермоген был враг Распутина. По доносу последнего Гермогена уволили на покой. Тем не менее Гермоген отдает должное некоторым положительным чертам Распутина.

Развратный образ жизни покойного и его пьянство епископ Гермоген отмечает как черты, слишком определяющие жизнь Распутина. Интересно, между прочим, то, что сам Гермоген признается, что и его, как и преосвященного Феофана, бывшего ректора Петроградской духовной академии, Распутин «обольстил».

Они, Феофан и Гермоген, первоначально и выдвинули Распутина. По мнению Гермогена, в Распутине была «искра Божия». Он обладал, по словам епископа, известной внутренней чуткостью, что Гермоген испытал и на самом себе. Распутин сумел так ловко играть в душевное сочувствие, что утешал Гермогена в его испытаниях. Этим-то Распутин и покори́л Гермогена.

Потом он и Феофан поняли, с кем они имели дело, и отшатнулись от Распутина. Но было уже поздно. Ловкий «старец» использовал их как свое средство к возвышению и потом им же, своим первоначальным покровителям, сумел отплатить злом и местью.

В 1904 году Распутин появился у Феофана как странник. Феофан в то время состоял духовником многих высокопоставленных лиц в Петрограде и пользовался расположением высшего общества. Но жизнь среди мирской

суеты не удовлетворяла Феофана, и он выдвинул, по словам Гермогена, вместо себя странника Распутина, как доброго старца и подвижника.

Феофан же познакомил Распутина с Гермогеном, приехав с ним к последнему в Ярославское подворье в Петрограде.

Не без изумления и ужаса заметил Гермоген в Распутине черты «похотливого характера», как выразился епископ. Распутин, по его словам, страдал неудержимой и напряженной похотливостью, «сатириазисом».

Свой похотливостью он увлекал женщин и пользовался среди них исключительным успехом.

Пытаясь исправить Распутина, Гермоген читал над ним в храме молитву запрещения, приказывал ему отречься от тех действий, которые создавали ему успех и популярность в высшем обществе, гнал его назад в родное село Покровское.

Распутин делал вид, что соглашается, но что только по уговорам высоких покровительниц не решается сдержать обещания. Между прочим, отговаривал его от отъезда и Илиодор, который также в дальнейшем сделался его смертельным врагом и подвергся опале, как и все враги Григория Распутина.

Оставшись в Петрограде и делая свою карьеру, Распутин решил отделаться от докучливого морализирования и увещаний Гермогена, который, по-видимому, мешал его карьере. И вот Распутин пишет кому следует донос, что Гермоген в сообществе со «старцем» Митей, находившимся с Гермогеном, и автором повести «Наше преступление» реакционным беллетристом Родионовым замышляют на его, распутинскую, жизнь.

Донос Распутина получил ход. Гермоген был уволен на покой, кроме того, его насильно выслали из Петрограда, не дав возможности дать свои объяснения в сферах.

По мнению Гермогена, Распутин был деятельным организатором хлыстовской секты, нашедшей для себя благодарную почву в русском высшем обществе, в котором хлыстовство вкоренилось довольно основательно. Слабый налет этой религиозности своеобразно смешался с культом животной страсти, и люди, якобы верующие, соединяют вождение плоти с молитвой. Причинами влияния Распутина, кроме признаваемой в нем непосредственной силы внушения, епископ назвал еще такие примитивные, как запугивание своими связями.

Кое-кто осмелился идти против всемогущего временщика, надеясь на свои связи и занимаемое положение. Но ни епископы, ни губернаторы, ни князья не осмеливались

восстать на царского любимца, входившего к жене и дочерям бывшего царя когда угодно и обходившегося с ними довольно фамильярно. Княгиня Васильчикова была выслана из Петрограда, Кауфман-Туркестанский также. Старый граф С. Д. Шереметев, близкий друг покойного Александра III, рекомендованный последним Николаю в предсмертном завещании как друг и советчик, осмелился сказать Николаю правду о Распутине.

— Послушай, государь, моего совета, — сказал старик, — и удали Распутина. Никто так не подрывает престиж престола, никто так не подтачивает трон, как он, этот грязный мужик. Во имя чести династии и престижа престола удали его. В народе ходят слишком недобрые слухи.

Бывший царь, сидевший с бокалом вина, побледнел и гневно ударил рукой по столу:

— Не касаться моей семьи. Присутствие Распутина при дворе — мое личное семейное дело.

С тех пор граф Шереметев не появлялся при дворе.

С «врагами» Распутин справлялся при помощи своих высоких покровителей легко и скоро. А соратников и лакеев своих одаривал всячески. Штюрмер, Манусевич-Мануйлов, Протопопов, Вырубова и, наконец, знаменитая в летописях нашего «смутного времени» графиня Игнатьева с ее салоном — таковы наиболее популярные из приспешников Распутина. Близость его к этим титулованным авантюристам породила немало произведений сатирической литературы, которая долго ходила тайно по рукам и теперь получила возможность обнародования.

Известна небольшая поэма, рисующая похождения Распутина в этом салоне:

Как хорошо дурманит деготь
И нервы женские бодрит.
— Скажите, можно ль вас потрогать? —
Хозяйка дома говорит.
— Ах, вы такой необычайный,
Что я не в силах усидеть,
Вы сверхъестественною тайной
Должны, наверное, владеть.
В вас квинтэссенция эротик,
Вы страстный мистик по уму.
Сложивши в дудочку свой ротик,
Графиня тянется к нему.
Она, как бабочка, трепещет
В силках расставленных сетей.
И маникюр графини блещет
На фоне траурных ногтей.
В салоне тихо гаснут люстры.
.....
Мужик расчетливый и шустрый
Ведет себя как Рокамболь.

Его пластические позы —
Вне этикета, вне оков
Смешался запах туберозы
С ядреным запахом
И даже бедному амуру
Глядеть противно с потолка
На титулованную дуру
И на бродягу-мужика

Не менее замечателен написанный вскоре после убийства и распространившийся в Петрограде «Акафист новоявленному Григорию Новых, конокраду Распутину».

«О, Григорие, новый угодниче сатаны, веры Христовой хулителю, Русской земли разорителю, жен и дев осквернителю, того ради поносную смерть приявивший... Како воспоем и восхвалим тя, разве глаголюще сие:

— Радуйся, церкви Христовой поругание, радуйся, синода оплевание, радуйся, Владимира (митрополита Московского — П.К.) изгнание, радуйся, Макария прозябение, радуйся, Питирима взыграние, радуйся, Варнавы превознесение, радуйся, Илиодора удаление, радуйся, Гермогена заточение. О, радуйся, Григорие, великий сквернотворче...

— Радуйся, рассудка царева помрачение, радуйся, царицы услаждение, радуйся, царевича развращение, радуйся, Григорие, распутниче великий.

— Радуйся, Штюрмера обретения, радуйся, Протопопова возвеличение, радуйся, Саблера удаление, радуйся, Самарина ниспровержение, радуйся, Джунковского удаление, радуйся, Андронникова окрыление, Григорие, великий сквернотворче.

— Радуйся, таинственного пития взалкание, радуйся, блудных страстей взыграние, радуйся, бесов служителю, радуйся, ложа брачного осквернителю, радуйся, жен совратителю, радуйся, дев соблазнителю, радуйся, Григорие, распутниче великий.

— Радуйся, веры православной хулителю, радуйся, хлыстов насадителю, радуйся, пляски бесовской устроителю, радуйся, казнокрадов начальниче, радуйся, лихоимцев прибежище, радуйся, Григорие, великий сквернотворче.

— Радуйся, любострастия причина, радуйся, лжесвидетельства причина, радуйся, хулиганов покровителю. Радуйся, Григорие, великий сквернотворче.

— Радуйся, темных сил игемон, радуйся, Русской земли злой демон, радуйся, немцев оплот и прибежище верное, радуйся, сатаны вместилище скверное. Радуйся, Григорие, великий сквернотворче».

Мы нарочно приводим эти любопытные документы времени, в которых как бы сконцентрировано все то

злое и темное, чего великим инициатором был у нас на Руси Гришка Распутин, прошедший неким черным столбом сквозь смуту и хаос переходного времени, когда ломался, трещал и в конце концов рухнул подгнивший режим рабства и насильно насаждаемого невежества.

Вот еще «Кондак», сочиненный одним из анонимных публицистов и получивший не меньшую популярность:

«Избранный от всех мужей великий Григорие, Всей Руси стяжал еси смущение: дому императора явил еси развращение.

Восторже темных сил: ими же бде водим и укрепляем.

Враги, ныне видяще величие твое, ликовствуют, тем же ныне, смерть приявши, за поносные дела твои, дал еси нам надежду на враги одоление.

Сего ради умильно вопием ти: Радуйся, Григорие, угодниче сатаны и России позорище».

Гришка Отрепьев и Гришка Распутин — два символических имени русского безначалия прежних лет, — и с той лишь разницей, что Отрепьев был символическим выражением русской вольницы-разбоя, восставшего на царизм во имя лозунга «земля помещичья» и опиравшегося на своего брата мужика.

Распутин же также пришел от низов, но втерся в «верхи» и все свое благополучие строил на них, на этих одураченных верхах, на их безумии, на их расслабленности умственной, волевой и моральной, на какой-то Вальпургиевой ночи хаоса и безначалия, обуявшей наши правящие верхи и подготовившей их гибель.

История сохранит имя этого мужика, который не умел грамотно подписать своей фамилии, который грязными сапожищами взобрался наверх государственного правления и явил собой полное выражение того, к чему должен логически свестись режим безответственного абсолютистского правления.

Одно из любопытнейших явлений нашей психологии и быта, Распутин привлечет к себе взор в будущем пытливого историка, изыскателя человеческих документов, который на судьбе Распутина прочтет многое из психологии русского абсолютизма.

Как это поучительно и характерно, что именно он, мелкий и подлинный хам, символизировал собой все направление политики внешней и внутренней отжившего режима и показал его с такой яркостью, обнажил его кулисы и интерьер так ярко, выпукло и типично, что все тайное стало явным, что слепые прозрели и глухие услышали. И не он ли косвенный виновник того объединения протеста всего на Руси, которое помогло спра-

виться с преступным старым режимом и приблизить зарю русского политического и общежизненного освобождения?

Вот почему Распутин попадет не только в историю русского самодержавия, но и в историю русского освобождения.

Невольно некое орудие судьбы, он сделал все, что было в его силах, чтобы дискредитировать старый режим и повалить подгнивший трон самовластия, подготавливая тем самым эпоху народовластия.

ДЖОРДЖ БЬЮКЕНЕН

МЕМУАРЫ ДИПЛОМАТА

Джордж Бьюкенен.
Мемуары дипломата.
Москва, Госиздат, 1924 г.

Посол Великобритании в России с 1910 по 1917 гг. Его двухтомная «Дипломатическая миссия в России» вышла в Лондоне в 1920 г. По интересующему нас вопросу он писал: «Те читатели, которые жгут от меня сенсационных разоблачений о деятельности Распутина при русском дворе, будут разочарованы. Я рассказал лишь то, что я считаю правдой, устранив все необоснованные сплетни, сложившиеся вокруг его имени».

...5 сентября, при очень скверном военном положении, царь принял верховное командование армией, назначив начальником главного штаба Алексеева, хотя министры всеми мерами отговаривали его от такого, по их мнению, опасного шага. Союзные правительства, принявши это известие с большими опасениями, конечно, воздержались от выражения своего желания оставить по-прежнему верховным главнокомандующим великого князя Николая. Это значило бы вмешаться в вопрос внутреннего характера, по которому царь уже принял определенное решение. Однажды, в феврале 1915 года, мне даны были инструкции войти с ходатайством за очень известного революционера (Бурцева), который, вернувшись в Россию, чтобы заставить своих товарищей прекратить подпольную работу и способствовать успешному продолжению войны, был арестован и приговорен к ссылке в Сибирь. Патриотическое письмо, опубликованное Бурцевым перед поездкой в Россию, произвело, как я частным образом сказал Сазонову, очень благоприятное впечатление в Англии, и все надеялись, что он будет помилован.

Сазонов любезно согласился защищать его перед царем, и его величеству после некоторого колебания было угодно помиловать его. Но, обсуждая вопрос с Сазоновым, царь заметил. «Удивительно, что англичане и французы больше интересуются внутренними делами России, чем русские — внутренними делами Англии и Франции». Это был тонкий намек, что вопросы, касающиеся русского правительства, для нас — запрещенная почва. Я, однако, на аудиенции, которую я имел в начале сентября у царицы, воспользовался случаем и сказал ее величеству, что разделяю опасения Совета министров по поводу решения царя. Я сказал, что его величеству придется нести ответственность за новые неудачи, могущие постигнуть русскую армию, и что вообще совмещать обязанности самодержца великой империи и верховного главнокомандующего — задача непосильная для одного человека. Царица тут же возразила, что царю надо было с самого начала взять ко-

мандование, а теперь, когда армия переносит столько лишений, его место среди своих войск. «Я не терплю, — продолжала она, — министров, которые пытаются отговорить его от исполнения своего долга. Положение требует твердости. Царь, к сожалению, слаб, но я сильна, и буду такой и впредь». Ее величество сдержала свое слово. Царь, живя в Ставке, не мог постоянно встречаться со своими министрами и был слишком занят военными вопросами, чтобы обращать усиленное внимание на все усложнявшееся внутреннее положение. В результате царица фактически управляла Россией, особенно с тех пор, как в феврале 1916 года председателем Совета министров был назначен Штюрмер.

Среди других причин, побуждавших ее величество уговаривать царя взять на себя верховное командование, не малую роль играло подозрение, что престиж великого князя как верховного главнокомандующего постепенно заслоняет престиж государя. Она в самом деле относилась к нему недоверчиво. С другой стороны, враги великого князя, в числе которых был Распутин, сделали все возможное, чтобы дискредитировать его при дворе, выставляя его неправильное командование причиной всех неудач русской армии. У Распутина, впрочем, было еще особое основание ненавидеть великого князя: в начале войны он телеграфно просил разрешения приехать на фронт благословить войска, на что великий князь ответил: «Приезжайте! Я вас повешу».

Об этой гнусной личности написано так много, что мне почти ничего не остается сказать. В Петербурге циркулировал анекдот, что во время одной из моих аудиенций в Царском Распутин вошел в комнату; царь хотел меня представить, но я тут же простился и вышел. Нет надобности говорить, что этот, как и другие анекдоты об его поступках и словах являются чистейшим вымыслом. Во многих петроградских салонах он был желанным гостем и центром восторженного кружка набожных дам, несмотря на то, что он был одет мужиком и нарочно ходил немытый и непричесанный. В своей книге о России мой друг Палеолог рассказывает, как он с ним встретился в одном доме и как Распутин по окончании разговора «прижал его к своей груди». Я никогда не искал с ним такой встречи, потому что не считал нужным входить в личные сношения с ним.

Сын необразованного мужика, родом из сибирской деревни, он получил прозвище Распутина за свою беспутную жизнь. В русском крестьянине есть любопытное сочетание добра и зла. Он полон противоречий, он может быть любезным и грубым, набожным и порочным. Рас-

путин не представлял исключения из этого правила. У этого чувственного пьяницы скрытый мистицизм его характера был вызван к жизни проповедями священника, которого ему пришлось перевозить в какую-то отдаленную деревню. Он сам называл эту поездку своим путешествием в Дамаск, потому что, как и св. Павел, он услышал голос в пути. Глубоко потрясенный, он поклялся начать новую жизнь. Бродя странником из села в село, он побирался, проповедовал и исцелял своим магнетическим прикосновением. В одном из монастырей, где он прожил подольше, он научился читать и писать, даже поймал кой-какие обрывки богословия. Несколько лет спустя он ходил на поклонение в Иерусалим.

Этим он постепенно приобрел репутацию святого или старца, обладающего даром исцеления и предсказания. Он, однако, совершил много гадостей и большую часть времени вел двойную жизнь. Он руководствовался правилом, что только раскаяние приносит спасение, и всем его проповедовал, причем добавлял, что без греха нет спасения. Поэтому первый шаг по пути спасения — это поддаться искушению. Секта, которую он основал, была сколком с секты хлыстов, или бичевальщиков. Члены ее стремились к непосредственному сношению с Богом, хотя несколько странным образом. Их служба, которую они совершали ночью, была более похожа на вакханалии древнего Рима, чем на обряд христианской церкви. С пением и криками они вели хоровод, ускоряя шаг при каждом круте, до тех пор, пока, завертевшись в безумной пляске, не падали обессиленные на землю. Далее следовала сцена, которую мы из скромности не будем описывать. Распутин был вполне подходящим первосвященником для такой секты, потому что он пользовался необыкновенным вниманием женщин. Несмотря на его ужасное обращение с ними, они готовы были терпеть от него всякие унижения, лишь бы не покидать его. Одна только женщина отомстила ему и чуть не убила, вонзив ему кинжал в живот.

Слухи о святости Распутина постепенно дошли до столицы, и в 1905 году он был вызван туда довольно известным архимандритом, под покровительством которого он вступил в петербургское общество. У него образовался широкий круг почитателей, в числе которых были две черноморских принцессы, жены великих князей Николая и Петра, и благодаря их услугам он через два года был представлен ко двору. Здесь он постарался выказать только мистическую сторону своего характера. Благодаря личному магнетизму или гипнотическому внушению, он, несомненно, излечил царевича, идола обоих своих родителей, от долго мучившей его гемофилии. Уверовав, что

Распутин своими молитвами может сохранить жизнь ее сыну, царица сконцентрировала на нем все свои надежды и относилась к нему с чувством, близким к обожанию. Она совершенно отказывалась верить слухам о его распутной жизни, даже когда одна из его пьяных оргий вызвала вмешательство полиции. Для нее он всегда оставался безупречным, богобоязненным человеком, оскорбляемым и преследуемым, подобно древним святым.

Распутин обладал обычной ловкостью русского мужика, но он не был обыкновенным мошенником. Он верил в себя, в свою сверхъестественную силу, в свое умение разбирать предначертания судьбы. Он напугал царицу, что, если его врагам удастся удалить его, царевичу придется худо, так как его присутствие необходимо для того, чтобы последний себя хорошо чувствовал. Он это доказал. Ему нужно было уехать на время в Сибирь, царевичу стало хуже. Осенью 1912 года его болезнь, из-за несчастной случайности, приняла сразу такую острую форму, что жизнь его была в опасности. Распутин, которому сейчас же об этом сообщили, прислал успокоительную телеграмму, уверяя царицу, что сын ее будет жив. Наступило улучшение; мальчик поправился, и царица приписала его выздоровление заступничеству Распутина. Еще более курьезно его предупреждение, что его собственная судьба неразрывно связана с судьбой царской семьи, и через три месяца после его смерти погибло самодержавие.

В тесные сношения с царской семьей Распутин впервые вошел через госпожу Вырубову, дочь Танеева, начальника царской канцелярии. Разведясь после неудачного брака, госпожа Вырубова нашла утешение в религии; она сделалась неразлучной компаньонкой и доверенной царицы, отнесшейся к ней с участием. Одной из первых она почувствовала безусловное доверие к старцу и, как он предугадывал, оказалась бесценным союзником. Она постоянно поддерживала в царице стремление пользоваться его советами, служа посредником между ними, спрашивая его обо всем, переписываясь с ним во время его кратких поездок в Сибирь. Она была полезна и тем, что передавала царице все, что говорили и думали высокопоставленные лица, и с целью вызвать их на высказывание их политических взглядов она говорила, что советуется с ними по поручению их величеств. Слишком ограниченная, чтоб иметь собственное мнение о людях и вещах, она сделалась бессознательным орудием в руках Распутина и тех, с которыми он имел дело. Я ее не любил и не доверял и редко виделся с нею.

Действительная роль Распутина при дворе еще во многом покрыта тайной. Его влияние на царя не было так

велико, как на царицу, и касалось больше вопросов религиозного и церковного характера, чем политических. Он главным образом старался устроить на важных постах православной церкви своих друзей и приверженцев и разжаловать тех священников, которые осмеливались говорить с ним не особенно почтительно. Благодаря его протекции в Тобольск был назначен епископом Варнава, один из самых несимпатичных друзей его детства, необразованный мужик, а немного спустя в Петроград был назначен митрополитом Питирим, человек весьма сомнительной нравственности.

Постепенно, однако, он начал играть роль и в политическом отношении. Он был в интимных отношениях с некоторыми очень реакционными министрами, которые в одно и то же время были его покровителями и клиентами. Несколько слов на клочке бумаги достаточно было, чтоб добиться от министров удовлетворения просьб его протеже. С другой стороны, в своих разговорах с царицей и Вырубовой он защищал то, что нужно было министрам, или хлопотал о назначении на то или иное вакантное место министра своего реакционного друга. Этим он косвенно влиял на царя в выборе министров, а следовательно, и в направлении политики. С тех пор, как царь взял на себя верховное командование и царица сделалась всемогущей, это стало еще более обычным явлением.

Но, хотя доминирующим фактором и было влияние Распутина, политическая жизнь шла по направлению тех, интересам которых он служил и чьи интриги поддерживал. Необразованный и огрубевший от избытка чувственных наслаждений, он вряд ли мог конкретно понимать или направлять политику. Он предоставлял это другим, а им довольствовался тем, что им руководили. Его основным принципом жизни было себялюбие, и никто не умел лучше его открыть карты тех, кто хотел жаловаться на него царю. Коковцов, один среди многих, напрасно пытался открыть царю глаза на настоящий характер Распутина, в результате чего и получил отставку; а князь Орлов, много лет занимавший пост начальника военной канцелярии царя, по той же причине был внезапно сослан в штаб великого князя Николая на Кавказ.

Тем временем внутреннее положение все ухудшалось и ухудшалось, и общее недовольство ведением войны само собой перешло в нападки на царскую семью. Несмотря на то, что царица, по ее собственным словам, порвала все связи с Германией, ее называли «немкой». В то же время Распутина обвиняли в шпионстве в пользу Германии, — обвинение, строго говоря, не вполне правильное. Он не был в непосредственных сношениях с Берлином. Царь со-

ветовался с Распутиным и по военным, и по политическим вопросам, а Распутин имел привычку повторять своим друзьям все, что он слышал в Царском. Таким косвенным путем Германия получала много полезных сведений. Не будучи ее постоянным агентом, он все же оказывал ей немало услуг, дискредитируя царскую власть и тем подготавливая путь революции.

Положение было таково, что немцы не замедлили его использовать. Они уже начали свою пропаганду мира среди войск на фронте и повсюду разослали своих шпионов. Через одного из них, полковника Мясоедова, которого впоследствии повесили, они получали такие ценные сведения, что не однажды заранее узнавали о предполагаемом на них нападении. Во все время войны Петроград был наводнен их тайными агентами и сочувствующими. Атмосфера вообще была пессимистическая, в обществе постоянно циркулировали преувеличенные слухи о безнадежном положении нашей армии. В Москве было иначе. Там национальный дух все время стремился к новым усилиям, не смущаясь безнадежными известиями с фронта, а антигерманские настроения были так сильны, что в июне все лавки с немецкими фамилиями и те, владельцы которых были заподозрены в сношениях с немцами, были разграблены.

Не сумев вовремя удовлетворить требования армии, правительство лишилось доверия народа, и все партии, за исключением крайней правой, были согласны в том, что необходимо прибегнуть к экстраординарным мерам, чтоб усилить производительность. Благодаря инициативе председателя Думы Родзянко, царь в начале июня образовал большой комитет, состоявший из представителей армии, Думы и промышленности, имевший полномочия мобилизовать промышленность России для военных целей (Военно-промышленный комитет). Но этого было недостаточно, и Родзянко в то же время обратился к государю с просьбой созвать Думу и очистить правительство от самых реакционных и непригодных министров.

...2 декабря, накануне заседания Думы, на котором Трепов должен был выступить с политической декларацией, Протопопов зашел ко мне. Он начал с выражения сожаления о том, что его прежние друзья, в особенности же Родзянко, повернулись к нему спиной, даже не говоря ему, чем именно он заслужил такое обращение. Император, продолжал он, выразил желание, чтобы он остался, и его долг — повиноваться приказу его величества. Он знает, что на него будут нападать в Государственной Думе, но он этого не боится. Он сумеет ответить своим обвинителям. Тем не менее, однако, достойно большого сожа-

ления, что в момент, подобный настоящему, члены Думы ссорятся между собою. Не мог ли бы я, спросил он, воспользоваться своим влиянием на Родзянко, чтобы побудить его посоветовать членам Думы воздержаться от личных нападков на него. Я ответил ему, что так как Дума собирается на следующий день, то у меня не будет случая повидаться с Родзянко. Однако я могу сказать ему, что я совсем недавно в разговоре как с членами правительства, так и с членами Думы подчеркивал необходимость отложить в сторону свои партийные и личные несогласия и отдаться всем совместной работе на общее благо.

Первое заседание Думы при открытии сессии было очень бурным, и Трепов, встреченный криками и свистом, должен был трижды оставлять трибуну, прежде чем получил возможность говорить. Я был очень поражен его терпением и выдержкой и почувствовал, что Дума сделала большую ошибку и нанесла вред самой себе. Его политическая декларация была очень удовлетворительна, и он подчеркивал необходимость как продолжения войны до победного конца, так и борьбы с германцами и на поле сражения, и внутри страны; однако Дума продолжала держаться враждебно, и даже заявление о соглашении относительно Константинополя, которое уполномочили его сделать союзные правительства, было встречено совершенно равнодушно. Дума и общество были до такой степени захвачены внутренним кризисом, что они не могли думать ни о чем другом. Кроме того, имя Трепова было столь тесно связано с событиями 1905 года, что левые смотрели на его назначение только как на смену лиц, а не системы, и не хотели ничего брать из его рук. Протопопов, подвергшийся сильным нападкам, не имел мужества после всего, что произошло, встретиться лицом к лицу с ожидавшим его приемом. Вместо того он уехал в Ставку, а по своем возвращении слег в постель и заявил, что он серьезно болен. Однако он написал письмо в «Новое время» с объяснением, что стокгольмская беседа имела место по специальному требованию русского посланника, — утверждение, оказавшееся чистой выдумкой с его стороны.

Даже реакционный Государственный Совет заговорил почти языком Государственной Думы, протестуя против тайных влияний в высоких местах. Та же самая нота слышалась и на съезде объединенного дворянства — одной из наиболее консервативных организаций в России, — тогда как во всех концах империи раздались голоса, осуждающие темные силы, окружающие трон и назначающие и увольняющие министров. За исключением экстремистов, Россия еще раз представляла собою одно целое; од-

нако, тогда как в начале войны она объединилась вокруг императора, теперь непреходимая стена выросла между государем и народом.

В декабре некоторые члены императорской фамилии попытались открыть глаза императрице на истинный характер Распутина и на всю серьезность положения. Среди них была старшая сестра ее величества великая княгиня Елисавета, которая со времени убийства ее супруга, великого князя Сергея Александровича, жила всегда вдали от мира, в качестве старшей сестры небольшого монастыря, основанного ею в Москве. Она явилась в Царское, решившись сделать последнее усилие, чтобы спасти сестру, которую она любила. Однако веры императрицы в человека, которого она считала орудием, избранным Богом, нельзя было поколебать, и, выслушав нетерпеливо речь великой княгини, она прекратила разговор. Две сестры расстались, чтобы никогда не встретиться больше.

Несколько позже вторую попытку сделала великая княгиня Виктория, жена великого князя Кирилла. Она не назвала Распутина по имени, но, поговорив очень откровенно об общем положении, она приглашала императрицу изменить свою позицию ради императора и династии. Ее величество была очень нежна по отношению к великой княгине, но сказала, что положение требует твердости и что она не намерена заставлять императора делать дальнейшие уступки. Она должна быть тверда как раз в интересах династии, и ничто не заставит ее пожертвовать Протопоповым. Она утверждала, что армия не только не враждебна, но вполне лояльна по отношению к императору. Затем она сильно нападала на Сазонова, жестоко критикуя его политику по отношению к полякам, и в заключение сказала, что он не был другом императора. Одной из причин, почему императрица думала до последней минуты, что армия и крестьянство на ее стороне и что она может рассчитывать на их поддержку, было то, что Протопопов распорядился о присылке ей вымышленных телеграмм со всех концов империи, подписанных фиктивными лицами и заверявших ее в их любви и поддержке.

После столь многих безуспешных попыток освободить Россию от человека, который всеми считался ее злым гением, положение Распутина казалось неприступным. Освобождение пришло с совершенно неожиданной стороны, и утром 30 декабря Петроград был взволнован известием о его убийстве. Тремя главными действующими лицами в этой исторической драме были: князь Феликс Юсупов, Пуришкевич (бывший реакционер, нападавший на Распутина при открытии сессии Думы) и великий князь Дмитрий Павлович. Роль последнего была чисто пассивной, и

его присутствие означало, по-видимому, его одобрение тому, что они все трое считали законной смертной казнью. Распутин, к которому была приставлена специальная полицейская охрана, по-видимому, предчувствовал опасность, и князю Феликсу, приехавшему за ним в своем автомобиле, стоило некоторого труда убедить его приехать к нему на ужин во дворец Юсуповых. Здесь его ждал ужин, напоминающий пиры Борджиа, с отравленными пирогами и вином. Распутин отведал и тех и другого, но без всякого вреда для себя. Напрасно прождав действие яда, князь поднялся и, извинившись, поднялся по витой лестнице в комнату в верхнем этаже, где ожидали великий князь, Пуришкевич и доктор. Взяв у великого князя револьвер, он спустился обратно к Распутину, и, когда последний рассматривал старинное хрустальное распятие на одной из стен, он выстрелил в него сзади в левое плечо. Услышав выстрел, трое остальных участников спустились вниз, и доктор констатировал начало предсмертной агонии. Затем они удалились, чтобы сделать приготовления к удалению тела. Но Распутин не был убит. Поднявшись и отбросив князя Феликса, когда последний по возвращении из столовой наклонился над ним, он выбежал через коридор во двор. Здесь его окончательно добил выстрелами Пуришкевич. Тело было отвезено в автомобиле на Крестовский остров и сброшено в Неву через прорубь. Благодаря кровавым пятнам, оставшимся на снегу, оно было открыто на следующее утро. Несколько дней спустя Распутин был погребен ночью в Царском в присутствии императора и императрицы, митрополита Питирима и Протопопова.

Смерть Распутина была жестоким ударом для императрицы. Все надежды, которые она на нем сосредоточила, рухнули, и она стала опасаться каждую минуту осуществления сделанного им предсказания о гибели династии в том случае, если его не будет. По ее приказанию великий князь Дмитрий и князь Феликс были подвергнуты аресту, хотя свобода от ареста была признанной прерогативой всех членов императорской семьи. Император немедленно возвратился из Ставки и сказал великому князю Павлу, который просил разрешения для своего сына на переезд в его дворец в Царское, что «императрица не может разрешить этого в настоящее время». Несколько дней спустя великий князь Дмитрий был отправлен в Персию, а князю Феликсу Юсупову было предписано выехать в свои подмосковные имения.

11 января члены императорской фамилии сошлись во дворце великой княгини Марии Павловны и подписали коллективное письмо, в котором они испрашивали про-

щения императора великому князю Дмитрию. В то же время они в почтительных выражениях указывали на опасности, которыми чревата внутренняя политика его величества как для России, так и для династии. Они получили следующий уничтожающий ответ: «Никому не дано право убивать. Я знаю, что у многих совесть не чиста, так как не один Дмитрий Павлович замешан. Я удивляюсь вашему обращению ко мне».

Убийство Распутина, хотя и вызванное патриотическими мотивами, было фатальной ошибкой. Оно заставило императрицу решиться быть более твердой, чем когда-либо, и оно было опасным примером, так как побудило народ приняться за осуществление своих мыслей на деле. Оно сделало, кроме того, более затруднительным для императора вступить на путь уступок, даже если бы он был к этому расположен, так как в этом случае он дал бы возможность подозревать, что он уступил, опасаясь убийства. По словам Родзянко и других, его величество был на самом деле очень расположен избавиться от Распутина, но я не могу сказать, так ли это. К концу года внутреннее положение ухудшилось почти до последних пределов возможного, так как всеобщее недовольство было еще усилено запрещением съезда Земского союза в Москве и перерывом сессии Думы с целью предупреждения дальнейшего обсуждения этого воспрещения.

МОРИС ПАЛЕОЛОГ

ЦАРСКАЯ РОССИЯ НАКАНУНЕ РЕВОЛЮЦИИ

Морис Палеолог,
бывший французский посол.
«Царская Россия накануне революции».
Москва-Петроград, Госиздат, 1923 г.

*Морис Палеолог был послом Франции
в России в 1914—1917 годах.*

Благодаря влиянию Распутина и его клики, нравственный авторитет русского духовенства падает с каждым днем.

Одним из недавних событий, особенно оскорбивших чувства верующих, было столкновение между архиепископом Варнавой и святейшим синодом, имевшим место прошлой осенью по поводу причтения к лику святых архиепископа Иоанна Тобольского.

Еще два года тому назад Варнава был просто невежественный и разгульный монах, но Распутин, с которым они вместе росли в Покровском, вздумал его сделать архиереем. Это назначение, против которого упорно боролся синод, открыло эру крупных церковных скандалов.

Едва достигнув столь высокого сана, Варнава задумал устроить в своей епархии центр для паломников, что было бы полезно для церкви и выгодно для него самого. За чудесами дело не стало бы, а приток богомольцев повлек бы за собой и приток даяний. Распутин сразу почуял, какие блестящие результаты могло бы дать это благочестивое предприятие. Но он решил, что необходимо обрести мощи какого-нибудь нового святого; еще лучше было бы — мощи специально канонизированного святого; он заметил, что новые святые особенно любят проявлять свои чудотворные силы, а старые и прославленные уже не находят в этом никакого удовольствия. Такие новые мощи как раз оказались под рукой: это был архиепископ Иоанн Максимович, в бозе почивший в Тобольске в 1715 г. Варнава тотчас начал дело о сопричтении его к лику святых; но синод, зная подкладку этого предприятия, приказал отсрочить исполнение этого ходатайства. Варнаву это не остановило, и он, собственной властью, нарушая все церковные правила, объявил о канонизации архиепископа Иоанна; затем он испросил непосредственно согласие государя, что является необходимым при всякой канониза-

ции. Император снова уступил императрице и Распутину: он собственноручно подписал телеграмму Варнаве с высочайшим согласием.

В святейшем синоде клика Распутина ликовала. Но большинство членов синода решили не допускать такого грубого нарушения церковных правил. Обер-прокурор Самарин, человек честный и смелый, который, по настоянию московского дворянства, сменил презренного Саблера, поддерживал всеми силами протестующих членов синода. Не обращаясь к императору, он вызвал из Тобольска Варнаву и предписал ему отменить свое постановление. Архиепископ дерзко и решительно отказался это сделать: «Все, что скажет или будет думать святейший синод, мне совершенно безразлично. Мне достаточно телеграммы с согласием императора». Тогда, по инициативе Самарина, синод постановил отрешить Варнаву от должности и заточить в монастырь, как нарушителя церковных правил. Но на это нужно было высочайшее утверждение. Самарин твердо решил убедить императора; он пустил в ход все свое красноречие, всю энергию, всю преданность. Николай I выслушал его с недовольным видом и сказал: «Телеграмма моя архиепископу действительно была, быть может, не совсем корректна. Но что сделано, то сделано. И я сумею заставить всякого уважать мою волю».

Через неделю обер-прокурора Самарина заменил низкопоклонный и ничтожный, но близкий к Распутину Александр Волжин. Вскоре председатель синода, митрополит Владимир, который во время конфликта держался очень достойно, должен был уступить высшую духовную должность в империи креатуре Распутина, архиепископу Владикавказскому Питириму.

Вслед за увольнением председателя совета министров Горемыкина, та же участь постигла и министра внутренних дел А.Н. Хвостова. Обе должности унаследовал Штюрмер.

Отставка Хвостова дело рук Распутина. В течение некоторого времени между этими двумя лицами шла борьба не на живот, а на смерть. По этому поводу по городу ходят самые странные, самые фантастические слухи. Говорят, будто Хвостов хотел убить Гришку через преданного ему агента, Бориса Ржевского; Хвостов при этом действовал в союзе с прежним приятелем Распутина, ставшим затем его злейшим врагом, с монахом Илиодором, живущим теперь в Христиании. Но директор департамента полиции Белецкий, креатура Распутина, напал на след заговора и донес непосредственно императору. Отсюда внезапная отставка Хвостова.

Вот точное изложение таинственных событий, приведших к опале министра внутренних дел Хвостова. Печальный бросают они свет на состояние низов нынешнего режима.

...Назначение в октябре 1915 г. Хвостова министром внутренних дел было императору не подсказано Распутиным и Вырубовой, а прямо навязано. В этом деле крупную роль сыграл мошенник высшего полета, некий князь Мих. Андронников; это приспешник старца, его обычный прихвостень, главный исполнитель его поручений. Назначение Хвостова было, таким образом, победой камарильи при императрице.

Но вскоре возгорелся личный конфликт между новым министром и его товарищем, пройдохой Белецким, директором департамента полиции. В этом мире низких интриг, завистливого соревнования, тайной вражды недоверие бывает взаимным, а вражда — постоянным явлением. Поэтому Хвостов вскоре оказался на ножах со всей шайкой, которая его же провела к власти. Почувствовав, что дело его плохо, он тайно повернул фронт. А так как его честолюбие соткано из цинизма, дерзости и тщеславия, то он сразу решил создать себе громкую славу избавлением России от Распутина.

Он проведал, что Илиодор, из поклонников «старца» ставший его смертельным врагом, живет в изгнании в Христиании, где он написал книгу, полную скандальных разоблачений об его отношениях со двором и с Гришкой. Хвостов решил достать эту рукопись, в которой он полагал найти талисман, при помощи которого можно было бы заставить императора прогнать Распутина и даже, быть может, удалить от себя императрицу. Естественно не доверяя подчиненной ему официальной полиции, он решил послать в Христианию своего личного агента Бориса Ржевского, темного литератора, не раз приговоренного судом. Пока Ржевский готовился к поездке в Норвегию через Финляндию, его жена, в отместку за его жестокое обращение, донесла Распутину о замысле; «старец» немедленно обратился к своему другу Белецкому. Это — прирожденный полицейский, очень находчивый и ловкий человек, без всяких правил, руководящийся только служебными соображениями, способный на что угодно, только бы сохранить царское к себе благоволение. Быстрый на решения, он немедленно решил поставить западню своему министру. Сделать это надо было тонко. Белецкий поручил дело одному из своих лучших исполнителей, жандармскому полковнику Тюфяеву, служившему на ст. Белоостров. Ржевский, доехав до этой станции, устремился в буфет. Тюфяев загородил ему

дорогу, затем сделал вид, будто Ржевский его толкнул, потерял как будто равновесие и что есть мочи наступил Ржевскому на ногу. Тот вскрикнул от боли. Тюфяев притворно принял его крик за дерзость по своему адресу. Два заранее поставленные жандарма схватили Ржевского и повели его в станционное жандармское управление. У него потребовали паспорт; его обыскали; он сперва ссылался на то, что он едет по поручению министра внутренних дел, по делу, известному только министру. Жандармерия делала вид, что ему не верит; его прижали к стенке строгим допросом — как это умеют делать в охранном отделении. Ему небо с овчинку показалось; он перетрусил, но вскоре догадался, чего от него хотят — он признался, что получил от Хвостова поручение организовать, вместе с Илиодором, убийство Распутина. Был составлен протокол его допроса и доставлен директору департамента полиции, который его немедленно представил в Царское Село. На следующий день Хвостов был уволен.

Воскресенье, 13 февраля.

Распутинская клика в синоде ликует ввиду растущего расположения императрицы к Штюмеру и доверия, оказываемого ему Николаем. Митрополит Питирим и архiereи Варнава и Исидор уже чувствуют себя главами церковной иерархии; они говорят о предстоящей радикальной чистке высшего духовенства; это означает изгнание всех игуменов и архимандритов, которые еще не преклонились перед покровским эротоманом-мистиком и считают его антихристом. Несколько дней, как по рукам ходят списки расстригаемых и увольняемых, и даже списки намеченных к ссылке в те дальние сибирские монастыри, откуда нет возврата.

Ликуют и в кругах «церковных матушек» — у графини И. и г-жи Г.

Отставной министр Кривошеин говорил мне вчера с отчаянием и с отвращением: «Делаются и готовятся вещи отвратительные. Никогда не падал синод так низко... Если кто-нибудь хотел бы уничтожить в народе всякое уважение к религии, всякую веру, он лучше не мог бы сделать... Что вскоре останется от православной церкви? Когда царизм, почуяв опасность, захочет на нее опереться, вместо церкви окажется пустое место... Право, я сам порой начинаю верить, что Распутин антихрист».

Суббота, 26 февраля.

Назначение Питирима Петроградским митрополитом повело к тому, что Распутин стал полным хозяином в церковных делах.

Так, он только что заставил капитулировать перед собором свята́йший синод, который должен был утвердить канонизацию «раба Божьего» Иоанна Тобольского.

Прия́тель Распутина, циничный архиерей Варнава, не рассчитывал на столь скорую и блестящую победу. Для полноты картины этот Варнава будет посвящен в архиереи.

Среда, 29 марта.

Бывший председатель Совета министров Коковцов был сегодня у меня; я очень ценю его здравый патриотизм и ясный ум. Он, как и всегда, настроен пессимистически: мне даже кажется, что он старается скрыть от меня всю глубину своего отчаяния.

Говоря об общем внутреннем положении России, он придает большое значение деморализации русского духовенства. Его голос при этом дрожит и в нем слышится скорбное чувство; он заканчивает такими словами:

— Духовные силы страны переживают сейчас тяжелое испытание и вряд ли они его выдержат. Высшее духовенство почти сплошь находится в полном подчинении у Распутина и его клики. Это какая-то мерзкая болезнь, это гангрена, которая разъедает церковный организм. Я готов плакать от стыда при мысли о тех гнусных проделках, на которые теперь пускается синод... Но для религии в России в самом ближайшем будущем есть не менее грозная опасность: это распространение революционных идей среди низшего духовенства, особенно среди молодых священников. Вы ведь знаете, как печально положение русских священников в материальном и в духовном отношениях. Деревенский поп живет обыкновенно очень бедно и теряет совершенно чувство собственного достоинства, чувство стыда и уважение к своему сану и обязанностям. Крестьяне презирают его за праздность и за пьянство; между ними часто происходят ссоры из-за платы за требы, при этом, в случае чего, они готовы его оскорбить и даже побить. Вы не можете себе представить, сколько накопится обиды и злобы в душе русского священника... Наши социалисты очень ловко воспользовались этим положением нашего духовенства. Уже лет десять, как они ведут усиленную пропаганду среди деревенских попов, особенно среди молодежи. Таким образом, они вербуют борцов в ряды сторонников анархии и, кроме того, проповедников и учителей, влияющих на невежественную и мистически настроенную толпу. Вспомните роль, которую играл во время движения 1905 года священник Гапон: ведь он оказывал какое-то прямо магнетическое влияние... Хорошо осведомленный человек говорил мне недавно, что революционная пропаганда проникает даже в духовные

семинарии. Вы знаете, что семинаристы сплошь сыновья духовных лиц: по большей части они без всяких средств к существованию. То, что они в детстве видели в своей деревне, делает из них «униженных и оскорбленных» Достоевского; поэтому ум их предрасположен к восприятию социалистического евангелия. А для того, чтобы окончательно сбить их с пути, их возбуждают против высшего духовенства, рассказывая о распутинских скандалах.

Вторник, 25 апреля.

Я был сегодня днем на чашке чая у княгини Л., очень приятной пожилой дамы. Ее сохранившиеся тонкие черты и живость речи очаровательны и отражают ее светлый ум, чуткое сердце и разумную снисходительность, которая бывает у тех, кто много жил и много любил. Я застал у нее ее близкого друга, графиню Ф., муж которой занимает крупную должность при дворе.

Мое появление прерывает их беседу, которая, по-видимому, касалась невеселой темы. Вид у обоих удрученный. Графиня Ф. почти немедленно уехала. Разговаривая с графиней, я замечаю, что в ее глазах отражается какая-то скорбная, неотступная мысль. Мне хочется узнать, в чем дело.

Я вспоминаю, что граф Ф. очень близок к государю и государыне и что он не скрывает ничего от своей жены; я начинаю издали расспрашивать мою собеседницу:

— Как себя чувствует император? Я давно ничего о нем не слышал.

— Император по-прежнему в Ставке и, кажется, никогда так хорошо себя не чувствовал.

— Он не возвращался на Пасху в Царское Село?

— Нет! Он впервые не был вместе с императрицей и детьми у Пасхальной заутрени. Но он не мог оставить Могилев: говорят, скоро начнется наше наступление.

— А как императрица?

На этот как будто простой вопрос, княгиня отвечает взглядом и жестом, полным отчаяния. Я молю ее объяснить мне, в чем дело. Она мне рассказывает следующее:

— Представьте себе, что в прошлый четверг, когда императрица причащалась в Федоровском соборе, она пожелала, она приказала, чтобы Распутин причащался вместе с ней. И этот негодяй причастился тела и крови Христовых рядом с ней... Вот о чем мне только что говорила мой старый друг графиня Ф. Как это ужасно! Вы видите, я совершенно расстроена.

— Да, это ужасно. Но, в сущности, императрица только последовательна. Раз она верит в Распутина, раз она считает его праведником и святым, преследуемым фари-

сеями, раз она сделала его своим духовным руководителем, своим ходатаем перед Христом, — то вполне естественно, что она хочет видеть его рядом с собой в самую важную минуту своей религиозной жизни. Я должен сказать, что эта бедная, сбитая с толку душа внушает мне глубокое сострадание.

— Будьте сострадательны, господин посол, к ней — но также и к нам. Подумайте, какое будущее нам все это готовит...

Среда, 26 апреля.

...Вот несколько дополнительных сведений из очень верного, хотя и секретного источника об участии Распутина в причащении императрицы.

Обедню служил отец Васильев в раззолоченной нижней церкви Федоровского собора; церковь эта небольшая и архаичная по формам; ее стройный купол выделяется на фоне высоких деревьев императорского парка и кажется пережитком или воскрешением московского прошлого. Царица присутствовала с тремя старшими дочерьми; Григорий стоял позади нее вместе с Вырубовой и Турович. Когда Александра Федоровна подошла к причастию, она взглядом подозвала «старца», который приблизился и причастился непосредственно после нее. Затем перед алтарем они обменялись братским поцелуем. Распутин поцеловал императрицу в лоб, а она его в руку.

Перед тем «старец» подолгу молился в Казанском соборе, где он исповедался в среду вечером у отца Николая. Его преданные друзья, г-жа Г. и г-жа Т., не оставлявшие его ни на минуту, были поражены его грустным настроением. Он несколько раз говорил им о своей близкой смерти. Так, он сказал г-же Т. «Знаешь ли, что я вскоре умру в ужаснейших страданиях. Но что же делать? Бог предназначил мне высокий подвиг погибнуть для спасения моих дорогих государей и святой Руси. Хотя грехи мои и ужасны, но все же я маленький Христос...» В другой раз, проезжая с теми же своими поклонницами мимо Петропавловской крепости, он так пророчествовал: «Я вижу много замученных; не отдельных людей, а толпы; я вижу тучи трупов, среди них несколько великих князей и сотни графов. Нева будет красна от крови».

Вечером в пятницу на Страстной Распутин уехал в свое села Покровское, близ Тобольска; г-жа Т. и г-жа Г. поехали вслед за ним туда же.

Пятница, 26 мая.

... Днем княгиня Н., не принадлежащая к партии императрицы, но близкая к Вырубовой, рассказала мне, что

Распутин на днях убеждал государыню, что «нужно беспрекословно слушаться божьего человека». Он ей затем сообщил, что после своего причащения на Пасхе он чувствует в себе новые силы против своих врагов и считает себя более чем когда-либо защитником ниспосланным провидением, императорской фамилии в святой Руси. Александра Федоровна со слезами восторга бросилась на колени перед ним и просила его благословения.

Вечером в клубе я слышал такие слова: «Если Дума не будет разогнана, мы пропали...» — и затем длинное рассуждение о необходимости вернуть царскую власть к чистым основам московского православия.

В заключение я вспоминаю предсказание г-жи Тенсэ, сделанное в 1740 г. о французской монархии: «Если только не будет личного вмешательства божества, физически невозможно, чтобы правительство не сломало себе шеи».

Но я думаю, что пройдет не 40 лет, а едва ли даже сорок месяцев до падения русского режима.

...Среда, 31 мая.

С тех пор как Штюрмер стоит у власти, влияние Распутина очень возросло. Этот мужик-чудотворец все более становится политическим авантюристом и пройдохой. Кучка еврейских финансистов и грязных спекулянтов, Рубинштейн, Манус и др., заключили с ним союз и щедро его вознаграждают за содействие им. По их указаниям он посылает записки министрам, в банки и разным влиятельным лицам. Я видел такие записки — это грязные каракули, грубо повелительные по стилю. Никто ни в чем не смеет ему отказать. Назначения, повышения, отсрочки, милости, подачки, субсидии — так и сыплются по его приказанию.

Если дело особенно важно, то он передает записку непосредственно царице и прибавляет:

«Вот. Сделай это для меня».

И она сейчас же отдает распоряжение, не подозревая, что работает на Рубинштейна и Мануса, которые, в свою очередь, стараются для Германии.

Среда, 28 июня.

Из верного источника узнаю следующее.

Императрица переживает очень тяжелую полосу. Усиленные молитвы, посты, аскетические подвиги, волнения, бессонница. Она все больше утверждает в восторженной мысли, что ей суждено спасти святую православную Русь и что покровительство Распутина и высокие его качества ей необходимы для успеха. Она по всякому поводу советуется с ним, просит его благословения.

Но сношения царицы с Гришкой облечены покровом тайны. В газетах о них ни слова. В обществе об этом говорят шепотом, и только самые близкие между собой, как о позорной тайне, в которую лучше не углубляться; но вообще не стесняются выдумывать бесконечное число фантастических подробностей.

Обыкновенно сам Распутин редко бывает во дворце. Он видится с царицей по большей части у Вырубовой, в ее квартире на Средней улице; там он проводит иногда по несколько часов с обеими женщинами, а агенты генерала Спиридовича охраняют дом и никого не подпускают близко к нему.

Обыкновенно же полковники Ломан и Мальцев поддерживают постоянные сношения между старцем и его кликой и дворцом.

Полковник Ломан, помощник управляющего императорскими дворцами, староста любимой церкви царицы, Федоровского собора, личный секретарь Александры Федоровны, пользуется полным ее доверием. Его помощником в его ежедневных сношениях с Распутиным является артиллерийский полковник Мальцев, начальник воздушной охраны Царского Села. Для интимных поручений императрица пользуется обыкновенно услугами молодой монахини, работающей в придворном военном госпитале, сестры Акулины.

Несколько лет тому назад эта монахиня жила в Октайском монастыре на Урале, недалеко от Екатеринбурга. Крестьянка родом, очень здоровая от природы, она вдруг стала страдать припадками, которые очень усилились и стали периодическими. На глазах у своих испуганных сестер она то корчилась в судорогах, то впадала в восторженно-бредовое состояние, то испытывала необычайные ощущения; ее считали одержимой бесами. Во время такого припадка явился Распутин. Он тогда ходил странником по Уралу. Однажды вечером он попросился ночевать в Октайском монастыре. Его приняли как посланца провидения и немедленно привели к бесноватой, которая билась в припадке. Он остался с ней наедине и в несколько минут исцелил ее властным заклинанием. Дьявол больше не беспокоил ее. После такого исцеления Акилина стала верной слугой старца.

Четверг, 3 августа.

У меня сегодня был Сазонов. Он приехал из Финляндии и вчера прощался с чинами Министерства иностранных дел.

Мы долго и дружественно беседуем с ним. Он такой, каким я и ожидал его видеть: полон спокойствия, досто-

инства, без малейшей горечи; он рад за себя лично, что освободился от тяжелых обязанностей, но он печалится и тревожится за будущее России. Он подтверждает все то, что слышал об обстоятельствах его отставки.

— Императрица относится ко мне враждебно, — говорил он. — В течение года она не могла простить мне, что я умолял императора не брать на себя командирования армией. Она так настаивала на моей отставке, что император в конце концов уступил. Но к чему этот скандал? К чему весь этот шум? Можно было легко найти повод для моей отставки в состоянии моего здоровья. Я самым лояльным образом пошел бы навстречу. Наконец, зачем же император принимал меня в последний раз так доверчиво, так ласково?

С выражением глубокой печали, он так резюмирует происшедшее:

— Император царствует, но правит императрица, инспирируемая Распутиным. Увы! Да хранит нас Бог!

...Четверг, 14 сентября.

С некоторого времени ходят слухи, что Распутин и Штюмер не ладят больше друг с другом: их не встречали больше вместе: они больше не бывали друг у друга.

Между тем они видятся и совещаются ежедневно. Совещания их происходят по вечерам в самом секретном месте в Петрограде, в Петропавловской крепости.

Комендантом романовской бастилии состоит генерал Никитин, дочь которого принадлежит к числу пламеннейших поклонниц «старца». Через нее-то и обмениваются посланиями Штюмер и Гришка; она отправляется за Распутиным в город и привозит его в своем экипаже в крепость; в доме коменданта, в комнате самой m-lle Никитиной, и сходятся сообщники.

Почему они окружают себя такой тайной? Почему они выбрали это таинственное место? Почему сходятся они лишь после наступления ночи? Может быть, чувствуя, что на них тяготеет всеобщая ненависть, они хотят скрыть от публики близость своих отношений. Может быть, они боятся, как бы бомба анархиста не помешала их свиданиям.

Но из всех трагических сцен, о которых хранит воспоминание страшная государственная тюрьма, есть ли более зловещая, чем эти личные встречи двух злодеев, губящих Россию?

...Вторник, 3 октября.

Штюмеру удалось свалить своего смертельного врага, министра внутренних дел Хвостова; ему, значит, больше нечего бояться дела Мануйлова.

Новый министр внутренних дел — один из товарищей председателя Думы, Протопопов. До сих пор император редко выбирал своих министров из среды народного представительства. Выбор Протопопова не представляет, однако, никакой эволюции в сторону парламентаризма. Далеко не так...

По своим прежним взглядам Протопопов считается «октябристом», то есть очень умеренным либералом. В июне прошлого года он входил в состав парламентской делегации, отправленной в Западную Европу, и в Лондоне, как и в Париже выказал себя горячим сторонником войны до конца. Но на обратном пути, во время остановки в Стокгольме, он позволил себе странную беседу с немецким агентом Паулем Варбургом, и, хотя дело остается довольно темным, он, несомненно, говорил в пользу заключения мира.

По возвращении в Петроград он сблизился с Штюрмером и Распутиным, которые скоро представили его императрице. Он быстро вошел в милость. Его сейчас же посвятили в тайные совещания в Царском Селе; ему давало на это право его знание тайных наук, главным образом самой высокой и самой темной из них: некромантии. Кроме того, я достоверно знаю, что он был болен какой-то заразной болезнью, что у него осталось после этого нервное расстройство и что в последнее время в нем наблюдали симптомы, предвещающие общий паралич. Итак, внутренняя политика империи в хороших руках!

...Четверг, 5 октября

Высокопоставленный придворный сановник Э. завтракает у меня в посольстве. Я не пригласил никого другого, чтоб он чувствовал себя вполне свободно.

Пока мы остаемся за столом, он сдерживается перед слугами. По возвращении в салон он выпивает один за другим два стакана шампанского, наливает себе третий, закуривает сигару и с разгоревшимся лицом, высоко подняв голову, смело задает мне вопрос:

— Господин посол, чего ждете вы, ваш английский коллега и вы, чтоб положить конец измене Штюрмера?

— Мы ждем возможности сформулировать против него определенное обвинение... Официально нам не в чем его упрекнуть; его слова и поступки совершенно корректны. Он даже поминутно заявляет нам: «Война до конца!.. Нет пощады Германии!..» Что касается его интимным мыслей и тайных маневров, у нас есть лишь впечатления, интуиция, которые, самое большее, позволяют нам предполагать и подозревать. Вы оказали бы нам выдающуюся услугу, если бы могли указать нам положительный факт, подтверждающий ваше мнение.

— Я не знаю никакого положительного факта, но измена очевидна. Неужели вы ее не видите?

— Недостаточно того, чтоб я ее видел; надо еще, чтобы я в состоянии был показать ее сначала моему правительству, а потом царю... Нельзя начинать такое серьезное дело без малейшего хотя бы доказательства.

— Вы правы.

— Так как мы пока что вынуждены довольствоваться гипотезами, скажите, прошу вас, как вы себе представляете то, что вы называете изменой Штюмерера?

Тогда он заявляет мне, что Штюмерер, Распутин, Добровольский, Протопопов и компания сами по себе имеют значение второстепенное и подчиненное, что они — простые орудия в руках анонимного и немногочисленного, но очень могущественного кружка, который, устав от войны и боясь революции, требует мира.

— Во главе этого кружка, — продолжает он, — вы найдете, конечно, дворянство балтийских провинций и всех главных придворных должностных лиц. Затем идет ультрареакционная партия Государственного Совета и Думы; далее, наши сенатские владыки; наконец, все господа крупные финансисты и крупные промышленники. Через Штюмерера и Распутина они держат в руках императрицу, а через императрицу — императора.

— О! они еще не держат в руках императора... И никогда его не будут держать в руках. Я хочу сказать, что они никогда не заставят его отделиться от его союзников.

— В таком случае они его убьют или заставят отречься от престола.

— Отречься?.. Вы представляете себе отречение императора? В пользу кого?

— В пользу своего сына, под регентством императрицы. Будьте уверены, что в этом состоит план Штюмерера или, вернее, тех, которые руководят им. Для того чтобы достигнуть своих целей, эти люди ни перед чем не останавливаются: они способны на все. Они провоцируют стачки, бунты, погромы, кризисы нищеты и голода; они создают везде такую нужду, такое уныние, что продолжение войны станет невозможным. Вы их не видели за работой в 1905 году.

Я резюмирую все, что он мне сказал, и заключаю:

— Первое, что надо сделать, это свалить Штюмерера. Я над этим поработаю.

...Понедельник, 9 октября.

Новый министр внутренних дел Протопопов провозглашает крайне реакционную программу. Он не побоится, говорит он, стать лицом к лицу с силами революции; если

нужно будет, он спровоцирует их для того, чтобы сразу покончить с ними; он чувствует себя достаточно сильным, чтобы спасти царизм и святую Русь православную, и он их спасет... Такие речи произносит он в своем интимном кругу с неиссякающим словообилием и самодовольными улыбками. А между тем всего несколько месяцев тому назад его причисляли к умеренным либералам Государственной Думы. Его тогдашние друзья, уважавшие его настолько, что сделали его товарищем председателя Думы, не узнают его.

Резкость его речей объясняется, как меня уверяют, состоянием его здоровья: внезапные перемены характера, экзальтация, призраки и образы, неожиданно рождающиеся в его мозгу, составляют типичные симптомы, предвещающие общий паралич. С другой стороны, несомненно (я только что узнал об этом), что его свел с Распутиным его врач, терапевт Бадмаев, этот монгольский шарлатан, применяющий к своим больным магические фокусы и чудодейственную фармакопею тибетских шаманов. Я уже упомянул о союзе, заключенном некогда у изголовья маленького царевича между знахарем-спиритом и «старцем».

Давно посвященный в тайны учения, Протопопов был предназначен стать клиентом Бадмаева. Последний, беспрерывно занятый какой-нибудь интригой, сразу сообразил, что товарищ председателя Думы будет драгоценным рекрутом для камарильи императрицы. Во время своих кабалистических операций ему нетрудно было приобрести влияние на этот неуравновешенный ум, на этот больной мозг, в котором уже обнаруживаются симптомы, предшествующие мегаломании. Скоро он представил его Распутину. Политик-невропат и мистик-чудотворец были очарованы друг другом. Несколько дней спустя Григорий указал императрице на Протопопова как на спасителя, которого провидение приберегло для России. Штюрмер рабски поддержал. А император лишний раз уступил.

...Суббота, 2 декабря.

...Мне сообщают, что вечернее продолжение заседания было отмечено двумя речами, столь же неожиданными, сколь и резкими, двух лидеров правой, графа Владимира Бобринского и Пуришкевича. К изумлению своих политических единомышленников, они произвели стремительную вылазку против «позорящих и губящих Россию темных сил». Пуришкевич воскликнул даже:

«Надо, чтобы впредь недостаточно было рекомендации Распутина для назначения гнуснейших лиц на самые высокие посты. Распутин в настоящее время опаснее, чем был некогда Лже-Дмитрий... Господа министры! Если вы

истинные патриоты, поезжайте в Ставку, бросьтесь к ногам царя, имейте мужество заявить ему, что так не может дольше длиться, что слышен гул народного гнева, что грозит революция и темный мужик не должен дольше управлять Россией».

...Воскресенье, 10 декабря.

Что политику России делает камарилья императрицы, факт несомненный. Но кто руководит самой этой камарильей? от кого получает она программу и направление?

Конечно, не от императрицы. Публика любит простые идеи и общие олицетворения и не имеет точного представления о роли царицы; поэтому она расширяет эту роль и в значительной степени ее искажает. Александра Федоровна слишком импульсивна, слишком заблуждается, слишком неуравновешенна, чтобы создать политическую систему и следить за ее проведением. Она является главным и всемогущим орудием заговора, который я постоянно чувствую вокруг нее, однако она не более как орудие.

Точно так же лица, группирующиеся вокруг нее: Распутин, Вырубова, генерал Воейков, Танеев, Штюмер, князь Андронников и пр., — лишь подручные, статисты, подобострастные интриганы или марионетки. Министр внутренних дел Протопопов, производящий более внушительное впечатление, обязан этой обманчивой внешностью раздражению мозговых оболочек. За его экспансивным фанфаронством и суетливой активностью нет ничего, кроме раздражения спинного мозга. Это мономан, которого скоро отправят в дом для умалишенных.

Кто же в таком случае руководит царскосельской камарильей?

Я тщетно расспрашиваю тех, кто, казалось, наиболее способны были бы удовлетворить мое любопытство, и получаю лишь неопределенные или противоречивые ответы, гипотезы, предположения.

Если б я, тем не менее, принужден был сделать выводы, я сказал бы, что пагубная политика, за которую императрица и ее партий будут нести ответственность перед историей, внушается им четырьмя лицами: это — лидер крайней правой в Государственном Совете Щегловитов, Петроградский митрополит преосвященный Питирим, бывший директор департамента полиции Белецкий и, наконец, банкир Манус.

Вне этих четырех лиц я вижу лишь игру сил анонимных, коллективных, разбросанных, подчас бессознательных, которые выражают, может быть, исключительно вековое действие царизма, его инстинкт самосохранения; всю органическую жизненность, которая еще остается в нем.

В этом квартете я приписываю особую роль банкиру Манусу: он обеспечивает сношения с Берлином. Это через него Германия заводит и поддерживает свои интриги в русском обществе; он является распределителем германских субсидий.

..Суббота, 30 декабря.

Около семи часов вечера превосходный осведомитель, состоящий у меня на службе сообщает мне, что сегодня ночью во время ужина во дворце Юсупова убили Распутин. Говорят, что убийцами являются: молодой князь Феликс Юсупов, женившийся в 1914 г. на племяннице царя, вел. князь Димитрий Павлович и Пуришкевич, лидер крайней правой в Думе. В ужине принимали будто участие две или три женщины из общества. Новость пока еще хранится в строгой тайне.

Прежде чем телеграфировать в Париж, я стараюсь проверить только что полученное сообщение.

Я тотчас отправляюсь к г-же Д. Она телефонирует своей тетке, г-же Головиной, великой приятельнице и покровительнице Распутина.

Заплаканный голос отвечает ей:

— Да, отец исчез сегодня ночью. Неизвестно, что с ним случилось... Это ужасное несчастье.

Вечером новость распространяется в яхт-клубе. Великий князь Николай Михайлович отказывается ей поверить.

— Десять раз уже, — говорит он, — нам объявляли о смерти Распутина. И каждый раз он воскресал могущественнее, чем когда-либо.

Он все же телефонирует председателю Совета министров Трепову, который ему отвечает:

— Я знаю только, что Распутин исчез; я предполагаю, что его убили. Я не могу узнать ничего больше: дело взял в свои руки начальник «охранки».

Воскресенье, 31 декабря.

Тело Распутина все еще не найдено.

Императрица вне себя от горя: она молила императора, находящегося в Могилеве, немедленно вернуться к ней.

Мне подтверждают, что убийцы — князь Феликс Юсупов, великий князь Димитрий и Пуришкевич. Ни одной дамы за ужином не было. Как же в таком случае заманили Распутина во дворец Юсупова?..

Судя по тому немногому, что мне известно, именно присутствие Пуришкевича сообщает драме ее настоящее знание, ее политический интерес. Великий князь Димитрий — изящный молодой человек, двадцати пяти лет, энергичный пламенный патриот, способный проявить

храбрость в бою, но легкомысленный, импульсивный и впутавшийся в эту историю, как мне кажется, сгоряча. Князь Феликс Юсупов, двадцати восьми лет, одарен живым умом и эстетическими наклонностями; но его дилетантизм слишком увлекается нездоровыми фантазиями, литературными образами Порока и Смерти; боюсь, что он в убийстве Распутина видел прежде всего сценарий, достойный его любимого автора, Оскара Уайльда. Во всяком случае, своими инстинктами, лицом, манерами он походит скорее на героя «Дориана Грея», чем на Брута или Лорензаччио.

Пуришкевич, которому перевалило за пятьдесят, напротив, человек идеи и действия. Он поборник православия и самодержавия. Он с силой и талантом поддерживает тезисы: «царь — самодержец, посланный Богом». В 1905 году он был председателем знаменитой реакционной лиги «Союза русского народа» и это он вдохновлял и направлял страшные еврейские погромы. Его участие в убийстве Распутина освещает все поведение крайней правой в последнее время; оно показывает, что сторонники самодержавия, чувствуя, чем им грозят безумства императрицы, решили защитить императора, если понадобится, против его воли.

Понедельник, 1 января 1917 г

По распоряжению императрицы адъютант императора генерал Максимович арестовал вчера великого князя Дмитрия, который оставлен под надзором полиции в своем дворце на Невском проспекте.

Вторник, 2 января.

Тело Распутина найдено вчера в льдах Малой Невки у Крестовского острова, возле дворца Белосельского.

Императрица до последнего момента надеялась, что «Бог сохранит ей ее утешителя и единственного друга».

Полиция не разрешает печатать никаких подробностей драмы. Впрочем, «охранка» продолжает вести следствие в такой тайне, что еще сегодня утром председатель Совета министров Трепов отвечал на нетерпеливые вопросы великого князя Николая Михайловича:

— Клянусь вам, ваше высочество, что все делается без меня и я ничего из следствия не знаю.

Народ, узнав третьего дня о смерти Распутина, торжествовал. Люди обнимались на улице, шли ставить свечи в Казанский собор.

Когда стало известно, что великий князь Дмитрий был в числе убийц, толпой бросились ставить свечи перед иконой св. Дмитрия.

Убийство Григория — единственный предмет разговора в бесконечных хвостах женщин, в дождь и ветер ожидающих у дверей мясных и бакалейных лавок распределения мяса, чая, сахара и пр.

Они друг дружке рассказывают, что Распутин был брошен в Неву живым, и одобряют это пословицей: «Собаке собачья смерть».

Другая народная версия: «Распутин еще дышал, когда его бросили под лед в Неву. Это очень важно, потому что он, таким образом, никогда не будет святым»...

В русском народе держится поверье, что утопленники не могут быть причислены к лику святых.

Среда, 3 января.

Лишь только тело Распутина вытащили из Невы, оно было таинственно увезено в убежище ветеранов Чесмы, расположенное в пяти километрах от Петрограда по дороге в Царское Село.

Осмотрев труп и констатировав следы ран, профессор Косоротов ввел в залу, где производилось вскрытие, сестру Акулину, молодую послушницу, с которой Распутин познакомился когда-то в Октайском монастыре, где он изгнал из нее беса. По письменному повелению императрицы она, с одним только больничным служителем, приступила к последнему одеванию трупа. Кроме нее, никого к покойному не допустили: его жена, дочери, самые горячие его поклонницы тщетно умоляли разрешить им видеть его в последний раз.

Бывшая одержимая, благочестивая Акулина провела половину ночи за омовением тела, наполнила его раны благовониями, одела в новые одежды и положила в гроб. В заключение она положила ему на грудь крест, а в руки вложила письмо императрицы... Вот текст этого письма, как мне его сообщила г-жа Т., приятельница «старца», очень дружившая с сестрой Акулиной:

«Мой дорогой мученик, дай мне твое благословение, чтоб оно постоянно было со мной на скорбном пути, который остается мне пройти здесь на земле. И помяни нас на небесах в твоих святых молитвах.

Александра».

Утром на следующий день, то есть вчера, императрица и г-жа Вырубова пришли помолиться над прахом друга, который они засыпали цветами, иконами и причитаниями.

Сколько раз во время моих поездок в Царское Село проезжал я мимо Чесменского приюта (бывшей летней резиденции Екатерины II), который с дороги виден сквозь деревья. В это время года в своем зимнем уборе, на бес-предельной туманной и холодной равнине, — место зло-вещее и унылое. Это как раз подходящая декорация для вчерашней сцены. Императрица и ее зловещая подруга в слезах перед распухшим трупом развратного мужика, ко-торого они так безумно любили и которого Россия будет проклинать вечно, — много ли создал великий драма-тург — история более патетических эпизодов?

Около полуночи гроб перенесли в Царское Село, под руководством г-жи Головиной и полковника Ломана, за-тем его поставили в часовне в императорском парке.

Пятница, 5 января.

Чтобы сбить со следа гипотезы и поиски всеобщего любопытства, «охранка» распускает слух, что гроб Распу-тина был перевезен не то в село Покровское возле То-больска, не то в какой-то монастырь на Урале.

В действительности погребение происходило очень секретно прошлой ночью в Царском Селе.

Гроб был погребен под иконостасом строящейся часов-ни на опушке императорского парка возле Александров-ска — часовни св. Серафима.

Присутствовали только император, императрица, четы-ре молодые великие княгини, Протопопов, г-жа Вырубова, полковник Ломан и Мальцев, наконец, совершавший от-певание придворный протоиерей отец Васильев.

Императрица потребовала себе окровавленную рубаш-ку «мученика Григория» и благоговейно хранит ее, как реликвию, как палладиум, от которого зависит участь ди-настии.

В тот же день вечером крупный промышленник Богда-нов давал у себя обед, на котором присутствовали: члены императорской фамилии, князь Гавриил Константинович, несколько офицеров, в том числе граф Капнист, адъютант военного министра, член Государственного Совета Озеров и несколько представителей крупного финансового капи-тала, в том числе Путилов.

За обедом, который был очень оживлен, только и было разговора, что о внутреннем положении. Под влиянием шампанского его изображали в самых мрачных красках с любезным русскому воображению чрезмерным песси-мизмом.

Обращаясь к князю Гавриилу, Озеров и Путилов го-ворили, что, по их мнению, единственное средство спасти царствующую династию и монархический режим — это

собрать членов императорской фамилии, лидеров партий Государственного Совета и Думы, а также представителей дворянства и армии и торжественно объявить императора ослабевшим, не справляющимся со своей задачей, неспособным дольше царствовать и возвестить воцарение наследника под регентством одного из великих князей.

Нисколько не протестуя, князь Гавриил ограничился тем, что формулировал несколько возражений практического характера; тем не менее, он обещал передать своим дядюшкам и двоюродным братьям то, что ему сказали.

Вечер закончился тостом «за царя, умного, сознающего свой долг и достойного своего народа».

Император отказался принять отставку Трепова, без единого слова объяснения.

Вечером я узнал, что в семье Романовых великие тревоги и волнение.

Несколько великих князей, в числе которых мне называют трех сыновей великой княгини Марии Павловны: Кирилла, Бориса и Андрея, говорят ни больше ни меньше, как о том, чтобы спасти царизм путем дворцового переворота. С помощью четырех гвардейских полков, преданность которых уже поколеблена, двинутся ночью на Царское Село, захватят царя и царицу, императору докажут необходимость отречься от престола, императрицу заточат в монастырь; затем объявят царем наследника Алексея, под регентством великого князя Николая Николаевича.

Инициаторы этого плана полагают, что великого князя Дмитрия его участие в убийстве Распутина делает самым подходящим исполнителем, способным увлечь войска. Его двоюродные братья, Кирилл и Андрей Владимировичи, пришли к нему в его дворец на Невском проспекте и изо всех сил убеждали его «довести до конца дело народного спасения». После долгой борьбы со своей совестью Дмитрий Павлович в конце концов отказался «поднять руку на императора»; его последним словом было: «Я не нарушу своей присяги в верности».

Гвардейские части, в которых организаторы успели завязать сношения: Павловский полк, расквартированный в казармах на Марсовом поле, Преображенский полк в казармах у Зимнего дворца, Измайловский полк в казармах за Александро-Невской лаврой и, наконец, один эскадрон императорского гусарского полка, входящего в состав гарнизона Царского Села.

Все происходившее в казармах почти тотчас стало известно «охранке», и Белецкому поручено было начать расследование в связи со следствием, которое он производит по делу Распутина; главным его сотрудником в его розы-

сках является жандармский полковник Невданов, начальник собственной его величества охраны, недавно заменивший генерала Спиридовича.

Суббота, 6 января.

Об убийстве Распутина продолжают циркулировать самые противоречивые, самые фантастические версии. Тайна тем глубже, что с первой же минуты императрица поручила вести следствие лично знаменитому Белецкому, бывшему директору департамента полиции, теперь сенатору; он тотчас принялся за дело с начальником «охранки», жандармским генералом Глобачевым, и его расторопным помощником, полковником Кирпичниковым. Требуя, чтобы все полномочия для ведения следствия были сосредоточены в руках Белецкого, императрица усиленно повторяла: «Я только ему доверяю; я поверю лишь тому, что мне скажет он, один он...»

Из двух различных источников, из коих один очень интимный, я получил в общем итоге сведения, дающие мне возможность восстановить главные фазы убийства. Меня уверяют, что эти подробности совпадают с фактами, установленными в настоящее время полицейским следователем.

Драма произошла в ночь с 29 на 30 декабря во дворце князя Юсупова на Мойке, дом № 94.

До того у Феликса Юсупова были с Распутиным лишь весьма неопределенные отношения. Чтоб заманить его к себе в дом, князь прибег к довольно неэлегантному стратегическому приему. 28 декабря он отправился к «старцу» и сказал ему:

— Моя жена, прибывшая из Крыма, безумно хочет с тобой познакомиться. И она хотела бы видеть тебя совершенно интимно, чтобы спокойно поговорить с тобой. Не хочешь ли ты завтра прийти ко мне домой выпить чашку чаю? Приходи попозже, так в половине двенадцатого, потому что у нас будет обедать моя теща, но к этому времени она уже, наверное, уйдет.

Надежда завязать знакомство с очень красивой княгиней Иреной, дочерью великого князя Александра Михайловича и племянницей императора, тотчас соблазнила Распутина, и он обещал прийти. Княгиня Ирена, впрочем, вопреки утверждению Юсупова, находилась еще в Крыму.

На следующий день, 29 декабря, около 11 часов вечера все заговорщики собрались во дворце Юсупова, в одном из салонов верхнего этажа, где был сервирован ужин. Князя Феликса окружали: великий князь Димитрий, депутат Государственной Думы Пуришкевич, капитан Сухотин и польский врач, доктор Станислав Лазоверт,

прикомандированный к одной из крупных военно-санитарных организаций. Что бы ни рассказывали, никакой оргии в этот вечер во дворце Юсупова не было; в обществе не было ни одной женщины: ни княгини Р., ни г-жи Д., ни графини Н., ни танцовщицы Корелли.

В четверть двенадцатого князь Феликс отправился в автомобиле к Распутину, который живет на Гороховой, № 68, приблизительно в двух километрах от Мойки.

Юсупов ощупью поднялся по лестнице, ведущей в квартиру Распутина, так как свет в доме был уже погашен, а ночь была очень темная. В этом мраке он плохо ориентируется. В тот момент, когда он звонит, он боится, что ошибся дверью, может быть, этажом. Тогда он мысленно произносит: «Если я ошибусь, значит, судьба против меня — и Распутин должен жить».

Он звонит, сам Распутин открывает ему дверь; за ним следует его верная служанка Дуня.

— Я за тобой, отец, как было условлено. Моя машина ждет внизу.

И в порыве сердечности по русскому обычаю звонко целует старца в губы.

Тот, охваченный инстинктивным недоверием, насмешливо восклицает:

— Ну, и целуешь же ты меня, малый... Надеюсь, это не иудино лобзание... Ну, пойдем. Ступай вперед... Прощай, Дуня!

Через десять минут, то есть около полуночи, они вышли из автомобиля у дворца на Мойке.

Юсупов вводит своего гостя в небольшие апартаменты нижнего этажа, выходящие в сад. Великий князь Димитрий, Пурешкевич, капитан Сухотин и доктор Лазоверт ожидают в верхнем этаже, откуда доносятся время от времени звуки граммофона, исполняющего мотивы танцев.

Юсупов говорит Распутину:

— Моя теща и несколько наших знакомых молодых людей еще наверху, но все они собираются уходить. Моя жена сойдет к нам тотчас после их ухода... Сядем.

Они усаживаются в широкие кресла и беседуют об оккультизме, некромантии.

«Старец» никогда не нуждается в стимуле, чтоб разглагольствовать без конца о подобных вещах. К тому же он в этот вечер в ударе; глаза его блестят, и он кажется очень довольным самим собой. Чтоб предстать перед молодой княгиней Иреной во всеоружии всех своих средств обольщения, он надел свой лучший костюм, костюм знаменательных дней: на нем широкие черные бархатные шаровары, запущенные в высокие сапоги, белая шелковая рубаша, украшенная голубой вышивкой; на-

конец, пояс из черного сатина, расшитый золотом, подарок царицы.

Между креслами, в которых развалились Юсупов и его гость, заранее поставлен был круглый стол, на котором размещены на двух тарелках пирожные с кремом, бутылка марсалы и поднос с шестью стаканами.

Пирожные, поставленные возле Распутина, были отравлены цианистым калием, доставленным врачом Обуховской больницы, знакомым князю Феликсу.

Каждый из трех стаканов, стоящих возле этих пирожных, содержит по три центиграмма цианистого калия, растворенного в нескольких каплях воды; как ни слабой кажется эта доза, она, однако, огромна, потому что уже доза в четыре центиграмма смертельна.

Едва началась беседа, Юсупов небрежно наполняет по стакану из каждой серии и берет пирожное с ближайшей к нему тарелки.

— Ты не пьешь, отец Григорий? — спрашивает он «старца».

— Нет, мне пить не хочется.

Они продолжают довольно оживленно беседовать о чудесах спиритизма, колдовства и ворожбы.

Юсупов еще раз предлагает Распутину выпить вина, съесть пирожное. Новый отказ.

Но, когда часы пробили час утра, Гришка внезапно приходит в раздражение и грубо кричит:

— Да что же это? Жена твоя не придет... Я, знаешь, ждать не привык. Никто не позволяет себе заставлять меня ждать, никто... даже императрица.

Зная, как вспыльчив Распутин, князь Феликс примирительно лепечет:

— Если Ирены не будет здесь через несколько минут, я пойду за ней.

— Ты хорошо сделаешь, потому что мне становится здесь скучно.

С непринужденным видом, но сдавленной глоткой Юсупов пытается возобновить беседу. «Старец» неожиданно выпивает свой стакан. И, щелкнув языком, говорит:

— Марсала у тебя знатная. Я бы еще выпил.

Машинально Юсупов наполняет не тот стакан, который протягивает ему Гришка, а два других, содержащих цианистый калий.

Распутин хватает стакан и выпивает его единым духом. Юсупов ждет, что жертва свалится в обмороке.

Но яд все не оказывает действия.

Третий стакан. Все никакого эффекта.

Обнаруживавший до этого момента замечательное хладнокровие и непринужденность убийца начинает вол-

новаться. Под предлогом, будто он идет за Иреной, он выходит из салоны и подымается на верхний этаж, чтобы посоветоваться со своими сообщниками.

Совещание было непродолжительно. Пуришкевич энергично высказывается за ускорение развязки.

— Не то, — заявляет он, — негодяй уйдет от нас. И так как он, по крайней мере, наполовину отравлен, мы подвергнемся всем последствиям убийства, не получив от него никакой выгоды.

— Но у меня нет револьвера, — возражает Юсупов.

— Вот мой револьвер, — отвечает великий князь Димитрий.

Юсупов, держа за спиной в левой руке револьвер, возвращается вниз.

— Моя жена в отчаянии, что заставляет тебя ждать, — говорит он, — ее гости только что ушли, она сейчас будет здесь.

Но Распутин едва слушает его; отдуваясь и рыгая, он мечется взад и вперед. Цианистый калий подействовал.

Юсупов не решается, однако, воспользоваться своим револьвером. А если он промахнется!.. Хрупкий и изнеженный, он боится открыто напасть на коренастого мужика, который мог раздавить его одним ударом кулака. Однако нельзя терять больше ни одной минуты. С секунды на секунду Распутин может заметить, что попал в ловушку, схватить своего противника за горло и спастись, переступив через его труп.

Совершенно овладев собой, Юсупов говорит:

— Так как ты на ногах, пройдем в соседнюю комнату. Я хочу показать тебе очень красивое итальянское распятие эпохи Ренессанса, которое я давно купил.

— Да, покажи его мне; никогда нелишне посмотреть изображение нашего распятого Спасителя.

Они заходят в соседнюю комнату.

— Вот посмотри, вот здесь, на этом столе, — сказал Юсупов, — не правда ли красиво?

И в то время, как Распутин склоняется над святым изображением, Юсупов становится слева и почти в упор два раза стреляет ему в бок.

Распутин издает «Ах!» — и всей своей массой падает на пол.

Юсупов наклоняется над телом, щупает пульс, осматривает глаз, подняв веко, и не констатирует никаких признаков жизни. На выстрел быстро сходят оставшиеся наверху сообщники. Великий князь Димитрий заявляет:

— Теперь надо поскорее бросить его в воду... Я пойду за своим автомобилем.

Минут через десять Юсупов заходит в салон нижнего этажа посмотреть на свою жертву и отступает в ужасе.

Распутин, опираясь на руки, наполовину поднялся. В последнем усилии он выпрямляется, опускает свою тяжелую руку на плечо Юсупова и срывает с него эполету, выдохнув замирающим голосом:

— Негодяй!.. Завтра ты будешь повешен! Потому что я все расскажу императрице!

Юсупов с трудом вырывается, выбегает из салона, возвращается на верхний этаж. И, бледный, залитый кровью, кричит прерывающимся голосом своим сообщникам:

— Он еще жив... Он со мной говорил...

Затем он в обмороке падает на диван. Пуришкевич хватая его своими сильными руками, встряхивает, поднимает, берет у него его револьвер и вместе с ним и остальными заговорщиками сходит в апартаменты нижнего этажа.

Распутина нет уже больше в салоне. У него хватило энергии открыть дверь в сад, и он ползет по снегу.

Пуришкевич выпускает одну пулю ему в затылок и другую в спину, а в это время Юсупов, взбешенный, рыча, бежит за бронзовым канделябром и наносит им жертве несколько страшных ударов по черепу.

Четверть третьего утра.

В этот момент к садовой калитке подъезжает автомобиль великого князя Димитрия. С помощью надежного слуги заговорщики одевают Распутина в шубу, надевают ему даже галоши, чтобы во дворце не осталось никаких вещественных доказательств, и кладут тело в автомобиль, в который торопливо садятся, великий князь Димитрий, доктор Лазоверт и капитан Сухотин.

Затем автомобиль, управляемой Лазовертом, полным ходом несется к Крестовскому.

Накануне капитан Сухотин обследовал берега. По его указанию автомобиль останавливается у небольшого места, ниже которого скоростью течения нагромождены были льдины, разделенные полыньями. Там не без труда трое сообщников подносят тяжеловесную жертву к краю проруби и сталкивают труп в воду. Но физическая трудность операции, густой ночной мрак, пронзительное завывание ветра, страх быть захваченными врасплох, нетерпение покончить со всем — до крайности напрягают их нервы, и они не замечают, как, сталкивая труп за ноги, они уронили одну галошу, которая затем осталась на льду; три дня спустя нахождение этой галоши открыло полиции место погружения трупа в воду.

В то время как на Крестовском острове совершалась эта погребальная работа, происходил инцидент во дворце

на Мойке, где князь Феликс и Пуришкевич, оставшиеся там одни, заняты были поспешным уничтожением следов убийства.

Когда Распутин покинул свою квартиру на Гороховой, агент «охранки» Тихомиров, которому обычно поручалась охрана «старца», тотчас перенес свое дежурство к дворцу Юсупова. Начало драмы, конечно, ускользнуло от его внимания.

Но, если он не мог слышать первых револьверных выстрелов, ранивших Распутина, он явственно слышал выстрелы в саду. Встревоженный, он поспешил предупредить полицейского пристава соседнего участка. Вернувшись, он видел, как из ворот дворца Юсупова выехал автомобиль и с бешеной скоростью помчался к Синему мосту.

Пристав хочет войти во дворец, но дворецкий князя, принимая его на пороге, говорит ему:

— То, что произошло, вас не касается. Его императорское высочество великий князь Димитрий доложит завтра кому следует. Уходите.

Энергичный пристав проникает в дом. В вестибюле он натывается на Пуришкевича, который заявляет ему:

— Мы только что убили человека, позорившего Россию.

— Где труп?

— Этого вы не узнаете. Мы поклялись сохранить абсолютную тайну обо всем, что произошло.

Пристав поспешно возвращается в участок на Морской и телефонирует полицеймейстеру 2-й части полковнику Григорьеву. Не прошло получаса, как градоначальник генерал Балк, командующий отдельным корпусом жандармов генерал граф Татищев, начальник «охранки» генерал Глобачев, наконец, директор департамента полиции Васильев прибыли в Юсуповский дворец.

Понедельник, 8 января.

Великий князь Дмитрий по высочайшему повелению отправлен в Персию, в Казвин, где он будет состоять при главном штабе одной из действующих армий. Князь Феликс Юсупов выслан в свое имение в Курскую губернию. Что касается Пуришкевича, то престиж, которым он пользуется среди крестьян, влияние его в реакционной партии как одного из вождей «черных сотен» привели императора к мысли, что его опасно было бы трогать; он оставлен на свободе, но на следующий день после убийства уехал на фронт, где за ним следит военная полиция.

Мысль убить Распутина возникла в уме Феликса Юсупова, по-видимому, в середине ноября. Около этого вре-

мени он говорил об этом с одним из лидеров кадетской партии, блестящим адвокатом Василием Маклаковым; но тогда он рассчитывал убить «старца» при помощи наемных убийц, а не действовать лично. Адвокат благоразумно отговорил его от этого способа: «Негодяи, которые согласятся убить Распутина за плату, едва получив от вас задаток, пойдут продавать вас охранке...»

Пораженный Юсупов спросил: «Неужели нельзя найти надежных людей?» — на что Маклаков остроумно ответил: «Не знаю: у меня никогда не было бюро убийц».

2 декабря Феликс Юсупов окончательно решил действовать лично.

В этот день он был на открытом заседании Думы и сидел в ложе напротив трибуны. На трибуну только что поднялся Пуришкевич и громил в страшном обвинительном акте «темные силы, позорящие Россию». Когда оратор воскликнул перед взволнованной аудиторией: «Встаньте, господа министры, поезжайте в Ставку, бросьтесь к ногам царя, имейте мужество сказать ему, что растет народный гнев и что не должен темный мужик дальше править Россией», Юсупов затрепетал от сильного волнения. Г-жа П., сидевшая возле него, видела, как он побледнел и задрожал.

На следующий день, 3 декабря, он отправился к Пуришкевичу. Взяв с него слово сохранить все в абсолютной тайне, он рассказал ему, что ведет с некоторого времени знакомство с Распутиным с целью проникнуть в интриги, которые затеваются при Дворе, и что он не останавливался ни перед какой лестью, чтоб снискать доверие Распутина. Ему это чудесно удалось, так как он только что узнал от самого «старца», что сторонники царицы готовятся свергнуть Николая II, что императором будет объявлен царевич Алексей под регентством матери и что первым актом нового царствования будет предложение мира германским империям. Затем, видя, что его собеседник ошеломлен этим разоблачением, он открыл ему свой проект убить Распутина и заключил: «Я хотел бы иметь возможность рассчитывать на вас, Владимир Митрофанович, чтобы освободить Россию от страшного кошмара, в котором она мечется». Пуришкевич, у которого пылкое сердце и скорая воля, с восторгом согласился. В один момент составили они программу засады и установили для выполнения ее дату: 29 декабря.

Делегаты Франции, Англии и Италии на конференции союзников должны на этих днях выехать в Петроград. Бьюкенен, Карлотти и я советуем своим правительствам отложить их отъезд. Бесполезно подвергать их утомлению и риску путешествия по арктическим морям, если они найдут здесь потерявшее почву правительство.

Сэр Джордж Бьюкенен был принят вчера императором. Сообщив ему о серьезных опасениях, которые внутреннее положение России внушает королю Георгу и британскому правительству, он просил у него позволения говорить с полной откровенностью.

Этими первыми фразами они обменялись стоя. Не приглашая Бьюкенена сесть, император сухо ответил ему:

— Я вас слушаю.

Тогда голосом очень твердым и проникновенным Бьюкенен изобразил ему огромный вред, причиняемый России, а следовательно, и ее союзникам смутой и тревогой, которые распространяются во всех классах русского общества. Он не побоялся разоблачить интриги, которые немецкие агенты поддерживают вокруг императрицы и которые лишили его расположения его подданных; он напомнил злосчастную роль Протопопова и пр. Наконец, заявляя о своей личной преданности царю и царице, он заклинал императора не колебаться между двумя дорогами, которые открываются перед ним, из которых одна ведет к победе, а другая к самой ужасной катастрофе.

Император, чопорный и холодный, прервал молчание лишь для того, чтоб формулировать два возражения. Вот первое:

— Вы мне говорите, господин посол, что я должен заслужить доверие моего народа. Не следует ли скорее народу заслужить мое доверие?..

Вот второе:

— Вы, по-видимому, думаете, что я пользуюсь чьими-то советами при выборе моих министров. Вы ошибаетесь; я один их выбираю...

После этого он положил конец аудиенции следующими простыми словами:

— Благодарю вас, господин посол!

В сущности, император выражал лишь чистую теорию самодержавия, в силу которой он занимает престол. Весь вопрос в том, сколько времени он еще останется на троне в силу этой теории.

Вот буквально ответ императора на письмо, с которым императорская фамилия обратилась к нему третьего дня:

— Я не допускаю, чтоб мне давали советы. Убийство всегда убийство. Я знаю, впрочем, что у многих, подписавших это письмо, совесть не чиста.

Воскресенье, 14 января.

Сегодня первый день нового года по православному календарю. Император принимает в Царском Селе поздравления от дипломатического корпуса.

Жестокий холод: минус 38°.

Лошади, впряженные в придворные экипажи, ожидающие нас перед императорским вокзалом, обледенели. И до самого Большого дворца я не различаю ничего из пейзажа, — такими непроницаемым стали стекла от толстого слоя снега.

В тот момент, когда мы вступаем в большую залу, в которой должно было происходить торжество, церемониймейстер Е., горячий патриот, пылкий националист, который часто приходил ко мне изливать свое отвращение к Распутину и свою ненависть к германофильской партии, дрожащим голосом шепчет мне на ухо:

— Ну, что же, господин посол, не прав ли я был, повторяя месяцами, что нашу великую, святую Русь ведут к пропасти?.. Неужели вы не чувствуете, что мы теперь совсем близки к катастрофе?..

Едва мы заняли наши места, как появляется император, окруженный своими генерал-адъютантами и высшими сановниками. Он проходит по очереди перед персоналом каждого посольства, каждой миссии. Банальный обмен пожеланиями и поздравлениями, улыбками и рукопожатиями. Николай II держит себя, как всегда, приветливо и просто, принимая даже вид непринужденный; но бледность и худоба его лица обнаруживают истинный характер его затаенных мыслей.

В тот момент, когда он кончает свой обход, я говорю с моим итальянским коллегой, маркизом Карлотти, и мы одновременно делаем одно и то же наблюдение: во всей пышной и покрытой галунами свите, сопровождающей царя, нет ни одного лица, которое не выражало бы тревоги...

Отвозя нас обратно на императорский вокзал, наши экипажи проезжают мимо небольшой, живописной и одинокой церкви в московском стиле. Это Федоровский собор, в нижнем этаже которого, в таинственном свете находится любимая молельня Александры Федоровны. Уже темно. Под толстым снежным саваном смутно выделяется во мраке купол храма... Я думаю о всех экзальтированных вздохах и покаянных коленопреклонениях императрицы, свидетелями которых были стены храма. И мне кажется, будто я вижу, как призрак Распутина бродит вокруг паперти.

Понедельник, 15 января.

Великий князь Николай Михайлович выслан в свое имени Грушевку, Херсонской губернии, находящееся вдали от всякого города и даже от всякого жилища.

Царский приказ объявлен был вчера, несмотря на новогоднее торжество. Ему не было предоставлено никакой отсрочки и он уехал в тот же вечер.

... Подвергая суровому наказанию великого князя Николая Михайловича, император хотел, очевидно, терроризировать императорскую фамилию и ему это удалось, потому что она в ужасе; но Николай Михайлович не заслужил, может быть, «ни эту чрезмерную честь, ни эту обиду». В сущности, он не опасен. Решающий кризис, который переживает царизм в России, требует Ретца или Мирабо. А Николай Михайлович скорее критик и фрондер, чем заговорщик; он слишком любит салонные эпиграммы. Он не является ни в малейшей степени человеком риска и натиска.

Как бы там ни было, заговор великих князей дал осечку. Член Думы Маклаков был прав, когда говорил третьего дня г-же Д., от которой я узнал об этом:

— Великие князья не способны согласиться ни на какую программу действий. Ни один из них не осмеливается взять на себя малейшую инициативу и каждый хочет работать исключительно для себя. Они хотели бы, чтобы Дума зажгла порох... В общем итоге они ждут от нас того, чего мы ждем от них.

Среда, 17 марта.

...В это время императрица молилась на могиле Распутина. Ежедневно в сопровождении г-жи Вырубовой она там погружается в продолжительную молитву.

...Пятница, 9 февраля.

Князь О. прибыл из Костромы, где у него крупные дела в области сельского хозяйства и мануфактурного производства. Старый город Кострома, который высится на левом берегу Волги между Ярославлем и Нижним Новгородом, богат воспоминаниями: он когда-то служил убежищем и цитаделью для Романовых; в нем хранится в знаменитом Ипатьевском монастыре прах героического крестьянина Сусанина, легенда о котором прославлена «Жизнью за царя». Это — одна из тех губерний империи, где династический лоялизм наиболее живуч, где сохраняются в наибольшей неприкосновенности наследственные наклонности, общественные привычки и национальные чувства русского народа. Мне поэтому интересно знать настроение умов в этом районе. К тому же мне лучше всего обратиться к князю О., потому что он отличается умением разговаривать с мужиками. На мои вопросы он отвечает:

— Плохо... Устали от войны, ничего больше в ней не понимают, кроме того, что победа невозможна. Однако еще не требуют мира. Я чувствую всюду унылое и покорное недовольство... Убийство Распутина произвело сильное впечатление на массы.

— А! А какого рода впечатление?

— Это очень интересное явление и характерное для русской традиции. Для мужиков Распутин стал мучеником. Он был из народа; он доводил до царя голос народа; он защищал народ против п р и д в о р н ы х, и вот придворные его убили. Вот что повторяется во всех избах.

— Но в Петрограде народ был в восторге, узнав о смерти Гришки. Бросились даже в церкви возжигать свечи перед иконой св. Димитрия, потому что тогда думали, что великий князь Димитрий убил «собаку».

— В Петрограде слишком хорошо знали об оргиях Распутина. И потом, радуясь его смерти, они в некотором роде манифестировали против императора и императрицы. Но я представляю себе, что в общем все русские мужики думают как костромские...

ПЬЕР ЖИЛЬЯР

ИМПЕРАТОР
НИКОЛАЙ II И ЕГО
СЕМЬЯ

«Император Николай II и его семья».
По личным воспоминаниям П. Жильяра,
бывшего наставника Наследника
Цесаревича Алексея Николаевича.
Издательство «Русь». Вена, 1921 г.

Жильяр Пьер (рог. 1879 г.) — швейцарский гражданин. В 1904 г. окончил университет в Лозанне по отделению классической словесности, после чего был приглашен в Петербург в качестве преподавателя французского языка. Первоначально преподавал французский язык великим княжнам Ольге Николаевне и Татьяне Николаевне. В 1913 г. стал преподавателем французского языка у Наследника Цесаревича Алексея Николаевича. После отречения Николая последовал за царской семьей в ссылку в Тобольск, затем — в Екатеринбург. В Екатеринбурге не был допущен к Цесаревичу. Через Дальний Восток вернулся в Европу и поселился в Швейцарии.

...Когда мать поняла, что от людей ей ждать помощи нечего, она все надежды возложила на Бога. Он один мог совершить чудо! Но это вмешательство надо заслужить! Будучи и без того очень набожной, она отдалась всецело, со страстью и порывом, которые во все вносила, — православной вере. Жизнь дворца приняла строгий, почти суровый характер. Избегались празднества и сократилась до пределов возможного вся внешняя, показная жизнь, требованиям которой монархам приходится подчиняться. Семья мало-помалу уединялась от окружающих и замыкалась в себе.

Тем временем между приступами болезни ребенок возрождался к жизни. Возвращалось здоровье, и он забывал страдания и принимался за игры и веселье. В такие минуты невозможно было поверить, что он подвержен неумолимому недугу, который может унести его с минуты на минуту. И каждый раз, как Императрица видела его розовые щеки, слышала его веселый смех, видела его резвые прыжки, огромная надежда наполняла ее сердце, и она говорила себе: «Господь услышал мою молитву и наконец сжалился надо мною». Но внезапно болезнь снова обрушивалась на ребенка, вновь повергала его на одр страданий, приводила его к самым вратам смерти.

Шли месяцы, долгожданное чудо не совершалось, приступы повторялись, все более жестокие и безжалостные. Самые горячие молитвы не приносили столь страстно ожидаемого проявления милости Божией. Последняя надежда терпела крушение. Бесконечное отчаянье наполнило душу Императрицы, ей казалось, что весь мир уходит от нее¹. И вот в это самое время к ней привели простого сибирского мужика — Распутина. Этот человек ей сказал: «Верь в силу моих молитв, верь в силу моего заступничества — и твой сын будет жить». Мать уцепилась за надежду, которую он ей подавал, как утопающий хватается за руку, которую ему

¹ Постоянный страх покушений на жизнь Государя или Наследника Цесаревича также способствовал истощению нервных сил Императрицы.

протягивают; она поверила ему всей силой своей души. Уже с давних пор она была убеждена, что спасение России и династии придет из народа, и она вообразила, что этот смиренный мужик послан Богом, чтобы спасти того, кто был надеждой России. Сила веры довершила остальное, и благодаря простому самовнушению, которому помогли некоторые случайные совпадения, она убедила себя, что судьба ее ребенка зависит от этого человека.

Распутин отдавал себе отчет в состоянии души этой отчаивающейся матери, которая была сломлена борьбою и которая, казалось, дошла до предела страданий. Он понял всю выгоду, которую может из этого извлечь, и с дьявольской ловкостью сумел в известной мере связать свою жизнь с жизнью ребенка.

Трудно было бы понять нравственную власть Распутина над Императрицей, если не знать той роли, которую играют в религиозной жизни православного мира странники и старцы — эти люди, не облеченные саном священника, и не монахи (хотя установилась было привычка неправильно называть Распутина «монахом»).

Странник — это богомolec, который кочует из монастыря в монастырь, из церкви в церковь, ища правды, и живет подаянием верующих. Он идет по безбрежной русской земле, направляя свой путь как придется, либо привлекаемый святостью места или людей.

Старец — это аскет, живущий обыкновенно в монастыре, а иногда и в затворе, наставник душ, к которому обращаются в минуты смятения и страданий. Часто бывает, что старец — это бывший странник, положивший предел своим скитаниям и поселившийся где-нибудь, чтобы покончить дни свои в созерцании и молитве.

Вот определение, данное Достоевским в его «Братьях Карамазовых»:

«Старец — это берущий вашу душу, вашу волю в свою душу и свою волю. Избрав старца, вы от своей воли решаетесь и отдаете ее ему в полное послушание, с полным самоотрешением. Этот искус, эту страшную школу жизни обрекающий себя принимает добровольно, в надежде после долгого искуса победить себя, овладеть собою до того, чтобы мог наконец достичь, через послушание всей жизни, уже совершенной свободы, то есть свободы от самого себя, избежать участи тех, которые всю жизнь прожили, а себя в себе не нашли».

Бог дает старцу указания, нужные для вашего блага, и открывает ему пути, по которым он должен вести вас к спасению.

Старец — страж идеала и правды на земле. Он является хранителем священного предания, которое переда-

ется от старца к старцу до пришествия Царства Правды и Света.

Некоторые из этих старцев достигают замечательной нравственной высоты и чтутся в числе святых Православной Церкви.

Влияние этих людей, живущих как бы вне духовенства, значительно и в наши дни в России. В провинции и деревне оно гораздо сильнее влияния священников или монахов.

Обращение в православие Государыни было делом искренней веры. Православная религия вполне отвечала ее мистическому настроению, и ее воображение должно было прельститься стариной и наивностью обрядов этой веры. Она ее приняла со всею горячностью новообращенной. Распутин был облечен в ее глазах обаянием и святостью старца.

Такого характера были чувства, с которыми Императрица относилась к Распутину и которые были так гнусно извращены клеветой. Они имели своим источником самое благородное чувство, какое способно наполнить сердце женщины — материнскую любовь.

Судьба захотела, чтобы тот, кого облекали ореолом святости, был на самом деле существом недостойным и развратным. Пагубное влияние этого человека, как мы это увидим впоследствии, было главной причиной смерти тех, которые думали найти в нем свое спасение.

...Если я счел нужным остановиться в предыдущей главе на событиях, происшедших еще до моего вступления в должность при большом дворе, то это потому, что они одни только могут дать понятие о тех глубоких причинах, которые сделали возможным появление Распутина и позволили ему приобрести такое большое влияние на Государыню.

Я хотел бы изложить здесь только факты, в которых я прямо был замешан и которых был личным свидетелем. Но ясность моего рассказа требует иного. Я должен буду на последующих страницах еще раз отступить от правила, которому хотел бы следовать. Для пояснения необходимо сообщить читателю некоторые подробности, относящиеся к жизни и первым шагам Распутина, и постараться раскрыть среди массы легенд, сложившихся вокруг него, то, что представляется принадлежащим истории.

В каких-нибудь ста пятидесяти верстах на юг от Тобольска стоит, затерявшись среди болот, тянувшихся вдоль реки Тобола, небольшое село Покровское. Там родился Григорий Распутин. Его отца звали Ефимом. Как многие крестьяне того времени, он не имел фамилии. Жители деревни, которой он не был уроженцем, дали ему, когда он к ним переселился, прозвище «Новый».

Его сын Григорий вел в своей молодости обыкновенную жизнь небогатых крестьян этой области Сибири. Неблагородная почва часто заставляет поддерживать существование изворотливостью: так же, как и они, он высматривал, что плохо лежит, воровал... Однако он скоро отличился смелостью, которую проявлял в этих предприятиях, а его распутство не замедлило создать ему славу бесшабашного кутежника. Его уже иначе не знали, как под кличкой «Распутин», которая как бы заменила ему фамилию.

Жители сибирских деревень имеют обыкновение отдавать лошадей в наем путешественникам, проезжающим по их местности, а сами служат проводниками или кучерами. Однажды Распутину случилось везти в Верхотурский монастырь одного священника, который, завязав с ним разговор, был поражен живостью его природных дарований. Своими вопросами он довел его до признания в его беспутной жизни, увещевал его посвятить Богу столь дурно применяемый им пыл. Эти убеждения произвели на Григория настолько сильное впечатление, что он, казалось, захотел бросить свою развратную и темную жизнь. Он долго прогостил в Верхотурском монастыре и стал с тех пор посещать святые места в окрестностях.

Вернувшись в свою деревню, он показался совершенно изменившимся, и жители с трудом узнавали в этом суровом и сосредоточенном человеке прежнего забуддыгу, прославившегося столькими темными приключениями. Его можно было видеть странствующим из деревни в деревню с благими речами на устах. Обладая необыкновенной памятью, он подкреплял свои речи длинными текстами из священных книг.

Народная доверчивость, которой он чрезвычайно ловко умел пользоваться, поспешила признать в нем пророка, одаренного сверхъестественными свойствами и имеющего силу творить чудеса. Для того чтобы понять столь быстрое увлечение, надо отдать себе отчет в той страшной силе внушения, которою обладал Распутин, и в легкости, с которой народное русское воображение поддается прелести чудесного.

Добродетель нового святого, по-видимому, не в силах была долго сопротивляться осаждавшим его плоть соблазнам, и вскоре он вновь впал в свою беспорядочную жизнь. Правда, он теперь предавался сильному раскаянию в своих грехах, но это не мешало ему начинать сызнова. Итак, уже в это время в нем была заметна та смесь мистицизма с эротоманией, которая впоследствии сделала из него столь опасного человека.

Несмотря на все это, слух о нем все рос и рос. К нему обращались, его вызывали издалека не только в Сибири, но и в России.

Его странствования привели его наконец в Петербург. Он познакомился там в 1905 году с архимандритом Феофаном, ректором Духовной академии, которому показалось, что он видит в нем проявления искренней веры и очень большого смирения, а также все признаки божественного вдохновения. Распутин через его посредство был введен в круги набожных людей столицы, где ему уже предшествовал слух о нем, как о пророке. Он без труда воспользовался доверием людей, самая утонченность которых усиливала их склонность к суеверию и делала для них тем более притягательными черты простонародной набожности. В его естественной грубости усматривали лишь интересную простоту человека, вышедшего из народа; были в восторге от «наивности» этой простой души...

Распутин вскоре приобрел огромное влияние на новых поклонников. Он сделался обычным завсегдатаем некоторых гостиных высшего петербургского общества и даже был принят некоторыми членами Императорской семьи, которые пели о нем хвалебные гимны Императрице. Большого ему и не было нужно, чтобы сделать последний шаг. Распутин был введен ко Двору через приближенных Ее Величества и по личной рекомендации архимандрита Феофана. Этот факт не следует забывать, ибо в течение многих лет он ограждал его от нападков его противников.

Мы видели, как Распутин, воспользовавшись отчаянием, наполнявшим душу Императрицы, сумел связать свою жизнь с жизнью Цесаревича и таким образом приобрести большую власть над матерью. Каждый раз его вмешательство как будто вызывало улучшение в здоровье ребенка и тем самым усиливало его обаяние, увеличивая вместе с тем и веру в силу его заступничества.

Однако по прошествии известного времени Распутин как будто опьянел под влиянием своего внезапного возвышения. Он счел свое положение достаточно прочным, бросил осторожность, которую соблюдал на первых порах своего пребывания в Петербурге, и вновь стал предаваться излишествах. Но делал он это с большой ловкостью, так что долгое время вводил многих в заблуждение насчет своей личной жизни. Только мало-помалу слух о его разврате стал распространяться и встречать доверие. Сначала против старца раздалось лишь несколько слабых голосов, но вскоре к ним присоединились более уверенные и многочисленные голоса. Первою попробовала разоблачить при Дворе обманщика воспитательница Великих Княжон Тютчева. Ее усилия разбились о слепую веру Государыни. Среди обви-

нений, которые она возводила против Распутина, нашлись такие, которые она в порыве своего негодования недостаточно проверила. Их ложность бросилась в глаза Императрице. Видя свое полное бессилие и желая снять с себя ответственность, Тютчева просила, чтобы Распутину был, по крайней мере, запрещен вход в этаж, где жили дети. Государь вмешался в этот вопрос, и Ее Величество уступила, но не потому, чтобы ее убеждение было поколеблено, а из чувства миролюбия и снисхождения к Тютчевой, которую, на ее взгляд, ослепляли ее узкое усердие и самая ее преданность. Хотя я в то время был только простым преподавателем Великих Княжон — это происходило в течение зимы 1910—1911 года, — однако Тютчева сама держала меня в курсе перипетий этой борьбы. Но я сознаюсь, что в то время был еще далек от мысли допустить невероятные слухи, которые ходили насчет Распутина.

В марте 1911 года оппозиция стала принимать все более угрожающий характер, и старец счел более осторожным дать время улечься этой буре и на некоторое время исчезнуть. Он отправился на богомолье в Иерусалим.

Когда осенью того же года он вернулся в Петербург, волнение не улеглось, и Распутину пришлось выдержать нападки одного из своих прежних покровителей, епископа Гермогена. Последний при помощи суровых угроз исторг у него обещание не появляться более при Дворе, где присутствие его компрометировало Царскую семью. Едва успев отделаться от натиска епископа, который дошел до того, что даже его ударил, Распутин побежал жаловаться своей большой покровительнице, почти неразлучной подруге Императрицы, госпоже Вырубовой. Епископ был сослан в монастырь.

Так же бесцельны были усилия архимандрита Феофана, который не мог утешиться, что некогда сам выступил как бы поручителем за высокую нравственность старца и своей личной рекомендацией ввел в заблуждение Царскую чету. Он пустил в ход все, чтобы его разоблачить, но достиг лишь своего удаления в Таврическую губернию.

Распутину удалось выставить обоих епископов интриганами. Последние хотели будто бы воспользоваться им как орудием, а теперь ревновали к той благосклонности, которую он приобрел, чувствуя, что не могут направить ее в своих личных видах, а потому желали вызвать его падение.

«Смиренный сибирский мужик» стал опасным противником, у которого полное отсутствие совести соединялось с величайшею ловкостью. Прекрасно осведомленный и имея ставленников как при Дворе, так и среди лиц, окружающих министров, он старался предупредить появление

на горизонте каждого нового врага, заранее ловко набрасывая на него тень. Он предвещал под видом предсказаний нападки, которые будут против него направлены, остерегаясь, однако, слишком точно обозначать своих противников. Таким образом, когда против него готовился удар, в руке, которая его направляла, оказывалось уже заранее притупленное оружие. Ему случалось часто заступаться за тех, кто на него клеветал, заявляя с деланным смирением, что эти испытания необходимы для его спасения. Слепому доверию, которое они сохранили к нему до конца, способствовало то обстоятельство, что Государь и Государыня привыкли видеть, как те, кому они оказывали особое внимание, становились средоточием интриг и как под них подкапывались. Они знали, что достаточно выразить кому-нибудь благосклонность, чтобы на него обрушились нападки завистников. Вот почему они были убеждены, что совершенно особое расположение, оказываемое ими темному мужику, должно было разнуждать против него всеобщую ненависть и зависть и сделать его жертвой самых худших поклепов.

Тем временем скандал мало-помалу стал переходить за пределы религиозных кругов, о нем говорили, хотя еще и обиняками, в политических и дипломатических сферах и на него намекали в речах в Государственной Думе.

Весною 1912 года граф Коковцов, бывший тогда председателем Совета министров, решился переговорить об этом с Государем. Это выступление было тем более щекотливо, что до того времени влияние Распутина давало себя чувствовать только в церковных кругах и в среде Императорской семьи; это были две области, в которые Царь неохотно допускал вмешательство министров. Государь не убедился доводами доклада, но понял, что уступка общественному мнению была необходима. Несколько времени спустя после отъезда Их Величеств в Крым, Распутин покинул Петербург и направился в Сибирь.

Тем не менее власть его была не из тех, которые уменьшаются от расстояния. Напротив, последнее могло только возвысить обаяние старца, способствуя его идеализации.

Как и в прежние его отлучки, между Покровским и различными резиденциями Царской семьи в течение 1912 года происходил частый обмен телеграммами через посредство г-жи Вырубовой.

В отсутствии Распутин становился еще могущественнее, так как власть его была чисто психической и основывалась на вере. Над теми, кто хочет верить, власть иллюзии безгранична: история человечества дает этому доказательства.

Но сколько страданий, какие ужасные несчастия должны были произойти из-за этого рокового ослепления!

...В то время, как болезнь Цесаревича тяжким бременем угнетала Царскую семью и расположение к Распутину, поддерживаемое тревогой, продолжало усиливаться, дни шли в Царском Селе своим обычным чередом.

Я был тогда еще очень плохо осведомлен насчет старца и пытался всеми способами найти указания, на которых мог бы обосновать верное суждение о нем; личность его меня сильно интриговала. Однако это было нелегко. Дети не только никогда не говорили со мною о Распутине, но даже избегали в моем присутствии всякого намека, который мог бы обнаружить его существование. Я понимал, что они действовали так по приказанию матери. Императрица боялась, вероятно, что я, как иностранец и не православный, не в состоянии понять чувство, которое она и ее семья питали к старцу и которое заставляло их чтить его, как святого. Принуждая моих учениц к молчанию, она предоставляла мне возможность игнорировать Распутина или давала понять свое желание, чтобы я держал себя как человек, ничего о нем не знающий; она предупреждала таким образом всякую возможность с моей стороны вооружиться против человека, самое имя которого предполагалось мне неизвестным.

Я мог убедиться, впрочем, как ничтожна была роль Распутина в жизни Алексея Николаевича. Доктор Деревенко несколько раз рассказывал мне забавные рассуждения Цесаревича насчет Распутина. Личность его занимала его детское воображение и возбуждала любопытство, но влияния на него Распутин не имел никакого.

После выступления Тютчевой Распутин никогда не поднимался в комнаты Великих Княжон и заходил к Алексею Николаевичу лишь в очень редких случаях.

Очевидно боялись моей встречи с ним, потому что комнаты, которые я занимал во дворце, были смежные с помещением Цесаревича. От приставленных к нему служащих я требовал отчета обо всех мелочах, касавшихся жизни Цесаревича, и таким образом эти встречи не могли состояться без моего ведома.

Дети видали Распутина у своих родителей, но его посещения дворца были уже очень редки. Проходили часто недели, а иногда и месяц без того, чтобы его позвали. Все больше и больше входило в привычку приглашать его к г-же Вырубовой, жившей в маленьком домике совсем близко от Александровского дворца.

Государь и Наследник туда почти никогда не ходили, и даже там встречи происходили всегда с довольно большими промежутками.

Как я уже выше сказал, г-жа Вырубова служила посредницей между Императрицей и Распутиным; она передавала старцу письма и приносила во дворец ответы, чаще всего устные.

Отношения между Ее Величеством и Вырубовой были очень близкими, можно сказать, что не проходило дня, когда она не побывала бы у Императрицы. Эта дружба восходила к давним годам. Г-жа Вырубова вышла замуж очень молодой. Ее муж, человек порочный, закоренелый пьяница, сумел с самого начала вызвать в ней лишь глубокое отвращение. Они разошлись, и г-жа Вырубова старалась найти примирение и утешение в религии. Несчастье сблизило ее с Императрицей, которая сама испытала страдания и которую всегда притягивало чужое горе; она любила утешать других, ею овладела жалость к молодой женщине, на долю которой выпало такое тяжелое испытание; она приблизила ее и привязала ее к себе на всю жизнь той добротой, которую она ей выказала.

Сентиментальная и склонная от природы к мистицизму, г-жа Вырубова воспылала к Императрице беспредельной преданностью, которая была опасна благодаря своей пламенности, лишавшей ее ясного сознания действительности. Императрица, в свою очередь, все более и более поддавалась этой столь страстной и искренней преданности. Будучи цельной по природе в своих привязанностях, она не допускала, чтобы ей можно было принадлежать не целиком. Она дарила своей дружбой лишь тех, в господстве над кем была уверена. На ее доверие надо было отвечать отдавая ей всю душу. Она не понимала, как неосторожно было поощрять выражения такой фанатичной преданности.

Г-жа Вырубова сохранила склад души ребенка; ее неудачные опыты жизни чрезмерно повысили ее чувствительность, не сделав ее суждения более зрелыми. Лишенная ума и способности разбираться в людях и обстоятельствах, она поддавалась своим импульсам; ее суждения о людях и событиях были не продуманны, но в той же мере не допускали возражений. Одного впечатления было достаточно, чтобы у нее составилось убеждение — ограниченное и детское; она тотчас распределяла людей по произведенному ими впечатлению на «добрых» и «дурных», иными словами на «друзей» и «врагов».

Не руководясь никаким личным расчетом, но из искреннего чувства к Царской семье и искреннего желания прийти ей на помощь г-жа Вырубова старалась осведомлять Императрицу, располагать ее в пользу тех, к кому она имела предпочтение, или против тех, кто вызывал ее предубеждение, и через Императрицу влиять на решения

Двора. На самом деле она была столь же послушным, сколь бессознательным и вредным орудием в руках кучки беззастенчивых людей, которые пользовались ею для своих происков. Она не в состоянии была иметь ни собственной политики, ни продуманных видов, неспособна была даже разгадать игру тех, которые ею пользовались. Будучи безвольна, она всецело отдалась влиянию Распутина и стала самой твердой опорой его при Дворе.

Мне не приходилось видеть старца с тех пор, что я жил во дворце, но однажды, собираясь выходить, я встретился с ним в передней. Я успел рассмотреть его, пока он снимал свою шубу. Это был человек высокого роста, с изможденным лицом, с очень острым взглядом серо-синих глаз из-под всклокоченных бровей. У него были длинные волосы и большая мужицкая борода; на нем в этот день была голубая шелковая рубашка, стянутая у пояса, широкие шаровары и высокие сапоги.

Эта встреча, которая больше никогда не повторялась, оставила во мне неприятное впечатление, которое невозможно определить; в те несколько мгновений, когда наши взгляды встретились, у меня было ясное сознание, что я нахожусь в присутствии зловредного и смущающего душу существа.

Тем временем проходили месяцы, и я с радостью убеждался, что мой ученик делает успехи. Он привязался ко мне, старался заслужить доверие, которое я ему оказывал. Мне приходилось еще много бороться с его леностью, но сознание, что та доля свободы, которою он пользовался, зависела всецело от того, как он ей будет располагать, подстрекало его энергию и укрепляло его волю. К счастью, зима прошла благополучно. После Ливадии не было больше тяжелых приступов болезни.

Я отлично знал, что это только передышка, но видел в Алексее Николаевиче серьезное старание сдерживать свою порывистую и живую натуру, которая так часто, увы, была причиной несчастных случаев, и я себя спрашивал, не найду ли я в этой болезни, столь опасной в других отношениях, союзника, который заставит мало-помалу ребенка научиться владеть собою и закалит его характер.

Все это служило мне большим успокоением, но я, однако, не делал себе никаких иллюзий насчет огромных трудностей моей задачи. Я понимал яснее, чем когда-либо, насколько условия среды мешали успеху моих стараний. Мне приходилось бороться с подбострастием прислуги и нелепым преклонением некоторых из окружающих. И я был даже очень удивлен, видя, как природная простота Алексея Николаевича устояла перед этими неумеренными восхвалениями.

Я помню, как депутация крестьян одной из центральных губерний России пришла однажды поднести подарки Наследнику Цесаревичу. Трое мужчин, из которых она состояла, по приказу, отданному шепотом боцманом Деревенко, опустились на колени перед Алексеем Николаевичем, чтобы вручить ему свои подношения. Я заметил смущение ребенка, который багрово покраснел. Как только мы остались одни, я спросил его, приятно ли ему было видеть этих людей перед собою на коленях.

— Ах, нет! Но Деревенко говорит, что так полагается!

— Это вздор! Государь сам не любит, чтобы перед ним становились на колени. Зачем вы позволяете Деревенко так поступать?

— Не знаю... я не смею.

Я переговорил тогда с боцманом, и ребенок был в восторге, что его освободили от того, что было для него настоящей неприятностью.

Но еще более существенными обстоятельствами были его одиночество и неблагоприятные условия, в которых протекало его воспитание. Я отдавал себе отчет в том, что это почти роковым образом должно быть так, что воспитание каждого царственного ребенка клонится к тому, чтобы сделать из него существо одностороннее, которое в конце концов оказывается далеким от жизни благодаря тому, что в своей юности он не был подчинен общему закону. Обучение, которое он получает, может быть только искусственным, тенденциозным и догматическим, оно часто принимает черты безусловности и непримиримости катехизиса. Это происходит по многим причинам: от выбора преподавателей, от того, что они ограничены в самой свободе своих выражений, им приходится считаться с условностями данной среды и с исключительным положением своего воспитанника, наконец, с тем обстоятельством, что в очень ограниченное число лет они должны пройти обширную программу. Это неизбежно побуждает преподавателей прибегать к формулам; они ограничиваются недоказанными утверждениями и не думают о том, чтобы пробудить в своем ученике дух изыскания, анализа и способности сравнения, а только о том, чтобы устранять все, что могло бы породить в нем несвоевременную любознательность и склонность познать все, что лежит вне положенных рамок.

Кроме того, ребенок, воспитанный в этих условиях, лишен одного элемента, который играет решающую роль в образовании его суждений: ему всегда недостает познаний, приобретенных вне уроков, дающихся самой жизнью, свободным общением с себе подобными и различными и порой противоречивыми влияниями людей

разной среды, недостает непосредственного наблюдения, подлинного соприкосновения с людьми и условиями жизни, словом, всего того, что с течением годов развивает критический ум и понимание действительности.

При таких условиях надо, чтобы человек был одарен исключительными способностями, чтобы достигнуть ясно-го взгляда на жизнь, правильного мышления и твердого управления своею волей. Между ним и жизнью — непроницаемые перегородки: он не может понять того, что творится за стеной, на которой рисуют для его забавы и развлечения обманчивые картины.

Все это меня сильно озабочивало, но я знал, что в конечном итоге не мне выпадет обязанность исправлять, в пределах возможного, эти отрицательные стороны и неблагоприятные условия. В русской Императорской семье существовал обычай приставлять к Наследнику Цесаревичу, когда ему наступал одиннадцатый год, воспитателя, обязанного руководить его образованием и воспитанием. Его выбирали преимущественно из среды военных, педагогическая карьера которых, казалось, подготавливала их к этой тяжелой по своей ответственности задаче. Всего чаще ее поручали какому-нибудь генералу, бывшему начальнику одного из военных учебных заведений. Это была должность, которой очень добивались ввиду сопряженных с нею преимуществ, а главное, ввиду влияния, которое можно было приобрести на Наследника Цесаревича, влияния, которое часто оставалось значительным в первые годы его царствования.

Выбор этого воспитателя имел огромное значение; от него должно было зависеть направление всего дальнейшего воспитания Алексея Николаевича, и я не без тревоги ожидал этого назначения.

...Политическая атмосфера становилась все более и более тяжелой, и чувствовалось приближение грозы. Недовольство стало настолько общим, что, несмотря на цензуру, оно начинало обнаруживаться в печати. Разногласия становились все глубже. На одном только сходились все — на необходимости положить предел всемогуществу Распутина. Все видели в нем пагубного советчика при Дворе, на него возлагали ответственность за все бедствия, от которых страдала страна. Его обвиняли во всех пороках и всяческих излишествах, из него делали чудовищное и отвратительное, почти сказочное существо, способное на все низости и мерзости. Для многих он был порождением дьявола, Антихристом, пришествие которого должно было положить начало самым страшным бедствиям.

Государь долго не поддавался влиянию Распутина. В самом начале он терпел его, не решаясь посягнуть на веру,

которую питала к нему Государыня и в которой она черпала надежду, позволявшую ей жить. Он побоялся его удалить, так как, если бы Алексей Николаевич не выжил, он бы, несомненно, оказался в глазах матери убийцей своего ребенка. Он сохранял, однако, осторожную сдержанность и лишь мало-помалу склонялся к взглядам Государыни. Не раз делали попытки выяснить ему настоящий облик Распутина и вызвать удаление старца. Царь бывал часто поколеблен, но убедить его так и не удалось.

7 ноября мы покинули Царское Село и после короткого пребывания в Могилеве отбыли 9-го в Киев, где Государь должен был посетить вдовствующую Императрицу. Он пробыл два дня с матерью и некоторыми из своих родственников, которые старались ему выяснить серьезность положения и приложили все усилия, чтобы убедить его поправить дело энергичными мерами. Государь был под очень сильным впечатлением высказанных мнений. Никогда он мне не казался таким смущенным. Несмотря на свое самообладание, он был нервен, раздражителен, и два или три раза ему случилось резко оборвать Алексея Николаевича.

Мы вернулись 12 ноября в Ставку, и через несколько дней после нашего возвращения Штюмер, ко всеобщей несказанной радости, наконец пал. Государь поручил председательство в Совете министров А. Ф. Трепову, который слыл сторонником умеренных и разумных реформ. Снова возродились надежды. К несчастью, интриги продолжались. Немцы льстили себя мыслью, что они лишь предвестники серьезной смуты, и удвоили усилия, сея повсюду недоверие и подозрения и стараясь окончательно опорочить Двор в глазах народа.

Трепов просил у Государя удаления министра внутренних дел Протопопова, полная неспособность которого и то обстоятельство, что он был сторонником Распутина, делали его крайне непопулярным. Председатель Совета министров чувствовал, что ему не удастся принести никакой пользы, если этот министр останется у власти, потому что все сколько-нибудь известные политические деятели при создавшейся обстановке отказывались и уклонялись от ответственной деятельности.

Мужественные выступления таких патриотов, как Сазонов, Кривошеин, Самарин, Игнатьев, А. Ф. Трепов (я перечисляю лишь некоторых из них), не были поддержаны в должной мере. Если бы вся сознательная часть народа объединилась вокруг них, они были бы в силах предотвратить надвигавшуюся опасность, не выходя из рамок законности. Но они не нашли поддержки, на которую были в праве рассчитывать; критика, интриги, соперничество лиц и пар-

тий помешали этому объединению, которое одно могло спасти положение. Если бы это единение осуществилось, оно представило бы такую силу, которая парализовала бы пагубное влияние Распутина и его сторонников. К несчастью, люди, понявшие это, были исключением; большинство осталось безучастным в этой неблагодарной борьбе и, устранившись, предоставило поле действий авантюристам и интриганам. Никто не захотел облегчить работу тех, которые, сознавая опасность, пытались спасти Государя наперекор ему самому и поддержать до конца войны пошатнувшийся государственный строй. Государь сначала было согласился на просьбу Трепова, но потом под влиянием Государыни изменил свое решение и оставался в нерешительности, мучимый колебаниями перед решением, которое надлежало принять. Он так часто бывал обманут, что уже не знал, кому довериться. Он чувствовал себя одиноким, всеми покинутым. С тех пор, как он принял на себя Верховное командование, он без счета тратил свои силы. Но задача, которая выпала на его долю, была слишком тяжела, она превышала его силы. Он сам это чувствовал. Это и было причиной его слабости по отношению к Государыне. Поэтому он в конце концов стал все более и более подчиняться ее влиянию. Однако многие решения, принятые им в 1915 году, и его посещение Думы в феврале 1916 года указывают, что в это время он умел еще не поддаваться ей, когда бывал уверен, что действует на благо родины. Он окончательно перестал бороться с ее влиянием лишь осенью 1916 года, когда, изнемогая под бременем сана Императора и Главнокомандующего, он в своем все возрастающем одиночестве уже перестал отдавать себе отчет в том, какие надо принять меры, чтобы выйти из положения, ухудшавшегося изо дня в день. Если бы в это время умеренные партии поддержали его, кто знает, не нашел ли бы он в себе энергию для дальнейшей борьбы?

Что касается Государыни, то она, благодаря своему доверию к Распутину, была убеждена, что Протопопов — тот именно человек, который может спасти Россию. Его удержали у власти. И Трепов, видя свое бессилие, вскоре не замедлил выйти в отставку.

Мы вернулись в Царское Село 8 декабря. Положение с каждым днем становилось все более напряженным. Распутин, чувствуя накапливающуюся вокруг него ненависть, не смел больше выходить из своей маленькой петроградской квартиры. Негодование достигло высших пределов, страна ждала своего избавления и страстно желала, чтобы кто-нибудь освободил ее от человека, которого она счита-

ла злым гением России. Но Распутина хорошо охраняли. Днем и ночью его дом стерегла царская полиция; его оберегали и революционеры, понимавшие, что он работает на них.

Я не думаю, чтобы Распутин был в полном смысле слова агентом на содержании у Германии, но он был, конечно, страшным орудием в руках немецкой главной квартиры. Последняя была весьма заинтересована в сохранении жизни столь ценного пособника и окружила его шпионами, которые в то же время были его телохранителями. Немцы нашли в нем замечательно действенное средство, чтобы опорочить Двор, и они широко его использовали.

Было сделано много попыток повлиять на Государыню и именно лицами, наиболее близкими ее сердцу, и открыть ей глаза на настоящую личность Распутина; все они разбились о непоколебимую веру, которую она питала к нему. Однако Великая Княгиня Елизавета Федоровна захотела еще раз попытаться в эти роковые дни последнее усилие. Она приехала из Москвы с намерением прожить несколько дней в Царском Селе среди тех, кого так глубоко любила. Великая Княгиня Елизавета Федоровна была на девять лет старше Государыни и питала к ней почти материнскую нежность. Надо припомнить, что Государыня еще молодой принцессой гостила у нее во время своего первого пребывания в России; в начале супружества Александры Федоровны она окружала ее внимательной заботливостью и давала ей советы. Уже много раз она пробовала вывести сестру из ее заблуждения, но это ей не удавалось. Она надеялась, однако, что на этот раз Господь ниспошлет ей силу убеждения, которой ей не хватало до того времени, и дозволит предотвратить ужасную катастрофу, неминуемость которой она чувствовала.

Тотчас по приезде в Царское Село она говорила с Государыней, стараясь со всей той любовью, которую она к ней испытывала, дать ей наконец понять ее ослепление. Она умоляла Императрицу внять ее предупреждениям во имя спасения ее близких и ее страны. Государыня осталась непоколебимой в своем доверии; она понимала чувство, внушившее ее сестре этот шаг, но испытывала бесконечное огорчение, видя, что и сестра верит клевете тех, кто хочет погубить старца, и она просила ее не возвращаться больше к этому предмету. Видя, что Великая Княгиня продолжает настаивать, Императрица оборвала разговор. Поэтому это свидание оказалось бесполезным.

Несколько часов спустя Великая Княгиня в смертельном ужасе направилась обратно в Москву. Императрица с дочерьми провожала ее на вокзале. Сестры расстались;

они сохранили нетронутым чувство безграничной нежности, которое соединяло их с детства, но понимали, что между ними что-то порвалось. Им не пришлось больше свидеться.

Мы выехали 18 декабря обратно в Могилев. Там положение тоже ухудшилось. Весть о взятии Бухареста еще больше омрачила настроение, и все предвещало, по-видимому, самые мрачные возможности. Румыния, казалось, погибла.

Все были подавлены, встревожены, испытывали неизъяснимо тяжелое чувство, как бывает перед приближением опасности или катастрофы; в воздухе чувствовалась гроза. Вдруг, как удар грома, пронеслась весть о смерти Распутина. Это было 31 декабря. В тот же день мы выехали в Царское Село.

Я никогда не забуду глубокого волнения, которое испытал, снова увидав Императрицу. Ее взволнованное лицо выдавало, против ее желания, силу ее страданий. Ее горе было безгранично. Разбита была ее вера, убит тот, кто один лишь мог спасти ее ребенка. Без него становились возможны все несчастья, всякие катастрофы. И началось ожидание, мучительное ожидание несчастья, которого нельзя избежать!..

ТАТЬЯНА МЕЛЬНИК
(рожденная БОТКИНА)

ВОСПОМИНАНИЯ О ЦАРСКОЙ СЕМЬЕ И ЕЕ ЖИЗНИ

Татьяна Мельник (рожденная Боткина).
«Воспоминания о царской семье и ее жизни
до и после революции».
Белград, 1921 г.

Татьяна Евгеньевна Мельник (рожденная Боткина) — дочь лейб-медика Николая II Евгения Сергеевича Боткина, служившего царской семье с 1908 г. до июльской ночи 1918 г., когда в подвале Ипатьевского дома в Екатеринбурге он был расстрелян вместе с семьей Романовых. Дети Татьяна и Глеб сопровождали отца в ссылке в Тобольск. После долгих мытарств по дорогам гражданской войны они покидают Россию. Книга Т. Мельник-Боткиной вышла в Белграде в 1921 г. В основу ее легли не только личные впечатления и воспоминания, но и рассказы ее отца.

...Однажды на Рождестве 1914 года мой отец как-то особенно долго говорил по телефону и сам звонил куда-то и наконец, выйдя из кабинета, сказал мне:

— Сейчас было крушение шестичасового поезда, очень много пострадавших, между прочим Анна Александровна Вырубова.

Действительно, Вырубова оказалась наиболее пострадавшей: ссадины были по всему телу и на голове, но главное — было переломлено бедро, на всю жизнь сделавшее ее калекой. Другой, сильно пострадавший, был учитель рисования той гимназии, где я училась. Их обоих, по распоряжению Ее Величества, положили в отдельные палаты собственного Ее Величества лазарета.

Вырубова очень страдала, была очень нервна и нетерпелива. Действительно, перелом был настолько неудачен, что нога срослась неправильно, и она не могла после этого случая ходить без костылей.

Во время болезни Вырубовой к ней часто приезжал Распутин, и с тех пор все больше и больше стали говорить о нем в Петербурге, причем говорили не просто, а выдумывали, выдумывали зло и неверно, кто с определенной целью оскорбить Царскую Семью, кто просто из любви к сплетням.

Совершенно не хочу оправдывать Распутина; это был нечестный, хитрый и распущенный мужик, обладавший, несомненно, умением влиять на окружающих, а главное, разыгрывать какую угодно роль. Во дворце он принял на себя роль святого и выполнял ее настолько удачно, что Государыня Императрица, человек глубоко верующий и имевший в этой вере и своей семье единственное счастье, поверила в него всей душой и ухватилась за веру в него, как за спасение горячо любимого сына.

Распутин постоянно говорил во дворце, что его молитвами живет Алексей Николаевич, что не станет его — Царской Семье будет худо, очень худо; он даже намекал на свержение с престола, но говорил, что потом Государь будет избран вновь.

Само собой понятно, что во дворце он держал себя иначе, чем в «Вилле Родэ», и Государыня не видала грязной стороны его жизни.

В публике постоянно говорили:

— Почему же ей не скажут?

Беда в том, что о Распутине говорили и говорили слишком много, и этими разговорами его создали.

Таково было мнение моего отца и многих людей, близко знавших Царскую Семью. Мой отец говорил:

— Если бы не было Распутина, то противники Царской Семьи и подготовители революции создали бы его своими разговорами из Вырубовой, не будь Вырубовой, из меня, из кого хочешь.

И действительно, не будь людей, распространявших о его власти совершенно невероятные слухи, не было бы тех, кто к нему обращался; а чем больше к нему обращались, тем больше Ее Величество верила в его святую жизнь, делавшую его известным; если же Государыне рассказывали отрицательные стороны его жизни, она думала, что это гонение на святого.

Насколько же рассказы о приближенности Распутина к Царской Семье были раздуты, можно судить из того, что мой отец, прослуживший при Их Величествах 10 лет и ежедневно в течение этих 10 лет бывавший во дворце, причем не в парадных комнатах, а как доктор, почти исключительно в детских и спальне Их Величеств, видел Распутина всего один раз, когда он сидел в классной Алексея Николаевича и держал себя как самый обыкновенный монах или священник. Поэтому не было совершенно никакой надобности, чтобы быть при дворе, заискивать у Распутина.

Моего отца Ее Величество лично просила принять Распутина на дому, как больного, и мой отец ответил, что в медицинской помощи он ему отказать не может, но видеть его у себя в доме не хочет, а потому поедет к нему сам. Несмотря на это заявление, мой отец продолжал служить и пользоваться уважением Царской Семьи.

Еще другой случай произошел на глазах моего отца, как раз когда Распутин приехал навестить Вырубову в лазарете. Старший врач лазарета, княжна Гедройц, нашла, что он слишком засиделся и попросила его уйти. Он встал, но все еще не уходил. Тогда она взяла его за плечи и, толкая к дверям, сказала:

— Ну, уходи, уходи.

Он обернулся и заявил:

— Я жаловаться буду, что ты меня прогнала.

— Ну и жалуйся потом, сколько хочешь, а сейчас уходи, раз тебе говорят, — и вывела его за дверь.

— С каких пор вы с ним на «ты»? — спросил ее мой отец.

— Раз он мне «ты» говорит, так и я не буду с мужиком церемониться, — ответила княжна Гедройц.

Если основываться на петроградских слухах, то ее, по меньшей мере, сослали бы в Сибирь, но она осталась преспокойно старшим врачом Дворцового лазарета, который даже вскоре, в виде особого внимания, был переименован в «Собственный Ее Величества».

Несомненно, что Ее Величество следовала советам Распутина, которые бывали очень вредны как для Государства, так и для Царской Семьи, но как же могла Она, с ее горячей верой, поступать иначе по отношению к человеку, которого Она считала святым? В последнем же нет никакого сомнения: об этом говорят письма Ее Величества и Великих Княжон к Распутину, из которых три были напечатаны в первые же дни революции, когда столько клеветы, столько преступных наговоров было на них и несмотря на это, в этих письмах, сплошь проникнутых горячей верой и содержащих в себе столько рассуждений на религиозные темы и просьбы молиться за всю Царскую Семью, и тогда никто не мог найти ничего предосудительного.

Впоследствии, проезжая через Сибирь, я встретила одну даму, спросившую меня об отношении Ее Величества к Распутину. Когда я передала ей все вышеизложенное, она рассказала мне следующий случай. Ей пришлось быть однажды в следственной комиссии, помещавшейся в Петрограде в Таврическом дворце. Во время долгого ожидания она слышала разговор, происходивший в соседней комнате. Дело шло о корреспонденции Царской Семьи. Один из членов следственной комиссии спросил, почему еще не опубликованы письма Императрицы и Великих Княжон.

— Что вы говорите, — сказал другой голос, — вся переписка находится здесь — в моем столе, но если мы ее опубликуем, то народ будет поклоняться им, как святым.

— Il n'y avait pas du mal, il y en avait seulement l'apparence¹, — говорил один из наиболее близких к Царской Семье людей П. Жильяр. — Mais c'est assez pour le peuple², — добавлял он.

Для народа — да, для народа, представляющего собой слепую массу, которая поддается каким угодно внушениям; но меня удивляет, как люди развитые и образованные,

¹ Зла не было, была только одна видимость

² Но это достаточно для народа

более или менее знавшие Семью, могли верить и распространять всю преступную болтовню, исходившую от «творцов революции», избравших Распутина своим оружием.

Немного было людей, решавшихся защищать Государыню Императрицу, как делал это мой отец, но зато в его доме никто не позволял себе сказать что-либо дурное про Царскую семью, а если моему отцу случалось попадать на подобные разговоры в чужих домах, он всегда возвращался до крайности раздраженный долгим спором и говорил:

— Я не понимаю, как люди, считающие себя монархистами и говорящие об обожании Его Величества, могут так легко верить всем распространяемым сплетням, могут сами их распространять, возводя всякие небылицы на Императрицу, и не понимают, что, оскорбляя Ее, они тем самым оскорбляют Ее Августейшего Супруга, которого якобы обожают.

— Я теперь понимаю, — слышала я от одной дамы после революции, — что мы своими неумеренными разговорами оказали неоцененную услугу революционерам; мы сами во всем виноваты. Если бы мы раньше это поняли или имели достаточно уважения к Царской Семье, чтобы удерживать свои языки от сплетен, не имевших даже основания, то революционерам было бы гораздо труднее подготовить свое страшное дело.

У нас же к моменту революции не было ни одного уважающего себя человека, не старавшегося как-нибудь задеть, если не Его Величество, то Ее Величество. Находились люди, когда-то ими обласканные, которые просили аудиенции у Ее Величества в заведомо неудобный час, и когда Ее Величество «просила» зайти на следующий день, говорили:

— Передайте Ее Величеству, что тогда мне будет неудобно.

При помощи тех же злых языков распустился слух о германофильстве нашего Двора и о стремлении Ее Величества заключить сепаратный мир. Все кричали:

— Подумайте, она немка, они окружили себя немцами, как Фредерикс, Бенкендорф, Дрентельн, Грюнвальд, — и, ухватившись за эти четыре фамилии, склоняли их во всех падежах, забывая прибавить, что, кроме этих лиц, при Дворе были графиня Гендрикова, князь Долгоруков, генерал Татищев, Воейков, граф Ростовцев, Нарышкин, Мосолов, Комаров, князь Трубецкой, князь Орлов, Дедюлин, Нилов, граф Апраксин, Аничков, князь Путятин и другие. Да и никто не старался проверить, немцы ли или германофилы граф Фредерикс и граф Бенкендорф.

Всякий же, хоть раз видевший Дрентельна, твердо запоминал по его наружности, что он русский, имевший несчастье носить иностранную фамилию, так как кто-то из его предков-иностранцев сотни лет тому назад поселился в России.

Бенкендорф, католик и говоривший даже с легким акцентом по-русски, действительно был прибалтийский немец, но, во-первых, он был обер-гофмаршал, то есть заведовал такой отраслью, которая к политике никакого отношения не имела, а если бы он даже пытался на кого-нибудь влиять, то результаты, наверное, получились бы самые благоприятные, так как он был человек большого ума и благородства.

Грюнвальд имел еще меньше касания к политике, чем Бенкендорф. Действительно, при первом взгляде на него можно было догадаться о его происхождении: среднего роста, полный, коренастый, со снежно-белыми усами на грубом, красном лице, он ходил в своей фуражке прусского образца, прусским шагом по Садовой. Иногда его вместе с женой можно было видеть верхом, и никто, глядя на молодцеватую посадку этих старичков, не дал бы им их возраста. По-русски Грюнвальд говорил непростительно плохо, но, опять же, на занимаемом им посту это никого не могло особенно смущать. Он заведовал конюшенной частью и так как дело знал в совершенстве, был очень строг и требователен, то конюшни были при нем в большой исправности, сам же он появлялся во дворце только на парадных обедах и завтраках.

Единственный, имевший возможность влиять на политику как министр двора и близкий к Царской Семье человек, был граф Фредерикс. Но мне каждый раз становится смешно, когда говорят о нем как о политическом деятеле. Бедный граф уже давно был на этом посту, так как Его Величество был слишком благороден, чтобы увольнять верного человека единственно из старости. Уже к началу войны Фредерикс был так стар, что вряд ли помнил даже, что он министр двора. Все дела велись его помощником генералом Мосоловым, а он только ездил на доклады и, несмотря на всеобщее к нему уважение, служил пищей для анекдотов, так как доходил до того, что собирался выходить из комнаты в окно, вместо двери, или, подходя к Государю, спрашивал Его:

— А ты будешь сегодня на Высочайшем завтраке? — приняв Его Величество за своего зятя Воейкова, хотя даже слепой, кажется, не мог бы их спутать.

Много смеялись в Царском по поводу еще одного случая с графом Фредериксом. Однажды начальник военно-

походной канцелярии князь Орлов делал ему доклад, как вдруг Фредерикс остановил его.

— Погодите, милый князь, — он провел пальцем по своей щеке, — мне кажется, что я сегодня не побрился, как Вы думаете?

— Право не знаю, — ответил князь Орлов, стараясь скрыть улыбку.

— Ну, ничего, князь, продолжайте.

Через пять минут Фредерикс опять положил руку на рукав князя Орлова.

— Постойте, мне кажется, что я сегодня не брился.

— Не могу знать, я думаю, что лучше всего Вам спросить Вашего камердинера.

Фредерикс нажал звонок:

— Послушай, голубчик, что, я брился сегодня или нет?

— Брились, Ваше Сиятельство

— Хорошо, можешь идти.

Князь Орлов еще не успел закончить доклад, как Фредерикс поднялся со своего места.

— Нет, князь, закончите в другой раз, я положительно сегодня не брился, я еду в парикмахерскую.

По дороге в парикмахерскую бедного старика в карете так укачало, что он заснул, а кучер, приехав в назначенное место, долго удивлялся, что граф так долго не выходит, наконец, заглянув в карету, он увидел его спящим и поспешил доставить его домой.

Конечно, такой человек не мог иметь никакого влияния, и все, знавшие его, относились к нему с большим уважением, но когда приходилось переходить на деловую почву, обращались к генералу Мосолову.

Теперь об Ее Величестве. Я утверждаю, что не было ни одной более русской женщины, чем была Ее Величество, и это с особенной яркостью высказывалось во время революции. Глубоко православная, она никогда и не была немкой иначе, как по рождению. Воспитание, полученное Ее Величеством, было чисто английского характера, и все, бывшие при дворе, знали, как мало общего у Ее Величества с Ее немецкими родственниками, которых Она очень редко видела, из которых некоторых, как например дядю — Императора Вильгельма, прямо не любила, считая его фальшивым человеком. Не будь Ее Величество такая русская душой, разве смогла бы Она внушить такую горячую любовь ко всему русскому, какую Она вложила в своих Августейших детей.

После революции особенно сказалось отношение Ее Величества ко всему русскому. Пожелай она, намекни она одним словом, и Император Вильгельм обеспечил бы им мирное и тихое существование на родине Ее Величества,

но, уже будучи в заключении в холодном Тобольске и терпя всякие ограничения и неудобства, Ее Величество говорила:

— Я лучше буду поломойкой, но я буду в России.

Это — доподлинные слова Ее Величества, сказанные моему отцу. Я думаю, что этого не скажет ни одна русская женщина, так как ни одна из них не обладает той горячей любовью и верой в русского человека, какими была проникнута Государыня Императрица, несмотря на то, что от нас — русских, она ничего не видала, кроме насмешек и оскорблений. Нет тех кар, которыми русский народ может искупить свой великий, несмываемый грех перед Царской Семьей, и, переживая теперь все нескончаемые несчастья нашей родины, я могу сказать, что, продолжайся они еще 10, 20, 30 лет, это будет вполне заслуженное нами наказание.

Перед революцией осуждение Царской Семьи принимало все более и более грандиозные размеры. Совершенно умышленно каждое Их действие, каждое слово толковались вкривь и вкось.

Я уверена, что, поддайся Их Величества тогда наговорам на Распутина и заточи Они его в какой-нибудь монастырь, это непременно истолковалось бы так, чтобы выставить Их Высочеств в черном свете.

Мне вспоминается один незначительный, но характерный случай. В начале войны все возмущались немецким названием столицы, а когда вышло распоряжение о переименовании Петербурга в Петроград и патриотический подъем немного улегся, те же самые люди начали вышучивать перемену, на которой так настаивали...

Раздражение против Распутина все росло. Постоянную смену министров приписывали исключительно его влиянию, забывая, что советы Распутина исходили не от него лично, а от всевозможных интригующих лиц, при его помощи старавшихся получить хорошие места и убирать своих врагов, а Его Величество, один из самых умных русских людей, как истый христианин, считал всегда свое мнение наименее достойным исполнения и прислушивался к голосу окружающих, думая, что они, как ближе стоящие к делу, более опытные. Многие же из министров этим пользовались и, когда потом, по их советам, выходило плохо, никогда не имели мужества сознаться в том, что неудачные проекты исходили из их голов, а, пожимая плечами, отвечали на нападки:

— Что мы можем сделать? — воля Государя Императора.

Насколько я помню, мой отец отличал в данном случае Сазонова и говорил, что он имел мужество брать на себя неудачные постановления...

Назначение на пост министра иностранных дел Штюрмера, человека с немецкой фамилией, опять вызвало целую бурю негодования. Наконец последовало назначение Протопопова, члена Думы и ее протекже; но, как только он проявил себя неудачно, все забыли о его думской карьере и закричали:

— Опять Государь назначает каких-то распутинцев, да ведь Протопопов, всем известно, болен прогрессивным параличом. Разве таких людей назначают?

Эти и подобные рассуждения позволяли себе даже офицеры гвардии, из которых многие стали увлекаться думскими речами. Гвардия к тому времени была отведена, к сожалению, слишком поздно в резерв. Они не нашли ничего лучшего, как называть себя в насмешку «династический резерв», совершенно забывая, что если бы такой резерв существовал на самом деле, то состоять в нем — только честь для каждого русского офицера. К сожалению, гвардия была отведена в резерв уже тогда, когда лучшие солдаты были выбиты, и в Петрограде и в Царском Селе к моменту революции запасные гвардейские батальоны состояли из деревенских парней или фабричных рабочих во главе с прикомандированными неизвестно откуда прапорщиками-социалистами. Будь гвардия в старом составе, неизвестно, какой оборот приняла бы революция; но и здесь все было рассчитано, и губительная работа революционеров и здесь сделала свое дело...

К концу 1916 года настроение было напряжено у всех до последней степени. Одни знали о готовящихся событиях, другие предвидели их по ходу дел, третьи бессознательно чувствовали надвигающуюся грозу, когда вдруг разнеслась весть об убийстве Распутина. Сперва показалось, что этот удар разрядит атмосферу, но вскоре стало ясно, что это начало, что дальше будет гораздо хуже, и даже его противники, прежде говорившие:

«Вот бы кто-нибудь догадался его прикончить», теперь пожалели о случившемся.

Надо сказать, что Царская Семья вела себя в данном случае, как всегда, с большим тактом. Ее Величеству донесли об этом событии утром, когда Она была в лазарете. Со свойственной Ей силой воли, Она ни одним словом, ни одним движением не обнаружила того большого потрясения, которое, несомненно, должно было в ней вызвать это известие, и только страшная бледность, покрывшая Ее щеки, была доказательством Ее волнения.

Окончив утреннюю работу, как обыкновенно, Ее Величество и Их Высочества уехали домой в обычный час, и вечером того же дня Их Высочества, как всегда, опять были в лазарете.

Следствие по убийству велось обычным порядком, наказание, наложенное на участников дела, было не больше, как в случае убийства всякого другого смертного, посещение Ее Величеством тела и присутствие на церковных службах было тоже сделано незаметно и скромно, а жизнь двора шла по-прежнему.

Впоследствии, уже в Тобольске, я слышала от доктора Кострицкого, приезжавшего из Ялты лечить Их Величеств, подробное описание того убийства, слышанное доктором Кострицким от князя Феликса Феликсовича Юсупова-младшего.

Заговор состоялся из пяти лиц: великого князя Дмитрия Павловича — любимого двоюродного брата Государя, князя Ф. Ф. Юсупова, В.М. Пуришкевича, доктора Л. и поручика К. Решено было Распутина отравить, для чего Юсупов приготовил пирожные и вино, отравленные цианистым калием, а затем поехал за «старцем» в автомобиле.

Привезя Распутина, Юсупов остался с ним вдвоем пить вино и есть пирожные, тогда как остальные заговорщики находились в верхнем этаже. Когда Распутин выпил все полагавшееся ему вино и съел все пирожные, а яд не начинал действовать, Юсупов в отчаянии кинулся за советом к остальным, и там его осенила мысль застрелить Распутина. Он схватил револьвер и снова побежал к гостю. Чтобы отвлечь внимание Распутина, он подвел его к старинному распытию и, одной рукой указывая на Христа, другой выстрелил Распутину в сердце. Тот упал в судорогах, а когда он стих, Юсупов наклонился над ним, и вдруг Распутин опять открыл глаза, приподнялся, схватил Юсупова за погон и оторвал его.

Юсупов опять побежал наверх к своим сообщникам, и, когда они все вышли на лестницу, им представилась ужасная картина: Распутин — весь в крови, с кровавой пеной изо рта, ползком на четвереньках пробирался к передней. Тогда Пуришкевич еще двумя выстрелами из револьвера добил его, после чего тело было отвезено в автомобиле и брошено в прорубь.

Рассказывая о своем разговоре с Юсуповым, Кострицкий вспоминал, какое неприятное впечатление произвел на него холодный и даже циничный тон последнего.

— Ну, что же, князь, — спросил его Кострицкий, — неужели у Вас никогда не бывает угрызений совести? Ведь Вы все-таки человека убили?

— Никогда, — сказал Юсупов с улыбкой, — я убил собаку.

Вскоре после убийства Юсупов просил аудиенции у Ее Величества, в которой ему было отказано, так как у Ее Величества, как Она говорила моему отцу, явилось подозрение, что эта аудиенция окончится покушением уже лично на Нее...

Н.А. ТЭФФИ
(Надежда Александровна Лохвицкая)

«РАСПУТИН» Воспоминания

Н.А. Тэффи. «Воспоминания».
Париж, 1932 г.

Имя Тэффи (псевдоним Надежды Александровны Лохвицкой, 1872—1952) завоевало необычайную популярность и признание самой широкой читательской аудитории еще до революции. С начала 1920-х годов писательница жила во Франции и считалась по праву лучшим сатириком эмиграции. Ее воспоминания о Распутине датируются 1932 годом.

Бывают люди, отмеченные умом, талантом, особым в жизни положением, которых встречаешь часто и знаешь их хорошо, и определишь их точно и верно: выдуманный, в легенде жил, в легенде умер... Сказать о них нечего, кроме того, что все знают: был высок или мал ростом, женат, приветлив или надменен, прост или честолюбив, жил там-то, встречался с тем-то... Мутная пленка любительской фотографии. Смотришь и не знаешь — не то девочка, не то баран...

Тот, о котором хочу рассказать, только мелькнул двумя краткими встречами. И вот твердо, отчетливо, тонким клинком врезан его облик в моей памяти.

И не потому, что был он так знаменит, — ведь много довелось мне встречать на своем веку людей, прославленных настоящей, заслуженной славой. И не потому, что он сыграл такую трагическую роль в судьбе России. Нет. Человек этот был единственным, неповторяемым, весь словно выдуманный, в легенде жил, в легенде умер и в памяти легендой облечется.

Полуграмотный мужик, царский советник, греховодник и молитвенник, оборотень с именем Божьим на устах.

Хитрым называли его. Одна ли только хитрость была в нем?

Расскажу две мои краткие встречи с ним.

1

Петербургская оттепель. Неврастения.

Утро не начинается нового дня, а продолжает вчерашний серый, тягучий вечер. Через большое зеркальное окно-фонарь видно, как на улице унтер-офицер учит новобранцев тыкать штыком в соломенное чучело. У новобранцев сизые, иззябшие сыростью лица. Баба с кульком, унылая, уставилась и смотрит.

Тоска.

Звонит телефон.

— Кто?

— Розанов.

Удивляюсь, переспрашиваю. Да. Розанов.

Говорит загадочно:

— Вам Измайлов сказал? Предлагал? Вы согласились?

— Нет. Я Измайлова не видала и не знаю, о чем вы говорите.

— Так, значит, он еще будет с вами говорить. Не могу вам ничего объяснить по телефону. Только очень прошу — непременно соглашайтесь. Если вы не пойдете, я тоже не пойду.

— Господи, да в чем же дело?

— Он все объяснит. По телефону нельзя.

Аппарат щелкает. Нас разъединили.

Очень все это неожиданно и странно. С В. В. Розановым я встречалась редко. С Измайловым тоже. Сочетание Розанова с Измайловым тоже показалось мне не из обычных. В чем же дело? Почему Розанов не пойдет куда-то, если я не пойду?

Позвонила в редакцию «Биржевых ведомостей», где работал Измайлов. Оказалось слишком рано, и в редакции еще никого не было.

Но ждать пришлось недолго. Часа через два он сам позвонил.

— Предстоит одно очень интересное знакомство. К сожалению, лишен возможности сказать по телефону... Может быть, вы догадаетесь?

Я решительно ни о чем догадаться не могла. Сговорились, что он заедет и все объяснит.

Приехал.

— Неужели не поняли, о ком речь идет?

Измайлов — худой, черный, в черных очках, весь точно чернилами нарисованный, голос глухой. Даже жутко стало.

Измайлов вообще был человек жутковатый: жил на Смоленском кладбище, где отец его был когда-то священником, занимался чернокнижием, любил рассказывать колдовские истории, знал привороты и заклинания и сам, худой, бледный, черный, с ярко-красной полоской узкого рта, похож был на вурдалака.

— Так и не понимаете? — усмехался он. — Разве не знаете, о ком нельзя по телефону говорить?

— Об императоре Вильгельме, что ли?

Измайлов посмотрел через свои черные очки на обе двери моего кабинета, потом поверх очков на меня.

— О Распутине.

— А-а!

— Живет в Петербурге некто Ф., издатель, — слышали о нем? Нет? Ну так вот — есть такой. И бывает у него довольно часто Распутин. Обедает. Вообще, почему-то дружит с ним.

К Ф. часто бегают небезызвестный в литературных кружках М-ч. Знаете?

М-ча видела. Он был из типа «рыб-спутниц», ходящих в свите крупных писателей или артистов. Одно время он обожал Куприна, потом перекочевал к Леониду Андрееву, потом притих и будто даже совсем скрылся. И вот теперь выплыл.

— Этот самый М-ч, — говорил Измайлов, — предложил Ф. пригласить кое-кого из писателей, которым интересно посмотреть на Распутина. Общество будет небольшое, список составлен тщательно, чтобы лишние люди не попали и не вышло бы какой-нибудь неприятной истории. Тут недавно один мой знакомый попал в одну компанию с Распутиным, кто-то потихоньку снял их всех. Да мало того, отправил фотографию в журнал. Распутин, мол, среди своих друзей и почитателей. А знакомый мой очень видный общественный деятель, человек серьезный и вполне порядочный. Распутин терпеть не может и прямо считал себя опозоренным навеки, что его в этой живописной группе запечатлели. Ну так вот, во избежание всяких неприятностей такого рода я и поставил неременным условием, чтобы лишних людей не было. Ф. обещал, а сегодня утром прибежал ко мне М-ч и показывал список приглашенных. Из писателей будет, значит, Розанов, который во что бы то ни стало желает, чтобы вы тоже были, а без вас, говорит, и идти не стоит. У него, очевидно, какой-то план.

— Какой же это может быть план? — призадумалась я. — Может быть, лучше не ходить? Хотя любопытно посмотреть на Распутина.

— Вот в том-то и дело, что любопытно. Хочется лично убедиться, действительно ли это такая значительная личность или только орудие в руках ловких людей. Рискнем, пойдем. Будем держаться вместе и долго не останемся. Все-таки особа как-никак историческая. А пропустить случай — может быть, больше другого и не представится.

— Только бы он не подумал, что мы набиваемся на знакомство с ним.

— Нет, не подумает. Хозяин обещал, что и не скажет ему даже, что мы писатели. Он, говорит, писателей-то и сам не любит. Бойтся. Так что от него это обстоятельство скроют. Нам тоже выгоднее, чтобы он не знал. Пусть держится совсем свободно и обычно, как в своем кругу, а если начнет позировать, ничего интересного и не будет. Так, значит, едем? Обед назначен на завтра, поздно, не раньше десяти вечера. Распутин всегда так поздно приезжает. Если же его задержат в Царском Селе и он приехать не сможет, то Ф. обещал всех нас предупредить по телефону.

— Странно все это. Я ведь и хозяина-то не знаю.

— Да мы лично тоже не знаем, ни я, ни Розанов. Но вообще он ведь лицо известное. Вполне приличный человек. Значит, решено: завтра в десять.

2

Я Распутина уже видала как-то раз мельком.

Это было в вагоне. Ехал он, очевидно, к себе в Сибирь, в купе первого класса, и не один, а со свитой: какой-то человечек — нечто вроде секретаря, пожилая дама с дочерью и известная фрейлина В.

Было очень жарко, двери купе были открыты настежь. Распутин развел чаепитие с жестяным чайником, с баранками, с сахаром вприкуску.

Сидел в розовой ситцевой рубаше навыпуск, утирал лоб и шею вышитым полотенцем, говорил хлопотливым говорком на «о»:

— Милай! Спроворь еще кипяточку-то! Кипяточку и нету. А ситечко где? Аннушка, ситечко куда засунула? Аннушка! Ситечко, говорю, где? Отъ-то раззява!

* * *

Вечером того дня, как побывал у меня Измайлов, то есть накануне знакомства с Распутиным, обедала я у знакомых в довольно большом обществе.

В столовой, на каминном зеркале, красовался плакат: «Здесь о Распутине не говорят».

Я уже видала в некоторых домах такие плакаты. А так как мне именно хотелось, ввиду предстоящего свидания, поговорить о Распутине, то я громко и медленно прочла:

«Здесь о Рас-пу-ти-не не го-во-рят».

Сидевшая наискосок от меня барышня, худенькая, остренькая, нервная, быстро обернулась, взглянула на меня, на надпись, потом снова на меня. Словно хотела что-то сказать.

— Кто это? — спросила я у соседа.

— Это Е., фрейлина. Дочь того Е. Знаете? — Назвал очень известное в то время имя.

— Знаю.

После обеда барышня под села ко мне. Я почувствовала, что ей очень хочется поговорить со мной и захотелось именно тогда, когда я прочла вслух надпись. Но лепетала она что-то о литературе, рассеянно и бестолково, и ясно было, что не знает, как перейти на то, что ее интересует.

Я решила ей помочь.

— Видали вы надпись на камине? Правда, забавно? У Брянчаниновых тоже такая.

Она сразу оживилась.

— Да, да. Я только не понимаю смысла. Почему нельзя говорить?

— Вероятно, слишком много говорят и всем уже надоело...

— Надоело? — даже как бы испугалась она. — Как надоело? Неужели вы думаете, что эта тема неинтересна? Что Распутин неинтересен?

— А вам приходилось его встречать? — спросила я.

— Кого «его»? Распутина?

И вдруг вся задвигалась, забеспокоилась, задохнулась, и на худеньких бледных щеках ее выступили красные пятна.

— Распутина? Да... очень мало... редко. Он хочет непременно со мной познакомиться. Говорят, что это очень, очень интересно. Вы знаете, когда он смотрит пристально, я всегда чувствую страшное сердцебиение... Это удивительно. Я встречала его раза три у знакомых. В последний раз он вдруг подошел ко мне близко-близко и сказал: «Ты чего же, ты приходи ко мне, щупленькая, слышишь?» Я ужасно растерялась, ответила, что не знаю, что не могу... А он тогда положил мне руку на плечо и сказал: «Непременно приходи. Слышишь? Придешь!» И так властно, так сильно сказал «придешь», точно это уже кем-то решено и ему открыто. Понимаете? Как будто судьба моя ему открыта. Он видит ее и знает. Вы, конечно, понимаете, что я ведь ни за что к нему не пойду, но эта дама, у которой я его встречала, говорит, что пойти надо, что у него бывает много дам нашего круга, что в этом ничего нет предосудительного. Да, но... я... не пойду.

Это «не пойду» она как-то взвизгнула. Вообще вид у нее стал такой, будто она сейчас истерически закричит и заплачет.

Что за история! Барышня тихая, серенькая, худенькая, лет ей на вид не меньше тридцати пяти. И вдруг так неприлично терять всякое самообладание при одном имени Распутина, который заставлял «Аннушку» искать «ситечко».

К нам подошла хозяйка дома, и Е., не отвечая на ее вопрос, вероятно, даже не слыша ее, пошла угловатой, дергающейся походкой к зеркалу пудрить лицо.

3

Весь следующий день не могла отделаться от впечатления, которое произвела на меня эта дергающаяся кликуша-фрейлина.

Стало беспокойно и противно.

Чувствовала моральную тошноту от всей этой истерической атмосферы, окружавшей имя Распутина.

Понимала, что много, конечно, плетется о нем обыкновенного глупого вранья, но чувствовалось, что был всетаки какой-то живой, невыдуманный источник, беспокойный и жуткий, который и питал все эти легенды.

Днем снова звонил Измайлов, подтвердил приглашение, обещал, что Распутин будет непременно, и просил от имени Розанова принарядиться «пошикарней», чтобы Распутин отнюдь писательницы во мне не заподозрил, а думал бы, что с ним беседует просто «барынька».

Эта просьба о «шикарности» очень меня рассмешила.

— Розанов положительно навязывает мне роль какой-то библейской Юдифи или Далилы. Вот уж, наверное, провалю. Ни актерских, ни провокаторских талантов в себе не чувствую. Право, только дело испорчу.

— Ну, там видно будет, — успокаивал Измайлов. — Прикажете за вами заехать?

Я отказалась, потому что обедала у знакомых и оттуда меня должны были проводить.

Вечером, одеваясь, обдумывала, что для мужика значит «пошикарнее».

Надела золотые туфли, кольца, серьги. Очень неистово расфуфыриваться стыдно. Не станешь же всем объяснять, что это заказной «шик»!

За обедом у знакомых, на этот раз без всякой с моей стороны хитрости, зашел разговор о Распутине (правы, значит, были те, кто вывешивал на своем камине запрещающие плакаты).

Передавали, как всегда, сплетни о взятках, которые шли через старца в карманы кого следует, о немецких подкупах, о придворных интригах, нити которых были в руках Распутина.

Даже «черный автомобиль» сплетали почему-то с именем Распутина.

«Черный автомобиль» до сих пор не разгаданная легенда. Этот автомобиль несколько ночей подряд мчался через Марсово поле, пролетал через Дворцовый мост и пропадал неизвестно куда. Из автомобиля стреляли в прохожих. Были раненые.

— Это распутинское дело. Это его рука, — приговаривали рассказчики.

— Да при чем же он здесь?

— Ему все черное, злое, непонятное выгодно. Все, что сеет смуту и панику. Перед теми, кто ему нужен, он сумеет объяснить все для своей выгоды.

Странные были разговоры. Но так как в те времена вообще много было странного, то никто особенно и не удивлялся. А наступившие вскоре события смели с памяти «черный автомобиль». Не до него было.

Но тогда, за обедом, обо всем этом говорилось. Главное же — удивлялись необычайной наглости Распутина. Н. Разумов, бывший тогда директором горного департамента, рассказывал с негодованием, что к нему явился чиновник его ведомства из провинции с просьбой о переводе по службе и как протекцию принес листок, на котором рукой совершенно с Разумовым незнакомого Распутина было ко-
ржаво нацарапано:

«Милай, дарагой, исполни прозьбу подателеву а у меня в долгу не останешься. Григорий».

— Подумайте — наглость-то! Наглость-то какая! И очень многие министры рассказывают, что получают подобные записочки. И очень многие (о чем, конечно, не рассказывают) просьбы эти исполняют. И мне даже говорили — неосторожно, мол, с вашей стороны, что вы так рассердились, ему передадут. Нет, вы подумайте только, какая мерзость! «Милай, дарагой»! И тот хорош — с записочкой явился. Ну, я ему показал «дарагого»! Говорят, через четыре ступеньки по лестнице бежал. А ведь на вид такой приличный господин, да и по службе довольно крупный инженер.

— Да, — сказал один из присутствующих. — Я много раз слышал о рекомендациях вроде «милаго, дарагого», но что прошению не был дан ход — встречаю первый раз. Многие негодуют и тем не менее не считают возможным отказать. Распутин, говорят, мужик мстительный.

4

Было уже больше десяти часов, когда я подъехала к дому Ф.

Хозяин встретил меня в передней. Любезно сказал, что где-то уже был мне представлен, и повел в свой кабинет.

— Ваши уже давно здесь.

В накуренной небольшой комнате сидело человек шесть.

Розанов, со скучающим и недовольным лицом. Измайлов, какой-то напряженный, точно притворяющийся, что, мол, ладно, когда на самом деле что-то не выгорело.

М-ч у притолоки, с видом своего человека в доме, еще двое-трое неизвестных, притихших на диване, и, наконец, Распутин. Был он в черном суконном русском кафтане, в высоких лакированных сапогах, беспокойно вертелся, ерзал на стуле, пересаживался, дергал плечом.

Роста довольно высокого, сухой, жилистый, с жидкой бороденкой, с лицом худым, будто втянутым в длинный мясистый нос, он шмыгал блестящими колючими, близко притиснутыми друг к дружке глазами из-под нависших прядей масляных волос. Кажется, серые были у него глаза.

Они так блестяли, что цвета нельзя было разобрать. Беспокойные. Скажет что-нибудь и сейчас всех глазами обегает, каждого кольнет, что, мол, ты об этом думаешь, доволен ли, удивляешься ли на меня?

В этот первый момент показался он мне немножко озабоченным, растерянным и даже смущенным. Старался говорить «парадные» слова.

— Да, да. Вот хочу поскорее к себе, в Тобольск. Молиться хочу. У меня в деревеньке-то хорошо молиться, и Бог там молитву слушает.

Сказал — и всех по очереди остро и пытливо кольнул глазами через масляные пряди своих волос.

— А у вас здесь грех один. У вас молиться нельзя. Тяжело это, когда молиться нельзя. Ох, тяжело.

И опять озабоченно всех оглядел, прямо в лицо, прямо в глаза.

Нас познакомили, причем (как, очевидно, уже условились товарищи по перу) меня ему не назвали.

Посмотрел на меня внимательно, словно подумал — «из каких таких».

Настроение было скучно-напряженное, никому не нужное.

Что-то в манере Распутина — это ли беспокойство, забота ли о том, чтобы слова его понравились, — показывало, что он как будто знает, с кем имеет дело, что кто-то, пожалуй, выдал нас, и он себя чувствует окруженным «врагами-журналистами» и будет позировать в качестве старца и молитвенника.

От журналистов он, говорят, действительно много пертерпел. Сплошь и рядом появлялись в газетах заметки с разными лукавыми намеками. Писали, что Распутин в тесном кругу друзей, подвыпив, рассказывал много интересного о жизни весьма высокопоставленных лиц. Была ли это правда или просто газетная сенсация — не знаю. Но знаю, что у Распутина была двойная охрана. Одна, с его ведома, охраняла от покушений на его жизнь. Другая, от него тайная, следила, с кем он водится и не болтает ли лишнего, подмечала и доносила куда следует. Думаю, что кому-то хотелось престиж Распутина при дворе подорвать.

Он был чуткий, звериным нюхом чуял, что окружен, и, не зная, где враг, шарил глазами, искал осторожно, исподтишка, весь начеку...

Настроение моих друзей передалось и мне. Стало скучно и как-то неловко сидеть в незнакомом доме и слушать, как мучительно выдавливают из себя Распутин никому не нужные душеспасительные фразы. Точно экзамен держит и боится провратиться.

Захотелось домой.

Розанов встал, отвел меня в сторону и сказал потихоньку:

— Весь расчет на обед. Может быть, он еще развернется. Мы с хозяином уже условились: вас он посадит рядом. А мы около вас. Вы его разговорите. С нами он так говорить не станет — он любит дам. Непременно затроньте эротические темы. Тут он будет интересен, тут надо его слушать. Это может быть любопытнейший разговор.

Розанов вообще с каждым человеком эротические темы считал за любопытнейшие, поэтому я вполне поняла его особый, острый интерес к такому разговору с Распутиным. Ведь чего только про Распутина ни говорили: и гипнотизер, и магнетизер, и хлыст, и сатир, и святой, и бесноватый.

— Хорошо, — сказала я. — Попробую поговорить.

Обернувшись, встретила два острых, как шпильки, взгляда Распутина, видимо, обеспокоила наша тайная беседа с Розановым.

Задергал плечом и отвернулся.

Пригласили к столу

Меня посадили на угол. Слева — Розанов и Измайлов. Справа — Распутин.

Кроме нас за столом оказалось еще человек двенадцать гостей: какая-то важного вида старуха, про которую мне шепнули: «Это та, что постоянно при нем». Какой-то озабоченный господин, который торопливо усадил по другую руку Распутина молодую, красивую и очень разряженную (во всем шикарном) даму с неподходящим к туалету убитым, безнадежным выражением лица. В конце стола поместились какие-то странные музыканты — с гитарой, гармонией и с бубном, точно на деревенской свадьбе.

Хозяин подошел к нам, наливая вина и угощая закусками. Я тихонько спросила про красивую даму и музыкантов.

Музыканты, оказывается, были нужны.

— Гриша любит иногда поплясать и именно под их музыку. Эти музыканты и у Юсупова играют. Очень хорошие музыканты. Оригинальные. Вот вы услышите.

О красивой даме сказал, что у ее мужа (озабоченного господина) какое-то служебное, очень сложное и неприятное дело, которое только через Распутина можно сделать простым и приемлемым. И вот этот господин водит свою жену всюду, где только можно встретить старца, и подсаживает ее к нему, надеясь, что он когда-нибудь обратит на нее внимание.

— Уже два месяца старается, а Гриша словно и не видит их. Он ведь странный и упрямый.

Распутин пил быстро и много и вдруг, нагнувшись ко мне, зашептал:

— Ты чего не пьешь-то? Ты пей. Бог простит. Ты пей.

— Да я не люблю вина, оттого и не пью.

Он посмотрел на меня недоверчиво.

— Пустяки! Ты пей. Я тебе говорю — Бог простит. Бог простит. Бог тебе многое простит. Пей!

— Да я же вам говорю, что мне не хочется. Не буду же я насильно пить!

— О чем он говорит? — зашептал слева Розанов. — Вы заставьте его громче говорить. Переспрашивайте, чтоб громче, а то мне не слышно.

— Да и слушать нечего. Просто уговаривает вино пить.

— А вы наводите его на эротику. Господи! Да неужели не умеете повести нить разговора?

Мне стало смешно.

— Да не мучьте вы меня! Вот тоже нашли Азефа-provокатора. И чего ради я буду для вас стараться?

Я отвернулась от Розанова, и два острых распутинских глаза, подстерегая, укололи меня.

— Так не хочешь пить? Иль ты какая строптивая? Не пьешь, когда я тебя уговариваю.

И он быстрым, очевидно привычным, движением тихонько дотронулся до моего плеча. Словно гипнотизер, который хочет направить через прикосновение ток своей воли.

И это было не случайно.

По напряженному выражению всего его лица я видела, что он знает, что делает. И я вдруг вспомнила фрейлину Е., ее истерический лепет... «Он положил мне руку на плечо и так властно сказал...»

Так вот оно что! Гриша работает всегда по определенной программе. Я, удивленно приподняв брови, взглянула на него и спокойно усмехнулась.

Он судорожно повел плечом и тихо застонал. Отвернулся быстро и сердито, будто совсем навсегда, но сейчас же снова нагнулся.

— Вот, — сказал, — ты смеешься, а глаза-то у тебя какие — знаешь? Глаза-то у тебя печальные. Слушай, ты мне скажи — мучает он тебя очень? Ну чего молчишь?.. Эх, все мы слезку любим, женскую-то слезку. Понимаешь? Я все знаю.

Я обрадовалась за Розанова. Очевидно, начиналась эротика.

— Что же вы такое знаете? — спросила я громко, нарочно, чтобы и он повысил голос, как это многие невольно делают.

Но он снова заговорил тихо:

— Как человек человека от любви мучает. И как это надо мучить-то — все знаю. А вот твоей муки не хочу. Понимаешь?

— Ничего не слышно! — сердито с левой стороны ворчал Розанов.

— Подождите, — шепнула я.

Распутин заговорил снова:

— Что за кольцо у тебя на руке? Что за камешек?

— Аметист.

— Ну все равно. Протяни мне его тихонько под столом. Я на него дыхну, погрею... Тебе от моей души легче станет. Я дала ему кольцо.

— Ишь, чего ж ты сняла-то? Я бы сам снял. Не понимаешь ты...

Но я отлично понимала. Оттого я и сняла сама.

Он прикрыл рот салфеткой, подышал на кольцо и тихонько надел мне его на палец.

— Вот когда ты придешь ко мне, я тебе много расскажу, что ты и не знала.

— Да ведь я не приду, — сказала я и опять вспомнила фрейлину Е.

Вот он, Распутин, в своем репертуаре. Этот искусственно-таинственный голос, напряженное лицо, властные слова.

Все это, значит, изученный и проверенный прием. Если так, то уж очень это все наивно и просто. Или, может быть, слава его как колдуна, вещуна, кудесника и царского любимца давала испытуемым особое острое настроение любопытства, страха и желания приобщиться к этой жуткой тайне? Мне казалось, будто я рассматривала под микроскопом какую то жужелицу. Вижу чудовищные мохнатые лапы, гигантскую пасть, но при том прекрасно сознаю, что на самом-то деле это просто маленькое насекомое.

— Не при-идешь? Нет, придешь. Ты ко мне придешь.

И он снова тайно и быстро дотронулся до моего плеча.

Я спокойно отодвинулась и сказала:

— Нет, не приду.

И он снова судорожно повел плечом и застонал.

Очевидно, каждый раз (и потом я заметила, что так действительно и было), когда он видел, что сила его, волевой его ток, не проникает и отталкивается, он чувствовал физическую муку. И в этом он не притворялся, потому что видно было, как хочет скрыть и эту плечевую судорогу, и свой странный тихий стон.

Нет, все это не так просто. Черный зверь ревет в нем... Посмотрим...

— Спросите у него про Вырубову, — шептал Розанов. — Спросите про все, пусть все рассказывает, и, главное, погромче.

Распутин косо, через масленные пряди волос, глянул на Розанова.

— Чего этот там шепчет?

Розанов протянул к нему свой бокал.

— Я чокнуться хотел.

Чокнулся и Измайлов.

Распутин осторожно посматривал на них, отводил глаза и снова смотрел.

И вдруг Измайлов спросил:

— А что, скажите, вы никогда не пробовали писать?

Чудак! Так себя выдать!

Ну кому, кроме писателя, придет в голову такой вопрос?

— Случалось, — ответил Распутин, ничуть не удивившись. — Очень даже случалось.

И поманил пальцем молодого человека, сидевшего на другом конце стола.

— Милай! Вот принеси-ка сюда листочки с моими стихами, что вы давеча на машинке-то отстукивали.

«Милай» живо сбегал за листками.

Распутин роздал. Все потянулись, листков, переписанных на машинке, было много — на всех хватило.

Прочитали.

Оказалось стихотворение в прозе, в стиле «Песни Песней», туманно-любовное. Еще помню фразу:

«Прекрасны и высоки горы. Но любовь моя выше и прекраснее их, потому что любовь есть Бог».

Это, кажется, и была единственная понятная фраза. Остальное было набор слов.

Пока читала, автор, очень беспокойно оглядывая всех, следил за впечатлением.

— Очень хорошо, — сказала я.

Он оживился.

— Милай! Дай чистый листочек, я для ей сам напишу.

Спросил:

— Как твое имя?

Я сказала.

Он долго мусолил карандаш. Потом корявым, еле разборчивым мужицким почерком нацарапал:

«Надежде».

«Бог есть любовь. Ты люби. Бог простит. Григорий».

Основной, значит, лейтмотив распутинских чар был ясен: люби — Бог простит.

Но почему же его дамы от такой простой и милой формулы впадают в истерический экстаз? Отчего дергалась и пятнами краснела фрейлина Е.?

Тут дело неспроста.

Я долго смотрела на корявые буквы, на подпись «Григорий»...

Какая страшная сила была в этой подписи. Я знала случай, когда эти восемь корявых букв вернули человека, осужденного судом и уже сосланного на каторгу.

Вероятно, эта же подпись могла бы и отправить кого-нибудь туда же...

— Вы сохраните этот автограф, — сказал Розанов. — Это занято.

Он действительно долго сохранялся у меня. В Париже, лет шесть тому назад, нашла я его в старом портфеле и подарила автору французской книги о Распутине — В. Бинштоку.

Писал Распутин с трудом, совсем был малограмотный. Так писал у нас в деревне лесной объездчик, который заведовал весенним сплавом и ловил браконьеров. Писал он счета:

«Поездка в дачу взад и обратно петь ру» (пять рублей).

Распутин и внешнестью на него походил поразительно. Может быть, оттого и не чувствовала я никакого мистического трепета от его слов и жестикуляций. «Бог — любовь, приде-ошь» и прочее. Все вспоминалось «петь ру» и разбивало настроение...

Хозяин вдруг озабоченно подошел к Распутину.

— Телефон из Царского.

Тот вышел.

Значит, в Царском знали, где он сейчас находится. Может быть, даже всегда знали, где его искать.

Воспользовавшись его отсутствием, Розанов стал давать инструкции, как наводить разговор на всякие интересные темы.

— Главное — пусть расскажет о своих хлыстовских радениях. Правда ли, мол, это, и если да, то как именно он это устраивает, и нельзя ли, мол, попасть на них. Пусть он вас пригласит, а вы и нас захватите.

Я согласилась охотно. Это действительно было бы интересно.

Но Распутин к столу не вернулся. Хозяин сказал, что его спешно вызвали в Царское Село (а был уже двенадцатый час ночи), что он, уезжая, просил сказать мне, что непременно вернется.

— «Ты ее не отпускай, — повторил Ф. его слова. — Пусть она меня ждет. Я вернусь».

Разумеется, никто его ждать не стал. Во всяком случае, наша компания сразу после обеда уехала.

Все мои знакомые, которым я рассказывала о состоявшейся встрече, выказывали какой-то совершенно необычайный интерес. Расспрашивали о каждом слове старца, просили подробно описать его внешность и, главное, «нельзя ли тоже туда попасть?»

— Какое он на вас произвел впечатление?

Отвечала:

— Не сильное, но довольно противное.

Советовали этим знакомством не пренебрегать. Никто не знает, что его ждет в будущем, а Распутин такая сила, с которой нельзя не считаться. Он смещает министров, тасует придворных, как колоду карт. Его немилости страшатся пуще, чем царского гнева.

Говорили о каких-то тайных немецких ходах через Распутина к Александре Федоровне. Он при помощи своих молитв и внушений руководит нашим фронтом.

— Перейдете до такого-то числа в наступление — наследник заболит.

Для человека, ведущего какую-нибудь серьезную политическую линию, Распутин показался мне недостаточно серьезным. Слишком дергался, слишком рассеивался вниманием, был сам весь какой-то запутанный. Вероятно, поддавался уговорам и подкупам, зря, не особенно обдумывая и взвешивая. Самого его несла куда-то та самая сила, которой он хотел управлять. Не знаю, каков он был в начале своей карьеры, но в те дни, когда я его встретила, он словно уже сорвался и несся в вихре, в смерче, сам себя потеряв. Повторял бредовые слова: «Бог... молитва... вино», путал, сам себя не понимал, мучился, корчился, бросался в пляс с отчаянием и воплем, как в горящий дом за забытым сокровищем. Я потом видела этот пляс его сатанинский.

Рассказывали, что он собирал своих поклонниц, дам из общества, в бане и заставлял, «чтоб сломить дух гордости и научить смирению», мыть ему ноги. Не знаю, правда ли это, но могло бы быть правдой. Там, в этой истерической атмосфере, самая идиотская выдумка могла казаться правдой.

Магнетизер ли он?

Мне довелось говорить о нем с человеком, серьезно изучавшим гипнотизм, магнетизм, влияние на чужую волю.

Я рассказала ему о странном жесте Распутина, об этом быстром прикосновении и о судороге, которая корчила его каждый раз, когда он видел, что приказ его не исполнялся.

— Да неужели же вы не знаете? — удивился мой собеседник. — Ведь это прикосновение — это типичный магнетический акт. Это передача волевого тока. И каждый раз,

как ток этот не воспринимается, он летит обратно и ударяет магнетизера. Этот ток тем сильнее, чем напряженнее и сильнее была направленная им волна. Вы рассказываете, что он очень долго настаивал, значит, напрягал свою силу. Поэтому обратный ток ударял его до такой боли, что он корчился, стонал. Ему, наверное, было очень тяжело, и он мучительно напрягался победить отпор. Все, что вы рассказываете, — типичный случай магнетического опыта.

Дня через три-четыре после этого обеда у Ф. снова позвонил Измайлов.

— Ф. очень, очень просит нас снова пообедать у него. Обещает, что на этот раз будет гораздо интереснее, что в прошлый раз Распутин и оглядеться не успел, как ему пришлось уже уехать.

Рассказывал, что к нему заезжал М-ч, очень убеждал приехать (прямо антрепренер какой-то!) и показывал точный список приглашенных: все мирные люди, из приличного общества. Можно было ехать спокойно.

— В последний раз, — убеждал меня Измайлов. — Поговорим с ним позначительнее. Может быть, что-нибудь интересное выудим. Человек ведь незаурядный. Поедем.

Я согласилась.

На этот раз приехала позже. Все уже давно сидели за столом.

Народу было значительно больше, чем в первый раз. Прежние были все налицо. Музыканты тоже. Распутин на прежнем месте.

Все сдержанно разговаривали друг с другом, точно были они обыкновенные гости, приглашенные пообедать. На Распутина никто не глядел, как будто он здесь совсем ни при чем. И вместе с тем чувствовалось (да так оно и было), что большинство не знали друг друга и пришли все только для того, на что и решиться будто не смели: разглядеть, узнать, поговорить с Распутиным.

Распутин снял свою поддевку и сидел в колкой розовой канаусовой рубашке навыпуск, с косым вышитым воротом.

Лицо у него было почерневшее, напряженное, усталое, глубоко запали колючие глаза. Повернулся почти спиной к сидевшей рядом с ним той самой разряженной жене адвоката, что была в прошлый раз. Мой стул по другую руку старца был пуст.

— А-а! Вот она, — дернулся он. — Ну, садись скорее. Я жду. Чего в прошлый раз укатила? Я вернулся, а ее и нету! Пей! Чего же ты? Я тебе говорю — пей! Бог простит.

Розанов и Измайлов на прежних местах.

Распутин нагнулся ко мне.

— Тяжко я по тебе тосковал.

— Ну, это все пустяки. Это вы говорите из любезности, — отвечала я громко. — Расскажите лучше что-нибудь интересное. Правда, что вы устраиваете хлыстовские радения?

— Радения? Здесь-то, в Питере?

— А что — разве нет?

— А кто сказал? — спросил он беспокойно. — Кто сказал? Говорил, что сам был, что сам видал, али слышал, али как?

— Да я не помню кто.

— Не по-омнишь? Ты вот лучше, умница, ко мне приходи, я тебе много чего порасскажу, чего не знаешь. Ты не из англичанок будешь?

— Нет, совсем русская.

— Личико у тебя англичанское. Вот есть у меня в Москве княгиня Ш. Тоже личико англичанское. Нет, брошу все, в Москву поеду.

— А Вырубова? — совсем уж без всякого умысла, единственно, чтобы угодить Розанову, спросила я.

— Вырубова? Нет, Вырубова нет. У нее лицо круглое, не англичанское. Вырубова у меня деточка. У меня, скажу я так: у меня есть которые деточки и которые другие. Я врать не буду, это так.

— А... царица? — вдруг осмелев, сдавленным голосом просипел Измайлов. — Александра Федоровна?

Я немножко испугалась смелости вопроса. Но, к удивлению моему, Распутин очень спокойно ответил:

— Царица? Она больная. У нее очень грудь болит. Я руку на нее наложу и молюсь. Хорошо молюсь. И ей всегда от моей молитвы легче. Она больная. Молиться надо за нее и за деточек. Плохо... плохо... — забормотал он.

— Что плохо?

— Нет, ничего... молиться надо. Деточки хорошие...

Помню, в начале революции я читала в газетах о том, что найдена «гнусная переписка старца с развращенными княжнами». Переписка такого содержания, что «опубликовать ее нельзя». Впоследствии, однако, письма эти опубликовали. И были они приблизительно такого содержания:

«Милый Гриша, помолись за меня, чтобы я хорошо училась».

«Милый Гриша, я всю неделю вела себя хорошо и слушалась папу и маму...»

— Молиться надо, — бормотал Распутин.

— А вы знаете фрейлину Е.? — спросила я.

— Это такая востренькая? Будто видал. Да ты приходи ко мне. Всех покажу и про всех расскажу.

— Зачем же я приду? Они еще рассердятся.

— Кто рассердится?

— Да все ваши дамы. Они меня не знают, я человек для них совсем чужой. Наверное, будут недовольны.

— Не смеют! — он стукнул кулаком по столу. — У меня этого нет. У меня все довольны, на всех благодать почиет. Прикажу — ноги мыть, воду пить будут! У меня все по-Божьему. Послушание, благодать, смирение и любовь.

— Ну вот, видите — ноги мыть. Нет, я уж лучше не приду.

— Придешь. Я зову.

— Будто уже все и шли, кого вы звали?

— До сих пор — все.

9

Справа от Распутина, настойчиво и жадно прислушиваясь к нашему разговору, томилась жена адвоката.

Изредка, поймав на себе мой взгляд, она заискивающе улыбалась. Муж все шептал ей что-то и пил за мое здоровье.

— Вот вы лучше пригласите к себе вашу соседку, — сказала я Распутину. — Посмотрите, какая милая.

Она, услышав мои слова, подняла на меня глаза, испуганные и благодарные. Она даже побледнела, ждала ответа.

Распутин взглянул, быстро отвернулся и громко сказал:

— А-а! Дура собачья!

Все сделали вид, что не слышат.

Я повернулась к Розанову.

— Ради Бога, — сказал тот, — наведите разговор на радения. Попробуйте еще раз.

Но у меня совсем пропал интерес к разговору с Распутиным. Мне казалось, что он пьян. Хозяин все подходил и подливал ему вина, приговаривая:

— Это твое, Гриша, твое любимое.

Распутин пил, мотал головой, дергался и бормотал что-то.

— Мне очень трудно сейчас говорить с ним, — сказала я Розанову. — Попробуйте теперь вы сами. Вообще, можем же мы вести общий разговор!

— Не удастся. Тема очень интимная, тайная. А к вам у него уже есть доверие...

— Чего он там все шепчется? — прервал нас Распутин. — Что он шепчется, этот, что в «Новом времени» пишет?

Вот тебе раз! Вот вам и инкогнито

— Почему вы думаете, что он пишет? Это кто-нибудь спутал... Вам еще скажут, что и я пишу.

— Говорили, будто ты из «Русского слова», — спокойно отвечал он. — Да мне-то все равно.

— Кто же это сказал?

— А я и не помню!

Кто же нас выдал? Ведь была обещана полная конспирация.

Это было очень странно.

Ведь не мы добивались знакомства со старцем. Нас пригласили, нам это знакомство предложили и вдобавок нам посоветовали не говорить, кто мы, так как «Гриша журналистов не любит», разговоров с ними избегает и всячески от них прячется.

Теперь оказывается, что имена наши отлично Распутину известны, а он не только от нас не прячется, но, наоборот, втягивает в более близкое знакомство.

Чья здесь игра? М-ч ли все это для чего-то организовал — для чего неизвестно? Сам ли старец для каких-то своих хитросплетений? Или случайно кто-нибудь выболтал наши имена?

Атмосфера очень нездоровая. Предположить можно все что угодно.

И что я знаю обо всех этих наших сотрапезниках? Кто из них из охраны? Кто кандидат на каторгу? А кто тайный немецкий агент? И для кого из всей этой честной компании мы были привлечены как полезная сила? Распутин ли здесь путает, или его самого запутывают? Кого предадут?

— Наши имена ему известны, — шепнула я Розанову.

Он удивленно взглянул на меня и зашептался с Измайловым.

И в эту минуту вдруг ударили музыканты по своим инструментам. Звякнул бубен, зазвенела гитара, запела гармонь плясовую. И в тот же миг вскочил Распутин. Вскочил так быстро, что опрокинул стул. Сорвался с места, будто позвал его кто, и, отбежав от стола (комната была большая), вдруг заскакал, заплясал, согнул колено углом вперед, бороденкой трясет и все кругом, кругом... Лицо растерянное, напряженное, торопится, не в такт скачет, будто не своей волей, исступленно, остановиться не может...

Все вскочили, окружили, смотрят...

Тот «милый», что за листками бегал, побледнел, глаза выпучил, присел и в ладоши хлопает:

— Гоп! Гоп! Гоп! Так! Так! Так!

И никто кругом не смеялся. Все смотрели почти испуганно и, во всяком случае, очень, очень серьезно.

Зрелище было до того жуткое, до того дикое, что, глядя на него, хотелось завизжать и кинуться в круг, вот тоже так скакать, кружить, пока сил хватит.

А лица кругом становились все бледнее, все сосредоточеннее.

Нарастало какое-то настроение. Точно все ждали чего-то... Вот, вот... Сейчас...

— Ну какое же может быть после этого сомнение? — сказал за мной голос Розанова. — Хлыст!

А тот скакал козлом, страшный, нижняя челюсть отвисла, скулы обтянулись, пряди волос мотаются, хлещут по впалым орбитам глаз. Розовая колкая рубаша раздулась на спине пузырем.

— Гоп, гоп, гоп! — хлопал в ладоши «милай».

И вдруг Распутин остановился. Сразу. И музыка мгновенно оборвалась, словно музыканты знали, что так надо делать.

Он упал в кресло и водил кругом уже не колючими, а растерянными глазами.

«Милай» поспешно подал ему стакан вина.

Я ушла в гостиную и сказала Измайлову, что хочу уехать.

— Посидите, отдохните немножко, — сказал тот.

Было душно. От духоты билось сердце и руки дрожали.

— Нет, здесь не душно, — сказал Измайлов. — Это у вас нервное.

— Пожалуйста, не уезжайте! — попросил Розанов. — Теперь очень легко можно будет добиться от него приглашения на радения.

Гости перебрались в гостиную и расселись кругом у стен, словно в ожидании какого-то дивертисмента. Пришла и красивая дама. Муж поддерживал ее под руку. Она шла, низко опустив голову, и мне показалось, что она плачет.

Я встала.

— Не уходите, — сказал Розанов.

Я покачала головой и пошла по направлению к передней. Из столовой наперерез мне вышел Распутин. Подошел и взял меня за локоть.

— Подожди минутку, что я тебе скажу. Только слушай хорошенько. Видишь, сколько кругом нас народу? Много? Много, а никого нет. Вот: я и ты, и только всего. Вот стоим мы здесь с тобой, я и ты. И я тебе говорю: ты приходи! Тяжко хочу, чтобы ты пришла. Так тяжело что вот прямо о землю бы бросился!

Он судорожно дергал плечом и стонал.

И было все так нелепо, и то, что мы стоим посреди зала, и что он так мучительно серьезно говорит...

Надо было разбить настроение.

Подошел Розанов и, делая вид, что просто проходит мимо, насторожил ухо.

Я засмеялась и, показывая на него, сказала Распутину:

— Да вот он меня не пускает.

— Не слушай его, желтого, приходи. А его с собой не води, он нам не нужен. Ты Распутиным не брезгуй, му-

жиком. Я кого люблю, я тому палаты каменные строю. Не слыхала, что ли?

— Не слыхала, — ответила я.

— Врешь, умница, слыхала. Это я могу. Палаты каменные. Увидишь. Я много могу. Только приходи ты, ради Бога, скорее. Помолимся вместе. Чего ждать-то! Вот меня все убить хотят. Как на улицу выхожу, так смотрю во все стороны, не видать ли где рожи. Да. Хотят убить. Ну что же! Не понимают, дураки, кто я таков. Колдун? А может, и колдун. Колдунов жгут, так и пусть сожгут. Одного не понимают: меня убьют, и России конец. Вместе с ней и похоронят.

Он стоял посреди залы, худой, черный, как иссохшее, горелое, суковатое дерево.

— И России конец... конец России...

Тряс вытянутой крючковой рукой, похожий на мельника из «Русалки» в игре Шаляпина.

Страшный он был в эту минуту и совсем безумный.

— А? А? Уходишь? Ну, уходишь, так уходи. А только вспомни... вспомни...

* * *

По дороге домой Розанов (мы ехали вместе) говорил, что пойти к Распутину стоит, что ему, вероятно, кажется подозрительным мой отказ от предложения, которого столько добиваются.

— Вместе все пойдем, вместе уйдем.

Я говорила, что в этой распутинской атмосфере есть для меня что-то беспредельно противное и очень тяжелое. Подхалимство, кликушество и одновременно обдελывание каких-то неизвестных нам темных, очень темных дел. Подойдешь, запачкаешься и не выпутаешься. Противно это все и не весело, а весь интерес к разным «жутким тайнам» этой среды поглощается этим отвращением.

Жалкое, напряженное и несчастное лицо адвокатской жены, которую муж так бесстыдно навязывает пьяному мужику, — во сне мне снится, как кошмар. И ведь у него там, верно, много таких, про которых он кричал и кулаком стучал, что «не смеют и всем довольны».

— Противно уж очень. До жути противно! Боюсь! И потом — не странно ли, что он так привязался, чтобы я пришла?

— К отпору не привык.

— А я думаю, что дело гораздо проще. Думаю, что из-за «Русского слова». Он хотя и делает вид, что не придает значения этому обстоятельству, однако вы сами знаете, что прессы он боится и заискивает перед ней. Может быть, решил залучить себе в моем лице новую жену-мироносицу. Чтобы под его диктовку писала то, что ему интересно. Ведь он всю свою политику про-

водит через женщин. Подумайте, какой козырь был бы в его руках. Он, по-моему, отлично все рассчитал. Он хитрый.

Через несколько дней после этого обеда позвонила знакомая дама. Упрекала, что я не была вчера на ее вечере, на который обещала приехать.

А я об этом вечере совершенно забыла.

— Была Вырубова, — говорила дама. — Ждала вас. Ей очень хочется с вами познакомиться, и я ей это обещала. Ужасно, ужасно обидно, что вы не могли быть.

«Ага! — подумала я. — Начались вести из «того» мира. Чего же ей от меня нужно?»

Что она была именно весть из «того» мира, я не сомневалась ни на минуту.

Прошло еще дня два.

Прибежала ко мне старая приятельница, очень взволнованная.

— У С. будет большой вечер. Сама С. заезжала к тебе уже два раза и не заставала тебя дома. Она сегодня была у меня и взяла с меня слово, что я тебя к ним привезу

Меня несколько удивила такая настойчивость со стороны С. Я не была с ними очень близко знакома. Уж не задумала ли она заставить меня читать или декламировать? Этого как раз я терпеть не могла.

Высказала свои опасения.

— Нет, нет, — успокаивала меня приятельница. — Уверю тебя, что никаких расчетов у них нет. Просто С. тебя очень любит и хочет видеть. Кстати — вечер будет очень интересный. Народу будет немного, все — свои, потому что С. не могут сейчас, во время войны, задавать большие балы. Это было бы неприлично. Никого лишнего не будет. Они умеют все интересно устроить.

Мы приехали в двенадцатом часу. Народу было много. Среди фраков и вечерних платьев — несколько фигур в одинаковых черных домино и голубых масках. Очевидно, одна компания. Кроме них, маскированных не было.

— Ну вот вам она. Видите? Привезла, — сказала моя приятельница, подведя меня за руку к хозяйке.

В большом зале пела цыганка. Маленькая, щупленькая, в черном закрытом платье из блестящего шелка.

Она страдальчески закидывала шафранно-смуглое личико.

*Расставаясь, она говорила:
Не забудь ты меня на чужбине..*

— Подождем минутку, — шепнула мне хозяйка. — Сейчас она кончит.

И продолжала стоять около меня, ища кого-то глазами.

— Теперь мы можем пройти.

Она взяла меня под руку и повела по залу, все ища кого-то.

Мы прошли через всю комнату и вошли в маленькую полутемную гостиную. Гостиная была пустая.

Хозяйка усадила меня на диванчик.

— Я к вам сейчас вернусь. Вы не уходите.

Она действительно скоро вернулась, но не одна. С ней пришло черное домино.

— Вот эта таинственная маска, — смеясь, сказала С., — будет вас пока развлекать. Подождите меня здесь.

Черное домино село рядом со мной и молча смотрело на меня через узкие прорези маски.

— Вы меня не знаете, — пробормотало оно наконец. — Но мне ужасно надо поговорить с вами.

Голос был незнакомый. Но интонация знакомая. Таким прерывистым истерическим тоном говорила со мной фрейлина Е. Говорила о Распутине.

Я посмотрела на свою собеседницу. Нет, это не Е. Та была маленькая. Эта — очень высокая. Чуть-чуть картавила, как наши великосветские дамы, которые в детстве начинают говорить по-английски прежде, чем по-русски.

— Я все знаю, — нервно продолжала незнакомка. — Вы в четверг должны быть в одном доме.

— Нет, — удивилась я. — Я нигде не должна быть.

Она страшно взволновалась:

— Ну зачем, зачем вы не говорите правды? Ведь я же все знаю.

— Где же, по-вашему, я должна быть? — спросила я.

— Там. У него.

— Ничего не понимаю.

— Вы хотите проверить меня? Ну что же, я скажу прямо. Вы будете в четверг у... у Распутина.

— Почему вы так думаете? Меня никто в четверг к нему не приглашал.

Дама притихла.

— Может быть, вы еще не получили этого приглашения... Но все равно, вы его должны получить. Это уже решено.

— Что же вас в этом деле так волнует? — спросила я. — Может быть, вы мне скажете ваше имя?

— Я не для того надела эту идиотскую маску, чтобы говорить вам мое имя. Да это для вас безразлично. Не в этом дело. Дело в том, что вы будете в четверг там.

— Нет, я не собираюсь к Распутину, — спокойно сказала я. — Уверю вас, что я к нему не пойду.

— А-ах!

Она вся вскинулась и схватила меня за руку своими затянутыми в тугие черные перчатки руками.

— Нет, вы нарочно так говорите. Вы пойдете! Почему вы не пойдете?

— Да мне неинтересно.

— И вы не передумаете?

— Нет.

У нее задрожали плечи. Мне показалось, что она плачет.

— Я думала, что вы искренни, — прошептала она.

Я совсем растерялась.

— Вы чего же от меня хотите? Вам неприятно, что я не пойду? Я ничего не понимаю.

Она опять сжала мне руку

— Умоляю вас всем, что у вас есть святого, — откажитесь идти в четверг. Надо, чтобы он отменил этот вечер. Он не должен приезжать из Царского в четверг. Этому надо помешать, потому что это будет ужасно.

Она бормотала что-то, вздрагивая плечами.

— Я не понимаю, при чем я здесь, — сказала я. — Но если это может вас успокоить, то поверьте мне: я даю вам честное слово, что не пойду. Я через три дня еду в Москву.

У нее опять задрожали плечи, и опять показалось мне, что она плачет.

— Спасибо вам, дорогая, дорогая...

И, быстро нагнувшись, она поцеловала мне руку.

Вскочила и ушла.

«Нет, это не Вырубова, — подумала я, вспомнив, как та ждала меня на вечере у знакомых. — Нет, это не она. Вырубова довольно полная, и, главное, она хромот. Это не она».

Я разыскала хозяйку.

— Кто эта дама в маске, которую вы мне подсунули? Хозяйка как будто была недовольна вопросом.

— Как же я могу знать, раз она в маске?

Во время ужина черные домино исчезли. Или, может быть, просто сняли маскарадный наряд.

Я долго присматривалась к незнакомым лицам, ища губы, целовавшие мне руку...

В конце стола сидели музыканты: гитара, гармонь и бубен. Те самые. Распутинские. Цепь... нить.

На другой день пришел ко мне Измайлов, страшно расстроенный.

— Случилась ужасная гадость. Вот прочтите.

Дает газету.

В газете сообщалось о том, что Распутин стал часто бывать в кругу литераторов, где за бутылкой вина рассказывает разные забавные анекдоты о чрезвычайно высоких особах.

— Это еще не все, — прибавил Измайлов. — Сегодня был у меня Ф. и говорил, что его неожиданно вызвали в охранку и допрашивали, кто именно из литераторов у него обедал и что именно Распутин рассказывал. Грозил высылкой из Петербурга. Но что противнее и удивительнее всего, так это то, что на столе у допрашивавшего его охранника Ф. ясно видел тот самый листок, который собственной рукой написал М-ч.

— Неужели М-ч работает в охранке?

— Неизвестно, он ли или кто другой из гостей Ф. Во всяком случае, надо быть очень осторожными. Если нас и не будут допрашивать, то следить за нами, конечно, будут. Поэтому, если Распутин будет писать или вызывать по телефону, то отвечать ему не следует. Впрочем, вашего адреса он не знает, да вряд ли и фамилию хорошо усвоил.

— Вот вам и мистические тайны старца! Розанова жаль. Такой прозаический бытовой конец...

— Барыня, вас два раза кто-то по телефону нарочно спрашивал, — смеясь, говорит мне горничная.

— Как так — нарочно?

— Да я спрашиваю, кто такой. А он говорит: «Распутин». Кто-то, значит, подшучивает.

— Слушайте, Ксюша, если он еще будет подшучивать, отвечайте непременно, что я уехала и надолго. Поняли?

Я скоро уехала из Петербурга. Распутина больше не видела.

Потом, когда прочла в газетах, что труп его сожгли, — вспомнила его, того, черного, скрюченного, страшного колдуна.

«Сожгут? Пусть сожгут. Одно не знают: Распутина убьют, и России конец.

Вспомни!.. вспомни!..»

Вспомнила.

Е.Ф. ДЖАНУМОВА

МОИ ВСТРЕЧИ С РАСПУТИНЫМ

Е. Джанумова «Мои встречи с Распутиным».
Издательство «Петроград», 1923 г.

Елена Францевна Джанумова. По данным агентов охраны за март 1915 г.: «поклонница Распутина, жена московского купца, 35 лет. Петроградский адрес: Мойка, 60». После эмиграции жила в Берлине. Дополнительных сведений не обнаружено.

15 марта 1915 г.

Неожиданно пришла беда. Получила письмо от сестры. Она пишет: нашу мать хотят вырвать из семьи и отправить в далекую ссылку. Не могу себе представить ее на чужбине совсем одну. Она ведь уже старая, нуждается в уходе и заботах. Какая жестокая и непонятная вещь война. Все приносится в жертву чудовищу Молоху. Вспомнили вдруг, что мать наша германская подданная, она, родившаяся в России, и хотят заставить ее покинуть Киев, где она прожила десятки лет. Мы все убиты горем. Такая же участь грозит московской сестре. Сослали ее мужа. Ее с детьми пока оставили, но каждый момент могут выслать. Виделась вчера с Марьей Аркадьевной. Она советует обратиться к Григорию Распутину, с которым знакома. Он должен на днях приехать в Москву. Останется у ее знакомых Решетниковых. Я много слышала о нем, говорят, он управляет Россией, все зависит от него, все судьбы государства Российского в его руках. Без его ведома не решается ни один государственный вопрос. Как это странно, какая-то сказочная судьба, ведь он простой невежественный мужик. Ничего не понимаю. В чем его сила? Он «необыкновенный», говорит моя знакомая, и всемогущий. Что же? Пусть познакомит. Если даже ничего не выйдет, любопытно взглянуть на него.

25 марта

Ну и день сегодня был. С утра Марья Аркадьевна позвонила мне по телефону: «У меня Распутин! Приезжайте завтракать». В двенадцать я уже была у нее. Когда я вошла, все сидели за роскошно сервированным столом. Распутина я узнала сразу, по рассказам я имела представление о нем. Он был в белой шелковой, вышитой рубашке навыпуск. Темная борода, удивленное лицо с глубоко сидящими серыми глазами. Они поразили меня. Они впиваются в вас, как будто сразу до самого дна хотят прощупать, так настойчиво пронизательно смотрят, что даже как-то не по себе делается.

Меня усадили рядом. Он пристально и внимательно поглядывал на меня. Потом вдруг без всяких предисловий

протянул стакан с красным вином и сказал: «Пей!» Я уже и раньше обратила внимание, что он всем — и старым и молодым — говорит «ты», но все-таки, когда он обратился ко мне, я удивилась. Так это странно прозвучало: «Пей!», но дальше пришлось еще больше изумляться. «Возьми карандаш и пиши!» — командовал он. Право, я не шучу, он так и сказал, привык, очевидно, распоряжаться. Ко мне потянулось несколько рук с карандашами и листочками бумаги. Ничего не понимая, я машинально взяла в руки карандаш.

— Пиши. Я стала писать.

— Радуйся простоте, горе мятущимся и злым — им и солнце не греет. Прости меня, Господи, я грешная, я земная, и любовь моя земная. Господи, творяй чудеса, смири нас. Мы твои. Велика любовь твоя за нас, не гневайся на нас. Пошли смирение душе моей и радость любви благодатной. Спаси и помоги мне, Господи.

Все почтительно слушали, пока он диктовал. Одна пожилая дама, с благоговением глядевшая на Распутина, шепнула мне: «Вы счастливая, он вас сразу отметил и возлюбил».

— Это ты возьми и читай, сердцем читай, — сказал он. Потом стал разговаривать с другими.

Заговорили о войне.

— Эх, кабы не пырнули меня — не бывать бы войне. Не допустил бы я государя. Он меня вот как слушается, а я бы не позволил воевать. На что нам война? Еще что будет-то...

После завтрака перешли в другую комнату.

— Играй «По улице мостовой...», — внезапно, без всякой связи с предыдущимскомандовал он.

Одна из барынь села к роялю и заиграла. Он встал, начал в такт покачиваться и притоптывать ногами в мягких сапогах. Потом вдруг пустился в пляс. Танцевал он неожиданно легко и плавно. Как перышко носился по комнате, приседая и выбивая дробь ногами, приближался к дамам, выманивая из их круга партнершу. Одна из дам не выдержала и с платочком вышла ему навстречу.

Кажется, никто не был удивлен. Как будто этот пляс среди бела дня был самым обычным делом.

— Ну довольно, — вдруг оборвал он и опять неожиданно обратился ко мне: — А ты, что же, по делу пришла? Ну пойдем, говори, что надо-ть, милуша?

Он удалился со мной в соседнюю комнату. Я изложила ему свое дело. Он задумался, потом сказал:

— Твое дело трудное. Сейчас и заикнуться о немцах нельзя. Но я поговорю с ею (это слово он произнес после паузы с особенным ударением), а она с им потолкует.

Оно, может, и выгорит. А ты должна ко мне приехать в Питер. Там и узнаешь.

В передней, прощаясь с Марьей Аркадьевной, я просила ее приехать ко мне.

— А ты, что же, меня не зовешь? Я приеду.

— Конечно, приезжайте. Я не звала, думала, вы очень заняты. Приезжайте к завтраку. Буду ждать вас завтра.

— Ладно. Побываем у московской барыньки.

Он говорил сильно на «о» — м-о-о-сковской. Протяжно и певуче.

Со странным чувством шла я домой. Так вот он какой, властелин России, в шелковой косоворотке! Чувство недоумения еще усилилось. В ушах звучали забористые звуки «По улице мостовой...». Мелькала бородатая фигура, развевались кисти голубого пояса. Четко и дробно выбивали такт ноги в мягких сапогах из чудесной кожи, какого-то особенного фасона. Глубоко сидящие глаза настойчиво вонзались в меня, и я не знала, что думать.

26 марта

Я очень устала за день, но непременно решила все записывать. Мое неожиданное знакомство с Распутиным так необычно. Мне хочется на страничках дневника хотя кратко все записать. Утром меня разбудил телефон. Беру трубку. Слышу заразительный смех Марьи Аркадьевны.

— Распутин ночевал у меня на квартире и с утра волнуется, собирается к вам. Он пришел ко мне просить духовитой помады, п-о-мады, знаете, как он на «о» — дух-о-витой. И ножниц для ногтей. На мой вопрос: «Зачем?», говорит: «А мы же едем к чернявой красотке». Ха-ха-ха, — заливается в телефон Марья Аркадьевна, — теперь вы у него просите все, что надо вам. Все сделает. Пользуйтесь.

Я поспешно пригласила своих близких знакомых, которым, как и мне, хотелось взглянуть на эту странную знаменитость.

К часу он явился в малиновой шелковой косоворотке, веселый, благодушный. Много разговаривал, перескакивая с одной темы на другую, так же как вчера. Какой-нибудь эпизод из жизни, потом духовное изречение, не имеющее никакого отношения к предыдущему, и вдруг вопрос к кому-нибудь из присутствовавших. Иногда, кажется, и не смотрит на кого-либо и внимания не обращает. А потом неожиданно уставится и скажет: «Знаю, о чем думаешь, милой». И, кажется, всегда верно угадывает. Говорил много о Сибири, о своей семье и деревенском хозяйстве.

— Вот какие руки. Это все от тяжелой работы. Не легка она, наша крестьянская работа.

Странно как-то звучали эти слова за столом, заставленным хрусталем и серебром. В голосе его чувствовалось самодовольство. Он во все стороны поворачивал узловатую руку со вздувшимися жилами.

В это время стали звонить по телефону. Кто-то просил Распутина немедленно приехать на званый обед с цыганами, который устраивали для него богатые сибирские купцы. Марья Аркадьевна заволновалась.

— Ты обещал поехать, нас ждут, — говорила она.

— Никуда я не поеду, мне и здесь хорошо, с дамочками. Скажи, что не поеду.

Марья Аркадьевна так волновалась, что у нее выступили красные пятна на лице.

— Так нельзя, немыслимо. Для тебя люди устраивают пиршество. Цыган пригласили. Все собрались, ждут, а ты не едешь. Ты же обещал. Надо ехать.

Но он настойчиво повторял:

— Скажи, что не поеду. Мне вот надо всем на память словечко оставить. Давайте бумагу.

Марья Аркадьевна вызвала меня в другую комнату и умоляла помочь уговорить его, так как она дала слово привезти его. Мы все начали просить его поехать и наконец уговорили.

— Ну ладно, поеду, а только мне и здесь хорошо. Ну, дамочки, берите на память.

Он роздал нам листы слов. Мне он написал: «Не избегай любви — она мать тебе». Одной даме — «Господь любит чистых сердцем». Моей горничной Груше, которая с жадным любопытством смотрела на него: «Бог труды любит, а честность твоя всем известна».

В передней ему подали роскошную шубу с бобровым воротником и бобровую шапку.

— Какая у тебя шуба хорошая, — сказала одна из дам.

— А это мне мои дантисты¹ подарили.

Он расцеловался со всеми нами. Это тоже его обычная манера при встрече и прощании.

27 марта

Марья Аркадьевна телефонировала, что Распутин уезжает в Петербург и просит меня проводить его на вокзал.

Когда я приехала, он стоял у вагона I класса, окруженный дамами. Его узнали в публике, и вокруг останавливались люди, с любопытством разглядывая его. Мне

¹ Известный процесс евреев-дантистов, обвинявшихся в том, что они приобрели фиктивные дипломы зубных врачей для права жительства в столицах. Они были осуждены, но по ходатайству Распутина Николай II аннулировал приговор.

было неловко подойти к нему, расталкивая толпу, под перекрестным огнем любопытных и насмешливых глаз. Да, известностью он пользуется широкой. К моему крайнему смущению, он обнял меня.

— Приезжай ко мне в Питер, Франтик (я забыла, кажется, сказать, что он прозвал меня «Франтик», переделав мое отчество). Все для тебя сделаю, только приезжай. Помни, если не приедешь, ничего не будет.

Он расцеловался со всеми провожающими и уехал. Что выйдет из этого знакомства? Будет ли толк для моего дела? Посмотрим, конечно, но, во всяком случае, я не жалею, что познакомилась.

12 сентября

Марья Аркадьевна уехала в Петербург и обещала напомнить Распутину о моем деле. Я получила от него телеграмму с дороги и записки. Вот одна из них: «Радую светом любви етим живу Григорий». Показала их Марье Аркадьевне. Она так же, как и я, ничего не поняла. Смеется, говорит:

— Это вот мы не ценим. А его почитательницы в каждом слове видят тайный смысл. Эти его каракули, которые и разобрать-то трудно, в дорогих шкатулках сохраняются, прикладываются к ним, как к священным предметам, и чем темнее смысл, тем лучше.

Сегодня Марья Аркадьевна телефонировала мне из Петербурга, что «отец», как его называют окружающие, очень обижен на меня. Он ждал меня все лето. Писал, не получая ответа; перестал хлопотать о моем деле. Если я хочу двинуть его, то должна приехать, говорит она.

Я решила съездить в Петербург. Может быть, действительно можно что-нибудь сделать для мамы. Она так мучится в ссылке. Я упрекаю себя за то, что не хочу ухватиться за возможность помочь ей. За это время я два раза была в Питере, но у Распутина не была. Его скандальная известность все растет, и мне, признаться, было страшно снова встретиться с ним. Ведь что делается вокруг него, какие слухи ходят о нем и о его окружающих! Но, может быть, это малодушие с моей стороны. Я отталкиваю от себя помощь и ничего не хочу сделать для мамы и сестры. Решено — я еду.

17 сентября

Я уже в Питере. Остановилась в гостинице «Северная», в комнатах Марьи Аркадьевны, так как не было свободного номера. В первый день она просила не звонить Распутину, так как ей нужно было вечером уехать по какому-то делу, а он будет требовать, чтобы мы немед-

ленно приехали. Она ушла. Я осталась одна и лежала с книжкой на диване. Телефон. Спрашивают Марью Аркадьевну. Я сказала, что ее нет. В ответ знакомый голос с певучими интонациями на «о»: «Что это, неужели ты, Франтик? Ты в Питере, а ко мне не заехала, по-очему так? Приезжай немедленно, сейчас же. Я жду».

Я не знала, что делать. Одной ехать не хотелось. Позвонила Марье Аркадьевне и сообщила ей о моем разговоре. Она сказала, что теперь делать нечего, придется ехать. Иначе он так разозлится, что из моего дела ничего не выйдет. Она сейчас же приехала, очень взволнованная.

— Ну, теперь начнутся упреки. Он всегда требует к себе исключительного внимания и очень мнителен. Я уж знаю его.

В это время пришел из соседнего номера знакомый Марьи Аркадьевны, господин Ч. Узнав, что мы собираемся к Распутину, он начал просить нас взять его с собой. Ему бы очень хотелось познакомиться со «всемогущим старцем», как называли его здесь. Мы согласились, но предупредили, что сначала войдем без него. Он будет ждать в автомобиле. Если Распутин согласится принять его, мы позovem.

Мы поехали на Гороховую, 64. Распутин сидел в столовой между двумя дочерьми. Марой и Варей. Встретил он нас, как мы и ожидали, — упреками: почему я не показывалась. Почему скрывает свой приезд. Когда он злится, лицо у него делается хищным, обостряются черты лица и кажутся такими резкими. Глаза темнеют, зрачки расширяются и кажутся окаймленными светлым ободком. Однако постепенно настроение у него улучшилось, и он развеселился. Расправились морщины, и глаза засветились лукавой добротой и лаской. Удивительно у него подвижное и выразительное лицо. Марья Аркадьевна улучила минуту и сказала, что с нами приехал знакомый, который жаждет познакомиться с ним и ждет его приглашения в автомобиле. Неожиданно он вскипел необузданным гневом. Лицо его пожелтело. Глаза мрачно и зло сверкнули, и он грубо закричал:

— А, так вот почему ты скрывала от меня свой приезд. Ты с мужиком из Москвы прикатила. Хороша. Просить меня о деле приехала, а сама привезла своего мужика. Расстаться с ним не смогла. Так вот ты какая. Я ничего для тебя не сделаю. Можешь уходить. У меня есть свои барыньки, которые меня любят и балуют. Уходите, уходите, — кричал он и побежал к телефону.

Мы были до того ошеломлены этой грубой выходкой, что сразу лишились дара речи. Бессмысленно стояли и смотрели на него. А он в это время вызвал кого-то по

телефону и говорил, задыхаясь, нервно вибрирующим голосом:

— Дусенька, ты сейчас свободна? Я иду к тебе. Ты рада? Ну жди, я сейчас буду. — Повесил трубку и с торжеством посмотрел на нас. — Мне не нужно москвичек, не нужно. Питерские барыни лучше вас, московских.

Обида и злоба душили меня. Я порывисто выбежала в переднюю и, несмотря на все усилия, не смогла сдержать слез. Надевая шубу, не попадая в рукава, я повторяла:

— Никогда нога моя больше не будет у этого грубого мужика. Ничто не заставит меня быть у него.

Мы бросились из его квартиры. Вдогонку он еще что-то кричал нам, но я не разобрала. Волнуясь и плача, мы рассказывали г. Ч. о тяжелой сцене, которую только что выдержали из-за него. Марья Аркадьевна была в отчаянии. Ей очень был нужен Распутин. Она хлопотала об очень важном деле. Но я уже не могла думать о деле, я не могла вынести мысли о нанесенном мне оскорблении.

18 сентября

Каково было мое изумление, когда утром рано в телефон я услышала мягкий голос Распутина: «Дусенька, не сердись на меня за вчерашнее, уж очень я был обижен. Я думал, ты приехала ко мне, а ты привезла с собой мужика. Я тебя так долго ждал. Мне очень обидно и больно было. Я и расвирепел. Нет, нет, ты не вешай трубку. Выслушай. Теперь я знаю, в чем дело: мне рассказала Марья Аркадьевна. Приезжай сейчас ко мне и брось сердиться».

Я ответила, что не приеду, так как слишком возмущена и свежа обида. Тогда он сказал, что сам немедленно приедет, и действительно, через час он приехал. Был очень кроток, ласков, извинялся, просил не сердиться. Но странно, смущен своим поступком он все-таки не был. И чувствовалось, что он даже не понимает нашей обиды. Что-то в нем до того первобытное, до того чуждое нашему пониманию, что даже сердиться нельзя. У меня даже как-то сразу обида прошла. Хитрый он и умный — это несомненно — и в то же время дикарь, не знающий удержу своим желаниям. Я улыбнулась своим мыслям о нем — уж очень он диковинный, а он, поняв, что я не сержусь, — засиял.

— Ну вот и ладно. У тебя душа простая, светлая, хорошая ты у меня, погляжу на тебя. Ну, а теперь давайте мне этого, из-за которого у нас сыр-бор загорелся. Хочу поглядеть на него. — В глазах мелькнуло на миг неуловимо лукавое выражение.

Когда вошел г. Ч., он с ним расцеловался. Они остались завтракать. Приехали еще несколько знакомых Марьи Ар-

кадьевны. За столом Распутин опять стал мрачен. Замолчал, хмуро и недружелюбно посматривая на гостей. Отозвал в сторону Марью Аркадьевну и стал упрекать ее, зачем она назвала гостей:

— С чего это ты ястребов этих привечиваешь?

Потом он удалился в спальную, где находилась горничная Марья Аркадьевна, Шура, и стал ей жаловаться:

— Мне так обидно. Зачем твоя барыня окружает Франтика ястребами (так он называл мужчин), они все так на нее смотрят. Она ко мне приехала, а тут слетелись со всех сторон. Я ей хочу помочь, только пусть она будет со мною, а не с другими.

Шура рассказывает, что он заплакал.

— Ей-Богу, барыня, так это чудно было. Жалостно так говорят, а слезы так и капают. Что это вы так расстраиваетесь, говорю я, жалко мне их очень стало. А они: «Обидно мне, милая, обидно» — и в грудь себя ударили. Уж так мне их жалко, так жалко, барыня.

К гостям он больше не вышел и скоро ушел, пригласив меня на воскресенье.

— Вот ты увидишь, Франтик, как меня любят и уважают. Не так, как вы, московские.

19 сентября

В столовой уже разместилось многочисленное, исключительно дамское общество. Шелка, темное сукно, соболь и шиншеля, горят бриллианты самой чистой воды, сверкают и колышутся тонкие эгретки в волосах, и тут же рядом вытертый платочек какой-то старушки в затрапезном платье, старомодная наколка мещанки, белая косынка сестры милосердия. Просто сервированный стол со сборным чайным сервизом утопает в цветах.

Он ввел меня за руку и представил всему оживленному обществу:

— Вот эта моя самая любимая, московская — Франтик.

Все почтительно и любезно поздоровались со мною. Меня посадили рядом с сестрой милосердия, которую все называли Килина. Я узнала впоследствии, что ее зовут Акулиной Никитишной. Она бывшая монахиня, оставившая монастырь ради Распутина. Всюду следует за ним и живет с ним на одной квартире. Мне налили чай. Я протянула руку за сахаром, но Килина, взяв мой стакан, сказала Распутину:

— Благослови, отец.

Он достал пальцами из стоявшей возле него сахарницы кусок и опустил его в мой стакан. Заметив мое удивление, Килина объяснила:

— Это благодать Божия, когда отец сам своими перстами кладет сахар.

И я действительно заметила: все с благоговением тянутся к нему со своими стаканами. Рядом с ним, по правую сторону, сидела хорошенькая изящная дама Саня П. (как я потом узнала), сестра А. В. Показывая на меня, он ей сказал:

— Это Франтик, когда поедешь в Москву, остановись у нее, у ней хата хорошая.

Мое внимание остановило одно лицо. Это была еще молодая девушка, не очень красивая, довольно пухленькая блондинка, очень просто одетая, без всяких украшений. Поражало выражение ее глаз, с беззаветным восторгом устремленных на Распутина. Она следила за каждым его движением, ловила каждое его слово; и безграничная преданность и обожание сквозили в каждой черте ее лица.

— Кто эта девушка? — тихо спросила я Килину.

— Это родственница Аннушки и племянница княгини П. Фрейлина двух императриц, любимица «отца», Муня, а это ее мать, — показала она на пожилую даму очень важного вида, так же восторженно смотревшую на Распутина, как и ее дочь.

— А вот и Дуняша. Иди-ка, иди к нам, — сказал Распутин.

В столовую вошла пожилая прислуга, дальняя родственница Распутина, как я узнала потом, игравшая большую роль в его доме.

Дамы засуетились, раздвигая стулья, очищая место Дуняше.

— Сюда, Дуняша, вот здесь место, — слышалось со всех сторон. — Посиди с нами, отдохни, а мы за тебя поработаем.

Дуняшу усадили, а одна из дам, эффектная брюнетка, стала собирать посуду.

— Баронесса К., — шепнула мне Килина.

Другая, пожилая, в фиолетовом бархатном платье и в палантине из роскошных соболей, поднялась со своего места. Оставив на стуле меха, она стала мыть чайную посуду. Это была княгиня Д. Когда раздавались звонки, Муня вскакивала и бежала открывать дверь. В передней она выполняла обязанности прислуги, снимая шубы и ботинки.

— Муня, — вдруг сказала Дуняша, — самоварчик-то весь выкипел, долить, поди, надо. Долей да угольков подбрось.

Муня сорвалась с места, схватила самовар и в сопровождении грузной дамы в платье гри-ле-перль, полноту которой артистически маскировали мягкие складки креп-дешина, отправилась на кухню. В их отсутствие в перед-

ней позвонили. Кто-то из дам открыл. В столовую вприпрыжку, право, иного слова и не придумаешь, стройная барышня в суконном платье безукоризненного покроя. Она быстро шла, вернее, неслась, как будто танцуя на ходу. Все блестело и сверкало на ней: драгоценные камни, какие-то брелоки, золотые кинжальчики у пояса и ворота и глаза, горевшие неестественным блеском. На ходу, звеня браслетами, она торопливо сдергивала замшевую перчатку, распространявшую тонкий нежный запах незнакомых мне духов, обнажая узкую руку с длинными пальцами, унизанную кольцами. Она так и бросилась к Распутину. Он обнял ее, она с жаром поцеловала его руку.

— Отец, отец, — звонко и радостно говорила она, улыбаясь какой-то странной, блаженной и вместе с тем растерянной улыбкой. — Ты мне велел, и все вышло по слову твоему. Моей тоски как не бывало. Ты мне велел другими глазами смотреть на мир, и мне так радостно и хорошо на душе. Знаешь, отец, — говорила она, все более увлекаясь и с каким-то экстазом глядя на него. — Я вижу голубое небо и солнце и слышу, как птички поют. Ах как хорошо, отец, как хорошо...

— Вот видишь, я говорил тебе, что надо другими глазами смотреть. Надо верить — и все увидишь. Надо слушаться меня — и все будет хорошо.

Он еще раз обнял и поцеловал ее. Она радостно засмеялась и снова поцеловала его руку.

Я не могла глаз оторвать от этой удивительной девушки. Мне казалось, что она плохо сознает окружающее, носится где-то далеко в каких-то грезах своих. Я узнала, что это дочь одного из великих князей.

Ее присутствие как будто наэлектризовало всех. Громче стали говорить и смеяться, как будто опьянение охватило всех. Чаше подходили к Распутину, заглядывали в его глаза, целовали его руку.

— Вот видишь, Франтик, как мы живем в Питере: светом любви радую я, сладостно всем, возлюбившим меня.

Настроение присутствующих все повышалось. Кто-то предложил спеть «Странника». Килина высоким, красивым сопрано запевала. Остальные дружно подтягивали. Низкий приятный голос Распутина звучал как аккомпанемент, оттеняя и выделяя женские голоса. Никогда я не слышала раньше этой духовной песни. Она похожа на народную. Очень красива и грустна, как большинство русских песен. Все настроились на грустный лад и стали петь псалмы. Взлетали вверх высокие ноты Килины, и мирно и мягко гудел голос «отца». Все это создавало такое торжественное и странное настроение. Я чувствовала себя также совсем необычно приподнятой. На щеках у великой

княжны зарделись два ярко-алых пятна, глаза мечтательно ушли вдаль, лицо ее выражало блаженство нестерпимое, доходящее до страдания. А Муня? Казалось, она слушает райскую музыку. И вдруг звонок прерывает пение. Приносят роскошную корзину роз и дюжину вышитых шелковых рубах разных цветов. От какой-то дамы в подарок. Он сделал знак Килине, чтобы отложить в сторону. Но пение больше не налаживалось. Началась беседа на религиозные темы.

— Надо смирять себя, — поучал он. — Проще, проще надо, ближе к Богу. Этих всяких ваших хитростей не надо. Ох хитры вы все, мои барыньки, знаю я вас. В душе вашей читаю. Хитры вы больно.

Внезапно, без всякого перехода он стал напевать «русскую». Сейчас же несколько голосов подхватило. Он махнул рукой в сторону великой княжны. Она вышла и все с той же восторженной и немного растерянной улыбкой стала плясать грациозно и легко. Навстречу подбочился Распутин. Но в этот раз он танцевал не так охотно, как в тот раз, в первый день нашего знакомства, и также внезапно прекратил пляс. Тотчас же смолкли звуки «русской». Уже некоторые стали прощаться. Я тоже собиралась уходить, но осталась, так как вошла женщина, сильно заинтересовавшая меня. Она была в белом холщовом платье странного покроя, в белом клобуке на голове, надвинутом на самые брови. На шее у нее висело много книжечек с крестами на переплете, двенадцать Евангелий, как мне объяснили. Она вошла, поклонилась в пояс, сначала ему, потом остальным, и припала к его руке.

— Генеральша Л., — сказала одна из дам.

Она что-то шептала Распутину, сложив руки и склоняя голову. Когда кто-нибудь громко говорил, она сердито и неодобрительно смотрела и наконец не выдержала:

— Здесь у отца, как в храме, надо с благолепием, — строго заметила она.

— Оставь их. Пусть веселятся.

— Веселие в сердце носить надо, — неумолимо продолжала она, — а снаружи смирения больше. Так-то лучше будет.

Стали расходиться. «Отцу» целовали руку. Он всех обнимал и целовал в губы.

— Сухариков, отец, — просили дамы.

Он раздавал всем черные сухари, которые заворачивали в душистые платочки или в бумажки и прятали в сумочки. Предварительно пошептавшись с некоторыми дамами, Дуняша вышла и вернулась с двумя свертками в бумаге, которые и раздала им. Я с удивлением узнала, что это грязное белье «отца», которое, они выпрашивали у

Дуняши. «Погрязнее, самое ношеное, Дуняша, — просили они, — чтобы с потом его». И носили его. Муня помогала одеваться. Одна из дам не хотела позволить надеть ей ботики.

— Отец учит нас смирению, — убежденно сказала Муня и, настойчиво взяв ногу в руки, натянула ботик.

Когда мы вышли на лестницу, я спросила одну из дам о женщине с Евангелиями, которая осталась в квартире Распутина.

— Это знаменитая генеральша Л., бывшая почитательница Илиодора. Теперь она чтит «отца», как святого. Праведной жизни женщина, как подвижница живет. Спит на голых досках, под голову полено кладет. Ее близкие умолили «отца» послать ей свою подушку, чтобы не мучилась так. Ну, на его подушке она согласилась спать. Святая женщина.

Мне казалось, что я вырвалась из сумасшедшего дома. Ничего не понимаю, голова кругом идет. Твердо решила уехать, несмотря на то, что дело не двинулось.

20 сентября

Утром он опять телефонировал и звал к себе. Но я заявила, что меня телеграфно вызывают в Москву и я должна уехать.

— А как же твое дело, дусенька, без тебя ничего не выйдет. Так и знай.

Я решила зайти проститься с ним и поговорить о деле.

Там сидела в костюме сестры княгиня Ш., женщина поразительной красоты с темными великолепными глазами. Он ел рыбу, она чистила ему картошку длинными тонкими пальцами, узкими в концах с перламутровыми ногтями. Никогда я не видела рук такой совершенной формы, разве только на картинах старинных итальянских мастеров. Она подкладывала ему картошку, он небрежно брал, не глядя на нее и не благодаря. Она целовала ему плечо и липкие руки, которыми он ел рыбу. Я много слышала о княгине Ш., которая забросила детей и мужа ради Распутина и четвертый год неотлучно следовала за ним.

— Ты не должен уезжать, отец, — продолжала она прерванный разговор. — Знаешь как ты нам всем дорог. Подумай о нас. Если что случится с тобой, как мы будем без тебя? Как стадо без пастыря.

Он отвернулся от нее и стал разговаривать со мной, не обращая никакого внимания на княгиню. Я чувствовала себя очень неловко.

— Вот, Франтик, я тебе книжку свою дам.

Он вынес из соседней комнаты книгу «Мои мысли и размышления. Краткое описание путешествия по святым

местам и вызванные ими размышления по религиозным вопросам. Ч. 1. Петроград, 1915 год». Книжка с двумя портретами. На одном из них он изображен растрепанный, в рубашке на постели, после покушения на него в Сибири. На первом листе он написал своими обычными каракулями: «Дорогому простячку Франтику на память. Григорий».

— Почитай, дусенька, на досуге. Ее нет в продаже.

Княгиня стала просить его пройти с ней в кабинет. Ей нужно было о чем-то посоветоваться с ним. Но он продолжал не обращать на нее внимания, как будто ее не было в комнате. Когда она зачем-то вышла, я спросила его, отчего он не хочет с нею пойти.

— Она может подумать, что это из-за меня, и мне это неприятно. Поговори с нею, сделай это для меня.

Когда она вернулась, он нехотя, с недовольным лицом, пошел в кабинет. Через пять минут они вышли. Он еще больше сердитый, она расстроенная, со слезами на глазах. Поцеловав ему руку, она уехала.

— Отчего ты с нею такой неласковый? — спросила я.

— Раньше я ее шибко, шибко любил, а теперь не люблю. Она вот все пристает теперь, чтобы я ее мужа министром сделал. А как я могу ее мужа министром сделать, когда он дурак. Не годится для этого дела.

Я хотела воспользоваться оборотом этого разговора, чтобы расспросить о его связях и влиянии при дворе. Меня это очень интересовало, но он избегал разговоров об этом.

— А ты разве можешь его министром сделать?

— Дело немудреное, отчего не сделать, кабы знал, что голова на плечах есть.

— А разве у всех министров есть головы на плечах? — шутя спросила я.

— Бывают всяко, — засмеялся он и сейчас же оборвал этот разговор.

Из-за двери показалась голова юноши. Он как-то странно хихикал и подмигивал.

— Это кто же там смеется?

— Сын мой Митька, блаженный он у меня. Все смеется. Все смешки ему да смешки.

— Ну покажи его мне. Позови сюда.

— Митька, а Митька...

— Гы-гы-гы, — захохотал юноша и скрылся.

— Ну-ка, Франтик, пойдем в кабинет. Тут вот все мешают, да телефон звонит. Нюрка, — позвал он, — если телефон, скажи, дома нет. Иди, дусенька.

Я неохотно пошла за ним. Он взял меня за руку, хотел обнять. Но так как я отстранилась, он с упреком сказал:

— Ты боишься меня, я знаю, а погляди на наших пи-терских, как они любят меня.

— На мой вопрос о деле он сказал:

— Я все для тебя сделаю, дусенька, но только и ты должна уважить меня и слушаться. Уговор лучше денег. Будешь делать по-моему — дело выгорит. Не будешь — ничего не выйдет.

Я сделала вид, что не понимаю его намеков, и говорила:

— Но мне надо уехать... Зовут меня.

— Ну что же, дело подождет. Вернешься, будешь со мною. Все и сделаем.

Глаза его горели так, что нельзя было выдержать его взгляда. Мне было жутко. Хотелось встать и бежать, но что-то сковывало мои движения, я не могла подняться.

— Из Царского телефон, — послышался за дверью голос Нюры.

Он сделал мне знак дожидаться его возвращения и направился в столовую. Я воспользовалась моментом, выскочила из кабинета и стала спешно прощаться, решив больше никогда не оставаться с ним наедине.

Вернулась в гостиницу, уложила свои вещи и записала эту последнюю свою встречу. От нее осталось неприятное ощущение, хочется поскорее уехать. Скоро отойдет поезд. Сейчас пойду на вокзал.

Москва 21 ноября 1915 г

Из моих хлопот ничего не вышло: и мать, и сестра были в ссылке. «Отец», конечно, ничего для них не сделал. До меня доходили слухи о все растущем неограниченном его влиянии на дела государства. Одновременно росло негодование. Постоянно приходится слышать о нем, его имя произносится с ненавистью. Странно подумать, что этот человек, в шелковой рубаше, окруженный хороводом дам, вершитель судеб нашей родины. Поистине мы живем в век чудес. Часто я вспоминаю Килину, блистательную княгиню Ш. с ее точеными руками, и Дуняшу за столом среди разряженных дам, и генеральшу в белом холщовом платье с двенадцатью Евангелиями на шее. Кажется иногда, что это все приснилось. Я получила от него несколько телеграмм, темный смысл которых я не могла разобрать. Вот одна из них: «Ублажаю мое сокровище, крепко духом из тобою. Целую Григорий». Другая: «Радую приветом, величаю спокойствием». Наверное, его почитательницы узрели бы в ник откровение, но я ничего не поняла. В одной из телеграмм была такая бессмыслица, что я запросила телеграф, думая, что перепутали, мне снова, ее перетелеграфировали, но она была все так же непонятна.

Сегодня я получила печальное письмо из Киева, моя племянница Алиса безнадежно больна. У нее скарлатина и дифтерит, осложненные воспалением легких и почек. Мало надежды на выздоровление. Я сидела расстроенная. В это время пришла моя подруга Леля. Она тоже в отчаянии. На днях должно разбираться ее запутанное семейное дело. Она думает, что проиграет его. У нее тяжба с братом ее мужа, они рискуют потерять свое состояние. Адвокат сказал ей, что только Распутин может помочь. Она пришла просить меня съездить в Петербург и познакомить ее с Распутиным. Я сказала ей, что ни о чем просить его не могу, так как он ставит невыполнимые условия. На это она возразила, что ее нужно только познакомить. Дальше уж она будет действовать самостоятельно. Леля очень хитрая и ловкая женщина, при этом хорошенькая. Яркая блондинка с голубыми глазами. Конечно, она добьется успеха и сумеет, прямо не отказывая, тянуть, пока он не исполнит ее просьбы. Я же на это не способна. Сказала ей, что не могу ехать, так как собираюсь в Киев. Она начала просить со слезами на глазах, чтобы я сегодня на ночь выехала с ней, утром познакомила бы ее и в тот же день могу отправиться в Киев. Долго уговаривала она, наконец я согласилась, и мы решили выехать, послав телеграмму сестре, чтобы она в Петербург сообщила о здоровье Алисы.

25 ноября

В Петербурге мы остановились в скромной гостинице, так как я боялась каких-нибудь выходов Распутина и не хотела компрометировать себя.

Тотчас же по приезде я позвонила ему по телефону 646—46. Он узнал мой голос и радостно закричал:

— Дусенька, ты в Питере, ну так сейчас же ко мне приезжай. Сию же минуту, я жду тебя.

Я сказала, что приехала с подружкой, которая хочет с ним познакомиться, но нам надо привести себя в порядок после дороги. Он ответил, что ждать не может, так как едет в Царское Село, но будет ждать нас к шести часам вечера.

Мы приехали в назначенное время. Он сам открыл нам дверь. Расцеловал меня и Лелю, которую видел в первый раз. Он был слегка навеселе. Из соседней комнаты доносились звуки музыки и пения. В столовой шумел самовар, стояли цветы, недопитые стаканы чая, торты, конфеты и вино. Он усадил нас и стал угощать. Леля сразу же начала выкладывать свое дело. Она сказала ему, что ищет у него защиты, зная, что он заступник и покровитель женщин. Муж у нее на фронте, она совсем одна, ее обижают, хотят разорить.

— Одна надежда на тебя, мне говорили о твоей доброте.

Говорила с ним так, как будто давно его знала, и очень умело ему льстила. Вздыхала, скромно опускала глаза, но из-под ресниц время от времени взглядывала на него своими голубыми глазами. Видно было, что она ему сразу понравилась. Все с большим интересом слушал он, не отрывая от нее своих светящихся глаз. Я сразу подумала, что все хорошо устраивается. По крайней мере, мне не будет угрожать опасность от его ухаживаний.

Вдруг влетела немолодая высокая дама в шелковом платье мордоре, возбужденная и красивая.

— Что же ты нас бросил, отец, — взволнованно заговорила она. — Приехали к тебе твои московские, и ты нас забросил. Нехорошо, отец. Мы без тебя не можем плясать и веселиться.

Он молча взял ее за руку, вывел и закрыл дверь. Снова уселся между нами, обнял меня и положил Леле руку на колени.

Немного погодя в передней послышался звонок. Вошла Дуня и сказала:

— Скорей, отец, собирайся, за тобой приехал автомобиль, тебя ждут в передней.

— Никуда я не поеду. Приехали мои московские, с ними буду.

Дуня настаивала и очень сердилась. Очевидно, она была заинтересована в этом деле. Быть может, ей обещали заплатить, и она боялась, что это дело расстроится.

— Что ты, отец, ошалел, что ли, — резко говорила она. — Люди ждут по делу, за тобой приехали, а ты что выдумал, ты же им давно обещал.

Она бросала на нас злобные взгляды. В полуоткрытую дверь передней виднелись мужские фигуры в шубах, нетерпеливо расхаживающие взад и вперед.

Задребезжал телефон. Он взял трубку, стал слушать. И вдруг его лицо расцвело. Казалось, смеется каждая морщинка на лице. Он подергивал плечами и подпевал: «Эх да тройка, снег пушистый».

— Ну-ко, послушайте, как поет знакомая барынька, хорошо поет, полковница одна, певица.

Я услышала в телефон цыганский романс под аккомпанемент гитары. Он снова взял трубку.

— Ну теперь, дусенька, спой «Барыню»: «Эх, барыня, барыня, барыня, сударыня...» — подпевал он, приплясывая с трубкой в руке.

Дуня яростно бросилась к нему.

— Ты чего расплясался, леший? Что выдумал, глаза бы мои на тебя не глядели, стыда на тебя нет, хоть людей

постыдился бы. Что скажут про тебя твои московские барыньки? Там люди дожидаются, а он что выдумал. — Она с сердцем вырвала у него трубку и повесила ее. — Ждут тебя, давай ответ.

— Ну хорошо, — вдруг миролюбиво сказал он. — Поеду, только с моими московскими. Так и скажи им.

Из передней вошли два молодых человека в дорогих шубах и начали почтительно просить нас оказать им честь поехать с Григорием Ефимычем и с ними к Дону. Там уже заказан кабинет. Мы согласились. Распутину принесли армяк на парчовой подкладке изумительной работы. Мы поехали.

В отдельном кабинете стол был уставлен разнообразными закусками и винами. Один из молодых людей, гладко выбритый, в смокинге, с бриллиантовыми запонками на ослепительном пластроне, озабоченно осматривал стол.

— А мадера, — вдруг заволновался он, — мы знаем, Григорий Ефимович, что вы мадеру пьете, только одну мадеру, а ее-то и нет.

Он стал звонить и сердито выговаривать явившемуся на зов лакею.

Распутин стал совсем другим. Держал себя во время ужина сдержанно и с большим достоинством. Много пил, но на этот раз вино не действовало на него, и говорил, как будто взвешивая каждое слово. И все время выщупывал глазами своих собеседников, как будто читал их мысли.

Ну и глаза у него. Каждый раз, когда вижу его, поражаюсь, так разнообразно их выражение и такая глубина. Долго выдержать его взгляд невозможно. Что-то тяжелое в нем есть, как будто материальное давление вы чувствуете, хотя глаза его часто светятся добротой, всегда с долей лукавства, и в них много мягкости. Но какими жестокими они могут быть иногда и как страшны в гневе. С нами он тоже был очень сдержан. Не шутил, не брал за руки, как обычно в дамском обществе. Время от времени пристально взглядывал на Лелю, очевидно, изучал ее. Тогда глаза его вспыхивали, но он молча отводил их и продолжал серьезный разговор. Политических тем явно избегал. Рассказывал о Сибири, звал всех к себе летом, на вольную волюшку, на просторы сибирские.

— Рыбу будем ловить, медом угощу, вы такого-то и не едали. У нас в Сибири цветы шибко духовитые.

Мы чувствовали себя очень усталыми и скоро уехали. Они довели нас в автомобиле до гостиницы и уехали куда-то в другое место.

С утра он позвонил к нам и просил немедленно приехать.

В столовой, куда он допускал только избранных, было много дам. В зале толпились просители. Кого здесь только не было. И студенты, и курсистки за пособиями, и священники, и светские дамы, и какие-то старухи, и военные аристократических полков, и монахини.

Он принимал просителей, вызывая их в кабинет. Но время от времени забегал к нам в столовую. Подойдет к одной, поцелует, обнимет, погладит по голове другую, даст поцеловать руку третьей. Побежит к телефону, поговорит. Потом снова на прием. Дамы охали и ахали, жалели его.

— Как трудится отец, сколько сил отдает он людям.

— И все-то к нему тянутся, всех-то он греет, всем-то он светит, как солнышко, — говорила Килина, проходя по столовой с озабоченным лицом.

— На части разрывают, покою не дают, замучили отца, — вздыхали дамы.

Около часу приехала фрейлина В-ва, с большим портфелем. Все домашние обращались с ней очень фамильярно и называли ее «Аннушкой». Она сейчас же прошла в приемную, вернулась с пачкой прошений, которые, наскоро просмотрев, сунула в портфель. Распутин торопливо выбежал и, бросившись на стул, стал отирать пот со лба.

— Силушек нет, замучился, — жаловался он. — Народу-то, народу сколько привалило. С утра принимаю, а все прибывает.

В-ва подошла к нему, начала его целовать и успокаивать.

— Я помогу тебе, отец. Часть просителей сама приму. С иными я и без тебя покончу.

И они вместе отправились в приемную.

Через некоторое время он вернулся со словами:

— Теперь Аннушка будет принимать, а я отдохну.

Он пристально посмотрел на меня и сразу заметил, что я расстроена чем-то. Мне было очень тяжело, так как я получила утром телеграмму, что Алисе хуже, я боялась за ее жизнь.

— Что с тобой, Франтик, ты такая печальная, что у тебя на душе?

Он взял меня за руку и повел в спальню. Это была узкая комната рядом со столовой, просто меблированная, с железной кроватью.

Я сделала знак Леле, она пошла за мной.

— Успокой Леночку, отец, — сказала она. — Подумай, какое у нее горе, у нее племянница умирает.

Я ему все рассказала и прибавила, что сегодня же должна уехать. Тут произошло что-то такое странное, что я никак объяснить не могу. Как ни стараюсь понять, ничего придумать не могу. Не знаю, что это было. Но я изложу все подробно, может быть, потом когда-нибудь и подыщутся объяснения, а сейчас одно могу сказать — не знаю.

Он взял меня за руку. Лицо у него изменилось, стало как у мертвеца, желтое, восковое и неподвижное до ужаса. Глаза закатились совсем, видны были только одни белки. Он резко рванул меня за руки и сказал глухо:

— Она не умрет, она не умрет, она не умрет.

Потом выпустил руку, лицо приняло прежнюю окраску. И продолжал начатый разговор, как будто ничего не было. Мы с Лелей удивленно переглянулись. Нам стало как-то не по себе. Хотелось спросить его, что это значит, что это он говорил и для чего это сделал. Но было почему-то неловко, и я продолжала ему отвечать, как будто ничего не произошло.

Его позвали от имени Аннушки. Она отобрала несколько просительниц, с которыми он должен был лично переговорить. В столовой еще больше было дам. Почти непрерывно звонил телефон, у которого стояла Нюра, его племянница. Она записывала какие-то адреса, отвечала на вопросы, звала к телефону то Килину, то Аннушку, то самого «отца». В передней раздавались звонки, прибывали новые посетители, приносили подарки, цветы, торты, какие-то вещи. От всего этого шума и суеты у меня разболелась голова. Я сказала Леле, что больше не могу выдержать. Она тоже смертельно устала, и мы с нею ушли.

Я собиралась вечером выехать в Киев, но получила телеграмму: «Алисе лучше, температура упала». Я решила остаться еще на день.

Вечером к нам приехал Распутин. Очевидно, Леля притягивает его, как магнит. Он отказался от какого-то обещанного ужина и очутился у нас. У нас произошел с ним любопытный разговор, по поводу которого я опять не знаю, что думать.

Я показала ему телеграмму.

— Неужели это ты помог? — сказала я, хотя, конечно, этому не верила.

— Я же тебе сказал, что она будет здорова, — убежденно и серьезно ответил он.

— Ну сделай еще раз так, как тогда, может быть, она совсем поправится.

— Ах ты, дурочка, разве я могу это сделать. То было не от меня, а свыше. И опять это сделать нельзя. Но я же сказал, что она поправится, чего ж ты беспокоишься.

Я недоумевала. В чудеса я не верю, но какое странное совпадение. Алиса поправляется. Что это значит? Лица его, когда он держал за руки, я никогда не забуду. Из живого оно стало лицом мертвеца, дрожь берет, когда вспоминаю.

28 ноября

Мы были у него вечером. Никого не было. Он велел всем говорить, что его нет дома.

Когда мы поднимались к нему, я заметила у подъезда двух сыщиков.

— Отчего это всегда сыщики тебя сопровождают?

— А как же? Мало ли ворогов у меня. Я всем как бельмо на глазу. Рады бы спровадить меня, да нет, шалишь, руки короткие.

— Тебя очень любят и берегут в Царском?

— Да, любят и он, и она. А он еще больше любит. Как же не любить и не беречь. Если не будет меня, не будет и их, не будет и Рассеи.

Мы переглянулись с Лелей. Я мысленно возмутилась его неслыханной самоуверенности.

— Ты, Франтик, думаешь, зазнался я? Знаю я хорошо твои мысли. Нет, дусенька, я знаю, что говорю. Как сказал — так и будет.

Невольно смутилась я. Меня всегда изумляет его проницательность. Он часто угадывает мои мысли и говорит, что я думаю.

Нюра позвала к телефону: говорят из Царского. Он подходит.

— Что, Алеша не спит? Ушко болит? Давайте его к телефону. — Жест в нашу сторону, чтобы мы молчали. — Ты что, Алешенька, полуночищаешь? Болит? Ничего не болит. Иди сейчас, ложись. Ушко не болит. Не болит, говорю тебе. Спи, спи сейчас. Спи, говорю тебе. Слышишь? Спи.

Через пятнадцать минут опять позвонили. У Алеши ухо не болит. Он спокойно заснул.

— Как это он заснул?

— Отчего же не заснуть? Я сказал, чтобы спал.

— У него же ухо болело.

— А я же сказал, что не болит.

Он говорил со спокойной уверенностью, как будто иначе и быть не могло.

— Ну, дусеньки, завтра пойдем с вами на обед к графине К. Будет много народу. Министры все.

— Но мы же не знакомы с хозяйкой дома.

— Ну так что же за беда. Со мной едете. Я вас везу.

Нам не хотелось афишировать свою близость с ним и ехать в незнакомый дом.

— Нет, нет, отец, мы не поедем.

— А вы все фокусничаете, — недовольно сказал он. — Все по-своему норовите. Ну ладно, я к вам после ужина привезу кого-нибудь из министров. Это я тебе, московская кокетка, — обратился он к Леле. — О деле поговоришь с ними.

7 декабря

У меня даже времени нет каждый день записывать. Несколько дней в руки не брала дневника. Из Киева приходят письма. Алиса поправляется, к удивлению всех врачей. Сестра считает это каким-то чудом. Время идет, а я все еще здесь, сама не знаю почему. Как будто какой-то вихрь завертел нас. Днем мы у него. Он звонит нам с утра и требует, чтобы мы приезжали, и опять разворачивается все та же пестрая картина. Как будто показывают нам кинематографический фильм. Каждый раз новый. В квартире с утра до вечера толкутся представители всех слоев населения. Крестьяне, ходоки в валенках и дубленых полушубках просят помочь миру в какой-то тяжбе с помещиком. Дама в глубоком трауре с заплаканными глазами хватается за руки «отца» и, всхлипывая, просит о чем-то. Военный в блестящем мундире одного из гвардейских полков скромно ждет своей очереди. Вот какой-то толстый господин с обрюзгшим лицом входит в переднюю в сопровождении лакея в меховой пелерине. Это какой-то банкир по спешному делу. Выходит Дуняша, шепчется, берет записку. Его принимают вне очереди. Какие-то польские беженки, студенты, монашки с котомками и фрейлины императрицы. Салопницы и дамы в костюмах Пакена и Дусе. Тут же сидел знаменитый скульптор Аронсон, лепящий его бюст. Все смешалось в одну толпу, лихорадочно ожидающую очереди. Истерически плачет какая-то женщина. Звонит телефон. То здесь то там появляется высокая фигура в мягких сапогах и шелковой косоворотке. Пронизывающе смотрят глубоко сидящие глаза. Разговор по телефону с Царским Селом и разговор с Лелей, требование встречи наедине. С каждым днем он все более увлекается ею и делается настойчивее. Каждый вечер он приезжает к нам. Говорит постоянно о любви. Начинает о любви человеческой, любви-радости, любви-благодати.

— Не суши свое сердце без любви. Без света любви душа потемнеет, и солнце тебя не будет радовать, и Бог отвернет от тебя лик свой. Любовь — благодать, которая должна радовать светом своим, стремиться всегда к но-

воту, и всегда это от Бога, и нельзя идти наперекор велениям Его. Пожелал я тебя — от Бога это, и грех отказывать. Без любви я силы своей лишаюсь, и ты отнимаешь от меня силу мою. Дай мне миг любви, и сила моя прибавит, и для дела твоего лучше будет.

Она умоляет меня не оставлять ее ни на один миг. Я очень устала от всего этого и хочу уехать, и сама не знаю, почему остаюсь. Как будто как-то парализована моя воля, и странно, мы обе не верим в него и очень критически относимся к нему. Но в его присутствии обе чувствуем какой-то острый интерес ко всему, что происходит вокруг него. Все это так необычно, и это притягивает. Сегодня утром заехала к нам жена полковника В., певица. Она стала упрекать нас, что мы мучим «отца».

— Все мы возмущаемся, видя его страдания. Почему вы не соглашаетесь принадлежать ему? Разве можно отказывать такому святому?

— Неужели же святому нужна грешная любовь?

— Какая же это святость, если ему нужны женщины?

— Он все делает святым, и с ним всякое дело свято, — не задумываясь, заявила полковница.

— Да неужели же бы вы согласились?

— Конечно, я принадлежала ему и считаю это величайшей благодатью.

— Но ведь вы замужем, как же муж?

— Он знает это и считает великим счастьем. Если отец пожелает кого, мы считаем это величайшей благодатью, и мы, и мужья наши, если у кого есть мужья. Теперь мы все видим, как он мучится из-за вас. Я решила все вам высказать и от имени всех почитательниц отца просить вас не мучить больше святого старца, не отклонять от себя благодати.

Мы с Лелей были возмущены этими словами и хотя уже ко многому привыкли у него в доме, но все-таки нас возмутил этот цинизм, прикрытый святостью. Довольно резко ответили мы г-же В. Она ушла, обиженная и недоумевающая. Вечером он снова приехал к нам. Видно было, что его страсть достигла наивысшего напряжения. Не стесняясь моим присутствием, он начал целовать Лелю и уселся на диван, не выпуская ее из своих объятий.

— Как тебе не стыдно, — сказала я, — тебя считают святым, а ты ее склоняешь к прелюбодеянию. Ведь это же грех.

— Какой я святой, я грешнее всех. А только грех не в этом. Греха в этом нет. Это люди придумали. Посмотри на зверей. Разве они знают грех?

— Да ведь звери — тварь неразумная. Зверь греха не знает, да зверь и Бога не знает.

— Не говори так. В простоте мудрость, а не в знании.

— Ну, а как же мое дело, — спросила Леля, желая переменить разговор. — Ты все обещаешь, отец, да ничего не делаешь.

— А ты тоже ничего не делаешь по-моему, все хитришь. Дай мне миг любви, и твое дело пройдет без задоринки. Коли любви нет, силы моей нет и удачи. Так вот и с Франтиком было. Больно люблю ее, душой рад помочь, да не вышло без любви. — Он нахмурился и стал нервно ходить по комнате. Лицо стало хищное, глаза злые и горячие. Леля вышла в другую комнату. — Есть у вас вино? Я хочу выпить. Какое?

— Белое есть.

— Нет; ты знаешь, что я пью только мадеру. Знаешь, Франтик, поезжай ко мне. Скажи Дуне, она даст.

Было уже 12 часов ночи, сильный мороз. Я опешила.

— Если тебе нужна мадера, позвони лакею. Он пошлет посыльного и привезет. Но я по таким поручениям ездить не буду.

— А я тебе говорю, что ты поедешь. Если я тебя посылаю, ты должна идти.

Он в упор смотрел на меня глазами, в которых разгорались и прыгали огни бешенства. Я невольно отвела глаза и вне себя крикнула:

— Ты не забывайся. Я не прислуга твоя и таких поручений исполнять не буду.

Леля, услышав крик, вбежала в комнату.

— Что тут у вас? Ты, отец, кажется, обижаешь Леночку?

Он бегал по комнате с искаженным лицом. Глаза метали молнии. Но постепенно он подавил дикую вспышку. Подошел ко мне и неожиданно обнял меня.

— Не сердись, Франтик, я это нарочно, хотел испытать: любишь ли ты меня. Кабы ты меня любила, ты бы меня послушалась. Пошла бы и в снег, и в полночь. Мои питерские барыньки не отказались бы. Каждая пошла бы с радостью. А ты, видно, не любишь.

— Да я тебе никогда и не говорила, что люблю.

Он замолчал и стал ходить по комнате. Вскоре он уехал.

10 декабря

Мы не пошли на обед с министрами, на который еще раз нас звал Распутин. Обрадовались возможности провести спокойно вечер. Легли около часу ночи. Только начали засыпать, стук в дверь и голос Распутина, который

требовал, чтобы мы открыли дверь. Мы не откликнулись. Стук усилился. Казалось, вылетит дверь.

— Открывайте же скорее, дусеньки. Мы ждем. Я привез министра.

Потом стук прекратился и шаги удалились. На другое утро мы узнали, что нас спас живущий напротив офицер. Услыхав неистовый стук, он вышел из номера и узнал Распутина и министра Х. Он стал смотреть на них в упор. Министр сконфузился и уговорил Распутина уехать.

17 декабря

Сегодня мы не пошли к «отцу». По телефону он начал просить нас провести с ним вечер в «Вилле Роде». Послушать цыган. Мы решили не ехать, боясь скандала. Но он продолжал настаивать.

— И не думайте отказываться, дусеньки, я за вами еду, и вместе отправимся.

Мы с Лелей сговорились пораньше уехать к ее сестре, чтобы он не застал нас. Иначе нам не удалось бы отговориться и пришлось бы сопровождать его. Так мы и сделали.

Он приехал за нами, но никого не нашел. На его вопрос, где мы, швейцар сказал, что мы уехали в театр, но он не знает в какой.

Когда мы вернулись домой, швейцар, знавший, что это Распутин, с улыбкой сообщил нам:

— Были Григорий Ефимыч и очинно сердились на вас.

После долгих колебаний и просьб с нашей стороны он передал нам весь разговор.

— Ругались они очень, говорили: «Вот оне, московские барыни, обещали со мной поехать, а, наверное, со своими мужиками удрали». Всего и сказать нельзя, — прибавил швейцар. — Уж очинно рассердившись были.

18 декабря

Утром по телефону меня спрашивает Килина, не ночевал ли у нас «отец». Когда я с возмущением сказала, как она может такой вопрос предлагать, она удивилась, что я обиделась.

— Если бы это было так, это ваше счастье бы было. Он уехал вчера вечером, сказал, что к вам, не вернулся — ну, думаем: согласилась московская барыня благодать принять, а вы — в обиду. Да где же он? Его ждут просители.

Час спустя опять звонок. Килина сообщает: «отец» нашелся, всю ночь провел с цыганами, просит нас немедленно приехать. Я сказала Леле, что не поеду. Довольно с меня.

— Он тебе нужен, ты и поезжай.

Ей пришлось ехать одной. Однако не пришлось мне и сегодня побыть наедине. Леля вскоре позвонила и сказала, что очень советует мне приехать. Много интересного увижу. Я собралась и поехала.

Передняя была полна людьми, в столовой взволнованные дамы стояли кучками и о чем-то испуганно шептались. Тут была княгиня Ш., Килина, Муня и другие обычные посетительницы, а также несколько мужчин.

Из соседней комнаты доносился звон разбиваемой посуды. Вошел Распутин с бутылкой вина. Он был очень бледен. Волосы прилипли к вискам, на лбу резко проступили крестообразные глубокие морщины. Глаза горели мрачно. Жутко было глядеть в них. Он подошел к сидевшей за столом жене полковника В., которая приезжала уговаривать Лелю не мучить «отца». Он налил в чайные стаканы вина и велел пить ей и ее мужу, стоявшему тут же.

— Ради Бога, отец, пожалей меня. У меня сегодня концерт, и я не могу пить. Ты знаешь, что я пою сегодня. Ты обещал позвонить министрам, чтобы они были у меня на концерте.

— А ты пей.

Она нехотя немного отпила и снова начала просить, чтобы он позвонил министрам. Он велел Нюре соединить его с Б. Когда она вызвала, он взял трубку.

— Сегодня концерт моей хорошей барыньки, она сейчас к тебе приедет с билетом. Смотри же, не отказывай и на концерт приходи.

Потом он последовательно говорил в таком же тоне приказа с Б. и Х.

— Смотри же, не пропусти концерта моей барыньки, — говорил он Х.

Около стены сидели два священника с большими золотыми крестами на груди. Они с удивлением смотрели на все происходящее: очевидно, это было им внове.

— Ну и кутил же я, поп, — обратился он к одному из них. — Одна така хорошенька цыганка пела, ну и пела же. «Еду, еду, еду к ней, еду к любушке своей», — запел он.

Один из священников, опуская глаза, сказал нараспев:

— Это, отец, серафимы, херувимы тебе пели. Ангелы в небеси.

Я с удивлением всматривалась в священника: как это он решился среди его обожательниц и почитательниц так дерзко посмеяться над «отцом». Я ожидала взрыва негодования. Но все спокойно слушали, а священник повторял совершенно серьезно:

— Ангелы в небеси. Ангелы во славе своей пели.

— Говорю тебе цыганка, така хорошенька, молоденька.

— Серафимы, херувимы поют тебе райскими голосами, — говорил священник.

Распутин ухмыльнулся, махнул рукой и пошел в переднюю к просителям. Оттуда он провел за руку молодую, очень хорошенькую девушку, польку, беженку. Посадил и заставил пить вино.

— Смотрю я на тебя, ты хорошенькая. И носик у тебя и зубки хорошенькие, а не люблю я тебя, а этих московских баб люблю. Замучили они меня. Из-за них всю ночь кутил. Распалили они сердце мое. Хотел забыть обиду, а не могу.

Он сделал несколько шагов по направлению к Леле, круто повернул. Ушел в соседнюю комнату, где снова яростно стал бить посуду. За ним по пятам ходила Дуня с испуганным лицом, но говорить ничего не решалась, хотя обычно очень грубо и решительно с ним обращалась.

Но сейчас он был страшен. Лоб бороздили крестообразные морщины. Глаза пылали. Было что-то дикое в лице. Казалось, всякую минуту может наступить взрыв и разразится необузданный гнев, все сметая на своем пути.

Нужно было видеть лица окружающих. Все притихли, чуть слышно шептались. Муня так и замерла, с каким-то священным трепетом взирая на своего кумира. Меня поразило, что все видели перед собой не пьяного мужика, а какое-то разъяренное божество и трепетали перед гневом его, как перед гневом самого Бога Саваофа. Лица некоторых женщин выражали восторг... Звонок по телефону... Из Царского Села требование немедленно приехать. Бросились за ним. Стали уговаривать ехать в баню протрезвиться, а потом скорее в Царское. Дамы окружили его. Одна из них предлагала свои парные сани.

— Ты знаешь моих лошадей, как птицы понесут. Сначала прокачу тебя в санках, на морозе сразу легче будет. А потом повезу в баню. Ты знаешь, это тебе всегда помогает.

Дама эта была одна из самых его горячих поклонниц, немка, госпожа Г., принявшая из-за него православие. Наконец он согласился. Принесли новую белую шелковую рубашку, суконный армяк на парчовой подкладке, другие сапоги. Он тут же при всех стал переодеваться. Дамы помогали ему, подавали сапоги. Потом надели шубу. Госпожа Г. и Муня вели его под руки. Он весело напевал и прищелкивал пальцами:

— Еду, еду, еду к ней, еду к любушке своей...

Вечером я заявила Леле, что уезжаю. Она еще пробовала уговаривать, но я решительно отказалась остаться. Я до того устала от всех этих встреч. Чувствую, сил моих нет больше. С Распутиным простилась по телефону. Он говорил со мною после возвращения из Царского. Хмель исчез. Снова бодрый и веселый и снова зовет нас на большой обед с цыганами.

— Я всех своих барынек заберу туда. Оставайся, Франтик.

Но я простилась с ним, пообещав еще раз приехать.

Москва 26 декабря

Наконец вернулась из Петербурга и Леля. Она привезла мне от Распутина письмо, которое я, по обыкновению, не поняла. Как всегда, обрывки непонятных фраз.

Леля рассказала мне, что ей все-таки пришлось поехать на этот вечер, на который он хотел свезти всех своих барынь. За ней заехали на автомобиле Лидия Б., Муня Г. и Килина. Секретарь Питирима, все зовут его Ванька, сидел рядом с шофером. Вечер был в особняке, исключительном по роскоши и великолепию. Был весь высший свет. И старая аристократия, и чиновная знать. «Отец» был очень весел, много пил, плясал. Постоянно подходил к Леле, уводил ее в уединенные уголки и с горящими глазами снова и снова говорил ей о «миге любви» и что он ей больше не позволит отвертеться от решительного свидания с ним наедине. На вечере было много музыки. Пели цыгане и русский хор. После ужина один молодой человек просил Лелю аккомпанировать ему. Она встала и направилась к роялю. Распутин мрачно следил за ними. Когда она кончила и села с певцом на диванчике за трельяжем, она услышала голос Распутина:

— А, так вот ты какая? — Вслед за этим слышались его истерические рыдания и просьба подать чернила и бумагу. — Хочу все про тебя написать Франтику, она поймет и пожалеет.

А. Н. П-в¹, стоявший поблизости, принес ему бумагу. Распутин присел в кресло и написал мне письмо, которое отдал Леле со словами:

— На, свези Франтику, простячку моему, она не такая, не вертит, как ты.

Теперь, когда она рассказала мне обстоятельства, при которых написано письмо, смысл стал яснее. Вот оно:

¹ Впоследствии был министром, ставленник Распутина

«Милой дорогомому моему Франтику злюсь на ты нешли тех хитрушек зной дусенька моя тех непосылай она очень для других дай простячков. Приезжай ко мне чувствую я с тобо

Слезы каплют
Душа стонет
Радою радостью со мною Григорий».

После этого вечера Леле пришлось уехать, так как он ей прямо заявил, что больше ее хитростей, как он выражался, терпеть не будет.

— Порадуй мигом любви, и все пойдет хорошо для дела твоего. А если не хочешь, ничего не сделаю.

Она на это не могла согласиться и должна была уехать, отказавшись от хлопот о своем деле.

26 мая 1916 г. Москва

Два дня я провела как в чаду. До сих пор опомниться не могу. 23-го приехал Распутин, и я неожиданно провела в его обществе два дня и одну ночь. Вот как это вышло: расскажу все по порядку.

В телефон слышу забытый уже, певучий голос:

— Здравствуй, Франтик, здравствуй, дусенька. Приехал к вам в Москву. Звоню с вокзала. Сейчас еду к Решетниковым на Девичье Поле. Приезжай завтракать. Хочу тебя видеть. Соскучился очень.

Я спросила, может быть, пригласить Лелю?

Он ответил:

— Нет, я на нее очень зол. Больно хитра она. Не люблю таких хитрушек. И не вспоминай мне о ней. Не хочу и слушать.

Мне было, конечно, любопытно снова взглянуть на него.

Г-жа Решетникова была поклонница всяких духовных знаменитостей, которые всегда у нее останавливались при приезде в Москву. Увлекалась Иоанном Кронштадтским, Илиодором. Варнава постоянно бывал у нее.

К часу я приехала в ее старинный особняк. Открыл двери монах. В передней сидят такие старушонки, богомолки в черном. Прошу сказать о моем приходе Григорию Ефимовичу. Он сам выбегает и, по своему обыкновению, бросается целовать.

Он похудел за это время. Лицо удлинилось, и морщин прибавилось. Но глаза все те же. Так же светятся и пронизывают. Увел меня в какую-то комнату со старинной массивной мебелью. В углу в темных киотах почерневшие лики старых икон. Ризы сверкают драгоценными камнями. Стулья красного дерева со спинками в виде лир. Угловые диваны с инкрустациями.

За нами вошел монах с большим крестом на груди. Он погрозил шутливо пальцем.

— Ой, Григорий Ефимович, все-то я скажу твоей Федоровне, как ты тут любезничаешь со своими барыньками. — И он двусмысленно ухмыльнулся.

— Нечего зря языком трепать.

(Жену Распутина звали Прасковья Федоровна, государыню — Александра Федоровна.)

Со мной монах — то был Варнава — поздоровался, перекрестил и спросил, как меня зовут.

— Еленой, значит, ты третьего дня именинница? Вот пожертвуй во здравие свое мне на храм Господний. А то, может, ковер у тебя есть, отдай на церковь.

Распутин недовольно прервал этот разговор:

— Пойдем в столовую, Франтик, там ждут.

За столом сидела старуха, лет восьмидесяти, окруженная несколькими старыми женщинами. Меня усадили между Распутиным и старухой, сестрой Варнавы, напротив молодого офицера, грузина. Я узнала, что он специально командирован, чтобы следить и охранять Григория Ефимовича. Рядом с Варнавой сидела молодая купчиха с крупными бриллиантами в ушах. Она умиленно заглядывала ему в глаза и громко смеялась его шуткам. Распутин молчал. Говорил больше Варнава. Старухи льстили и тому и другому, не зная, кому более угодить. К концу завтрака Распутин сказал:

— Я к тебе на обед приду, вот с им, — прибавил он, указывая на адъютанта.

Дамы запротестовали: «Ну вот, отец, ты как солнышко в тучах, только успеешь показаться и сразу спрячешься. Мы тебя совсем и не видели».

— Нет, я еще к вам вернусь, а мне к ней нужно.

— Известно, стоит только показать тебе хорошенькую барыньку, так тебя больше и не увидишь, — заметил Варнава.

Видно было, что эти слова ему не понравились, и он сердито блеснул глазами в сторону говорившего.

В передней, куда он один пошел меня провожать, он мне сказал:

— Слыхала, что мне ввернул Варнава? Это он мне завидует. У, хитрюга, не люблю его.

Я поспешила домой, по дороге заехала к Елисееву, купила мадеры, закусок, заказала в ресторане рыбный обед, позвонила своим знакомым, желающим видеть Распутина.

К семи часам вечера он приехал со своим адъютантом. Распутин был весел, шутил, как обычно, неожиданно перебрасываясь от одной темы к другой. Часто

говорил намеками, так что не все понимали, о чем идет речь.

— У тебя хорошо, душа радуется. Задних мыслей у тебя нет. За это люблю тебя. А этот, слышала, и не любит же он меня, ох не любит. Глаза-то у него так и бегают. — Это он говорил о Варнаве.

Он внимательно ко всем присматривался, так и пронизывал своими огромными глазами каждого человека. Почему-то особенно подолгу останавливался его взгляд на г. Е., который сидел рядом со своей женой. Когда-то он был моим женихом, но потом обстоятельства сложились так, что мы разошлись. Об этом никто не знал. Он был давно женат и счастлив. Я тоже была замужем.

После обеда Распутин вдруг сказал мне:

— А ведь вы друг друга когда-то очень любили, но ничего не вышло из вашей любви. Оно и лучше, вы не подходящие, а эта жена ему больше пара.

Я была поражена его изумительной пронизательностью. Не было никаких признаков, по которым он мог узнать о том, что так давно было и о чем мы сами совсем забыли. Это действительно какое-то ясновидение.

К концу обеда он заявил:

— Позови цыган. Хочу цыган слушать.

Мне не хотелось согласиться на это, но он продолжал настаивать. Г. Е., видя мое затруднительное положение, предложил лучше поехать самим к цыганам. На что он охотно согласился. Мы собрались всей компанией и поехали.

У «Яра» сразу узнали Распутина и, боясь скандала, как это уже было при одном из его посещений, дали знать в градоначальство. Оттуда откомандировали двух чиновников особых поручений. Они вскоре прибыли и вошли в наш кабинет, попросив разрешения присоединиться к нашей компании в видах охраны. Кроме того, появилось еще несколько человек тайных агентов.

Пришел цыганский хор во главе с Настей Поляковой. Распутин потребовал фрукты, кофе, печенье, шампанское. До чего много он мог пить — поверить трудно. Другого давно бы все выпитое свалило с ног, а у него только глаза разгорались, лицо бледнело и резче обозначались морщины.

— Ну-ка, лебедушки, затягивайте! «Две гитары за стеной жалобно стонали...»

Он слушал, опустив голову.

— Эх, славно выводит Настенька, вот так за сердце и хватает.

Еще раз, еще раз,
Еще много, много раз

Вдруг вострепнулся он, вскочил и подхватил припев полным голосом.

— Ну-ка, Настенька, теперь выпьем. Люблю я цыганские песни, душа рвется от радости.

Настя довольно недружелюбно отвечала на его слова и сурово смотрела на него. Я обратила на это внимание и спросила кого-то из окружающих, отчего это цыганский хор как будто неприязненно настроен. На это мне ответили, что в один из его приездов был грандиозный скандал, который кончился неприятностями для хора, поэтому они сейчас пошли неохотно и держали себя настороженно. Я невольно испугалась за себя и своих друзей. «Не попасть бы и нам в какую-нибудь историю, — мелькнула мысль. — И зачем я поехала, ведь я раньше никогда не соглашалась сопровождать его в публичных местах. Зачем я согласилась?» Нужно было бы встать и незаметно удалиться. Но как-то захватил водоворот. «Будь что будет», — опять пронеслась мысль. И я осталась.

— Мою любимую, любимую теперь, — командовал Распутин. — «Эх да тройка, снег пушистый». — Бледный, с полузакрытыми глазами, с черными прядями волос, спадавших на лоб, он дирижировал. — «Еду, еду, еду к ней...» — подхватывал он, и в голосе его было столько расpalенной страсти и стремительной удали.

Эти интонации его голоса врезались в моей памяти. И его лицо с полузакрытыми глазами, которые казались огромными и пылающими, когда он их раскрывал внезапно. Все-таки какая мощная стихийная сила заложена в этом человеке.

Компания наша все увеличивалась. Постоянно кого-нибудь из нас вызывали, просили разрешения присоединиться к нашей компании. Крупные фабриканты К. узнали, что я здесь, и просили представить их Распутину. Какие-то англичанки, приехавшие недавно с военной миссией, умоляли разрешить им остаться, чтобы посмотреть на Распутину. Они уселись в углу и смотрели на него, не шевелясь, не спуская глаз. Нас было около тридцати человек. Кто-то предложил ехать в «Стрельну». Мы собрались. Уезжая, наша компания хотела заплатить по счету. Но лакей, почтительно изогнувшись, заявил, что уже все заплачено чиновниками из градоначальства.

В «Стрельне» мы заняли обширный кабинет, выходящий окнами в зимний сад. Публика вскоре узнала, что с нами Распутин. Влезали на пальмы, чтобы взглянуть в окно на Распутину. Вино лилось рекой. Он настойчиво угощал хор шампанским.

— Ну-ка, славить Григория Ефимовича, — предложил кто-то из хористов.

— «Выпьем мы за Гришу, Гришу дорогого», — хор заметно пьянел. Начиналась песня, внезапно обрывалась, прерываемая хохотом и визгом. Распутин разошелся во всю. Под звуки «русской» он плясал с какой-то дикой страстью. Развевались пряди черных волос, и борода, и кисти малинового шелкового пояса. Ноги в чудесных мягких сапогах носились с легкостью и быстротой поразительною, как будто выпитое вино влило огонь в его жилы и удесятило его силы. Плясали с ним и цыганки. Время от времени он дико выкрикивал что-то. Такого безудержного разгула я никогда не видала. В кабинет вошли два офицера, на которых сначала никто не обратил внимания. Один из них подсел ко мне и, глядя на пляшущего Распутина, сказал:

— Что в этом человеке все находят? Это же позор: пьяный мужик отплясывает, а все любят. Отчего к нему льнут все женщины?

Он смотрел на него с ненавистью. Дело шло к рассвету. Ресторан закрывался. Мы поднялись, оказалось, и здесь счет был уплачен чиновниками. Не знаю, кто решал и как это вышло, но мы уже мчались в автомобиле в какой-то дальний загородный ресторан. После душного воздуха кабинета так хорошо дышалось чистым весенним воздухом.

В ресторане, куда мы подъехали, был большой сад. Мы устроились в беседке с цветущей сиренью, обрызганной росой. Было чудное утро. Пели птицы, всходило солнце.

— Благодать какая, красота Божья, — говорил Распутин, усаживаясь за столиком.

Нам подали кофе, чай, ликеры. Офицеры тоже были с нами. Они перешептывались между собой. Один из чиновников стал расспрашивать, кто их знает, кто допустил их в наше общество. Оказалось, их никто не знает. Они о чем-то сговаривались и спорили взволнованным шепотом, кто первый подойдет. Чиновники попросили их удалиться. Они запротестовали. Поднялся шум и спор. И вдруг раздался выстрел. Кто первый выстрелил, я не знаю. Начался переполох, свистки, крики, с некоторыми дамами истерика. Кто-то толкал нас к выходу. Кто-то тащил меня за руку, усадил в автомобиль. И рядом устроили Распутин, который упирался и не хотел ехать. Все это произошло так быстро, что я и опомниться не успела. Уж мы летели. В ушах еще звучали выстрелы и крики. Все мы очень переволновались. Распутин сразу оправился от волнения, но угрюмо молчал.

— Не любят меня вороги мои, — сказал он и снова погрузился в молчание.

Повезли нас всех на квартиру г. Е., моего знакомого. Нам сообщили по телефону, что офицеры арестованы, они

заявили, что покушаться на жизнь не хотели, но имели намерение избить Распутина. У Распутина лицо пожелтело. Он сразу как будто постарел на несколько лет. Нервы у всех после бессонной ночи и волнения в загородном ресторане разошлись. Произошел неожиданный инцидент с женой фабриканта К. Она спросила его:

— Отчего ты не уберешь из России жидков? Житья от них нет.

— Как тебе не стыдно так говорить, — ответил он. — Они такие же люди, как и мы. Наверное, каждый из вас знает хоть одного хорошего человека-еврея, хотя бы зубного врача. — Потом он ей сказал: — Хочу с тобой поговорить.

Они вышли и пробыли минут пятнадцать. Когда вернулись к нам, она ему говорила:

— Какой ты умный. Вот я и не думала, что ты такой умный.

— А что же ты думала?

— Да я думала, что ты просто жулик.

Он грустно посмотрел на нее и сказал:

— Мне легче бы было, чтобы те офицеры меня ударили, чем от тебя, женщины, такие вещи слышать.

Вмешался адъютант.

— Как вам не стыдно так обижать Григория Ефимовича. В моем присутствии я не позволю так говорить.

Она оправдывалась: ведь это она говорила не свое мнение, а слышала от других.

— Мало ли что я о вас слышал. Например, что ваш муж на гонках погиб не случайно, а кончил самоубийством из-за вас, но я вам этого не говорил.

С нею сделалась истерика.

Она ушла, рыдая, заявив, что ее, беззащитную женщину, здесь обижают. Распутин молчал.

Скоро и я ушла, так как валилась с ног от усталости. Моя квартира была почти рядом. Я легла и сразу заснула как убитая. Через час меня разбудил длительный звонок телефона. Было 10 ч. утра.

— Вы знаете, «отец» пропал, — говорил грузин. — Не у вас ли он? Мы его уложили в кабинете на диване. А он незаметно ушел и неизвестно куда. В час мы должны ехать к генеральше К. Мы все приглашены, а он и отдохнуть не успеет.

Мне не пришлось уснуть, так как беспрерывно звонил телефон, справлялись о Распутине, просили звонить во все концы. По словам грузина, по всему городу были разосланы агенты. Около часу в моей квартире звонок. Я услышала в передней голос Распутина:

— Франтик, ты готова?

— Где же ты был? — спросила я через дверь. — Тебя ищут по всей Москве. Всю полицию на ноги поставили.

— Ну, не все ли равно, где был, — засмеялся он. — А вот я привез к тебе барыньку новую. Хочу тебя с нею познакомить. Она хорошая.

Я была еще не одета и наотрез отказалась выйти и принять незнакомую барыню. Она простилась с ним и ушла, а он остался ждать в гостиной. Так я и не узнала, где он был и какую барыню привез. Я протелефонировала грузину, что «отец» у меня. Вскоре он явился, и мы втроем отправились к генеральше.

У генеральши К. в великолепной гостиной со стильной мебелью ампир ждало нас многочисленное общество. При нашем появлении распахнулась дверь в столовую красного дерева, и нас пригласили к завтраку. Богато сервированный стол утопал в цветах. Дорогой севрский фарфор, хрусталь, старинное серебро. Перед каждым прибором в красивой вазе стояли цветы. Дамы были в светлых весенних туалетах. Уже все были в сборе. Оставалось незанятым одно место. Ждали польскую графиню-беженку, которая хотела познакомиться с Распутиным. Наконец пришла и она в элегантном сером платье с жемчугом. Генеральша встала ей навстречу и подвела к Распутину. Он, по своему обыкновению, пристально, в упор стал смотреть в ее глаза. Она пошатнулась. Стала пятиться, дрожать и вдруг повалилась в истерическом припадке. Она кричала и билась. Ее подхватили и увели в спальню. Мы завтракали, смущенные неожиданным эпизодом с графиней. Пришли сказать, что ей лучше, но она не может выйти к столу. Распутин пошел к ней. Там он ласково к ней подошел, стал гладить и что-то говорить. Но с ней опять повторился припадок.

— Не могу, не могу вынести этих глаз, — кричала она. — Они все видят. Не могу.

Когда он вернулся к нам, все дамы стали просить его дать на память карточку. Он сказал, что у него нет сейчас фотографий. Все разошлись. Я вспомнила, что один начинающий художник, мой знакомый, открыл художественную студию и просил меня привести к нему Распутина, если он будет в Москве. Предложила ему поехать. Он согласился. Я протелефонировала художнику, предупредив, чтобы не было посторонних. Мы отправились в сопровождении грузина. Нас встретили две горничные и несколько помощников фотографа. Я удивилась многочисленности его персонала. Как оказалось, это были переодетые дамы, знакомые художника, которые хотели взглянуть на Распутина. Его сняли в нескольких видах. Он хотел непременно сняться со мною.

— Хочу с тобой, Франтик, снимайте нас.

Но я, предвидя это заранее, как только мы вошли в квартиру, предупредила художника, что я не хочу сниматься вместе. Мы уселись, щелкнул аппарат с закрытым объективом.

Возвращаясь к генеральше, он не захотел ехать на автомобиле, сел со мною на извозчика, а адъютанта просил сесть на другого.

— Я тебя обижал в Питере, — говорил он. — Ты меня прости. Худо я с тобою говорил. Ведь я простой мужик, у меня что на сердце, то и на языке.

Снял шапку. Ветер развеивал во все стороны его волосы. Перекрестился.

— Накажи меня Господь, если ты когда-либо услышишь от меня хоть одно худое слово. Ты лучше всех, ты бесхитростная. Простячок мой. Проси, чего хочешь, я все могу сделать.

Мне не хотелось говорить о деле. Знала, опять начнется канитель. Я молчала.

— Может, денег хочешь? Хошь миллион? Скоро у меня выйдет одно большое дело. Я получу шибко много денег.

— Что ты, отец, никаких мне твоих денег не надо.

— Ну, как знаешь, а только я рад для тебя все сделать. Очень ты хороший, Франтик, душа с тобою отдыхает.

У генеральши уже ждали его два чиновники из градоначальства. Он расцеловался со всеми, просил меня опять приехать, и мы расстались. Он поехал с чиновниками на вокзал.

Июнь 1922 г. Берлин

Прошло шесть лет. И вот в мои руки снова попали листки моего дневника и карточка Распутина с его каракулями, и его письма, и телеграммы. Если бы не эти доказательства всего пережитого, я бы не поверила, что все это было. Я бы подумала, что все это сон, который приснился мне. Как все это давно было, и какими невероятными мне кажутся эти страницы моей жизни. Ну вот я держу в руках пожелтевшие, истрепанные листы, безграмотно исписанные, я вижу эти широко расставленные вкривь и вкось буквы.

«Дорогому простячку, Франтику», — читаю я и снова слышу певучий голос с его растяжкой на «о». А вот и портрет, прекрасный, большой. Он был прислан мне с надписью: «Мило вдухе любящей радости во господе леночке Григорий». В застегнутом армяке, который я видела столько раз, с его великолепной парчовой подкладкой. Со

сложенными руками, суровый и сосредоточенный. Таким я видела его последний раз.

Снова вонзаются в меня его огромные светящиеся глаза.

Да, все это было! Где теперь все его почитательницы? Куда развеяла их налетевшая буря? Как много пришлось после последней встречи с ним пережить. В декабре я узнала о его смерти. Как поразило это известие, хотя этого всегда можно было ожидать, так велика была ненависть, возбуждаемая им.

Через несколько дней приехала генеральша К., у которой мы завтракали с ним в последний раз. Она рыдала у меня в гостиной и звала меня в Петербург на похороны. Я не поехала. А потом революция, большевики. И уже побледнели все воспоминания. Я попала в тюрьму при большевиках. Меня обвинили в том, что я хотела увезти драгоценности, которых уже у меня давно не было. Часть была прожита, часть отнята чекой, вместе с квартирой и всей обстановкой. Много тяжелого пришлось перенести в тюрьме. Я была приговорена к расстрелу. Но потом смертную казнь заменили высылкой из России, так как к иностранным подданным не решались применить приговор. Но все-таки удалось выбраться. Потеряно все: здоровье, состояние, друзья. Приходится жизнь начинать снова... С большим трудом и всякими приключениями провезла я через границу свой дневник, письма, карточки, в числе которых были письма и карточки Распутина. И вот, перебирая все эти остатки далекого прошлого, я решила напечатать отрывки из своего дневника. Ведь это не только страницы моей жизни, но и клочки нашей русской истории. На этих страницах хотя и бегло, но все-таки обрисовывается своеобразная фигура этого странного человека, встреченного мною на пути. Человека, сыгравшего такую роковую роль для России.

В.А. СУХОМЛИНОВ

ВОСПОМИНАНИЯ

В.А. Сухомлинов.
«Воспоминания», Берлин, 1924 г.

Сухомлинов Владимир Александрович (1848—1926) — генерал от кавалерии (1906), начальник генерального штаба Российской империи (1908—1909), военный министр (1909—1915). Член Государственной Думы. В марте 1916 г. арестован по обвинению в злоупотреблении положением и измене родине. Приговорен к бессрочной каторге. В 1918 г. освобожден по старости. Эмигрировал сначала в Финляндию, а затем в Германию.

Как Николай Александрович, так Александра Федоровна были люди чрезвычайно набожные.

Во время последних дней беременности императрицы, зимой 1903—1904 г., тогда, когда на Дальнем Востоке уже собиралась разразиться гроза, перед очами царицы появляется типичный сибирский крестьянин, пятидесятилетнего возраста, с пронизательными серыми глазами, кладет свою грубую, грязную лапу ей на плечо и, понизывая взором, предсказывает торжественным тоном: «Ты родишь наследника!»...

Григорий Распутин... каким путем этому человеку удалось пробраться к царице, кто этому «случайность» подстроил, как могло произойти внезапно нападение на императрицу, при исключительной замкнутости жизни царской семьи, — едва ли когда-нибудь это выяснится.

Но человеку этому повезло — в июне месяце императрица Александра Федоровна родила наследника престола!

Распутин был человек, какие тысячами слонялись по Руси, бродят, вероятно, сейчас и будут путаться всегда: умный, наглый, но одаренный сильной волей и знанием человеческой натуры. В роли предсказателей, рассказчиков, гипнотизеров и чудодеев промышляли они всегда среди необразованного люда, а также образованных — с предрассудками — во всех слоях. Распутин, вероятно, обладал в высокой степени магнетизмом: факт, не подлежащий сомнению, что он тяжелые заболевания, которым подвержен был молодой престолонаследник, облегчал и даже устранял совершенно, тогда как все врачебные средства оказывались бессильными. Как известно, наследник страдал кровоизлияниями и в такой сильной степени, что, когда это случалось, — надо было опасаться истечения кровью. Распутин, в котором императрица видела действительно ниспосланного ей Богом чудотворца, — был в таких случаях приглашаем и останавливал кровь часто одним лишь прикосновением своей руки...

Становится понятным, что при таких условиях напуганная женщина и мать хваталась за этого человека с та-

ким энтузиазмом, какого он не заслуживал, и что со стороны Распутина крестьянский инстинкт побуждал его к личным интересам, материальным выгодам... Его значение возрастало тогда через те круги, интересы которых требовали сохранения связи с двором императрицы. Распутин, в свою очередь, усиленно эксплуатировал эту публику с честью, достойной своего имени.

По существу, Распутин вполне соответствовал совей фамилии — это был распутный, пьянствующий мужик, но очень себе на уме, хитрый, ловкий, с неприятными, пронизывающими глазами, которыми он особенно удачно морочил прекрасную половину рода человеческого. На Гороховой улице в Петербурге у него была квартира, в которой он учинял приемы, не уступающими министерским.

Рассказы по этой части, ходившие по всей России, не могут быть особенно преувеличенными, так как то, что проделывал Григорий, — дальше идти было некуда. Но то, что распространяют о нем по отношению к царской семье, — это вздор, просто сказки. Распутин был не дурак, чтобы рисковать своей карьерой, там во дворце он был святоша, преисполненный божественного настроения, пересыпавший речь какими-то, своеобразной редакции, текстами из священного писания, но дерзающий говорить царям «ты».

Распутина впервые видел я на вокзале в Севастополе, в 1912 году, возвращаясь из Ливадии, после доклада у государя. Гуляя по перрону взад и вперед, он старался пронизывать меня своим взглядом, но не производил на меня никакого впечатления. Хорошо помню, что он был тогда в голубой шелковой рубашке, которая своею ценностью к этой роже висельника совсем не подходила. Когда я уволен был от должности, Распутин говорил: «Вот видите, Сухомлинов меня не хотел признавать, и я его отстранил». Подобными приемами пробовал этот ловкий и хитрый старик подчеркнуть свое личное влияние при дворе. За соответствующее вознаграждение он готов был на всякие услуги.

Но государь должен был знать о том, что рассказывают о Распутине в Петербурге. Хотя я и не думаю, чтобы он обращал внимание на письма девяностолетнего старца генерала Богдановича, но ведь было достаточно других источников, которыми при желании он мог воспользоваться. На коллективное письмо многих князей, в котором они докладывали государю о влиянии Распутина, царь ответил удалением вожаков этого документа из Петербурга.

Что касается самого убийства Распутина, то преступление это явилось как бы кульминационным пунктом в

деле дискредитирования царского престижа. Убил его крайний правый монархист Пуришкевич, очевидно, полагая, что этим устранена будет одна из причин, умаляющих достоинство и ореол императорского дома.

Но создавшаяся обстановка этого криминала способствовала на самом деле результатам совершенно противоположным. В дом-дворец князя Юсупова, графа Сумарокова-Эльстон, заманили Распутина на вечеринку. В числе гостей был и великий князь Дмитрий Павлович. Предполагалось, что удастся опоить ядом, но когда он не подействовал, то Пуришкевич застрелил Распутина и с признаками жизни еще последнего вынесли из дома в сани, причем около подъезда во дворе снег обильно полит кровью.

Чтобы отвести следы преступления, — тут же пристрелена была большая собака, кровь которой могла служить для полиции соответствующим объяснением. Тело же Распутина отвезено было на тройке к Тучкову мосту, где с привязанным к ногам грузом и опущено в прорубь — на Малой Неве.

Смерть этого человека осталась без последствий не для престола, а лишь для убийц, несмотря на то, что имена их и помощников преступления у всех на устах.

Особенно щепетилен был государь в отношении всего, что касалось, так или иначе, семейной его жизни, вторгаться в которую он не допускал. Этому надо приписать и то странное явление, что у Алексея Николаевича, наследника престола, не было воспитателя, вопреки тому, как это всегда его предками признавалось обстоятельством чрезвычайно важным в смысле воспитания и образования будущего самодержца. Весьма правдоподобно, что вторжение в царскую семью постороннего человека с твердым, самостоятельным характером, каковым должен быть в этих условиях царский воспитатель, стесняло бы Николая Александровича и Александру Федоровну.

Потому Алексей Николаевич находился на руках у матроса Деревеньки, жаргон которого можно было даже наблюдать у цесаревича — этого славного красивого ребенка, который к тому же был мальчиком слабого здоровья... В семье императрицы наблюдалась наследственная болезнь кровяных сосудов, с такими слабыми стенками, что до известного возраста они легко лопались, получалось кровотечение и смертельная опасность. Прыжки, падения, растяжения угрожали всегда кровоизлияниями в той или другой области организма. При живой, подвижной натуре Алексея Николаевича таких опасных для жизни случаев было у него несколько и они именно были на руку Рас-

путину, благодаря исключительно только тому, что ему просто в его шарлатанстве везло.

При настоящем воспитателе ни Распутин, ни Деревенко были бы немислимы, а при них — немислим был воспитатель, и позиция оставалась за теми, у которых она уже была в руках раньше.

Как Николай Александрович, так Александра Федоровна были люди чрезвычайно набожные.

Во время последних дней беременности императрицы, зимой 1903—1904 г., тогда, когда на Дальнем Востоке уже собиралась разразиться гроза, перед очами царицы появляется типичный сибирский крестьянин, пятидесятилетнего возраста, с пронизательными серыми глазами, кладет свою грубую, грязную лапу ей на плечо и, пронизывая взором, предсказывает торжественным тоном: «Ты родишь наследника!»...

Григорий Распутин... каким путем этому человеку удалось пробраться к царице, кто этому «случайность» подстроил, как могло произойти внезапно нападение на императрицу, при исключительной замкнутости жизни царской семьи, — едва ли когда-нибудь это выяснится.

Но человеку этому повезло — в июне месяце императрица Александра Федоровна родила наследника престола!

Распутин был человек, какие тысячами слонялись по Руси, бродят, вероятно, сейчас и будут путаться всегда: умный, наглый, но одаренный сильной волей и знанием человеческой натуры. В роли предсказателей, рассказчиков, гипнотизеров и чудодеев промышляли они всегда среди необразованного люда, а также образованных — с предрассудками — во всех слоях. Распутин, вероятно, обладал в высокой степени магнетизмом: факт, не подлежащий сомнению, что он тяжелые заболевания, которым подвержен был молодой престолонаследник, облегчал и даже устранял совершенно, тогда как все врачебные средства оказывались бессильными. Как известно, наследник страдал кровоизлияниями и в такой сильной степени, что, когда это случалось, — надо было опасаться истечения кровью. Распутин, в котором императрица видела действительно ниспосланного ей Богом чудотворца, — был в таких случаях приглашаем и останавливал кровь часто одним лишь прикосновением своей руки...

Становится понятным, что при таких условиях напуганная женщина и мать хваталась за этого человека с таким энтузиазмом, какого он не заслуживал, и что со стороны Распутина крестьянский инстинкт побуждал его к личным интересам, материальным выгодам... Его значение возрастало тогда через те круги, интересы которых

требовали сохранения связи с двором императрицы. Распутин, в свою очередь, усиленно эксплуатировал эту публику с честью, достойной своего имени.

По существу, Распутин вполне соответствовал совей фамилии — это был распутный, пьянствующий мужик, но очень себе на уме, хитрый, ловкий, с неприятными, пронизывающими глазами, которыми он особенно удачно морочил прекрасную половину рода человеческого. На Гороховой улице в Петербурге у него была квартира, в которой он учинял приемы, не уступающими министерским.

Рассказы по этой части, ходившие по всей России, не могут быть особенно преувеличенными, так как то, что проделывал Григорий, — дальше идти было некуда. Но то, что распространяют о нем по отношению к царской семье, — это вздор, просто сказки. Распутин был не дурак, чтобы рисковать своей карьерой, там во дворце он был святоша, преисполненный божественного настроения, пересыпавший речь какими-то, своеобразной редакции, текстами из священного писания, но дерзающий говорить царям «ты».

Распутина впервые видел я на вокзале в Севастополе, в 1912 году, возвращаясь из Ливадии, после доклада у государя. Гуляя по перрону взад и вперед, он старался пронизывать меня своим взглядом, но не производил на меня никакого впечатления. Хорошо помню, что он был тогда в голубой шелковой рубашке, которая своею ценностью к этой роже висельника совсем не подходила. Когда я уволен был от должности, Распутин говорил: «Вот видите, Сухомлинов меня не хотел признавать, и я его отстранил». Подобными приемами пробовал этот ловкий и хитрый старик подчеркнуть свое личное влияние при дворе. За соответствующее вознаграждение он готов был на всякие услуги.

Но государь должен был знать о том, что рассказывают о Распутине в Петербурге. Хотя я и не думаю, чтобы он обращал внимание на письма девяностолетнего старца генерала Богдановича, но ведь было достаточно других источников, которыми при желании он мог воспользоваться. На коллективное письмо многих князей, в котором они докладывали государю о влиянии Распутина, царь ответил удалением вожаков этого документа из Петербурга.

Что касается самого убийства Распутина, то преступление это явилось как бы кульминационным пунктом в деле дискредитирования царского престижа. Убил его крайний правый монархист Пуришкевич, очевидно, полагая, что этим устранена будет одна из причин, умаляющих достоинство и ореол императорского дома.

Но создавшаяся обстановка этого криминала способствовала на самом деле результатам совершенно противоположным. В дом-дворец князя Юсупова, графа Сумарокова-Эльстон, заманили Распутина на вечеринку. В числе гостей был и великий князь Дмитрий Павлович. Предполагалось, что удастся опоить ядом, но когда он не подействовал, то Пуришкевич застрелил Распутина и с признаками жизни еще последнего вынесли из дома в сани, причем около подъезда во дворе снег обильно полит кровью.

Чтобы отвести следы преступления, — тут же пристрелена была большая собака, кровь которой могла служить для полиции соответствующим объяснением. Тело же Распутина отвезено было на тройке к Тучкову мосту, где с привязанным к ногам грузом и опущено в прорубь — на Малой Неве.

Смерть этого человека осталась без последствий не для престола, а лишь для убийц, несмотря на то, что имена их и помощников преступления у всех на устах.

Особенно щепетилен был государь в отношении всего, что касалось, так или иначе, семейной его жизни, вторгаться в которую он не допускал. Этому надо приписать и то странное явление, что у Алексея Николаевича, наследника престола, не было воспитателя, вопреки тому, как это всегда его предками признавалось обстоятельством чрезвычайно важным в смысле воспитания и образования будущего самодержца. Весьма правдоподобно, что вторжение в царскую семью постороннего человека с твердым, самостоятельным характером, каковым должен быть в этих условиях царский воспитатель, стесняло бы Николая Александровича и Александру Федоровну.

Потому Алексей Николаевич находился на руках у матроса Деревеньки, жаргон которого можно было даже наблюдать у цесаревича — этого славного красивого ребенка, который к тому же был мальчиком слабого здоровья... В семье императрицы наблюдалась наследственная болезнь кровяных сосудов, с такими слабыми стенками, что до известного возраста они легко лопались, получалось кровотечение и смертельная опасность. Прыжки, падения, растяжения угрожали всегда кровоизлияниями в той или другой области организма. При живой, подвижной натуре Алексея Николаевича таких опасных для жизни случаев было у него несколько и они именно были на руку Распутину, благодаря исключительно только тому, что ему просто в его шарлатанстве везло.

При настоящем воспитателе ни Распутин, ни Деревенько были бы немыслимы, а при них — немыслим был вос-

питатель, и позиция оставалась за теми, у которых она уже была в руках раньше.

Императрица Александра Федоровна была женщина с устойчивым характером. Имея такую спутницу жизни, странно было бы, чтобы Николай Александрович в трудные минуты, а таковых у него было немало, не посоветовался со своей женой, когда по свойству своего характера он избегал советоваться с чужими ему людьми, хотя и крупными сановниками, но неблагоприятного влияния которых он опасался.

Как императрицу скорее можно было бы укорять ее в том, что она еще недостаточно интересуется делами ее нового отечества — в особенности на тот случай, если бы ей пришлось быть регентшей.

Из страха перед русским сфинксом она к тому же вдавалась в болезненный мистицизм, поддержанный желанием ошастливить государя наследником.

Как Николай Александрович, так и Александра Федоровна были люди чрезвычайно набожные.

Во время последних дней беременности императрицы, зимой 1903—1904 гт., тогда, когда на Дальнем Востоке уже собиралась разразиться гроза, перед очами царицы появляется типичный сибирский крестьянин, пятидесятилетнего возраста, с пронизательными серыми глазами, кладет свою грубую, грязную лапу ей на плечо и, пронизывая взором, предсказывает торжественным тоном: «Ты родишь наследника!»...

Григорий Распутин... Каким путем этому человеку удалось пробраться к царице, кто эту «случайность» подстроил, как могло произойти внезапно подобное нападение на императрицу, при исключительной замкнутости жизни царской семьи, — едва ли когда-нибудь это выяснится.

Но человеку этому повезло — в июне месяце императрица Александра Федоровна родила наследника престола!

Распутин был человек, какие тысячами слонялись по Руси, бродят, вероятно, сейчас и будут путаться всегда: умный, наглый, но одаренный сильной волей и знанием человеческой натуры. В роли предсказателей, рассказчиков, гипнотизеров и чудодеев промышляли они всегда среди необразованного люда, а также образованных — с предрассудками — во всех слоях. Распутин, вероятно, обладал в высокой степени магнетизмом: факт, не подлежащий сомнению, что он тяжелые заболевания, которым подвержен был молодой престолонаследник, облегчал и даже устранял совершенно, тогда как все врачебные средства оказывались бессильными. Как известно, наследник страдал кровоизлияниями и в такой сильной степени, что,

когда это случалось, надо было опасаться истечения кровью. Распутин, в котором императрица видела действительно ниспосланного ей Богом чудотворца, был в таких случаях приглашаем и останавливал кровь часто одним лишь прикосновением своей руки...

Становится понятным, что при таких условиях напуганная женщина и мать хваталась за этого человека с таким энтузиазмом, какого он не заслуживал, и что со стороны Распутина крестьянский инстинкт побуждал его к личным интересам, материальным выгодам... Его значение возрастало тогда через те крути, интересы которых требовали сохранения связи с двором императрицы. Распутин, в свою очередь, посильно эксплуатировал эту публику с честью, достойной своего имени.

По существу, Распутин вполне соответствовал своей фамилии — это был распутный, пьянствующий мужик, но очень себе на уме, хитрый, ловкий, с неприятными, пронизывающими глазами, которыми он особенно удачно морочил прекрасную половину рода человеческого. На Гороховой улице в Петербурге у него была квартира, в которой он учинял приемы, не уступающие министерским.

Рассказы по этой части, ходившие по всей России, не могут быть особенно преувеличенными, так как то, что проделывал Григорий, — дальше идти было некуда. Но то, что распространяют о нем по отношению к царской семье, — это вздор, просто сказки. Распутин был не дурак, чтобы рисковать своей карьерой, там во дворце он был святоша, преисполненный божественного настроения, пересыпавший речь какими-то, своеобразной редакции, текстами из Священного писания, но дерзающий говорить царям «ты».

Распутина впервые видел я на вокзале в Севастополе, в 1912 году, возвращаясь из Ливадии, после доклада у государя. Гуляя по перрону взад и вперед, он старался прониживать меня своим взглядом, но не производил на меня никакого впечатления. Хорошо помню, что он был тогда в голубой шелковой рубашке, которая своею ценностью к этой роже висельника совсем не подходила. Когда я уволен был от должности, Распутин говорил: «Вот видите, Сухомлинов меня не хотел признавать, и я его отстранил». Подобными приемами пробовал этот ловкий и хитрый старик подчеркивать свой личное влияние при дворе. За соответствующее вознаграждение он готов был на всякие услуги.

Но государь должен был знать о том, что рассказывают о Распутине в Петербурге. Хотя я и не думаю, чтобы он обращал внимание на письма девяностолетнего старца ге-

нерала Богдановича, но ведь было достаточно других источников, которыми при желании он мог воспользоваться. На коллективное письмо многих великих князей, в котором они докладывали государю о влиянии Распутина, царь ответил удалением вожаков этого документа из Петербурга.

Что касается убийства Распутина, то преступление это явилось как бы кульминационным пунктом в деле дискредитирования царского престижа. Убил его крайний правый монархист Пуришкевич, очевидно, полагая, что этим устранена будет одна из причин, умаляющих достоинство и ореол императорского дома.

Но создавшаяся обстановка этого криминала способствовала на самом деле результатам совершенно противоположным. В дом-дворец князя Юсупова, графа Сумарокова-Эльстона, заманили Распутина на вечеринку. В числе гостей был и великий князь Дмитрий Павлович. Предполагалось, что удастся опоить ядом, но когда он не подействовал, то Пуришкевич застрелил Распутина, и еще с признаками жизни последнего вынесли из дома в сани, причем около подъезда во дворе снег обильно полит был кровью.

Чтобы отвести следы преступления, тут же пристрелена была большая собака, кровь которой могла служить для полиции соответствующим объяснением. Тело же Распутина отвезено было на тройке к Тучкову мосту, где с привязанным к ногам грузом и опущено в прорубь — на Малой Неве.

Смерть этого человека осталась без последствий не для престола, а лишь для убийц, несмотря на то, что имена их и помощников преступления были у всех на устах.

Особенно щепетилен был государь в отношении всего, что касалось, так или иначе, семейной его жизни, вторгаться в которую он не допускал. Этому надо приписать и то странное явление, что у Алексея Николаевича, наследника престола, не было воспитателя, вопреки тому, как это всегда его предками признавалось обстоятельством чрезвычайно важным в смысле воспитания и образования будущего самодержца. Весьма правдоподобно, что вторжение в царскую семью постороннего человека с твердым, самостоятельным характером, каковым должен быть в этих условиях царский воспитатель, стесняло бы Николая Александровича и Александру Федоровну.

Поэтому Алексей Николаевич находился на руках у матроса Деревенко, жаргон которого можно было даже наблюдать иногда у цесаревича — этого славного кра-

сивого ребенка, который к тому же был мальчиком слабого здоровья... В семье императрицы наблюдалась наследственная болезнь кровяных сосудов, с такими слабыми стенками, что до известного возраста они легко лопались, получалось кровотечение и смертельная опасность. Прыжки, падения, растяжения угрожали всегда кровоизлияниями в той или другой области организма. При живой, подвижной натуре Алексея Николаевича таких опасных для жизни случаев было у него несколько, и они именно были на руку Распутину, благодаря исключительно только тому, что ему просто в его шарлатанстве везло.

При настоящем воспитателе ни Распутин, ни Деревенко были бы немислимы, а при них — немислим был воспитатель, и позиция осталась за теми, у которых она уже была в руках раньше.

П.Н. МИЛЮКОВ

ВОСПОМИНАНИЯ

П.Н. Милюков. «Воспоминания» (1859—1917).
Нью-Йорк, 1955 г.

Павел Николаевич Милюков (1859—1943), историк и выдающийся деятель русского либерализма, один из основателей и руководителей конституционно-демократической партии, министр иностранных дел в первом составе Временного правительства в 1917 г. В эмиграции в 1921—1940 годах редактировал газету «Последние новости».

...Вступив в отправление должности, Коковцов скоро сам очутился перед испытанием, которое должно было приоткрыть для него, откуда идут нити этой высокой политики. Он подвергся испытанию — на Распутина.

Так как Коковцов, несмотря на усиленные настояния, отказывался его видеть, то, очевидно, по поручению Царского Распутин сам назвался на свидание. Он пробовал гипнотизировать Коковцова своим пристальным взглядом, молчал и юродствовал, но, когда увидал, что это не производит никакого действия на министра, заговорил о главной теме визита. «Что ж, уезжать мне, что ли? И чего плетут на меня?» — «Да, — отвечал Коковцов, — вы вредите государю... рассказывая о вашей близости и давая кому угодно пищу для самых невероятных выдумок». — «Ладно, я уеду, только уж пущай меня не зовут обратно, если я такой худой, что царю от меня худо». На следующий же день «миленькой» рассказал о разговоре в Царском и сообщил о впечатлении: «Там серчают... кому какое дело, где я живу; ведь я не арестант». Еще через день, при докладе царю о разговоре, Николай спросил: «Вы не говорили ему, что вышлете его?» — и на отрицательный ответ заявил, что «рад этому», так как ему было бы «крайне больно, чтобы кого-либо тревожили из-за нас». А в ответ на отрицательную характеристику «этого мужичка» царь сказал, что «лично почти не знает» его и «видел его мельком, кажется, не более двух-трех раз, и притом на очень больших расстояниях времени». Едва ли он был искренен. Но в тот же день Коковцову сообщили, что Распутину известно о неблагоприятном для него докладе царю и что он отозвался: «Вот он какой; ну что же, пущай; всяк свое знает». А когда Коковцов удивился быстроте передачи из Царского на квартиру Распутина, ему пояснили: «Ничего удивительного нет; довольно было... за завтраком рассказать (царице)... а потом долго ли вызвать Вырубову, сообщить ей, а она сейчас же к телефону — и готово дело». Вся организация сношений здесь — как на ладони.

Распутин все же уехал через неделю, но тут же дело осложнилось тем, что в руках Гучкова оказалось письмо императрицы к Распутину, где была, между прочим, цитируемая

Коковцовым фраза: «Мне кажется, что моя голова склоняется, слушая тебя, и я чувствую прикосновение к себе твоей руки». Гучков размножил текст письма и решил сделать из него целую историю, передав копию Родзянке — на предмет доклада императору. Это как-то совпало с обращением самого Николая, переславшего председателю Думы дело о хлыстовстве Распутина, начатое тобольской духовной консисторией. Дело было вздорное, и нужно было эти слухи опровергнуть. Но Родзянко очень возгордился поручением, устроил целую комиссию с участием Гучкова и приготовил обширный доклад. «Вскипел Бульон, потек во храм».

Тут припуталось и дело о письме Александры Федоровны, и Родзянко возомнил себя охранителем царской чести. Обо всем этом, конечно, было «по секрету» разглашено и в Думе, и вне Думы, и Родзянко стал готовиться к докладу. Тем временем Макаров разыскал подлинник письма и имел неосторожность передать документ Николаю. О произведенном впечатлении свидетельствует сообщение Коковцова: «Государь побледнел, нервно вынул письма из конверта и, взглянувши на почерк императрицы, сказал: «Да, это не поддельное письмо», а затем открыл ящик своего стола и резким, совершенно непривычным ему жестом швырнул туда конверт». Выслушав этот рассказ от самого Макарова, Коковцов сказал ему: «Теперь ваша отставка обеспечена».

Впечатление глубокого личного оскорбления, вызванное непрошеным вмешательством в самые интимные стороны семейной жизни, распространилось из-за Родзянко и Гучкова и на Государственную Думу. Родзянко получил свой доклад у царя и, вернувшись, с большим одушевлением рассказывал о том, какое глубокое впечатление произвели его слова и каким престижем пользуется имя Государственной Думы, но, в частности, по поводу доклада о Распутине царь сказал только, что пригласит его особо. После тщетного ожидания Родзянко написал царю просьбу о приеме по текущим делам Думы. Ответа не было; тогда Родзянко приехал к Коковцову, жаловался на обиду, наносимую народному представительству, и грозил подать в отставку. А царь в действительности вернул Коковцову просьбу Родзянки со своей резолюцией, написанной карандашом: «Я не желаю принимать Родзянко... Поведение Думы глубоко возмутительно». Коковцов скрыл от Родзянко эту резолюцию и убедил царя заменить ее запиской, что примет его по возвращении из Крыма. Родзянко был доволен и демонстративно заявил окружающим его депутатам, что «государь был всегда расположен» к нему лично «и не решился бы портить отношений к Думе оказанием невнимания ее избраннику». Уезжая, Николай говорил при прощании Коковцову: «Я просто задыхаюсь в этой атмосфере сплетен, выдумок и злобы... Постараюсь вернуться как можно позже». При отъезде им-

императрица прошла мимо провожавших в вагон, ни с кем не простившись. Не успел царь доехать до Ливадии, как Распутин вернулся в Петербург. В Крыму Александра Федоровна проявляла явные знаки невнимания к Коковцову. Но уже и до этого — и до своего свидания с Распутиным — Коковцов почувствовал, что его «медовый месяц» приходит к концу. Царь требовал самых решительных карательных мер против печати, откликавшейся на слухи о Распутине, а Коковцов и Макаров доказывали ему, что этого никак нельзя сделать через Думу в законодательном порядке. По поводу прений в Думе по синодской смете Мария Федоровна вызвала его поговорить о распутинской истории, «горько плакала» по поводу его объяснений, обещала поговорить с государем и закончила таким прогнозом: «Несчастливая моя невестка не понимает, что она губит и династию, и себя. Она искренне верит в святость какого-то проходимца, и все мы бессильны отвести несчастье». В нескольких словах здесь был точный анализ очень плачевно сложившегося положения и верный исторический прогноз, к которому Коковцов не мог не присоединиться.

...«Когда враг углубился в пределы империи», объявлялось в рескрипте 4 августа, то царь почувствовал потребность самому вступить в командование армией. Императрица тут получила способ рассчитаться с «Николашей»; вместе с Распутиным они поддерживали царя в убеждении, что это — его религиозный, «священный» долг. Спора тут быть не могло; а министры начали спорить. В заседании Совета министров в Царском Селе 20 августа под председательством царя они разошлись с Горемыкиным, который поддерживал Николая в его уже сложившемся решении занять пост главнокомандующего. После заседания восемь «либеральных» министров подали царю письменное заявление, настаивая на сохранении поста за великим князем Николаем Николаевичем, заявляя о своем «коренном разномыслии» с Горемыкиным и о том, что «в таких условиях они теряют веру в возможность с сознанием пользы служить царю и родине». При посредстве Родзянки, который шумел и волновался, поехал убеждать Николая отменить свое решение и, конечно, не убедил, а только рассердил его, — была втянута в этот безнадежный конфликт и Дума. Конечно, тонкости блока и «министерства доверия» потонули в вопросе, задевшем двор, и Горемыкин мог сразу убить двух зайцев. Немедленно после заседания о блоке он 29 августа выехал, не говорившись с коллегами, в Ставку, куда уже переселился царь, и вернулся оттуда с готовыми решениями. Тут, по словам Горемыкина, «все получили нахлобучку за августовское письмо и за поведение во время августовского кризиса». И царь решил: «Думу закрыть не позже 3 сентября, а всем министрам оставаться на местах». «Конституционной» отстав-

ки Николай, конечно, принять не мог. Царь «приедет лично и все разберет». 16 сентября состоялось в Ставке заседание, к которому императрица и Распутин тщательно готовили Николая. «Не опоздайте в испытании, прославит Господь своим явлением», — телеграфировал «старец» 7 сентября. А 15-го, накануне заседания, императрица напоминала: «Не забудь подержать образок в твоей руке и несколько раз причесать волосы его гребенкой перед заседанием министров». Гребенка была пущена в ход, царь был «намеренно нелюбезен» с министрами и через день, приехав в Петербург, подписал отставки двум из восьми министров-протестантов, особенно ненавистным кружку царицы: Щербатову и Самарину. Остальным шести предстояла та же участь. Так начинался новый курс.

...С отъездом в Ставку, в уединении Могилева, личность царя как бы стушеввалась. Он мог быть даже доволен переменой, зажив по своему вкусу. Никакой не стратег, он не мог, конечно, руководить военными действиями. Его рабочий день сложился однообразно и спокойно. До 10 часов утра он был предоставлен самому себе; ни интриги и сплетни петербургского двора, ни пушечная стрельба на фронте до него не доходили. В 10 часов он шел к начальнику штаба генералу Алексееву и оставался там до 11. Алексеев освещал его по большой стенной карте при помощи флажков о перемещениях войск за сутки и излагал свои соображения насчет дальнейших действий. Это была скорее информация, нежели совещание, и царю оставалось соглашаться. К завтраку доклад кончался. За завтраком следовал чай. После семи часов получалась петербургская почта с письмами императрицы, которая день за днем сообщала о политических событиях, давала советы и диктовала решения, которые по своей определенности и настойчивости не уступали планам Алексеева. За счет царя с этого времени на первый план выдвинулась царица. Единственная «мужчина в штанах», она принимала министерские доклады и все более уверенно входила во вкус государственного управления. Распутин льстил ей сравнением с Екатериной II. Разумеется, в государственных делах она понимала еще меньше, нежели император в военных. Ее «управление» свелось к личным предпочтениям одних лиц другим, смотря по тому, были ли это друзья или враги «нашего друга». Двор замыкался в пределы апартаментов царицы и «маленького домика» верной, но глупой подруги царицы, Анны Вырубовой. Над ними двумя царил Распутин, а около этого центрального светила группировались кружки проходимцев и аферистов, боровшихся за влияние на Распутина и грызшиеся между собой. Был кружок Бардукова, уцелевший от князя Мещерского; кружок князя Андронникова, пускавшего пыль в глаза своим развязным обращением и своими мнимыми связями; кружок Ма-

насевича-Мануйлова, афериста высшей марки, связанного с банками и с тайной полицией; кружок доктора Бадмаева, специалиста по тибетской медицине и по оккультным знаниям. Все они составляли средостение, через которое нужно было пробраться, чтобы заслужить милость царицына окружения и попасть на высшие посты — без всякого отношения к личным знаниям и заслугам. Впрочем, высшими постами дело не ограничивалось. Мелкие дельцы делали мелкие дела, назначали на должности, освобождали от воинской повинности, от судебного преследования и так далее за соответствующую таксу. Квартира Распутина покрывала сделки, его рекомендательные письма с бланковой формулой: «Милай, помоги» — фабриковались пачками: все это таксировалось, причем на долю Распутина приходились обыкновенно пустяки, обеспечивавшие ему его дешевый разгул и трактирные подвиги. Эта скандальная картина слагалась постепенно; но только с этого момента, когда кризис коснулся одновременно и блока и правительства, для широкой публики обнажился внутренний фронт камарильи, прикрывавшейся до сих пор ответственностью исполнительной власти. И по мере того как страна узнавала, кто в действительности ею правит, падал престиж самой верховной власти; вместо традиционного уважения к престолу распространялось в стране негодование и презрение к кучке людей, действительно ответственных за сложившееся положение. От них, а не от правительственных фантошей, менявшихся в «министерской чехарде», по меткому выражению Пуришкевича, страна теперь должна была требовать непосредственного ответа за происходящее.

Существование Думы с ее блоком было, конечно, главным препятствием, которое мешало всей этой стряпне. 3 сентября от нее освободились, но не совсем. Ее нельзя было распустить: тогда пришлось бы назначить новые выборы. Ее можно было только отсрочить. Ее отсрочили до 15 ноября. Но пока наступил этот срок, пробудилась деятельность крайних правых организаций. «Объединенное дворянство» учестило свои съезды и подняло тон. Реставрировались отделения «Союза русского народа». На съезде этого «Союза» 21 ноября председательствовал Щегловитов и произнес речь, в которой объявил акт 17 октября «потерянной грамотой» и предлагал вернуться к грамоте об избрании на царство Михаила Федоровича, то есть к совещательной Думе. Но он несколько поторопился. Правда, в ноябре созыв Думы был вновь отложен без обозначения срока, что было явным нарушением закона; но мотив был придуман тот, что комиссии Думы еще не закончили рассмотрения бюджета. Блок решил поторопиться, и бюджет был рассмотрен к концу декабря. Родзянко доложил об этом царю и требовал немедленного созыва Думы. Горемыкин, как прежде, упирался. В

конце концов он соглашался созвать Думу только на пять дней и только для утверждения бюджета 1916 года. И на этом разыгралась интрига, имевшая целью спихнуть Горемыкина. В связи с этой интригой вдруг возобновился в высших сферах интерес к созыву Думы. За несколько дней до приезда царя в Царское (18 января 1916 г.) к Родзянке приехал митрополит Питирим и сообщил ему по секрету, что уже решено стать в дружественные отношения к Думе, ликвидировать при этом непримиримого Горемыкина и назначить на его место... Штюмер! Штюмер, по-видимому, и был проводником этого неожиданного поворота. Но за ним стоял все тот же Распутин, называвший своего кандидата «старичком на веревочке». Сметливый мужичок изрек в ноябре свое сивилино внушение: «Если будет победа, Думу не надо созывать, если же нет, то надо». Победы не было. Понадобилась смена.

Штюмер не был таким рамоликом, как Горемыкин. Но он все же проявлял все признаки старчества и мог ходить «на веревочке». Совершенно невежественный во всех областях, за которые брался, он не мог связать двух слов для выражения сколько-нибудь серьезной мысли и принужден был записывать — или поручать записывать — для своих выступлений несколько слов или фраз на бумажке. В серьезных вопросах он предпочитал таинственно молчать, как бы скрывая свое решение. Зато он очень хорошо умел соблюдать при всех назначениях собственные интересы. Убедить царя, что Думу нельзя созывать на короткий срок и только для бюджета, было нетрудно. На этом Штюмер и свалил Горемыкина. Но как же тогда быть с блоком и с его политикой, которая неминуемо должна была выдвинуться в Думе, не стесненной узкими рамками?

Посредником между Штюмером и блоком явился другой министр, также прошедший через Распутина и также назначенный неожиданно: министр внутренних дел, заменивший «скучного» Щербатова, «веселый» А.Н. Хвостов: другая фигура из оперетки — или гиньоля. Это был молодой и шустрый человек, энергичный и предприимчивый, но только не на государственную деятельность. Когда Николай II спросил дядю А.Н. Хвостова, министра юстиции А.А. Хвостова, какого он мнения о кандидате, то он получил такой ответ: «Безусловно, несведущ в деле, по характеру совершенно неподходящий, весьма неглупый, но не умеющий критиковать собственные побуждения и мысли, не чужд интриг... Вся его служебная деятельность будет посвящена не делу, а чуждым делу соображениям». И, однако, кандидат был назначен. Николай делал вид, что очень интересуется думскими речами А.Н. Хвостова о немецком засилье. На самом деле это был обязательный кандидат, поставленный Распутиным. Мы видели, что он, раньше по поручению из

Царского, «прощупывал душу» Хвостова (тогда нижегородского губернатора) и нашел его «несозревшим»; теперь он признавал, что на Хвостове «почиет Бог, хотя чего-то ему недостает», — и вернул благоволение императрицы к своему ставленнику.

По просьбе князя В.М. Волконского прежнего товарища председателя Думы, а теперь товарища министра внутренних дел, я поехал на свидание с А.Н. Хвостовым у товарища председателя Думы Варун-Секрета. Там я застал целое совещание, специально собранное для выяснения, как относится «лидер блока» к новой встрече Думы с правительством. А.Н. Хвостов сказал мне, что самый созыв Думы не решен, пока не выяснится, воздержится ли блок от нападков на Распутина. Угроза была фальшивая, и поставленное условие созыва казалось слишком странным. Я ответил, что у Думы имеются гораздо более важные счета с правительством, нежели эти толки. Дума прервалась на вопросе о программе блока и о создании правительства общественного доверия. С этого она и должна будет начать разговор. В Думе есть хозяин, и у этого хозяина есть определенное мнение. Меня тогда спросили, нельзя ли вообще наладить более дружественные отношения между блоком и Штюмером. Предполагалось устроить это сближение в форме устроенного Штюмером раута. Мне напоминали, что пошла же Дума на раут, устроенный Горемыкиным. Я отвечал, что есть разница между январем 1915 г. и январем 1916 г.; мы поставили вопрос о «доверии»; к Штюмеру мы его не питаем, и, по крайней мере, моя фракция на раут не пойдет; мы ждем выяснения капитальных вопросов, поставленных большинством. Меня пробовали уговорить тем, что Штюмер — человек новый, политики не знает и от дружественного приема может зависеть его отношение к блоку. Я решительно заявил на это, что положение слишком обострилось для такого эксперимента, что мы должны будем высказаться определенно и сделаем это не на рауте, а при первой же встрече в Государственной Думе: там Штюмер узнает наши желания и наше отношение к правительству. На этом и закончилась наша беседа. После того Штюмер виделся с Родзянкой, были попытки говорить с представителями отдельных фракций; по документам, оглашенным чрезвычайной комиссией, выяснились позднее и колебания относительно срока созыва и длительности сессии, и обсуждение гарантий мирной встречи. Но все это осталось в стороне: я настоял на сроке созыва 5 февраля 1916 г. и уступил лишь до 9-го ввиду технических трудностей созыва. Накануне этого дня стало известно, что царь предполагает лично посетить Думу. Это, очевидно, было еще одно средство повлиять на Думу, — и оно исходило из той же клики. По крайней мере, известно, что Распутин хвалился перед своими охранниками: «Сказано мне: подумать, как

быть с Государственной Думой. Я совершенно не знаю... А знаешь что? Я его пошлю самого в Думу; пусть поедет, откроет, и никто ничего не посмеет сказать...» Это было еще в декабре 1915 г.

Царский визит действительно состоялся 9 февраля, в день открытия сессии Думы. Он остался единственным за все существование Думы. Процедура «энтузиазма» была, разумеется, соблюдена. Перед входом в залу заседаний, в колонной зале Таврического дворца, было импровизировано молебствие; царя окружили депутаты, я стоял далеко от густого ядра и не слышал небольшой речи, произнесенной царем; говорили, что она была бесцветная, но благожелательная. Затем Родзянко, уведомленный о посещении всего за час, провел Николая в залу заседаний, и публика с хоров присоединилась к овации; он показал царю другие помещения Думы, причем царь делал незначительные по содержанию замечания. В круглой зале (ближайшей ко входу во дворец) были собраны члены сеньорен-конвента, и Родзянко, при выходе царя, представил их Николаю. Он называл по имени каждого, и царь молча пожимал каждому руку. Мне это представление осталось памятно по маленькому эпизоду. Отойдя несколько шагов от нашей группы, Николай вдруг остановился, обернулся, и я почувствовал на себе его пристальный взгляд. Несколько мгновений я его выдерживал, потом неожиданно для себя... улыбнулся и опустил глаза. Помню, в эту минуту я почувствовал к нему жалость, как к обреченному. Все произошло так быстро, что никто этого эпизода не заметил. Царь обернулся и вышел.

Посещение царя ровно ничего не изменило. Политика оставалась та же. Одновременно с объявлением указа о созыве Думы был уволен еще один из восьми — Харитонов. Кривошеин, почувствовавший, что ему нечего ждать, скромненько ушел по прошению еще в ноябре 1915 г. В сентябре депутация, выбранная третьим съездом земской организации (7—9 сентября) и присоединившая к себе членов Городского союза, под председательством князя Львова, не была принята государем. Немудрено: на съезде Львов окончательно заявил, что «столь желанное всей страной мощное сочетание правительственной деятельности с общественной не состоялось», а резолюция съезда повторила формулу блока только что закрытой Думы: «Опасность от губительного разрушения внутреннего единства... устранима лишь обновлением власти, которая может быть сильна только при условии доверия страны в единении с законным ее представительством». Съезды союзов, назначенные на 5 декабря, были запрещены.

Блок впервые встретился со Штюрмером, как хотел, только уже в зале заседания Думы. Появление нового премьер-министра произвело впечатление полного провала. Слабым го-

лосом, который не мог овладеть даже спокойной и молчаливой аудиторией, Штюрмер прочел по тетрадке свою вступительную речь. В ней было категорическое заявление о незыблемости исторических устоев, на которых росло и укреплялось Русское государство, и этого было достаточно. Перед нами был новый вариант Горемыкина. И блок окончил заседание заявлением, заготовленным нами еще для несостоявшегося ноябрьского открытия Думы, а теперь пересмотренным и еще усиленным. Мы указали на то, что новый полугодовой несозыв Думы обострил все вопросы и сделал невозможным какой-нибудь выход из тяжелого положения. Требования наши — существенные и основные — остаются неудовлетворенными, и мы сохраняем все свои позиции. Мы готовили страну к победе, но теперь, при сохранении старого порядка управления, считаем победу невозможной. Выхода из этого положения собственными силами Думы мы не видим. Я окончил это заявление от имени блока пессимистической нотой: от этого правительства я не жду ответа и схожу с кафедры без ответа.

Штюрмер, однако, не сразу отказался от сговора с Думой на тему о воздержании от выступлений против Распутина. Царь боялся прений по смете Синода. Было обещано Родзянке удалить Распутина, если не будет «нежелательных выступлений». 24 февраля Родзянко пригласил к себе представителей блока и пробовал уговорить их не выступать самим и поддержать председателя в случае эксцессов со стороны крайних правых и левых. Он услышал в ответ, что обещания ликвидировать «старческие» влияния давались не раз, но эта «ужасная язва русской жизни» продолжает существовать. Закрывать рот депутатам невозможно, особенно «в приподнятой атмосфере, отражающей коллективную совесть». Однако же через день Распутину действительно было велено выехать в Tobольск.

В ближайшие дни сессии была пресечена карьера министра внутренних дел А.Н. Хвостова. Но этого никак нельзя было поставить в заслугу Думе. Хвостов пал жертвой собственного легкомыслия, и добычу подхватил тот же Штюрмер. Подробные показания директора департамента полиции (потом товарища министра) Белецкого осветили ту грязную кухню, в которой готовился этот скандал. Началось с того, что А.Н. Хвостов, почувствовав свое положение достаточно упрочившимся благодаря своим связям с правыми, решил, что наступило время обойтись без помощи кружка Вырубовой — Распутина, который привел его к власти, и задался целью «ликвидировать» Распутина. В свои пособники он решил взять Белецкого, который, однако, всячески оттягивал совершение преступления. В то же время, заметив, что положение Горемыкина поколеблено, Хвостов нашел своевременным выдвинуть свою кандидатуру в председатели Сове-

та министров — пост, на который его намечал Распутин с самого начала. Но он опоздал. Тогда уже проведена была у царя — тем же кружком — кандидатура Штюмерера. Белецкий, спасая себя, отошел от Хвостова на сторону Штюмерера, сохранив отношения с Вырубовой. Хвостов тогда уже на собственный страх вернулся к плану убийства Распутина. Он задумал воспользоваться услугами неистового монаха-фанатика Илиодора, старого друга Распутина, потом поссорившегося со «старцем» и бежавшего из России, чтобы издать за границей памфлет против Распутина («Святой Черт») с приложением писем к нему императрицы. Из Министерства внутренних дел были снаряжены две миссии за границу: одна — с целью выкупить рукопись у Илиодора; другая — специально посланная втайне от Белецкого Хвостовым — чтобы сговориться с Илиодором о плане убийства Распутина. Посредник Хвостова, журналист Ржевский, оказался человеком ненадежным. Началась огласка. Хвостов сваливал вину на Белецкого; Белецкий доказывал, что это было дело Хвостова, и рассказал все прошлое. Обе стороны прибегли к печати, скандал стал публичным. В Думе мой товарищ по фракции Аджемов окрестил его кличкой «бульварного романа». Кончилось тем, что оба, Хвостов и Белецкий, должны были покинуть свои посты (5 марта 1916 г.). Штюмерер давно считал естественным соединить с титулом премьера власть министра внутренних дел и теперь добился своей цели. Вся эта история произвела на общество впечатление глубокого падения политических и моральных нравов в правительственной среде.

...В ближайшие дни положение еще осложнилось событиями в Москве. Наши выступления 1 ноября подняли еще больше тон Земского союза. На запрещения правительства он решил ответить созывом открытого съезда тем порядком, который в 1905 г. получил название «явочного», то есть с полным игнорированием правительственного вмешательства. Князь Львов приготовил для открытия съезда речь, которая совершенно порывала с прежними «деловыми» традициями союза.

«То, что мы хотели 15 месяцев тому назад с глазу на глаз сказать вождю русского народа, — констатировал Львов (речь идет о непринятой депутации), — что мы говорили в ту пору шепотом на ухо, стало теперь общим криком всего народа и перешло уже на улицу... Но нужно ли называть имена тайных волхвов и кудесников нашего государственного управления и... останавливаться на чувствах негодования, презрения, ненависти?.. Когда власть стала совершенно чуждой интересам народа... надо принимать ответственность на самих себя... Остается только воззвать к... Государственной Думе, законно представляющей весь народ русский, и мы взываем к ней: не расходитесь!.. Оставьте

дальнейшие попытки наладить совместную работу с настоящей властью; они обречены на неуспех, они только отделяют нас от цели. Не предавайтесь иллюзиям, отвернитесь от призраков! Власти — нет!» «Стране нужен монарх, охраняемый ответственным перед страной и Думой правительством».

Речь эта не была произнесена ввиду ожидавшегося закрытия съезда полицией. Но ее заменила соответствующая по резкости резолюция, принятая единогласно присутствовавшими 59 представителями от 22 губерний, в обстановке, действительно напоминавшей 1905 год. Собрание разделилось на две части. Главноуполномоченный князь Львов остался в помещении, куда проникла полиция. Пока она составляла протокол о закрытии, часть членов перешла в другое помещение, под председательством товарища уполномоченного молодого Д.М. Щепкина, — и приняла резолюцию.

Дума немедленно реагировала на происшедшее в Москве 9—11 декабря. 13—16 декабря мы поставили на очередь запрос об отношении правительства к общественным организациям и, вопреки попытке Протопопова закрыть заседания, произнесли речи определенного содержания. В частности, я говорил, что раз борьба переходит в явочную форму, которая не считается с законом, то этим самым восстанавливается единый фронт борьбы, существовавший до манифеста 17 октября. До этого момента левые старались отделить себя от блока. Теперь перед нами общие задачи и единый враг. Разница только в том, что размеры борьбы — иные, нежели в 1905 г. А закончить речь мне пришлось намеком, смысл которого был понят на следующий день. Я говорил, что воздух наполнен электричеством и что неизвестно, куда падет удар. Я знал, куда он падет. За несколько дней перед тем В.А. Маклаков мне рассказал, что готовится покушение на Распутина, о чем его осведомил Пуришкевич. Он потом печатно изложил сообщенные мне сведения. Той же ночью на 17 декабря появился указ об отсрочке Думы до 19 февраля, а на следующий день произошло убийство Распутина. Сессия началась и кончилась событиями, невозможными при нормальном ходе государственной жизни.

Интересно было узнать впоследствии, как эти судьбоносные дни отразились в сознании императрицы (по ее письмам к мужу в Ставку). 10 декабря 1916 г. она пишет как об одержанной победе: «Слава Богу, митинги в Москве прекращены. Шесть раз Калинин (прозвище Протопопова — П.М.) был до четырех утра у телефона, но кн. Львову удалось прочесть бумагу (резолюцию съезда. — П.М.) прежде, чем полиция их нашла в одном месте. Ты видишь, Калинин работает хорошо, твердо и не флиртует с Думой, а только думает о нас». 14 декабря императрица уже делает выводы: «Я бы спо-

койно и с чистой совестью перед всей Россией отправила бы Львова в Сибирь, отняла бы у Самарина его чин (он подписал эту бумагу в Москве — П.М.), Милюкова, Гучкова и Поливанова также — в Сибирь. Идет война, и в такое время внутренняя война есть государственная измена. Почему ты так на это не смотришь, я, право, не могу понять. Я только женщина, но моя душа и мой ум говорят мне, что это было бы спасением России». Она старается закрепить в сознании мужа основной тезис всего царствования: «Мы Богом возведены на престол, и мы должны твердо охранять его и передать его неприкосновенным нашему сыну. Если ты будешь держать это в памяти, то не забудешь быть государем. И насколько легче для самодержавного государя, чем для того, который присягнул конституции». Что же должен делать «самодержавный»? «Будь Петром Великим, Иваном Грозным, императором Павлом, — советует императрица. — Раздави их всех под собой!» А Николай II на это отписывается: «Бедный старый муженек — без воли» («poor old huzy — with no will»).

«Власти нет», — писал князь Львов. «Правительства нет», — подтверждал Протопопов. И оба признавали, с противоположных сторон: общественные организации хотят занять место власти. Эти признания определили политическое содержание следующего, предреволюционного отрезка времени. Прежде чем погрузиться в новогоднюю петербургскую атмосферу, я съездил на рождественские праздники в Крым — повидаться с И.И. Петрункевичем, который жил в Гаспре, имении графини С.В. Паниной, возле Ялты. С.В. была вхожа в мир великих князей и просто князей, и до нас доходили их настроения. Это было сплошное торжество по поводу геройского поступка «Феликса» (Юсупова-Сумарокова-Эльстона), рискнувшего собой, чтобы освободить Россию и династию от злокачественной заразы. Мне, признаюсь, подвиг Феликса и Дмитрия Павловича в сообществе с Пуришкевичем не рисовался в этом романтическом свете. Безобразная драма в особняке Юсупова отталкивала и своим существом, и своими деталями. Спасение России оказывалось призрачным; убийство Распутина ничего изменить не могло. И я предвосхищал суждение русского мужика о гибели своего брата: «Вот, в кой-то веки добрался мужик до царских хором — говорить царям правду, — и дворяне его уничтожили». Так оно и вышло. Коллективный русский мужик готовился повторить эту операцию над «дворянами». Но в княжеских виллах, окружавших Гаспру, никто об этом не думал. Должен признаться, что и в наших разговорах с И.И. Петрункевичем о том, что ожидало Россию, было больше гаданий, чем конкретных суждений о том, что предстояло через два месяца.

П.Г. КУРЛОВ

ГИБЕЛЬ ИМПЕРАТОРСКОЙ РОССИИ

Генерал П.Г. Курлов.
Гибель Императорской России.
Берлин, 1923 г.

Курлов Павел Григорьевич (1860—1923), генерал-лейтенант, вице-директор и директор Департамента полиции (1907), начальник Главного тюремного управления (1907—1908), товарищ министра внутренних дел (1909—1911), помощник начальника Двинского военного округа (1914—1915).

Крестьянин Тобольской губернии Григорий Ефимов Распутин приобрел за последние годы царствования Императора Николая Александровича известность не только в России, но и во всем мире. Преувеличенные до крайности толки о нем послужили всем русским противоправительственным партиям средством для борьбы, направленной к дискредитированию монархического принципа и личностей Государя и Императрицы. Средство оказалось действенным, — и не подлежит сомнению, что достигшая, благодаря главным образом лжи и клевете, чудовищных размеров слава Распутина сослужила революционерам огромную службу и создала благоприятную почву для падения российского трона. Прием — не новый, хорошо знакомый истории в знаменитых, воплощенных в легенду об ожерелье королевы, инсинуациях на династию Бурбонов во времена Великой Французской революции. Странно сопоставлять кардинала принца де Рогана с русским мужиком, но оба они оказались одинаково роковыми для своих царственных покровителей.

Я не могу с точностью установить время появления Распутина на петербургском или, вернее сказать, придворном горизонте. При моем вступлении в должность товарища министра внутренних дел имя Распутина мне ничего не говорило, я слышал в обществе, что в Императорском дворце бывает какой-то «старец», юродивый, или просто шарлатан, именуемый Гришкой, какими в то время кишел Петербург. Немногие аристократические дома не имели «своего» Распутина, Мити или им подобных. Мистицизм всецело захватил высшее русское общество. Говорили, что Распутина ввел во дворец ректор Петербургской духовной академии архимандрит Феофан под влиянием епископа Гермогена и иеромонаха Илиодора. Указывали также, что эту тягостную для царской семьи услугу оказала одна из высокопоставленных дам и, наконец, будто Распутин был выдвинут некоторыми из членов августейшей фамилии.

Хотя он участия в политической деятельности, относящейся к сфере департамента полиции, не принимал, но, вследствие того, что Распутин бывал во дворце, в то же время вращался в среде подозрительных дельцов и проживал в

квартире привлечшего на себя внимание полиции редактора журнала «Русское богатство», Петербургское охранное отделение установило за Распутиным наблюдение, о котором, как об обстоятельстве в тот момент несерьезном, я даже и не знал.

Однажды вечером, зимой 1909—1910 гг., П.А. Столыпин передал мне по телефону о полученном им распоряжении прекратить учрежденное за Распутиным наблюдение и приказал это исполнить. Я дал соответствующие указания охранному отделению и, признаться, занятый другой, более важной работой, в дальнейшем об этом забыл. Через несколько дней после очередного доклада П.А. Столыпин задержал меня и сказал, что он должен сегодня в три часа дня принять Распутина, а потому просил меня быть к этому времени в его кабинете, сесть за одним из боковых столов, не вмешиваться, под видом рассмотрения бумаг, в разговор и, по уходе Распутина, высказать ему мое мнение. К назначенному времени я находился в министерском кабинете, куда дежурный курьер Оноприенко вскоре ввел Распутина. К министру подошел худощавый мужик с клинообразной темно-русой бородкой, с пронизательными умными глазами. Он сел с П.А. Столыпиным около большого стола и начал доказывать, что напрасно его в чем-то подозревают, так как он самый смирный и безобидный человек. Министр молчал и только перед уходом Распутина сказал ему, что если его поведение не даст повода к иному к нему отношению, то он может быть спокоен, что полиция его не тронет. Вслед за тем я высказал министру вынесенное мной впечатление: по моему мнению, Распутин представлял из себя тип русского хитрого мужика, что называется — себе на уме, и не показался мне шарлатаном.

«А нам все-таки придется с ним повозиться», — закончил П.А. Столыпин нашу беседу.

Через две недели я получил приказание представить министру, по имевшимся в Департаменте полиции данным, письменный доклад о Распутине. Данные эти касались, главным образом, его частной жизни, в которой отмечались кутежи, заканчивавшиеся иногда скандалами, любовь к женщинам и сношения с целым рядом аферистов, его, по-видимому, эксплуатировавших. На мой вопрос о цели этого доклада П.А. Столыпин ответил, что он имеет в виду представить его Государю Императору. Я решился посоветовать министру этого не делать, так как содержание доклада, затрагивавшего только частную жизнь Распутина, могло показаться Императору стремлением очернить человека, пользовавшегося Его благоволением. П.А. Столыпин моего мнения не разделил, но по возвращении вечером из Царского Села вызвал меня к себе и, возвращая доклад, заметил, что я был прав, так как Государь Император, выслушав его, не

обмолвился ни одним словом и просил перейти к делам очередного доклада.

Каких бы то ни было указаний на влияние Распутина в придворных сферах я в то время по службе не имел и наткнулся на него только в деле Саратовского епископа Гермогена и иеромонаха Илиодора. Саратовский губернатор граф Татищев вынужден был оставить свой пост вследствие невозможных отношений между ним и епископом Гермогеном, который позволял себе ряд бестактных и недопустимых выходок, направленных против начальника губернии. Его преемник П.П. Стремоухов тоже жаловался на поведение преосвященного Гермогена, прикрывавшего свои неприличные поступки фразами о монархизме и религиозности. Как умный человек, архиерей не доводил своих выходок до крайности, инспирируя и пользуясь для этого иеромонахом Илиодором. Последний произносил в Царицыне прямо революционные проповеди, убеждая народ не признавать властей, так как они — еретики и изменники Государю. Подлинный текст его проповедей был мне представлен начальником Саратовского губернского жандармского управления полковником Семигановским. Мы с П.А. Столыпиным неоднократно обсуждали меры обуздания Илиодора. Как-то, несмотря на очень поздний час вечера, графиня С.С. Игнатьева просила меня немедленно ее принять. После моего согласия она приехала через несколько минут. Я был очень удивлен, встречая ее, что за ней виднелась фигура какого-то монаха.

«Позвольте вам представить страшного человека, иеромонаха Илиодора, который только что приехал, и я хотела, чтобы вы могли лично составить о нем правильное мнение», — с такими словами обратилась ко мне графиня Игнатьева.

Я увидел высокого, худощавого инока с горевшими, безумными глазами. С первых же слов он экзальтированно стал мне жаловаться на саратовскую администрацию, а в особенности на полковника Семигановского, который все время на него клеветает. На моем письменном столе лежала только что полученная последняя проповедь иеромонаха Илиодора, где он прямо призывал народ к открытому сопротивлению властям и даже к насилию. Я показал ее моему собеседнику и спросил, не является ли имевшийся у меня текст его проповеди искаженным, на что он, ознакомившись с содержанием, ответил, что это — его подлинные слова, а на мое замечание, что мы не можем терпеть открытых призывов к бунту и что я не понимаю, как совмещается подобная проповедь с его монархическим и крайне правым направлением, Илиодор, возвысив голос, продолжал, что он не поднимает народ на мятеж, а только себя считает вправе так относиться к представителям власти, ибо они — изменники

Государю. Дальнейший разговор с явным маньяком я считал излишним: мое мнение о нем было составлено, но, очевидно, оно не совпадало с убеждениями графини Игнатьевой. Мне было ясно, что иеромонах Илиодор — тип появившегося в последние годы духовного карьериста, не останавливающегося в целях популярности среди народа ни перед какими средствами, и что всякая надежда воздействовать на него разумным путем явилась совершенно тщетною. На другой день он уехал в Царицын и, запершись в церкви монастыря, не отпускал собравшийся народ ни днем, ни ночью, возбуждая его в духе только что упомянутой проповеди. Губернатору было приказано окружить монастырь полицейской стражей и не допускать дальнейшего притока народа, самого иеромонаха Илиодора не трогать и в церковь не входить. Одновременно П.А. Столыпин обратился к обер-прокурору святейшего синода с просьбой, чтобы высшая духовная коллегия через посредство епископа Гермогена воздействовала на Илиодора.

И духовные меры не привели ни к какому результату!

Приходилось прибегнуть к крайним средствам и даже употребить силу. В течение последних перед этим дней ко мне стали поступать копии телеграмм от епископа Гермогена и иеромонаха Илиодора к Распутину, причем за иеромонаха телеграммы подписывал его брат студент Труфанов. В этих депешах означенные лица просили Распутина хлопотать за них, а тот в своих ответах успокаивал, давая надежду на благоприятный исход дела. Немного спустя П.А. Столыпин получил собственноручную записку Государя, в которой Его Величество, снизойдя к просьбам духовных детей Илиодора, повелевал в последний раз не давать этому делу дальнейшего хода.

Милость Монарха не оказала на Илиодора должного влияния, равно как не воздействовал на него и посланный Государем Императором флигель-адъютант, так что все-таки явилась необходимость прибегнуть к исключительным мерам и отправить иеромонаха в один из монастырей Тульской губернии, а епископа Гермогена в один из монастырей Гродненской губернии. По-видимому, последняя мера была сочтена обоими монахами за недостаточность желания со стороны Распутина оказать им дальнейшую помощь, и прежние друзья стали врагами.

Я останавливаюсь на этих событиях потому, что они составляют первоначальный источник тех легенд о значении Распутина и его близости к царской семье, которые потом распространились по всей России. В этот период изменившихся отношений к Распутину иеромонах Илиодор, инспирируемый епископом Гермогеном, проявил те же свойства, которые так рельефно выступали в его проповедях. В убеждении, что ему все дозволено и в борьбе допустимы всякие

средства, как бы презренны они ни были, иеромонах Илюдор не остановился перед распространением в обществе апокрифических писем к Распутину, будто бы исходивших от лица Императрицы и августейших дочерей. Этим письмам он придал недопустимое содержание.

И таким выдумкам поверили!

Председатель Совета Министров В.Н. Коковцов не нашел ничего лучшего, как сделать Распутину предложение, о котором я уже говорил, видимо, считая, что отъезд Распутина из столицы ослабит или устранил произведенное упоминутыми письмами в публике впечатление и не понимая, что такой прием превратит в глазах большинства подложные документы в действительные, а М.В. Родзянко дерзнул показать письма Государю и убеждал Его приказать выслать Распутина из Петербурга. Нужно было самомнение и ограниченность Родзянко, чтобы удивиться и вознегодовать, что обращение его было принято Государем далеко не любезно.

Какое же положение на самом деле занимал Распутин и можно ли считать приведенные выше факты доказательством его исключительного влияния на Государя и Императрицу? Я не говорю уже о подкладке, на которую намекают письма. Допускать хоть на одну минуту и придавать ей значение было бы верхом не только полной непорядочности, но и безграничной глупости. Они могли возбудить в мало-мальски нравственно опрятном человеке только чувство отвращения. Не верили им и те, кто ими пользовался для достижения своих личных целей, а отнюдь не для блага государства, и я, знакомый с этикой революционных партий, убежден, что и они относились к ним отрицательно, что подтверждается мнениями членов чрезвычайной следственной комиссии, которые с омерзением отвергли эту грязь, как опровергнутую расследованием.

Что же, повторяю, было в действительности? Являлась ли роль Распутина совершенно непонятной и необъяснимой и можно ли было посещение Распутиным дворца поставить в вину членам августейшей семьи, как какое-то тяжкое нравственное преступление?

Конец XIX-го и начало XX века знаменуется упадком религии не только в высшем обществе, но даже в народе. Неизбежным спутником такого падения является мистицизм, который незаметно, даже для искренно верующих людей, перемешивается с чистой религией. Государь Император был, несомненно, глубоко религиозным человеком. Тяжелые события царствования не могли пройти для него бесследно и не направить Его духа, по-моему, почти произвольно в сторону мистицизма. Наряду с этим те же события, а главное окружавшие Его люди поселили, к сожалению, в Его душе чувства полного недоверия и брезгливого презре-

ния к представителям бюрократии и высшего общества, раболепно перед Ним преклонявшихся для достижения своих эгоистических целей и в то же время на каждом шагу готовых Его предать. Живо встают в моей памяти фигуры некоторых придворных, занимавших по должности свои места, которых они так домогались, за креслами членов Императорской фамилии на торжественном обеде по случаю бракосочетания великой княжны Марии Павловны, а непосредственно затем произносивших в Государственной Думе противоправительственного содержания речи. Монарху хотелось слышать искреннее, правдивое слово, и Он считал, что оно может исходить только от простого человека. Вот источник доверия Государя к Распутину. Если к ним прибавить, что Распутин, несомненно, обладал способностью успокаивать и этим благотворно действовал на малолетнего Наследника во время его недомогания, то, при безграничной любви Государя и Императрицы к своему сыну, он должен был стать для них необходимым человеком.

В предыдущем изложении событий я указывал, сколь неправилен был господствовавший взгляд о неограниченном влиянии Распутина на дела государственного правления. Я приводил фактические данные, что высшие назначения не могут быть приписаны ему, хотя естественно допустить, что при доверии и мистицизме Государя мнения Распутина о том или другом человеке не проходили бесследно, когда Император по личному убеждению или иным данным сам останавливался на выборе определенного лица.

Я считаю необходимым обосновать высказанное мной мнение личными впечатлениями моего знакомства с Распутиным и отрицательными отзывами маньяка Пуришкевича.

Никогда и никаких назначений, наград или других милостей при содействии Распутина не получал, невзирая на ходившие по этому поводу слухи, оказавшиеся на столько вздорными, что чрезвычайная следственная комиссия с первых же дней исключила меня из компании так называемых «распутинцев». Впервые я беседовал с Распутиным зимой 1912 года у одной моей знакомой, которая, относясь сердечно ко мне, по-видимому, хотела помочь через него в том тяжелом положении, которое я переживал от всех преследований по делу смерти П.А. Столыпина. Внешнее впечатление о Распутине было то же самое, какое я вынес, когда, незнакомый ему, видел его в кабинете министра. По всей вероятности, хозяйка рассказала ему обо всех моих невзгодах, хотя о деле убийства П.А. Столыпина он знал из других источников, но я ни в какие разговоры с ним по этому поводу не входил. Распутин отнесся ко мне с большим недоверием, зная, что я был сотрудником покойного министра, которого он не без основания мог считать своим врагом. Я ни одной минуты не думал обращаться к нему с какой бы то ни

было просьбой, и потому наш разговор носил общий характер. На этот раз меня поразило только серьезное знакомство Распутина со Священным писанием и богословскими вопросами. Вел он себя сдержанно и не только не проявлял тени хвастовства, но ни одним словом не обмолвился о своих отношениях к царской семье. Равным образом я не заметил в нем никаких признаков гипнотической силы и, уходя после этой беседы, не мог себе не сказать, что большинство циркулировавших слухов о его влиянии на окружающих относится к области сплетен, на которые всегда был так падок Петербург.

Вторая встреча произошла летом 1915 года. Приехав в столицу на несколько дней из Риги, я, по обыкновению, поспешил посетить моего давнишнего врача и старого друга П.А. Бадмаева и застал у него Распутина. Знакомство их меня нисколько не удивило, так как П.А. Бадмаев, будучи глубоко верующим христианином, относился весьма отрицательно ко всякому проявлению мистицизма, но тщательно его изучал путем личного знакомства с различными людьми, выдвигавшимися на этом поприще. Ранее я видел у него странника Митю и других старцев и юродивых. К Распутину он относился с большим вниманием, видимо, желая разгадать его личность, особенно ввиду того, что П.А. Бадмаев искренно обожал Государя Императора и Его семью.

В своих глубокомысленных рассуждениях, преисполненных клеветы над умиравшим Распутиным, его убийца Пуришкевич не оставил в покое и П.А. Бадмаева, приписывая ему снабжение Распутина особыми порошками, которые подчиняли ему волю членов царской семьи. Это необходимо было Пуришкевичу, заботившемуся всегда только о популярности, чтобы как-нибудь подкрепить в глазах читателей свои собственные предположения о безусловном и почти рабском подчинении Государя и Императрицы Распутину, нелепость и ложность которых не оставляла в нем никаких сомнений, если только допустить, что у него в момент предательского убийства в спину были какие-либо соображения, кроме страха ответственности.

Между тем никто из царской семьи никогда у П.А. Бадмаева не лечился; никогда не лечился у него и Распутин, а многочисленные пациенты П.А. Бадмаева, в числе коих я сам был в течение восемнадцати лет, прекрасно знают, что никаких особенных средств у П.А. Бадмаева не было. Безусловно веря медицинским познаниям последнего, я, как и все русские, с большим беспокойством следил за ходом постигшей Наследника болезни, а потому послал генерал-адъютанту Дедюлину телеграмму с предложением использовать для августейшего больного испытанные мной от кровоизлияния средства П.А. Бадмаева, что встретило полное противодействие со стороны придворных врачей.

При этом свидании Распутин живо интересовался войной и, так как я приехал с театра военных действий, спрашивал мое мнение о возможном ее исходе, категорически заявив, что он считал войну с Германией огромным бедствием для России. В дальнейшей беседе он впервые коснулся своих отношений к Царскому Селу. Говорят, что он тщетно убеждал Государя Императора не вступать в эту войну, — это еще раз подтверждает отсутствие исключительного влияния Распутина в делах государственных. Будучи противником начатой войны, он с большим патриотическим подъемом говорил о необходимости довести ее до конца, в уверенности, что Господь Бог поможет Государю и России. Таким образом, у Распутина было гораздо более развито национальное чувство, чем у многих его обвинителей в стремлении к сепаратному миру и влиянии в этом отношении вместе с «немцем» Штюрманом на Императрицу. Из этого следует, что обвинение Распутина в измене было столь же обоснованно, как и опровергнутое уже обвинение Государыни. Я не забуду очень характерную фразу, которая сорвалась у Распутина в этом разговоре: «Иногда целый год приходится упрашивать Государя и Императрицу для удовлетворения какого-нибудь ходатайства».

Несоизмеримо далеко до «исключительного» влияния!

Несколько раз пришлось мне говорить с Распутиным и в последние месяцы его жизни. Я встречался с ним у того же П.А. Бадмаева и поражаюсь его прирожденным умом и практическим пониманием текущих вопросов даже государственного характера. Он был ярым сторонником продолжения работ Государственной Думы, несмотря на ее антиправительственные выходки, и каждый раз повторял о необходимости наладить продовольственный вопрос, правильное разрешение которого, по его мнению, являлось единственным средством спокойствия в стране.

В бытность мою товарищем министра внутренних дел мне неоднократно докладывали о кутежах Распутина, во время которых он никогда не осмеливался допускать инсинуации по отношению к царской семье, которые приписывались ему петербургскими великосветскими сплетниками, вроде рассказа о его непочтительном отзыве о великой княжне Ольге Николаевне, за что он был будто бы избит каким-то офицером.

Приведенное мое мнение о Распутине, как это ни странно, подтверждается все тем же Пуришкевичем в его рассказе о «высокопатриотическом подвиге» его убийства. Даже Пуришкевич не дерзает повторять подобные слухи, а напротив, не допускает и мысли о справедливости басен, преисполненных грязи по отношению к Императрице и Ее дочерям. Не останавливаясь ни перед чем, чтобы оправдать свой позорный поступок, совершенный им будто бы для спасения

Государя и России от чрезмерного влияния Распутина, он не приводит ничего в его подтверждение, кроме отрицательных возгласов: «Где же честнейший и благороднейший А.Д. Самарин? Где начальник дворцовой канцелярии князь Орлов? Где генерал Джунковский? Где фрейлины княжна Орбелиани и Тютчева? Их нет при дворе, ибо они дерзнули поднять свой голос против Распутина».

Помимо того, что и фактически не все эти сведения верны, так как, например, княжна Орбелиани до конца своей жизни проживала во дворце и умерла почти на руках Императрицы, едва ли правильно и заключение, что остальные поименованные лица должны были оставить свои посты из-за выступления против Распутина. Я позволю себе привести здесь простой житейский пример. Большинству из нас приходилось иметь прислугу, которой особенно дорожишь, несмотря на сознаваемые иногда дурные ее стороны. При первом указании всегда находящихся для этой цели людей на эти свойства мы любезно благодарим. При вторичном указании — с благодарной улыбкой пожимаем плечами и, наконец, при последующих повторных настояниях негодуем и просим не вмешиваться не в свое дело. Какое же основание отказывать в этом человеческом свойстве самодержавному Монарху? У него негодование на непрошеное вмешательство и повторение все тех же нападок, естественно, влекло за собой удаление настойчивых советников, причем это удаление никогда не выражалось в резкой форме, а являлось лишь устранением таких лиц с тех мест, на которых они, в силу неправильно понятых своих обязанностей, считали такое вмешательство возможным. Доброта Государя проявлялась и в этих случаях. Князь Орлов был назначен на высший пост помощника Наместника Его Величества на Кавказе по гражданской части, а генерал Джунковский был оставлен в свите. Я не могу заподозрить, что эти случаи были результатом мести Распутина: он был, несомненно, добрым человеком и неоднократно высказывал чувство христианского прощения своим врагам.

При наличии вышеприведенных данных отпадает вся грязь так называемой «Распутинской истории» по отношению к царской семье, отпадает подстрекательство Распутиным — мне тяжело повторять брошенное в массы обвинение Государя и Императрицы — в измене, причем оба эти обвинения опровергнуты судебным порядком, так как изложенное мной выше мнение одного из членов чрезвычайной следственной комиссии подтверждается и другим следователем, которому Керенский поручил разобрать все личные документы Государя. В. Руднев утверждал, что личный архив Государя велся в образцовом порядке; в нем были собраны не только все важнейшие секретные письма, но и черновики ответов на них. По этим документам личность

Государя Императора Николая Александровича, говорит В. Руднев, является кристально чистой.

Остается влияние на назначения и проведение различных дел, что давало Распутину материальные выгоды. Я не пытался безусловно отрицать значение Распутина в первом случае и указал на форму, в которой оно проявлялось, выливаясь в поддержку доброго мнения самого Монарха о предполагавшихся кандидатах на разные посты. По отношению к делам несомненно, что Распутин мог обратиться с той или иной просьбой к Императрице или даже к Государю и что многие из его ходатайств удовлетворялись, но результатами пользовался не он, а окружавшая его шайка дельцов. На их долю выпадала львиная часть. Распутину же они уделяли только незначительные суммы, — да и те уходили в руки нуждающихся просителей, из коих почти никто не оставался без вспомоществования с его стороны. А сколько было случаев, когда Распутин ходатайствовал о милости и покровительстве исключительно бедным людям! После его смерти я был свидетелем горьких слез сожаления простых людей, конечно, не известных высокопоставленным противникам убитого, в приемных которых этим беднякам приходилось месяцами ждать отказа.

Официально доказано, что после смерти Распутина в его квартире не было найдено ни копейки, не было никаких денег и в банках, так как, конечно, это не осталось бы тайной, при том условии, что мельчайшие подробности его жизни, не только настоящие, но и вымышленные, обсуждались в прессе всего мира в стремлении найти какое-нибудь обстоятельство, которое ярче представляло бы его личность в дурном свете.

Излагая все известные мне факты, я боюсь возможного упрека, что при моей любви и безграничной преданности к царской фамилии я стараюсь затушевать истину, так как все изложенное противоречит созданной около личности Распутина легенде. Могут считать самомнением с моей стороны отрицание мной рассказов, которым верили все и которые были причиной такого акта, как убийство Распутина членом Императорского дома, великим князем Дмитрием Павловичем. Я говорю «убийство», потому что не могу стать на своеобразную юридическую точку зрения Пуришкевича.

«Слава Богу, — говорит он, — что рука великого князя Дмитрия Павловича не обагрена этой грязной кровью. Он был лишь зритель, и только. Чистый, молодой, благородный царственный юноша, столь близко стоящий к престолу, не может и не должен быть повинным, хотя бы и в таком высокопатриотическом деле, связанном с пролитием чьей бы то ни было крови, пусть это будет даже кровь Распутина».

Что это: глупость или цинизм? Неужели член Государственной Думы Пуришкевич не знал, что по уголовным зако-

нам всего мира присутствие при убийстве есть соучастие в преступлении и что на нем лежит несмываемое пятно, как он мог допустить какую-либо причастность столь любимого Государем великого князя к называемому им «высокопатриотическим» делу, которое в глазах всех нормальных людей является отвратительным. Можно себе представить убийство под влиянием чистых мотивов, и оно не пачкает человека, но нельзя не отнестись без омерзения к убийству человека, заманенного в свой дом в качестве гостя. Монархист Пуришкевич должен был скорее умереть, чем допустить участие великого князя в некорректном поступке. Он нагло хвастается, что вместе с великим князем составил письмо к Императрице Александре Федоровне, в котором «все написанное было умело продуманной ложью и изображало нас в виде незаслуженно оскорбленной добродетели».

Нет названия такому поступку, если остановиться, что привлечение к такому делу великого князя было стремлением гарантировать себя от ответственности. Пуришкевич знал, что по русским законам все соучастники одного преступления судятся в высшем суде, которому подсуден один из них. Таким судом для великого князя был Император, и это обеспечивало Пуришкевичу почти полную безнаказанность.

Указанные выше мои опасения упреков заставляют меня попытаться выяснить, чем же была вызвана легенда о Распутине, послужившая как бы оправданием февральских дней 1917 года. Легенду эту создали, во-первых, все кандидаты на ампулу Распутина, вроде князя М.М. Андронникова, державшего называть себя «адъютантом Господа Бога», монаха Мардария, юродивого Мити и т. п., имя коим при современном состоянии Петрограда — легион и которых доводила до пароксизмов злобы невозможность убрать Распутина. Во-вторых, все те, которые, несмотря на обивание распутинских порогов, никаких назначений не получили, — для них всякое назначение, обманувшее их надежды, было, конечно, делом Распутина, о чем они громогласно возвещали *urbi et orbi*. Наконец, те, которым хотя и помог в их карьере Распутин и которые сначала в порыве благодарности разделяли с ним его кутежи, не обижаясь даже формой приглашения, как, например А.Н. Хвостов, секретарь коего лично слышал голос Распутина, говорившего: «Алешка, поедem к цыганам», — после чего немедленно министру подавали автомобиль, — и которые впоследствии с цинизмом говорили о планах убийства Распутина, что опять-таки возвещали всем, желавшим это слушать, второстепенные окружавшие их агенты.

Как могла не верить распространяемым о Распутине слухам широкая непосвященная публика, когда возможны были такие скандальные истории, как история того же мини-

стра с его товарищем С.П. Белецким: А.Н. Хвостов посылает своего нижегородского клеветы Ржевского, заподозренного, кстати сказать, в мошенничестве, в Швецию для покупки у скрывавшегося там лишенного сана иеромонаха Илиодора его книги о Распутине, изданием которой он все время угрожал, а товарищ министра арестует по дороге этого Ржевского и представляет отобранные у последнего письма своего начальника непосредственно Государю Императору. Отставка обоих являлась выдающимся событием и увеличивала молву о Распутине, хотя она, в сущности, была неизбежным наказанием за нарушение самых элементарных служебных правил.

Манасевич-Мануйлов, бывший служащий Департамента полиции, сотрудник нескольких газет, был взят председателем Совета Министров Б.В. Штюрмером в качестве чиновника особых поручений для осведомления его о делах прессы. Такой делец не мог не знать Распутина и пытался через него, а вернее сказать, пользуясь его именем, провести директора одного из московских банков и близкого родственника А.Н. Хвостова в министры финансов. Министр внутренних дел, дядя А.Н. Хвостова, под влиянием директора департамента полиции, арестует Манасевича-Мануйлова, испросив на это разрешение в Ставке и даже не предупредив председателя Совета Министров о предстоявшем задержании его чиновника. Новый общественный скандал и крики около имени Распутина.

Кроме того, самыми действительными распространительницами, как они сами по своей наивности думали, славы Распутина, а в сущности оказавшие ему и в особенности царской семье ужасную услугу, — были всевозможные кликуши, его окружавшие, как из среднего, так и из высшего общества. Многие из них искренно верили в «святость» Распутина и рассказами об этой святости рыли ему могилу.

Такие условия, раздувшие значение Распутина, в последние перед революцией месяцы дали возможность думской оппозиции и революционным партиям воспользоваться его именем как орудием, направленным непосредственно против династии.

Прошло три года со смерти Распутина. Кровавый кошмар, охвативший Россию, не изгладил и не рассеял гипноза распутинской легенды, — и многие годы пройдут, пока правда не отведет ему надлежащего места и не поставит его в ряду многочисленных заурядных фигур Российского безвременья.

А.Ф. КЕРЕНСКИЙ

РОССИЯ НА
ИСТОРИЧЕСКОМ
ПОВОРОТЕ.
МЕМУАРЫ

А.Ф. Керенский,
бывший премьер-министр Временного
правительства.
Россия на историческом повороте. Мемуары.
Лондон, 1966 г.

Керенский Александр Федорович (1881—1970) — адвокат, депутат IV Думы от Саратовской губернии, министр юстиции в первом составе Временного правительства, затем военный и морской министр, министр-председатель, Верховный главнокомандующий. С 1918 г. в эмиграции. Скончался в Нью-Йорке.

1 ноября 1906 года Николай II записал в своем дневнике: «...повстречались с Божьим человеком Григорием, родом из Тобольской губернии...» Тот год ознаменовал начало всевластия при императорском дворе Григория Распутина и той фатальной дороги, которая неумолимо привела царя и его семью в подвал Ипатьевского дома в Екатеринбурге, где они приняли смерть от пуль ЧК.

Трудно вообразить себе ту беспредельную власть, которой обладал неграмотный мужик из далекой сибирской деревни Покровское. Фантастическое превращение Распутина из близкого к императорской семье знахаря в человека, творившего историю России, — одна из тех исторических нелепостей, когда сугубо личная семейная драма выносится на авансцену мировой политики. Это лишь еще раз подтверждает мою убежденность в том, что история не определяется «объективными» законами и что отнюдь не последнюю роль в ее развитии играет личность.

Будущий император Николай II встретил и влюбился в Алису Гессенскую и Дармштадтскую в Виндзорском замке. Королева Виктория весьма благожелательно отнеслась к зарождавшимся чувствам своей любимой внучки и молодого наследника престола. Царь Александр, зная, что гемофилия из поколения в поколение поражала членов гессенского дома, решительно воспротивился планам брачного союза, но в конце концов вынужден был уступить. Принцесса Алиса почти ничего не знала о России, где до того побывала лишь однажды, проведя несколько недель в гостях у своей сестры, жены Великого князя Сергея Александровича. Времени, чтобы подготовиться к выполнению своих августейших обязанностей, у нее тоже не было. О помолвке с наследником было объявлено в апреле 1894 года, а свадьбу отпраздновали в ноябре того же года, вскоре после смерти Александра III.

Принцесса Алиса получила воспитание в Виндзорском замке, однако во всем другом она мало чем отличалась от типичной английской девушки викторианской эпохи. И кто бы мог предугадать, что искрящейся радостью прин-

цессе, «виндзорскому солнечному лучику», как ласково называл ее Николай II, суждено стать мрачной русской царицей, фанатичной сторонницей православной церкви. Однако семена будущих бедствий уже гнездились в очаровательной принцессе: вместе со склонностью к мистицизму она унаследовала от своей матери способность передавать наследникам по мужской линии гемофилию. Поначалу судьба, судя по всему, благоволила ей, отказав даровать ей сына. Она родила четырех дочерей, что повредило ее здоровью, но не смогла дать жизнь наследнику престола. Страстное желание родить сына побудило царицу искать помощи у шарлатанов, авантюристов и «чудотворцев».

Европа тех лет буквально кишела ими, и некоторые попытались свое счастье в России. Первым при дворе появился д-р Энкокс, француз, которого все именовали Папусом. Он был представлен Николаю II в 1901 году в Париже Великим князем Николаем Александровичем. В 1901-м, 1905-м и 1906 годах Папус побывал в России и навсегда остался другом императорского семейства. В качестве президента Высшего Совета ордена мартинистов он основал в Санкт-Петербурге масонскую ложу, в которой царь, по слухам, занял пост «Высшего гостя». В число членов ложи вошли наиболее видные представители Санкт-Петербургского общества. Папус проводил сеансы, во время которых обычно вызывал дух Александра III для бесед его с сыном Николаем II. Незыблемая верность царя союзу с Францией, которую не могло поколебать никакое внешнее давление, часто объясняют связями с орденом мартинистов¹. Папус был предшественником и духовным отцом другого «чудотворца» — Филиппа Вашода, человека весьма незаурядного. Уроженец Лиона, он был представлен императорской чете в Компьене во время их визита во Францию, и его влияние на царицу было столь сильным, что в своем письме к мужу в 1916 году она именует его «одним из двух друзей, посланных нам Богом», под вторым подразумевая, конечно же, Григория Распутина. Престиж Филиппа Вашода был огромен, он имел немало последователей во Франции. Царица самозабвенно следовала всем его наставлениям, но наследника по-прежнему не было. В конце концов французам пришлось покинуть Россию. Духовник царицы митрополит Феофан осудил его, назвав «порождением бесовских сил».

Лишь долгие годы спустя, 30 июля 1904 года, после десяти лет супружеской жизни, императрица родила сына. Его рождение вызвало в Александре Федоровне глубокие

¹ *Encausse F Sciences occultes Paris, 1949 P 283*

изменения. До этого все ее интересы ограничивались в основном семейным кругом. В чуждой и враждебной ей атмосфере двора она жила в постоянном страхе перед актами террора в отношении царя. Болезненная, крайне застенчивая, невероятно страдающая при исполнении своих официальных функций, она редко появлялась в санкт-петербургском обществе, довольствуясь узким кругом склонных к мистицизму друзей. Однако после рождения престолонаследника она стала уделять внимание делам государственным, поскольку самодержавие отныне символизировало уже не только власть ее мужа, но и будущее ее сына. Алексей должен стать истинным самодержцем. В ее экзальтированном сознании православие и абсолютизм были неразделимы. Она верила в мистическое единение короны и народа и страшилась любой идеи ограничения самодержавной власти. В этом ее всячески поощряли и Вашод, и Распутин. Вот что писала она в письме императору¹: «...сам месье Филипп сказал, что дарование Конституции обернется большой потерей и для тебя, и для России». Она умоляла царя быть настоящим самодержцем, напоминая о том, что «им следует научиться трепетать перед тобой, помни, ведь о том же говорили тебе месье Филипп и Григорий...» Имя месье Филиппа упоминалось также в письме, написанном в 1915 году, когда император, уступив ее настояниям, принял на себя Верховное командование армией: «Наш первый друг (месье Филипп) подарил мне икону с колокольчиком. Так как ты очень снисходителен, доверчив и мягок, то мне надлежит исполнять роль твоего колокола, чтобы люди с дурными намерениями не могли ко мне приблизиться, а я бы предостерегала тебя». И далее: «...стань новым Петром Великим, покажи, что ты властелин, и твоя воля будет исполнена... Важно, чтобы министры боялись тебя».

Но на трон уже легла тень смерти. Сын царицы страдал гемофилией, болезнью страшной и неизлечимой. Однако Александра Федоровна была не из тех женщин, которые сдаются без борьбы. Убежденная, что вера способна сдвинуть горы, она была одержима идеей найти святого человека, который молился бы за нее и сына. И тут из самой гущи народа, низайший из самых низких, появился Григорий Распутин. Жизнь этого удивительного человека хорошо известна, и я ограничусь лишь изложением основных фактов. В годы молодости Распутин, неграмотный крестьянин, отличался распутством², пьянством и

¹ 14 декабря 1916 года, письмо № 631

² Отсюда и его фамилия Распутин (Примеч авт)

буйством. Как и отец, который промышлял конокрадством, он никогда не жил в достатке и не гнушался воровством. Подобно многим сибирским крестьянам, Григорий время от времени занимался извозом, совершая поездки в самые глухие уголки Тобольской губернии. Рассказывают, что однажды ему довелось везти в один из дальних монастырей священника, и по дороге они разговорились. Священнику, видимо, удалось затронуть какую-то потаенную струну в сердце деревенского буяна.

Совершенно неожиданно Распутин охватило раскаяние. И с этого дня всю силу своей необузданной души он обратил к молитве, посту и хождению в церковь. Оставив дом и семью, он обошел пешком огромные просторы России, переходя от монастыря к монастырю. Он стал странствующим проповедником того типа, который столь характерен для России. Вскоре вокруг него образовался кружок верных последователей, которых он называл своими «утешительницами». Его идеи о грехе и покаянии представляли собой путаную мешанину из религиозного экстаза и эротики.

Вскоре слухи о Распутине — удивительные рассказы о его разнузданности и оргиях, благочестии и богоданном наитии — распространились по всей России и быстро дошли до Санкт-Петербурга. Уже в тревожном 1905 году Распутин оказался в столице. Звезда его восходила стремительно. Он стал желанным гостем в домах церковных сановников и любимцем тех слоев общества, где процветали вошедший в ту пору в моду мистицизм и увлечение спиритическими сеансами. Основой его влияния и успеха по-прежнему были женщины.

Григорию ничего не стоило после самой разнузданной оргии перейти к состоянию наивысшего религиозного экстаза. Наделенный живым умом, необычайной интуицией и необъяснимым магнетизмом, он хорошо понимал, какую ему следует выбрать для себя роль. Постепенно он стал вхож к митрополиту Феофану, инспектору Санкт-петербургской духовной академии и духовнику царицы, известному своей святостью и аскетизмом. Феофана не оставили равнодушным распутинский «дар проповедника», страстная истовость веры и врожденная мудрость его туманных толкований Евангелия. Благословение высокочтимого митрополита окончательно закрепило за Распутиным репутацию святого человека и провидца.

В значительной мере успеху Распутина способствовало покровительство двух дочерей черногогорского князя, как их называли, «черногорок». Одна из них, Милица, была замужем за Великим князем Петром Николаевичем, вторая, Анастасия, — за его братом, Великим князем Нико-

лаем Николаевичем. Анастасия была яркой приверженкой спиритизма и мистицизма. Постоянно ощущая остракизм со стороны высшего света, сестры находили утешение в дружбе с царицей Александрой. Через Великого князя Николая Николаевича они и представили императорской чете Распутина. Прошло совсем немного времени, как митрополит Феофан осознал, что Распутин вовсе не был ни божьим избранником, ни «святым чертом», как называли его ревностные столичные поклонницы, что он просто дьявол. Но к тому времени уже и доброму митрополиту было не под силу обуздать власть Распутина. Не Распутин, а он, митрополит Феофан, вынужден был покинуть столицу и уехать в Крым.

Постепенно Распутину удалось удалить из близкого окружения царицы черногорских принцесс, восстановив этим против себя Великого князя Николая Николаевича. В 1914 году, находясь на посту Верховного главнокомандующего, Великий князь получил телеграмму с просьбой разрешить Распутину посетить его. Ответ был краток: «Милости просим. Повешу немедленно».

Во дворце Распутина считали святым человеком и целителем, обладавшим сверхъестественной силой. Такие заслуживающие доверия свидетели, как преданный царю камердинер Чемодуров и семейный врач Д. Деревенко, рассказывали мне, что в ряде случаев Распутину и впрямь удавалось остановить кровотечение у больного мальчика. Однако они же отмечали, что Распутин каждый раз появлялся у постели ребенка к концу кризиса, когда кровотечение, судя по всему, должно было остановиться само собой.

Но самые удивительные факты я узнал от преданной царю старой фрейлины Елизаветы Алексеевны Нарышкиной («Зизи»). Она с самого его рождения знала и любила царя, которого звала «Ники». Большую часть вины за его неуверенность и изменчивость характера она возлагала на людей, окружавших его в годы формирования, и на тяжелую руку его сурового отца. По ее словам, Александр III подавил волю своего чувствительного старшего сына, превратив его в неискреннего, скрытного и даже коварного человека. Но больше всего винила она царицу, однако все не за то, за что ее более всего обвиняли в годы войны, не за ее немецкое происхождение. Мадемуазель Нарышкина подходила к трагедии царской семьи совсем с другой точки зрения, рассматривая ее в плане интимной, семейной жизни. Она категорически отвергала идею, которая, по мнению многих, даже тех, кто близко стоял к трону, не требовала доказательств, — идею о том, что интересы Николая II были для нее превыше всего. Нарышкина уве-

ряла, что «Ники» и его дочери составляли единую группу, от которой Александра Федоровна и ее сын держались в стороне.

«Все произошло из-за него», — сказала она мне с каким-то непонятным раздражением, имея в виду царевича. И намекнула, что, по мнению вдовствующей императрицы, которая близко знала интимную жизнь императорской четы, именно ее невестка была источником всех несчастий. Я понял, что душевные недуги царицы и трагедия не только царя, но и всей империи каким-то образом связаны с рождением наследника. Подлинная история личной жизни царицы не стала и вряд ли когда-либо станет достоянием гласности. Однако до тех пор, пока мы не согласимся с тем, что какие-то сугубо личные, интимные обстоятельства настолько потрясли Александру Федоровну, что полностью изменили ее, мы не сможем объяснить ужасную драму, происходившую в те годы в Царском Селе. Ее подруга и наперсница Анна Вырубова была в курсе всего, но она предпочла не касаться этого в своих полных вымысла мемуарах. После убийства царской семьи главный камердинер царя Чемодуров позволил себе произнести несколько зловещую сентенцию о «наказании за ужасный грех».

Распутин прекрасно вписывался в тот образ, какой составила себе царица о России. Он был для нее воплощением «священного единения» короны и крестьянства, а следовательно, рукой Провидения. Все слухи о моральной распущенности Распутина отвергались как клеветнические. Распутин совратил няньку царевича Вишнякову. Когда последствия этого уже невозможно было удержать в тайне, Вишнякова призналась царице в содеянном грехе. Однако положение Распутина было настолько прочным, что Александра Федоровна восприняла ее признание как попытку оболгать святого человека. По семейной традиции Софье Ивановне Тютчевой, фрейлине и члену узкого придворного круга, было доверено воспитание принцесс. Она решительно воспротивилась привычке Распутина входить в любой час дня и ночи без всякого предупреждения в апартаменты ее воспитанниц. Однако царица и тут оказалась глуха к возмущению мадемуазель Тютчевой, и фрейлина была вынуждена подать в отставку. В конце концов вмешался царь, и Распутина попросили воздерживаться от неожиданных визитов к юным принцессам.

Вряд ли царь сомневался в достоверности сообщений о поведении Распутина вне стен дворца, особенно когда они исходили от столь преданных и заслуживающих доверия слуг короны, как его премьер министр В.Н. Кокцов, председатель Думы М.В. Родзянко, обер-проку-

пор святейшего Синода А.Д. Самарин, товарищ министра внутренних дел и начальник полиции К. Джунковский, который, помимо всего прочего, был личным другом царя.

К началу войны, против которой Распутин ожесточенно боролся, в Царском Селе у него сложился определенный круг приспешников, которые часто собирались в так называемом «малом доме» Анны Вырубовой. Слепая вера царицы в Распутина побуждала ее искать его советов не только в сфере личной жизни, но и по вопросам государственной политики. Генерал М.В. Алексеев, который пользовался большим уважением у Николая II, попытался поговорить с царицей о Распутине, но добился лишь того, что приобрел в ее лице непримиримого врага. Он рассказывал мне позднее, как был обеспокоен, узнав, что секретная карта военных действий каким-то путем попала в руки царицы. Но, как и многие другие, он был бессилен что-либо предпринять.

Александра Федоровна была неколебима в своем убеждении, что всем министрам надлежит подчиняться Распутину. Читаем в одном из ее писем: «...не нравится мне выбор военного министра (генерала Поливанова — А.К.)... Он враг нашему Другу, а это плохая примета...» К советам Распутина прислушивались даже при решении стратегических задач: «Я с волнением буду следить за твоей поездкой (вдоль фронтовой линии — А.К.)... Помни, что сказал он о Риге...» И снова: «Наш Друг, с которым мы (императрица и Анна Вырубова — А.К.) виделись вчера... выразил опасение по поводу того, что если мы не введем в Румынию крупных воинских частей, то можем попасть в ловушку с тыла...» Чуть позднее она пишет: «Дорогой ангел, у меня к тебе множество вопросов о твоих планах относительно Румынии, наш Друг так хотел бы знать о них...»

Дом Распутина находился под постоянным внешним наблюдением и охраной тайной полиции, а сменяющие друг друга министры внутренних дел тратили бешеные деньги на внедрение в дом агентов для получения надежной информации о «божьем человеке». Чрезвычайная следственная комиссия, которую я создал от имени Временного правительства, раскрыла поистине чудовищную картину деятельности Распутина и его камарильи. Вокруг царицы и Вырубовой вились самые бессовестные льстецы и наиболее бесчестные министры, а то и просто заурядные шарлатаны. Из последних многие были связаны с германской секретной службой, которая окружила Распутина плотным кольцом своих агентов и «советников». Вне всякого сомнения, Распутин был центром, вокруг которого

кипела деятельность не только прогерманских элементов, но и прямых германских агентов. Улики ошеломляют.

А.Н. Хвостов, назначенный во время войны по совету Распутина министром внутренних дел, едва ознакомившись с содержанием секретных досье своего министерства, вознамерился убить Распутина. Как рассказал мне позднее Хвостов, он с абсолютной достоверностью установил, что через Распутина немцы получали наиболее секретные планы Генерального штаба, поняв при этом, что устранить Распутина из дворца совершенно невозможно. Для любой разведывательной службы Распутин был настоящей находкой. Не воспользоваться им было бы для германского правительства чистейшим безумием. Распутин обладал тремя в высшей степени ценными качествами: он был против войны и поддерживал тесные связи с теми, кто разделял его взгляды; он был неразборчив в выборе друзей, особенно в тех случаях, когда они подсовывали ему соответствующую его вкусам женщину; и наконец, он был безмерно хвастлив, когда дело касалось его беспредельной власти над «папой и мамой», как звал он своих венценосных покровителей, и не терпел чих-либо сомнений относительно своего положения при дворе. Все это позволяло без особых усилий заставить Распутина впитывать необходимую информацию, а затем выжать ее из него, как воду из губки.

У Верховного командования были свои веские причины относиться с подозрением к недостойному окружению Александры Федоровны. И потому всякий раз, когда царица прибывала к своему мужу в Ставку, там всегда возникала атмосфера большого беспокойства. Справедливость таких опасений в полной мере подтвердил эксперимент, проведенный морским министром адмиралом И.К. Григоровичем.

Адмирал был предан царю, однако его настолько снедали сомнения и подозрения, что, не в силах совладать с ними, он счел своим патриотическим долгом проверить слухи о проникновении германских шпионов в Царское Село. В ответ на настойчивые запросы из Царского Села относительно точной даты осуществления определенной военно-морской операции, он передал туда ложную информацию о приказе к отплытию отряда русских крейсеров. И со всей точностью, именно в тот час и в том месте, когда и где, согласно переданной им информации, должны были появиться русские крейсера, оказалась германская эскадра кораблей.

Постепенно всеми государственными делами стала править царица, которая практически ежедневно обсуждала их с Распутиным и Анной Вырубовой. Одновременно

стали распространяться слухи, будто Распутин пытается убедить царицу сместить царя и провозгласить себя регентшей империи. Стало очевидным, что для распутинской клики царь превратился в помеху, в опасное препятствие на пути осуществления их замыслов. Распутину было необходимо держать царя под своим полным контролем и постоянным наблюдением. И тут Распутину пришел на помощь его друг, тибетский знахарь Бадмаев. Самая влиятельная персона в распутинской клике, тибетский врач использовал для лечения своих пациентов травы, корни, настои; он утверждал, что знает древние секреты врачевания земли Далай-ламы, вера в Бадмаева его многочисленных петроградских пациентов была безгранична. По неосторожности Распутин рассказал Юсупову, что некоторые из бадмаевских трав и корней могут вызвать «душевный паралич, а также останавливать или усиливать кровотечение». Что больше свидетельствовало об эффективности лечения Бадмаева, чем бегающие глаза царя и его беспомощная улыбка? Именно к этому времени относятся постоянные напоминания царицы в письмах к царю «принимать капли, предписанные Бадмаевым».

Однако как же относился ко всему этому сам царь? Какую роль играл он в разворачивавшейся драме? Принято считать, что царь был столь же убежден в святости и мудрости «Друга», как и царица. Да, действительно императорская чета разделяла неприязнь к людям своего круга и предпочитала общество «простых людей». Излюбленной мечтой Николая II, которой он не раз делился со своей матерью, вдовствующей императрицей Марией Федоровной, было сблизиться с людьми вне круга интеллигенции, профессиональных политиков и государственных деятелей.

Распутин применил весьма ловкий ход: в императорский дворец он явился в личине «мужика» и соответственно этому и вел себя. Наделенный почти безошибочной интуицией, «святой черт» быстро раскусил императорскую чету. Он никогда не льстил им. В лукавстве своем он так и не отказался от зипуна, подпоясанной кушаком рубахи, смазных сапог и нечесаной бороды, хорошо понимая, что именно это больше всего импонирует императорской семье. Царь и царица верили, что в лице одного из своих неграмотных сыновей с ними говорит истинно русский народ.

У Распутина не было никакой политической программы. Он просто-напросто проповедовал мистическую веру в царя как помазанника божьего. Он убедил императора и императрицу, что через него они общаются со всем рус-

ским народом, а крестьянские представители в Думе — мошенники, марионетки в руках дворянства. На деле же, чем дальше удалялась Россия от воплощения в жизнь царской мечты о самодержавии, православии и Московском царстве, тем глубже и шире становилась пропасть, разделяющая монарха и нацию. В конце концов сосуществование России и Николая II стало и вовсе невозможным, поскольку царь продолжал упорствовать в своем стремлении использовать власть короны для разрушения живого тела империи во имя своих абсурдных фантазий. Царь был убежден в необходимости сохранить верность клятве, которую он дал Александру III на его смертном одре: «достойно неси бремя абсолютной монархии».

Удивительно, насколько по-разному относились к власти царь и царица. Александра Федоровна воспринимала свое право власти честолюбиво и осознанно. Николай II лишь покорно нес ее бремя. Он всегда помнил, что рожден был «в день праздника великого долготерпения». В.Н. Коковцов, близко знавший императора, утверждал, что по натуре своей Николай II был бы превосходным конституционным монархом. Однако в силу присущего ему упрямства он продолжал вести себя как самодержец даже после того, как даровал России Конституцию. Возможно, причина его безучастности в момент, когда он был вынужден отречься от престола, крылась в том, что в освобождении от бремени власти он видел промысел божий, поскольку сам, добровольно не мог сложить ее, связанный клятвой помазанника божьего. Повседневная жизнь монарха была для него непереносимо утомительной. Он не испытывал ни малейшего желания бороться за утраченную власть. Я с полным основанием могу подтвердить это, так как после падения монархии императорская семья находилась на моем попечении и я имел полную возможность наблюдать за поведением как Александры Федоровны, так и Николая II.

Хотя Николай II наверняка знал о «художествах» Распутина, он не отдавал себе отчета в том, что за пределами дворца они сказываются на короне куда более разрушительно, чем любая революционная пропаганда, и что даже те группы, которые веками служили опорой монархии, оказались в состоянии глубокого потрясения и отчуждения. Но царь был лишен возможности удалить Распутина от постели больного царевича. Источник влияния Распутина — в интимных отношениях царя и царицы. По причинам, которые я не волен раскрыть, царь считал себя обязанным уступать Александре Федоровне во всем, что касалось наследника. Даже если бы здравый смысл взял верх и царь захотел бы вверить жизнь ребенка заботам

опытных врачей, императрица с ее верой в целительную силу Распутина все равно настояла бы на своем.

Нужно ли говорить о том, что пребывание Распутина во дворце и его поведение не прошли незамеченными общественностью? Слухи распространялись, подобно лесному пожару, положением вещей заинтересовалась и пресса. Императорская чета явно не испытывала удовольствия от этого интереса к своей личной жизни. А тем временем сфера влияния Распутина становилась все шире. В различные государственные учреждения все чаще обращались за содействием многочисленные обладатели безграмотных, кое-как накарябанных карандашом записок Распутина. У всех на виду были оргии и пьяные эскапады Распутина. Вопреки усилиям царицы скрыть от внимания общественности упоминания о Распутине, его скандалы с церковными властями получили широкую огласку. Его имя то и дело упоминалось на заседаниях Думы. Распутин обращался к министрам и высокопоставленным чиновным лицам со все большей наглостью и высокомерием. Впадая в бешенство при малейшем проявлении несогласия или неуважения, он терроризировал царицу угрозами возвратиться в родную деревню.

В.Н. Коковцов, который занял пост премьер-министра после смерти Столыпина, был вынужден из-за Распутина уйти в отставку. В своих мемуарах, в которых он выражает царя, он рассказывает о царившей при императорском дворе власти «темных сил» и о трагических последствиях этого. Поначалу Коковцов пользовался полным благорасположением царицы, которая считала его абсолютно неспособным к каким-либо самостоятельным действиям. Однако, как и всякий сознающий свою ответственность государственный деятель, он не мог мириться с пребыванием во дворце Распутина и его растущей властью.

В феврале 1912 года, когда положение Распутина при дворе стало предметом жарких обсуждений в III Думе, В.Н. Коковцов получил приглашение от вдовствующей императрицы. «Разговор, который состоялся 13 февраля и длился полтора часа, был полностью посвящен Распутину, — записал он в своих мемуарах. — Я ответил на все вопросы престарелой царицы и откровенно рассказал ей обо всем, что знал, ничего не утаивая и не пытаясь преуменьшить опасности положения, при котором личная жизнь императорской семьи становится достоянием всеобщей гласности, а самые интимные ее стороны превращаются во всех слоях общества в предмет грубой клеветы и безответственных сплетен. Царица горько расплакалась и обещала переговорить с сыном, добавив, однако, при

этом: «Моя несчастная невестка неспособна осознать, что навлекает гибель на себя и династию. Она глубоко верит в святость этой весьма сомнительной личности, и никто из нас не в силах предотвратить катастрофу». Ее слова оказались пророческими. Вдовствующая императрица умолила В.Н. Коковцова сказать царю правду В апреле, имея при себе все необходимые доказательства, он сделал доклад Николаю II. Никаких комментариев со стороны царя не последовало. Вот что пишет В.Н. Коковцов о последствиях той аудиенции: «После визита ко мне Распутина 15 апреля 1912 года¹ и моего сообщения царю все неожиданно изменилось самым решительным образом. С этого момента мой уход стал неизбежным. Его величество в течение последующих двух лет всячески проявлял ко мне внешнее расположение, но царица изменила свое отношение почти сразу после моего доклада царю о визите Распутина... Мое отрицательное отношение к пребыванию во дворце вышеназванной персоны стало решающим фактором».

29 января В.Н. Коковцову был пожалован графский титул, а вскоре без всяких видимых причин он был неожиданно снят со своего поста. Сразу после этого вдовствующая императрица Мария Федоровна, крайне расстроенная смещением Коковцова, имела с ним беседу. «Выслушав мои объяснения, — сообщает он в своих мемуарах, — царица погрузилась в долгое молчание, а затем, расплакавшись, сказала мне: «Я знаю, что вы честный человек и не желаете зла моему сыну. А потому вы можете понять, как страшусь я будущего и какие мрачные предчувствия мучают меня. Моя невестка не любит меня, считая, будто я лишь ревностно защищаю свои права. Ей не дано понять, что я забочусь только о счастье сына и что вижу, как мы несемся навстречу катастрофе, покуда царь только и делает, что прислушивается к голосу льстецов. Теперь, когда вы располагаете свободой, почему бы вам не сказать царю все, что вы думаете, и не предупредить его, пока не будет слишком поздно?»

Смещение В.Н. Коковцова было личным триумфом Распутина, ибо никаких иных причин, кроме недовольства Распутина, для смещения этого верного короне государственного деятеля, всегда лояльно относившегося к Думе, не было. Дума в отношении Распутина заняла непримиримую позицию, и потому вполне естественно, что царица и ее приближенные стремились любыми путями подорвать престиж Думы. Вне всякого сомнения, в обычных

¹ Очевидно, В.Н. Коковцов имеет в виду попытку Распутина завоевать его расположение.

условиях патологическая абсурдность распутинщины никоим образом не сказалась бы на быстром экономическом и политическом развитии России, но в случае войны стране пришлось бы нелегко. Я уже упоминал о том, что Распутин яростно выступал против войны. Но в решающие дни июля 1914 года Распутина рядом с его императорскими покровителями не было.

Мой друг Суханов, член Думы от Тобольской губернии (той самой, откуда был родом Распутин), показал мне копию телеграммы, которую Распутин послал царю. «Не объявляй войны, — говорилось в ней, — прогони Николашку... если объявишь войну, зло падет на тебя и царевича». Во время расследования обстоятельств убийства императорской семьи, проведенного в 1918 году, об этом же свидетельствовала и распутинская дочь Матрена.

«Мой отец был решительно настроен против войны с Германией. Когда началась война, он лежал раненый¹ в Тюмени. Его величество послал ему много телеграмм, спрашивая совета... Отец настойчиво советовал ему «проявить твердость» и не объявлять войны. В то время я была рядом с ним и видела и телеграммы царя, и ответы отца. Все это так расстроило его, что из раны вновь началось кровотечение».

Мы сделаем еще один шаг в понимании сложившейся ситуации, если ознакомимся с донесением полицейского чиновника, осуществлявшего наблюдение за Распутиным: «В середине 1916 года мне довелось слышать его слова: «Если бы та потаскушка не пырнула меня ножом, никакой войны не было бы и в помине, я бы не допустил этого». Он также открыто заявлял, что наступило время положить войне конец: «По мне, так крови уже пролито достаточно, немцы для нас уже не угроза, они теперь слабые». Его идея сводится к тому что нам следует заключить с Германией мир».

В те критические дни накануне объявления войны царь был охвачен нерешительностью и не предпринял никаких усилий, чтобы избежать, как казалось ему, неизбежного развития событий. В одном его нельзя упрекнуть: этот человек трагической судьбы любил свою страну с беззаветной преданностью и не захотел покупать отсрочку капитуляцией перед кайзером. Думай Николай II больше о своем благополучии, чем о чести и достоинстве России, он бы наверняка нашел путь к соглашению с кайзером. В 1915 году, когда России приходилось особенно трудно, немцы обратились к царю с весьма выгодными мирными

¹ Он был ранен некой Гусевой.

предложениями, которые предусматривали передачу ему столь желаемых для России Дарданелл и Босфора. Царь даже не снизошел до ответа.

Мне кажется, царица искренне старалась полюбить Россию, но только ту Россию, которую она сама придумала в своем воображении и которой призван был управлять в качестве самодержца ее сын. Ради этого мифа она всеми силами противостояла России реальной.

Имеется достаточно оснований полагать, что к осени 1916 года царь стал проявлять очевидные признаки усталости от Распутина и его окружения. Поведение Распутина становилось все более вызывающим, а в ряде случаев он позволил себе открыто перечить царю. Не нужно обладать особыми знаниями характера царя, чтобы понять, что он более не доверял Распутину.

В декабре 1916 года, десять лет спустя после его встречи с императорской четой, Распутин был убит группой заговорщиков, в которую входили Великий князь Дмитрий Павлович, князь Феликс Юсупов и реакционный депутат Думы Пуришкевич. Но убийство произошло слишком поздно. Во дворце не последовало никаких существенных перемен, ибо сам царь был центральной фигурой в той драме, которая близилась к своему трагическому завершению.

И.В. ГЕССЕН

БЕСЕДА
С А.Н. ХВОСТОВЫМ
В ФЕВРАЛЕ 1916 г.

И.В. Гессен.

Беседа с А.Н. Хвостовым в феврале 1916 г.
«Архив русской революции». Том XII.
Берлин, 1923 г.

И.В. Гессен — депутат II Думы (фракция кадетов). В 1916 г. председатель Всероссийского общества редакторов газет. После 1917 г. в эмиграции. С 1921 г. издавал в Берлине многотомный «Архив русской революции».

Со времени войны в Петербурге было образовано Всероссийское общество редакторов газет. Ввиду того, что военная цензура страшно свирепствовала, и так как вообще повременная печать испытывала различные затруднения, мне, в качестве председателя общества, постоянно приходилось обращаться к министрам с ходатайствами и жалобами.

26 февраля 1916 г. вместе с товарищами председателя Общества М.А. Сувориным мы посетили министра внутренних дел А.Н. Хвостова по делу об изменении некоторых параграфов устава Общества.

Мы застали в приемной несколько лиц, ожидавших министра, но минут через пять, когда из кабинета вышел какой-то генерал, были приглашены к А.Н. Хвостову мы.

Уродливо толстый, с милым лицом и горящими глазами, А.Н. Хвостов принял нас весьма любезно и предупредительно.

Рассказав министру в двух словах, что со стороны Департамента Полиции не встречается препятствий к удовлетворению нашего ходатайства об изменении устава, но что оно задерживается в Главном Управлении по делам печати, мы получили быстрый и решительный ответ, что А.Н. Хвостов сегодня же скажет по телефону сенатору Судейкину о скорейшей посылке удовлетворительного ответа.

Таким образом, в две минуты цель нашего посещения была достигнута. Поблагодарив Хвостова и прощаясь с ним, я спросил министра, что есть правды в тех чудовищных слухах, которые ходят по городу.

— Каких слухах? — притворился Хвостов непонимающим.

— Если вы не догадываетесь каких — то нам остается еще раз поблагодарить Вас и раскланяться.

— Да нет, позвольте! Что вы имеете в виду?

— Очевидно, мы говорим о Ржевском и Распутине.

— Ах! вот о чем! Это вас интересует. Извольте! Я вам расскажу.

И пригласив нас сесть за круглый стол, на котором лежало какое-то «дело», министр сам уселся верхом на стуле и около двух часов рассказывал историю Распутина — Ржевского.

— Ржевского, — сказал он, — я узнал в Новгороде, когда был там губернатором; его направили ко мне его хорошие знакомые с просьбой оказать ему какую-то помощь. Правда, мне было и тогда уже известно, что Ржевский судился за ношение неприсвоенной формы. Ну, ведь это преступление не Бог весть. Я решил помочь голодному человеку, я пристроил его к издававшейся тогда Барачем¹ газете в качестве сборщика объявлений; но в первый же день Ржевский растратил три рубля и был прогнан. После этого я потерял его из виду, но слышал, что он стал журналистом, весьма бойким, что ему удалось проникнуть в келью Илиодора, когда тот был заточен в монастыре, и напечатать в газетах беседу с монахом. Мало того, вы, конечно, помните знаменитую статью в «Биржевых Ведомостях» — «Мы готовы», появившуюся перед войной и наделавшую столько шуму. Эта статья тоже была написана Ржевским, под диктовку Сухомлинова, в присутствии казненного шпиона Мясоедова. И вот, когда я был назначен министром, мне сообщили, что Ржевский добивается свидания со мной по какому-то делу; справившись, чем он теперь занимается, я узнал, что он поступил в ряды болгарской армии во время балканской войны, получил там знаки отличия, а теперь работал в качестве помощника уполномоченного Красного Креста и при том на всех фронтах. В виду таких сведений я согласился принять Ржевского. На приеме он мне сообщил, что может оказать русскому правительству большую услугу, убедив Илиодора отказаться от выпуска сочиненной им книги, компрометирующей наш Двор и особенно Наследника Цесаревича. Его предложение показалось мне весьма приемлемым, тем более, что мы имели сведения о том, что немцы собирались использовать заключающиеся в этой книге сведения для распространения их путем разбрасывания в наши окопы прокламаций с аэропланов. Имея, однако, ввиду прошлое Ржевского, я сказал ему, что денег вперед дать ему не могу, так как я ему не верю, и что нужно устроить так, чтобы платить Илиодору после того, как

¹ Видный деятель союза русского народа.

книга будет уничтожена. Ржевский согласился, и вопрос шел только о том, чтобы дать ему некоторую сумму вперед на необходимые расходы. Эту сумму брать из Департамента полиции я не хотел, так как за все время своего управления министерством я не подписал ни одной ассигновки на секретные фонды и если теперь я это сделал впервые для Ржевского, то обратил бы общее внимание на то дело, которое нужно было сделать в большой тайне. Поэтому я решил написать министру финансов письмо о выдаче Ржевскому иностранной валюты на пять тысяч рублей. Вот этим письмом и хотят теперь воспользоваться как уликой против меня, но вы, конечно, понимаете, что если бы министр внутренних дел решился на какое-нибудь преступное деяние, то он не оставлял бы такого яркого следа, как официальное письмо. Но так как я действовал в глубоком сознании своей правоты, то мне не приходилось задумываться над выдачей Ржевскому валюты, хотя это законом и воспрещено. Ржевский поехал в Норвегию, но по дороге, к сожалению, наскандалил: какого-то жандарма обругал хамом и т. п. Когда же по этому поводу был составлен протокол, Ржевский заявил, что он является моим чиновником и имеет важную миссию. Ну, хорошо. Протокол был составлен. Как же вы думаете, кому он должен был немедленно быть представлен, если действительно Ржевский мой чиновник и поехал по моему поручению? Ответ ясен. А в действительности протокол был от меня скрыт и узнал я о нем много времени спустя, когда Ржевский был уже арестован. Когда Ржевский вернулся, он мне сообщил, что дело с Илиодором он уже устроил и притом так, что Илиодору не надо платить сразу всех денег, а по пять тысяч рублей за год молчания: прошел год молчания — получи пять тысяч рублей, еще год — еще пять тысяч рублей, а там, когда война кончится, печатай, что хочешь.

Между тем ко времени возвращения Ржевского в Петербург ко мне стали поступать заявления с фронта о том, что Ржевский обвиняется в самых разнообразных преступлениях — шантажах, растратах, мошенничествах и т. д. Возник вопрос об аресте Ржевского, и вот тут его кто-то предупредил о предстоящем обыске. Узнав об этом, Ржевский, чтобы как-нибудь спастись, решил написать Распутину, что я подготовлял покушение на его жизнь через посредство Илиодора; так как я своих чувств по отношению к Распутину не скрывал и направо и налево открыто говорил, что ему было бы лучше состоять при Царе Небесном, чем при царе земном, и так как после покушения, произведен-

ного на него этой глупой бабой¹, Распутин стал чрезвычайно подозрителен, то он всему и поверил. Между тем, благодаря тому, что Ржевский был предуведомлен об обыске и аресте, все документы, уличающие его, были уничтожены и, напротив, все документы, которыми он надеялся меня скомпрометировать, были подобраны и находились на самом видном месте, — приходи, получай. Между прочим, при обыске у него было найдено запечатанное письмо на мое имя. Как вы думаете, что должны жандармы сделать, найдя письмо, запечатанное на имя жандармов? В зубах они должны доставить его немедленно шефу жандармов, как реликвию оберечь его, а они письмо это вскрыли и подшили его к делу.

После этого я узнаю, что против меня возбуждается какое-то расследование; я прошу царя об аудиенции — мне отказывают; тогда (тон приобретает игривый характер) я размышляю, что я ведь не только министр, а еще и член Гос. Думы и ношу придворное звание, поэтому я должен все подробно сообщить, с одной стороны, председателю Гос. Думы, с другой — министру Императорского Двора. К последнему я успел съездить и рассказать, но к председателю мне уже не пришлось ездить, потому что меня немедленно приняли в Царском...

Министр на этом остановился и мы ему задали вопрос:

— Так, значит, на этом все дело и кончилось?

— Да, — ответил А.Н. Хвостов, — кончилось, но за сим Илиодор прислал телеграмму на имя Распутина; если вас интересует, то вот она. — И из лежащей перед ним на столе папки министр вынул бумажку, на которой была написана копия упомянутой телеграммы приблизительно такого содержания: «Григорию Распутину. Петроград. Гороховая, № 62. Имею убедительные доказательства покушения высоких лиц твою жизнь. Пришли доверенное лицо. Труфанов».

— Ну, и что же было после получения этой телеграммы?

— После этой телеграммы, — отвечал А.Н. Хвостов, — стали искать доверенное лицо для производства расследования и наконец нашли его. Это лицо вам, вероятно, неизвестно, — это генерал Спиридович.

Заметив на наших лицах недоумение, А.Н. Хвостов с деланным смехом сказал:

¹ Во время пребывания Распутина на родине в Сибири на него сделано было неудачное покушение.

— Не смотрите так трагически на все это, тут надо смотреть весело, не иначе.

— Но ведь вы же, собственно, хотите сказать, что против министра внутренних дел ведется расследование в покушении его на убийство.

— Ну, — отвечал А.Н. Хвостов, — как вам сказать. Мне говорят, что это меня не касается, что нужно расследовать все подробно; но, если хотите, это действительно так. Гришка на меня очень зол. Я прежде не вмешивался в его поведение, но потом убедился, что он принадлежал к международной организации шпионажа, что его окружают лица, которые состоят у нас на учете и которые неизменно являются к нему, как только он вернется из Царского, и подробно у него все выпрашивают. Я счел себя обязанным доложить об этом Государю; но уже на другой день Гришке обо всем было известно и он хвастал перед филерами, которые его охраняют, что он меня прогонит. Теперь я поставил Государю условие, либо Гришка уезжает, либо я ухожу. Мне было категорически обещано, что на этой неделе его здесь не будет, но я не уверен, что так случится. Теперь как раз неделя, когда царская семья говеет, и это для меня очень неудобно, потому что я не могу беспокоить и надоедать. А вчера у наследника случилось кровотечение; позвали Гришку, как это ни странно, но он действительно умеет заговаривать кровь, как многие мужики. Гришка отказался приехать. Сегодня его прямо умоляла Государыня об этом по телефону, и он наконец согласился поехать в три часа. Что же будет после этого, я не знаю; может быть, часам к шести я получу письмо и покину эту квартиру.

Чтобы еще подзадорить Хвостова, мы ему задали вопрос:

— Но откуда вам известны все подробности поведения Распутина и даже телефонные разговоры с ним?

А.Н. Хвостов смерил нас презрительным взглядом.

— Как откуда известно? За ним установлено строжайшее наблюдение: его охраняют, во первых, агенты Спиридовича, так как мне уже не доверяют; во вторых, агенты Министерства внутренних дел и, наконец, мои агенты, которые за ним следят. Так как он в них не разбирается и, опасаясь выезжать, сидит дома и скучает, то он нередко приглашает их всех к себе чай пить и вступает с ними в беседу. Как-то, например, на вопрос о том, почему он такой задумчивый, он ответил агенту: «Да вот все не могу решить вопроса,

созывать ли Думу или не созывать?» Филеры должны всегда вести подробный дневник; затем эти дневники между собой сравниваются и то, в чем все совпадают и что представляет интерес, вписывается в журнал. Этот журнал, который содержит описание жизни Гришки чуть не по минутам, представляет совершенно исключительного интереса исторический документ¹.

— А этот документ принадлежит министерству или вам?

— Нет, он принадлежит министерству. А другой экземпляр хранится лишь здесь, в моей памяти, — играя глазами, заметил Хвостов.

— А эти филеры докладывают вам непосредственно?

— Нет, они докладывают старшему агенту, который уже докладывает мне.

— Но, значит, старший филер приходит сюда, в этот кабинет, и вам непосредственно докладывает?

— Да, — отвечал А.Н. Хвостов недоумевающе, — но это ведь статский советник.

— Объясните нам, Алексей Николаевич, на чем основано такое влияние Распутина?

— На это я тоже могу вам отвечать совершенно откровенно: я производил самое тщательное расследование и убедился безусловно, что в его отношениях к Государыне нет ничего низменного. Гришка поразительный гипнотизер; на меня вот он не действует, потому что у меня есть какая-то неправильность, что ли, в строении глаз и я не поддаюсь самому усиленному гипнотизму. Но влияние его настолько сильно, что ему поддаются в несколько дней и самые заматерелые филеры; на что уже, знаете, эти люди прошли огонь, воду и медные трубы, а чуть не через каждые пять дней мы вынуждены менять их, потому что они поддаются его влиянию. Кроме того, на царя и царицу производила сильное впечатление его простая речь: они привыкли там слышать только рабское «слушаюсь» и вытягивание в струнку, и когда на этом фоне хитрый мужичок заговорит простым языком, то это действует очень сильно. А наконец, как я вам сказал, это умение останавливать кровь. Известно же, какое отвратительное бывает на-

¹ Этот «документ» мне пришлось видеть уже здесь, в Берлине. Действительно, запись велась очень тщательно: отмечался день, час и продолжительность каждого выезда Распутина. Среди бесчисленных посетителей: министры, высшие сановники и их жены, директора банков, профессора и т. д. чередуются с поклонницами старца и публичными женщинами, с которыми Р. отправлялся в общественные бани.

строение, когда идет кровь из носу: наступает вялость, болит голова. Он остановит кровь, погладит по голове, успокоить боль, — как же не испытывать к нему чувства благодарности? Одна только великая княжна Ольга против него, и на этой почве происходят тяжелые драмы. Вот на Рождество, например, для него устраивали елку. С какой любовью вся царская семья ее убирала, навешивала свечки, подарки; он был позван на шесть часов, но всю ночь кутил с грязными девками в «Вилле Родэ»; в девять часов утра его пьянее вина привезли домой, и он, как животное, свалился и без движения лежит. В три часа агенты стали его будить: «Вставай, сукин сын, тебе во дворец надо ехать». А он только мычит в ответ. Насилу его с помощью нашатырного спирта и т. п. подняли. Можете себе представить, в каком виде этот мерзавец явился в Царское. Но там он мгновенно преображается и начинает объяснять, что он всю ночь не спал, молился и что Николай Угодник будет нам помогать. Да Государь сам виноват, что Распутин играет такую роль. Если уже такой прохвост вам нужен, назначьте ему десять тысяч рублей в месяц, что вам это стоит, тогда бы он сидел себе спокойно и ни во что не вмешивался. Но там вообще не имеют понятия о деньгах. Приблизят к себе какого-нибудь молодца кровь с молоком, назначат его адъютантом или кем-нибудь таким и дают ему две тысячи рублей в год; такому молодцу две тысячи в день нужно, он и идет служить в банк, а банки даром деньги не платят. Вот точно так же и Распутин. Теперь у нас точно установлено, что он проводит самые разнообразные дела. Да, быть может, даже и не столько он, сколько окружающая его клика самых темных дельцов. Вот, например, вы знаете, конечно, это дело смоленских дантистов, которые приобретали дипломы для получения права жительства вне черты оседлости. Мы доподлинно знаем, что за помилование осужденных судом распутинцы взяли 30 000 рублей, а самому Распутину из этого досталось только шуба и шапка — велика корысть. Между ним и его свитой происходят часто ссоры. Но свита умеет его обойти, и он тогда говорит: «Ну, поставим крест» — и начинает работать дальше.

— Неужели вам известно даже и то, что Распутин во Дворце говорит?

— Все должно быть известно. А на днях председатель Совета министров мне приказывает по телефону, чтобы я Гришку охранял как зеницу ока и что я отвечаю за него своей головой. Ну, это вообще возвра-

щение к средним векам, и я спрашиваю Штюрмера, как же я должен охранять в таком случае? Мне отвечают: как Высочайшую особу. Я попросил письменного распоряжения. Но мне не дали. Жаль. Был бы очень интересный документ.

— Но у Распутина, — спросили мы, — есть же соперники?

— Да, — отвечал А.Н. Хвостов — есть несколько кандидатов, но они ничего не стоят. Гришка ведь это большая умница, а остальные все дребедень: какой-то Олег, который хочет взять монашеским ражем, Мардарий философствует в высокопоставленном обществе, но это все ничего. Тут каждая компания имеет своих кандидатов, которые только и ждут случая, если судьба Гришки будет решена. Тогда у царицы начнутся истерики, меланхолия и каждый рассчитывает попробовать.

— Ну, а Варнава какую роль играет?

— Варнава отстранен; они боятся его влияния, и поэтому Питирим с Распутиным его отдалили, как удаляют всяких лиц, которые могут ослабить их влияние. О, Питирим — это великий мерзавец, со своим секретарем Осипенко. Он явно стремится стать патриархом. И еще заставит о себе говорить.

В конце концов я бы мог прекратить всю эту историю. Вы знаете меня: я человек без задерживающих центров. Я люблю эту игру, и для меня было бы все равно что рюмку водки выпить, арестовать Распутина и выслать его на родину. Может быть, не всякий жандарм согласился бы исполнить мое приказание, но у меня есть люди, которые пошли бы на это. Но я не уверен, что из этого выйдет: Государь его может вернуть с дороги, за ним могут послать императорский поезд, могут сами выехать к нему навстречу, — его и без того собираются переселить во дворец, чтобы гарантировать безопасность. Не будь теперь войны, я бы все-таки это сделал, но в такое время я не решаюсь компрометировать династию, я не могу допустить возможности таких последствий.

— А зачем, собственно, вы так добиваетесь его отъезда? Ведь он уезжал уже несколько раз и возвращался назад. То же может случиться и теперь.

— Да, черт его возьми, пускай потом возвращается. Мне лишь бы теперь его не было здесь, во время вероятного оживления с наступлением весной военных действий. Вот в это время пусть не будет здесь этого члена шпионской организации. Но пока что я доставляю себе удовольствие: каждый день я обыскиваю, аресто-

ываю кого-нибудь из его приближенных и секретарей. Вот, извольте, — и министр показал на лежащую перед ним папку, — досье одного из обысканных; это некто иной, как Добровольский, инспектор народных училищ; вот вам, — и министр стал вынимать из папки документы и показывать нам, — вот вам реестр дел, которые он проводил одной рукой официально, а другой действуя закулисно; вот вам копии прошений на Высочайшее имя, вот вам письма Гришки. — Министр показал большой конверт, на котором характерным почерком Распутина было написано: «Саблеру Владимиру Карловичу, обер-прокурору». — К сожалению, мы его не сразу арестовали, а теперь уже не можем его получить к допросу. Он — мы знаем доподлинно — засел в Царском, а полиция нам отвечает, что она не знает, где он.

— Скажите же, пожалуйста, — спросили мы, — кто будет министром, если вы выйдете в отставку? Белецкий?

— Нет, — живо возразил А.Н. Хвостов. — Вы напрасно противопоставляете меня Белецкому. Я, конечно, очень недоволен Белецким, потому что, как видите, он не охранил моих интересов, но и там им недовольны, потому что он точно так же не сумел охранить Распутина.

— Однако ведь говорят, что Распутин повторяет вслух: «Хвостов убийца, один Степа¹ хороший».

Министр и бровью не повел при этих словах, он так же весело ответил:

— Нет, это он раньше говорил, а теперь уж и Степан никуда не годится. Нет, если я уйду, то будет министром или сам председатель Совета министров, он очень этого желает, или Ширинский-Шахматов.

На этих словах мы стали прощаться с министром, извиняясь, что отняли у него так много драгоценного времени; он же нам сказал, что, напротив, он очень рад тому, что имел возможность все нам рассказать, что время ему теперь совсем не дорого, потому что ровно ни чем он заниматься не может: «С утра до вечера мы занимаемся только этим и больше ничем».

— Где уж тут Дума, — ответил он на наше замечание, — я даже избегаю и показываться туда, ибо что же я могу сказать, если мне поставят какой-нибудь вопрос?

¹ Т.е. Степан Белецкий.

Остается добавить, что когда мы вышли от министра, то в приемной оказалось очень много ожидающих, но — что замечательно — среди них был и тот самый генерал Спиридонович, который, по словам министра, назначен для расследования. Фигура Спиридоновича, стоявшего как раз напротив двери в кабинет министра, создавала такое впечатление, что Хвостов уже находится под домашним арестом.

АРОН СИМАНОВИЧ

РАСПУТИН И ЕВРЕИ
Воспоминания личного
секретаря Григория
Распутина

Арон Симанович. «Распутин и евреи».
Издательство «Историческая библиотека».
Рига, 1924 г.

Арон Симанович — купец 1-й гильдии, ювелир, финансовый аферист, фальшивомонетчик, некоторое время являлся «секретарем» Распутина.

Единственная цель этих воспоминаний — передать мои наблюдения над бурным периодом русской истории, к которому относится: начало мировой войны, неслыханное возвышение Распутина, гибель Романовской династии и первые раскаты гражданской войны.

Я не собираюсь в них делать никаких открытий и ничего разоблачать.

Я чужд тенденциозности. Я также стараюсь не говорить о делах, в которых я недостаточно осведомлен.

Мое повествование о событиях при дворе основывается главным образом на моих собственных приключениях и рассказах Распутина, который меня, как своего доверенного и советчика, посвящал во все, что он видел и слышал, а перед ним царская чета не имела никаких тайн.

Царь и царица исповедывались ему, как своему духовнику. Я вполне уверен, что его рассказы соответствовали правде, только по этой причине я осмелился говорить о фактах из интимной жизни царской семьи, которые до сих пор оставались неизвестными. Возможно, что в моем рассказе попадутся некоторые неточности в именах и в мелочах, но я никогда не вел ни записей, ни дневников и поэтому должен был положиться исключительно на свою память. Я полагаю, что будет много попыток поколебать правдивость моего рассказа, но я уверен, что это не удастся.

Что касается моей личной деятельности, о которой я рассказываю, то я неставляю требований признать все мои поступки правильными. Для меня всегда было важно достигнуть цели, которую я себе поставил и считал верной. Я пользовался средствами, которые были под рукой и мне казались наиболее рациональными. Я старался в первую очередь использовать все возможности, которые мне предоставляло мое положение советника и царем назначенного секретаря Распутина.

А. Суманович.

Для начала несколько слов обо мне самом.

Более чем десять лет я занимал в Петербурге положение, которое нужно признать исключительным. Впервые в истории России простой провинциальный еврей сумел не только попасть к царскому двору, но и влиять на ход государственных дел.

Тогдашние правящие круги, несмотря на их антисемитизм, не были для меня препятствием. Невзирая на то, что я был евреем, а моя деятельность сводилась к попыткам оказать помощь и добиться облегчения моим единоверцам, эти круги все же искали у меня совета и поддержки.

Мои успехи в Петербурге обычно приписывались моей дружбе с Распутиным, и принято думать, что Распутин ввел меня ко двору. Это неверно. Дружба с Распутиным, конечно, была для меня очень ценна, но следует признать, что мои отношения с петербургским великосветским обществом установились еще до появления Распутина в столице. Каким путем это случилось, я расскажу позднее.

По профессии я ювелир и имел собственное дело в Киеве, но в 1902 году я решил перебраться в Петербург.

Жизнь в провинции меня не устраивала. Как все прочие евреи, я подвергался там всякого рода издевательствам и унижениям. Благодаря этому я приобрел большую «опытность» в обхождении с полицией и чиновничеством. Уже в провинции я завязал много знакомств в этих кругах и приобрел известный навык в обращении с чиновничеством и подкупе их. Это имело громадное значение для моей будущей деятельности.

В Петербурге мне приходилось неоднократно встречаться с людьми, которым я оказал в провинции немалые услуги и которые мне были благодарны и всегда готовы взаимно услужить. Некоторым из этих людей я обязан своей жизнью и жизнью моих детей. Это было в 1905 году, когда в Киеве был учинен еврейский погром.

После моего отъезда в Петербург моя семья осталась в Киеве, где продолжало существовать мое дело. При первых известиях о надвигающейся опасности я поспешил в Киев и стал очевидцем разгрома моих магазинов. Мой управляю-

ций и многие из моих родных были убиты. Моя жизнь, а также жизнь моей семьи были в большой опасности, но руководитель погрома генерал Маврин и киевский полицмейстер Цихоцкий укрыли нас и дали мне с семьей возможность выехать в Берлин. При отъезде мне с семьей пришлось видеть у синагоги трупы убитых во время богослужения евреев. Эта картина произвела на меня неизгладимое впечатление, и еще в Берлине я долгое время не мог ее забыть.

Я решил всеми силами бороться за мою жизнь, жизнь моей семьи, моих родственников и за наше равноправие.

Когда я вернулся в Петербург и там сошелся с Распутиным, я решил действовать при его помощи, но на свою личную ответственность и без помощи моих единоверцев. Перед общественностью я только теперь выступаю с отчетом и еще раз заявляю, что всю ответственность принимаю на себя и готов к резким нападкам и обвинениям.

Моя жена происходила из весьма многочисленной еврейской семьи подрядчиков, и несколько ее родственников жили при содействии Витте в Петербурге, как ремесленники. Они помогли моему переезду в Петербург, а также завязать первые деловые связи. Эти люди были солидными ремесленниками и купцами, которые получала иногда подряды и заказы даже от царского двора. Они вели очень скромный образ жизни и были далеки от столичного великосветского общества.

Я же был человеком совершенно другой складки: посещал часто и охотно клубы, варьете и скачки, где я встречал людей самого разнообразного общественного положения.

Известно, что страсть к азарту не только очень легко сближает людей, но и заставляет быстро забывать национальную и общественную рознь. Жажда к увеселениям делает людей, поддавшихся влиянию этой страсти, менее разборчивыми при выборе своих знакомств и менее щепетильными к образу и способу изыскания средств для удовлетворения этой страсти. В этой среде я скоро стал своим человеком и сумел использовать завязанные знакомства для расширения моих деловых начинаний.

Благодаря моему таланту быстро заводить знакомства и, несмотря на социальную разницу, дружиться, мне удалось в первую очередь поближе сойтись с людьми из придворной службы и заинтересовать их в моих делах.

Таким образом, я все более и более проникал ко двору и знакомился с его обыденной жизнью. Я старался быть всячески полезным моим новым знакомым. Мое знание жизни и коммерческий опыт принесли много выгод людям, которые занимали высокое общественное положение, но были в хозяйственно-бытовых вопросах, как то: по-

купке или продаже каких-либо ценностей или получении кредитов, совершенно беспомощны. Необходимо заметить, что петербургское великосветское общество отличалось особенным незнанием деловой стороны жизни.

Исключительное значение имело для меня знакомство с обоими братьями князьями Витгенштейн, служившими в личном конвое императора Николая II.

При их содействии я познакомился с очень влиятельной придворной дамой императрицы Александры, княгиней Орбелиани, с кавказскими князьями Уча-Дадиани и Алек-Амилахвари и мало-помалу со всем офицерским составом царского конвоя. Позднее я завязал знакомство со всеми придворными дамами императрицы, известной Анной Вырубовой, Никитиной, госпожой фон Ден и княгиней Астаман-Голициной. Я получил доступ к царскому дворцу и, наконец, был знаком почти со всем придворным штатом. Очень большую ценность имело для меня знакомство с придворным метрдотелем французом Пуансе, который пользовался громадным влиянием среди придворных служащих.

Совместно с Пуансе я учредил шахматный клуб, который, в сущности, был карточным клубом. Находившиеся в постоянной денежной нужде князья Витгенштейн были также сделаны участниками клуба. Таким путем я непосредственно заинтересовал многих влиятельных лиц из придворных кругов и свиты царя в некоторых из моих предприятий.

Судьба обоих братьев Витгенштейн, родственников Гогенцоллернов очень трагична. Один из них был убит на дуэли из-за одной кокетки, а другой, женатый на известной красавице, цыганке Лизе Массальской, подавился куриной косточкой. Оба были очень дружны с царем и часто участвовали с ним в попойках.

После их смерти я принял компаньоном в мой шахматный клуб князя Уча-Дадиани, который находился в особенно хороших отношениях со двором. Он был другом дома княгини Софии Тархановой. Одна дочь княгини вышла замуж за князя Геловани. По желанию Геловани он мною был проведен в председатели моего игорного клуба.

Первое мое знакомство с придворными дамами произошло в доме бывшей любовницы Николая II, княгини Орбелиани. В это время она была уже парализована. Невзирая на ее бывшие отношения с царем, она пользовалась благоволением царицы, которая часто брала эту несчастную парализованную женщину в свой экипаж на прогулки.

Императрица вообще редко показывала свою ревность, хотя поводов к ней было немало. В доме княгини Орбелиани я впервые выступал как ювелир, продавец и специалист «по бриллиантам». Скоро я им стал необходим. Мне удалось завоевать благожелание и доверие многих высокопоставлен-

ных лиц, и я сделался посвященным во многие тайны придворной жизни. Я начал чувствовать прочную почву под своими ногами. Моя самоуверенность росла, в особенности когда я видел, как многим лицам импонировали мои отношения к придворным кругам. Мои просьбы и пожелания стали удовлетворяться в соответствующих правительственных местах. Нашлось уже много людей, которые хотели быть мне полезными и услужливыми. Со своей стороны я также старался быть приятным этим лицам.

Через княгиню Орбелиани я был представлен царице. Она как-то вызвала меня во дворец, чтобы посоветоваться со мной о каких-то драгоценностях. Для меня это было очень важно. Царица приняла меня в доме княгини Орбелиани, и наша встреча была очень непринужденной. Я получал от нее неоднократно заказы, которые я исполнял быстро и добросовестно. Императрица оставалась мною довольна и стала мне доверять. Мне была известна ее бережливость, и на продаваемые драгоценности я назначал очень низкие цены. Купивши что-нибудь у меня, она потом справлялась у придворного ювелира Фаберже о цене, и если он удивлялся дешевизне, государыня была очень довольна. Для меня, конечно, было самое важное — благожелание царицы. Часто покупала она драгоценности также в рассрочку. Я шел всегда ей навстречу и этим доставлял ей особенное удовольствие. Лица ее окружения также стремились при покупках драгоценностей к уступкам с моей стороны. Я охотно уступал им, чтобы завоевать расположение этих лиц ко мне. Потом уже эти же лица старались сослужить мне.

СТАРЕЦ

В это время — в 1905 году — появился при царском дворе Григорий Распутин.

Еще до появления его при дворе были распространены самые фантастические слухи об этом таинственном человеке, основанием которых служили письма супруги великого князя Николая Николаевича Анастасии и ее вышедшей замуж за великого князя Петра Николаевича сестры Милицы.

Обе сестры как раз в то время находились в киевском монастыре.

Они сообщали из Киева о чудесном старце, которого они хотели взять с собой в Петербург. Этот человек — не монах и не священник, но обладает душевной силой.

Уже давно в окружении царицы перешептывались, что царица передала своим детям нездоровую кровь, которая является возбудителем болезней и причиной разных несчастий. Должен заметить, что среди придворных кругов было сильно развито суеверие. В этом отношении они не стояли выше простого крестьянства. Большинство лиц из царского

окружения были очень ограничены, неопытны и беспомощны в самых обыденных жизненных вопросах. Вырубова, княгиня Орбелиани и другие придворные дамы передавали царской чете то, что они слышали о Распутине. Царь и царица как раз переживали очень тяжелые дни. Их угнетали опасения перед своей родней, двором и неизвестной будущностью. Надвигалась буря революции. Когда до них донеслись слухи о Распутине и его чудесах, в них зародилась надежда, что он мог бы помочь. Более всего они надеялись, что он мог бы исцелить тяжело больного царевича.

И до Распутина неоднократно при русском дворе появлялись многочисленные странники, монахи, предсказатели и тому подобные личности. Царская чета охотно беседовала и советовалась с ними. Советы исполнялись в точности, но ничего не помогало. После нескольких беседований, совместных молитв и религиозных наставлений обычно интерес царской семьи к ним исчерпывался и они могли идти своей дорогой.

Между царем и царицей возникали очень часто ссоры. Оба были очень нервны. По несколько недель царица не разговаривала с царем — она страдала истерическими припадками. Царь много пил, выглядел очень плохо и сонно, и по всему было заметно, что он не властен над собой. Как раз в это время появились слухи о чудесных исцелениях Распутина. Рассказывали, что своими чудодействующими травами он врачует от самых тяжелых болезней. Все это дало пищу надеждам царской четы, и был отдан приказ доставить Распутина как можно скорее в царский дворец.

ПЕРВАЯ ВСТРЕЧА РАСПУТИНА С ПРИДВОРНЫМИ ДАМАМИ

Откуда взялся Распутин и каким путем он мог достигнуть такого огромного влияния и неслыханного значения?

Я уже сказал, что в петербургском обществе Распутин нашел хорошо подготовленную почву. Он отличался от других сомнительных личностей, ясновидящих, предсказателей и тому подобных людей своей изумительной силой воли. Кроме того, он никогда не преследовал личных мелочных интересов и его стремление к влиянию над людьми вызывалось только жаждой власти. Его сильная личность требовала проявления власти. Он любил приказывать и распоряжаться людьми. Это стремление обнаружилось у него еще до его появления в Петербурге, когда он еще проживал в стесненных условиях и, конечно, в значительно сильной мере в Петербурге, когда он достиг своих баснословных успехов.

Распутин появился за девять лет до начала великой войны, и дальнейшие события я буду передавать по рассказам самого Распутина.

Великая княгиня Анастасия, супруга Николая Николаевича, и ее сестра Милица отправились на богомолье в Киев. Они остановились в подворье Михайловского монастыря. Однажды утром они на дворе монастыря заметили обыкновенного странника, занятого колкой дров. Он работал для добывания себе пропитания. Это был Распутин. Он уже посетил много святых мест и монастырей и находился на обратном пути своего второго путешествия в Иерусалим. Распутин пристально посмотрел на дам и почтительно им поклонился. Они задали ему несколько вопросов, и таким образом завязался разговор. Незнакомый странник показался дамам очень интересным. Он рассказывал о своих странствованиях по святым местам и о своей жизни. Он много видел и пережил. Два раза он пешком проделал далекую дорогу из Тобольска в Иерусалим и знал все знаменитые большие монастыри, а также мог многое рассказать о знаменитых монахах. Его рассказ привлекал высокопоставленных дам и его повествования на религиозные темы импонировали им. Первое знакомство закончилось приглашением его на чай.

Распутин вскоре воспользовался приглашением. Великие княгини, которые свою поездку на богомолье совершали инкогнито, скучали, и рассказы Распутина доставляли им развлечение, которого им не доставало. Поэтому они радовались видеть в своих покоях своеобразную характерную фигуру Распутина.

Распутин рассказывал своим новым знакомкам, что он простой человек из села Покровского, Тобольской губернии. Его отец еще жив и занимается погрузкой и выгрузкой барж на реке Туре. Семья его состояла из его жены Прасковьи, сына Мити и дочерей Марьи и Вари. Далее Распутин рассказывал, что, хотя он человек и необразованный, еле разбирающий грамоту, он часто на железнодорожных станциях и паромных пристанях проповедует народу. Он гордился своим проповедническим талантом и утверждал, что ему нетрудно побороть даже ученых миссионеров и богословов. В особенности он подчеркивал свое знание «церковного права», но трудно было уяснить, что он понимает под церковным правом. Во всяком случае, несомненно одно, что Распутин своими религиозными познаниями приводил в изумление даже епископов и академически образованных богословов.

Посещения Распутиным петербургских дам становились все чаще. Они охотно с ним встречались, угощали его и относились к нему весьма любезно. В личности Распутина было что-то, что привлекало людей к нему. В особенности дамы, сами того не замечая, легко попадали под его влияние. Когда Распутин узнал, что его новые знакомые, он в особенности постарался заручиться их расположением,

значение которого для него сразу стало ясным. Конечно, он в то время еще и не предвидел, какая значительная роль ему предначертана при царском дворе, но сразу сообразил, какие блестящие возможности ему открываются.

Распутин сообщил дамам, что он обладает способностью излечивать все болезни, никого не боится, может предсказать будущее и отвести предстоящее несчастье. В его рассказах было много огня и убедительности, и его серые пронизывающие глаза блеснули так сугестивно, что его слушательниц охватывало какое-то восхищение перед ним. Они проявляли перед ним какое-то мистическое поклонение. Легко поддающиеся суеверию, они были убеждены, что перед ними чудотворец, которого искали их сердца. Одна из них спросила его как-то вечером, может ли он излечить гемофилию¹. Ответ Распутина был утвердительным, причем он пояснил, что болезнь эта ему хорошо известна, и описал ее симптомы с изумительной точностью. Нарисованная картина болезни вполне соответствовала страданиям цесаревича. Еще большее впечатление оставило его заявление, что он уже излечил несколько лиц от этой болезни. Он называл также травы, которые для этого применялись им. Дамы были счастливы, что им представляется возможность оказать царской чете громадную услугу излечением ее сына. Они поведали Распутину о болезни наследника, о которой в то время в обществе еще ничего не было известно, и он предложил излечить его.

Таким образом завязался узел, развязка которого последовала лишь убийством чудотворца и бурями второй революции.

Началось царствование Распутина.

СЛУХИ

Скоро Распутина и его посещения царского дворца окружило бесчисленное количество слухов. С особенной настойчивостью старались выяснить, что могло побудить обеих великих княгинь и их спутников ввести в царский дворец неизвестного мужика. Многие высказывали подозрение, что появление Распутина не является случайным, но такого странного чудотворца искали уже давно, чтобы при его помощи оказать в политических целях влияние на царя.

Николай II был очень мнительным, но в своем роде хитрым. Он оказывал особую внимательность к людям, которые, казалось, обладали сверхъестественной силой. Разного рода мистики, душевноодержимые и даже шар-

¹ Гемофилия — редкая болезнь, при которой кровь теряет способность сворачиваться и поэтому трудно остановить кровотечение. — *Здесь и далее примеч. авт.*

латаны очень легко получали не только доступ к нему, но и пользовались его вниманием, уважением и даже благоволением. В их обществе он чувствовал себя хорошо, внимая их поучениям и советам.

Объяснение этому многие находили в ранении его головы японским принцем во время путешествия в Японию.

Находились также люди, которые Распутин считали орудием Германии. Они поясняли, что Гогенцоллерны питают сильную вражду к династии Романовых и что германский император хочет отомстить русскому царю за его неблагодарность и непочтительность. Далее утверждали, что в течение последних двух столетий Гогенцоллерны принимали все меры, чтобы покорить Россию.

В действительности Германия имела очень сильное влияние на хозяйственную жизнь России, но не на политическую.

Русский двор не любил Гогенцоллернов и был уверен, что Вильгельм II считает Романовых единственным препятствием к мирному завоеванию России. Эти предположения служили основанием для толков, что Распутин является орудием Вильгельма.

Другие лица были заняты решением вопроса, что побуждало Вырубову, приближенную царицы, всякими способами выдвигать и поддерживать Распутина. О немецком влиянии на нее не могло быть и речи. И все-таки она была первой, кто силой всей своей личности выступала за Распутина. Малейшее желание Распутина было для Вырубовой законом. Она боготворила Распутина, и в большей части своего исключительного положения он обязан ей, его верной посреднице перед царской четой. Он говорил про нее, что она предана ему до гроба, и в действительности она была его преданнейшим агентом. При этом она была убеждена, что она действует в интересах царской четы и династии и главным образом добивалась излечения царевича.

Кто мог из лиц, способствовавших приближению Распутина к царской чете, иметь намерение этим вредить династии: может быть, обе дочери короля черногорского Никиты, великие княгини Милица и Анастасия, которые вызвали Распутина из Киева в Петербург?

Иногда высказывалось мнение, что Распутин был приближен к царю, чтобы своим знахарством погубить наследника, что могло бы быть в интересах царской родни.

РАСПУТИН — ЛЮБИМЕЦ ЦАРСКОЙ ЧЕТЫ

Распутин прибыл в Петербург не по железной дороге, а пешком и при этом босиком. Он остановился в монастырской гостинице, как гость архимандрита Феофана.

Это и послужило поводом к слухам, что Распутин рекомендовал Николаю Николаевичу Феофану.

Из монастырской гостиницы Распутин переехал на квартиру генеральши Лохтиной на Николаевской улице.

Эксцентричная и не отдававшая в своих действиях отчета, госпожа Лохтина была известна тем, что она всегда носила белый шелковый цилиндр. Генеральша была чрезвычайно предана Распутину и обучала его грамоте. От нее Распутин перебрался к Сазонову, родственнику министра иностранных дел, на Ямскую улицу. Позднее Распутин жил на Английской набережной и наконец поселился на Гороховой улице, в доме № 64, где и проживал до самой смерти.

В Царском Селе Распутин ожидали с нетерпением, но приняли сдержанно. Великая княгиня Анастасия встретила Распутин в Петербурге и вскоре ввела его к царице. Он оставил приятное впечатление, вел себя спокойно и с достоинством, рассказывал о своей жизни и избегал хвастаться своей сверхъестественной силой. Он знал, что великие княгини уже достаточно его разрекламировали.

С первой же встречи с царевичем он отнесся к больному мальчику с особенной предупредительностью. Он владел даром влиять на людей успокаивающим образом. Его спокойствие и уверенное обращение сильно влияли на людей. Его особенное искусство воздействовать на больных сразу поставило его в надлежащее положение у кровати страдающего мальчика.

Бедный ребенок страдал кровотечениями из носа, и врачи не в силах были ему помочь. Обильные потери крови обессиливали мальчика, и в этих случаях родителям всегда приходилось дрожать за его жизнь. Дни и ночи проходили в ужасном волнении. Маленький Алексей полюбил Распутин. Суггестивные способности Распутин оказывали свое действие. Однажды, когда опять наступило кровотечение из носа, Распутин вытащил из кармана ком древесной коры, разварил ее в кипятке и покрыл этой массой все лицо больного. Только глаза и рот остались открытыми. И произошло чудо: кровотечение прекратилось. Распутин рассказывал мне подробно об этом своем первом выступлении в царском дворце в качестве врача. Он не скрывал, что кора, которой он покрыл лицо царевича, была обыкновенной дубовой корой, имеющей качество останавливать кровотечение. Царская чета при этом случае же узнала, что существуют сибирские, китайские и тибетские травы, обладающие чудесными целебными свойствами. Распутин, между прочим, умел исцелять также без помощи трав. Болел кто-нибудь головой и лихорадкой — Распутин становился сзади больного, брал его голову в свои руки, нашептывал что-то никому непонятное и толкал больного со словом «Ступай».

Больной чувствовал себя выздоровевшим. Действие распутинского нашептывания я испытал на себе и должен признаться, что оно было ошеломляющим.

Распутин возбуждал в окружавших его людях самые разнообразные чувства. Одни испытывали перед ним какую то странную боязнь, другие глубокое почитание, а третьи его ненавидели. Царская семья находилась всецело в его власти, и царь подчинялся вполне его влиянию. Распутин управлял им. Я не сомневаюсь в том, что Распутин потерял бы значительную долю своего влияния, если бы наследник выздоровел. Не подлежит сомнению, что здоровье наследника благодаря уходу Распутина значительно улучшилось, но он никогда совершенно не поправлялся. Распутин сумел внушить царю, что болезнь наследника опасна для него только до восемнадцатилетнего возраста и что после этого срока он совершенно избавится от болезни. При всяком ухудшении здоровья мальчика и при малейшем его недомогании призывался чудотворец: он обладал необъяснимой властью над мальчиком. Неоднократно было достаточно телефонного разговора, чтобы прогнать бессоницу или лихорадку. Этими обстоятельствами и объясняется необыкновенное влияние Распутина на царицу. Не лишенная некоторого болезненного оттенка материнская любовь царицы делала ее рабыней Распутина. Он умел эти необычайные обстоятельства использовать для себя... Я догадываюсь, что в некоторых случаях он нарочно способствовал тому, чтобы обстановка эта сложилась как можно более выгодно для него.

Несмотря на свою необразованность, он был очень хитрым и ловким человеком. Было естественно, что он хотел свою сказочную власть удержать как можно дольше, к чему равно с ним стремилось все окружение царя, большинство придворных чинов, министров, генералов и прочих высокопоставленных лиц, которые меньше заботились об интересах родины и, главным образом, стремились как можно дольше удержать в своих руках власть. Разница между ними и сибирским мужиком состояла лишь в том, что они не обладали особыми дарованиями и влиянием на царя.

В конце концов власть Распутина была даже больше власти царя, так как в некоторых случаях он мог добиться больше, чем император «всея России».

Распутин умел за счет царя окружить себя людьми, которые ему были преданы душой и телом и служили ему не за страх, а за совесть. С другой стороны, он видел возрастающую с каждым днем против него вражду. Против него открылся настоящий поход. Его враги изо дня в день становились все многочисленнее и сильнее. Они старались восстановить против него всю Россию. Их работа не оста-

валась безрезультатной, но одного они не могли достичь: разлучить царя и царицу с Распутиным.

Любовь царской четы к Распутину еще более окрепла, и даже просьбы и угрозы не могли ничего изменить. Хотя царь и царица не могли не видеть грозивших им из-за Распутина опасностей, но они не обращали на них внимания. Возникла неслыханная борьба, в которой против царя выступали его народ, его ближайшие сотрудники и его родня.

Протестами против Распутина, грязными и лживыми доносами на него отравлялась жизнь царской четы. Но, всегда безвольный, царь оставался в этом вопросе непоколебимым. Другой на его месте пожертвовал бы не только Распутиным, но и самым дорогим и любимым, лишь бы спасти уже в то время колеблющуюся корону. Но Николай пошел как раз противоположной дорогой. Он всем пожертвовал, лишь бы оставить около себя Распутина. При этом погибли не только он сам и его семья, но и великое государство.

МОЯ ДРУЖБА С РАСПУТИНЫМ

Я познакомился с Распутиным еще в Киеве, до того, как он стал известен в Петербурге. В Петербурге я совершенно случайно встретил его у княгини Орбелиани, с которой я был в хороших отношениях. Впоследствии я часто видел его у Вырубовой.

При первой встрече на меня оказали сильное влияние его выразительные глаза. Эти глаза одновременно и приковывали человека и вызывали какое-то неприятное чувство. Я вполне понимаю, что его взгляд оставлял на людей слабых и легко поддающихся чужому влиянию очень сильное впечатление.

Вырубова нуждалась в моем деловом совете по вопросу, касающемуся Распутина. Распутин отнесся ко мне весьма почтительно и показал, что он готов взаимно услужить. Я заметил, что этот мужик умел ценить хорошие отношения. Мы сделались скоро друзьями. Мне на руку сыграло то обстоятельство, что Распутин не имел никакого понятия о финансовой стороне существования и очень неохотно занимался финансовыми вопросами. Неоднократно в своей прошедшей жизни ему приходилось попрошайничать, проживать бесплатно в монастырях, монастырских гостиницах или у зажиточных крестьян. Будущность его интересовала очень мало. Он был вообще человеком беспечным, жил настоящим днем. Царский двор заботился о нем в Петербурге, но он оставался в столице беспомощным и чужим. Несмотря на свою близость к царской семье, он оставался одиноким. Его могучий и чувственный темперамент требовал сильных и возбуждающих переживаний. Он любил вино, женщин, музыку, танцы и продолжительные и

интересные разговоры. При царском дворе он этого ничего не имел. Во дворце велась совершенно особая жизнь, и творившиеся там человеческие низости оставались скрытыми под маской притворства и кажущейся добродетели¹. Это не подходило Распутину. В присутствии царя и царицы Распутин сдерживал свой страстный характер. Но его личная жизнь была беспорядочна, и он не был в состоянии завести налаженный домашний очаг. Вначале он жил на случайные подачки царя. Здесь ему потребовалась моя помощь, и это было основой нашей дружбы.

Я принял на себя хлопоты о его материальном благополучии, и Распутин был очень рад, что освобождался от этих забот. Вскоре я сделался для него незаменимым. Я заботился о всех мелочах и нуждах его ежедневной жизни. Мой опыт и мое знакомство со столичными условиями ему imponировали. Я помогал ему ориентироваться в Петербурге. Многое было для него ново — и он привыкал постепенно руководствоваться во всем моими советами. Таким образом я сделался его секретарем, ментором, управляющим и защитником. В результате Распутин без меня не предпринимал ничего важного. Я посвящался во все его дела и тайны. В случаях непослушания мне приходилось на него частенько прикрикивать, после чего Распутин вел себя как провинившийся школьник. Общественность об этом ничего не знала, и все были только уверены, что благодаря Распутину мне представляется возможным провести у царя, царицы, министров и прочих власть имеющих сановников почти все, что я желаю.

ЛИЧНОСТЬ РАСПУТИНА

Своей внешностью Распутин был настоящий русский крестьянин. Он был крепыш, среднего роста. Его светло-серые острые глаза сидели глубоко. Его взгляд пронизывал. Только немногие его выдерживали. Он содержал суггестивную силу, против которой только редкие люди могли устоять. Он носил длинные, на плечи ниспадающие волосы, которые делали его похожим на монаха или священника. Его каштановые волосы были тяжелые и густые.

Духовных лиц Распутин не ставил высоко. Он был верующим, но не притворялся, молился мало и неохотно, любил, однако, говорить о Боге, вести длинные беседы на религиозные темы и, несмотря на свою необразованность, любил философствовать. Его сильно интересовала духовная жизнь человека. Он был знаток человеческой психики, что оказывало ему большую помощь. Регуляр-

¹ Строгий дворцовый этикет как бы завесой окутывал все эти человеческие слабости, которых немало было там

ную работу он не любил, так как был лентяем, но мог в случае необходимости напряженно физически работать. Временами физическая работа была для него необходима.

Вокруг Распутина собралось несчетное количество легенд. Я не намерен состязаться с сочинителями всяких скандальных историй и хочу лишь передать мои наблюдения над действительным Распутиным.

На лбу Распутин имел шишку, которую он тщательно закрывал своими длинными волосами. Он всегда носил при себе гребенку, которой расчесывал свои длинные, блестящие и всегда умасленные волосы. Борода же его была почти всегда в беспорядке. Распутин только изредка расчесывал ее щеткой. В общем он был довольно чистоплотным и часто купался, но за столом он вел себя малокультурно. Он пользовался только в редких случаях ножом и вилок и предпочитал брать кушанья с тарелок своими костлявыми и сухими пальцами. Большие куски он разрывал, как зверь. Только немногие могли при этом смотреть на него без отвращения. Его рот был очень велик, но вместо зубов в нем виднелись какие-то черные корешки. Во время еды остатки пищи очень часто застревали в его бороде. Он никогда не ел мяса, сладостей и пирожных. Его любимыми блюдами были картофель и овощи, которые доставлялись ему его почитательницами. Распутин не был антиалкоголиком, но и не ставил высоко водку. Из других напитков он предпочитал мадеру и портвейн. К сладким винам он привык в монастырях и мог их переносить в очень больших количествах. В своей одежде Распутин всегда оставался верен своему крестьянскому наряду. Он носил русскую рубашку, опоясанную шелковым шнурком, широкие шаровары, высокие сапоги и на плечах поддевку. В Петербурге он охотно надевал шелковые рубашки, которые вышивали для него и подносили ему царица и его поклонницы. При них он также носил высокие лаковые сапоги.

Распутин любил поучать людей. Но он говорил немного и ограничивался короткими, отрывистыми и часто даже непонятными фразами. Все должны были внимательно к нему прислушиваться, так как он был очень высокого мнения о своих словах.

Почитателей Распутина можно разделить на две категории. Одни верили в его сверхъестественные силы и его святость, в его божественное назначение, а другие просто считали модным за ним ухаживать или старались через него добиться для себя или своих близких каких-нибудь преимуществ. Когда Распутина укоряли его слабостью к женскому полу, он обычно отвечал, что его вина не так уж велика, так как очень много высокопоставленных лиц прямо вешают ему на шею своих любовниц и даже жен, чтобы

таким путем добиться от него каких-нибудь выгод для себя. И большинство этих женщин вступали в интимную связь с ним с согласия своих мужей или близких. Были у Распутина почитательницы, которые навещали его по праздникам, чтобы поздравить, и при этом обнимали его пропитанные дегтем сапоги. Распутин, смеясь, рассказывал, что в такие дни он особенно обильно мажет свои сапоги дегтем, чтобы валяющиеся у его ног элегантные дамы побольше бы испачкали свои шелковые платья.

Баснословный успех его у царской четы сделал его каким то божеством. Все петербургское чиновничество пришло в волнение. Одного слова Распутина было достаточно, чтобы чиновники получали высокие ордена или другие отличия. Поэтому все искали его поддержки. Распутин имел больше власти, чем любой высший сановник.

Не нужно было особых знаний или талантов, чтобы при его помощи сделать самую блестящую карьеру. Для этого было достаточно прихоти Распутина.

Назначения, для которых была необходима долголетняя служба, Распутиным проводились в несколько часов. Он доставлял людям должности, о которых они раньше и мечтать не смели. Он был всемогущий чудотворец, но при этом доступнее и надежнее, чем какая-нибудь высокопоставленная особа или генерал.

Ни один царский фаворит никогда в России не достигал такой власти, как он.

Распутин не старался перенять манеры и привычки благовоспитанного петербургского общества. Он вел себя в аристократических салонах с невозможным хамством.

По-видимому, он нарочно показывал свою мужицкую грубость и невоспитанность.

Это была удивительная картина, когда русские княгини, графини, знаменитые артистки, всесильные министры и высокопоставленные лица ухаживали за пьяным мужиком. Он обращался с ними хуже, чем с лакеями и горничными. По малейшему поводу он ругал этих аристократических дам самым непристойным образом и словами, от которых покраснели бы конюхи. Его наглость бывала неописуема.

К дамам и девушкам из общества он относился самым бесцеремонным образом, и присутствие их мужей и отцов его нисколько не смущало. Его поведение возмутило бы самую отъявленную проститутку, но, несмотря на это, почти не было случаев, когда кто-нибудь показывал свое возмущение. Все боялись его и льстили ему. Дамы целовали его испачканные едой руки и не гнушались его черных ногтей. Не употребляя столовых приборов, он за столом руками распределял среди своих поклонниц куски пищи и те старались уверить его, что они это считают каким-то блажен-

ством. Было отвратительно наблюдать такие сцены. Но гости Распутина привыкли к этому и все это принимали с беспримерным терпением.

Я не сомневаюсь, что Распутин нередко вел себя возмутительно, безобразно, чтобы показать свою ненависть к дворянству. С особенною любовью он ругался и издевался над дворянством, называл их собаками и утверждал, что в жилах любого дворянина не течет ни капли русской крови. Разговаривая же с крестьянами или своими дочерьми, он не употреблял ни единого бранного слова. Его дочери имели особую комнату и никогда не заходили в помещения, в которых находились гости. Комната дочерей Распутина была хорошо меблирована, и из нее вела дверь в кухню, в которой жили племянницы Распутина Нюра и Катя, наблюдавшие за его дочерьми. Собственные комнаты Распутина были почти совсем пусты и в них находилось очень немного самой дешевой мебели. Стол в столовой никогда не накрывался скатертью. Только в рабочей комнате стояло несколько кожаных кресел, и это была единственная более или менее приличная комната во всей квартире. Эта комната служила местом интимных встреч Распутина с представительницами высшего петербургского общества. Эти сцены обычно протекали с невозможной простотой, и Распутин в таких случаях соответствующую даму выпроваживал из своей рабочей комнаты словами: «Ну, ну, матушка, все в порядке!»

После такого дамского визита Распутин обыкновенно отправлялся в напротив его дома находящуюся баню. Но данные в таких случаях обещания всегда исполнялись.

При любовных похождениях Распутина бросалось в глаза, что он терпеть не мог навязчивых особ. Но, с другой стороны, он надоедливо преследовал не поддававшихся его вожделениям дам. В этом отношении он становился даже вымогателем и отказывался от всякой помощи в делах таких лиц. Бывали также случаи, что приходившие к нему с просьбами дамы прямо сами себя предлагали, считая это необходимой предпосылкой для исполнения их просьбы. В таких случаях Распутин играл роль возмущенного и читал просительнице самое строгое нравоучение. Их просьбы все же исполнялись.

ДОМ РАСПУТИНА

В столовой Распутина обычно собиралось самое разнообразное общество. Каждый посетитель считал своей обязанностью приносить что-нибудь съестное. Мясные блюда не почитались. Приносили много икры, дорогой рыбы, фруктов и свежего хлеба. Кроме того, на столе стояли всегда картофель, кислая капуста и черный хлеб. Бессменно на столе возвышался громадный кипящий самовар. Кладовая Распу-

тина была всегда набита всевозможными запасами. Каждый приходящий мог угощаться по своему желанию. Иногда можно было наблюдать сцену, когда Распутин бросал куски черного хлеба в миску с ухой, вытаскивал своими руками эти куски опять из ухи и распределял между своими гостями. Последние принимали эти куски с воодушевлением и съедали их с удовольствием. На столе всегда находилась куча сухарей из черного хлеба и соль. Распутин любил эти сухари, а также предлагал их своим гостям, среди которых постоянно находились кандидаты на министерские посты и другие высокие должности. Распутинские сухари пользовались в Петербурге большою популярностью. Его хозяйство вели его племянницы Нюра и Катя. Прислуги он не держал.

Съестные припасы я доставлял Распутину на дом. Я заботился о том, чтобы Распутин и его семья получали все необходимое; по этому поводу у нас с ним существовало молчаливое соглашение. Николай II знал, что, пока его любимец находится на моем попечении, он ни в чем нуждаться не будет. Распутин принимал мои услуги, но никогда не спрашивал об их мотивах. Он даже не интересовался, откуда я доставал деньги. В случае какой-либо нужды он всегда просто обращался ко мне.

Жизнь Распутина требовала громадных сумм, и я всегда их доставал. В последнее время по распоряжению царя из Министерства внутренних дел отпускались ежемесячно пять тысяч рублей, но при широком образе жизни Распутина и его кутежах этой суммы никогда не хватало. Не хватало также моих личных средств на покрытие всех расходов. Поэтому я доставал Распутину деньги из особых источников, которые, чтобы не повредить моим единоверцам, я никогда не выдам.

Если бы Распутин думал лишь о собственных выгодах, то он накопил бы большие капиталы. Ему не стоило бы много труда получать от лиц, которым он устраивал должности и всякие другие выгоды, денежные вознаграждения. Но он никогда не требовал денег. Он получал подарки, но они не были высокой стоимости. Например, ему давали одежду или платили по его счетам за кутежи. Деньги он принимал лишь в тех случаях, если он ими мог кому-нибудь помочь. Бывали случаи, что одновременно с каким-либо богачом у него находился бедный, хлопочущий о помощи. В таких случаях он предлагал богачу давать бедному несколько сот рублей. С особым удовольствием он помогал обращающимся к нему за помощью крестьянам. Случалось, что он своих просителей посылал к еврейским миллионерам Гинцбургу, Соловейчику, Манусу, Каминке и другим с записками о выдаче им той или другой суммы. Эти просьбы всегда удовлетворялись. Когда Распутина по-

сещал М. Гинцбург, то он обычно отнимал у него все при нем находящиеся наличные деньги и распределял их среди всегда в его доме толпящейся бедноты. В таких случаях он любил выражаться: в доме находится богатый человек, который хочет распределить свои деньги среди бедняков. Но для себя он ничего не требовал. Я пытался его заинтересовать в моих делах, но он всегда отказывался. Если его хотели отблагодарить, то нужно было искать особые пути. От природы он имел доброе сердце. Случалось лишь очень редко, что он в исполнении какой-нибудь просьбы отказывал. В серьезных случаях он показывал себя всегда очень деликатным и всегда готовым к помощи. Он очень подробно расспрашивал своих просителей, и ему было очень неприятно, если он не мог им помочь. Он охотно выступал за обиженных и униженных и принимал жалобы на власть имущих.

Между десятью и одиннадцатью у него всегда бывал прием, которому мог позавидовать любой министр. Число просителей иногда достигало до двухсот человек, и среди них находились представители самых разнообразных профессий. Среди этих лиц можно было встретить генерала, которого собственноручно побил великий князь Николай Николаевич, или уволенного вследствие превышения власти государственного чиновника. Многие приходили к Распутину, чтобы выхлопотать повышение по службе или другие льготы, иные опять с жалобами или доносами. Евреи искали у Распутина защиты против полиции или военных властей. Но мужчины терялись в массе женщин, которые являлись к Распутину со всевозможными просьбами и по самым разнообразным причинам.

Если он не спал после ночного кутежа, то он обычно выходил к этой разношерстной, набившей все углы его квартиры толпе просителей. Он низко кланялся, оглядывал толпу и говорил:

— Вы пришли все ко мне просить помощи. Я всем помогу.

Почти никогда Распутин не отказывал в своей помощи. Он никогда не задумывался, стоит ли проситель его помощи и годен ли он для просимой должности. Про судом осужденных он говорил: «Осуждение и пережитый страх уже есть достаточное наказание».

Для Распутина было решающим то, что проситель нуждался в его помощи. Он помогал всегда, если было только возможно, и он любил унижать богатых и власть имущих, если он этим мог показать свои симпатии бедным и крестьянам. Если среди просителей находились генералы, то он насмешливо говорил им: «Дорогие генералы, вы привыкли быть принимаемыми всегда первыми. Но здесь

находятся бесправные евреи, и я еще их сперва должен отпустить. Евреи, подходите. Я хочу для вас все сделать».

Далее евреи уже поручались мне, и я должен был от имени Распутина предпринимать соответствующие шаги.

После евреев Распутин обращался к другим посетителям и только под самый конец он принимал просьбы генералов. Он любил во время своих приемов повторять: «Мне дорог каждый приходящий ко мне. Люди должны жить рука об руку и помогать друг другу».

Жена Распутина приезжала в Петербург, чтобы навеситить своего мужа и детей, лишь раз в год и оставалась на самое короткое время. Во время ее приездов Распутин не стеснял себя, но обходился с ней очень приветливо и любил ее по-своему. Она не обращала много внимания на любовные похождения своего мужа и в таких случаях говорила: «Он может делать, что хочет. У него хватает для всех».

Он целовал своих аристократических поклонниц в присутствии своей жены, и ей это даже льстило. Обычно очень упрямый, легко вспыльчивый, не терпящий противоречий и готовый всегда драться со своим противником, Распутин относился к своей жене очень податливо. Они жили в сердечной дружбе и никогда не спорили между собой.

Однажды приезжал в Петербург также отец Распутина, чтобы вблизи посмотреть на успехи своего сына. Он в Петербурге оставался очень короткое время, поехал обратно домой и скоро там умер. Сын Распутина Дмитрий был очень тихий и добродушный мальчик. Он был мало даровит и учился плохо. После двухлетнего посещения духовного училища он вернулся в село Покровское, сделался там крестьянином и теперь еще живет там со своей женой и матерью. Во время войны он стал военнообязанным, но отец его не пустил на фронт, а устроил помощником санитаря в императорском санитарном поезде.

РАСПУТИН КУТИТ

Страстный кутила Распутин находился в наилучших отношениях со всеми прожигательницами жизни столицы. Любовницы великих князей, министров и финансистов были ему близки. Поэтому он знал все скандальные истории, связи высокопоставленных лиц, ночные тайны большого света и умел все это использовать для расширения своего значения в правительственных кругах. Петербургские великосветские дамы, кокетки, знаменитые артистки и веселые аристократки — все были горды своими отношениями к любимцу царской четы. Все они были ослеплены его успехами. Дружба с Распутиным давала им возможность знать много разных тайн, обделывать свои темные делишки и делать свою собственную или близких им людей карьеру. Разные

прожигательницы жизни имели в то время особое влияние в Петербурге и занимали какое то особое положение в до-революционное время.

Случалось часто, что Распутин звонил к одной из своих приятельниц из этого круга и приглашал в известный ресторан. Приглашения всегда принимались, и начинался кутеж. Дамы эти пользовались удобным случаем, чтобы похлопотать у Распутина за своих друзей, любовников и родных. Очень многие из этих дам обогащались таким способом, так как Распутин в таких случаях был очень податливым.

Владелец загородного ресторана «Вилла Роде» построил для ночных кутежей Распутина специальный дом. Там часто можно было встретить лиц с очень громкими именами и титулами; при этом дамы из общества старались своими выходками перебить хористок и шансонеток. Обычно призывался цыганский хор, так как Распутин очень любил цыганское пение. Он был также страстным танцором и великолепно танцевал русские танцы. В этом отношении было трудно с ним конкурировать даже профессиональным танцорам.

Отправляясь на кутежи, Распутин всегда набивал свои карманы разными подарками: конфетами, шелковыми платками и лентами, пудреницами, духами и тому подобными вещами. Распутин очень радовался, если после его прихода в ресторан все эти вещи расхищались из его карманов, и кричал весело: «Цыганки меня обворовали!»

Бывало очень редко, чтобы при таких кутежах не присутствовал какой-нибудь министр или кандидат в министры.

Однажды во время такого кутежа была предпринята попытка убить Распутина.

Несколько молодых людей и офицеров сумели устроить себе доступ на место кутежа. Вначале все было тихо; но когда Распутин вышел на середину комнаты, приглашая партнершу на танец, офицеры вскочили и обнажили свои шашки. У штатских появились в руках револьверы. Распутин отскочил в сторону, обвел заговорщиков страшным взглядом и вскрикнул: «Вы хотите покончить со мною!»

Заговорщики стояли окаменелые, как парализованные. Они не могли отвернуться от взгляда Распутина. Все затихли. Случай произвел на всех присутствующих сильное впечатление.

Распутин пояснил: «Вы были моими врагами, но теперь вы больше не враги. Вы видели, что моя сила победила. Не сожалейте, что вы сюда пришли, но и не радуйтесь, что вы можете уйти. Не существует больше такой власти, которая могла бы направить вас против меня. Ступайте домой. Я хочу остаться с моими здесь и отдохнуть».

Молодые люди опустились перед Распутиным на колени и умоляли его их простить.

— Я вам не прощу, — ответил Распутин, — так как я вас сюда не приглашал. Я не радовался, когда вы пришли, и не горюю, когда вы уходите. Теперь уходите. Вы излечены. Ваши губительные намерения пропали.

Заговорщики оставили помещение.

РАСПУТИН И ЦАРСКАЯ СЕМЬЯ

В Петербурге усиленно распространялись слухи, что Распутин находится в интимной связи с царицей и ведет себя также неблагопристойно по отношению к царским дочерям. Эти слухи не имели ни малейшего основания.

Распутин никогда не являлся во дворец, когда там не было царя. Я не знаю, по собственной ли инициативе или по царскому указанию он так поступал. Изредка Распутин встречался с царицей в ее лазарете, но всегда в присутствии свиты.

Также в слухах о царских дочерях нет ни слова правды. По отношению к царским детям Распутин был всегда внимателен и благожелателен. Он был против брака одной из царских дочерей с великим князем Димитрием Павловичем, предупреждая ее и даже советуя не подавать ему руки, так как он страдал болезнью, от которой можно было заразиться при рукопожатии. Если же рукопожатие неизбежно, то Распутин советовал сейчас же после этого умываться сибирскими травами.

Советы и указания Распутина оказывались всегда полезными, и он пользовался полным доверием царской семьи. Царские дети имели в нем верного друга и советника. Если они вызывали его недовольство, то он сражал их. Его отношения к ним были чисто отеческие. Вся царская семья верила в божественное назначение Распутина.

Он часто упрекал царицу в ее скупости. Он был очень недоволен, что вследствие бережливости царские дочери ходили плохо одетыми. Скупость царицы при дворе вошла в поговорку. Она стремилась даже в мелочах экономить. Ей было до того тяжело расставаться с деньгами, что она даже платья покупала в рассрочку.

Грязные сплетни давали мне повод к частым разговорам с Распутиным по поводу его отношений к царице и ее дочерям. Эти злостные сплетни меня сильно беспокоили, и я считал бессовестным распространение безобразных слухов про безукоризненно ведущих себя царицу и ее дочерей. Чистые и безупречные девушки не заслуживали этих распространяемых бессовестными создателями сенсаций обвинений.

Несмотря на их высокое положение, они были беззащитны против такого рода слухов.

Было стыдно, что даже родственники царя и высокие сановники также занимались муссированием этих слухов. Их поведение можно назвать тем более низким, что им доподлинно была известна вздорность этих слухов. Распутин возмущался этими слухами, но по причине своей невинности не принимал их особенно горячо к сердцу. Я учитывал положение в этом отношении иначе и считал необходимым выступать против этих слухов и часто упрекал Распутина в его безразличии к этому вопросу.

— Что ты хочешь от меня, — кричал на меня во время таких разговоров Распутин. — Что я могу сделать? Разве я виноват, что про меня клеветуют таким образом?

— Но недопустимо, чтобы из-за тебя разводились нелепые сплетни на великих княжен, — возражал я. — Ты должен же понять, что каждому жаль бедных девушек и что даже царицу замешивают в эту грязь.

— Убирайся к черту, — кричал Распутин. — Я ничего не сделал. Люди должны понять, что никто не загрязняет то место, где он кушает. Я служу царю и никогда ничего подобного не осмелюсь сделать. На такую неблагодарность я неспособен. И что ты думаешь, что сделал бы царь в таком случае?..

— Все происходит оттого, что ты постоянно гоняешься за юбками. Оставь этих баб. Ты же не можешь пропустить мимо себя ни одной женщины.

— Разве я виноват? — возражал Распутин. — Я не насиливаю их. Они сами шлятся ко мне, чтобы я за них хлопотал у царя. Что мне делать? Я здоровый мужчина и не могу противостоять, когда ко мне приходит красивая женщина. Почему мне не брать их. Не я ищу их, а они приходят ко мне».

— Но этим ты вредишь всей царской семье. Этим ты возмутил против себя всю Россию, дворянство и даже за границу. Пора кончать. Мне ты не вредишь, но в твоих собственных интересах ты должен покончить с этим, пока не поздно. Иначе ты пропадешь.

Распутин обращал мало внимания на мои предупреждения. Когда же, мучаясь особенно плохими предчувствиями, я усиленно настаивал, он обыкновенно отвечал:

— Подожди только. Сперва я должен помириться с Вильгельмом, а потом я пойду на богомолье в Иерусалим.

Такого рода разговор как то раз произошел также в присутствии Вырубовой, сестер Воскобойниковых, госпожи фон Ден, Никитиной и других. Я видел, что все они со мной соглашались, но ни одна из них не имела мужества открыто высказать свое мнение.

В сущности, я Николая II всегда жалел. Без сомнения, он был глубоко несчастный человек. Он никому не мог импонировать, и его личность не вызывала ни страха, ни почтения. Он был заурядным человеком. Но справедливость все-таки требует подтвердить, что при первой встрече он оставлял глубоко обаятельное впечатление.

Он был прост и легко доступен, а в его присутствии совершенно забывался царь. В своей личной жизни он был чрезвычайно мало требователен. Но его характер был противоречив. Он страдал от двух недостатков, которые в конце концов его погубили: слишком слабая воля и непостоянство. Он никому не верил и подозревал каждого. Распутин передавал мне как-то следующее выражение царя: «Для меня существуют честные люди только до двух годов. Как только они достигают трехгодичного возраста, их родители уже радуются, что они умеют лгать. Все люди лгуны».

Распутин на это возражал, но безуспешно.

Вследствие этого и царю никто не верил. Николай II во время разговора казался очень внимательным и предупредительным, но никто не мог быть уверенным, что он сдержит свое слово. Случалось очень часто, что приближенные царя должны были заботиться о выполнении им данного слова, так как он сам об этом не заботился. Николай жил в убеждении, что все его обманывают, стараются перехитрить и никто не приходит к нему с правдой. Это был трагизм его жизни. Поэтому очень трудно было у него что-нибудь провести. В сознании, что он ненавидим собственной матерью и родственниками, он жил в постоянной боязни от двора Императрицы-матери, то есть так называемого старого двора, об отношениях которого к царю предстоит еще речь. Он считал даже свою жизнь в опасности. Привидение дворцового переворота, постоянно носилось перед его глазами. Он часто высказывал опасение, что его ожидает судьба сербского короля Александра, которого убили вместе с женой и трупы выбросили через окно на улицу. Видно было, что убийство сербского короля произвело на него особое впечатление и наполняло его душу содроганием за свою судьбу.

Царь проявлял особый интерес к спиритизму и ко всему сверхъестественному. В этом лежала большая опасность. Когда он слышал о каком-нибудь предсказателе, спирите или гипнотизере, то в нем сейчас же возникало желание с ним познакомиться.

Этим и объясняется, что столько жуликов и сомнительных личностей, при других условиях и мечтать не смевших о царском дворе, сравнительно легко получали доступ к дворцу.

Достаточно лишь назвать имя Филиппа, который имел весьма большое влияние на Николая.

Также Распутин в первую очередь своим беспримерным успехом был обязан склонности царя к сверхъестественному. Много лиц занимались подыскиванием темных личностей для представления царю как людей со сверхъестественной силой. Таких личностей считали сотнями и только о немногих стало известно общественности.

Среди лиц, которые умели заинтересовать Николая II в сверхъестественном еще до появления Распутина, особое место занимала графиня Нина Сарнекау, незаконная дочь принца Ольденбургского.

Николай II постоянно устраивал с ней спиритические сеансы и запрашивал через нее духов о своей судьбе. Я попробовал однажды, но безрезультатно использовать эту склонность для моих целей при следующих обстоятельствах. Мой хороший друг, румынский скрипач Гулеско, любимец петербургского света, устраивал по какому то случаю вечер. Он пригласил своих знакомых на тарелку «румынского супа». Среди гостей находились: кавказский князь Николай Нишерадзе, камергер царя Иван Накашидзе, член главного правления Красного Креста князь Уча-Дадзани, флигель-адъютант царя князь Александр Эристов, кутаисский генерал-губернатор и отец известной придворной дамы князь Орбелиани и другие. После здоровенной выпивки мы чувствовали потребность продолжать в другом месте. Мы позвонили графине Сарнекау и были приглашены ею на ее квартиру. Здесь начался настоящий кутеж. Мы все, включая и нашу хозяйку, были уже сильно выпивши, когда вдруг к дому графини на дворцовом автомобиле подъехал царский фаворит князь Алек-Амилахвари с предложением Его Величества графине немедленно ехать в Царское Село. Хотя и очень неохотно, но все-таки графиня не считала возможным отказаться от царского приглашения. Мы же в это время шутили над спиритическими способностями графини. Вдруг мне пришло в голову просить ее похлопотать перед духами в пользу русских евреев.

Духи должны были повлиять на царя в смысле отмены ограничительных законов для евреев в России.

Моя мысль была поддержана офицерами-грузинами. Однако, к крайнему сожалению, графиня не осмелилась заняться политическим вызовом духов. Может быть, она вообще не желала осуществления моей затеи, так как она принадлежала к высшему петербургскому обществу, которое всегда было враждебно настроено к евреям.

Антисемитизм среди высшего петербургского общества вообще не так трудно было искоренить, как принято

думать. Враждебное отношение к евреям Николая II объясняется его воспитанием...

Распутин неоднократно говорил, что царя настраивают против евреев его родственники и министры. Сам царь рассказывал ему, что его министры во время своих докладов постоянно высказываются против евреев и таким образом и его восстанавливают против них. Его постоянно забрасывают рассказами о так называемом «еврейском засилье». Неудивительно, что эта травля имела свои последствия. Императрица вообще не имела понятия о еврейском вопросе и только потом узнала, что такое антисемитизм. При царском дворе были всегда заняты евреи, и никто не видел в этом ничего предосудительного. Известно, что царь немедленно после принятия командования над армией отменил практиковавшиеся Николаем Николаевичем бесчеловеческие притеснения евреев.

Распутин передавал мне, что царь сделал это по собственной инициативе, и допускал возможность, что царь довольно охотно внимал просьбам евреев, когда к нему обращались.

Молодые придворные дамы были вообще чужды антисемитизма, во всяком случае, он не был у них замечен. Даже для Вырубовой этот вопрос был мало знаком, и при разговорах о нем она только пожимала плечами.

Николай II был сторонником строгого абсолютизма, но его сильно стеснял обязательный для него, как монарха, придворный этикет.

Он охотно обходил его. Для него было большим удовольствием разговаривать с завсегдатаями петербургских увеселительных домов, которые не всегда вели себя с ним подобающе. Я не хочу здесь рассказывать подробности, но могу только заметить, что царю очень нравился румын Гулеско.

Главной причиной этому было то, что он сочинил песенку, в которой распевалось про офицеров царского конвоя, забывших в публичном доме уплатить по счету. Песенка кончалась припевом: «Отдай мне мои три рубля», и царь по поводу этой песенки много смеялся.

Младший брат царя, Георгий, который до рождения Алексея считался наследником престола, умер от туберкулеза в Абастумане. Непосредственной причиной смерти послужило переутомление, последовавшее за велосипедными гонками, участвовать в которых уговорил его спутник Гелльштрем, который дослужился в русском флоте до чина капитана второго ранга. Его считали незаконным сыном Александра III и одной придворной дамы. Он был на него удивительно похож. Вдовствующая императрица никогда не могла видеть его без волнения. Он получал пенсию от императорского двора и, кроме того, неодно-

кратные денежные вспомоществования от вдовствующей императрицы и великого князя Михаила. Вследствие его вины в смерти великого князя Георгия императрица Мария была против него сильно озлоблена, но все-таки принимала его довольно часто. Он постоянно сетовал на свое незаконное рождение, которое отнимало у него права на царский трон, и вел весьма легкомысленный образ жизни.

ДВА ДВОРА

Между двором царя Николая II и двором его матери существовала острая, непримиримая вражда, последствия каковой оказались роковыми. Почти вся родня царя находилась на стороне старого двора.

Вражда эта не относилась ко времени Распутина, но была значительно старше. Знающие обстоятельства объясняли начало этой вражды нежеланием старой императрицы видеть на престоле своего старшего сына. Рассказывали, что в Крыму составлялся даже заговор с целью возвести на престол второго сына Александра III, Георгия, любимца матери. В этом заговоре должны были участвовать также некоторые гвардейские полки. Но план этого заговора почему-то расстроился.

Не было секретом, что вся родня Николая была против предоставления прав народу участвовать в управлении государством. Когда Николай II в 1905 году все-таки подписал конституцию, все были страшно возмущены против него. Такое отношение родни много способствовало колеблющейся политике Николая в последующие годы. Это подтверждал мне неоднократно граф Витте, творец конституции 1905 года, сам боявшийся мести старого двора. Каждый в Царском Селе знал, что, вследствие данного отцу обещания, мать и родня Николая II требовали безусловного соблюдения самодержавия. Ему даже довольно откровенно намекали на то, что в противном случае последствия для него могут оказаться весьма нежелательными. Эти обстоятельства понудили некоторых друзей предложить царю потребовать от своей родни вторичной присяги.

Все приверженцы царя, поддерживающие его в борьбе со старым двором, порицали его за попустительство по отношению к его явным врагам. Распутин также в этом отношении не соглашался с царем. Он знал, что его близкие отношения к Николаю являлись опасным оружием в руках его врагов, и был уверен, что родственники царя ненавидели его не меньше, чем самого царя. Это делало Распутина злейшим врагом старого двора и всех царских родственников. Он при каждом удобном случае восстанавливал царя против великих князей, но Николай не осмелился предпринять серьезные меры против своих родственников. Он бо-

ялся их и старался все недоразумения и ссоры улаживать мирным путем. Распутин не скрывал своего недовольства и часто упрекал царя за это.

— Почему ты не поступаешь как должен поступать царь? Ты же царь. Если бы я был царем, я бы показал, как должен действовать царь и как это делается. Никто не думает о тебе, никому ты не нужен. Все стараются тебя только застрашать. Твои родственники тебя убьют. Ты не умеешь привлечь к себе людей. Все находятся с тобой во вражде, а ты только молчишь...

Так примерно говорил Распутин с царем. Он хотел погнудить его к сопротивлению. Но царь не мог решиться на борьбу со своими врагами. Если кто-нибудь из царской семьи провинился уже слишком, то он накладывал взыскания, но до того незначительные, что все поражались его мягкости. Его слабость лучше всего характеризуется его поведением после убийства Распутина: он даже не посмел привлечь к ответственности виновных.

Николай не имел доверия также к своему личному конвою. Он всегда боялся заговора в пользу старого двора. Поэтому он привлекал в конвой татар и грузин. Его лично всегда охраняли кавказские князья. Он любил их и был спокойнее с тех пор, как они находились при дворе.

Мысль о привлечении кавказцев к дворцовой службе исходила от императрицы-матери, которая предполагала, что кавказцы помогут возвести на престол ее сына Георгия. Однако Николай опередил ее и привлек кавказцев на свою сторону.

Царь знал слабости своих верных. Он видел, что они не особенно культурны и склонны к кутежам и излишествам. Но зато он был уверен, что каждый из них готов за него умереть и убьет по его приказанию любого. Он гордился этим, и кавказцы стояли высоко в его глазах. Они вели при нем великолепную жизнь, но часто злоупотребляли его добродушием. Он часто платил их картежные долги, и их выступления даже забавляли его. Любимец царя, князь Даддани, изумил после какой-то попойки царя заявлением, что он заложил свои эполеты, что означало, что он поручился своим честным словом об уплате карточного долга.

Император часто закрывал глаза на проделки своих любимцев.

Случалось, что офицеры конвоя безобразничали в разных общественных местах, но они были душой и телом преданы своему царю. К счастью для генерала Рузского и депутатов Шульгина и Гучкова, они отсутствовали при требовании отказа от престола. Без сомнения, ни один из этих господ не остался бы в живых. Говорят, что генерал Рузский даже угрожал царю револьвером. Это мог

допустить лишь всегда пьяный дворцовый комендант Воейков.

Я поддерживал со всеми офицерами царского конвоя наилучшие дружеские отношения.

Однажды я получил приглашение от дежуривших офицеров конвоя явиться в их дежурную комнату, где должна была состояться карточная игра. Я последовал приглашению, и мы играли в макао. Вдруг неожиданно в ночном костюме явился царь. Он сперва был недоволен и разнес нас за карточную игру, но затем раздал нам каждому по десять рублей новыми двугривенниками и сел сам за карточный стол.

ТАЙНА РОЖДЕНИЯ НАСЛЕДНИКА ПРЕСТОЛА

История, рассказанная мне о рождении наследника, до того фантастична, что верить ей действительно нелегко. Но я слышал ее от лиц, заслуживающих безусловного доверия.

Известно, что в первые годы супружества у царицы рождались лишь дочери. Это служило поводом многим насмешкам. В конце концов царская чета сама почти перестала верить в возможность рождения сына. Вину в том, что у его супруги рождались лишь девочки, царь приписывал себе, и эта мысль была, наверно, наваяна царю каким-нибудь предсказателем. Поэтому он будто бы пришел к невероятному решению на время отказаться от прав мужа и предоставить свою жену другому мужчине. Надежда, что рождение наследника помешает планам его родственников о его низвержении с престола, могла быть решающей в этом вопросе.

Выбор царицы пал на командира уланского ее имени полка генерала Орлова, очень красивого мужчину и притом вдовца. Как утверждали, царица с согласия своего мужа вступила в интимную связь с Орловым. Цель этой связи была достигнута, и царица родила сына, который при крещении получил имя Алексея.

Но за это время, как передавали, у царицы развилась сильная любовь к своему вынужденному любовнику. Отец ее сына, к которому она привязалась со всей силой своего материнского сердца, также покорила ее сердце женщины.

Но Николай II не был подготовлен к такому исходу этого странного способа получения наследника.

Роды были очень тяжелы, и потребовалась операция, так как ребенок имел ненормальное положение. Так как царица была очень недовольна своим лейб-акушером профессором Оттом, то на консультацию был приглашен также лейб-медик царицы Тимофеев, который не был женским врачом. Он сообщил царю об опасности положения и запросил его указания, кого в случае крайности спасать, мать или дитя.

Царь ответил: «Если это мальчик, то спасайте ребенка и жертвуйте матерью». Но благодаря операции были спасе-

ны и мать, и дитя. Однако операция была сделана недостаточно удачно и поэтому царица перестала быть женщиной. Что в крайности при родах пожертвовали бы ею, стало известно царице и произвело на нее удручающее впечатление. Ее отношения с Орловым продолжались. Назревал открытый скандал, и царь решил услать Орлова в Египет. Перед отъездом он пригласил его на ужин. Что на этом ужине произошло между царем и Орловым, я не мог узнать. Но мне передавали, что после ужина Орлов был вынесен из дворца в бессознательном состоянии. После этого его в спешном порядке отправили в северную Африку, но он, не достигнув ее, по дороге умер. Его тело было доставлено обратно в Царское Село и там с большой пышностью погребено. Царица была уверена в виновности царя в смерти Орлова и не могла никогда этого забыть.

Страдания царицы были для нее непосильны, и она долгое время оставалась после этого чуждой своему мужу. Потом, хотя опять постепенно восстановились между ними хорошие отношения, но все же по временам царица не разговаривала со своим мужем.

В такие дни они посылали через своих приближенных друг другу письма. Флигель-адъютант Саблин, комендант царской яхты «Штандарт», бывал в таких случаях примирителем, и царь и царица после этого оставляли впечатление внутренне связанных людей. Она имела очень сильное влияние на него. Но кто его не имел?

После трагической смерти Орлова царица целый год посещала его могилу, украшая ее великолепными цветами. На могиле она много плакала и молилась. Царь не мешал ей.

С тех пор она часто страдала сильными истерическими припадками.

ПОКУШЕНИЕ НА НАСЛЕДНИКА

Нельзя обойти молчанием страшный случай, происшедший в Царском Селе, который послужил исходным пунктом к дальнейшим осложнениям. В связи с этим нельзя не вспомнить о болезни наследника, странностях царицы и других болезненных явлениях, к которым необходимо причислить историю с Распутиным, увлечение разными спиритическими личностями и интерес к лицам со сверхъестественными способностями. Возможно, что царившая при дворе болезненная напряженность имела и другие причины, но, во всяком случае, происшествие, о котором будет в дальнейшем речь, играло большую роль. Мне известны подробности страшного события из первоисточников. Российская общественность об этом, насколько мне известно, ничего не знала. Я не хочу никого обвинять и поэтому не стану передавать всех подробностей. Но правиль-

ность моих сведений подтвердил мне также Распутин, перед которым и при царском дворе не было никаких тайн.

Многие из читателей, наверно, видели фотографию наследника, на которой он изображен на руках своего дядьки, рослого матроса В свое время рассказывали, что наследник упал на императорской яхте «Штандарт» и при падении повредил себе ногу. Вскоре после этого газеты сообщали, что капитан «Штандарта» контр-адмирал Чагин (предшественник Саблина) покончил с собой выстрелом из винтовки. Самоубийство Чагина связывали с несчастным случаем, происшедшим с наследником Говорили, что адмирал Чагин вынужден был покончить самоубийством из-за того, что на командуемом им судне случилось несчастье с наследником.

Все же эта причина не достаточна для самоубийства. По моей информации, с наследником вообще никакого несчастного случая не было, а мальчик стал жертвой произведенного на него в Царском Селе покушения. Мне рассказывали, что родственники царя обратились к адмиралу Чагину с просьбой рекомендовать двух матросов для службы в Царском Селе. Они должны были поступить туда в качестве чернорабочих. При дворе был введен порядок, по которому для исполнения и самых простых работ принимались лишь такие люди, которые уже раньше работали в одном из дворцов или известных домов. . Это был хороший метод для подбора надежного персонала.

Оба рекомендованные Чагиным матроса были сперва использованы для садовых работ в Аничковом дворце. В Царском Селе они были также назначены садовыми рабочими. Никому и в голову не могла прийти мысль, что оба матроса имели задание убить царевича.

Однажды мальчик играл в присутствии одного камердинера в дворцовом саду, где как раз оба матроса были заняты обрезкой кустов. Один из них бросился с большим ножом на маленького Алексея и ранил его в ногу. Царевич закричал. Матрос побежал. Находящийся поблизости камердинер нагнал матроса и задушил его тут же.

Второго матроса также поймали и по приказу царя без суда повесили.

Было установлено, что оба матроса попали в Царское Село по рекомендации Чагина. Этот случай до того потряс Чагина, что он покончил самоубийством, так как мысль быть заподозренным в участии в покушении на наследника была для него невыносима. Он наполнил ствол винтовки водой и выстрелил себе в рот. Его голова в буквальном смысле была разнесена на куски. Чагин оставил письмо императору, в котором изложил всю историю этого дела.

После покушения царская чета переживала страшное время. Положение Алексея было весьма опасным, и он поправлялся очень медленно. После этого родители постоянно опасались за жизнь своего сына. Они боялись новых покушений со стороны своих родственников и не смели никому его доверять. Мать почти никогда не оставляла его одного. Ее материнская любовь становилась болезненной. Царь также был сильно потрясен и не находил выхода. Этим объясняется многое в его странных поступках.

Все царствование Николая II было заполнено событиями, пригодными для сенсационного романа. В этом отношении он превзошел всех своих предшественников. Во многом он сам виноват, и многое лежит на его совести.

Громадный клубок кровавых событий и преступлений сплелся при его участии, и многое из него ждет своего объяснения. Эту задачу я должен предоставить будущему историку, и я хочу лишь ограничиться передачей моих впечатлений и наблюдений последнего десятилетия перед революцией. Очень трудно отделить факты от окружающих их легенд. Так обстоит также вопрос с историей рождения наследника

ЕВРЕЙСКИЙ ВОПРОС

Мною была создана обширная организация для собирания материалов о положении евреев во всех частях России. В последние годы перед революцией работа была закончена. Я не скупился в средствах. У меня были зарегистрированы все раввины, все еврейские политики, все купцы и даже еврейские студенты. Я был осведомлен не только о политическом положении и общественной жизни евреев, но знал также многое из личной жизни видных еврейских деятелей. Этим я больше всего импонировал моим клиентам, когда они ко мне обращались. Обычно я вперед знал, по какому делу они ко мне обращались, что производило еще большее впечатление. Ежедневно ко мне обращались евреи со всех концов России. Они ждали моей помощи и участия в самых разнообразных делах. Чтобы быть в состоянии им помочь, я наладил хорошие отношения со всеми соответствующими учреждениями и должен сказать, что не было в России учреждения, в котором я не мог бы провести мои дела.

Больше всего работы мне давала еврейская молодежь. Известно, что евреи в российских высших учебных заведениях принимались с большими ограничениями. Осилить эти ограничения стоило очень много труда и денег. Ежедневно меня забрасывали телеграммами, письмами и личными просьбами похлопотать о еврейской молодежи, жажда к образованию которой была ущемлена существующими огра-

ничительными законами. Часто случалось, что люди приезжали за тысячу верст, чтобы только посоветоваться со мной. Большинство из них не были богаты, но отдавали свои последние гроши, лишь бы дать возможность своим детям попасть в соответствующее учебное заведение.

Всем ко мне обращающимся я давал точные указания, к кому они должны были направиться и что предпринять. Но этого было еще недостаточно. В большинстве случаев я должен был ходатайствовать лично. Для этой цели я обзавелся рекомендательными письмами Распутина к влиятельным лицам, известным петербургским профессорам, придворным дамам, духовным лицам и т. п. Просьбы о принятии одного или нескольких евреев в высшие учебные заведения передавались нередко даже от имени императрицы.

Перед началом занятий меня ежегодно посещали целые вереницы молодых евреев, которые добивались приема в Петербургский университет или другие высшие учебные заведения. Я снабжал их письмами Распутина, водил к министрам и сообщал, что царица поддерживает эти просьбы. Обычно молодые люди тогда принимались, несмотря на установленную норму.

Я сам диктовал Распутину его письма, и они гласили примерно следующее:

«Милый, дорогой министр, Мама (то есть царица) желает, чтобы эти еврейские ученики учились на своей родине и чтобы им не приходилось ехать за границу, где они становятся революционерами. Они должны остаться дома.

Григорий».

Ограничение мест жительства для евреев также причиняло мне много хлопот. Я ежедневно получал телеграммы исхлопотать их отправителям разрешение проживать в Петербурге или Москве или предпринять поездку вне черты оседлости. Для удовлетворения этих просьб у меня существовало специальное бюро. При таких условиях я мог до тех пор, пока я имел в Петербурге влияние, добиваться того, что покровительствуемые мною лица могли спокойно проживать в Петербурге.

Права жительства я доставал всем без исключения евреям, которые ко мне обращались.

Еврейские ремесленники имели право жительства всюду, где они хотели заниматься своим ремеслом. Все евреи, которые хотели воспользоваться этим правом, подвергались испытанию, которое особых трудностей не представляло. Поэтому я много хлопотал о том, чтобы утвердиться

в Петербургской ремесленной управе, которая в этом вопросе была решающей, и в конце концов добился того, что я при выборе правления управы имел решающее значение. Всегда проводились мои кандидаты, которые потом и были моими верными сотрудниками.

Я добывал разрешения на право жительства не только лицам, которые действительно хотели заниматься своим ремеслом, но и таким лицам, которые и понятия не имели о ремесле, по которому они экзаменовались. Они заносились в регистр подмастерьев. Как ювелир я также имел право держать подмастерьев и пользовался очень широко этим, хотя в Петербурге я не имел мастерской. В моей квартире находились несколько рабочих столов в пустой комнате, где никогда не работали. Мои подмастерья занимались всевозможными делами, но только не ювелирным делом. Среди них были артисты, писатели, учителя и др. Когда министр внутренних дел Хвостов выслал меня в Нарымский край, о чем я еще буду рассказывать впоследствии, то среди опекаемых мною таким образом лиц возникла настоящая паника. Все боялись, что их также вышлют. Но я скоро вернулся и был встречен целой толпой бурно меня приветствовавших евреев. Они радовались не только за себя и меня, но и за то, что простой еврей мог выйти победителем в борьбе с всемогущим министром внутренних дел.

Мое возвращение из ссылки являлось лучшим доказательством, что я у царя находился в большой милости. По этому поводу я получил массу поздравительных телеграмм со всех концов России.

Причины моего влияния были только немногим известны. Таинственные легенды окружали мою личность. Одни считали меня чем-то в роде министра по еврейским делам, другие же думали, что я являюсь представителем американских евреев.

Если какой-нибудь местности угрожал еврейский погром, то мой тамошний корреспондент меня об этом уведомлял. Условленный уже заранее текст телеграммы обычно гласил: «Беспокоймся вашем положении. Телеграфируйте».

После получения такой телеграммы я немедленно принимал все меры, чтобы заставить центральные власти предписать местным властям прекратить погромную агитацию. Таким путем мне удавалось предотвратить погромы в Минске, где губернатором был Гирс, и в Вильно, где губернаторствовал Любимов. Как только мне удавалось добиться желаемых результатов, я немедленно посылал местному раввину или другому известному еврею в угрожаемый город короткую, опять условную телеграмму: «Надеюсь завтра выздороветь. Сообщу немедленно,

как о ль ко м о г у с т а в и т ь о м». Это означало, что губернатору и полицейским властям срочными телеграммами предписано остановить погромную агитацию. В таких случаях вследствие моих настояний директор Департамента полиции предписывал соответствующему губернатору лично посетить угрожаемую местность и лично там успокоить евреев. Это обычно делалось в такой форме, что губернатор просил к себе раввина и еще несколько представителей еврейства, которых уверял, что он не допустит погрома.

Кроме ремесленников также купцы пользовались правом жительства вне района оседлости или совершать соответствующие деловые поездки. Для меня было легко доставать для них право въезда в Петербург. Но бывали и случаи, что проситель не имел никакого формального права для приезда в Петербург. В таких случаях я телеграфно предлагал просителю выслать прошение в двух экземплярах: один для меня, а другой петербургскому градоначальнику. Проситель от меня получал телеграмму:

«Вам сообщат, что впредь до распоряжения вы причислены к канцелярии градоначальника».

Этот способ обычно применялся градоначальником тогда, когда другим путем не было возможности обойти правила о еврейской оседлости. Фиктивно причисленные к канцелярии градоначальника евреи могли со своими семьями совершенно беспрепятственно проживать в Петербурге.

РАСПУТИН И ЕВРЕИ

Конечно, не приходится распространяться о том, что при улаживании еврейских ходатайств, вскоре ставших моим главным занятием и поглощавших массу времени, дружба Распутина была для меня весьма ценной. Он никогда не отказывал в своей помощи.

Правда, в первое время он в еврейских делах проявлял некоторую сдержанность. Он охотнее со мной соглашался, если дело касалось других вопросов, и у меня создалось впечатление, что с еврейским вопросом он мало знаком.

Он также мне часто рассказывал, что царь сетует на евреев. Так как министры постоянно жаловались на еврейское засилие и участие евреев в революционном движении, то царю еврейский вопрос причинял немало забот, и он не знал, как с ним поступить.

Это было недолгое, но для евреев весьма опасное время. Я уже начал опасаться, что Распутин сделается анти-семитом, и применял все мое умение и энергию, чтобы направить мысли Распутина по другому пути.

В известном смысле я должен был противопоставить мое влияние на Распутина царскому, так как царь посвящал Распутина во все свои заботы и постоянно жаловался на евреев. Вопрос касался того, вникнет ли Распутин в мои пояснения по еврейскому вопросу или поверит жалобам царя. Представители еврейства, которых я считал нужным посвятить в создавшееся грозное положение, были в большой тревоге и обязали меня принять все меры, чтобы предотвратить переход Распутина к антисемитам.

Для нас всех было ясно, что такой поворот имел бы ужасные последствия.

В то время Распутин находился уже на высоте своей славы и царь вполне находился под его влиянием. Николай в то время увлекался реакционными организациями и состоял сам членом «Союза русского народа», устраивавшего еврейские погромы. Если бы Распутин присоединился к реакционным деятелям, которые очень об этом хлопотали, то для евреев настали бы последние времена. После долгого колебания он стал на нашу сторону. Его здоровый человеческий рассудок победил. Он сделался другом и благодетелем евреев и беспрекословно поддерживал мои стремления улучшить их положение.

Руководящие еврейские круги прониклись большим доверием ко мне и моей деятельности. Они поняли, что при моих связях и моих способностях я мог бы побудить правящие круги окончательно разрешить в положительном смысле еврейский вопрос.

Я имел много конференций с представителями еврейства, и мне была дана задача стремиться к еврейскому равноправию и, если только возможно, добиться его. Это означало также, что намеченные мною пути и применяемые средства для достижения этой цели были признаны правильными.

Я принял к исполнению данное мне поручение, но революция в завершении его меня опередила. Во всяком случае, я горжусь тем, что мне было суждено помочь евреям в столь тяжкое для них время и хоть отчасти облегчить их судьбу.

Самым горячим и энергичным защитником еврейства был Мозес Гинцбург, который в Порт-Артуре нажил большие деньги и в Петербурге занимался еврейским вопросом и еврейскими делами.

Как-то раз во время войны Гинцбург по телефону просил зайти к нему для переговоров по очень важному делу. Я нашел его очень озабоченным. Он пояснил мне, что положение еврейского вопроса вызывает очень сильные опасения и необходимо принять в срочном порядке меры, чтобы предотвратить нависшую опасность. Во всяком случае, должны быть приняты меры к прекращению страшных преследований евреев в полосе военных действий.

Гинцбург подчеркивал, что война принесла значительное ухудшение еврейского вопроса. Создается впечатление, что Верховный командующий, Николай Николаевич, желает воспользоваться случаем, чтобы совершенно истребить еврейство. Положение с каждым днем ухудшается. Все еврейство пришло к заключению, что наступило время, когда необходимо выступить энергично против гонителей еврейства. Момент очень удобный, так как в Петербурге существуют прекрасные связи. Эти связи необходимо использовать не только для помощи отдельным евреям, но для улучшения положения всего еврейского народа. Еврейское общество постановило мобилизовать все свои связи, средства и силы, чтобы добиться равноправия евреев. В средствах недостатка не будет. Евреи постановили за помощь в этом деле пожертвовать огромные суммы. Если я сумел бы провести равноправие евреев, я мог бы сделаться самым богатым человеком в России и, кроме того, мое имя будет занесено в еврейские памятные книги («пинкес»).

«Ты имеешь прекрасные связи, — говорил Гинцбург, — и бываешь в таких местах, где еще никогда не ступала нога еврея. Бери на помощь Распутина, с которым ты находишься в столь близких и коротких отношениях. Было бы грех не использовать такие обстоятельства. Я пришел к заключению, что Распутин может провести все, что он захочет. Он способен переубедить всех министров. Мы не можем терпеть, чтобы Николай Николаевич и его сподвижники в районе военных операций грабили и убивали несчастных евреев и чтобы их по всей России так притесняли. Ты получишь от нас все, что тебе понадобится. Возьмись сейчас за работу, и если ты сделаешься жертвой твоих стараний, то вместе с тобой погибнет весь еврейский народ».

Разговор с Гинцбургом произвел на меня глубокое впечатление. Я обещал ему всецело предаться борьбе за права и интересы моего народа, и мы советовались относительно предпринимаемых шагов. Положение было опасное и требовало сугубой осторожности. Мы признали, что сперва необходимо заполучить на нашу сторону министров, чтобы провести у царя необходимые мероприятия.

Я предложил созвать конференцию еврейских представителей с Распутиным, чтобы они лично могли убедиться во взглядах Распутина на еврейский вопрос. Гинцбург согласился с моим предложением. После этого я навестил Распутина и рассказал ему, что мы все ждем его содействия в борьбе за равноправие евреев. Он дал мне свое полное согласие и также согласился участвовать в конференции с еврейскими представителями. Она состоялась в доме Гинцбурга, и в назначенный час я привез туда Распутина. Там собралось много виднейших представителей еврейства; ме-

жду ними находились: известный своей благотворительностью барон Гинцбург, присяжный поверенный Слиозберг, Лев Бродский, Герасим Шалит, Самуил Гуревич, директор банка Мандель, Варшавский, Поляков и др.

Нарочно к участию на конференции не были привлечены ни один адвокат, кроме Слиозберга, так как Распутин заявил, что он с адвокатами и социалистами не желает разговаривать. А Слиозбергу сделали исключение, так как Распутин против него ничего не имел. Он его считал хорошим евреем и поэтому на его профессию он не обращал особого внимания.

При появлении Распутина в салоне Гинцбурга ему была устроена очень торжественная встреча. Многие из приветствовавших его плакали.

Распутин был очень тронут встречей. Он очень внимательно выслушал наши жалобы на преследования евреев и обещал сделать все, чтобы еще при своей жизни провести равноправие евреев. К этому он прибавил:

— Вы все должны помогать Симановичу, чтобы он мог подкупить нужных людей. Поступайте, как поступали ваши отцы, которые умели заключать финансовые сделки даже с царями. Что стало с вами! Вы уже теперь не поступаете, как поступали ваши деды. Еврейский вопрос должен быть решен при помощи подкупа или хитрости. Что касается меня, то будьте совершенно спокойны. Я окажу вам всякую помощь.

Эта встреча с всемогущим при царе Распутиным оставила на всех присутствовавших евреев колоссальное впечатление. Они стали верить, что наше начинание должно иметь успех.

После конференции состоялся ужин. Распутин собирался сесть рядом за столом с молодой и красивой женой Гинцбурга. Хозяин дома, который знал славу Распутина как бабника, очень просил меня сесть между его женой и Распутиным. Я исполнил его просьбу, и его ревность утихла. Эта небольшая сцена была замечена другими гостями, которые очень смеялись над ней. После встречи с еврейскими представителями Распутин уже не скрывал свое расположение к евреям и охотно исполнял их просьбы. Я старался по возможности использовать его настроение. Он часто жаловался на противодействие враждебно настроенных к евреям министров и других влиятельных лиц. В связи с этим он просил меня познакомить его с людьми, которые могли давать ему интересную информацию по еврейскому вопросу.

При этом он мне рассказывал, что в общем царь уж совсем не так враждебно относится к евреям, как это принято думать. Слово «еврей» все же неприятно действует на царскую семью. Неприязнь к евреям прививается в детях

императорской семьи уже с малых лет няньками и прочей прислугой. Распутин рассказывал, что министр внутренних дел Маклаков при играх с наследником старался его запугивать словами: «Подожди только, тебя заберут жидаы!» Из боязни наследник при этих словах даже кричал.

После составления подходящего списка кандидатов в министры Распутин стал все чаще и чаще заговаривать с царем относительно еврейского вопроса, причем царь все же высказывал большую осторожность не столько из-за своего антисемитизма, сколько вследствие других причин.

Я вскоре сам нашел подходящий случай хлопотать перед царем о моих единоплеменниках. Дело касалось следующего. Двести еврейских зубных врачей были приговорены к арестантским ротам из-за того, что будто они приобрели свои дипломы врачей, только чтобы обойти закон еврейской оседлости. Все они были честные, спокойные люди и многие из них имели семьи. Я решился ими заняться. Я пригласил к себе представителей приговоренных врачей и предложил их свести с Распутиным. Когда Распутин явился, все взмолились о его помощи против министра юстиции Щегловитова. Он ответил: «Как вам помочь? Щегловитов столь твердолоб, что не выполняет даже царских приказов, если они гласят в пользу евреев. Вы должны поручить дело Симановичу. Он перехитрит Щегловитова. Подайте прошение».

Мы решили прошение о помиловании подать в следующее воскресенье. Этот день Распутин собирался провести в Царском Селе, а именно, утром он хотел присутствовать вместе с царской семьей на обеде, а потом завтракать у Вырубовой. Все шло по программе. На завтрак явился также царь со всей семьей. Он был в отличном расположении духа. Вырубова была посвящена в наш план и хотела нам помочь. После завтрака она сказала царю:

— Симанович также здесь.

Царь вскочил шутливо из за стола и сказал:

— Он, наверно, хочет меня провести.

Он вышел ко мне и спросил:

— Что ты хочешь?

Скрывая мое волнение, я сказал, что имею один бриллиант в сто карат и желаю его продать. Я уже предложил этот бриллиант царице, но она находит его слишком дорогим.

— Я не могу во время войны покупать бриллианты, — ответил он, — ты, наверно, имеешь другое дело. Говори.

В этот момент к нам подошел Распутин. Он слышал последние слова царя.

— Ты угадал, — сказал он ему.

Царь, по-видимому, не имел охоты входить в подробности нашего дела. Он уже предчувствовал, к чему наше дело сводилось.

— Сколько евреев? — спросил он.

— Двести, — ответил Распутин.

— Ну, я уже знал, давайте сюда прошение.

Я передал царю прошение, которое он просмотрел.

— Ах, эти зубодеры! — сказал он. — Но министр юстиции и слышать не хочет об их помиловании.

— Ваше Величество, — возразил я, — что означает: не хочет слышать? Министр не смеет прекословить, когда Ваше Величество приказывает».

Распутин ударил кулаком по столу и вскричал:

— Как он смеет не повиноваться при исполнении твоих приказов!

Царь, видимо, смутился.

— Ваше Величество, — сказал я, — осмелился бы предложить следующее. Вы подписываете прошение. После отъезда Вашего Величества я передам прошение Танееву (начальнику царской канцелярии), и он уже распорядится о дальнейшем.

Царь последовал моему совету. Дантисты были помилованы. Они устроили денежный сбор, собрали 800 рублей, и на эти деньги была куплена и поднесена Распутину соболья шуба.

Я же получил еврейский медовый пирог, бутылку красного вина и серебряный еврейский кубок.

Мое возрастающее влияние заставило моих реакционных противников следить за мной. Таким путем они хотели добыть обвинительный материал против меня и установить круг моих знакомств.

Чтобы избежать этой слежки, я не принимал лиц, обращавшихся ко мне по еврейским делам на моей квартире. Я обычно встречал их в одном из учрежденных мною игорных клубов, где мне легче было укрыться от глаз моих шпииков. Очень странно было положение охранной полиции в этом деле. Она также считала нужным за мной следить, но по моему распоряжению одновременно агенты охранной полиции также следили за агентами моих противников. Я должен заметить, что за мою деятельность в пользу евреев я не получил ни копейки денег. Я отклонял гонорар, так как не хотел испортить мою репутацию перед министрами и уменьшить значение моего влияния, а предпочитал зарабатывать другими путями.

НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧ

За кровавое воскресение 9 января 1905 года Николай II получил прозвище «Кровавый».

Он его не заслужил. Он был слабым, бесхарактерным человеком, и вся его жизнь была путаной, без плана. Все зависело от того, кто в данный момент находился около

царя и имел на него влияние. Если не было противоположного влияния, царя можно было уговорить к любому делу и направить по любому направлению.

Его действия были противоречивы, бессмысленны, смешны и поэтому они имели пагубные последствия. Он казался безучастным и равнодушным. Его безучастие в решающие моменты жизни многих удивляло и отчаивало. Он действовал, как царь, супруг, отец и товарищ, офицер и христианин не должен был действовать.

Действительным кровавым Николаем был Верховный главнокомандующий, великий князь Николай Николаевич. Только немногим известно, что психическое состояние великого князя носило явно патологические признаки (?). Он страдал болезненной жаждой крови.

Рассказывают, что эта его болезнь обнаружилась в первый раз во время русско-турецкой войны, в которой он участвовал молодым офицером.

В мирное время он утолял свою жажду крови на животных.

Он не упускал случая убить животное и поэтому был страстным охотником.

Распутин пробовал его лечить, и это послужило поводом их сближения.

Мировая война представила Николаю Николаевичу неограниченные возможности к удовлетворению этого страшного влечения.

На полях сражений, в кровавой работе военно-полевых судов и в жестоких гонениях мирного населения он мог давать полную волю своему болезненному стремлению. Без малейшего признака ответственности он мог себе все позволять. Его власть была неограниченна. Его жертвами были инородцы: евреи, галичане, поляки, немцы. Их обвиняли в шпионаже, дезертирстве и других преступлениях и вследствие этого вешали и расстреливали целыми толпами.

Николай Николаевич меньше интересовался доказательствами виновности, чем страшным возмездием. Своих подчиненных он собственноручно бил до крови, не щадил он даже генералов. Перед последними он изредка должен был извиняться, но за сотни тысяч казненных и убитых евреев он один перед Богом несет полную ответственность.

Когда речь идет о кровавых действиях Николая Николаевича, то нельзя умолчать о той печальной роли, которую при этом играл его сотрудник, начальник генерального штаба генерал Янушкевич. В противоположность Николаю Николаевичу он был совсем здоровый человек, но по жестокости он даже превосходил его. Самым настойчивым образом он преследовал евреев и в этом отношении имел тайные полномочия великого князя. Положение в особен-

ности ухудшилось с тех пор, как переговоры Янушкевича с евреями по одному делу кончились для Янушкевича неудачей. Дело в следующем. Янушкевич владел заложенным за четыреста тысяч рублей имением. Янушкевич через одного своего родственника обратился ко мне с просьбой узнать, согласятся ли еврейские банки перенять этот долг от Тульского поземельного банка. Я переговорил с банками, но, к сожалению, получил отказ. В результате Янушкевич сделался страстным врагом евреев. Сотни тысяч еврейских жизней лежат на его совести.

В своей борьбе с евреями Янушкевич пользовался поддержкой своего друга, командующего Северо-восточным фронтом генерала Рузского. При отступлении с Карпат Рузским были учинены преследования евреев, по своей жестокости не имевшие примера в прошлом. Действия солдат и казаков не поддаются описанию. Еврейское население там просто истреблялось. Знакомый полковой командир рассказывал мне следующий показательный случай.

Несколько казаков под начальством урядника были посланы на разведку. Маленький отряд вернулся лишь через три дня. Все уже думали, что они попали в плен или перебиты. Урядник доложил, что они все это время были заняты избиением евреев. Он был уверен, что этим он искоренял шпионаж. Случай произошел в Галиции.

Начальник штаба Псковского фронта, лично мне известный генерал Бонч-Бруевич рассказывал мне, что, назначенный командующим фронтом генерал Рузский уверял его, что все евреи шпионы. По его мнению, еврейские шпионы являются виновниками всех русских неудач и это преступление должно быть искуплено уничтожением всего еврейства.

Заведенные генералом Рузским преследования евреев все усиливались. Почти ежедневно я умолял Распутина прекратить деятельность жестокого генерала. Распутин согласился добиться воздействия на Рузского, но последний, узнав об этом, начал интриговать против Распутина. Ему удалось восстановить против Распутина Николая Николаевича. Это случилось еще в то время, когда Юго-западным фронтом командовал генерал Рузский. Скоро произошел между Распутиным и Рузским формальный разрыв по следующему поводу.

Одна дама, княгиня Тарханова, ходатайствовала перед Рузским о помиловании евреев, уличенных в неблагоприятных поступках при военных поставках. Она предъявила письмо, в котором Распутин также хлопотал об этих евреях. Начальник штаба Рузского пояснил, что Рузский просьбу исполнить не может и очень возмущен, что Распутин осмеливается его беспокоить своими просьбами.

Борьба между Распутиным и Рузским кончилась победой первого. Генерал счел нужным подать в отставку, указав причину: болезненное состояние своего здоровья. Но так как он чувствовал превосходство Распутина над собой, то он решил с ним помириться и с этой целью явился к нему в полной парадной форме и при орденах, но ему была оказана очень холодная встреча

— Слушай, генерал! — говорил ему Распутин. — Ты — вор. Ты украл у царя ордена. Тебя стоило бы повесить, а не дать обратно твою должность. Я не хочу твоей крови, но как ты осмеливаешься являться ко мне? Ты враг царя!

Рузский побледнел, и удалился.

После этого Распутин обратился к военному следователю, приведшему к нему Рузского, и сказал ему:

— Если ты хоть раз еще ко мне приведешь таких разбойников, то я и тебя перестану принимать.

Только после смерти Распутина Рузскому посчастливилось опять вернуться на должность командующего Псковским фронтом. Он перешел на сторону революционеров и помогал им, когда они заставили царя отказаться от престола.

СТРАДАНИЯ ИНОРОДЦЕВ

Во время войны ко мне обращалось очень много молодых евреев с мольбами, освободить их от воинской повинности. Для этого имелось много путей, но я выбирал всегда наиболее удобный для данного случая. Однако часто совершенно отсутствовала какая-нибудь законная возможность, и я должен был прибегать к исключительным мерам.

Имеющие аттестаты зрелости евреи могли бы поступать в высшие учебные заведения и, таким образом, впредь до дальнейшего освобождаться от поступления на военную службу. Но имелось много евреев без среднего образования. Для них было учреждено специальное учебное заведение под названием «Сельскохозяйственный и гидротехнический институт». Для отвода глаз в списки воспитанников института были занесены при содействии Распутина тысячи освобожденных от военной службы воспитанников духовных училищ, а в действительности институт имел лишь около шестисот слушателей и из них 70 процентов евреев. Ректором института был назначен начальник канцелярии статс-секретаря Крыжановского Балицкий, который, кроме того, состоял председателем реакционного «Академического союза».

Наш институт был задуман как переходная ступень между средним и высшим учебным заведением. После одного года его слушатели могли на более облегченных условиях

переходить в высшие учебные заведения. В благодарность за его деятельность я ввел Балицкого к Распутину. Балицкий получил задачу хлопотать перед Распутиным о назначении своего начальника председателем Совета министров и добился того, что между ними состоялась встреча. Крыжановский, однако, допустил ошибку, высказавшись против инородцев, вследствие чего Распутин решил, что он не подходит для намеченной должности.

Евреи вообще показывали мало склонности к военной службе, что объясняется их бесправным положением и притеснениями. Чтобы им помочь при освобождении от военной службы, я связался с комиссией города Луги по призыву военнообязанных, находящегося недалеко от Петербурга.

Все члены комиссии были назначены по указанию Распутина, и если к ним попадался призываемый, на бумагах которого имелся мой условный знак, то такого обязательно освобождали. Но довольно об этом, я хочу рассказать несколько других эпизодов из тогдашней моей деятельности.

Еврейский антрепренер Фишзон обратился ко мне с просьбой добыть для него разрешение на гастроли еврейской оперетты в Петербурге. Это была задача не из легких. В то время даже в пределах еврейской оседлости не допускались еврейские театральные постановки. Я все-таки взялся за это дело. На мое предложение представить мне список труппы Фишзон назвал мне сорок лиц. Во время моего следующего посещения Царского Села я обратился к царице с просьбой разрешить мне устроить в моем доме еврейское театральное представление. Чтобы отвлечь малейшее подозрение, я заявил, что обладающий знанием еврейского языка епископ Исидор будет как бы в качестве цензора присутствовать на первом представлении. Мое ходатайство завершилось успешно, так как ссылка на епископа Исихора возымела свое влияние. Благодаря своему английскому воспитанию царице и в голову прийти не могло, что еврейские театральные представления могли быть предосудительными. Я еще прибавил, что на одном из намеченных представлений предполагают присутствовать также Распутин, председатель Совета министров Штюрман и другие известные лица.

Царица меня внимательно выслушала и, по своему обыкновению, спросила: «Что же я должна делать?» Я передал ей прошение, на котором она написала:

«Разрешается».

Александра».

Я отправился немедленно к градоначальнику, который был очень удивлен, но вследствие моей с ним дружбы не чинил мне препятствия. Полицейское разрешение было мне немедленно выдано.

После прибытия труппы Фишзона в Петербург я устроил большой прием у меня на дому. Тогдашний председатель Совета министров Штюрмер, епископ Исидор, министр внутренних дел Протопопов, Распутин, начальник охранного отделения генерал Глобачев, товарищ министра внутренних дел Белецкий и другие высокопоставленные лица были моими гостями. Я пригласил также всю труппу Фишзона. Можно себе представить изумление еврейских артистов при виде собравшихся у меня сановников. Одаренная примадонна труппы Клара Юнг пела и танцевала с большим успехом. Представления труппы состоялись в немецком Екатерининском клубе, членом правления которого я состоял. Петербургские выступления труппы были блестящи как в художественном, так и в финансовом отношении. В конце концов Фишзону было дано разрешение играть по всей России.

Другой случай. Еврейский врач Липперт попал в плен к немцам. Его жена, родственница графини Витте, обратилась ко мне с просьбой исхлопотать обмен его на немецкого военнопленного. Я ей посоветовал по этому делу обратиться к Распутину.

Мне было очень смешно видеть, насколько эта дама была взволнована предстоящим визитом.

Пиет у царя не так волновал людей, как посещение Распутина.

Госпожа Липперт, следовательно, просила Распутина об освобождении ее мужа из германского плена. В нашей практике это был первый такого рода случай. Мы советовались о том, кто бы мог нам в этом деле помочь. Когда я предложил обратиться к министру иностранных дел Сазонову, то Распутин с видимым смущением сказал:

— Тот нас выставит.

Мы все были удивлены, и я спросил:

— Почему?

— Он за войну, а я против войны, — ответил Распутин.

Распутин знал, что Сазонов, как и многие другие лица, был против него. Сазонов пробовал даже восстановить царя против Распутина, но безуспешно. Он прекратил свою деятельность в этом направлении, когда увидел, что этим, он мог только повредить своему положению у царя. Распутин не любил обращаться с просьбами к своим врагам и делал это только в крайних случаях. Но так как Сазонова в данном случае нельзя было обойти, то мы старались уговорить Распутина сделать в этот раз исключение.

В конце концов он согласился и заявил просительнице:

— Ну, так ступай к Сазонову!

Распутин писал очень плохо, но все же часто составлял короткие, запутанные и бессодержательные записки,

причем он в таких случаях садился за письменный стол с очень важной миной. Его почерк был ужасен, и составление записок требовало много времени. Г-жа Липперт ждала в большом волнении. Наконец Распутин вручил ей большой клочок бумаги с нацарапанными на нем словами:

«Милый, дорогой, помоги изнывающему в германском плену! Требуй одного русского против двух немцев. Бог поможет при спасении наших людей. Новых-Распутин».

Госпожа Липперт отправилась на другой день к Сазонову. Она была в полной уверенности, что ее муж будет освобожден из плена.

Сазонов принял ее, прочел записку Распутина и, подумав слегка, сказал:

— Как министр иностранных дел я могу это дело провести и без этой записки. Сохраните ее и скажите Распутину, что я вашу просьбу исполнил бы и без его записки.

Вызванный Сазоновым чиновник заявил, что уже шесть русских военнопленных ждут своей очереди обмена и Липперт может попасть в очередь только после них. Это не устраивало госпожу Липперт, и она настаивала на немедленном возвращении своего мужа, так как он уже стар и болен. Сазонов обещал:

— Хорошо, я это сделаю через Красный Крест.

Когда госпожа Липперт рассказала Распутину о ее приеме у Сазонова, он был очень недоволен, но не сказал ни слова, потому что Сазонов все же обещал исполнить просьбу.

Мы ждали восемь дней. От Сазонова не было известий. Госпожа Липперт опять явилась к Распутину за советом. Он не любил, если его престиж начинал колебаться. Если он получал отказ, то он становился раздраженным. Так случилось и на этот раз. Распутин побежал к своему письменному столу и написал:

«Слушай, министр. Я послал к тебе одну бабу. Бог знает, что ты ей наговорил. Оставь это! Устрой, тогда все будет хорошо. Если нет, то я набью тебе бока. Расскажу любящему, и ты полетишь. Распутин».

Слова «Расскажу любящему» означали, что Распутин намеревался по этому делу говорить с царем.

Госпожа Липперт сперва не осмеливалась со столь вызывающим письмом идти к Сазонову. Грубый тон записки был ей самой неприятен. Я все же уговорил ее посетить еще раз Сазонова. Она пошла и вручила ему записку.

— Ваше Превосходительство! — сказала она. — Я имею еще одну записку от Распутина. Делайте с ней, что хотите!

— Как! — воскликнул он. — Я должен позволить такому прохожему, как Распутину, писать мне такие письма?! Если бы вы не были дамой, я просто велел бы вас выбросить.

После этого госпожа Липперт просила вернуть ей письмо Распутина, но, к удивлению, Сазонов отказался и, по видимому, его злоба затихла.

— Если вы мне сейчас не вернете письмо Распутина, — ответила госпожа Липперт, — немедленно пойду к Распутину и передам ему наш разговор.

— Оставим это, — ответил Сазонов после некоторого колебания — Я был вне себя. Не обращайтесь внимания на это. Скажите отцу Григорию, что это была лишь шутка.

— По моему мнению, — заметила госпожа Липперт, — вам следовало бы позвонить теперь Распутину. — От нее не ускользнула перемена в отношении Сазонова к Распутину. — Вы ведь знаете, что он меняет министров как перчатки.

Она сняла телефонную трубку, соединилась с квартирой Распутина, попросила его к телефону и передала трубку Сазонову.

— Вы прислали мне странное письмо, Григорий Ефимович, — сказал Сазонов, — разве вы сердитесь на меня?

— Как так? — ответил Распутин. — Не за мною дело. Ты меня обидел. Только советую тебе не пакостить, а лучше оставаться друзьями

Разговор закончился несколькими пояснительными фразами, причем Распутин присовокупил:

— Мы с тобою уживемся хорошо. Я еще никому таких писем не писал.

После двух недель д-р Липперт был в Петербурге.

Очень гладко закончились наши хлопоты в пользу сосланных в Сибирь польских помещиков, которых по обвинению генерала Брусилова сослали в Сибирь за то, что они будто бы из своих имений на Галицийском фронте сообщали неприятелю по телефону сведения о передвижениях войск. Я находился в отличных отношениях с деканом католического Невского прихода в Петербурге патером Казимиром Патера просил один галицийский ксендз похлопотать в соответствующих учреждениях за сосланных помещиков. Между тем как ксендз считал нужным передать это дело папе, патер Казимир счел более целесообразным обратиться ко мне. С Распутиным патер Казимир был уже знаком с одного кутежа.

Я ему посоветовал обратиться к Распутину. Казимир не хотел обращаться к нему как частное лицо, а направился к нему в своем служебном одеянии. Этим Распутин счел себя очень польщенным. Возбужденное против поляков дело по обвинению их в шпионаже он считал не-

обоснованным. Он предложил патеру Казимиру прислать к нему жен и детей сосланных.

— Я им поясню, каким путем они могут добиться освобождения своих кормильцев, — заявил он

Спустя две недели в Петербург приехала делегация польских помещиков, среди которых находились также жены и дети сосланных помещиков. Казимир привел их ко мне. Вызванный по телефону на мою квартиру Распутин отнесся к полякам очень любезно и приветливо.

— Мы все славяне, — сказал он, — и я хочу вам помочь. И прошу находящуюся между вами потомку бурбонов и одного из делегатов меня сопровождать. Я вас представляю царице, и вы ей скажете, что, несмотря на все, вы все же остаетесь верными престолу, а находитесь без защитников.

— А потом что? — спросил один из поляков.

— Остальное уже сделаю я сам, — ответил Распутин

На другое утро в восемь часов я доставил поляков к Распутину, где уже находился автомобиль охраны. Распутин поехал с ними в Царское Село. Царь в то время находился на фронте. Царица милостиво приняла поляков в своем лазарете и спросила Распутина:

— Что мне делать?

— Напиши письмо к папе и пошли его с поляками в главную квартиру, кроме того, телеграфируй Воейкову, чтобы он позаботился о приеме их царем.

— Хорошо, — сказала царица, — я напишу Воейкову, чтобы допустили поляков к папе. Поляки должны мне подать прошение, на котором я напишу «Согласна» и которое я с курьером pošлю папе. Таким образом, прошение получится в главной квартире еще до приезда туда поляков.

Мой сын Семен составил прошение, которое я доставил царице, и она его направила в главную квартиру.

Поляки выехали в Могилев. Через час после приезда они были приняты царем, который заявил им, что для него все иноверцы равны.

— Я верю вам, в восемь или десять дней сосланные вернутся, если только им не помешает непогода, — сказал им царь.

Царь еще расспрашивал их о польских делах и похвалил их за то, что они заступаются друг за друга.

После одиннадцати дней поляки вернулись.

Но не всегда наши хлопоты заканчивались столь успешно.

В ряде предпринятых преследований против евреев Николаем Николаевичем самым тяжелым является его жестокий прием по отношению к еврейским цадикам, особо евреями почитаемых священнослужителей, не ожидавших и не заслуживших такого преследования. После

занятия Львова и Карпат было отдано распоряжение о закрытии всех принадлежавших евреям ветряных мельниц. Военное командование опасалось, что при помощи мельничных крыльев могли передаваться сигналы о передвижении войск. Но так как, наступала еврейская пасха, то евреи всеми способами добивались открытия мельниц, чтобы приготовить муку для мацы. Очень неохотно на это согласились военные власти. По несчастному стечению обстоятельств, как раз в это время русские потерпели небольшое поражение.

Николай Николаевич сразу признал виновными евреев. Он заявил, что евреи вращением крыльев своих мельниц дали неприятелю знать о расположении русских войск, и велел арестовать живших поблизости цади́ков и виднейших евреев

Цади́ков выслали в Сибирь, а остальные евреи в качестве заложников были доставлены в Киев. Можно представить себе несчастье и муки этих людей, когда их в грязных товарных вагонах увозили из Галиции. Выслаемым цади́кам даже не разрешили проститься с родственниками. С собою они также не смели ничего брать. Так как им не давали кошерной пищи, то единственным их питанием был только хлеб. Им не разрешили взять с собою даже теплую одежду и отобрали все при них находящееся. Молиться им также не разрешали. Представителей еврейства, которые хотели их видеть по дороге в Сибирь, к ним не допускали. Одним словом, ничего не допускалось что могло бы уменьшить их страдания.

Кантор хоральной синагоги в Львове Гальперин приехал в Петербург, чтобы хлопотать об облегчении участи сосланных евреев. Он сообщил мне отчаянные подробности их мученичества, и я принял срочные меры к спасению бедных цади́ков. Петербургские центральные власти потребовали от нас представления подробных данных и доказательств. Но до представления этих данных, вследствие голода и холода, уже несколько цади́ков скончались. Остальные должны были быть размещены в городах Верхнеудинске, Омске и Томске, но только четверо прибыли на место назначения, так как остальные по дороге умерли. Я подал царю прошение о помиловании этих четырех. Царь удовлетворил мое ходатайство, но, пока телеграмма дошла в Сибири до места назначения, и эти четверо скончались. Евреи тогда решили протестовать перед всем цивилизованным миром против возводимых обвинений в шпионаже не только на отдельных личностей, а на весь еврейский народ. Евреи разослали в другие страны своих представителей с поручением осветить там бедственное положение евреев в России и просить о помощи.

Отчасти положение евреев облегчалось тем, что и царица находилась в подозрении в шпионаже. Ее телефонные разговоры и передвижения проверялись агентами охранной полиции. Это облегчало борьбу с Николаем Николаевичем и его сторонниками.

РАСПУТИН ОБЕЩАЕТ УВОЛЬНЕНИЕ НИКОЛАЯ НИКОЛАЕВИЧА

Я имел постоянные совещания с представителями еврейства. Мы обсуждали вопрос, что мы могли бы еще предпринять по делу достижения равноправия для евреев. Я делал все от меня зависящее, но положение евреев продолжало оставаться все еще очень тяжким. Несмотря на поддержку Распутина и мои отношения в надлежащих правительственных кругах, все еще не могло быть и речи о победе в деле разрешения еврейского вопроса.

Я хлопотал о царской аудиенции для еврейских представителей, чтобы они лично могли бы изложить свое положение. Также в этом вопросе мне помогал Распутин. Он наконец уговорил царя дать представителям еврейства аудиенцию. Я этому очень радовался. Мы решили, что в состав делегации должны войти адвокаты Грузенберг, Слиозберг и член Государственной Думы Фридман. Однако царь отказался принять эту делегацию, так как в нее входили адвокаты и революционеры.

Распутин имел совещание по этому вопросу с царем и предложил мне состав делегации: барон Гринцбург, М.А. Гинцбург и киевский сахарозаводчик Л.И. Бродский. Когда мы об этом сообщили указанным лицам, то они были очень изумлены, но отказались говорить с царем, так как они не могли взять на себя всю ответственность за этот разговор с царем. Таким образом, мое предложение не осуществилось.

Между тем политика Николая Николаевича становилась все более угрожающей и вызывала среди евреев невероятное возбуждение. Несколько еврейских представителей обратились ко мне с просьбой устроить новое совещание с Распутиным. Они строили большие надежды на баснословное влияние чудотворца, но одновременно хотели знать, на что им надеяться и чего им ждать. Я не возражал против предполагаемого совещания и при первом удобном случае сообщил Распутину об этом, поясняя, что еврейские представители хотят его совета для дальнейших действий. Он внимательно меня выслушал и заявил, что согласен принять еврейских делегатов. После сообщения о результатах моих переговоров Мозесу Гринцбургу последний предложил устроить торжественный обед на квартире адвоката Слиозберга, которого Распутин считал надежным и заслуживающим доверия вождем еврейства. Действительно, без малейшего личного

интереса Слиозберг сделал очень много для еврейского народа.

В назначенный день на квартире Слиозберга собрались представители еврейства, среди них находились: барон Гринцбург, Мозес Гинцбург, Бланкенштейн, Мандель, раввин Мазо и многие другие, фамилии которых я теперь уже забыл. Когда все были в сборе, мне по телефону была передана просьба приехать с Распутиным. Мы поехали. На квартире Слиозберга Распутин был встречен очень торжественно и с большими почестями. Еврейские делегаты, старики с длинными седыми бородами, в течение вечера рассказывали Распутину о преследованиях евреев Николаем Николаевичем и другими антисемитически настроенными сановниками. Их рассказы оставили глубокое впечатление на Распутину, и он был действительно потрясен. При попытке успокоить еврейских делегатов он сам с трудом сдерживал слезы. Когда всеобщее волнение немного улеглось, Распутин пояснил, что он готов помочь евреям, но ему кажется невозможным провести в короткое время радикальные меры, так как правительственные круги слишком пропитаны антисемитизмом.

— Правительство и дворянство, — сказал он, — злы, как собаки. Нужно готовиться к упорной и длительной борьбе. Положение ужасное, но как его изменить? Я сделаю все, что смогу. Только скажите мне, что мне делать.

— Помогите нам, отец Григорий, — ответили обнадеженные словами Распутина делегаты.

— Вы дураки, — сказал Распутин, — несмотря на ваше богатство и ум, вы не умеете подделаться к людям, которые могли бы быть вам полезными. Вы должны подкупить всех нужных вам людей и стараться всевозможными способами связать интересы влиятельных лиц с вашими интересами.

Делегаты рассказывали Распутину, что еврейские вожди Винавер, Грузенберг, Калманович, раввин Эйзенштадт и Фридман являются противниками такой тактики, так как, по их мнению, главной целью должно являться достижение равноправия для евреев. Но для проведения такой реформы необходимо время,

— Я действительно вас не понимаю, — возразил Распутин. — В прежнее время многие евреи имели большое влияние: например Поляков. Симанович и теперь имеет доступ к царю. Почему вы не хотите постараться также найти к нему пути?

Делегаты продолжали свои жалобы против Николая Николаевича и просили Распутину избавить еврейство от его преследования. Он, очевидно, не ожидал, что ему столько придется услышать. Один за другим мы сообщали Распутину случаи гонения на евреев и выражения против

них ненависти со стороны Верховного Главнокомандующего и не могли удержать наши слезы при рассказах о несметных еврейских казнях через военные власти.

Распутин встал и перекрестился. Это означало, что он дал сам себе клятву нам помочь. В глубоком волнении объяснил он, что Николай Николаевич будет устранен от должности вождя русской армии в течение десяти дней, если только с ним ничего не случится.

— Тогда царь возьмет на себя командование армией, и мы сможем, может быть, сделать что-нибудь для евреев, — сказал он.

Все присутствующие были потрясены этим обещанием. Я предложил преподнести подарок в сто тысяч рублей для семьи Распутина. Мое предложение было принято. Распутин выразился, что он об этом сообщить царю.

На другой день М. Гинцбург внес в один из банков на имена дочерей Распутина по пятьдесят тысяч рублей.

С удивлением мы следили, как Распутин сдержал свое обещание. Еще до истечения десяти дней Николай Николаевич был смещен и назначен командующим кавказской армией.

СИЛА РАСПУТИНА

Распутин часто утверждал, что он владеет особой силой, при помощи которой он может все достигнуть и в опасные моменты даже спасти свою жизнь. Скептики этому не верили.

В действительности Распутин обладал особой способностью, которую он называл своей «силой». Мне приходилось наблюдать, как эта «сила» у него проявлялась и как он ее применял. Я не намереваюсь давать объяснения этой «силы» и не могу сказать, был ли это гипноз или магнетизм. Про это много говорилось и писалось. Я хочу только передать мои личные наблюдения и мне известные факты.

Особенно показательны мне кажутся мои наблюдения в этом отношении по делу Николая Николаевича. Распутину самому приходилось много страдать вследствие враждебности Николая Николаевича. Отношения между обоими были не всегда плохими. Как известно, супруга Николая Николаевича первая познакомилась с Распутиным и позаботилась о его приезде в Петербург. Николай Николаевич сначала также выказывал Распутину благожелательное отношение. Даже одно время он неоднократно исполнял просьбы Распутина об отмене высылки немецких подданных в Сибирь. Эти просьбы исходили от меня, и я пользовался Распутиным как посредником. За возвращенных германцев мне приходилось поручаться. В действительности большинство прошений о германских подданных исходило от царицы. Но она не

считала возможным сама открыто выступать за германских подданных.

На одно такое прошение я вдруг получил от великого князя следующий телеграфный ответ:

«Удовлетворено в последний раз. В случае присылки новых прошений вышлю в Сибирь».

Я поспешил к Распутину, поднял большой шум и горько жаловался на угрозу главнокомандующего. Распутин улыбался. Он успокаивал меня и объяснял все недоразумением. Он решил лично поехать в главную квартиру и там с Верховным Главнокомандующим выяснить это недоразумение.

Он об этом телеграфировал Николаю Николаевичу, но через три часа получил очень определенный ответ:

«Если приедешь, то велю тебя повесить».

Ответ Николая Николаевича сильно задел Распутина. С тех пор он носил при себе мысль отомстить Николаю Николаевичу при первом случае.

Я начал бояться за свою судьбу и упрекал Распутина в том, что благодаря его деятельности наше положение стало угрожающим. Я стал объяснять ему, что он ничего не достиг, ни заключения мира, ни уравнивания в правах инородцев, только вызвал против себя ненависть, которая ничего доброго не обещает.

Последовал гордый ответ Распутина: «Люди, подобные мне, рождаются только раз в столетие. Но моя власть не может распространяться на все. Все нужное для меня я достигаю».

Вскоре после этого состоялось уже упомянутое совещание с представителями еврейства, на котором Распутин обещал добиться удаления Николая Николаевича.

При посещении в один из последующих дней мне бросилось в глаза странное поведение Распутина. Он ничего не ел, но все время пил мадеру. При этом он был молчалив, часто вскакивал, как будто ловил кого-то порывистыми движениями рук... грозил кулаком и вскрикивал: «Я ему покажу». Было ясно, что он собирался кому-то отомстить.

Подобное поведение я уже замечал у него раньше. Злобно он все повторял:

— Я с ним справлюсь. Я ему покажу.

Он находился в каком-то особом состоянии и был совсем погружен в себя. Такое состояние продолжалось целый день. Вечером он отправился в сопровождении агента охранной полиции (такой был заведен порядок) в баню и вернулся домой в десять часов. Он имел очень утомленный вид и молчал. Мне было знакомо это состояние, и я не беспокоил его разговорами и даже распорядился, чтобы в этот вечер никого не принимать. Молча, ни на кого не глядя, Распутин прошел в свою рабочую комнату,

написал что-то на записке, сложил ее и направился в свою спальню. Здесь он засунул записку под подушку и лег. Как я уже говорил, и раньше приходилось наблюдать у Распутина такого рода напоминающее колдовство поведение. Так как он в таких случаях не желал, чтобы его беспокоили, то я не тревожил его в спальне. Распутин сейчас же заснул и проспал без перерыва всю ночь.

Однажды я спросил Распутина, какие это записки он кладет себе под подушку. Он ответил, что он записывает на записках свои желания, которые во время его сна исполняются. Это он мне говорил совсем серьезно: по-видимому, он верил в чудотворное действие записок, и эта вера действовала очень заразительно.

Распутин рассказывал, что в то время, когда он еще не умел писать, ему приходилось свои пожелания отмечать путем нарезов на палке и таким образом он предотвратил много несчастий.

После того, как он научился писать, он уже не нуждался в палке, но прибегал к запискам. На другой день после переданного случая он еще спал, когда я к нему пришел. Он вышел только спустя некоторое время, и я сразу заметил, что его вид был совсем другим, чем за день перед тем. Он был оживлен, благожелателен и любезен. В его руках находилась лежавшая ночью под его подушкой записка. Эту записку он растер своими пальцами, и, когда она превратилась в мелкие кусочки, он бросил ее. При этом он сказал мне с любезной улыбкой:

— Симанович, ты можешь радоваться. Моя сила победила.

— Я тебя не понимаю, — ответил я.

— Ну, так ты увидишь, что случится через пять или шесть дней. Я поеду к папе и расскажу ему всю правду.

— И твоя правда должна победить папу? — спросил я.

— Моя власть и правда будут царю известны через три дня, — ответил гордо Распутин. — Я должен ему только предсказать будущее.

Он просил меня соединиться по телефону с Царским Селом. Соединение было дано немедленно, так как телефонная станция имела распоряжение Распутина соединять с царем всегда немедленно. Такое же распоряжение было отдано телеграфному ведомству, так что телеграммы Распутина всегда передавались первыми.

— Чем занят папа? — спросил Распутин.

— Он занят со своими министрами, — последовал ответ.

— Доложи ему, что у меня имеется божественное послание для него.

Распутина соединили с царем.

— Кто там? — спросил Распутин.

— Папа. Что случилось, отец Григорий?

— Это я не могу по телефону сказать, — пояснил Распутин, — могу ли я приехать?

— Пожалуйста. Я тоже хочу с тобой говорить.

Распутин поехал в Царское Село и был немедленно принят. Как он мне потом рассказывал, разыгралась следующая сцена.

Распутин обнял царя и прижал трижды свою щеку к его, как это он привык делать с людьми, которые были ему симпатичны и приятны. Потом он рассказал царю, что ночью он имел божественное явление. Это явление передало ему, что царь получит после трех дней телеграмму от Верховного Главнокомандующего, в которой будет сказано, что армия обеспечена продовольствием только на три дня.

Распутин сел за стол, наполнил два стакана мадерой и велел царю пить из его стакана, между тем как он сам пил из царского.

Потом он смешал остатки вина из обоих стаканов в стакане царя и велел ему выпить это вино. Когда царь этими мистическим приготовлениями был достаточно подготовлен, Распутин объявил, чтобы он не верил телеграмме великого князя, которая придет через три дня. Армия имеет достаточно продовольствия. Николай Николаевич желает только вызвать панику и беспорядки в армии и на родине, затем, под предлогом недостатка в продовольствии, начать отступление и, наконец, занять Петербург и заставить царя отказаться от престола.

Николай был ошеломлен, так как он верил предсказаниям Распутина.

— Что мне делать? — спросил он опасливо.

— Он хочет меня сослать в Сибирь, но я его отправлю на Кавказ, — ответил Распутин.

Царь понял намек. Можно представить себе его потрясение, когда через три дня от Верховного Главнокомандующего пришла телеграмма, которая сообщала, что армия снабжена хлебом только на три дня. Этого было достаточно, чтобы решилась участь великого князя. Никто уже теперь не мог разуверить царя в том, что великий князь замышляет поход на столицу и намеревается свергнуть с престола царя. Великий князь был назначен главнокомандующим кавказской армией, а царь принял на себя верховное главнокомандование. В этом царь также последовал совету Распутина.

Три дня Николай Николаевич оставался еще в главной квартире. Царица-мать хотела уговорить царя отменить это распоряжение. Но он остался при своем первом решении и распорядился подать Николаю Николаевичу поезд, который должен был доставить его на Кавказ.

Я посещал Распутина всегда с утра, и мы с ним устанавливали программу дня. В то же время я узнавал события прошедшего вечера. Мы всегда обменивались нашими сведениями.

Однажды я нашел Распутина в большом волнении и заключил из этого, что с ним происходит что-то особенное и опять проявляется его «сила». Он меня действительно удивил ошеломляющим сообщением:

— Слушай, Арон, в Киеве готовится еврейский погром. Ты должен принять меры.

Можно себе представить, насколько меня такое сообщение поразило. Я имел в Киеве много родственников, и нападки на евреев мне и так причиняли много хлопот. На мою просьбу о сообщении подробностей Распутин ограничился еще более неясным намеком:

— Нужно будет кончить со стариком, — сказал он.

Прозвище «старик» нами всегда употреблялось для председателя Совета министров. В то время эту должность занимал Столыпин. Намек Распутина я мог понять только в том смысле, что Столыпин скоро умрет. Ближайшие подробности о предстоящем несчастье мне не были сообщены.

Я старался разузнать у Распутина, почему Киеву угрожает еврейский погром и каким путем можно его предотвратить. В случае необходимости я хотел послать в Киев предупреждение. К моему удивлению, Распутин объяснил мне, что избежать погрома можно лишь в том случае, если царь при своей поездке в Киев не возьмет с собой Столыпина, так как Столыпина в Киеве убьют и он больше не вернется в Петербург.

Я должен сознаться, что, даже при моей вере в способность Распутина предсказывать будущее, это откровение мне показалось маловероятным.

Несмотря на мою малообразованность, во мне часто возникали сомнения в возможности тому подобных чудес и что не кроется ли за ними надувательство. Однако многое из деятельности Распутина возбуждало во мне большое изумление, несмотря на то что я знал, что он большой ловкач и великолепно умел использовать свое положение при дворе. Что же касается указанного предсказания, то я не знал, что о нем думать. Несколько дней спустя Распутин рассказывал мне, что он имел с царем беседу по поводу его предстоящей поездки в Киев. Результатом беседы он был очень недоволен. Он предупреждал царя и советовал ему не брать с собою Столыпина. Хотя он и не предупреждал самого Столыпина о грозящей ему опасности, ибо он не был его другом, но так как царь в нем нуждался, то нужно было его щадить. Столыпин меня не

трогает, пояснил Распутин, и я не хочу подставлять ему ногу.

Царь также не обратил особого внимания на это предсказание Распутина. Он не хотел отказаться от сопровождения его Столыпиным.

Это послужило поводом недовольства Распутина, которое не было вызвано тщеславием, а сознанием того, что поездкой решается судьба Столыпина.

Столыпин поехал в Киев и был там убит агентом Киевской охранной полиции евреем Багровым.

Когда я впоследствии рассказывал этот случай моим знакомым из придворных кругов, то некоторые из них высказали мысль, что царь, может быть, потому и взял с собой Столыпина, что верил предсказаниям Распутина.

Я считаю это мнение совершенно необоснованным. Хотя Николай и верил предсказаниям Распутина, но это предсказание могло и ему показаться слишком невероятным, чтобы ему верить.

После покушения на Столыпина царь послал Распутину телеграмму: «Что делать?» Распутин ответил телеграммой: «Радость, мир, спокойствие! Ты, миротворец, никому не мешаешь. Кровь инородцев на земле русского царя столь же ценна, как своих собственных братьев».

Царь распорядился, о принятии всех мер против возможных выступлений против евреев. Реакционеры были разочарованы. Погром не состоялся.

РАСПУТИН КАК ВРАЧЕВАТЕЛЬ

Я хочу рассказать несколько случаев, которые должны послужить показателем чудесной силы Распутина как врача.

Мой второй сын уже долгое время страдал болезнью, которая считалась неизлечимой. Его правая рука постоянно тряслась, и вся правая сторона была парализована. Он ежегодно несколько месяцев должен был проводить в кровати. Когда я услышал от Вырубовой и других дам о способности Распутина излечивать болезни, я его несколько раз просил помочь моему сыну. Но он не соглашался на исполнение моей просьбы и всякими путями изворачивался. Во время одного из его деловых посещений он увидел на моей квартире в очень жалком положении моего сына, и его, наверно, охватило сострадание к нему. Не спуская с него глаз, он предложил мне привести его рано утром, пока он еще не встал, к нему. Мой сын должен был поджидать Распутина в одной из комнат, а я разбудить его, но так, чтобы он меня не видел.

Я привез моего больного сына на квартиру Распутина, посадил его в кресло в столовой, сам постучал в дверь

спальни и быстро покинул его квартиру. Мой сын домой вернулся через час. Он был излечен и счастлив. Болезнь больше не возобновилась. Он рассказывал, что его лечение производилось Распутиным следующим образом. Распутин вышел к нему из своей комнаты, сел напротив него в кресло, опустил на его плечи свои руки, направил свой взгляд ему твердо в глаза и сильно затрясся. Дрожь постепенно ослабевала, и Распутин успокоился. Потом он вскочил и крикнул на него: «Пошел, мальчишка! Ступай домой, иначе я тебя выпорю».

Мальчик вскочил, засмеялся и побежал домой. Я испытал силу Распутина также на себе. Уже много лет я был страстным игроком и проводил много ночей напролет за карточным столом. Я основал несколько карточных клубов. Однажды я так сильно увлекся игрой, что трое суток подряд провел в клубе. Как раз в то время Распутин имел важное дело ко мне. Он звонил мне по телефону, приходил сам в клуб, но ничего не помогало. Когда мы наконец встретились, он спросил, что со мной случилось. Я сознался ему, что я много потерял и не хотел прерывать игру до тех пор, пока я опять не отыгрался. Распутин внимательно меня выслушал. Когда я закончил, он как-то странно улыбнулся и сказал:

— Я дам тебе деньги. Ступай играть.

Я очень удивился его предложению и отказался играть на его деньги.

— Вместо того, чтобы проигрывать деньги, — сказал Распутин, — ты бы лучше купил себе новые мозги.

Он пригласил меня сесть за стол и воскликнул повелительно:

— Садись теперь выпьем!

Я последовал его приглашению. Распутин принес бутылку вина и налил два стакана. Я хотел пить из моего стакана, но Распутин дал мне свой, затем он перемешал вино в обоих стаканах, и мы должны были его одновременно выпить. После этого странного действия наступило короткое молчание. Наконец Распутин заговорил:

— Знаешь что? Ты в свою жизнь больше не будешь играть. Конец этому. Ступай, куда ты хочешь! Я хотел бы видеть, исчезнешь ли ты еще раз на три дня.

Пока он говорил, он все время смотрел мне напряженно в глаза. Я испытывал какое-то неприятное, странное чувство.

После этого Распутин встал и оставил меня в замешательстве одного. После этого я до смерти Распутина никогда не играл, хотя оставался владельцем карточных клубов. Также я не играл на скачках и сберегал этим много денег и времени. После его смерти прекратилось действие странного гипноза, и я опять начал играть.

Распутин рассказывал, что таким же образом он заставил Николая бросить пьянство. Как известно, царь был большой любитель выпить. Почти всегда царь был абсолютно трезвым только по утрам, примерно до десяти часов, после этого же он всегда был в опьянении. Временами он напивался почти до потери сознания, и на полковых праздниках офицерам обычно приходилось его выносить к автомобилю.

Вообще по отношению к Николаю Распутин играл роль няньки. Он вмешивался в интимную жизнь всей царской семьи. Временами, уже с самого детства, у царя были заметны отклонения от нормальной половой жизни, что очень плохо влияло на нервную систему. Распутин обращался с царем как с мальчиком. Он покрикивал на царя, бранил его и командовал, а царь стремился поступать по его указаниям, совершенно не обижаясь на Распутина. Я неоднократно спрашивал Распутина, почему он не может совершенно излечить царя от пьянства. Он всегда ограничивался запретом алкоголя царю на две-три недели, но не больше, чем на месяц. Распутин отвечал мне на это весьма неохотно или совсем уклонялся от ответа, что оставляло впечатление, что не в интересах Распутина было освободить царя совершенно от его недуга. Слабости царя Распутин умел использовать. Они давали ему возможность держать в руках всю царскую семью.

Очень часто царь торговался с Распутиным, на какое время тот должен запретить ему пить. Обычно Николай просил о сокращении срока. Когда Распутин назначал один месяц, государь старался сократить срок до двух недель.

Запрет давался иногда в письменной форме, особенно тогда, когда царь отправлялся на более продолжительное время в Ставку. Распутин требовал от царя в Ставке полного воздержания. Но освободить царя совершенно от запоя и других его слабостей было не в интересах Распутина. Во всяком случае, у меня сложилось такое впечатление.

ВИТТЕ ИЩЕТ ПРОТЕКЦИИ РАСПУТИНА

Однажды позвонил ко мне граф Витте и просил приехать к нему по одному доверительному делу. Я был сильно заинтригован. Хотя я и знал Витте давно, но в последние годы я не видал его. Немедля поехал к нему и был весьма любезно принят.

В осторожной форме граф спросил меня, может ли он мне довериться и быть спокойным, что разговор останется в секрете. У него имеется план, который может оказаться весьма интересным для еврейского народа, а ему известно, что еврейский вопрос очень близок мне. Это введение меня подкупило, и я обещал графу никому не передавать содержание нашей беседы.

— Я считаю необходимым, — сказал Витте с выразительным взглядом, — чтобы вы свели меня с Распутиным.

Наступила пауза, и он старался выяснить, какое впечатление на меня оставило его желание. Я уже привык, что высокопоставленные особы старались использовать для себя влияние Распутина, и поэтому предложение Витте меня несколько не удивило. Я согласился свести его с Распутиным, и мы обсуждали, каким путем это осуществить. Я предложил ему сперва добиться расположения Распутина, с чем он вполне согласился. Посредницей для этого должна была быть использована графиня Витте: она удовлетворяла ходатайства просителей, посылаемых к ней Распутиным. Мы условились, что просители будут Распутиным посылаться просто к «мадам Матильде», не упоминая ни титула, ни имени, и предполагали, что удовлетворенные просители будут возвращаться с выражением благодарности к Распутину. Это должно было, по нашим предположениям, оставить благоприятное впечатление на Распутина и настроить его в пользу Витте.

Я считал целесообразным найти скрытую квартиру, в которой Витте и Распутин могли бы встречаться совершенно незамеченными. Витте согласился и на это. Он имел ту же мысль, но не решился ее высказать. К моему удовлетворению, Витте сам пришел к мысли эту квартиру искать в доме, в котором жил Распутин.

Сознаюсь, что мысль свести Витте с Распутиным и помочь первому опять занять руководящий пост, была для меня очень заманчивой. Во всяком случае, при проведении еврейского равноправия Витте мог оказать нам огромные услуги. При этом Витте должен был обещать мне, что, если нам удастся опять провести его к управлению государственным кораблем, он будет сотрудничать с нами в уничтожении еврейских ограничений. Он согласился еврейский вопрос поставить на первый план, и договор между нами был заключен.

Со своей стороны я обещал ничего не говорить его жене о предполагаемой встрече с Распутиным. При встречах с Распутиным Витте должен был называться «Иваном Фодоровичем».

Я начал осторожно подготавливать сближение Витте с Распутиным. Умный Распутин скоро заметил, к чему я клоню. Во время одной беседы, когда я старался осторожно наметить возможность такого сотрудничества, не называя имени, Распутин с лукавым взглядом заявил:

— Я знаю, о ком ты говоришь. Это граф Витте.

Он был рад, что для Витте потребовалась его поддержка и что он добивается с ним сблизиться. Он был польщен и охотно согласился на встречу.

При подыскивании удобной квартиры в доме Распутина я наткнулся на имевшуюся в этом доме маленькую квартиру моего знакомого Хайта. Я предложил ему уступить мне на лето его квартиру, взамен на одну из моих находящихся поблизости от Петербурга, в Сестрорецке, дач. Он согласился на это, и я послал Витте ключ от квартиры. Для мелких услуг был нанят отставной солдат, который и понятия не имел, кто такой Витте.

Первая встреча между Витте и Распутиным состоялась весною, в одну из суббот, в четыре часа дня. Результатами этой встречи оба были довольны. Распутин рассказывал потом мне, что он сперва спросил Витте, как ему величать его, и они условились: «Графчик».

Беседа быстро завязалась. Распутин сразу поставил свои требования, и соглашение было легко достигнуто. Распутин пояснил:

— Положение очень тяжелое. Ты человек умный, сделай свое предложение!

Витте пояснил, что он в немилости, потому что он против войны. Но он не может увлечься войной.

— Дай тебя поцеловать! — воскликнул восторженно Распутин. — Я также не хочу войны. В этом я вполне согласен с тобой. Но, что делать? Папа против тебя, он боится тебя. Я, во всяком случае, в ближайшие дни переговорю с ним и посоветую ему поручить тебе окончание войны. Я верю тебе.

Во время дальнейшей беседы Витте объяснил, что газета «Новое время» творит много зла. Она пропагандирует войну. Необходимо каким-нибудь способом ее обезвредить.

— Совершенно правильно, — сказал Распутин, — устрой это.

— Следовало бы «Новое время» купить и продолжать в удобном нам направлении, — предложил Витте.

— Хорошо, но следи за тем, чтобы эта цель была действительно достигнута. Ты знаешь, что у дворцового коменданта генерала Воейкова было несчастье с князем Андронниковым. Он устроил князю деньги для газеты, которая потом ополчилась на меня.

Спустя двенадцать дней Распутин сообщил Витте, что он имел относительно его разговор с царем.

— Я ему рассказал, — заметил Распутин, — что Матильда делает все, чтобы устроить моих просителей, что я с тобой встречаюсь и что он может на тебя полагаться.

Царь, однако, не мог решиться на новый призыв Витте к власти и мотивировал это следующим образом:

— Ты должен знать, что, призывая опять графа Витте, я подвергаю себя большой опасности. Мои родственники поступят со мной таким же образом, как в свое время

было поступлено с сербским королем Александром. Меня с женою убьют. Если я назначу Витте председателем Совета министров, то это будет означать, что я хочу заключить с Германией мир.

— Помоги мне, отец Григорий! — просил Витте. — Не оставь меня! Ты действительно русский и откровенный человек. Родственники царя не хотят допустить, чтобы он действовал самостоятельно. Они злятся на меня за то, что я был творцом конституции. Царь не сдержал данное им народу обещание, и только это является причиной затруднений последующих лет.

Через некоторое время граф Витте вызвал меня к себе и сказал:

— Я сегодня переговорил с издателем «Нового времени». Ему срочно требуются деньги, и он просил моего совета, как их достать. Он даже согласен на продажу части акций газеты. Между прочим, он просил меня похлопотать перед министром финансов Барком о выдаче ссуды под залог акций. Я нахожу, — заключил Витте, — что сейчас самый удобный случай, чтобы добиться влияния на «Новое время» и прекратить ее злостную пропаганду. Если Распутин может собрать необходимую сумму денег, то я все сделаю. Мы возьмем в свои руки «Новое время», и оно будет обезврежено. Поговорите по этому делу с вашими евреями. Они не должны были бы упустить этот случай обезоружить своего злейшего врага.

Я рассказал Распутину об этом разговоре с графом Витте. После короткого совещания мы решили обратиться к нашему «умному банкиру» (так называл Распутин известного финансиста Дмитрия Рубинштейна). Кроме того, мы решили поставить в известность барона Гринцбурга и Мо-зеса Гинцбурга. Распутин пригласил к себе всех этих финансистов и предложил им купить эту враждебную евреям газету. Он старался убедить еврейских финансистов, что такая сделка была бы в интересах всего еврейства, и его предложение оставило сильное впечатление на собравшихся, так как без уговаривания Распутина было ясно, что покупка «Нового времени» могла принести нам много пользы. Тем выше они оценили выступление Распутина в интересах евреев. При его тогдашнем влиянии занятая им позиция имела громадное значение для евреев. Поэтому они всеми средствами старались заполучить Распутина на свою сторону и поручили мне постараться все больше и больше связывать его с нами.

Акции «Нового времени» были приобретены на имя графа Витте, а затем переуступлены им Рубинштейну.

Рубинштейн радовался очень, что теперь закончится травля против евреев, а Витте был доволен, что «Новое вре-

мя» перестанет теперь его ругать и не будет ему вредить. Отношения между Распутиным и Витте продолжались до смерти последнего. Они часто встречались, и Витте, по-видимому, не оставлял мысли при помощи Распутина вновь забрать в свои руки власть. Однако, обладая хорошей шпионской организацией, старый двор вскоре разузнал о дружбе Витте с Распутиным. Шпионили не только за царем, царицей и царскими детьми, но следили за всеми лицами, имевшими доступ ко двору. Я, например, не мог шагнуть в Петербурге, чтобы за мной не следили. Бывали случаи, что за мной одновременно следило несколько агентов. Известие, что Витте при помощи Распутина ищет сближения с молодым двором, привело противников Николая II в сильное волнение, а также произвело возбуждение в кругах старого двора. Там против Витте боролись очень энергично. Предполагали, что этот замечательный государственный муж мог предпринять такие шаги, которые могли бы сильно повредить старому двору. Когда Витте умер, то по Петербургу ходили слухи, что враги его отравили.

СМЕРТЬ ЛОРДА КИТЧНЕРА

Когда я однажды в одиннадцать часов утра пришел к Распутину, мне бросилось в глаза, что он чем-то очень взволнован. Выяснилось, что он только что приехал из Царского Села. На мой вопрос о причине его беспокойства Распутин ответил, что вопрос касается весьма секретного дела и я не должен никому о нем даже заикаться. Случилось большое несчастье, царица очень озабочена. Она все время только плачет и в отчаянии хватается руками за голову.

— Страшно, что папа натворил, — пояснил Распутин. — Кажется, он всех нас погубит. Я его спрашивал, что случилось, но он молчал. Он также очень озабочен.

Распутин, впрочем, не мог долго скрывать и рассказал мне все подробности.

— Случилась большая беда, — сказал он. — Один английский генерал был по дороге к нам; он хотел нам помочь и принять кое-какие шаги, чтобы скорее и с успехом закончить войну. Но его корабль потоплен германцами. При этом говорят, что мы виноваты. Германские шпионы своему штабу сообщили, что английский генерал находится на пути к нам.

Далее Распутин рассказал, что царица боится, что подозрение в измене может пасть на нее, как немку. Она просила Распутину при помощи его сверхъестественных способностей указать виновника гибели Китчнера.

— Я в первый раз услышал, что этого генерала ждали к нам, — сказал Распутин, — моя сила не распространяется на иностранцев. Но я все же раскрою, кто узнал об отъезде Китчера. Говорят, что это был умный человек.

Три дня спустя я узнал от Распутина, что он имел разговор с Николаем II. Царь уже немного успокоился и рассказал Распутину, что он был извещен шифрованной телеграммой об отъезде Китчера. В то утро он встречался только с дворцовым комендантом Воейковым и адмиралом Ниловым. С ними он завтракал, и при этом они довольно много выпили.

— Следовательно, — сказал Распутин царю, — ты был выпивши и рассказал своим друзьям о полученной телеграмме. Воейков рассказал об этом германскому шпиону Андронникову, а последний сообщил германцам. Таким образом, все ясно.

Царь справился у Воейкова, и тот подтвердил, что он действительно передал князю Андронникову услышанное от царя сообщение. Он будто бы хотел этим понудить Андронникова поместить в своей газете приветственную статью

Андронников был странный человек с темным прошлым. Никто с ним не считался, но все-таки он находился со всеми в деловых отношениях. Будучи очень тучным, он все же был весьма подвижным и деятельным. Утверждали, что он — германский шпион, но, несмотря на это, он оставался неприкосновенным и мог передавать военные сведения через Швецию в Германию. Его отец был армянин, мать немка, а воспитывался он в Германии. Он был лютеранином, но это ему не мешало быть на короткой ноге с высшим православным духовенством и раздавать всем своим друзьям и знакомым иконы. Даже царь и царица имели от него иконы. Он считался большим святошей. Его двоюродная сестра, княгиня Орбелиани, ввела его ко двору. Распутин говорил про него, что он пузырь, который лопнет и при этом даст много воню. До войны Андронников был большим бабником, но во время войны стал гомосексуалистом. Поэтому никто не удивлялся тому, что на его квартире всегда вращалось много молодых людей. Странно было только то, что большинство молодых людей были офицеры. Он снабжал их деньгами и вообще принимал их очень радушно. Стол всегда у него был накрыт. Молодые офицеры посещали его очень охотно и выбалтывали доверенные им военные тайны. Андронников был близким другом жандармского полковника Мясоедова и военного министра Сухомлинова. Оба последних привлекались к ответственности за шпионаж. Мясоедов был повешен, и мне кажется, что Андронников был зачинщиком этих преследований.

Я припоминаю еще случай, в котором роль Андронникова была не из красивых. Он имел родственника по имени Думбадзе. По рекомендации Андронникова Сухомлинов поручил ему закупку военных припасов в Америке. После исполнения возложенного на него поручения, Думбадзе вернулся в Россию, но имел неосторожность разойтись с Андронниковым. Это побудило Андронникова донести на своего родственника и его друга инженера Веллера, как на шпионов и сотрудников Мясоедова. Оба были арестованы и преданы военному суду. Дед Веллера, девяностолетний старик, обратился ко мне с просьбой помочь спасти его внука. Несмотря на мои старания, мне не удалось приостановить этот ужасный процесс. Военным судом в Бердичеве Думбадзе и Веллер были приговорены к смертной казни. Приговор был представлен на утверждение царя и должен был быть приведен в исполнение в сорок восемь часов. Родственники Веллера поспешили ко мне. Во время их прихода у меня находилась княгиня Тарханова, родственница Думбадзе. Она присоединилась к родственникам Веллера, и мы все отправились к Распутину.

— Смотри, что твой Андронников натворил, — сказал я, чтобы его поддеть. Я знал, что Распутин ненавидит Андронникова.

— Что мне делать? — спросил Распутин.

— Сейчас же ехать к царю и просить о помиловании.

— Хорошо, я это сделаю, — ответил Распутин, — но с Андронниковым я еще рассчитаюсь.

Распутин потребовал из охранного отделения автомобиль и поехал с родственниками Веллера в Царское Село. Он оставил их на вокзале и заявил им:

— Если я поймаю царя, то его помилования я добьюсь в пять минут.

К счастью, царь был во дворце. Смертная казнь была заменена шестилетним заключением в исправительном доме. Распутин, вернувшись с этим сообщением, поцеловал обоих евреев и сказал:

— Славу Богу, жизнь осужденных спасена. Теперь нужно работать дальше.

Я боялся, что военный министр Шуваев сразу не подчинится распоряжению царя о помиловании. Поэтому мы просили Распутину съездить к военному министру и попросить его немедленно передать распоряжение царя в ставку. Однако Распутин отказался обратиться к Шуваеву. Тогда мы сами вместе с княгиней Тархановой отправились к военному министру. Шуваев исполнил нашу просьбу и протелеграфировал в Бердичев. После исправительный дом для осужденных был заменен тюремным заключением на два года восемь месяцев.

Участие Распутина в этом деле было также отчасти вызвано желанием освободить армян от подозрения в шпионстве. Распутин особенно любил армянский народ и носился с мыслью выдать свою дочь Марью замуж за армянина.

Дело Думбадзе имело довольно значительные последствия.

Андронников был очень дружен с генералом Воейковым и адмиралом Ниловым, и эти постоянные участники царских попок всегда старались защищать Андронникова перед государем. Старый двор также поддерживал Андронникова, так как он был в родстве с князем Шервашидзе, морганатическим супругом вдовствующей императрицы. Этим и объясняется, что Андронников мог безнаказанно заниматься своим опасным ремеслом. Интересно, что этот живущий шпионажем человек распространял среди солдат патриотические воззвания.

Распутин любил торжественно праздновать свои именины. В этот день его квартира была обычно полна народу. Среди поздравителей явился также князь Андронников. Распутин отказался подать ему руку и громко заявил:

— Твои руки запачканы кровью. Я знаю, кто ты. Ты кормишь рыб человечиною, так как ты виноват в смерти английского генерала. Ступай домой.

Ошеломленный Андронников, ни слова не говоря, удалился. Сцена оставила очень сильное впечатление на присутствующих. Мы все не могли отделаться от очень тягостного чувства. В это время очень много лиц подозревались в шпионстве, и много невинных погибло, но князь Андронников имел возможность безнаказанно продолжать свое гнусное ремесло.

ПАДЕНИЕ МИНИСТРА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ МАКЛАКОВА

Маклаков попал в министры внутренних дел не вследствие своих государственных способностей, а исключительно благодаря своим лакейским способностям. Он умел царя и наследника занимать своими фокусами. Но потерял он свою должность министра потому, что разошелся с Распутиным. Условия, при которых последовало падение Маклакова, наглядно характеризуют власть царского любимца.

Я открыл на Фонтанке, в доме № 14 клуб. Освящение его прошло весьма торжественно. Основателем клуба считался граф Толстой, а президентом клуба был выбран барон Рооп. Правление его состояло из кавалерийского офицера-поручика Бермонта¹, впоследствии командующего Северо-западной белой армией, князя Бермонта-Авало-

¹ Дед, которого был кавказский еврей

ва, графа Мусвиц-Шадурского, полковника кирасирского полка, и прокурора Розена. В клубе играли преимущественно в лото, и он должен был служить главным образом местом встреч для наших единомышленников. Иногда устраивались вечера и концерты. Я заботился о том, чтобы Распутин как можно чаще посещал наш клуб. Этим я хотел заручиться его помощью на тот случай, если бы клубу что-нибудь угрожало.

Распутин не играл, но он приходил на наши обеды, если на них присутствовали люди, которых он ценил. Не приходится говорить о том, что наши обеды устраивались с большим великолепием: ели и пили на славу. Распутину подавались его любимые блюда. Это было необходимо потому, что он не ел мяса, сладких блюд и пирожных. Во время войны вина Распутину доставлялись из царских погребов или магазина Бродовича. Если Распутин хотел пить вино вне дома, то его сопровождал полицейский автомобиль с двадцатью бутылками мадеры.

Министр внутренних дел Маклаков однажды поручил своему чиновнику особых поручений Николаеву произвести ревизию клуба. Николаев нам сообщил по секрету, что целью ревизии является подыскание причин к закрытию клуба. Сначала мы не хотели впутывать Распутина в это дело. Секретарь клуба Розен был юрисконсультom очень влиятельного реакционного «Союза Архангела Михаила». Мы шутили над тем, что Маклаков, несмотря на участие в клубе Розена, осмеливался выступать против него. Розен был этим сильно взбешен и говорил, что он уж найдет способ указать Маклакову его место. Несмотря на это, мы получили через два дня сообщение градоначальника, что клуб за несоблюдение устава закрывается.

Это уже было со стороны Маклакова явное объявление нам войны, и мы решили добиться падения министра.

По этому поводу я обратился к Распутину и имел с ним следующий телефонный разговор.

— Слушай, — говорил я, — нашей хорошей жизни настал конец.

— Почему? — спросил удивленный Распутин.

— Закрыли наш клуб, потому что ты его посещал. Нам за это хотят отомстить.

— Приходи ко мне, дурак, — ответил Распутин.

Я поехал. Он хотел знать, что случилось. Я старался осветить дело так, что закрытие клуба являлось только интригой против Распутина.

Распутин обратился к градоначальнику Драчевскому, которому были подчинены клубы и писал ему:

«Милый, дорогой градоначальник, только в одном месте я мог отдохнуть.

Отмени твое распоряжение о закрытии клуба, не делай глупостей. Ты не смеешь подставлять нам к горлу нож. Выслушай подателя сего».

Мы послали к градоначальнику депутацию, которая состояла из графа Толстого, Розена и Бермонта. Градоначальник принял депутацию очень любезно, но сообщил ей, что постановление о закрытии клуба состоялось без его ведома. Он лично ничего против клуба не имеет. Распоряжение о закрытии клуба дано министром внутренних дел. «Я получил от него даже выговор за то, что задержал на два дня закрытие клуба», — пояснил он.

Я поехал к Распутину и подробно передал ему наши переговоры с градоначальником. Чтобы его больше разозлить, я прибавил, что Маклаков закрыл наш клуб только потому, что он считает клуб гнездом Распутина, где, по словам Маклакова, конокрад Распутин устраивает свои оргии.

Распутин очень разозлился. Он бегал по комнате и ругал Маклакова площадными словами, причем нужно заметить, что Распутин умел ругаться. Он владел такими отборными ругательствами, что даже мужчинам становилось не по себе от них.

— Если он думает, что он оседлает меня потому, что у него длинные усы и он умеет развлекать наследника, и поэтому он творит разные глупости, то он весьма ошибается. Я ему покажу... Уж помянет он меня.

Он подсел к своему письменному столу и написал министру следующее письмо:

«Слушай, министр. Ты думаешь, что потому, что царь привез тебя из Чернигова вследствие твоей длинной бороды, и потому, что ты комедиант, ты можешь делать все, что ты хочешь. Когда ты приехал из Чернигова, твои усы были напыщены, но я их тебе сорву. Ты закрыл мой клуб, и за это ты получишь щелчок от меня. Благодарю Бога и отца Григория, что я ограничусь лишь щелчком. Ты был дураком и дураком останешься. Ты можешь на меня жаловаться, мне начхать на тебя».

Распутин передал мне письмо, вызвал по телефону начальника охранного отделения и потребовал подать ему автомобиль. В нем он немедленно отправился в Царское Село, чтобы жаловаться на Маклакова царю. Перед отъездом он просил Николая освободиться от других занятий, так как он имеет к нему важное дело.

Министра внутренних дел немедленно уволили. Распутин сообщил мне результат своих переговоров по телефону, и я просил членов нашего клуба отправиться к Маклакову, чтобы передать ему письмо Распутина.

— Почему вы не передали мне письма Распутина до моего увольнения? — воскликнул в отчаянии Маклаков. —

Я закрыл клуб потому, что Распутин творил там разные безобразия.

— Распутин знал, что вы безобразничаєте в других местах, но ничего против вас не предпринимал, — ответил один из членов нашего клуба.

Приведенный выше поступок Распутина сильно поднял его популярность в обществе. Все чиновники старались ему понравиться и услужить. Стремление заискивать у Распутина принимало иногда весьма некрасивые формы. Мне приходилось часто наблюдать, как высокопоставленные лица, миллионеры и духовные лица унижались перед этим неотесанным мужиком. Одного слова его было достаточно, чтобы решить судьбу человека. Стремление получить при посредстве всемогущего Распутина всякие выгоды являлось поводом к выявлению всевозможных низменных страстей.

ЧТО МОЖЕТ НАТВОРИТЬ МИНИСТР ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

В первые годы после появления Распутина в свете на него имела большое влияние графиня Клейнмихель. Она имела салон, находилась в прекрасных отношениях со всеми кругами высшего петербургского общества, и с нею считались даже при дворе. В ее салоне вращались дипломаты и высшие государственные сановники, финансисты и множество дам высшего общества. Старая графиня была ловка и умна, а также умела со всеми ладить. Она была очень дружна с графиней Игнатьевой, которая была председателем реакционного общества «Звездная Палата». Обе дамы занялись Распутиным, чтобы использовать его влияние на царя в своих интересах, но скоро должны были прийти к заключению, что Распутин не допускает использовать себя в качестве слепого орудия. После этого он стал им казаться подозрительным. Они начали натравлять монаха Илиодора против Распутина. До тех пор Распутин и Илиодор были друзьями. Теперь Илиодор сделался злейшим врагом Распутина и начал строить всевозможные козни против Распутина.

В то время — я уже не могу припомнить, в каком это было году — Распутин находился в своем родном селе Покровском, в Сибири. Его старый друг, епископ Варнава, который был ему обязан своим епископским посохом, направился туда и старался его уверить, что было бы лучше помириться с Илиодором. Далее он рассказывал, что друг Илиодора, бывший нижегородский губернатор Хвостов, очень охотно взял бы на себя посредничество между обоими. Вследствие этой услуги Хвостов надеялся попасть в министры внутренних дел.

Когда Распутин собирался возвращаться в Петербург, Варнава просил его разрешения познакомить с Хвостовым и получил его согласие. Дорогу в Петербург Распутин вме-

сте с Варнавой частью проделал на одном из волжских пароходов. Телеграфно извещенный Варнавой, Хвостов выехал им навстречу. Его друг князь Андронников сопровождал его.

Варнава познакомил Распутина с Хвостовым следующими словами:

— Вот толстяк, которому я послал телеграмму.

Между Распутиным и Варнавой завязался разговор, который главным образом вращался около предполагаемого назначения Хвостова министром внутренних дел.

— Тебе придется выйти из «Союза русского народа», — сказал Распутин.

— Я совсем не принадлежу к этому «Союзу», — ответил Хвостов. — Но его членами являются монархисты, и поэтому я должен их поддержать.

— В каких отношениях ты находишься с Илиодором? — спросил Распутин.

— Он все делает по моей указке, — пояснил Хвостов.

— А если я потребую, чтобы Илиодор был сослан? — спросил Распутин. — Исполнишь ли ты это?

— Если Илиодор узнает, что я против него, то он сам исчезнет. Тебе не придется тогда его бояться.

Распутин был, очевидно, успокоен заверениями Хвостова. После возвращения в Петербург он предложил царю назначить Хвостова министром внутренних дел. Царь согласился с этим предложением, и назначение Хвостова состоялось. Таким образом, исполнилась мечта Хвостова.

Скоро Распутин стал замечать, что Хвостов действительно произвел на Илиодора какое то давление. Наконец монах бежал в Норвегию и уже оттуда продолжал свои нападки на Распутина.

В действительности же побег Илиодора в Норвегию был условлен с Хвостовым. Илиодор получил даже из секретных сумм Министерства внутренних дел шестьдесят тысяч рублей. Эта сумма была ему уплачена будто бы за то, что он не станет публиковать своих разоблачений против императрицы.

Из Христиании Илиодор вел переписку с Хвостовым по поводу организации покушения на Распутина. Илиодор предполагал произвести покушение при посредстве одного из своих фанатичных приверженцев. В этот момент на сцену выплыло еще третье лицо. Это был товарищ министра внутренних дел Белецкий, который сам мечтал о должности министра. Белецкий хотел услужить Распутину и для этого шпионил за перепиской Хвостова с Илиодором. Хвостов назначил своим секретарем мелкого журналиста Ржевского. Его товарищ Белецкий сумел перетянуть Ржевского на свою сторону,

Однажды Ржевский просил через моего друга инженера Гейна передать мне, что он получил от Хвостова поручение отвезти в Христианию письма для Илиодора, а также передать последнему нужную для подготовки покушения на Распутина сумму денег. После этого сообщения я немедленно встретился с Ржевским. Он показал мне письмо Хвостова к Илиодору и просил меня свести его с Распутиным. Он хотел раскрыть большой заговор, который был направлен не только против Распутина, но и против царицы. Я полагаю, что Ржевский немного хвастался. Я думаю, что в то время против императрицы ничего не предполагалось, а только против Распутина. Я поспешил к нему. Увидев письмо Хвостова, он очень заволновался. Мы обсудили, что делать. Я предложил ему поручить жандармскому полковнику Комиссарову проследить это дело. Распутин согласился, и я поспешил к Комиссарову и изложил ему все обстоятельства.

— Что я заслужу за раскрытие всего дела? — спросил он.

— Что вы хотите? — был мой встречный вопрос.

— Я хочу быть произведенным в генералы и назначенным градоначальником одного из больших городов.

Распутин согласился исполнить его желание. Я считал нужным привлечь к раскрытию дела также Белецкого, так как в его руках находились все нити.

На другой день я привел Ржевского к Распутину, который его обнял.

— Никому не верь, отец Григорий, — пояснил Ржевский, — ни Комиссарову, ни Белецкому. Они продадут тебя и, может быть, поступят так же, как поступил с Гапоном Мануилов. Тебе известно, что Гапон был предан и в Озерках повешен.

— Что мне теперь делать? — спросил Распутин.

— Продолжай спокойно переговоры с ними. Обещай их вознаградить, но не верь им. Разбор дела царь должен поручить совершенно непричастному лицу.

На другой день мы с Распутиным поехали в Царское Село к Вырубовой, куда скоро явилась царица. Мы показали ей письмо Хвостова Илиодору, в котором сообщалось, что все приготовлено и убийцы ждут только письменного распоряжения Илиодора о приступлении к исполнению заговора.

Я предложил поручить товарищу военного министра Беляеву расследовать дело о покушении. Беляев согласился на мое предложение, но просил письменного распоряжения царя. Его просьба была исполнена.

С его же согласия Ржевский был по дороге в Христианию, на финляндской границе задержан и обыскан. После фотографирования письма Хвостова был освобожден.

ден и мог продолжать свой путь. Все телеграммы Илиодора к Хвостову проверялись военной разведкой. На обратной дороге из Христиании Ржевского вновь задержали. Он вез письмо Илиодора к Хвостову, в котором назывались трое согласных на произведение покушения царицынских крестьян. Этих людей задержали, а потом, вследствие просьбы Распутина, они были высланы генералом Беляевым в Царицын.

Хвостов каким-то путем разузнал о нашем расследовании и моем участии в этом деле и решил мне отомстить. К этому ему скоро подвернулся подходящий случай.

Я уже говорил, что царь не исполнил своего обещания объявить в Государственной Думе о своем решении ввести конституционную форму правления и уравнивать в правах инородцев. Распутин поехал к нему и настаивал на том, чтобы предполагаемая реформа была проведена. Это было 6 января. Но царя нельзя было убедить исполнить его обещание. Распутин был очень огорчен и поехал к митрополиту Питириму. По телефону туда же был вызван председатель Совета министров Штюрмер. В Александро-Невском монастыре, на квартире Питирима состоялось совещание. Было решено, что Питирим должен написать царю очень убедительное письмо и в нем умолять царя склониться перед требованием времени и объявить ожидаемые новшества. Письмо подписали Питирим, Штюрмер и Распутин. Мне было поручено доставить письмо царю, и я повез этот исторический документ в Царское Село.

К сожалению, я теперь уже не могу передать его содержание. У меня имелась копия этого письма, но она осталась среди моих бумаг в Петербурге. В свое время письмо на всех, его читавших, оставляло очень сильное впечатление.

Я лично передал письмо Николаю при входе в Александровский дворец и мог наблюдать, что царь очень озабочен. Он просил меня передать Распутину, что он исполнит просьбу подписавших письмо. Этот ответ я сообщил Распутину, Питириму и Штюрмеру, которые были им очень довольны. Мы ждали, что 9 января будет объявлен Государственной Думе манифест. Но ничего подобного не случилось. В этот день царь посетил Государственную Думу, но ни словом не обмолвился о предполагаемых реформах.

В ту же ночь по распоряжению министра внутренних дел у меня на квартире был произведен обыск. Меня арестовали. Какими-то путями Хвостов разузнал, что я передавал письмо Распутина, Питирима и Штюрмера царю. Узнав об этом, я много думал, не царь ли сам рассказал Хвостову об этом.

Меня заключили в отдельную камеру при Петербургском охранном отделении. Шестнадцать дней никто не

знал, где я нахожусь. Мои родные также были в полной неизвестности. Охранная полиция передала мне предложение Хвостова в борьбе с Распутиным перейти на его сторону. Об этом я и слышать не хотел. Мой старший сын посетил императрицу и сообщил ей о моем аресте. Она была возмущена и заявила:

— Это революция! Хвостов позволил себе действовать против царя

Председатель Совета министров Штюрмер и его секретарь Манасевич-Мануйлов тоже были очень озабочены. Мануйлов ночью вскочил с кровати и воскликнул:

— Тогда они и меня могут арестовать!

Хвостов свои меры предпринял совершенно неожиданно. Распутин был взбешен и не мог себе простить, что он провел Хвостова в министры. Мое положение было довольно угрожающим. Хвостов собирался легальным образом отправить меня на тот свет. Он достал подложные документы, которые должны были меня изобличить как шпиона. Документы были переданы военному суду, и без малого приговор состоялся бы. К счастью, я сумел доказать, что приписываемую мне переписку с вражескими агентами я не мог вести. Вследствие этого обвинение отпало.

Через шестнадцать дней я был освобожден, но получил распоряжение в двадцать четыре часа оставить Петербург и выехать в Нарымский край в ссылку. Днем позднее моей семье также было предписано следовать за мною в Сибирь. К счастью, царица еще могла заблаговременно заступиться за мою семью и ссылка моей семьи была отменена. Царь в это время находился в ставке.

После его возвращения в Петербург Хвостов поспешил представить ему совершенно извращенный доклад по делу Илиодора и моего ареста. Он старался всю ответственность свалить на Белецкого и Ржевского; между тем Распутин уже успел ознакомить царя с действительным положением этих дел. Он делал вид, что верит Хвостову, и последний был уже убежден в своей победе. Между тем царь отдал распоряжение о моем возвращении, которое меня застало в Твери. Сосланному же одновременно со мною моему брату с его сыном пришлось проделать всю дальнюю дорогу в Сибирь. Меня сопровождала в дороге моя собственная, состоящая из десяти человек охрана, так как я опасался, что Хвостов мог распорядиться покончить со мной по дороге.

После моей ссылки в Сибирь я по распоряжению царя был причислен к двору. Николай II считал меня секретарем Распутина. Он не желал, чтобы кто-нибудь помимо его воли наблюдал бы за моею деятельностью. Это знал Хвостов. Что, несмотря на это, Хвостов все же счел воз-

можным меня арестовать и сослать, царь считал возмутительным.

Все же во время разговора с Хвостовым царь держал себя в высшей степени любезно. Хвостов понятия не имел о недовольстве им царя. Прием его царем продолжался два часа. Но когда Хвостов вернулся домой, он нашел там ожидающий его запечатанный пакет с распоряжением царя об его отставке. Он сомневался даже в подлинности приказа, так как только что царь был так любезен с ним. Хвостов немедленно поехал в Царское Село, чтобы говорить с царем, но не был им принят.

Дома его ждала новая неприятность. Его вызывал к себе председатель Совета министров Штюрмер. Хвостов немедленно направился к нему. Здесь он узнал, что царь велел отнять у него все его ордена и сослать на шесть месяцев в его имение. В тот же вечер Хвостов¹ оставил Петербург. Еще до его отъезда на его квартире был произведен обыск, при котором по желанию Штюрмера присутствовал также я. Мы нашли много документов, важных бумаг и переписки. Среди них находились также письма царя, царицы и Распутина. Они все были сожжены.

Ржевский одновременно со мной был сослан в Нарымский край. До его отъезда Хвостов велел доставить его в свой рабочий кабинет и там надавал ему несколько оплеух.

По совету Распутина Штюрмер был назначен также министром внутренних дел. Распутин потребовал от Штюрмера новой должности для полковника Комиссарова. Его назначили градоначальником в Ростов-на-Дону. Белецкий надеялся получить должность генерал-губернатора в Иркутске, но Распутин уговорил его остаться в Петербурге, обещав ему устроить специальное министерство полиции. Пока Белецкий был назначен сенатором. Что же касается генерала Беляева, то в исполнение данного ему Распутиным обещания он был назначен военным министром. Но в это время Распутин уже не было в живых.

Я еще должен заметить, что Хвостов имел особую причину быть мною недовольным. В 1915 году я вручил члену Государственной Думы князю Геловани документы, из которых усматривалось, что Хвостов занимался организацией еврейских погромов. Эти документы я получил от Белецкого за обещание устроить его министром внутренних дел. Геловани передал полученные от меня документы члену Государственной Думы Керенскому, который озаботился об их опубликовании. Эти документы вызвали большой шум.

¹ Впоследствии арестован Керенским, посажен в «Кресты», позднее переведен в Москву, где большевики расстреляли его вместе с Белецким

Керенский вел в Думе ожесточенную борьбу против реакционных партий и не упускал ни одного случая, чтобы выступить против них. О событиях в Государственной Думе нас регулярно информировал член Думы Караулов.

БОРЬБА ПРОТИВ АНТИСЕМИТСКОЙ ПРОПАГАНДЫ

Долголетний министр юстиции Щегловитов имел очень вредное влияние на царя. Он старался с особенной настойчивостью доказывать ему, что все евреи заражены социализмом. По его мнению, их следовало поставить в такое положение, чтобы у них пропала всякая вера в социализм. Убийство мальчика Ющинского дало повод Щегловитову и другим врагам евреев начать против Бейлиса знаменитый ритуальный процесс. Но этот процесс не дал ожидавшихся последствий, а наоборот, они были весьма неприятны для самих зачинщиков процесса.

Распутин ненавидел Щегловитова и нападал на него, где только мог. Щегловитову, знавшему влияние Распутина на царя, приходилось нападки и обиды со стороны Распутина молча проглатывать. Распутин упрекал Щегловитова в бессердечности и язвил над тем, что он теперь состоял членом «Союза Архангела Михаила», между тем как раньше он был социалистом.

Когда затевался процесс Бейлиса, то Распутин открыто заявил Щегловитову:

— Ты проиграешь процесс, и ничего из него не выйдет.

Еще до окончания процесса Распутин уже предсказывал оправдание Бейлису. «Евреи не нуждаются в крови христиан, это я знаю лучше, чем ты», — уверял он министра юстиции.

После своего увольнения Щегловитов обратился к Распутину с просьбой помочь ему снова стать министром. Распутин ответил ему довольно грубо, что только после его смерти он может рассчитывать на министерский пост. После смерти Распутина Щегловитов действительно сделался на короткое время председателем Государственного Совета.

Когда по случаю процесса Бейлиса началась страшная травля евреев, я просил Распутина повлиять на царя о прекращении этой ужасной травли. Он неоднократно старался заговорить с царем по поводу процесса Бейлиса, но всегда получал ответ не затрагивать этого вопроса. Такое отношение царя сильно не нравилось Распутину. Он предполагал, что царь имел особые причины обращать большое внимание на науськивания Щегловитова.

Во время переговоров с министрами относительно необходимости облегчения положения евреев, приходилось часто выслушивать ответ: «Гурлянд этого не хочет».

Этот господин Гурлянд играл странную роль. По рождению своему еврей, сын раввина в Одессе, перешедший уже взрослым в христианство, он сделался страшным юдофобом и сумел завязать хорошие отношения с министрами. Как раз в то время он был главным редактором правительственной газеты «Россия». Он поддерживал открыто партию старого двора и агитировал против молодого двора.

Несмотря на это, он имел сильное влияние на царя в еврейском вопросе. Я подозреваю даже, что фактическим застрельщиком процесса Бейлиса был Гурлянд. Во всяком случае он был неофициальным руководителем проводимой по этому поводу антиеврейской пропаганды. Совещания о том, как использовать этот ритуальный процесс вообще в борьбе с еврейством, состоялись на его квартире.

Единственный обвиняемый Бейлис был оправдан, но в связи с этим процессом были привлечены к ответственности за превышение власти и другие противозаконные деяния начальник Киевской уголовной полиции и другие полицейские чины. Их приговорили к довольно суровым наказаниям.

Делегация, состоявшая из московского раввина Мазо, киевского сахарозаводчика Льва Бродского и петербургского финансиста Герасима Шалита, обратилась ко мне с просьбой об исходатайствовании помилования осужденных. Я добился этого.

При этом случае я должен отметить, что не только сам Герасим Шалит, но и остальные члены его семьи всегда охотно отзывались на обращаемые к ним просьбы о помощи нуждающимся своим единоверцам.

Непостоянство царя отзывалось очень неприятным образом также в еврейском вопросе. Хотя он и был преданным другом Распутина, врага реакционных союзов, он все же одновременно был беспрекословным последователем этих же союзов. Поэтому Распутин не осмеливался открыто нападать на эти организации, хотя он при каждом удобном случае старался им вредить. По моему совету он уговорил царя прекратить выдачу сумм для поддержки известного реакционного деятеля Пуришкевича. Когда Пуришкевич узнал, что виновником прекращения этих ассигнований являюсь я, он стал моим злейшим врагом.

Впрочем, Пуришкевич имел еще другую причину ненавидеть меня и Распутина. В руководимом им «Союзе Архангела Михаила» большую роль играл дружественный мне прокурор Розен. Все поступающие в «Союз» жалобы на евреев поручались ему для проверки. Я добился того, что эти жалобы Розеном передавались сперва мне. Могущие иметь для евреев нежелательные последствия жа-

лобы мною сжигались и только самые безобидные передавались обратно в «Союз».

Пуришкевич начал подозревать Розена. С большим портфелем, набитым жалобами на евреев, его проследили около моей квартиры. После этого он был смещен с должности секретаря «Союза Архангела Михаила». Для него это была потеря небольшая, так как он от меня получал в месяц две тысячи рублей и имел еще другие доходы.

Розен объяснил мне секрет успеха у царя реакционных провинциальных губернаторов. Если губернатором назначался ставленник «Союза русского народа», то со всех сторон России от отделов «Союза» поступали царю благодарственные телеграммы. Я сблизился с председателем московского отделения «Союза», Орловым. За приличное вознаграждение он согласился распорядиться посылать благодарственные телеграммы царю также по случаю назначения рекомендованных Распутиным министров. Все расходы, конечно, покрывались мною.

РАСПУТИНСКИЙ СОВЕТ МИНИСТРОВ

Друзья Распутина часто шутили, что Распутин имеет свой собственный совет министров, значительно дельнее и положительнее царского совета. Но этот «совет министров» имел ту особенность, что он состоял исключительно из дам.

Старая Головина была, так сказать, президентом. Она поддерживала Распутина своим именем и авторитетом среди петербургского высшего общества. Ее дочь, Маня, служила посредницей между Распутиным и высшим духовенством. Вырубова в исключительной мере способствовала при назначениях министров. Придворная дама Никитина поддерживала связь с председателем Совета министров. Одна из сестер Воскобойниковых работала во дворце, а другая поддерживала важные знакомства в руководящих военных кругах. Акулина Лаптинская служила сыщиком Распутина. Она снабжала его всеми новейшими сплетнями и секретами; единственный ее недостаток был тот, что она не была достаточно надежна и работала также на врагов Распутина. Прочие дамы исполняли самым добросовестным образом все поручения Распутина и служили ему душой и телом.

К кружку его влиятельных поклонниц принадлежала также красивая фрейлина императрицы г-жа фон Ден, по рождению немка и замужем за немцем, русским морским офицером. Особенно она почитала Распутина за его пропаганду мира, но была и так ему очень предана.

При встречах во дворце Распутин и госпожа фон Ден совершенно не разговаривали, но часто виделись на квар-

тире его подруги Кушиной, которую он называл «красавицей». Там же часто устраивались веселые интимные вечера, на которые иногда приглашали и меня.

Однажды один из гостей обратился к Распутину с вопросом, почему он больше симпатизирует немцам, а ненавидит англичан и французов. Изрядно выпивший Распутин дал совершенно неожиданный ответ.

— Не могу я любить французов, — пояснил он, — потому что я знаю, что они не могут полюбить меня. Они республиканцы и революционеры, и я им кажусь смешным. Я могу работать только с монархистами. Но монархисты не должны никогда воевать между собой и всегда хорошо между собой уживаться. Поэтому Россия должна как можно скорее помириться с Германией.

Это, конечно, не был исчерпывающий ответ Распутина по поводу его враждебности к войне. Но он ясно показал, что Распутин сознавал не только свою власть, но и ее пределы.

КАК СОСТОЯЛИСЬ НАЗНАЧЕНИЯ МИНИСТРОВ

С тех пор как Распутин возымел решающее значение при назначении министров, он постоянно искал подходящих кандидатов. Так как личные качества протеже ему были мало известны, то выбор кандидатов для него был очень затруднительным. Поэтому он постоянно обращался ко мне с просьбами указать подходящих лиц для одного или другого министерского поста. Часто это было весьма затруднительно. Наша задача осложнялась еще тем, что многие из намеченных нами кандидатов, зная колеблющийся характер царя, сами отказывались от предлагаемых им назначений.

Особенно сложным становилось дело в последние годы царствования Николая II. Часто случалось, что царь телефонирует Распутину, требуя немедленно указать кандидата для какого либо освобождающегося поста министра. В таких случаях Распутин просил царя обождать несколько минут. Возвращаясь к нам он требовал назвать необходимого кандидата.

— Нам нужен министр, — восклицал он взволнованно.

Недалеко от телефона происходила тогда конференция, на которой иногда участвовали даже племянницы Распутина, между тем как царь ждал у телефонной трубки. Однажды Распутин во время разговора с царем сказал нам:

— Нам требуется генерал. — Случайно присутствовавший при этом мой сын Семен назвал фамилию Волконского, хотя тот был и не генералом, а товарищем председателя Государственной Думы. Распутин назвал фамилию царю. Вскоре после этого Волконский был назначен товарищем министра внутренних дел.

Если выбор был особенно затруднительным, то нам приходил на помощь Манасевич-Мануйлов. Он, конечно, старался проводить своих людей. По его совету Штюрмер был назначен председателем Совета министров. Манасевич-Мануйлов рекомендовал нам Штюрмера как старого вора и жулика и ручался за то, что Штюрмер исполнит все наши пожелания.

В первую очередь мы искали людей, согласных на заключение сепаратного мира с Германией. С Штюрмером мы долго торговались. Только тогда, когда нам казалось, что он достаточно подготовлен, последовало его назначение. Я выступал за него потому, что он был еврейского происхождения. Его отец воспитывался в первой школе раввинов в Вильно, потом крестился и сделался преподавателем гимназии. Потом он получил дворянство. Первоначально он имел другую фамилию и только потом стал называться Штюрмером. Я предполагал, что председатель Совета министров не станет возражать против уравнивания в правах евреев, и не ошибся.

Однажды царю понадобился в срочном порядке кандидат для должности обер-прокурора синода. Мы предложили профессора высших женских курсов Раева, старого и совершенно незаметного человека, носившего парик и очень комичного. Он был председателем учрежденного мною «Научно-коммерческого объединения». Несмотря на громкое название, это был обыкновенный игорный клуб, где днем и ночью шла крупная игра.

Я должен заметить, что в то время царь говорил каждому вновь назначенному министру, что Распутин единственный человек, которому он доверяет. Его указание должно было служить в некотором роде направляющей рукой.

— Распутин — посланец Бога, — говорил в таких случаях Николай. — Я никогда в моей жизни не питал такой любви и доверия к человеку, как к Распутину.

Посылаемые Распутиным к министрам записки обычно содержали оборот: «Расскажу любящему». Это означало, что Распутин по данному делу собирался говорить с царем. Соответствующий министр в таких случаях считал просьбу Распутина как приказ царя и ставил на записке надлежащую резолюцию.

Незадолго до своей смерти Распутин сообщил мне, что царь решил принять меры к улучшению положения евреев. Все министры получили указания пересмотреть постановления прежних министров по поводу ограничений мест жительства для евреев. Из архивов были извлечены старые дела о черте оседлости.

Сообщение Распутина было также подтверждено мне Протопоповым, который к этому добавил, что желание

царя — провести эти мероприятия без лишней огласки. Протопопов выразил желание, чтобы к нему явилась делегация евреев. Его желание было исполнено. Адвокаты Слиозберг и Варшавский, если я не ошибаюсь, были делегатами. Протопопов подтвердил им, что приняты уже меры к расширению еврейских прав. Он просил только считать это сообщение доверительным, чтобы избежать лишней огласки. На приеме еврейских депутатов присутствовал также генерал Курлов, занимавший тогда высокую должность в Министерстве внутренних дел. Убийство Распутина прекратило все подготовительные работы. После убийства Распутина царь распорядился в первую очередь обратить внимание на борьбу с революционным движением. Еврейский вопрос был снят с очереди.

РАСПУТИН-ПОЛИТИК

Каким представляли себе Распутина современники? Как пьяного, грязного мужика, который проник в царскую семью, назначал и увольнял министров, епископов и генералов и целое десятилетие был героем петербургской скандальной хроники. К тому же еще дикие оргии в «Вилле Родэ», похотливые танцы среди аристократических поклонниц, высокопоставленных приспешников и пьяных цыган, а одновременно непонятная власть над царем и его семьей, гипнотическая сила и вера в свое особое назначение.

Это было все!

Только немногим было суждено познакомиться с другим Распутиным и увидеть за всем известной маской всесильного мужика и чудотворца его более глубокие душевные качества.

Люди, которые могли бы использовать его особое влияние и сугестивную силу для более высоких целей, не вникли в его душу и остались ей чуждыми и далекими. Почти все, кто искал его близости, стремились лишь к достижению своих личных, обычно весьма грязных целей. Для них он был только простым орудием для достижений их. У них не было охоты вдаваться в более глубокие размышления над его характером. Да и другой Распутин был им не нужен.

Но за грубой маской мужика скрывался сильный дух, напряженно задумывавшийся над государственными проблемами.

Распутин явился в Петербург готовым человеком. Образования он не имел, но он принадлежал к тем людям, которые только собственными силами и своим разумом пробивают себе жизненную дорогу, стараются разгадать тайну жизни. Он был мечтатель, беззаботный странник,

прошедший вдоль и поперек всю Россию и дважды побывавший в Иерусалиме. Во время своих странствований он встречался с людьми из всех классов и вел с ними долгие разговоры. При его огромной памяти он из этих разговоров мог многому научиться. Он наблюдал, как жили люди разных классов, и над многим мог задуматься. Таким образом, во время его долгих паломничеств созрел его особенный философский характер.

После проявления его решающего значения на царя Распутин не разменивал его на мелкую монету. Он имел собственные идеи, которые он старался провести, хотя успех был очень сомнителен. Он не стремился к внешнему блеску и не мечтал об официальных должностях. Он оставался всегда крестьянином, подчеркивал свою мужицкую неотесанность перед людьми, считавшими себя могущественными и превосходящими всех, никогда не забывая миллионы населяющих русские деревни крестьян. Им помочь и разрушить возведенную между ним и царем стену было его страстным желанием и пламенной мечтой.

Долгие часы, проведенные им в царской семье, давали ему возможность беседовать с царем на всевозможные политические и религиозные темы. Он рассказывал о русском народе и его страданиях, подробно описывал крестьянскую жизнь, причем царская семья его внимательно слушала. Царь узнал от него многое, что осталось бы без Распутина для него скрытым.

Распутин горячо отстаивал необходимость широкой аграрной реформы, надеясь, что она должна привести русского крестьянина к новому материальному благосостоянию.

— Освобождение крестьян проведено неправильно, — говорил он часто. — Крестьяне освобождены, но они не имеют достаточно земли. Обычно крестьянская семья численно велика и состоит из десяти членов, но участок земли мал. Из-за земли сыновья ссорятся с родителями, и им приходится отправляться в город в поисках работы, где они ее не находят. Окончится война, сыновья вернутся и поженятся. Чем же они тогда будут кормиться? Возникнут ссоры и беспорядки. Крепостные крестьяне жили лучше. Они получали свое пропитание и необходимую одежду. Теперь крестьянин не получает ничего и должен платить еще подати. Его последняя скотинка описывается и продается с торгов. До десятого года крестьянские дети бегают голыми. Вместо сапогов они получают деревянные колодки. Не хватает у крестьянина земли. Замирает вся жизнь в деревне.

Распутин жаловался на то, что правительство не строит в Сибири железных дорог.

— Боятся железных дорог и путей сообщения, — пояснял он. — Боятся, что железные дороги испортят крестьян. Это пустой разговор. При железной дороге крестьянин имеет возможность искать себе лучшее существование. Без железной дороги сибирский крестьянин должен сидеть дома, не может же он пройти всю Сибирь пешком. Сибирский крестьянин ничего не знает и ничего не слышит. Разве это жизнь? Сибирь пространна и сибирский крестьянин зажиточен. В России же (Распутин понимал европейскую Россию) крестьянские дети так редко видят белый хлеб, что считают его лакомством. Крестьянин в деревне не имеет ничего. Пшеничную муку он иногда получает к Пасхе, мясо он даже по праздникам получает очень мало. Ему не хватает одежды обуви и гвоздей, но он ничего не может заказать. В деревне нет мастеровых. Если в деревне появляется нерусский мастеровой, то его прогоняют. Почему? Потому что он изготовил лопату, плуг или подкову, или потому что он починил сапоги? Боятся чужого мастерового. Боятся, что крестьянин мог бы разбаловаться, пожелать денег или земельного надела! Поясняют, что все это может привести к революции. Все это глупости. Дворянство имеет слишком много. Дворянство ничего не делает, но мешает и другим. Если появляется образованный человек, то кричат, что он революционер и бунтовщик, и в конце концов сажают его в тюрьму. Крестьянину не дают образования. Эта господская политика к добру не приведет.

Распутин мечтал о крестьянской монархии, в котором дворянские привилегии не имели бы места.

По его мнению, монастырские и казенные земли следовало разделить между безземельными крестьянами и в первую очередь между участниками войны. Частные помещичьи земли, по его мнению, тоже следовало отчудить и распределить среди крестьян. Для уплаты помещикам за отчужденные земли следовало бы исхлопотать крупный внешний заем. Распутин был очень высокого мнения о земледельческих способностях и благосостоянии немецких колонистов. Их чистоплотность и опрятная добротная одежда сильно выделяло их среди русских крестьян.

Попадая в немецкую колонию, Распутин всегда удивлялся богатству их стола. Его особенно поражало, что колонисты пили не только чай, но и кофе. Эти наблюдения сильно врезывались в душу Распутина, и при разговорах с русскими крестьянами он всегда заводил разговор о благосостоянии немецких колоний. Он советовал русским брать в жены девушек из немецких колоний. Такие браки оказывались всегда как-то очень счастливыми.

— Крестьянин рад, — говорил он, — если у него в доме немка, тогда в хозяйстве порядок и достаток. Тесть гор-

дится такой снохой и расхваливает ее перед своими соседями,

Уважение Распутина к Германии возросло еще больше после того, как Распутин узнал, что большинство употребляемых русскими крестьянами сельскохозяйственных машин германского происхождения.

Он всегда стоял за немедленное заключение мира, даже при самых плохих условиях. По его мнению, любой мир для России был лучше, чем война. Когда Россия опять окрепнет, тогда и можно будет вновь пересмотреть мирные условия.

На заявления, что о немедленном заключении мира не может быть и речи и поэтому за него и не стоит выступать, Распутин всегда отвечал:

— Я ничего не боюсь. Я плохого ничего не хочу. Никто не имеет права уничтожать человеческие жизни. Существуют люди, которые занимаются посредничеством в денежных делах, в продажах домов и земель. Я хочу быть только посредником заключения мира. Даже папа говорит, что я прав и должен остаться нейтральным...

Утверждение царя, что он не прекратит войны до тех пор, пока последний германский солдат не оставит русскую землю не влияло на Распутина.

— Царь мог и это сказать. Он хозяин своего слова. Если он его дал, то он может его и взять обратно. Если он что-нибудь приказал, то новым приказом он первый может отменить. Он царь и может все. И каким путем прогнать из России всех немцев? Что делать с немецкими мастеровыми и купцами?

Не помогало и разъяснение, что царь своими словами не хотел задеть русских немцев и говорил только о германских солдатах. Он хитро улыбался и говорил, что он не видит разницы между русскими немцами и германцами. Оба они преследуют одну цель, лишь с той разницей, что одни работают кулаком, а вторые деньгами и головой.

— Русский, — говорил он, — привык к немецким товарам. Немецкие купцы поставляют хорошие товары и идут покупателям всячески навстречу. Немец умеет работать. Если в деревню попадает германский военнопленный, то бабы стараются заполучить его в свою избу, потому что он хороший работник.

Кроме Германии, Распутина очень влекло к Америке. И это имело свои причины.

В России имелось довольно много крестьян, родственники, которых жили в Америке и присылали оттуда своим родным в Россию денежные вспомоществования. Много бедных выходцев стали в Америке состоятельными фермерами, но оставшиеся и там простыми рабочими были довольны своими заработками. Для бедного русского кре-

стьянина Америка казалась сказочной страной. Поэтому Америка импонировала Распутину, и он советовал жить с Америкой в дружбе и мире.

Под конец я хочу еще рассказать один любопытный случай. После отступления русских войск из-под Варшавы Николай II вызвал в два часа ночи Распутина к телефону. Он был очень взволнован и говорил, что готов повеситься, так как Вильгельм предполагает учредить самостоятельное польское государство. Такого унижения он не может перенести... Распутин ответил ему:

— Ты сам должен был полякам даровать самостоятельность. Но теперь имей мужество. Если ты вернешь Польшу, то ты ей дашь все... Они такие же славяне, как русские, и должны себя чувствовать хорошо.

СОМНЕНИЯ И НАДЕЖДЫ

В течение долгих лет я находился при Распутине и днем, и ночью. Я знал его лучше всех. Я могу сказать, что он не особенно верил в прочность его отношений к царю. Мне часто казалось, что он чувствовал себя ненадежно и был беспокоен. Мысль, что его большая роль может быть в один день сыграна, заставляла его задумываться о будущем. Он не столько боялся своей смерти, сколько своего падения и неизбежных с ним последствий. Распутин имел сильно развитое самомнение, и поэтому падение его беспокоило больше, чем смерть. Он старался себя успокоить верой в свою «силу», так как имел к тому основания, уже ранее мною сообщенные. Мучимый сомнениями и в заботе о будущности, Распутин обращался ко мне за дружеским советом и поддержкой. Он считал меня хорошим математиком, с большим жизненным опытом и практическим умом. Он верил мне и цеплялся за меня. Я тоже чувствовал привязанность к нему. Я никогда не видел от него ничего плохого, да и другим он не делал зла. В том, что Николай II был слабым царем, не он был виноват. При моем посредстве он помог тысячам людей и вследствие своей доброты спас многих от бедности, смерти и преследований. Распутину это я никогда не забуду и поэтому не имею права не только его осуждать, но и вообще судить. Нет людей без недостатков, но, по моему мнению, Распутин был честнее всех собиравшихся на его квартире людей. Когда он говорил о своей будущности, я ему советовал теперь же оставить Петербург и царя, до того, пока его враги окончательно не выведены из терпения.

Я владел в Палестине небольшим участком земли и мечтал конец моей жизни провести в стране моих праотцов. Распутин также имел влечение к святой земле. Он соглашался с моим планом переехать туда. Мы давно уже бросили бы эту нездоровую и опасную жизнь в Петербурге,

если бы нас не удерживало проведение поставленных нами себе целей. Распутин решил добиться заключения мира, а я стремился к осуществлению еврейского равноправия.

— Необходимо, — говорил он, — заставить царя сдержать данное им слово. Он обещал конституцию. Если бы он исполнил свое обещание, то давно уже все национальности были бы уравнены в правах, но теперь мы должны думать только о заключении мира.

— Заключение мира очень трудная вещь, — отвечал я. — Ты бы лучше начал с еврейского вопроса. Это облегчило бы также заключение мира. Если нам удалось бы добиться разрешения еврейского вопроса, то я наверняка получил бы от американских евреев столько денег, что мы были бы обеспечены на всю жизнь...

— Почему же русские евреи не хотят давать деньги? — настаивал Распутин.

— Потому, что русские евреи не хотят, чтобы про них говорили, что они у царя купили свою свободу, — ответил я. — Деньги я оставляю себе и поделюсь с тобой. Их хватит на нас обоих и на наши семьи. Твой уход облегчит всеобщее примирение, и я полагаю, что дворцовые круги и дворянство скорее согласятся на еврейское равноправие, если они этим смогут освободиться от тебя.

— Но папа не хочет мира, — отвечал он. — О равноправии евреев он даже и слушать не хочет. Его родня не позволяет ему даровать конституцию. Неоднократно я царю говорил: «Если ты дашь конституцию, тебя назовут Николаем Великим». Он мне ответил, что при конституционном правлении он не сможет заключить сепаратный мир с Германией. Он вместе со мною все время ищет министров, которые были бы согласны на заключение мира, но он всех боится. Когда он в своем рабочем кабинете разговаривает со мною, то он все время оглядывается, не подслушивает ли кто-нибудь нас. Я настаиваю, чтобы моим крестьянам была дана конституция. Она не угодна только барам. Но мы, крестьяне, нуждаемся в ней. Теперь после отбывания военной службы солдаты уже не возвращаются в деревню, а остаются в городе. Как только дадут крестьянам землю, это изменится. Это большая беда, что папа не дает себя уговорить. Как только я не при нем, он забывает свои обещания. Это наше несчастье.

Потом Распутин продолжал:

— Я вполне согласен с Витте. Может быть, мне удастся провести его на какую-нибудь значительную должность. Тогда он меня поддержит. Когда я теперь разговариваю с царем по еврейскому вопросу, он не противоречит мне, но говорит. «Подожди, отец Григорий, пока я найду верного министра и заключу мир, тогда я исполню все, что

я обещал». — Ты, может быть, все и дашь, — отвечал я совершенно откровенно, — но отберешь все обратно. Тогда уже лучше не давай ничего, чтобы тебе не приходилось брать обратно».

— Ну хоть что-нибудь нужно же дать евреям, — кричал я.

— Как же может быть что-нибудь дано евреям, если я для моих крестьян ничего не добился, — возражал Распутин. — Царь боится даровать евреям равноправие. Он уверен, что его после этого убьют. Его дедушку ведь убили. Царь мне много раз жаловался, что все его министры жулики. Они стараются ему внушить, что во всем виноваты евреи.

Этот разговор произошел в 1915 году. В период сближения Витте с Распутиным Витте имел большое влияние на Распутина, а последний сумел перетащить на его сторону царицу и митрополита Питирима. К ним присоединился также старик Штюмер, и им симпатизировал весь молодой двор. Распутин старался убедить царя, что необходимо наконец ввести конституционную форму правления и, таким образом, покончить со всеми раздорами. Однажды Распутин явился в очень хорошем настроении к нам. Он заявил, что ему наконец удалось провести у царя свои желания. Царь собирается в Государственную Думу, чтобы объявить, что он решил установить порядок, по которому председатель Совета министров будет назначаться им самим, а остальные министры будут намечены Думой. Как все это должно было пройти, я не могу сказать. Может быть, я Распутина не так понял, а может быть, он мне все и не передал как следует. «Во всяком случае, — присовокупил он, после объявления новой конституции евреи также получают полное равноправие, за исключением права занимать руководящие должности в войсках и в государственном управлении». По словам Распутина, это была немецкая система.

Я счел своей обязанностью все передать моим единоверцам и сообщил полученные от Распутина сведения барону Гринцбургу и Мозесу Гинцбургу. Все ему поверили, так как знали, что он не лжет.

Но мы упустили из виду печальные качества царя. Правильнее было бы, если бы мы не упустили из виду его безволие, неспособность сдерживать данное слово, и не верили бы его обещанию.

После своего возвращения из Ставки он заявил Распутину, что он свое намерение переменил.

Он не желает даже показываться в Думе и не думает о даровании новой формы правления, пока идет война.

Распутин бывал иногда очень несдержан и грубоват с царем. На этот раз он не скрывал свою злость. По сему случаю он запугивал царицу и Вырубову и говорил, что

революция неизбежна, так как царь не может понять, что необходимо сговориться со своим народом.

Наконец царь объявил, что он последует совету Распутина и даже был установлен день, когда будет оглашена конституция. В этот день он действительно направился в Государственную Думу, но, по-видимому, он опять в последнюю минуту был напуган возможностью его убийства в случае отказа от своих самодержавных прав. К сожалению, подробности этого случая мне неизвестны.

БЕЗРЕЗУЛЬТАТНАЯ ПОПЫТКА У ЦАРЯ

Однажды мы устроили в Александро-Невском монастыре у митрополита Питирима совещание по еврейскому вопросу. Оно состоялось скоро после назначения Штюрмера председателем совета министров. Он обязался перед нами предпринять меры к решению еврейского вопроса. На совещании митрополита кроме меня участвовали епископ Исидор, Штюрмер и Распутин. Все присутствующие выразили согласие по мере сил способствовать разрешению еврейского вопроса.

По отношению ко мне Штюрмер высказался следующим образом:

— Ты странный человек, Симанович. В твоих стремлениях ты прав, но ты выбрал неправильную дорогу для их осуществления. Должен же ты знать что не только я, но и весь Совет министров никогда без согласия царя не осмелится поднять еврейский вопрос. Каждый министр заботится о своей будущности. При прежних царях было иначе: они действовали по собственному почину, имели больше мужества и держали слово. Теперешнему царю же никто не верит. Он сам также никому не верит, и поэтому трудно что-нибудь у него провести. Я был бы счастлив, если бы мне удалось вывести еврейский народ из его ужасного положения. Но я не могу решиться взять на себя инициативу, так как за это я могу поплатиться моей карьерой. Каждый русский министр официально должен быть юдофобом и не должен отказываться от своей враждебности к евреям. Я же, конечно, хочу сохранить мой пост министра, и ты не имеешь права от меня требовать невозможного. Я охотно помогу евреям, но для этого должен подвернуться случай. При твоих связях и изворотливости тебе скорее представится случай поднять этот вопрос. Ты имеешь больше власти, чем мы все вместе. Добейся только, чтобы царь поручил мне заняться еврейским вопросом, и я могу тебе поклясться, что я все необходимое сделаю.

Митрополит Питирим выступил после этого с совершенно неожиданным предложением.

— Слушай, Симанович, мы с Распутиным завтра едем в Царское Село, где будет богослужение. После службы раненым будет дан обед. Ты должен привезти коньяк, чай, сахар и мармелад для солдат, и я позабочусь о том, чтобы ты мог лично поговорить с царем. Это будет самый верный путь. Следуй моему совету и расскажи царю откровенно о всех тех преследованиях евреев, о которых ты рассказывал здесь. Бог тебе поможет.

Предложение Митрополита встретило всеобщее одобрение.

Я вызвал к телефону сестер Воскобойниковых и получил от них подтверждение, что действительно в Серафимовском лазарете предполагается устроить богослужение. Наследник имел намерение в этот день распределять подарки среди раненых.

Я отправился в лазарет, и наследник поручил мне купить для подарков дюжину серебряных часов и столько же подставок для чайных стаканов. Взяв на другой день заказанные предметы с собой, я приехал в лазарет к окончанию службы. Наследник был в восхищении от моих вещей. Царица обратила на это свое внимание и сейчас же сообщила царю, насколько наследник доволен мною. Настроение казалось мне благоприятствующим. Наследник распределял подарки.

Распутин понимал, что наступил для исполнения нашего замысла подходящий момент. Он встал и обратился к царю:

— Сын еврейского народа стоит перед тобой.

Николай II посмотрел с удивлением на нас обоих с Распутиным и сказал:

— Я не понимаю.

Остальные присутствующие смотрели на нас с большим любопытством. Распутин продолжал:

— Я только начал, он сам изложит тебе все.

Дрожа от волнения, я начал:

— Ваше Императорское Величество, я уже годами живу в Петербурге, но мои сестры и братья и весь наш еврейский народ ничего не знают о вашей любви к нам.

Митрополит прервал меня:

— Ты объясняешь очень неясно. Если ты говоришь как сын еврейского народа, то ты должен выражаться яснее.

В сильном волнении я продолжал:

— Ваше Величество, мои братья и сестры и весь еврейский народ ждут вашего слова. Они ждут свободы и разрешения на право образования, они ждут вашей милости.

Царь слушал меня. Речь моя была бессвязная. Я говорил отрывистыми предложениями, но Николай II понял, чего я хотел. Все молчали и с напряжением ждали ответа царя. С удовлетворением я заметил, что все присутствующие сочувствовали. Но царь ответил мне:

— Скажи твоим братьям, что я им ничего не разрешу. Я потерял самообладание и со слезами на глазах умолял царя:

— Ваше Величество, ради Бога, освободите меня от этого ответа. Свыше моих сил передать моим братьям такой ответ.

Ласково смотрел царь на меня и сказал спокойным, даже симпатичным тоном:

— Ты меня не понял. Ты должен передать евреям, что они, как и все инородцы, в моем государстве равны с другими моими подданными. Но у нас имеется девять миллионов крестьян и сто миллионов инородцев. Мои крестьяне безграмотны и малоразвиты. Евреи высоко развиты. Скажи евреям: «Когда крестьяне будут на той же ступени развития, как евреи, то они получают все то, что к тому времени будут иметь крестьяне».

Я ответил:

— Как прикажете, Ваше Величество, я все сделаю.

Я просил митрополита Питирима на другой день принять еврейских делегатов и подтвердить им, что я хлопотал перед царем о равноправии евреев. Барон Гринцбург, Поляков и Варшавский явились к нему, и он им подтвердил правильность моего сообщения.

ПРОТОПОПОВ — ПОСЛЕДНЯЯ КАРТА

Наши надежды на царя разбились, и мы находились в очень подавленном состоянии. Мы решили в будущем уже не рассчитывать на непостоянство царя, а действовать больше при посредстве министров. На них можно было легче воздействовать и при помощи орденов и денег перетянуть на свою сторону. Я опять поставил себе целью добиваться улучшения еврейского положения, считая, что скорее возможно улучшить положение отдельных лиц, чем добиться изменения всего режима.

В этом отношении у нас появились новые надежды. Распутин неоднократно сообщал нам, что царь не прочь предоставить евреям некоторые облегчения. Когда нам удалось провести в министры внутренних дел Протопопова, мы взяли с него обещание что-нибудь сделать для евреев. Мы уверили его, что почва в этом отношении уже подготовлена нами и дальнейший успех зависит исключительно от его ловкости и умения.

Когда евреи узнали, что Протопопов обещал принять меры к улучшению положения евреев, то они прислали к нему делегацию. Ему это было очень неприятно, так как он не хотел преждевременно открывать свои карты. Поэтому он принял делегацию довольно сдержанно и не высказал ей своего намерения идти им навстречу. Этим он вызвал сильное недовольство среди евреев.

Протопопов, решив выдвинуть себя на пост министра, вошел сперва в сношения со мной. Мы скоро с ним подружились и стали на ты. Я его свел с Распутиным, который начал ему доверять. Он часто разговаривал с царем о Протопопове и старался царя им заинтересовать. Его старания не остались без результатов.

Первые встречи Распутина с Протопоповым происходили у княжны Тархановой. Потом они встречались в доме князя Мышецкого. Протопопов мечтал о министерской карьере. Мы выдвинули ему наши условия: заключение сепаратного мира с Германией и проведение мер к улучшению положения евреев. Он согласился. Я его потом познакомил с выдающимися представителями еврейства, и он им подтвердил свое согласие относительно евреев. Однажды Протопопов, Распутин и я поехали в Царское Село к Вырубовой. Она подвергла его, по своему обычаю, особому испытанию. Все сошло хорошо. В лазарете Вырубова представила Протопопова царице, на которую он произвел хорошее впечатление. Скоро он сделался министром внутренних дел, но, как потом оказалось, последним при старом режиме. До его назначения я выкупил его векселя на сто пятьдесят тысяч рублей, иначе его объявили бы несостоятельным, что воспрепятствовало бы его назначению. Протопопов обещал мне эту сумму уплатить после своего назначения из секретных фондов министерства. Но так как он пожертвовал сто тысяч рублей лазарету Вырубовой, то он сразу не мог эту сумму вернуть. Вырубова спросила, согласен ли Распутин на принятие этого пожертвования, и получила ответ, что оно произведено по указанию Распутина. Для нее это было достаточно, и она приняла пожертвование. Очень часто такие суммы жертвовались лицами, которые пользовались поддержкой Вырубовой. Так, например, ей жертвовали: г-жа Рубинштейн 50 000 рублей, г-жа Бейненсон — 25 000 рублей, банкир Манус — 200 000 рублей, Нахимов — 30 000 и другие. От меня Вырубова получала неоднократно ценные бриллианты, смарагды и дорогие серебряные вазы. Вырубова рассказывала царской чете, что ее друзья хотят обеспечить ее будущность, так как во время железнодорожной катастрофы у нее были сломаны ноги.

При обыске на моей квартире во время революции были найдены несколько векселей Протопопова. На основании этого судебный следователь, нашедший у меня векселя также других лиц, великих князей, министров и прочих высоких сановников, хотел меня обвинить в даче взятки. Но до этого дело не дошло. Я пояснил ему, что не могу отвечать за то, что я занимал должность еврея без портфеля.

Назначение Протопопова вызвало в России много шума. Члены Государственной Думы были возмущены, что он в борьбе за народное представительство стал на сторону царя. Очень озабоченный этим Протопопов советовался с нами, что делать. Распутин пояснил ему, что он не должен вводить себя в заблуждение. Члены Думы сами не знают, что они хотят. В действительности Распутин боялся, чтобы против него самого не произносились бы едкие речи. Поэтому он советовал царю и потом Протопопову по возможности оттягивать открытие Думы и вообще держать представителей народа, как собак на привязи, так как они всегда будут недовольны и всегда будут иметь стремление кусаться. Это выражение особенно любил Распутин.

Царь, царица и Распутин были сильно увлечены Протопоповым. Молодой двор чувствовал себя всеми оставленным и окруженным только врагами. Он находился в сильном беспокойстве, чувствовал опасность, но не был в силах ее предотвратить. Это кажется странным, потому что царь не был еще свержен и имел почти неограниченную власть. Но настроение при дворе было в высшей степени подавленным. Тем более ценилось каждое лицо, которое вызывало доверие. Кружок друзей и надежных людей все сужался. Царь становился все более апатичным и безразличным. Создавалось впечатление, что он уже ничем не интересуется. Ему и в голову не приходило принять действительно энергичные меры к примирению со своими врагами и к общему улучшению положения. В это время появился Протопопов, и он сумел воскресить угасшие надежды.

АФЕРА САХАРОЗАВОДЧИКОВ

Сын известного председателя Петербургской синагоги Зив обратился ко мне с просьбой помочь его тестю, Хепнеру, киевскому сахарозаводчику. Хепнер был арестован совместно с сахарозаводчиками Бабушкиным и Добрым.

Так началась известная афера киевских сахарозаводчиков. Их обвиняли в продаже во время войны немцам крупной партии сахара и отправки его в Персию. Дело касалось, насколько я мог установить, крупной махинации с сахаром и имело своим началом крупную продажу перед войной. Военные власти старались всех обвиняемых (они все были евреи) привлечь к ответственности за государственную измену.

Осуждение их военным судом могло иметь самые нежелательные последствия для евреев, и поэтому считалось необходимым всеми мерами противодействовать обвинению заводчиков.

Я советовался с Распутиным. Он согласился помочь арестованным. Зив согласился нести все финансовые тя-

готы, связанные с благополучным разрешением этого дела. Его первый расход был уплачен в «Вилле Родэ» за кутеж: пятнадцать тысяч рублей

Далее я заинтересовал этим делом и обер-прокурора сената Добровольского, который со своей стороны конферировал с товарищем министра юстиции. Через несколько дней Добровольский посоветовал мне подать через поверенного жалобу на неправильный арест обвиняемых. По мнению Добровольского, процесс подлежал рассмотрению в гражданском суде. Военные же власти держались того взгляда, что произведена спекуляция с сахаром, вредно отозвавшаяся на снабжении армии.

Случай был очень тяжелый, и даже Распутин признался мне, что у него нет надежды. Генералы не хотели его даже слушать. Он пояснил мне, что с этим делом я должен один справиться. После долгих споров он все-таки согласился и в дальнейшем меня поддерживать. Чтобы облегчить борьбу, мы дали Добровольскому обещание провести его в министры юстиции, если он нас поддержит. Со своей стороны, он обещал нам распустить комиссию генерала Батюшкина, которая будто бы мешала юстиции. Распутин согласился с этим планом и даже вызвался заинтересовать этим делом царицу. Он действительно сумел так устроить, что Добровольский был представлен царице. При посредстве ее окружения старались ей внушить, что генерал Батюшкин и его комиссия приносят много вреда. Распутин выступал вообще против комиссий, в бесполезной работе которых, по словам Распутина, только тратилось много времени, которое могло быть использовано более целесообразно.

Скоро я мог установить, что наша пропаганда в пользу сахарозаводчиков при дворе возымела некоторый успех. Одновременно я предпринимал также шаги и в другом направлении. Я посылал моего друга Розена к отдельным членам комиссии, к которым он как бывший прокурор имел отношение, с поручением выведать положение дела и ход расследования, что ему без особых трудов и удавалось. Таким образом, нам удалось узнать слабые пункты обвинения.

От имени дочери Хепнера мы подали на имя царицы прошение о помиловании, в котором мы особенно напирали на слабые стороны обвинения. В прошении указывалось, что сахар был продан немцам еще до войны и отправлен в Персию. Каким путем он оттуда попал в Германию, сахарозаводчикам не известно. Царица послала прошение находящемуся в то время в Ставке царю с просьбой поручить установить действительное положение дела.

Николай вызвал генерала Батюшкина в Ставку. Здесь ему сообщили, что он скоро будет смнен с должности председателя комиссии и получит другое назначение. Ба-

тешкин сильно возмутился и пожаловался начальнику штаба Алексееву. Последний посоветовал ему не обращать внимания на эти запугивания и спокойно продолжать свою работу. Батюшкин последовал этому совету, но стал осторожнее и начал добиваться расположения к нему Распутина. Когда я это заметил, я пошел к генералу. Мы имели продолжительный разговор. Батюшкин стал податливее, и нам удалось все дело вырвать из рук военного суда и передать его гражданскому суду. Сахарозаводчики признали себя виновными в спекуляции с сахаром, но отвергли обвинение в государственной измене.

Это произошло уже после смерти Распутина. В то время министр юстиции Макаров был уже уволен и вместо него назначен, по моему указанию, Добровольский. Я был в нем вполне уверен и рассчитывал на то, что ему удастся это дело совсем прекратить. Он вызвал к себе киевского прокурора с подробным докладом о ходе расследования. После переговоров с прокурором Добровольский распорядился о прекращении дела. Все же освободить арестованных мне не удалось, так как они были арестованы по распоряжению командующего Юго-западным фронтом Брусиловым, который и слышать не хотел об их освобождении. Он распорядился сослать сахарозаводчиков в Нарымский край.

Мы старались оказать на Брусилова влияние, но совершенно безрезультатно. Тогда Слиозберг написал царю новое прошение, в котором сахарозаводчики признали себя виновными в попустительстве, благодаря которому германцам удалось переотправить сахар в Германию, и просили о помиловании. Прощение было подано через министра внутренних дел Протопопова. На прошении царь поставил резолюцию, коей хотя сахарозаводчики и не были совершенно оправданы, но судебное преследование против них было прекращено. Она гласила, что, хотя сахарозаводчики и провинились, все же для них будет достаточным наказанием сознавать перед обществом свою вину.

Незадолго перед революцией они были освобождены.

Это дело имело еще в 1919 году свои последствия в Одессе. Хепнер, Розен и я в числе других беженцев также попали туда. Розен очень нуждался. Розен просил Хепнера выдать ему обещанные в Петербурге его зятем Зивом две тысячи рублей. Хепнер отказался. Тогда Розен пожаловался бывшему члену комиссии генерала Батюшкина Орлову, который в то время занимал должность начальника контрразведки при генерале Деникине. У него был произведен обыск и при этом найдено мое адресованное ему письмо, в котором я требовал уплаты указанных двухсот тысяч рублей. Хепнера арестовали. В то время Одесса была оккупирована французами. Когда они узнали, что

Хепнер в свое время оказывал услуги немцам, они стали к нему относиться весьма подозрительно. Он оставался в заключении до оставления Одессы французами.

МИНИСТР-ПРЕЗИДЕНТ В ВИДЕ ПРИМАНКИ

К началу войны министр-президентом в России был Горемыкин. Старый и совершенно больной человек оставался на своем посту только благодаря своей жене, которая сумела обеспечить себе расположение Распутина. Она постоянно находилась на квартире Распутина и всеми мерами старалась удержать его расположение. Когда Горемыкин все же был смещен, ей удалось все же добиться вновь назначения мужа министр-президентом.

Горемыкина приняла на себя, по ее мнению, почетную заботу снабжать Распутина вареным картофелем, который доставлялся Распутину с такой быстротой, что по дороге не успевал остыть. Кроме того, она часто посылала уху, яблоки и белые булочки. Она умела готовить картофель десятью способами и этим действительно добилась расположения Распутина.

Известный петербургский банкир Дмитрий Рубинштейн, человек очень честолюбивый, высказал пожелание познакомиться с Горемыкиным. Я посоветовал для этой цели пожертвовать Горемыкину для содержания лазарета некоторую сумму денег. По моему совету Рубинштейн через Распутина просил передать Горемыкину для жертвования соответствующую сумму для лазарета. После этого Распутин представил Горемыкину Рубинштейна. Сумма жертвования была 200 000 рублей. Госпожа Рубинштейн была назначена начальницей лазарета, и таким путем Рубинштейн имел возможность часто встречать Горемыкина.

Это вызывало много зависти среди других финансистов Петербурга, но имело большую пользу для Распутина, так как благодаря этому престиж Рубинштейна сильно поднялся. Он очень гордился знакомством с Горемыкиным и никогда не упускал случая этим похвастаться. Очень часто во время разговора с каким-нибудь лицом, с которым он считался, Рубинштейн звонил по телефону к Горемыкину и справлялся о здоровье его супруги или заводил с ним какой-нибудь незначительный разговор, чтобы этим импонировать присутствующему при разговоре. Соответствующее лицо тогда распространяло по всему городу слухи о близости Рубинштейна с Горемыкиным, что, конечно, в сильной мере укрепляло положение Рубинштейна.

Рубинштейн приобрел большинство акций известного банкирского дома Юнкер и К°. Началась эта операция блестящим балом, на который в числе других был приглашен очень богатый киевский сахарозаводчик Лев Бродский. Ру-

бинштейн надеялся его также привлечь к участию в покупке акций. Ему это удалось. Когда Бродский на балу Рубинштейна увидел министров Горемыкина и Протопопова, Распутина и ряд других высокопоставленных лиц и ему пришлось подслушать дружественные разговоры хозяина дома с влиятельными министрами, он согласился участвовать в покупке акций на несколько миллионов рублей.

Рубинштейн умел выдвигать себя на первый план. Он не скупился большими пожертвованиями на благотворительность. Я находился с ним в хороших отношениях и часто помогал ему в его делах. Его сближение с Распутиным состоялось через меня. Рубинштейн расценивал знакомство с Распутиным очень высоко. Поэтому он охотно отзывался на мои просьбы о помощи бедным евреям. Со своей стороны я также старался быть ему полезным и всюду его рекомендовал для финансовых операций.

БАНКИР ЦАРИЦЫ

Царица просила Распутина указать ей для ее доверительных финансовых операций верного банкира. Он, конечно, обратился ко мне, и я назвал ему Рубинштейна. Распутин вызвал его к себе и спросил его, можно ли ему доверить производство одной финансовой сделки, в которой особенно заинтересована государыня. Рубинштейн пришел в большое волнение и клялся в том, что он оправдает вполне оказанное ему доверие и будет держать данное ему поручение в безусловной тайне. К моему удовольствию, Рубинштейну удалось убедить Распутина, что он является самым подходящим человеком для исполнения поручений царицы.

Распутин рассказал царице, что он нашел для нее очень подходящего банкира, Рубинштейна, члена древней еврейской фамилии, родственника знаменитого композитора, который ко всему этому является одаренным финансистом. Царица согласилась на выбор, и Рубинштейн находился на вершине своего счастья.

Поручение царицы заключалось в следующем.

Царица имела в Германии бедных родственников, которым она помогала. Во время войны денежные переводы в Германию не производились, и царица беспокоилась о своих нуждающихся родственниках. Поэтому она искала возможности тайным образом переслать деньги в Германию. Роль Рубинштейна в этом деле была очень деликатна и опасна, но он исполнил поручение царицы с большой ловкостью и этим заслужил ее благодарность.

Своими отношениями к Распутину Рубинштейн добился некоторого значения в придворных кругах. Оба старались быть друг другу полезными. Лично для себя Распутин от Рубинштейна ничего не требовал. Но он по-

сылал к Рубинштейну массу нуждающихся, чтобы он им помог или дал работу. Рубинштейн никогда не отказывал в исполнении просьб Распутина, но не имел возможности предоставить такой массе работу в своих банках. Поэтому он основал на Марсовом поле контору, назначение которой для него самого было неясно. Служащие этой конторы не имели никакой работы, но регулярно получали жалованье. Этим Рубинштейн достиг того, что Распутин его постоянно хвалил и величал «умным банкиром».

Отношения Рубинштейна к царице никому не были известны, но путем ловкой рекламы Рубинштейн сумел распространить слухи, что он состоит банкиром царского дома. Мануйлов, секретарь председателя Совета министров Штюрмера, с особым усердием заботился о том, чтобы эти слухи получили бы более широкую огласку. Однако скоро Рубинштейна постиг тяжкий удар. Он скупил все акции страхового общества «Якорь» и с большою прибылью продал их одному шведскому страховому обществу. Планы застрахованных в «Якоре» крупных зданий он послал в Швецию. Среди них находились планы многих украинских сахарных заводов.

Это произошло как раз в то время, когда по примеру великого князя Николая Николаевича искали по всей России шпионов. В охоте за шпионами гибла масса невинных людей; она вызвала всеобщее смятение. Почта и пассажиры на границе со Швецией подвергались строгому контролю. Когда контролирующие чиновники увидели посылаемые Рубинштейном планы, они вообразили себя нападшими на след большой шпионской организации. Это было вскоре после назначения Штюрмера. Старик Горемыкин уже не мог ему помочь. Распутин, будучи недовольным некоторыми его финансовыми махинациями, также был настроен к Рубинштейну не особенно доброжелательно. По распоряжению военных властей Рубинштейн был арестован. Это вызвало внимание всей России. Особенно неприятным был этот арест для евреев, так как он давал новую пищу для разговоров о еврейской шпионской деятельности. Друг Рубинштейна, консул Вольфсон, находящийся в хороших отношениях с графиней Клейнмихель, был также арестован.

Арест Рубинштейна произвел на царицу потрясающее впечатление. Она предполагала, что арест вызван как раз произведенными по ее поручению Рубинштейном операциями. Ее беспокойство улеглось только после того, как выяснилось, что арест с ее поручениями ничего общего не имел. Она все очень боялась, что ее отношения к Рубинштейну могут как-нибудь раскрыться, что, конечно, вызвало бы неслыханный скандал. Царицу все это сильно тревожило.

Она поручила статскому советнику Валуеву съездить в ставку и там принять шаги к прекращению дела. Она посоветовала ему сперва обратиться к генералу Гурко с просьбой сообщить все данные о деле. Гурко высказался, что, по его мнению, арест Рубинштейна не имеет достаточно оснований. По его мнению, военные власти произвели арест с целью вообще напакостить евреям.

Рубинштейну угрожала виселица. Гурко знал акты. Он составил доклад, в котором выводилось, что Рубинштейн вообще не совершил военное преступление. Но Рузский, большой враг евреев, с ним не соглашался. Он опасался, что Рубинштейна в Петербурге могут освободить и поэтому распорядился о переводе его и Вольфсона в Псковскую тюрьму. Расследование дела было поручено комиссии генерала Батюшкина, и дело принимало все больший объем.

Все евреи были очень встревожены. Представители еврейства устраивали непрерывно совещания, на которых много говорилось о преследованиях евреев. На одно из этих совещаний был приглашен также и я. Ко мне обратились с предложением оказать еврейскому народу большую услугу. Вследствие моих отношений к царской чете, Вырубовой, Распутину и министрам все присутствующие считали, что только я один способен что-то сделать. Я должен был добиться прекращения дела Рубинштейна, так как оно для еврейского дела могло оказаться столь же вредным, как в свое время дело Бейлиса. Я вполне сознавал опасность положения и считал, что должны быть приняты все меры, чтобы отвратить надвигающуюся на евреев беду.

В первую очередь я старался достигнуть примирения Распутина с Рубинштейном. Распутин согласился хлопотать за него. По моему указанию жена Рубинштейна посетила Распутина. Она уверяла Распутина в невинности своего мужа, объясняла все происками врагов евреев и горько плакала. Распутин обращался с ней очень милостиво и предложил ей поехать с ним немедленно в Царское Село.

Царица приняла их в лазарете. Распутин просил ее помочь невинно арестованному человеку. Она расспросила г-жу Рубинштейн о всех подробностях и наконец сказала ей:

— Успокойтесь и поезжайте теперь домой. Я еду в Ставку и там расскажу все моему мужу. О результатах я вам сообщу по телеграфу

Госпожа Рубинштейн была очень ошачливлена милостивыми словами царицы.

Нужно было подать прошение об освобождении из-под ареста. Но, к нашему удивлению, известные адвокаты отказались от его составления. Даже находившиеся в дружественных отношениях с Рубинштейном адвокаты не хотели и слышать о нем. Все они боялись военных вла-

стей. Но без прошения царица не могла ничего предпринять. Поэтому я поручил составить прошение моему старшему сыну. Мы его передали царице, и к еврейскому Новому году я получил от нее телеграмму:

«Симанович, поздравляю. Наш банкир свободен.

Александра».

На другой день г-жа Рубинштейн отправилась в Псков. Она надеялась встретить своего мужа уже на свободе, но ее радость была преждевременной.

Мы старались выяснить причины, из-за которых задерживалось освобождение Рубинштейна, и скоро их обнаружили. Совместно с братьями Воейковыми Рубинштейн учредил банк. Банк работал плохо, и Воейковы вину приписывали Рубинштейну. Они в этом деле потеряли около восьмисот тысяч рублей, то есть очень крупную сумму. С тех пор они были врагами Рубинштейна. Один из братьев был дворцовым комендантом. Получив распоряжение царя об освобождении Рубинштейна он, оставил его без исполнения. Эти обстоятельства я выяснил к моменту возвращения царя в Царское Село. После церковной службы мне удалось переговорить с ним. Поступком Воейкова он был крайне возмущен и потребовал подачи ему нового прошения. Это прошение с резолюцией царя было передано для исполнения надлежащему учреждению помимо Воейкова, и Рубинштейн наконец был освобожден. Узнав, что Воейков оставил без исполнения приказ царя, царица устроила своему мужу неприятную сцену. Царь молчал, даже не защищая своего любимца. Создавалось впечатление, что подобный случай не первый.

Наша победа в деле Рубинштейна казалась мне очень важной, так как благодаря ей еврейский народ избежал много новых неприятностей.

ВТОРИЧНЫЙ АРЕСТ РУБИНШТЕЙНА

Рубинштейн не долго оставался на свободе. Скоро после его освобождения был убит Распутин. Я допустил большую тактическую ошибку, из-за которой опять было возобновлено дело против Рубинштейна. Его арестовали во второй раз. Дело было в следующем.

После смерти Распутина царь был еще милостивее ко мне, так как он предполагал, что я был вполне посвящен в планы Распутина. После погребения Распутина я был вызван к царю, подробно расспросившему меня о надеждах и намерениях умершего. Мне удалось благодаря доверию ко мне царя провести в министры несколько лиц, кандидатуры которых были нами совместно с Распутиным уже намечены.

В последний дореволюционный год все министры назначались и увольнялись исключительно по моим с Распу-

тиным указаниям. При выборе кандидатов мы руководствовались двумя соображениями: насколько предполагаемый министр мог способствовать заключению мира с немцами и помочь нам при проведении еврейского равноправия.

Еще при жизни Распутина я наметил моего юридического советника Добровольского, состоящего в то время обер-прокурором сената, в министры юстиции. Он был плотный, по внешним признакам весьма ограниченный мужчина. Но при его помощи в сенате можно было многое сделать. Он очень любил деньги и за подарки услуживал. Поэтому для меня он был очень ценным. Вообще такими людьми Петербург был переполнен.

Я хотел провести Добровольского в министры юстиции, так как предполагал, что он в благодарность будет исполнять все мои желания. Но он был запутан в какую-то грязную историю и пользовался в высших кругах весьма неважной репутацией. Поэтому проведение его в министры стоило мне большого труда, и это назначение вызвало очень много толков в обществе и в газетах.

Назначение Добровольского состоялось после смерти Распутина, но только потому, что я его предложил царю. Я и понятия не имел, что он принадлежал к кружку старого двора. После я узнал, что он друг дома баронессы Розен. Там он часто встречался с мадам Рубинштейн. Они занимались спиритическими экспериментами. Между мадам Рубинштейн и Добровольским произошла ссора, благодаря которой они сделались большими врагами. Что он не будет помогать мне при освобождении Рубинштейна из второго ареста, было для меня ясно. К нашему разочарованию, он действовал против нас. Во время своей первой аудиенции он докладывал царю о необходимости вторичного ареста Рубинштейна, так как, по его мнению, на него падают очень сильные подозрения в военном шпионаже. Последствием этого было то, что безвольный царь отменил свое прежнее распоряжение о прекращении дела против Рубинштейна и согласился на его вторичный арест.

Таким поступком Добровольского мы были захвачены врасплох и не знали, что делать. Я отправился к Добровольскому и устроил ему крупную сцену. Я бранил его и объяснял ему, что он очень скоро вылетит из министерства. Я дал полную волю моей злобе и ударял даже кулаками по столу. Однако старая лисица, Добровольский старался инициативу приписать царю и вел себя довольно вызывающе. Но на открытый разрыв с нашей партией, то есть царицей и Вырубовой, у него все-таки не хватало мужества.

После разговора с Добровольским я немедленно отправился к царице и рассказал ей все случившееся. Она была в полном отчаянии, хваталась за голову и говорила мне:

— Симанович, что вы наделали.

Назначение одного из сторонников старого двора министром юстиции действительно могло иметь для царицы самые нежелательные последствия. Опять появилась угроза раскрытия операций по переводу царицей денег в Германию. Довольно долго продолжалось, пока царица пришла в себя. Она повторяла несколько раз:

— Вы нас всех погубили, Симанович, всех погубили...

Я упал перед ней на колени и сказал:

— Простите, Ваше Величество, но дело поправимо, нужно прогнать Добровольского.

Царица предложила мне немедленно отправиться к нашему общему доверенному, министру внутренних дел Протопопову, и спросить, что делать. Протопопов также был очень возмущен изменой Добровольского. Но его смещению препятствовало то обстоятельство, что царь был в убеждении, что Добровольский намечен в министры Распутиным. Сам же Добровольский великолепно знал, насколько царь считался с указаниями покойного, и поэтому усиливал свою враждебность к нам. Протопопов вызвал к телефону Добровольского и сильно его упрекал, но ничего не помогало. Добровольский оставался твердым и только старался формально вину свалить на Царя.

При таких обстоятельствах я решил прибегнуть к моему старому испытанному средству — взятке. Протопопов согласился, и мы решили мой план немедленно привести в исполнение.

На другой день я пошел вместе с мадам Рубинштейн в банк, где она получила сто тысяч рублей. Так как мне было известно, что любимая дочь Добровольского была только что помолвлена, то я взял с собой несколько драгоценностей. Добровольский не устоял против соблазна, получил от нас наличными деньгами сто тысяч рублей и драгоценности для свадебного подарка своей дочери и согласился прекратить судебное преследование против Рубинштейна.

Но он свое обещание не сдержал, и нам разрешили только перевести Рубинштейна из тюрьмы в санаторий, где он, во всяком случае, имел больше удобств. Потом наступила революция. Когда во главе Временного правительства стал Керенский, мадам Рубинштейн при посредстве дружественного к ней адвоката Зарудного добилась освобождения мужа.

ПЛАН ФИКТИВНОЙ РЕВОЛЮЦИИ

С 1916 года Распутин не скрывал, что он противник войны. Он постоянно высказывался за скорейшее заключение мира. Если ему говорили, что царь и слышать об этом не хочет, то он отвечал, что во всем виновата

«баба». Она бросила камень в воду, а теперь трудно его найти. Он подразумевал царицу-мать, которая пропагандировала русско-английское сближение. Распутину этот союз казался мало удачным. Он говорил мне, что существует только одна возможность вызвать мирные переговоры: революция. Только революция могла Россию освободить от обязанности перед своими союзниками. Политическое будущее России Распутину рисовалось в очень мрачных красках.

— Все министры жулики, — любил он говорить, — а дворянство кусается. У царя нет советников и он не видит выхода. Он изворачивается и не решается ни на мир, ни на войну. Может быть, нам удастся найти министров, которые будут за заключение мира и в его необходимости убедят также царя. Мама хочет мира, но все плачет. Ее сестра, Елизавета, увлекается войной, она хотя и немка, но восстанавливает всех против немцев. Она потребовала даже от царя моей высылки и заключения царицы в монастырь. Это она требовала по поручению московского дворянства. Царица прогнала ее, и царь посоветовал ей лучше вернуться в учрежденный ею монастырь. Хорошо, что она не может продолжать свои козни, иначе и я не был бы от нее в безопасности. Но теперь победа на нашей стороне.

Во время посещения Царского Села сестрой царицы Распутин был в сильном беспокойстве. Когда он полностью узнал ее намерения, он сильно взволновался, писал разные записки и клал их под свою подушку. На другой день он тогда казался уверенным в своей победе. В прописках великой княгини царь резко отказал, но положение перед тем было столь критическим, что я счел необходимым сжечь некоторые бумаги, которые в случае выступления против Распутина могли бы оказаться опасными. Касалось это главным образом поступивших к Распутину со всех концов России прошений, количеством превосходящих число прошений, получаемых даже царицей. При просмотре бумаг нам помогал епископ Исидор.

Пришлось установить, что пошатнувшееся доверие народа к царю выявлялось также в сильно уменьшившемся в последние годы перед революцией числе поступающих прошений на имя царя. Царица этим явлением была сильно обеспокоена. Она старалась, насколько это только было возможно, исполнять все поступающие просьбы. Мы старались это обстоятельство использовать для наших целей и советовали многим к нам обращавшимся подавать прошения царице, будучи уверены, что эти прошения будут удовлетворены.

Мирная пропаганда Распутина вызвала недовольство представителей союзников России. Французский посол Палеолог имел даже свидание с Распутиным, но ничего не до-

бился от хитрого мужика. Однажды через одну из поклонниц Распутина к нему обратилась одна английская художница с просьбой разрешить ей писать с него портрет. Он согласился, но работа подвигалась очень медленно. После истечения около полгода, Распутин выбросил художницу.

— Я знаю, чего ты от меня добиваешься, — сказал он, — но ты меня не перехитришь.

Оказалось, что эта художница старалась приблизиться к Распутину по поручению английского посла Бьюкенена, чтобы выследить Распутина.

После назначения Протопопова у Распутина появилась надежда на возможность окончания войны.

— Царь теперь имеет верного советника, — выражался он, — может быть, теперь нам удастся остановить бессмысленное кровопролитие.

Он устроил совещание, на котором кроме Протопопова присутствовали начальник петербургского гарнизона Хабалов, начальник политической охраны генерал Глобачев и начальник петербургской крепости генерал Никитин. К изумлению Распутина Протопопов привел с собою также своего сотрудника, генерала Курлова.

Распутин открыл совещание и заявил, что царь поручил ему посоветоваться по одному очень важному и строго секретному делу с безусловно верными людьми, и спросил, может ли он быть вполне уверенным в этом относительно всех присутствующих.

— Я вполне доверяю всем присутствующим, — ответил Протопопов.

— Но среди нас есть лицо, которому я не доверяю, — ответил Распутин, — если бы я знал, что ты назначишь его своим сотрудником, я не стал бы хлопотать о твоём назначении. Этот человек — Курлов. Я не стану в его присутствии говорить.

Курлов встал и удалился. Распутин продолжал:

— Он человек больной и все путает. Царь его не любит. Он подозревается в участии при покушении на Столыпина. К остальным генералам я питаю полное доверие. Теперь говори, Александр Димитриевич, что царь тебе приказал.

— Царь поручил мне, — заявил Протопопов, — устроить восстание.

— Почему как раз ты хочешь взять на себя это поручение? — спросил Распутин. — Ведь это больше дело генералов? Как ты хочешь это устроить?

— Я поручил вполне верному нам председателю «Союза русского народа». Дубровину доставить с Кавказа людей, на которых мы можем вполне надеяться. Это отчаянные головорезы, но безусловно нам преданные. Они подавят восстание в подходящий момент. Число го-

родовых будет также увеличено на 700 человек, и они будут обучены обращению с пулеметами.

— Ты не говорил генералу Хабалову, что он должен удалить из Петербурга солдат старых призывов и заменить их молодыми?

— В этом нет надобности, — ответил Протопопов.

— Это должно быть сделано, — настаивал Распутин и, обращаясь к генералу Хабалову, добавил: — Ты должен стянуть к Петербургу молодых солдат и старых офицеров. Царь должен как можно чаще их навещать и привлечь на свою сторону. Тогда устроим беспорядки. Солдаты нас защитят. После этого царь заключит мир.

— Каким путем ты учинишь беспорядки?

— Я вышлю на улицу моих людей с криками: «Давайте хлеба!» Это вызовет общее выступление, но солдаты без труда разгонят толпу. Мы сможем тогда нашим союзникам сказать: «Мы находимся перед революцией». Но я считаю, что нет необходимости вызывать в Петербург новые военные части. Мы можем вполне положиться на теперешний петербургский гарнизон.

Распутин утверждал, что царь уже получил от Вильгельма мирное предложение и обсуждал его с некоторыми доверенными лицами. Он собирается возобновить прежний торговый договор с Германией и признать самостоятельность Польши. Россия получает часть восточной Галиции, населенной православными русинами. Прибалтийские губернии должны отойти к Германии, но зато Россия получает свободный проход через Дарданеллы. Но царь заявил, что он не может приступить к заключению мира до тех пор, пока не произойдут беспорядки.

Агент члена Государственной Думы Пуришкевича Лапчинская сумела подслушать и записать этот разговор. План фиктивной революции стал известным в Петербурге. Протопопов приступил к подготовительным работам, но странным образом поручил их Курлову. Как раз в это время был убит Распутин, и план был оставлен.

ПОКУШЕНИЯ НА РАСПУТИНА

Мне было прекрасно известно, насколько Распутина ненавидели его враги, и об его безопасности я был в постоянном беспокойстве. Для меня было ясно, что неслыханное возвышение этого мужика должно повлечь за собой трагическую развязку.

Во время ночных попойек Распутина часто происходили всякие недоразумения и столкновения. Они всегда заканчивались гладко, но только благодаря мною уже заранее предпринятым мерам предосторожности. Для охраны Распутина была организована специальная служба, подчинен-

ная начальнику петербургского охранного отделения генералу Глобачеву. Дом, в котором жил Распутин, постоянно охранялся агентами полиции. При оставлении Распутиным квартиры его всегда сопровождали агенты охраны. О своих наблюдениях они составляли доклады, которые представлялись по начальству. Охрана Распутина была организована по образцу охраны членов царской фамилии. Для охраны отпускались значительные суммы денег. На охранную службу командировались исключительно опытные и надежные агенты. Я сам также старался Распутина не выпускать из виду. Мы встречались по несколько раз в день. Если он не находился во дворце или у Вырубовой, то я навещал его и по вечерам. Кроме того, мы часто беседовали по телефону. На Распутина постоянно устраивались покушения. Зачинщиком некоторых из них являлся монах Илиодор.

Однажды утром мы провожали Распутина с одной попойки в «Вилле Родэ» домой. На Каменноостровском проспекте были брошены несколько больших поленьев дров перед нашим автомобилем с целью вызвать катастрофу. К счастью, шофер обладал достаточным присутствием духа и свернул машину в сторону. При этом переехали одну крестьянку. Покушавшиеся бежали. Мы позвали находившегося поблизости городского, который нагнал и арестовал одного из покушавшихся крестьян. Стонавшую крестьянку мы доставили в больницу. Распутин успокаивал ее и дал ей денег. Но ранения ее были незначительны. Арестованный назвал всех своих сообщников. Все они были простыми крестьянами из Царицына, главной цитадели Илиодора. Он их подговорил к покушению, но они не намеревались лишить жизни старца, а лишь подшутить над ним.

Распутин отказался от судебного их преследования. Из Петербурга они были высланы на родину.

Второе покушение было произведено на Распутина незадолго перед началом великой войны. Распутин находился тогда в своем родном селе, Покровском.

Распутин ежегодно ездил летом на свою родину, и в тот раз его сопровождал журналист Давидсон. Впоследствии я узнал, что этот журналист будто бы знал о предполагавшемся покушении и собирался писать сенсационные статьи об убийстве Распутина. Спор между Распутиным и Илиодором достиг в то время наивысшего своего напряжения, и Илиодор задумал еще раз принять меры к насильственному устранению своего врага. К поклонницам Илиодора принадлежала Гусева, также знакомая Распутина, крестьянка с провалившимся носом. Она получила от Илиодора приказание убить Распутина. В село Покровское она явилась еще до приезда туда Распутина, часто посещала дом Распутина и не вызывала ни малейшего подозрения. Однажды Распу-

тин получил из Петербурга телеграмму. Он привык за доставку телеграмм давать чаевые. На этот раз телеграмма была вручена не ему, а одному из членов семьи.

Распутин спросил, не забыли ли дать на чай, и, получив отрицательный ответ, он поспешил за доставившим телеграмму. Гусева его поджидала и подошла к нему со словами: «Григорий Ефимович, подай Бога ради милостыньку».

Распутин начал искать в своем кошельке монету. В этот момент Гусева ударила Распутина в живот спрятанным перед тем под платком ножом. Так как на Распутине была одета лишь рубашка, то нож беспрепятственно вонзился глубоко в тело. Тяжело раненный, с распоротым животом, Распутин побежал к дому. Кишки выступали через рану, и он держал их руками. Гусева бежала за ним, намереваясь ударить его еще раз. Но Распутин был еще в силах подобрать полено и выбить им у Гусевой нож из рук. Гусеву окружили прибежавшие на крики люди и изрядно избили. Бесспорно, над ней был бы устроен самосуд, но Распутин попросил за нее. Рана оказалась очень опасной. Врачи считали чудом, что он остался живым. Он употреблял какие-то целебные травы и свое исцеление приписывал исключительно им.

В Петербурге многие были того мнения, что если бы Распутин был ко времени объявления войны в Петербурге, то ему удалось бы войну предотвратить. Зная Распутина и обстоятельства, я должен к этому мнению вполне примкнуть. Царь безусловно следовал его советам. Распутин уже в то время был противником всяких войн. Задерживаемый своим ранением в Покровском, он телеграфировал царю, во всяком случае, отказаться от войны. Но телеграмма не могла оказать на царя такое влияние, как его личное присутствие. Объявление войны привело Распутина в такое волнение, что его рана вновь раскрылась. Он послал царю вторую телеграмму, в которой еще раз умолял царя отказаться от войны, но было уже поздно.

Распутин рассказывал мне, что после сараевского убийства он неоднократно указывал царю, что не стоит начинать войну с Австрией из-за Сербии. По этому поводу он даже поссорился с царем.

— Ты родился несчастным царем, — взволнованный говорил он ему. — Народ еще не забыл ходынскую катастрофу при коронации и гибельную войну с Японией. Мы не можем начинать новую войну. Плати им сколько хочешь. Дай Австрии 400 миллионов, но только не войну. Война всех нас погубит.

Распутин не любил балканские страны. Во время своего посещения в 1913 году Петербурга болгарский царь Фердинанд навестил Распутина. Причиной этому послужил отказ Николая принять Фердинанда. Распутин исхло-

потал для него прием у царя. Но результаты не были удовлетворительны. Распутин рассказывал мне, что Фердинанд поехал домой с красным носом.

Фердинанд старался повлиять на Николая II указанием о возможности новой балканской войны. Распутин был уверен, что не существует военной опасности. «Пока я жив, я не допущу войны», — говорил он.

ЗАГОВОР ПРОТИВ РАСПУТИНА

Теперь я приступаю к описанию убийства Распутина во всех подробностях. Оно не произошло для меня неожиданно. Меня неоднократно предупреждали, и как раз в дни предшествующие убийству я принял тщательные меры предосторожности. Они, однако, не достигли благодаря несчастным случайностям своей цели. Первые слухи о предполагаемом убийстве были мне доставлены следующим образом. В то время в Петербурге существовало много клубов, в которых шла карточная игра. Во главе клубов обычно стояли высокопоставленные лица или люди с громкими именами. Они получали большие оклады, но не имели никакого влияния на дела клуба. Я был владельцем такого клуба под названием «Пожарный клуб», находился он в доме графини Игнатьевой на Марсовом Поле. С пожарным делом клуб ничего общего не имел. Он служил исключительно для карточной игры. Председателем правления состоял городской голова Пскова Томилин. В клубе на хороших условиях служили двое молодых людей. Один назывался Иваном, а другой Алексеем. Фамилии обоих я забыл.

Томилин был избран председателем «Национального клуба», который находился недалеко от моего клуба. Поэтому Томилин должен был нас оставить. Он пригласил с собою также обоих моих служителей. Я этому не противился, так как вследствие их новой службы мне предоставлялась возможность узнавать о происшествиях в новом клубе.

Для меня было весьма ценно быть осведомленным о том, что происходило в других клубах и общественных собраниях, и поэтому я всюду имел своих людей. Это было мне необходимо для успешного ведения дел моих многочисленных клиентов. Один из моих бывших служителей, Иван, явился однажды ко мне с сообщением о состоявшихся в «Национальном клубе» таинственных совещаниях, которые ему казались очень подозрительными. Подробностей он не мог мне сообщить, так как в той комнате, в которой состоялись совещания, прислуживал не он, а его коллега Алексей. Он только знал определенно, что на этих совещаниях много говорилось о Распутине.

— Слушай, Иван, вот тебе пятьсот рублей, передай их Алексею и попроси его от моего имени выяснить все под-

робности этих совещаний. Деньгами он может не скупиться. Я вас обоих хорошо вознагражу, если вам удастся выяснить, что подготавливается в клубе.

Иван и Алексей великолепно знали, что в таких делах я на награды не скупился. Через пару дней ко мне явился Алексей и рассказал, что ему удалось разузнать о совещаниях в их клубе. Он передал, что на совещаниях председательствовал известный антисемит, член Думы Пуришкевич¹, а участвовали великий князь Димитрий Павлович, граф Татищев, молодой князь Феликс Юсупов, бывший министр внутренних дел Хвостов, реакционный член Думы Шульгин и несколько молодых офицеров, фамилии последних Алексей не знал. Но он слышал, что это были великие князья. Все время на совещаниях много говорилось о Распутине. Иногда назывались также имена английского посла Бьюкенена, царя и царицы. Затевалось что-то таинственное и говорилось, что кого-то необходимо выставить.

Общее впечатление было, что против царя и Распутина затевался заговор, головой которого был Пуришкевич.

Сообщение Алексея заставило меня задуматься. В сопровождении его я немедленно отправился к Распутину. Я обещал Алексею еще большее вознаграждение, если ему удастся получить дальнейшие сведения, и поставил ему на вид возможность получить службу во дворце. Этим он был очень обрадован и обещал мне сделать все возможное.

Распутин выслушал сообщения Алексея с большим вниманием и был сильно возмущен заговором. Пуришкевича он всегда считал своим врагом. Но мы были уверены, что при помощи Алексея нам удастся обезвредить затеянный Пуришкевичем план. Алексей ежедневно являлся ко мне и доносил о дальнейших действиях заговорщиков. Он сообщал, что в совещаниях участвовало также много членов Государственной Думы, фамилии которых он не мог установить.

У меня всегда счастливо сложилось с моими сотрудниками. На этот раз особенно ценным для меня помощником оказался Евсей Бухштаб, который работал в одном из моих предприятий. Бухштаб был дружен с одним врачом по венерическим болезням, фамилию которого я не хочу называть. Я только ограничусь указанием, что он имел клинику на Невском проспекте. Пуришкевич в то время лечился сальварсаном. Я просил Бухштаба расспросить его друга-врача, что затевает Пуришкевич против Распутина. Мы полагали, что благодаря своей болтливости Пуришкевич не утерпит посвятить своего врача в планы заго-

¹ Подробно убийство Распутина В Пуришкевич описывает в своем «Дневнике», изд. «ORIENT», цена 2 лата Книга снабжена рядом редких фотографий

вора. Бухштаб посещал врача ежедневно и обещал ему большое вознаграждение, если ему удастся разузнать планы Пуришкевича. Врач согласился на наше предложение.

Однажды оба пришли ко мне в большом волнении. Они рассказали мне следующее.

После произведенного впрыскивания сальварсана Пуришкевич прилег. Врач разговаривал с ним и как будто совершенно случайно заговорил о Распутине и высказал мысль, что тот является большим несчастьем для России и что следовало бы его удалить. Пуришкевич ответил, что он может уверить его, что скоро Распутин не станет. Он собирается освободить русский народ от Распутина. Вся Государственная Дума, включая и председателя Родзянко, с ним согласна. Скоро уже царь не сможет помешать работе Думы, ее распуская. «Вы увидите, — закончил он, — что произойдет в ближайшие три дня».

Я очень благодарил врача за это сообщение и отправился в Царское Село. Там я имел разговор с сестрами Воскобойниковыми, находящимися в очень близких отношениях к царице. По моему мнению, было необходимо посвятить царскую чету в дело о заговоре Пуришкевича, и я просил сестер передать царю, что я считаю весьма полезным вызвать указанного врача в Царское Село и лично его расспросить о заговоре. Без сомнения, предполагался государственный переворот. Положение очень серьезное. Я посоветовал также допросить обоих служителей клуба, Ивана и Алексея. После этого я направился к Распутину и также рассказал ему все. У него были гости: придворная дама Никитина и Маня Головина. По-видимому, Распутин не хотел выдавать перед ними свое волнение и внешне казался спокойным.

Когда гости уехали, я сказал Распутину:

— Дело очень серьезное, и ты не должен терять времени. Поезжай немедленно к царице и расскажи ей, что затевается переворот. Заговорщики хотят убить тебя, а затем очередь будет за царем и царицей. Царь должен от тебя отказаться. Только этой жертвой можно остановить надвигающуюся революцию. Когда тебя не будет, все успокоится. Ты восстановил против себя дворянство и весь народ. Скажи папе и маме, чтобы они дали тебе один миллион английских фунтов, тогда мы сможем оба оставить Россию и переселиться в Палестину. Там мы сможем жить спокойно. Я также опасаюсь за мою жизнь. Ради тебя я приобрел много врагов. Но я хочу жить.

Не в первый раз я уже ему это говорил. Но я еще никогда не чувствовал опасность столь сильной и близкой. Для меня было ясно, что Распутин не мог дольше оставаться при царском дворе. Мои предупреждения не ос-

тались без результатов. Взволнованный Распутин ходил по комнате, потом он потребовал вина, и было видно, что он хочет привести себя к состоянию яснovidящего. Принесли вино и Распутин выпил сразу две бутылки мадеры.

— Сказанное тобою еще преждевременно. Я не скажу царю ничего из твоего разговора. Еще рано.

Он говорил очень скоро, его глаза блеснули.

— Дворянство против меня, — вдруг воскликнул он. — Но дворянство не имеет русской крови. Кровь дворянства смешанная. Дворянство хочет меня убить, потому что ему не нравится, что около русского трона стоит русский мужик. Но я им покажу, кто сильнее. Так скоро они меня не забудут. Я уйду только после заключения мира с Вильгельмом. До тех пор от меня не освободятся. Дворянство врет. Оно только ищет, как можно больше выжать из крестьянина. Но я пошлю моих мужиков домой с фронта, дворяне могут кусаться, сколько им угодно.

Наша беседа продолжалась еще долго. Мои старания заставить Распутина отказаться от своей роли при царском дворе остались безрезультатными.

ПРЕУВЕЛИЧЕННАЯ САМОУВЕРЕННОСТЬ РАСПУТИНА

Нам не пришлось долго ждать новых известий о предполагаемом заговоре. При моем следующем посещении Распутина я встретил там троих офицеров: обоих братьев князей Эристовых и жениха дочери Распутина, Марьи, Симеона Пхакадзе. Распутин любил армян и желал, чтобы его дочь вышла замуж за офицера-армянина. К Пхакадзе он был особенно расположен. Но потом оказалось, что он находился на службе «Русского национального клуба» и был помолвлен с дочерью Распутина лишь для того, чтобы легче проникнуть в дом Распутина и произвести покушение.

Братья Эристовы и Пхакадзе пришли к Распутину, чтобы пригласить его на попойку, которая должна была состояться в доме графа Толстого на Троицкой улице. Там он был встречен большим обществом, и было много выпито. Многие гости были совсем пьяными.

Вдруг Распутин заметил, что Пхакадзе вытащил свой револьвер и направил его на него. Пхакадзе предполагал, что Распутин ничего не замечает. Тогда Распутин повернулся к нему, пристально на него посмотрел и сказал:

— Ты хочешь меня убить, но твоя рука не повинуется.

Пхакадзе был ошеломлен и выстрелил себе в грудь. Среди гостей возникла паника. Одни окружили Пхакадзе и старались ему помочь, другие хотели успокоить Распу-

тина, но он, никого не слушая, повернулся, вышел, взяв свою шубу, и направился домой.

После прихода домой он немедленно вызвал меня к себе и рассказал о случившемся. При этом он не был не только подавлен, но находился даже в хорошем расположении духа. Он даже подпрыгивал, как он это делал, когда был в радостном настроении, и сказал мне:

— Ну, теперь опасность миновала. Покушение уже произведено. Пхакадзе, конечно, больше не жених моей дочери. Он поедет теперь домой.

Он был вполне уверен, что ему не грозит больше никакая опасность.

Я же был уверен, что заговорщики не успокоятся неудавшимся покушением. Опасность казалась мне еще больше. Я предполагал, что Пхакадзе, находившийся в отпуску в Петербурге, и отпуск получил только для производства покушения на Распутина.

Вернувшись домой, я узнал, что Распутин приглашен на чай к одному из великих князей. Это сообщение обеспокоило меня, и я счел нужным предупредить Распутина. Для меня было ясно, что необходима крайняя осторожность. Если в этом чаепитии участвовали великий князь Дмитрий Павлович или князь Феликс Юсупов, то для меня было ясно, что на Распутина опять что-то готовилось. Я опять поехал к нему, чтобы его лично предупредить.

— Будь осторожен, — воскликнул я, — чтобы они с тобой там не покончили.

— Что за глупости! — ответил он. — Я уже справился с одним убийцею и с такими мальчишками, как князь, я также справлюсь. Я поеду к ним, чтобы этим доказать перед царем мое превосходство над ними всеми!

— Но мы не можем допустить, чтобы ты пошел, — возразил я, — они тебя там убьют.

— Никто не может запретить мне ехать, — настаивал он. — Я только жду маленького, который за мной должен заехать, и мы поедем вместе.

— Кто же этот «маленький»? — спросил я с любопытством.

Я уже раньше слышал это прозвище, но Распутин не хотел его мне выдавать. Но он был возбужден и бегал по комнате.

— Григорий, ты должен быть готовым, — сказал я, — что тебя сегодня или завтра убьют. Лучше послушай моего совета и исчезни. Иначе для тебя нет спасения.

В этот момент раздался телефонный звонок, и Распутин пошел к телефону. Незнакомый женский голос спрашивал:

— Не можете ли вы мне сказать, когда состоится отпевание Григория Распутина?

— Тебя похоронят первой, — ответил злобно Распутин и повесил трубку.

— Видишь, тебя уже хоронят, — сказал я. — Слушайся меня. Брось свои фантазии. Ты мог бы их провести двести лет тому назад, но не теперь. Я не хочу больше с тобой спорить, а все скажу царю, царице и Вырубовой. Может быть, им удастся тебя научить.

— Слушай, — сказал Распутин, — я сегодня выпью двадцать бутылок мадеры, потом пойду в баню и затем лягу спать. Когда я засну, ко мне снизойдет божественное указание. Бог научит меня, что делать, и тогда уже никто мне не опасен. Ты же убирайся к черту!

Распутин велел принести ящик вина и начал пить. Каждые десять минут он выпивал по одной бутылке. Изрядно выпив, он отправился в баню, чтобы после возвращения, не промолвив ни слова, лечь спать. На другое утро я нашел его в том странном состоянии, которое на него находило в критические моменты его жизни. Перед ним находился большой кухонный таз с мадерой, который он выпивал в один прием. Я его спросил, чувствует ли он прибавление своей «силы».

— Моя сила победит, — ответил он, — а не твоя.

В этот момент вошла очень возбужденная Вырубова.

— Были ли здесь сестры из Красного Креста? — спросила она. Явно смутившийся Распутин прошептал мне:

— Говори, что сестры здесь были.

Оказалось, что царица и одна из ее дочерей в форме сестер Красного Креста навестили Распутина.

Они приходили просить Распутина без моего ведома не принимать никаких приглашений. Это было результатом моих предостережений.

После этого приезжали также епископ Исидор, придворная дама Никитина и другие лица, и все они умоляли Распутина не выезжать.

Я посвятил также министра внутренних дел Протопопова в мои заботы. Он находил эти тревоги беспочвенными, так как он не видел никакой опасности, советовал мне ехать домой и присовокупил:

— Я сам примусь за это дело. Царица приказала мне позаботиться о том, чтобы Распутин сегодня не уходил из дому. Все меры предприняты, и Распутин сам своим честным словом обещал мне сегодня не оставлять квартиру. Нет ни малейшего повода к беспокойству.

Протопопов говорил очень уверенно, и это меня несколько успокоило.

Я возвратился к Распутину.

В это время гости Распутина стали постепенно расходиться. Я же считал необходимым также принять

некоторые меры предосторожности. Я велел Распутину раздеться и запер в шкаф на ключ его платье, сапоги, шубу и шапку. На квартире Распутина остался секретарь митрополита Питирима Осипенко, который обещал мне следить за Распутиным. Кроме того, дом был окружен агентами охранной полиции, получившими распоряжение не выпускать Распутина.

Но Распутин сумел нас всех перехитрить. Он вышел к агентам охраны, дал им деньги и уговорил их уйти, так как, по его словам, он собирался спать. Они поверили ему и пошли в какой-то ресторан.

После этого к Распутину приезжал еще Протопопов, чтобы удостовериться в исполнении всех его распоряжений. Распутин уже находился в кровати. Он просил Протопопова распорядиться, чтобы Осипенко ушел, так как его присутствие излишне. Протопопов исполнил эту просьбу. Ушел также в то время у Распутина еще находившийся епископ Исидор. Протопопов оставался еще некоторое время. При прощании Распутин как-то таинственно сказал ему:

— Слушай, дорогой. Я сам господин своего слова. Я его дал, но я его могу и взять обратно.

Протопопов изумился этим словам, но объяснил их всегда несколько странным Распутинским оборотом речи и ушел.

УБИЙСТВО РАСПУТИНА

В полночь ко мне позвонил по телефону Распутин и сказал:

— Приехал маленький, я поеду с ним.

— Боже упаси, — воскликнул я испуганный. — Оставайся дома, иначе они тебя убьют.

Слово «маленький» приводило меня в ужас.

— Не беспокойся, — возразил Распутин. — Мы будем пить чай, и в два часа я позвоню к тебе.

Нечего было делать. Я не имел возможности удержать Распутина. Но о сне я и думать не мог и поэтому остался с моими сыновьями около телефона. Часы пробили два, потом три... Распутин не звонил. Я не был в состоянии подавить мое волнение и сказал моим детям:

— Помните мои слова, они убили Распутина.

Наконец я поехал с моим старшим сыном Семеном к Распутину и разбудил его племянниц и дочерей. Я им заявил прямо:

— Ваш отец убит, нужно искать его тело.

Девушки заплакали. Я спросил их, кто такой «маленький».

— Отец запретил нам это говорить, — ответили они.

— Он убил вашего отца, — воскликнул я.

— Это — Юсупов, — наконец призналась старшая дочь Марья.

Когда я услышал эту фамилию, я в отчаянии схватился за голову. Теперь мне стало ясно все. У меня уже не было сомнений, что Распутин сделался жертвой страшного заговора.

— Как же Юсупов с ним встретился? — удивленный, спросил я. — Ведь они были большие враги.

— Через Маню Головину, — к моему удивлению, ответила дочь Распутина.

Для меня это было непонятно. Головина была фанатической поклонницей Распутина, и я не мог себе представить, что она могла бы явиться участницей заговора.

Я отправился к Мане Головиной и не скрывал от нее мою тревогу.

— Григорий убит, — сказал я ей.

Но она мне не верила.

— Нет, вы ошибаетесь, — ответила она, — Григорий жив.

Я спросил ее, для какой цели она способствовала сближению Распутина и Юсупова. Для меня было ясно, что она и понятия не имела о заговоре. Она сообщила мне следующие подробности.

Родители Юсупова не были довольны своим сыном, и поэтому они послали его для образования в Англию. Только после убийства из-за какой то проститутки на дуэли его старшего брата ему было разрешено вернуться в Петербург.

Так как Феликс был гомосексуалистом, то родители пытались его вылечить с помощью Распутина. Лечение, которому подвергался Феликс, состояло в том, что Распутин укладывал его через порог комнаты, порол и гипнотизировал. Немного это помогло. Но Феликс поссорился с Распутиным, так как последний был против его брака с дочерью великого князя Александра Михайловича Ириной.

План женитьбы Юсупова на великой княжне Ирине имел целью влить несметные богатства князей Юсуповых во владения семьи Романовых.

Князья Юсуповы были татарского происхождения. Поэтому Распутин часто говорил, что в их жилах не течет русская кровь, и советовал Николаю не выдавать Ирину замуж за Феликса Юсупова, так как он вообще не мог быть мужем.

Молодой Юсупов узнал об этих выражениях Распутина и страшно возмутился. Произошло очень бурное столкновение, после которого они не встречались, пока их опять не помирила Маня Головина.

Царица была против женитьбы Феликса на Ирине, и после того, когда эта женитьба все же была решена, она долгое время не разговаривала с царем. Она присутствовала на венчании, но не разговаривала с Николаем.

Все эти подробности я узнал от Распутина, перед которым царская чета не имела секретов.

Я лично с князем Юсуповым познакомился при следующих обстоятельствах. Юсупов хотел купить для своей невесты подарок — жемчужное кольцо, которое было выставлено в окне ломбарда около Синего моста. Я требовал 12 000 рублей. Юсупов поехал туда со своим комиссионером Эйзенбергом и мною. Эйзенберг отличался красным цветом лица и имел искусственную ногу, вследствие чего бросался всем в глаза. Покупка не состоялась. Распутин был против моих деловых сношений с Юсуповым по причине своей враждебности к нему.

Феликс Юсупов, окончив военное училище, был произведен в офицеры. Но царь не хотел, вследствие его гомосексуальности, принять его в гвардию. Юсупов решил обратиться к Распутину в надежде, что царь не откажет Распутину в ходатайстве. Он обратился к Мане Головиной замолвить за него перед Распутиным доброе слово.

— Я добилась их примирения, — гордо заявила она. — Феликс пригласил сегодня Распутина к себе. Григорий обещал вылечить также княгиню Юсупову. Теперь они кутят и чествуют свое примирение. Убийство совершенно исключается.

Я знал, что княгини Юсуповой совсем не было в столице. Вне сомнения, Распутин был вовлечен в ловушку. Но Маня Головина уверяла, что Распутин, как обычно, после кутежа благополучно вернется домой.

Я поспешил к Протопопову, разбудил его и рассказал ему все.

— Но Распутин же дал мне свое честное слово, что он никуда не поедет, — удивился министр.

Я рассказал, каким способом он тайком ушел из дому. Протопопов обеспокоился, звонил по телефону и поднял на ноги всю полицию. Распутина искали по всему городу.

С епископом Исидором я направился в полицейский участок в районе дворца Юсуповых. Участковый пристав, с которым я был дружен, также разделял мое мнение, что Распутин убит. Ему уже доносили, что ночью из дворца Юсуповых были слышны выстрелы. С тех пор как стало известно о заговоре, квартира заговорщиков находилась под постоянным полицейским наблюдением. Городовой, находившийся ночью на этом посту у дворца Юсуповых, доносил, что ночью к нему подошел неизвестный, назвал-

ся членом Государственной Думы Пуришкевичем, передал ему пятьдесят рублей и заявил, что он убил Распутина.

— Я освободил Россию от этого чудовища. Он был другом германцев и хотел мира. Теперь мы можем продолжать войну. Ты также должен быть верным своему отечеству и молчать.

Городовой направился в участок, где обо всем и доложил. Пристав велел вызвать в участок кого-нибудь из слуг Юсуповых.

Вызванный слуга был бледен и сильно взволнован. Он заявил, что видел автомобиль, которым управлял великий князь Димитрий Павлович. В этом автомобиле сидели Юсупов и Распутин, а рядом с великим князем с нарочно измененным лицом Пуришкевич. Он им открывал двери и потом получил от Юсупова распоряжение удалиться. Дальнейшие подробности затем сообщила присутствовавшая при убийстве и тоже стрелявшая двоюродная сестра Юсупова.

Участниками заговора были великий князь Димитрий Павлович, оба сына великого князя Александра Михайловича, братья жены Юсупова, и Пуришкевич. Отец Юсупова и бывший министр внутренних дел Хвостов ожидали результатов убийства в другой части дворца. В убийстве Распутина принимала участие двоюродная сестра Юсупова танцовщица Вера Коралли. Один из шуринов Юсупова находился спрятанным за портьерами в передней. При входе Распутина он выстрелил в него и попал ему в глаз. В упавшего Распутина стреляли уже все, только Вера Коралли отказалась и кричала: «Я не хочу стрелять!»

Ее крик был услышан даже в соседних помещениях.

Заговорщики полагали, что Распутин уже мертв. Они одели на него его шубу, завернули его в дорожный плед и спрятали в подвал дома с намерением потом его удалить из дома.

Но Распутин был еще жив, хотя в него и было сделано одиннадцать выстрелов.

Он пришел в себя, выбрался из подвала, направился в окруженный высокой стеной сад и там искал выход из него. Он даже старался перелезть через стену, но это ему не удалось.

Собаки подняли сильный лай, который привлек внимание убийц. Они бросились и начали ловить Распутина. Последний, несмотря на свои раны отчаянно сопротивлялся. Наконец Димитрию Павловичу удалось поймать Распутина, и он был связан по рукам и ногам веревками. Впавшего в то время в обморочное состояние Распутина повезли в автомобиле в заранее выбранное место на скованной льдом Неве, близ Каменного острова. С деревян-

ного моста сбросили Распутина в воду, которая около моста была незамерзшей.

Было очень трудно найти то место, где тело Распутина было сброшено в воду. Но мой сын Семен нашел около моста галошу Распутина. Мы также заметили следы крови, которые вели к одной проруби. В полверсте от этого места на льду мы нашли тело Распутина. Оно было сильно занесено снегом. По-видимому, Распутин выбрался из воды и потащился по льду, и только благодаря сильному морозу он погиб; шуба на нем была продырявлена пулями в восьми местах. Его правая рука была развязана и приподнята, как бы для сотворения крестного знамения. Наверно, ему еще в автомобиле удалось освободиться от веревок, и в воду он был брошен живым.

Это произошло 17 декабря 1916 года.

ПОХОРОНЫ РАСПУТИНА

После нахождения тела Распутина туда явились Протопопов, начальник политической охраны Глобачев, начальник петербургского гарнизона генерал Хабалов, петербургский градоначальник Балк и полицеймейстер Галле. В их присутствии тело было перенесено в автомобиль.

Еще до нахождения тела Распутина я в восемь часов утра отправился во дворец Юсуповых. Епископ Исидор сопровождал меня. Молодой Юсупов немедленно вышел к нам, взволнованный и бледный.

— Что вы сделали с Распутиным? — спросил я его. — Были ли вы с ним у цыган?

— Я не знаю, — пробормотал он. — Мы вместе с ним кутили, но он остался у цыган.

Князь не осмеливался смотреть мне в глаза.

— Сообщите это царице, — ответил я. — Ее Величество очень беспокоится. Она хочет знать, что произошло с Распутиным.

Князь передал мне через несколько минут письмо, в котором говорилось, что ему ничего не известно о пребывании Распутина.

— Я ничего не знаю, — повторял молодой человек.

Тем временем я заметил на полу темные кровавые пятна.

— Чья это кровь на полу? — спросил я его.

Это его не озадачило. Он ответил мне совершенно спокойно, хотя и не глядел на меня:

— Мы застрелили нашу собаку, это не имеет никакого значения.

— Но чем объяснить то, что живущие по соседству модистки слышали несколько выстрелов и, кроме того, крик: «Не убивайте его»?

Эти сведения мною были получены от моих агентов, которым я поручил заняться выяснением обстоятельств убийства.

— Это были моя двоюродная сестра и госпожа Корали, — ответил с деланным спокойствием князь. — Они очень испугались, когда мы стреляли в собаку.

Ничего больше я не мог от него добиться.

Тело Распутина в дубовом гробу доставили в Чесменскую часовню, которая находилась по дороге из Петербурга в Царское Село. Скоро туда прибыли дочери и племянницы Распутина. Я с моими сыновьями также направился туда. Мы увидели в часовне притворявшуюся поклонницей Распутина, а в действительности бывшей агентом «Национального клуба», Акулину Лаптинскую. По приказанию царицы посторонним доступ в часовню был воспрещен. Дочери Распутина привезли с собой белье и платье. Тело омыли и одели. Епископ Исидор отслужил панихиду. Мы просили об этом митрополита Питирима, но он ответил, что убийство Распутина его слишком расстроило.

Император находился в ставке. Об убийстве Распутина ему было сообщено по телеграфу. Царь приказал разломать весь лед от Петербурга до Кронштадта.

Он поспешил вернуться в Петербург. Убийство Распутина повергло его в тяжелую грусть.

— Я погиб, — говорил он.

Все старались его успокоить, но ничто не могло отвлечь его от грустных мыслей. Он был уверен, что убийство Распутина повлечет за собой и его гибель.

Царица и ее дочери плакали все время. В дворцовой часовне постоянно совершались панихиды. Тело покойного было тайно доставлено в одну часовню в Царском Селе и там погребено. После погребения еще часто совершались службы, на которых присутствовала вся царская семья. Но на них могли присутствовать лишь лица, которые считались ближайшими друзьями царской четы.

На тайных похоронах все члены царской семьи помогали при перенесении гроба в склеп; даже маленький наследник, который держал прикрепленную к гробу черную шелковую ленту. Тело было набальзамировано, и над лицом покойного в крышке гроба помещено стекло. На груди покойного была помещена икона, на которой расписались все члены царской семьи. Один офицер, по фамилии Беляев, каким-то путем узнал об иконе с подписями членов царской семьи. Для него было ясно, что эта икона могла стать очень ценной для собирателей редкостей, и он решил икону похитить. Ему было трудно узнать место погребения Распутина. Для этой цели он прибег к хитрости. Он познакомился с дочерью Распутина Марьей и выдавал ей себя за

тайного поклонника ее отца; но осуществить свой план ему удалось лишь с началом революции. К склепу Распутина он привел толпу революционеров. Гроб Распутина вскрыли, и Беляев взял себе икону, а тело сожгли. Толпа была уверена, что Беляев действовал в интересах революции.

ЗАВЕЩАНИЕ РАСПУТИНА

После убийства Распутина царь продолжал оставаться в подавленном состоянии. Он потерял всю жизнеспособность. Только этим можно объяснить то, что он без особого противодействия подписал свое отречение. Еще до наступления революции царь был уверен в неизбежности катастрофы. Несомненно также, что решающую роль при этом сыграло предсказание Распутина, которое он незадолго до своей смерти в письменной форме передал царю. Оно имело громадное влияние на все действия царя во время переворота.

Предсказание Распутина, о котором идет речь, создавалось таким же путем, как создавались все его предсказания, и он очень им гордился. Весь день он находился в приподнятом настроении. Вечером он лег спать. На другой день он поручил мне вызвать к нему его любимца адвоката Аронсона. Он собирался писать свое завещание. Я изумился его намерениям, но исполнил его просьбу. Аронсон провел с нами весь вечер. Распутин написал следующее прощальное письмо:

«Дух Григория Ефимовича Распутина Новых из села Покровского.

Я пишу и оставляю это письмо в Петербурге. Я предчувствую, что еще до первого января я уйду из жизни. Я хочу русскому народу, папе, русской маме, детям и русской земле наказать, что им предпринять. Если меня убьют нанятые убийцы, русские крестьяне, мои братья, то тебе, русский царь, некого опасаться. Оставайся на твоём троне и царствуй. И ты, русский царь, не беспокойся о своих детях. Они еще сотни лет будут править Россией. Если же меня убьют бояре и дворяне и они прольют мою кровь, то их руки останутся замаранными моей кровью, и двадцать пять лет они не смогут отмыть свои руки. Они оставят Россию. Братья восстанут против братьев и будут убивать друг друга, и в течение двадцати пяти лет не будет в стране дворянства.

Русской земли царь, когда ты услышишь звон колоколов, сообщающий тебе о смерти Григория, то знай: если убийство совершили твои родственники, то ни один из твоей семьи, то есть детей и родных не проживет дольше двух лет. Их убьет русский народ. Я ухожу и чувствую в себе Божеское указание сказать русскому царю, как он

должен жить после моего исчезновения. Ты должен подумать, все учесть и осторожно действовать. Ты должен заботиться о твоём спасении и сказать твоим родным, что я им заплатил моей жизнью. Меня убьют. Я уже не в живых. Молись, молись. Будь сильным. Заботься о твоём избранном роде.

Григорий».

Это пророческое завещание я передал царице. Какое оно на нее оставило впечатление, я не знаю. Она никогда мне об этом не говорила. Она только просила меня не показывать его царю. Я передал его на хранение митрополиту Питириму¹.

Царь познакомился с завещанием только после смерти Распутина. Я думаю, что царица сама сказала ему о завещании. Царь опасался, что задуманный «Национальным клубом» заговор направлен не только против Распутина, но и против него. Отношение к нему его родни становилось все более угрожающим. После убийства Распутина Николай II считал себя в серьезной опасности. Он неоднократно совещался с представителями Департамента полиции. С тех пор он уже не имел ни к одному человеку на свете доверия.

Это делало его положение еще более безнадежным.

ПОСЛЕ СМЕРТИ РАСПУТИНА

Вскоре после погребения Распутина царь меня подробно расспрашивал о последних днях Распутина и об обстоятельствах его убийства. Особенно он интересовался дальнейшими планами заговорщиков. Я сообщил ему все, что знал сам. Я не скрыл также то, что Распутин согласен был сам исчезнуть, как только был бы заключен мир с Германией, и что он больше всего стремился к созданию такого кабинета министров, который не был бы против заключения мира.

Царь старался выяснить, не участвовал ли в заговоре кто-нибудь из министров или был посвящен в план убийства. Я сообщил, что министр юстиции Макаров и военный министр Шуваев если не поддерживали сношения с заговорщиками, то, во всяком случае, им был известен план убийства.

— Мне они ничего не сказали, — грустно промолвил царь. — Впрочем, Григорий не любил Макарова и хотел заменить его Добровольским.

На другой день Макаров и Шуваев были уволены.

¹ Отец митрополит Питирим, отец Окнов, по происхождению латыш и был священником в Кокенгузене.

В последующее время после этих событий я часто вызывался к царю. Он требовал все более подробных сведений об убийстве Распутина, о впечатлении, произведенном убийством в Петербурге, но особенно он интересовался мнением Распутина, высказанным в последние дни его жизни. Он старался исполнить его желания. Добровольский был назначен министром юстиции, а Беляев военным министром. Царь добросовестно исполнял все мои указания относительно назначения новых министров.

Я как-то сказал царю:

— Григорий не доверял Алексееву.

— Невозможно, — воскликнул царь, — кому же тогда он доверял?

— Генералу Гурко, — ответил я.

— Но я не могу уволить генерала Алексеева, — ответил царь, — ему известны все наши военные тайны, и я должен его терпеть.

Царская чета имела намерение квартиру Распутина превратить в часовню-музей. Царица вручила мне 12 000 рублей на устройство новой квартиры для дочерей Распутина. Я нанял для них квартиру на Коломенской, в доме № 13, хорошо обставленную и принадлежавшую какому-то поляку, за 25 000 рублей; я прибавил своих 3 000 рублей. Дочери Распутина на новой квартире почувствовали себя неважно и наконец заявили мне, что они не хотят тут оставаться. Тем временем царица отказалась от плана устраивать часовню и позволила девушкам вернуться на их старую квартиру. Она подарила им на новое обзаведение 50 000 рублей.

Когда Вырубова узнала, что для квартиры на Коломенской я добавил три тысячи рублей, то она мне их возместила.

Дочери Распутина ежедневно навещали царицу. Она старалась утешить девушек и заказала для них меховые пальто. Из бережливости она эти пальто купила в распродажку.

БОРЬБА ЗА МИНИСТЕРСКИЕ ПОРТФЕЛИ

Смерть Распутина вызвала во дворце настоящую панику. Теперь казалось, что единственным человеком, могущим устранить страшную опасность переворота, является только Протопопов.

Все мы были озабочены враждебным настроением Государственной Думы и считали необходимым принять действенные меры к успокоению народных представителей. Вырубова предложила добиться примирения между Протопоповым и председателем Думы Родзянко. Это предложение казалось приемлемым и легко осуществимым, и

Вырубовой удалось получить на него также согласие императора.

Однажды, когда Родзянко должен был быть у царя со своим очередным докладом, государь вызвал к себе также Протопопова. Председатель и министр встретились в царском кабинете. Царь упрекал Родзянко в том, что он воевал против Протопопова только потому, что последний сделался царским министром. Если Родзянко не хочет идти против царя, то он должен помириться с Протопоповым. Родзянко все же на предложение царя в знак примирения подать Протопопову руку от этого отказался. Николай был вне себя. Он вскочил, повернулся к Родзянко спиной и, не простившись, сказал Протопопову:

— Идем, Александр Димитриевич!

Час спустя Протопопов послал Родзянко свой вызов. Родзянко принял вызов. Протопопов сообщил мне по телефону все подробности бурной сцены в кабинете царя и о вызове Родзянко.

Непосредственно после приема Протопопова царь уехал в Ставку, чтобы, как думали, не присутствовать на открытии Думы.

Я старался убедить Протопопова отказаться от бессмысленной дуэли с Родзянко. Но он об этом и слышать не хотел. Я предложил, по крайней мере, уведомить царицу по телефону и во всем ей признался. Царица была поражена. Почти целый час они говорили по-английски. Протопопов мне передал, что царица была того мнения, что Протопопов поступил еще хуже, чем Родзянко, и что она не может допустить, чтобы Протопопов подставлял себя вражеской пуле.

Мы все боялись, что смерть Протопопова могла иметь наихудшие для всех нас последствия. Царица немедленно послала с курьером в Ставку очень взволнованное письмо царю. Николай телеграфно вызвал к себе Родзянко. Это послужило в Петербурге поводом к слухам, что царь вызвал Родзянко в Ставку, чтобы поручить ему составление ответственного перед Думой кабинета министров. Но в этих слухах не было ни слова правды.

Царь приказал Родзянко отказаться от дуэли с Протопоповым. Родзянко написал Протопопову письмо, в котором он соглашался на дуэль лишь в том случае, если Протопопов получит на это письменное разрешение царя.

Я был очень рад, что все закончилось столь благоприятно, и заказал для секундантов несколько безделушек в память о несостоявшейся дуэли.

Следовало бурное время постоянной смены министров. Был момент, когда казалось, что возьмет верх партия Родзянко. Штюрмера сменили Треповым. Он поставил царю

условие, что в будущем министры должны были назначаться не царем, а председателем Совета министров. Он вызвал к себе Протопопова, Добровольского, генерала Беляева и Раева и предложил им подать прошения об отставке. Протопопов возразил, что он назначен царем и подаст в отставку только по приказанию царя. Положение казалось мне очень серьезным. Главная опасность по моему мнению, была в том, что посмертное влияние Распутина начинало уменьшаться. Я же считал необходимым любой ценой его поддерживать и поэтому сказал Протопопову, что положение возможно спасти лишь новым оживлением влияния Распутина. Удивленный Протопопов не мог себе представить, как это сделать. Я изложил ему мой план, который он с воодушевлением принял. Распутин имел привычку записывать называемые нами имена кандидатов в министры на отдельных записках. Иногда эти записки снабжались также его замечаниями. Незадолго до своей смерти Распутин обсуждал со мной план составления такого кабинета, который соответствовал бы нашим требованиям. Положение было очень тяжелым, так как количество лиц, которым можно было вполне довериться, было весьма ограничено. Распутин никогда не намечал кандидата, заранее со мною не посоветовавшись. Непосредственно после смерти Распутина мое влияние было решающим. Царь верил, что только я один был посвящен в планы Распутина. Также Вырубова очень доверяла мне. Она не вмешивалась в политику и, зная, что я имею отношение к влиятельным петербургским кругам, была уверена, что я могу выбрать более подходящих кандидатов, чем она. Если у меня имелся надлежащий кандидат, то я всегда обращался за ее поддержкой и никогда не получал отказа.

В критическую минуту, когда мы уже начали терять почву под ногами, я вспомнил, что записки Распутина были мною потом спрятаны в надежном месте. Царь хорошо знал почерк Распутина, и поэтому я был уверен, что он не станет сомневаться в подлинности записок Распутина.

— Но где же эти записки? — спросил Протопопов.

Я рассказал ему, что после смерти Распутина все документы, письма и бумаги Распутина, в том числе и много писем царской четы, мною были из предосторожности изъяты из квартиры Распутина. Об этих предосторожностях я уже докладывал царю. Очень довольный царь меня долго хвалил. Часть бумаг я передал на хранение княгине Софии Тархановой, а остальные находились у митрополита Питирима.

Среди находившихся у княгини Тархановой бумаг записки не нашлись, и мы нашли их у митрополита Пити-

рима, с именами Добровольского, генерала Беляева и Раева. Все эти кандидаты были уже назначены. Но, наконец, мы также нашли новые имена, которые нам казались очень подходящими кандидатами.

Нашим кандидатом в министры-президенты был князь Голицын, старый и болезненный человек, но близкий друг Протопопова и очень милый человек. Содержанки Протопопова и Голицына были подругами, и когда Протопопов был назначен министром, то они решили добиться также для князя высокого назначения, чтобы одной подруге не остаться сзади другой. К нашей радости, мы нашли также фотографию Голицына с надписью Распутина «старик», то есть министр-президент. Мы были уверены, что царь обязательно исполнит это посмертное указание.

С этими документами в пользу Голицына мы отправились к Вырубовой. Мы уверили эту сердечную и доверчивую даму, что Распутин еще при жизни наметил следующий состав кабинета министров: князь Голицын — председатель, Кульчицкий — министр образования, Покровский — министр иностранных дел и Кригер-Войновский — министр путей сообщения. Покровский не знал ни одного иностранного языка, но все же Распутин его наметил министром иностранных дел, и мы вполне поддерживали эту кандидатуру.

Изумленная Вырубова передала наш список царице. Последняя была счастлива иметь составленный самим Распутиным список. Она послала его с курьером к царю в Ставку. Николай вызвал Протопопова, показал ему список Распутина и спросил его, знает ли он намеченных Распутиным лиц. Царь сам не имел понятия о них. Протопопов изобразил, что он записку видит впервые, но сказал, что намеченных лиц он всех знает и они являются наилучшими кандидатами.

Следствием этого было то, что уже на другой день Трепов должен был оставить должность министра-президента, которую он занимал не более недели. Совершенно неизвестный князь Голицын назначался министром-президентом. Его самого это изумило больше всего.

Протопопов был очень доволен. Но через несколько дней он меня очень неприятно изумил. Он рассказал, что министр юстиции Добровольский на первом же заседании кабинета предложил сослать меня в Сибирь, так как я мешаю работе министров и им не подходит быть зависимыми от меня.

Протопопов ответил, что обсуждение подобного рода предложений он не может допустить. Я являюсь причисленным ко дворцу, и царь выразил ему свое желание, что-

бы моя деятельность не нарушалась бы вмешательством полиции. Этим вопрос был исчерпан.

Вопреки установившемуся обычаю этот кабинет не представлялся царю. Князя Голицына царь не принял ни разу. Но все вновь назначенные министры последнего кабинета считали своею обязанностью представиться Вырубовой, так как в те времена было очень важно заручиться ее поддержкой.

БОРЬБА РАСПУТИНА С ВЕЛИКИМ КНЯЗЕМ

Хотя при дворе и царствовало благоприятствующее Распутину стремление к мистическим чудесам, все же Распутину не сразу удалось занять свое влиятельное положение. Для этого ему понадобилось целых пять лет. И только во второе пятилетие его влияние достигло наивысшей силы. К достижению своей цели он стремился с большой настойчивостью и упорством, пользовался для этого всеми имевшимися в его распоряжении средствами и умел великолепно использовать людей, которые сами хотели сделать его своим орудием.

Злоба царской родни против Распутина была вызвана не дружбой царя с сибирской бродягой, а главным образом тем, что рушились планы, намеченные некоторыми великими князьями. Как уже говорилось, приближение Распутина к царскому двору состоялось при благожелательном отношении черногогор, супруг великих князей Николая Николаевича и Петра Николаевича. Он был только одним из предсказателей, которыми в то время был переполнен царский дворец. По всей России шла погоня за подобного рода людьми, и члены царской семьи принимали самое живое участие в этой погоне за чудотворцами.

Великие княгини Анастасия и Милица допустили большую ошибку, приблизив Распутина к царскому дворцу. Он оказался сильнее и умнее своих предшественников и конкурентов, в которых в то время недостатка не ощущалось.

Несколько лет Распутин пользовался горячим участием обоих великих княгинь, но почувствовав, что для удержания своей власти он больше в них не нуждался, он от них отвернулся. К тому побудили его две причины. Разногласия между старым и молодым дворами становились все более явными, и великие князья открыто перешли на сторону вдовствующей императрицы. Поэтому Распутин считал нужным с ними расстаться. Кроме того, за это время сильно возросло его самосознание и он чувствовал, что он более не нуждается в посредниках с царской четой. Поддержка с их стороны стала излишней. Он сам был уже властелином.

Николай Николаевич, став злейшим врагом, повел против него отчаянную борьбу. Одним из опаснейших орудий борьбы являлось распространение гнусных слухов, бросающих тень на царскую семью. Но это средство оказалось безвредным. Безрезультатно кончались также покушения на Распутина. Даже неограниченные полномочия Главнокомандующего русскими армиям не помогли Николаю Николаевичу сломить власть Распутина.

. Власть Распутина все росла, и ему наконец удалось победить своего страшного врага.

Когда родственники царя убедились, что не в силах устранить всесильного Распутина, то всю свою злобу они направили против царской четы. Вдовствующая императрица всю свою жизнь мечтала о возведении на российский престол своего любимого сына Михаила.

Рождение наследника разбило эту мечту. Свою ненависть против царствующей императрицы царица-мать не скрывала. Разногласия между обеими увеличивались еще тем, что царица имела сильную волю и не разрешала командовать собой. Разочарованные в своей надежде командовать слабовольным императором, великие князья были возмущены самонением царицы и выражали свое недовольство в разных формах. Все это в высшей мере раздражало царицу и приводило ее в состояние разъяренной львицы, защищающей своего детеныша до последнего.

В борьбу с великим князем скоро были замешаны общественность, войска и, наконец, широкие массы народа.

Но не все великие князья приняли в ней участие. Двоюродные братья царя: Кирилл, Борис и Андрей, сыновья великого князя Владимира, оставались в стороне и не могли быть вовлечены в борьбу.

Не без основания утверждаю, что революция, повлекшая за собой отречение царя, была задумана сверху. Родственники царя в борьбе с Распутиным первые прибегли к употреблению оружия. Выстрелы Юсупова и великого князя Дмитрия Павловича попали не только в Распутина, но и в царскую чету. Недолго пришлось ждать, и борьба из дворцов вырвалась на улицу.

Надежда убийц Распутина его убийством устранить его влияние не оправдалась. После смерти Распутина его влияние продолжало расти. Объятый ореолом мученичества Распутин в глазах царя и царицы сделался действительно святым, и они всеми мерами старались и после его смерти следовать его указаниям.

Царица собирала все направленные ей и царю письма и записки Распутина, а также все его пометки и хранила их. После начала февральской революции, считая свое соображение в опасности, передала мне на хранение.

Убийство Распутина не привело борьбу великих князей против царской четы к концу, но еще ее ожесточила. Образовался настоящий заговор, во главе которого стал тесть Юсупова, великий князь Александр Михайлович. К нему присоединились все великие князья, за исключением ранее упомянутых трех сыновей великого князя Владимира.

Предполагалось объявить царя помешанным, царицу сослать в монастырь и до совершеннолетия наследника провозгласить Николая Николаевича регентом. Но этот план был скоро оставлен и заменен другим, по которому предполагалось на престол возвести царицу-мать, а наследником престола объявить Михаила.

Все эти планы обсуждались до того открыто, что политической охране не стоило никакого труда следить за ними. Частая переписка между великими князьями только подтверждала переговоры. Женщины, члены царской семьи, также принимали весьма деятельное участие, и они служили постоянной темой бесед в петербургских салонах.

Царь был хорошо осведомлен о затеянном против него заговоре, но не принимал никаких мер. Причиной тому было то, что в своем предсмертном письме Распутин просил царя оставить его убийц безнаказанными.

Воля Распутина была для царя священна. Он ограничился командированием великого князя Дмитрия Павловича на фронт и ссылкой Юсупова в его имение. Это только подбодрило великих князей в их деятельности. Царь почти ежедневно получал от своих родственников письма с угрозой низвержения с трона. Разрыв между царем и его родственниками стал явным, и он перестал их принимать.

Александр Михайлович однажды явился в Царское Село в сопровождении обоих своих сыновей, которые тоже участвовали в убийстве Распутина. Царица отказывалась его принять, но наконец согласилась на его настойчивые просьбы. Она в этот день чувствовала себя нездоровой и приняла его в своей спальне. Так как можно было ожидать со стороны великого князя некорректного поведения, то царь с двумя дочерьми остался в соседних апартаментах.

Когда Александр Михайлович начал говорить с царицей угрожающим тоном, в спальню явился царь с дочерьми. Он был совершенно спокоен и ко всему готовым. Великий князь пришел в сильное смущение и бормотал, что необходимо только уволить Протопопова и сменить весь состав кабинета.

В этот день я как раз приехал в Царское Село с дочерьми Распутина, которые должны были получить свои меховые пальто. Девушки вместе с младшими дочерьми царя, Марией и Анастасией, направились в комнаты, от-

веденные для великой княгини Елизаветы, я же пошел в находившийся во дворе Серафимовский лазарет. Скоро туда явилась страшно возбужденная Вырубова и рассказала мне о происшествии в царской спальне.

Я отвез домой сильно взволнованных дочерей Распутина и отправился к Протопопову. Он велел соединить себя по телефону с царским дворцом и беседовал приблизительно час с царицей на английском языке. Он настаивал на необходимости принять энергичные меры против Александра Михайловича, но не мог добиться на то согласия царицы. Был только отдан строгий приказ больше не принимать ни одного великого князя.

Распутин имел привычку ежедневно в десять часов утра по телефону разговаривать с Царским Селом. После его смерти Протопопов продолжал эти телефонные разговоры. Он старался во всем поступать по примеру Распутина. Но так как он не был осведомлен столь хорошо в действиях Распутина, как я, то он просил меня присутствовать на этих беседах, чтобы в случае надобности дать ему соответствующие указания.

Злоба великих князей к царю не угасла даже после его отречения. Царская семья и после этого оставалась совершенно одинокой. Только несколько лиц из ближайшего окружения остались до конца верными царской чете. Отречение царя первоначально казалось великим князьям для них благоприятным. Они думали тогда, что революционные настроения скоро улягутся и опять на престоле будет восстановлена династия Романовых. Только потом им пришлось признать, насколько они ошибались.

СОДЕРЖАНИЕ

И. КОВЫЛЬ-БОБЫЛЬ ВСЯ ПРАВДА О РАСПУТИНЕ	3
В.Н. ВОЕЙКОВ С ЦАРЕМ И БЕЗ ЦАРЯ Воспоминания последнего дворцового коменданта государя императора Николая II	71
Протопресвитер Георгий ШАВЕЛЬСКИЙ ВОСПОМИНАНИЯ последнего протопресвитера русской армии и флота	91
П.КОВАЛЕВСКИЙ ГРИШКА РАСПУТИН	119
ДЖОРДЖ БЬЮКЕНЕН МЕМУАРЫ ДИПЛОМАТА	145
МОРИС ПАЛЕОЛОГ ЦАРСКАЯ РОССИЯ НАКАНУНЕ РЕВОЛЮЦИИ	157
ПЬЕР ЖИЛЬЯР ИМПЕРАТОР НИКОЛАЙ II И ЕГО СЕМЬЯ	189
ТАТЬЯНА МЕЛЬНИК (рожденная БОТКИНА) ВОСПОМИНАНИЯ О ЦАРСКОЙ СЕМЬЕ И ЕЕ ЖИЗНИ	207
Н.А. ТЭФФИ (Надежда Александровна Лохвицкая) «РАСПУТИН» Воспоминания	219
Е.Ф. ДЖАНУМОВА МОИ ВСТРЕЧИ С РАСПУТИНЫМ	245
В.А. СУХОМЛИНОВ ВОСПОМИНАНИЯ	283
П.Н. МИЛЮКОВ ВОСПОМИНАНИЯ	295
П.Г. КУРЛОВ ГИБЕЛЬ ИМПЕРАТОРСКОЙ РОССИИ	309
А.Ф. КЕРЕНСКИЙ РОССИЯ НА ИСТОРИЧЕСКОМ ПОВОРОТЕ МЕМУАРЫ	323
И.В. ГЕССЕН БЕСЕДА С А.Н. ХВОСТОВЫМ В ФЕВРАЛЕ 1916 г.	339
АРОН СИМАНОВИЧ РАСПУТИН И ЕВРЕИ. Воспоминания личного секретаря Григория Распутина	351